

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

В.А. Космач

**ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР
(1979–1990 гг.)**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2023*

УДК 94(410)«1979/1990»
ББК 63.3(4Вел)6
К71

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.П. Машерова». Протокол № 8 от 28.06.2023.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 7 от 29.08.2023.

Автор: доктор исторических наук, профессор **В.А. Космач**

Р е ц е н з е н т ы :

заведующий кафедрой всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент *Т.Г. Хришкевич*; доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент *Н.В. Величко*

Космач, В.А.

К71 Великобритания Маргарет Тэтчер (1979–1990 гг.) : монография / В.А. Космач. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – 306 с.
ISBN 978-985-30-0054-2.

Монография посвящена политической биографии и психологическому портрету М. Тэтчер, внутренней и внешней политике ее трех правительственных консервативных кабинетов, а также анализу такого явления, как тэтчеризм. В основу издания положены «Автобиография» М. Тэтчер, книги и статьи известных российских и зарубежных авторов, некоторая англоязычная литература.

Рассчитана на преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высшей школы, всех, кто интересуется историей Великобритании и М. Тэтчер последней четверти XX века.

**УДК 94(410)«1979/1990»
ББК 63.3(4Вел)6**

ISBN 978-985-30-0054-2

© Космач В.А., 2023
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ПУТЬ К ВЛАСТИ (1925–1979)	7
1.1. Детство и юность. Дочь бакалейщика	7
1.2. Из Оксфорда в премьер-министры (путь в большую политику)	26
ГЛАВА II. У ВЛАСТИ: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОНСЕРВАТИВНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КАБИНЕТОВ М. ТЭТЧЕР В 1979–1990 гг.	49
2.1. Всеобщие парламентские выборы 3 мая 1979 г. и их итоги. Первый правительственный кабинет М. Тэтчер ...	49
2.2. Выборы 1983 г. Второй кабинет М. Тэтчер в 1983–1987 гг. (внутренняя политика и реформы)	74
2.3. Выборы 1987 г. Третий правительственный кабинет М. Тэтчер (1989–1990 гг.): внутренняя политика и реформы	83
2.4. Последние годы пребывания М. Тэтчер у власти. Уход в отставку	103
2.5. Основные направления внешней политики консервативных кабинетов М. Тэтчер (1979–1990 гг.)	147
2.5.1. Общие контуры тэтчеровской внешней политики	147
2.5.2. Фолклендский кризис и война с Аргентиной	148
2.5.3. Атлантический вектор. Сотрудничество Великобритании и США	181
2.5.4. Англо-советские отношения. Фактор «Тэтчер–Горбачев»	193
2.5.5. Великобритания в ЕЭС. Проблема строительства «новой Европы» и отстаивания национального суверенитета страны	210
2.6. Итоги. «Тэтчеризм: достижения и проблемы	228
ГЛАВА III. ЖЕНЩИНА, ИЗМЕНИВШАЯ БРИТАНИЮ И КОЕ-ЧТО В ЕВРОПЕ И МИРЕ	246
3.1. Жизнь после отставки (1990–2013 гг.)	246
3.2. Уход из жизни	264
3.3. Психологический портрет «железной леди». Чувство юмора и внешность	266
3.4. Говорит Маргарет Тэтчер. Знаменитые фразы, высказывания и оценки	276
3.5. М. Тэтчер: жизнь в фотографиях.....	287
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	302

ВВЕДЕНИЕ

В понедельник, 8 апреля 2013 г. стало известно, что баронесса **Маргарет Тэтчер** скончалась на 88-м году жизни после перенесенного инсульта. В последнее десятилетие она по совету врачей отдалась от политики: из-за ухудшающегося здоровья Тэтчер еще в 2002 году отказалась от участия в большинстве мероприятий и появлялась на публике крайне редко. О бывшем премьере в Британии, да и в остальном мире вспомнили лишь в 2011 году, когда вышел фильм «Железная леди», в котором Тэтчер блестяще сыграла **Мерил Стрип**, получившая за эту роль целый букет престижных наград, включая «Оскара». Но после того, как фильм сошел с экранов кинотеатров, о бывшем премьере быстро забыли.

9 апреля все до единой британские газеты вышли с материалами о Маргарет Тэтчер на первой полосе. Однако заголовки не повторялись, более того, если Daily Mail назвала бывшего премьера «женщиной, которая спасла Британию», то Daily Mirror охарактеризовала ее как «женщину, которая расколола страну». Особо отличилась маргинальная левацкая газета Socialist Worker: ее первую полосу украсил перепачканный кровью могильный камень с выбитым на нем именем экс-премьера. Заголовок, набранный огромными буквами, гласил: «Возрадуемся!»

В то время как за пределами Британии, в частности в России и на всем постсоветском пространстве, к Железной леди относятся как минимум с уважением, а чаще и с пиететом, в самом Соединенном Королевстве общественное мнение оказалось расколото. Это показала не только реакция газет, срочно печатавших заранее заготовленные некрологи, но и дебаты в парламенте, и сообщения в социальных сетях, и высказывания в пабах за кружкой пива. Для одних британцев Тэтчер – спасительница страны, вернувшая жизнь в дышавшую на ладан в конце 1970-х экономику и не позволившая слишком глубоко интегрировать Британию в Евросоюз. Для других она – разрушительница контракта между государством, бизнесом и обществом, защитница интересов капиталистов и враг трудового народа. Но что объединяет всех – это яркая выраженность мнения: и те, кто Маргарет Тэтчер любит, и те, кто ее ненавидит, делают это от всего сердца. Бывший премьер совершенно точно не оставила равнодушным никого из британцев¹.

Маргарет Тэтчер родилась в октябре 1925 г. в Грэнтеме, небольшом городке в восточной Англии. Ее детство прошло в религиозной общине, что объясняет консервативное мировоззрение будущего политика. В течение этих лет Соединенное Королевство оставалось одной из главных мировых держав с колониями по всему миру. К 1922 г. Британская империя властвовала над населением численностью около 458 млн чел., в нее входили 38 стран. Учитывая, что в детстве Маргарет Тэтчер ее страна была самой

¹ См.: Кокшаров А. Женщина, изменившая Британию // Эксперт. 2013. № 15. С. 70.

большой в мире, легче понять ее гордость и национализм. Во время Второй мировой войны Тэтчер изучала химию в Оксфорде, где она стала президентом студенческой ассоциации консерваторов в университете, навсегда связав свою жизнь с этой политической партией. В 1950-х гг. она дважды безуспешно баллотировалась в парламент и, наконец, в 1959 г. была избрана. Она получила пост в администрации Гарольда Макмиллана в период с 1961 по 1964 год. Следующее консервативное правительство во главе с Эдвардом Хитом в 1970 г. предоставило Тэтчер более важную должность министра образования.

Через год Тэтчер стала лидером консервативной партии. Она была первой женщиной, возглавившей западноевропейскую политическую партию в крупном государстве. Некоторые считали ее временной заменой, мостиком к новому лидеру, но Тэтчер укрепила свои позиции и выиграла следующие парламентские выборы в Соединенном Королевстве, став первой женщиной, исполняющей обязанности премьер-министра Великобритании.

Ее первый срок, с 1979 по 1983 г., пришелся на времена тяжелого экономического кризиса в стране. Война на Фолклендских островах стала важной вехой ее первого срока. На второй срок, с 1983 по 1987 год, оказала влияние серьезная конфронтация с правительством британских профсоюзов и их последующее поражение, что укрепило экономические реформы и решимость Тэтчер. За это время было проведено множество реформ, направленных на увеличение доли частной экономики и снижение роли государства. В поисках более либеральной экономической системы Тэтчер провела приватизацию государственных активов и установила прецедент, которому последовали во многих других странах мира. «Ирландский вопрос» и деятельность ИРА (Ирландской республиканской армии) были не менее важны во внутренней повестке дня, и в октябре 1984 года на Тэтчер было даже совершено покушение.

Третий срок, с 1987 по 1990 г., предусматривал больше реформ, особенно в сферах образования, налогообложения и здравоохранения. Конец холодной войны стал еще одной вехой на пути премьер-министра Великобритании. Ее жесткое поведение; довольно сильное личное лидерство и идеи о Европе привели к внутреннему восстанию в консервативной партии, в результате которого Тэтчер в ноябре 1990 г. сменил Джон Мейджор. После деятельности на посту премьер-министра она была членом парламента и сделала важный вклад в дела Боснии и Маастрихта, официально уйдя в отставку лишь в 2002 году.

Маргарет Тэтчер стала первым политиком «правой волны», положившим начало «консервативной революции» в мире, первой женщиной – политическим лидером и премьер-министром Великобритании, первым в XX в. британским политиком-консерватором, победившим три раза подряд (в 1979, 1983, 1987 гг.) на парламентских выборах. На протяжении полутора веков до нее это не удавалось никому, хотя затем это достижение повторил лейборист Т. Блэр. Она установила своеобразный рекорд пребывания на посту премьер-министра – 11 с половиной лет, что сравнимо с Рузвельтом и

де Голлем. Тэтчер – единственный в истории Англии премьер, получивший высшее образование в области естественных наук. Несколько десятилетий назад она была одним из самых влиятельных политических деятелей мира. Она стала единственным британским премьер-министром, имя которого превратилось в «изм» – тэтчеризмом назвали британскую разновидность неоконсерватизма, особый неолиберальный социально-экономический, державный курс, проводившийся правительством тори в 1980-х годах.

Упоминание имени Тэтчер вызывает у британцев сильные чувства, никого не оставляя равнодушным. Как и некоторые другие крупные деятели того времени, она пользуется огромной популярностью за пределами родины. В самой же Великобритании ее или ненавидят (таких большинство), или же превозносят, называя «величайшим лидером столетия» (журналист М. Доббс), «величайшим политиком» (адмирал сэра Дж. Вудвард), «одним из величайших премьер-министров, который когда-либо был и, возможно, когда-либо будет в Британии» (лорды Уэйкем, Первикский Лэмонт), «выдающейся фигурой последней четверти XX века» (премьер-министр Чехии В. Клаус), «гигантом среди современных мировых лидеров», «человеком убеждений, отваги и принципов» (бывший госсекретарь США А. Хейг), «выдающейся женщиной» и «личностью, на голову выше всех других лидеров на мировой сцене» (лорд Аберейвонский Хау), «непростым партнером» и «человеком, с которым можно иметь дело» (М.С. Горбачёв)². Вместе с тем, нельзя забывать о том, что Маргарет Тэтчер – это наиболее яркий и типичный представитель англо-саксонской элиты, веками и десятилетиями воевавший с Россией, СССР и современной Российской Федерацией с целью их ослабления и разрушения. И М. Тэтчер эту задачу исполняла хладнокровно и безжалостно. Именно она увидела в М.С. Горбачеве «своего человека». Чем это все обернулось, мы уже знаем.

О М. Тэтчер написаны сотни книг³. Сама «железная леди» также не молчала и написала две прекрасные книги о своих взглядах и о себе⁴. Она же – автор политических мемуаров «Годы на Даунинг-стрит»⁵. В 1995 г. вышла еще одна ее книга – «Путь к власти» – о детстве и юности в Грэнтеме, а также восхождении к политическим вершинам.

² См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 173.

³ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992; Замятин Л.М. Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках – Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер. М., 1995; Попов В.И. Маргарет Тэтчер: человек и политик. Взгляд российского дипломата. М., 2000; Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996; Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010; Перегудов С.П. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014; Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 2–3 и др.

⁴ См.: Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия меняющегося мира. М., 2003; Она же. Автобиография. М., 2014.

⁵ См.: Thatcher M. The Downing-Street Years, 1979–1999. New York: Harper Collins, 2010.

ГЛАВА I

ПУТЬ К ВЛАСТИ (1925–1979)

1.1. Детство и юность. Дочь бакалейщика

Маргарет Хилда Робертс (будущая «железная леди» Маргарет Тэтчер) родилась 13 октября 1925 г. в совсем небольшом провинциальном городке Грэнтем, примерно, в 170 км к северу от Лондона, в семье бакалейщика⁶. Все ее детские годы, как и старшей сестры Мюриел (родилась в 1921 г.), прошли в доме прямо над отцовской лавкой. Поэтому позже, в политических кругах Великобритании и за ее пределами, «железную леди» будут справедливо называть «дочерью бакалейщика».

Отец Маргарет, **Альфред Робертс** родился в 1892 году в многодетной семье и был одним из семи сыновей деревенского сапожника. Он очень быстро увлекся учебой, хотел стать школьным учителем, но учеба стоила дорого. Пришлось пойти работать и сменить множество «мелких работенок».

В 1913 году он стал первым приказчиком у некоего господина Клифффорда, бакалейщика и олдермена Грэнтема, то есть старшего советника муниципалитета. Альфред обучался там своему ремеслу и экономил пенни за пенни. Он любил рассказывать, что из 12 фунтов стерлингов, получаемых в месяц, десять тратил на питание, одежду и жилье, а два всегда откладывал, так что в 1917 году смог завести собственное дело и купить лавку на углу Саут-Перейд, на окраине городка, у дороги, ведущей в Ноттингем. Теперь он мог жениться и достойным образом содержать семью.

Свою суженую, **Беатрис Стефенсон**, Альфред Робертс встретил в церкви. Родилась она в 1888 году и по социальному положению была не выше его самого. Ее отец, как о том застенчиво пишет Маргарет Тэтчер в мемуарах, был «служащим на железной дороге». На самом деле он следил за туалетами на вокзале в Грантеме, если говорить на французский лад, был «дамой-пипи», только мужского пола. Заработок его был невелик, и Беатрис тоже приходилось зарабатывать на жизнь шитьем платьев из материала заказчиц. Но после свадьбы с этим было покончено, и она полностью посвятила себя работе в лавке и домашнему хозяйству.

Дела у семейства Робертсов шли неплохо. Лавка привлекала и случайных клиентов, и рабочих с соседней фабрики, и мелких местных буржуа. В 1919 году отец Маргарет купил еще один магазинчик по соседству. Правда, амбициозному Альфреду не хватало зажиточной публики, проживавшей в центре города, но в 1923 году он добился и этого, купив лавку на Хантингтауэр-стрит, напротив вокзала. В 1925 году товары Робертса были названы в «Грэнтемском альманахе» в списке лучших. Он стал рекламировать их в газетах, а в качестве слогана выбрал следующую фразу: «Если вы покупаете у Робертсов, то покупаете лучшее»⁷.

Позже, в своей «**Автобиографии**» М. Тэтчер напишет: «Согласно семейной истории, я была очень спокойным ребенком, во что моим политическим оппонентам, возможно, трудно поверить. Но родилась я в беспокойной семье.

⁶ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 174; Маргарет Тэтчер // О них говорят: 20 политических портретов. М., 1989. С. 31; Медведев Д.Л. Тэтчер: неизвестная Мэгги. М., 2009. С. 10.

⁷ См.: Тьеро Жан Луи. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 43–44.

Четыре поколения семьи Робертс были сапожниками в Нортэм-птоншире, в то время крупном центре обувной промышленности. Мой отец хотел стать учителем, но был вынужден бросить школу в 13 лет, поскольку его семья не могла обеспечить его дальнейшее обучение. Вместо этого он начал работать в Аунделе, одной из лучших частных школ. Годы спустя, когда я отвечала на вопросы в Палате общин, Эрик Хеффер, член парламента от лейбористов левого крыла и мой постоянный оппонент в прениях, попытался использовать свое рабочее происхождение, упомянув, что его отец был плотником в Аунделе. Он был сражен, когда я ответила ему, что мой отец работал там же в продуктовом магазине.

Отец сменил много мест, по большей части в торговле бакалеей, пока в 1913 году ему не предложили пост управляющего бакалейным магазином в Грэнтеме. Позднее он рассказывал, что из четырнадцати шиллингов, что ему платили в неделю, двенадцать он отдавал за квартиру и стол, один откладывал и лишь потом тратил оставшийся шиллинг. Год спустя разразилась Первая мировая война. Мой отец, глубоко патриотичный человек, пытался поступить на военную службу шесть раз, но каждый раз отвергался по медицинским показаниям. Его младший брат Эдвард был принят на службу и в 1917 году погиб в военных действиях при Салониках. Немногие британские семьи избежали такой же тяжелой утраты, и День Памяти после войны по всей стране соблюдался чрезвычайно строго.

Четыре года спустя после приезда в Грэнтем мой отец познакомился с моей матерью, Беатрис Этель Стивенсон. Произошло это в методистской церкви. Мама зарабатывала тем, что шила на заказ. Они поженились в той же церкви в мае 1917 года, и моя сестра Мюриел родилась в 1921 году.

Моя мать была так же бережлива, как и отец, и к 1919 году родители смогли купить в кредит свой собственный магазин на улице Норт Парэйд. Мы жили в квартире над магазином. В 1923 году отец открыл второй магазин на Хантингтауэр Роуд – напротив начальной школы, в которую я позже пошла учиться. 13 октября 1925 года я родилась в доме на Норт Парэйд.

В том же году отец еще больше расширил бизнес, заняв два соседних здания на Норт Парэйд. Наш магазин и дом располагались на оживленном перекрестке, и главная железнодорожная линия – Грэнтем был важным транспортным узлом – была всего в сотне ярдов от нас. Мы могли бы сверять часы по проносившемуся мимо «Летающему шотландцу». Я очень сожалела, что у нас не было сада. Лишь в конце Второй мировой войны отец купил дом с большим садом чуть дальше по Норт Парэйд, о котором наша семья мечтала несколько лет.

Жизнь «над магазином» не просто фраза. Те, кто так жил, знают, что это совершенно особое дело. Прежде всего ты всегда на службе. Люди могли постучать в дверь фактически в любое время дня и ночи или в выходной, если у них закончились бекон, сахар, масло или яйца. Все в семье знали, что мы живем на доход от покупателей, было бессмысленно жаловаться – и никто не жаловался. Заказы клиентов были превыше всего. Обычно обслуживали покупателей мой отец и его служащие – на Норт Парэйд их работало трое и еще один в магазине на Хантингтауэр Роуд, но иногда это делала моя мать, и тогда она брала с собой Мюриел и меня. Поэтому Мюриел и я знали многих людей из нашего города.

Конечно же, из-за магазина мы не могли позволить себе длинный семейный отпуск. Обычно мы ездили на местный морской курорт Скегнесс. Но отец и мать вынуждены были отдыхать порознь. Отец раз в год брал неделю отпуска, чтобы в Скегнесе принять участие в турнире по боулингу – его любимой игре. Живя над магазином, дети гораздо больше общаются со своими родителями, нежели в других

жизненных ситуациях. Я видела моего отца за завтраком, обедом, вечерним чаем и ужином. У нас было гораздо больше времени для общения, чем в других семьях, за что я всегда была благодарна моему родителю.

Отец был профессиональным бакалейщиком и всегда стремился поставлять товары наилучшего качества, и даже по самому магазину это было видно. За прилавком стояли три ряда ящиков со специями, сделанных из роскошного красного дерева и украшенных блестящими бронзовыми ручками, а над ними возвышались большие черные лакированные жестяные банки с чаем. Одним из заданий, которое я иногда выполняла, было отвешивать чай, сахар и печенье, доставая их из мешков и коробок, в которых они прибывали, в пакеты по 1 и 2 фунта. В прохладной задней комнате, которую мы называли «старая пекарня», висели куски бекона, из которых нужно было вырезать кости и затем порезать на тонкие кусочки. Чудесные ароматы специй, кофе и копченой ветчины разносились по всему дому.

Я родилась в доме практичном, серьезном и чрезвычайно религиозном. Отец и мать были оба стойкими методистами. Отец был востребован как непрофессиональный проповедник в Грэнтеме и его округе. Он был ярким оратором, чьи проповеди были интеллектуально насыщены. Но он был поражен, когда я спросила его, почему он говорит «проповедническим голосом» в таких случаях. Я не думаю, что он сам это осознавал. Это было бессознательное почитание библейского послания, и потому его речь совершенно отличалась от прозаических интонаций, используемых в деловых и бытовых ситуациях.

Наша жизнь вертелась вокруг методизма. По воскресеньям мы ходили на церковную службу в 11 утра, но перед этим я обычно посещала утреннюю воскресную школу. Занятия проводились и после полудня, и позднее. Примерно с 12 лет я играла на пианино, аккомпанируя гимны для маленьких детей. Тогда мои родители посещали еще и вечернюю воскресную службу.

Несколько раз, помню, я пыталась увильнуть от церкви. Но когда я сказала отцу, что мои друзья идут гулять на улицу вместо церкви и что я хотела бы пойти с ними, отец ответил: «Никогда не делай ничего просто потому, что другие это делают». Это было одним из любимых его выражений, которое я не раз слышала, когда изъявляла желание научиться танцевать или просто пойти в кино. Что бы я тогда ни чувствовала, эта фраза моего отца сослужила мне большую службу...

Мама прекрасно готовила и была очень организована. Дважды в неделю она пекла хлеб, кексы и пироги. Знаменитыми были испеченные ею хлеб и грэнтемские имбирные пряники. До войны по воскресеньям мы готовили жаркое, которое в понедельник подавалось как холодная закуска, а во вторник превращалось в тефтели. В войну, однако, воскресное жаркое превратилось в суп почти без мяса или макароны с сыром...

Одежда никогда не была для нас проблемой. Моя мать была профессиональной швеей и шила для нас почти все»⁸.

В квартире, пишет **Крис Огден**, где в 9 часов утра 13 октября 1925 года появилась на свет Маргарет Хилда Робертс не было не только горячей воды, но и вообще водопровода. Горячей водой мылись раз в неделю – ею наполняли кадку на задворках лавки. В каждой из двух спален квартиры имелся умывальник с тазом и кувшином. В ту пору, на которую пришлось детские годы Маргарет, в доме отсутствовали и другие удобства – туалет находился во дворе. В соловую ходили через спальню. Снаружи не было ни садика, ни лужайки. Места в доме не хватало, и

⁸ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 27–30.

потому детям не разрешали завести четвероногого друга. Дом Робертсов, как и весь Грантем, отличали простота, основательность, строгость⁹.

Родители будущего премьер-министра отличались исключительным трудолюбием и порядочностью. Они прожили в браке 43 года. Отец, Альфред Робертс, ставший в 1936 году самым молодым членом городского совета Грантема, был назначен уполномоченным по продовольствию и осуществлял надзор за рационализацией в городе продуктов питания. В разгар войны, в 1943 году, он стал мэром, и это еще больше вовлекло семейство Робертсов в деятельность во имя победы. Роль, которую довелось играть Алфу, волнующие речи Черчилля и рассказы Эдит начали превращать и без того патриотически настроенную Маргарет в законченную ура-патриотку¹⁰.

Альф внушал девочкам, что в свободные от занятий часы они должны стараться развивать себя. По четвергам, когда бакалейная лавка закрывалась раньше, чем в другие дни, отец брал их с собой на лекции о текущих делах, которые читались на вечерних курсах при университете. Если он задерживался, Маргарет должна была идти без него. Она записывала лекцию и пересказывала отцу. Каждую субботу она шла в библиотеку и брала домой книги: что-нибудь о текущих событиях или биографическое для отца, роман для матери и по крайней мере одну книгу для себя, зачастую Киплинга, ее любимого писателя. Всякий раз, как в Грантеме приезжала какая-нибудь известная личность, способная чему-то их научить, Робертсы были тут как тут.

Те викторианские добродетели, что станут служить Маргарет Тэтчер ориентиром в политической жизни, были взлелеяны в доме на Норт-Парейдроуд. «Мой отец держался убеждения, что жизнь – вещь серьезная. Нельзя сидеть без дела – таков был его главный девиз, – пояснила однажды Маргарет. – Жизнь он понимал как притчу о десяти талантах. Раз у вас есть способности, то зарывать их в землю – ужасный грех. Ваш долг – улучшать свою участь, прилагая максимум собственных усилий, соревнуясь с другими»¹¹.

Разговоры за обеденным столом превращались в мини-семинары: причины кризиса, правительство Стэнли Болдуина, возвышение Гитлера и Муссолини, ход военных действий. Маргарет, единственная во всей школе, знала, какие районы подвергают бомбардировке военно-воздушные силы Великобритании. Будучи спрошена, откуда это ей известно, Маргарет объяснила: «Всякий раз, когда по радио объявляют о налете наших бомбардировщиков, мы достаем атлас и отмечаем то место». Алф, похоже, знал все. «Однажды я спросила его: что такое «фидуциарная эмиссия»? Он знал. А «золотой стандарт»? Он знал», – вспоминала она. Он знал ответы на все ее вопросы. Она боготворила его¹². Альфреда Тэтчера «считали самым начитанным жителем Грантема»¹³.

Ее мать была сделана из другого теста, и Маргарет не очень много общалась с ней. Беатрис, положительная мать семейства образца 30-х годов, не гналась за образованием. Талантливая портниха, до замужества она была профессиональной швеей. Она сама обшивала девочек и учила их шитью и всякому рукоделию. Дважды в неделю, по четвергам и субботам, она выпекала разные сладости, и девочки разносили оставшиеся пироги, кексы и булочки престарелым, бедным или больным

⁹ См.: Огден Крис. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 39–40.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Там же. С. 44–45.

¹² Там же. С. 45.

¹³ Медведев Д.Л. Тэтчер: неизвестная Мэги. М., 2009. С. 11.

соседям. Обучала их Беатрис и другим полезным навыкам, необходимым в домашнем хозяйстве. Сорок лет спустя, будучи лидером консервативной партии, Маргарет все еще могла покрасить или оклеить обоями комнату – и даже получить от этого удовольствие.

Однако Маргарет никогда не была домоседкой. Она сизмальства не проявляла никакого интереса к стряпне, хлопотам по дому да и к обязанностям матери семейства тоже. У нее, как она понимала, было мало общего с Беатрис; она не столько стеснялась необразованности матери, сколько была разочарована отсутствием у нее интереса к самообразованию и к другим важным вещам, таким, как политика. Беатрис никогда не принимала участия в политических разговорах мужчин, собиравшихся по вечерам внизу, в лавке, где частенько засиживалась Маргарет, ловившая каждое слово. «Она, наверно, сидела наверху и что-нибудь шила для нас, – вспоминала ее дочь полвека спустя. – Делала домашние дела». Тэтчер охарактеризовала мать так: «Она была скорее Марфа, чем Мария», имея в виду двух сестер Лазаря, упомянутых в Новом завете (Евангелие от Луки, гл. 10, Евангелие от Иоанна, гл. 11). Марфа была заботливой хозяйкой дома, Мария – вдумчивой слушательницей.

«Я нежно любила мать, – призналась однажды Тэтчер, – но после того, как мне исполнилось пятнадцать лет, нам было больше нечего сказать друг другу». Со временем выяснилось, что Тэтчер не только нечего сказать матери, но и нечего сказать о ней. До 1975 года, когда она стала лидером консервативной партии, Тэтчер не включала в сведения для биографического справочника «Кто есть кто» ни Алфа, ни Беатрис. С 1976 года она начала сообщать о себе как о дочери Алфреда Робертса, чье влияние на себя она постоянно подчеркивает. Мать она упоминает редко и не включает ее имя в свои биографические данные¹⁴.

Отношения Маргарет с матерью (или отсутствие таковых) дали английским биографам Тэтчер повод для бесконечных домыслов. Один биограф даже пришел к выводу, что Маргарет ненавидела мать. По этой концепции выходило, что ее жесткость в качестве премьер-министра обусловлена столкновениями с матерью в раннем возрасте. Свидетельств, подтверждающих подобный вывод, не существует, но утверждения такого рода побудил-таки Мюриел, которая избегает говорить о своей сестре, высказаться на этот счет. «Спору нет, самое большое влияние оказывал отец, – пояснила она. – Он был главой семьи, а это в то время значило многое. Но моя мать не была у него в полном подчинении. Мать занималась домашними делами, отец – всем остальным. Хозяйство она вела отменно»¹⁵.

Пока девочки жили дома, в их жизни, помимо учебы в школе и работы в лавке, большое место занимала методистская церковь на Финкин-стриг, где Алф был проповедником-мирянином. Его приверженность методистской вере не оставалась за порогом церкви. Годами он держал на столике у изголовья постели «Подражание Христу» Фомы Кемпийского и пытался следовать строгим церковным принципам во всех областях своей жизни и деятельности. В бытность свою членом городского совета он настаивал на том, чтобы по воскресеньям парки, плавательный бассейн и теннисные корты Грэнтема были закрыты. Свои настойчивые требования он смягчил лишь под давлением общественности в годы второй мировой войны, когда другие члены совета убедили его в том, что даже если его собственной семье не требуется отдых, о нем мечтают многочисленные военнослужащие с соседней авиабазы.

¹⁴ См.: Огден Крис. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 45–46.

¹⁵ Там же. С. 46–47.

Воскресные дни семьи были посвящены непрерывной религиозной деятельности. К десяти часам девочки уже были в воскресной школе, в одиннадцать приходили вместе с родителями в церковь на богослужение, в половине третьего посещали дневные занятия в воскресной школе, где Маргарет играла на фортепьяно, а с шести часов стояли вечерню. Алф так строго блюл церковные предписания, что даже не позволял приносить в дом воскресные газеты. Единственной работой, которая разрешалась по воскресеньям, была подготовка и приведение в порядок счетов, так как в будни на эту бухгалтерию не хватало времени. Кино, карты, любые игры были в воскресенье под запретом¹⁶.

Мать Маргарет и Мюриел, **Беатрис Робертс**, умерла в 1960 г. Через пять лет Альфред Робертс женился вновь. С мачехой, **Сесиль Мириам**, Маргарет Тэтчер никаких отношений не поддерживала¹⁷.

Что касается родных сестёр, Мюриел и Маргарет, то девочки никогда не были близки, даже в раннем детстве. Их родители хотели, чтобы родился мальчик, а появились две девочки¹⁸. Мюриел пошла в мать; спокойная и замкнутая домоседка, она не была снедаема неодолимой страстью к самосовершенствованию. Ей суждено будет впоследствии выйти замуж за фермера, которому откажет Маргарет.

Маргарет, наоборот, пошла в отца, который души в ней не чаял и, почувствовав, что она наделена энергией и умом, исполнился решимости сформировать ее как личность. Пусть она получит хорошее образование, которое не дали получить ему, притом учиться она пойдет отнюдь не в англиканскую приходскую школу позади его бакалейной лавки. Нет уж, дочка Алфа Робертса не станет заниматься в англиканской школе! Поэтому в 1930 году Маргарет поступила в общеобразовательную школу графства в пригороде Хантинг-Тауэр, на удивление современную и хорошо оборудованную. Школа в Хантинг-Тауэр находилась за железной дорогой в миле пути от дома Робертсов, но это не стало препятствием ни для Алфа, ни для Маргарет. В любую погоду пятилетняя Маргарет Робертс совершала вместе со своей девятилетней сестрой длинный поход четыре раза в день: в перерыве приходилось возвращаться домой на обед¹⁹.

«Даже в пять лет она была сообразительной, прилежной и серьезной», – рассказывал **Джон Фостер**, сидевший за соседней партой. Учителя этой семиклассной школы тоже заметили это и перевели ее в следующий класс, где учились ребята на год старше. Другой малыш мог бы и растеряться от оказанной чести, но только не Маргарет, которой, похоже, была неведома детская неуверенность. Как безукоризненно дисциплинированной ученице, ей позволили сидеть на задней парте – к сильной досаде некоторых девочек, считавших ее благонаравие притворным. Она быстро приобрела репутацию всезнайки и постоянно поднимала руку, готовая ответить на любой вопрос. В старательности она не уступала взрослому и занималась усердно, не тратя времени попусту. Пяти лет Маргарет начали учить играть на фортепьяно. Добросовестно упражняясь, она в конце концов достигла таких успехов, что стала аккомпаниатором в церкви. Старшая сестра не могла угнаться за ней. «Она была на четыре года моложе, но всегда обгоняла меня учебника на три», – со вздохом признавалась Мюриел.

¹⁶ См.: Огден Крис. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 47.

¹⁷ См.: Викторов А. Дочь Бакалейщика // Биография. 2013. № 6. С. 124.

¹⁸ См.: Медведев Д.Л. Тэтчер: неизвестная Мэгги. М., 2009. С. 25.

¹⁹ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 43.

С малых лет Маргарет отличалась большой самоуверенностью. Девяти лет от роду она вышла победительницей на конкурсе чтения стихов Помощница директрисы Уинифред Райт поздравила ее:

– Тебе повезло, Маргарет.

– Почему же повезло? – отрезала Маргарет – Я победила заслуженно!»²⁰

Наследующий год Маргарет перевели из общеобразовательной школы в Хантинг-Тауэр в Кестевенскую частную школу для девочек, платное учебное заведение, готовившее выпускниц к поступлению в университет. Плата за обучение составляла примерно 65 долларов в год. Алфу она была вполне по карману, но он настоял на том, чтобы Мэгги держала экзамен на право получать стипендию на тот случай, если он умрет, и она будет нуждаться в финансовой помощи.

Училась она превосходно и закончила год первой в классе из тридцати двух учениц. Вообще за время учебы в Кестевенской школе она заканчивала каждый учебный год первой в классе и лишь последний закончила второй. Занималась она упорно, зубрила, но ей помогала исключительная способность сосредоточиться. Однажды после экзамена, во время которого разразилась сильная гроза, девочки принялись вспоминать, как яростно она бушевала. «Какая гроза?» – спросила Маргарет. По словам соклассниц, она часто говорила властным тоном, но сама Маргарет, похоже, этого не замечала. Она изо всех сил старалась ладить с подружками и, пообедав дома, всегда возвращалась в школу с каким-нибудь угощением для них²¹. Как пишет **Д.Л. Медведев**, в школе главным оружием Мэгги стали усидчивость, зубрежка и великолепная концентрация внимания²².

Отличалась она и в спорте. Одиннадцатилетняя Маргарет была самой младшей девочкой в кестевенской команде по хоккею на траве. Но удовольствие ей доставлял не столько процесс игры, сколько дух соперничества, азартное стремление к победе. Впоследствии, обнаружив, что политическая борьба не меньше волнует кровь, она полностью охладела к спорту. Несколько поездок с детьми и мужем на зимние лыжные курорты – не в счет.

Рано проснулся в ней и интерес к публичным выступлениям. «Она гораздо раньше своих школьных подружек научилась излагать свои мысли, верно выбирая слова», – свидетельствует **Маргарет Гудрич**, дружившая с нею с детства. Маргарет Робертс вступила в Кестевенский дискуссионный клуб и брала внеклассные уроки дикции и ораторского искусства. «Человек просто обязан говорить правильно», – сказала она отцу, обратясь к нему с просьбой об оплате уроков. Он согласился, но как только соученицы заметили ее новый выговор, они прозвали ее «задавакой Робертс»²³.

В школе Маргарет уважали, но не любили. Второе ее прозвище среди учениц – Мэгги Зубочистка. Трудолюбивая, дисциплинированная, но въедливая до занудства. Соученицам и преподавателям она запомнилась своей безупречной правильностью. Она не была какой-то выдающейся ученицей, но выделяла некоторых преподавателей, и те выделяли ее из общей массы. В особенности почитала она свою преподавательницу истории, мисс Офелию Хардинг, старую деву, преданную своим ученицам и своему делу; эта дама с блеском излагала историю формирования Соединенного Королевства и с восторгом повествовала о его расцвете и об

²⁰ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 43–44; Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 48.

²¹ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 49.

²² См.: Медведев Д.Л. Тэтчер: неизвестная Мэгги. М., 2009. С. 40.

²³ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 49–50.

апофеозе Империи. Пятнадцатилетняя ученица хорошо запомнила эти уроки: вчерашний день формирует день завтрашний; народы, не имеющие памяти, обречены на смерть. Какое предвидение у совсем юной девушки! В ее школьных дневниках можно прочесть записи преподавателей о том, что «ее уровень понимания и постижения материала выше среднего», что «идеи у нее ясные и логичные», а поведение соответствует поведению «прекрасной ученицы». Своим столь ранним развитием Маргарет обязана тому, что она постоянно пребывала в возбуждении от духовной связи с отцом. «Дети познают от родителей гораздо больше, чем от других источников жизненного опыта, – пишет она. – Я видела моих родителей за завтраком, во время ланча, за обедом. У нас было много времени, чтобы вести разговоры, и я очень им за это признательна». Для юной Маргарет обмен мнениями был всегда процессом захватывающим. Правда, ее отец презирал светские сплетни и не позволял вести за столом болтовню, которую так любят женщины. Он говорил только о прочитанных книгах и о проглатываемых им газетах, увлекался экономикой, историей, политикой и биографиями различных деятелей, выписывал ежедневную газету «Дейли ньюспейпер», несколько еженедельников и первый общественно-политический журнал «Пикчер пост», вышедший с 1938 года. Положение дел в стране и мире не имело для него тайн. Еженедельно **Альфред Робертс** брал в муниципальной библиотеке книги: две «серьезные» для себя и для Маргарет и один роман для жены. И всегда подчеркивал различие между «серьезным», полезным, подобающим почтенным и уважаемым людям, и «развлекательным», пригодным «лишь для гинекея» (так у древних греков называлась женская половина дома)²⁴.

С раннего детства, когда она начала исполнять роли в церковных постановках на библейские темы, Тэтчер увлекалась лицедейством. В Кестевенской школе она вступила в театральное общество и играла во многих спектаклях; ее пленял романтический ореол сцены (чего так не хватало ей дома), но больше всего она любила ощущать себя в центре действия, в фокусе внимания. Некоторое время она даже подумывала о том, чтобы стать актрисой, но потом отбросила эту мысль как совершенно непрактичную. Ей давно была понятна сила театральности при исполнении ролей. В качестве премьер-министра она не проявила себя ярким оратором, но не раз демонстрировала большое умение подать себя. Она тщательно вникает во все постановочные подробности: где должны быть точки съемки, что послужит задником, даже как выглядит стул, на котором ей предстоит сидеть, заменяя все, что найдет неподходящим. Она умеет тонко уловить нужный момент и обладает природным чувством сцены. На встречах она частенько манипулирует людьми наподобие режиссера, разводящего актеров в мизансцене.

В раннем детстве она даже свою игру на фортепьяно превращала в грандиозное театральное представление, сопровождая ее уморительной жестикуляцией. Она то низко опускала голову, чуть не кладя ее на клавиатуру, то резко откидывалась назад, то драматическим жестом закидывала руку за голову. Другие дети гримасничали и хихикали; эта соученица раздражала их своей серьезностью. Когда матери спрашивали у дочерей: «Почему вы не берете пример с Маргарет Робертс?» – девочки заливались смехом²⁵.

Появление в 1935 году первого радиоприемника было настоящим событием. Впервые в гостиную ворвался огромный мир. Политические деятели, чьи речи публиковались в газетах, стали гораздо ближе, как и события, происходившие в мире, где на горизонте уже сгушались тучи. Маргарет с волнением вспоминает, как все

²⁴ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 49.

²⁵ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 50–51.

семейство собиралось вокруг лампового приемника марки «Филипс», чтобы, несмотря на легкое потрескивание, послушать короля Георга VI, объявившего о вступлении Англии в войну, или раздраженного, ворчливого Черчилля, сулившего «кровь, пот и слезы». Робертсы слушали и классическую музыку, и радиоспектакли, а когда родителей не было дома, из радиоприемника доносились звуки легкой музыки, всякие танцевальные ритмы, которые наверняка не пришлись бы им по вкусу и встретили сопротивление их сурового и мрачного ригоризма.

Беатрис занималась воспитанием дочерей, обучала их игре на пианино, вышиванию, шитью, глажке белья, приготовлению пищи, ведению хозяйства. Несмотря на имевшуюся домработницу, будущие хозяйки и матери семейств должны были научиться все делать сами: печь хлеб, натирать мастикой полы, полировать мебель, менять постельное белье. Мэгги, похоже, стала «асом» по выпечке кексов и «королевой» приготовления ростбифа с семенами вереска. Стоит ли говорить о том, что уровень культуры миссис Робертс, увлеченной хозяйственными делами, был гораздо ниже уровня мужа. В одном из интервью ее дочь, ставшая депутатом парламента, чуть пренебрежительно высказалась о ней так: «Мама не принимала участия в домашних дискуссиях. Она чаще всего удалялась на кухню». Чуть позже она добавила: «После пятнадцати лет совместной жизни нам нечего было сказать друг другу. ...Но это не ее вина. Все время находясь дома, она была одержима домом». Короче говоря, образцовая девушка выбрала для себя совсем другой идеал²⁶.

В октябре 1939 года, когда Маргарет исполнилось четырнадцать лет и Грантем еще не подвергся массированным бомбардировкам, в помещении Кестевенской школы начали заниматься ученицы Камденской женской школы, эвакуированной из Лондона. Маргарет и ее соученицы учились в утреннюю смену, а девочки из Камденской школы – в вечернюю. После того как Грантем начали бомбить, учениц Камденской школы перевели в Аппингем. Во время одного налета бомба едва не разнесла здание школы. Немецкий бомбардировщик, уходя от огня зениток, снизился и при подлете к школе сбросил несколько фугасок, которые цепочкой легли на спортивную площадку; последняя из бомб взорвалась прямо перед стеной главного корпуса. В августе 1940 года, когда началась трехмесячная «Битва за Англию», Германия бросила около 1400 бомбардировщиков и 1000 «мессершмиттов» против менее чем 900 английских «спитфайров» и «харрикейнов». Победа английских военно-воздушных сил дала Черчиллю основание сказать: «Никогда еще в истории военных конфликтов столь многие не были стольким обязаны столь немногим». Блиц (массированные ночные налеты на Лондон), начавшийся в сентябре и продлившийся до весны 1941 года, унес жизни 30000 лондонцев, но Англия ни на миг не дрогнула²⁷.

Вступили в силу правила затемнения, жителям раздали противогазы. На школьном дворе появились два бомбоубежища; ученицы Кестевенской школы принялись за работу: проводили сбор средств, набивали мешки песком, помогали собирать урожай, смотрели учебно-пропагандистские фильмы. В доме Робертсов не было подвального этажа, поэтому при звуках сирен воздушной тревоги члены семейства залезали под обеденный стол. Прежде чем нырнуть под стол, Маргарет обычно хватала учебники и тетради. Алф читал все, что мог достать, о войне, Германии, державах оси «Берлин–Рим», государствах-союзниках, намерениях США и выкладывал то, что почерпнул, в застольных разговорах. Собравшись вокруг радио Робертсы и Эдит затаив дыхание внимали словам Черчилля.

²⁶ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 50.

²⁷ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 52.

Ошеломленные, потрясенные, слушали они в конце мая 1940 года сообщения об эвакуации под огнем из Дюнкерка, где на сотнях судов удалось вывезти из Франции 350000 солдат и офицеров – некоторые добирались до шлюпок по шею в воде, в то время как гитлеровская авиация бомбила и поли вала огнем из пулеметов эвакуировавшиеся войска. А 4 июня, в день завершения эвакуации, Маргарет с дрожью волнения слушала речь Черчилля, сплотившую его соотечественников. «Мы будем стоять до конца, – поклялся он. – Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах. Мы будем защищать наш остров любой ценой; мы будем сражаться на побережьях; мы будем сражаться на аэродромах; мы будем сражаться в полях и на улицах; мы будем сражаться в горах. Мы не сдадимся никогда». После того как через десять дней пал Париж, британцы стоически приготовились к худшему²⁸.

В своей «**Автобиографии**» **М. Тэтчер** напишет еще, что ее отец был **ротариинцем** – членом благотворительной организации под названием «Ротари-клуб». М. Тэтчер писала: «Он часто и красноречиво говорил на собраниях клуба, и мы имели возможность прочесть его речи на страницах местной газеты. Клуб «Ротари» был постоянно занят сбором средств в городе для разных благотворительных целей. Отец участвовал в такой деятельности не только через церковь, но и как член местного совета и как частное лицо. Одним из таких мероприятий, которые мне нравились, была Детская рождественская вечеринка, организуемая Лигой сострадания (сейчас Национальное общество защиты детей от жестокого обращения), целью которой было собрать деньги для детей, нуждающихся в помощи. Я приходила туда в одном из прекрасных вечерних платьев, сшитых моей матерью.

Помимо дома и церкви, центром моей жизни была, конечно же, школа. Здесь мне тоже повезло. Начальная школа «Хантингтауэр Роуд» обладала хорошей репутацией, и к моменту, когда я в нее поступила, я уже благодаря моим родителям умела читать несложные тексты. Даже когда я была очень мала, мне нравилось учиться. Как и у всех, я думаю, такие события мгновенно оживают у меня в памяти.

Я помню волнующий момент, когда меня, пятилетнюю, спросили, как читается «С-О-Л-Н-Ц-Е», и я ответила правильно, но подумала: «Они всегда дают мне сложные слова». Позднее, на уроке общеобразовательной подготовки, я впервые столкнулась с мистерией «пословиц». Я уже обладала логикой и некоторыми литературными познаниями – должно быть, я не сильно изменилась в этом отношении, – и я была сбита с толку метафорическим элементом такой фразы, как «Не зная броду, не суйся в воду». Я думала, что гораздо лучше было бы сказать: «Не зная перехода, не иди через дорогу» – чрезвычайно практичный совет, учитывая опасную дорогу, которую я должна была пересечь по пути в школу. И с триумфом я указывала на противоречие между этой пословицей и «Кто колеблется, тот проигрывает».

В выпускном классе начальной школы я впервые познакомилась с произведением Киплинга, умершего в январе 1936 года. Я была мгновенно околдована его поэмами и рассказами и попросила у родителей книгу Киплинга в подарок на Рождество. Его поэмы открывали ребенку огромный мир – на самом деле огромные миры – Империи, работы, английской истории и царства животных. Как и голливудские фильмы позже, Киплинг приоткрывал завесу в романтические дали за пределами Грэнтема. К тому моменту я читала, наверное, больше остальных моих одноклассников, несомненно, благодаря влиянию моего отца, и временами это становилось очевидным. Я до сих пор помню, как, написав сочинение о Киплинге,

²⁸ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 52–53.

я сгорала от возмущения – меня обвинили, что я списала слово «ностальгия» из какой-то книжки, тогда как я использовала его легко и естественно.

После школы «Хантингтауэр Роуд» я поступила в женскую школу «Кестивен и Грэнтем». Она находилась в другой части города, и, чтобы пообедать дома, что было дешевле обеда в школе, я в день должна была пройти четыре мили туда и обратно. Школьная форма была светло- и темно-синего цвета, и поэтому нас, школьниц, называли «девочки в голубом». (Учениц из Камденской женской школы, эвакуированной из Лондона в Грэнтем во время войны, называли «девочки в зеленом».) Директором школы была мисс Уильямс, маленькая, подтянутая женщина с седыми волосами, которая основала школу в 1910 году и ввела в обиход определенные традиции. Например, все девочки, пусть и академически одаренные, в течение четырех лет должны были изучать домоводство. Тихая власть этой женщины к тому моменту распространялась на все. Я обожала наряды, которые мисс Уильямс надевала на ежегодные школьные праздники или церемонии награждения, когда она появлялась в чрезвычайно элегантном костюме, сшитом из прекрасного шелка. Но она была очень практичной и советовала нам никогда не покупать шелк низкого качества, если на эти же деньги вы могли купить хлопчатобумажную ткань хорошего качества. «Никогда не обольщайтесь дешевой меховой шубой, гораздо лучше купить хорошо сшитое шерстяное пальто». Ее правилом было всегда стремиться к качеству, доступному в рамках собственного дохода.

Мои учителя были таковыми по призванию, и их все очень уважали. Школа была достаточно маленькой – примерно 350 учениц, – чтобы можно было знать всех учителей и друг друга. Девочки в основном были из семей среднего класса, но род занятий их родителей различался весьма существенно. Моя самая близкая подруга каждый день приходила из деревенского поселка в десяти милях от города, где ее отец работал строителем. Я иногда ходила в гости к ее семье. Ее родители не меньше, чем мои, стремились пополнить образование своей дочери и брали нас на прогулки по окрестностям, знакомя с названиями диких цветов и птиц, и учили нас различать птиц по голосам.

Учитель истории мисс Хардинг чрезвычайно любила свой предмет и привила и мне вкус к нему, но, к сожалению, я никогда до конца его не развила. Я обнаружила, что с абсолютной ясностью помню ее рассказ о битве в Дарданеллах, когда очень много лет спустя, уже будучи премьер-министром, я шла по полям трагических сражений Галлиполли.

Но главное педагогическое влияние на меня, несомненно, оказала мисс Кэй, учитель химии, в которой я решила специализироваться. Это не было необычным – во всяком случае, в женских школах, даже перед войной, – когда девочки всерьез интересовались наукой. Мой природный интерес к научному миру подстегивали сообщения о научных достижениях в сфере расщепления атома и разработки пластмассы. Было очевидно, что открывается совершенно новый научный мир. Я хотела быть его частью. Кроме того, поскольку я знала, что мне нужно будет самой зарабатывать себе на жизнь, мне казалось увлекательным работать в этой сфере.

Поскольку мой отец бросил школу в тринадцать лет, он был настроен сделать все, чтобы я смогла получить настоящее образование. Мы вместе ходили слушать лекции Ноттингемского университета на тему текущих международных событий, которые регулярно читались в Грэнтеме. После лекции наступало время задавать вопросы, и я и многие другие активно принимали в этом участие. Особенно отчетливо я помню вопросы местного представителя ВВС Великобритании, командира авиационного крыла Миллингтона, который на дополнительных выборах в конце

войны прошел в парламент от Челмсфорда как представитель партии левого крыла «Содружество», представлявшей средний класс и входившей в коалицию Черчилля.

Мои родители всегда следили за моими школьными успехами. Домашнее задание всегда должно было быть выполнено – даже если приходилось делать его воскресным вечером. Во время войны, когда девочки из Кэмденской школы были эвакуированы в Грэнтем и в школе ввели посменное обучение, мы должны были ходить на уроки и в выходные дни. Отец, самоучка и потому жадный до чтения человек, всегда обсуждал, что мы читали в школе. Однажды он обнаружил, что я не знакома с поэзией Уолта Уитмена; это было быстро исправлено, и Уитмен и по сей день остается моим любимым автором. Меня также поощряли к чтению классики – сестры Бронте, Джейн Остин и, конечно, Диккенс: «Повесть о двух городах» последнего, с его яркой политической изюминкой, понравилась мне больше всего. Мой отец был еще подписан на философский журнал Хибберта, но он мне казался слишком сложным.

Помимо дома, церкви и школы, в моей жизни был еще и сам Грэнтем. Мы чрезвычайно гордились нашим городом, знали его историю и традиции и были рады являться частью его жизни»²⁹.

После того, как в 1941 г. в знаменитый Оксфордский университет приняли ее подругу **Маргарет Гудрич**, шестнадцатилетняя Маргарет решила как только можно скорей последовать ее примеру. Директриса мисс Гиллис пыталась переубедить ее; ей казалось, что Маргарет слишком уж торопится. Подождите поступать годик-другой, посоветовала мисс Гиллис. Маргарет это взбесило. Выскочив из кабинета директрисы с пунцовым от гнева лицом, она заявила своей подруге Гудрич, что Гиллис «пытается помешать мне осуществить мою мечту». Ничего подобного у директрисы и в мыслях не было. Она признавала, что Маргарет Робертс – одна из лучших учениц Кестевенской школы, но считала, что ей следует поучиться еще какое-то время в средней школе, чтобы отшлифовать свои манеры и избавиться от школярской назидательности. Гиллис была убеждена в том, что Маргарет – чрезмерно честолюбивая, чрезмерно поощряемая в своем честолюбии отцом – слишком молода для поступления в университет. Все это так и было.

Но Маргарет приняла решение и взялась за подготовку. В Кестевенской школе не преподавали латынь, экзамен по которой требовалось сдавать при поступлении в Оксфорд, так что ей пришлось, занимаясь частным образом с репетитором, за год одолеть курс обучения латыни, рассчитанный на четыре года. В семнадцать лет она выдержала вступительные экзамены в Оксфорд и получила высшие оценки по латыни, что очень ее порадовало. Но радость радостью, а недоброе чувство к мисс Гиллис Маргарет затаила на долгие годы. В 1960 году, почти через двадцать лет, она, уже будучи членом парламента, приехала в Кестевенскую школу в качестве почетной гостьи на сбор бывших учениц. Мисс Гиллис, вышедшая на пенсию и постаревшая, обратилась к собравшимся с речью, в которой неправильно употребила какое-то латинское выражение. Следом на трибуну поднялась Тэтчер и подчеркнуто поправила свою старую директрису. Ее однокашницы были неприятно поражены. Вообще, при всех своих успехах она так и не сумела до конца преодолеть в себе эту черту – злопамятность³⁰.

Сдав латынь, Маргарет подала заявление о приеме в Самервилл-колледж, один из старейших женских колледжей Оксфорда, а заодно – в государственный Ноттин-

²⁹ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 39–41.

³⁰ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 56.

гемский университет и в Бедфорд колледж, женский колледж Лондонского университета. В оба последние, служившие подстраховочным вариантом, ее приняли, а вот Самервилл обернулся горьким разочарованием: ее внесли в список кандидатов, поставленных на очередь. Впервые она не получила того, чего добивалась.

Маргарет решила вернуться в Кестевенскую школу; делала она это с тяжелым сердцем: мисс Гиллис оказалась-таки права, она и впрямь брала на себя слишком много. Однако уже на шестой день после начала учебного года, сразу после того, как ее назначили старшим префектом – это высший знак почета в школе, – ее вызвала директриса. В Самервилле нашлось для нее место. Маргарет, недолго думая, собрала вещи и с двумя сумками поспешила на вокзал. Ей повезло. Постановлением военного времени, принятым ранее в том же году, предусматривалось, что только абитуриентам, не достигшим к 1 ноября восемнадцатилетнего возраста, предоставлено право на четырехлетнее обучение. Тем же, кому уже исполнилось восемнадцать, обучение предоставлялось только на двухгодичный срок. Маргарет, у которой день рождения был 13 октября, получала, благодаря тому что родилась за полмесяца до 1 ноября, право учиться полных четыре года³¹.

В своей «Автобиографии» **М. Тэтчер** вспоминала: «Мне было почти четырнадцать, когда началась война, и я уже знала достаточно, чтобы понимать ее причины и внимательно следить за важными событиями последующих шести лет. Мое понимание того, что происходило в тридцатые годы в политическом мире, было гораздо менее уверенным. Но определенные вещи я схватывала. Годы Депрессии – первой, но не последней экономической катастрофы, ставшей результатом ошибочной валютной политики – оказали влияние не столько на сам Грэнтем, сколько на окружающие его поселки, живущие сельским хозяйством, и, конечно, они сильно коснулись северных городов, зависевших от тяжелой промышленности. Многие заводы города продолжали работать – самым крупным был «Растон и Хорнсби», производивший локомотивы и паровые машины. Мы даже привлекли новые инвестиции, отчасти благодаря стараниям моего отца: Эвелинг-Бартфорд построил завод по производству паровых катков и тракторов. Наш семейный бизнес также был в безопасности: люди всегда хотят есть, и дела в магазине шли хорошо. Большие изменения коснулись тех, кто получал жалованье в офисе (и кого сегодня называют «белые воротнички»), и тех, кто его не получал и оказался в чрезвычайно шатком положении, ибо работу стало трудно найти. По дороге в школу я проходила мимо длинной очереди возле биржи труда, где люди искали работу или получали пособие по безработице. Нам повезло в том, что никто из наших близких друзей не потерял работу, но мы знали тех, кто без нее остался. Мы также видели – и я никогда об этом не забыла. – как опрятно были одеты дети безработных. Их родители шли на любые необходимые жертвы ради своих детей. Дух уверенности в себе и независимости был очень силен даже в самых бедных жителях городков Ист-Мидлендс, и, поскольку остальные тихо делились чем могли, городская община оставалась цельной. Оглядываясь назад, я осознаю, каким же достойным местом был Грэнтем.

В связи со всем этим я выросла без чувства разделения и конфликта между классами. Даже в годы Депрессии были вещи, которые связывали нас вместе. Монархия, конечно же, была одной из них. И моя семья, как и многие другие, чрезвычайно гордилась Империей. Мы верили, что она принесла закон, хорошее управление и порядок в страны, которые иначе никогда бы их не узнали. Я была роман-

³¹ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 56–57.

тически увлечена далекими странами и континентами и той пользой, что мы, британцы, могли им принести. Ребенком я с изумлением слушала методистского миссионера, описывавшего свою работу со столь примитивным племенем Центральной Америки, что у них не было письменности до того, как он ее для них создал. Позднее я серьезно подумывала о поступлении на государственную службу в Индии, поскольку мне Индийская империя представлялась одним из величайших достижений Британии. (При этом меня совершенно не интересовала государственная служба в Британии.) Но мой отец сказал, как оказалось, весьма проницательно, что к тому времени, когда я буду готова поступить в Индии на государственную службу, она уже, возможно, существовать не будет.

Что касается международной политики, я помню, когда я была еще очень мала, мои родители выражали беспокойство по поводу слабости Лиги наций и ее отказа прийти на помощь Абиссинии, когда Италия оккупировала ее в 1935 году. Мы испытывали глубокое недоверие к диктаторам.

Мы мало что знали об идеологии коммунизма и фашизма в то время. Но в отличие от многих консервативно мыслящих людей мой отец яростно возражал против того, что фашистский режим нужно поддерживать, поскольку это единственный способ победить коммунистов. Он верил, что свободное общество было лучшей альтернативой обоим режимам. Это его убеждение скоро стало и моим. Задолго до объявления войны мы уже имели представление о Гитлере. При показе кинохроники я с отвращением и непониманием смотрела на съезды напыщенных коричневорубашечников, так сильно отличавшихся от мирного самоуправления в нашем городе. Мы также много читали о варварстве и абсурдности нацистского режима.

Но это не означает, конечно, что мы смотрели на войну с диктаторами только как на ужасающую перспективу, которую по возможности нужно избежать. У нас на чердаке хранился целый сундук с журналами, где среди прочего была знаменитая фотография времен Первой мировой войны, запечатлевшая шеренгу британских солдат, ослепленных горчичным газом и идущих на перевязочный пункт, каждый из которых держался за плечо идущего впереди, чтобы не потерять дорогу. Надеясь на лучшее, мы готовились к худшему. В сентябре 1938 года – время Мюнхенского соглашения – мы с мамой пошли покупать многие метры черной ткани. Отец много времени отдавал организации противовоздушной маскировки. Как он позднее сказал, противовоздушная маскировка – это чистилище для Альфа Робертса: оно отнимает столько времени, что больше ни на что не остается.

Самый распространенный миф о тридцатых, должно быть, то, что это были скорее правые, чем левые (те, кто с энтузиазмом потворствовал политике умиротворения). Исходя не только из моего собственного опыта (я жила в политически активной семье правых), но и вспоминая о том, как лейбористы голосовали против воинского призыва даже после того, как немцы заняли Прагу, я никогда не могла в это поверить. Но важно помнить, что атмосфера того времени была столь пацифистской, что возможности практического политического решения были ограничены.

Масштаб проблемы стал явным во время парламентских выборов 1935 года – тогда, в возрасте десяти лет, я обрела свой первый политический опыт. Уже ясно, что я росла в чрезвычайно политической семье. И при всей серьезности чувства долга, что лежало в ее основе, политика была развлечением. Я была слишком мала, чтобы агитировать за моего отца во время выборов в совет, но меня приставили к работе – я складывала ярко-красные выборные листовки, восхваляющие достоинства кандидата от консерваторов сэра Виктора Уоррендера. Мои липкие пальцы окрасились в красный цвет, и кто-то сказал: «Вот помада леди Уоррендер». Я, без

сомнения, хотела снова увидеть сэра Виктора. В день выборов мне было поручено важное задание бегать взад и вперед между' комнатой, где заседали консерваторы, и избирательным участком (наша школа) с информацией о том, кто уже проголосовал. Наш кандидат победил большинством голосов, хотя преимущество уменьшилось с 16000 до 6000 голосов.

Я не понимала тогда споров о перевооружении и Лиге наций, но это были очень трудные выборы, проходившие в борьбе с оппозицией со стороны энтузиастов референдума и с Абиссинской войной на заднем плане. Позднее, в подростковые годы, я вела жаркие споры с другими консерваторами о том, был ли Болдуин виновен в том, что ввел электорат в заблуждение во время кампании, не рассказав об опасности, грозившей стране. На самом деле, если бы партия «Национальное правительство» не прошла на выборах, перевооружение не случилось бы быстрее, и очень вероятно, что лейбористы сделали бы еще меньше. Да и Лига наций никогда не смогла бы предотвратить войну.

У нас, как и у многих людей, были смешанные чувства по поводу Мюнхенского соглашения, подписанного в сентябре 1938 года. В то время было невозможно не быть на перепутье. К тому моменту мы многое знали о гитлеровском режиме и его возможных намерениях – нашей семье кое-что разъяснил тот факт, что Гитлер уничтожил клуб «Ротари» в Германии. Мой отец всегда воспринимал это как огромную дань чести, когда-либо оказанной ротарианцам. Диктаторы, как мы поняли, были способны мириться с «маленькими отрядами» Берка – добровольными организациями, помогающими существованию гражданского общества, – не больше, чем с личными правами человека, полагающимися ему по закону. Доктор Яух, немец по происхождению и, возможно, лучший врач в городе, получал массу информации из Германии, которой он делился с моим отцом, и тот, в свою очередь, обсуждал ее со мной.

Я уже достаточно знала о Гитлере. Вблизи нашего дома был магазин фиш-эйд-чипс, куда меня посылали покупать наш пятничный ужин. Очереди в магазине всегда были хорошим местом для дискуссий. Однажды темой разговора стал Гитлер. Кто-то сказал, что по меньшей мере он дал Германии некоторое самоуважение и заставил поезда ходить по расписанию. Я решительно возразила, к изумлению и несомненному недовольству старших. Хозяйка магазина рассмеялась и сказала: «О, она всегда спорит».

Моя семья ясно видела жестокое обращение Гитлера с евреями. В школе нас поощряли заводить зарубежных друзей по переписке. Моей подругой была французская девочка по имени Колетт; увы, я потеряла с ней связь. Но моя сестра Мюриел переписывалась с австрийской еврейской девочкой по имени Эдит. После аншлюса в марте 1938 года, когда Гитлер аннексировал Австрию, отец Эдит, банкир, написал моему отцу, прося нас позаботиться о его дочери, поскольку ему было ясно, как будут развиваться события. У нас не было ни времени, ни денег, чтобы самим взять на себя такую ответственность. Но отец добился поддержки грэнтемских ротарианцев, и Эдит приехала к нам и жила у каждой семьи по очереди, пока не уехала к своим родственникам в Южную Америку. Ей было семнадцать лет, она была высокая, красивая, хорошо одетая и прекрасно говорила по-английски. Она рассказала нам, каково жить еврею при антисемитском режиме. Одна фраза, что произнесла Эдит, запомнилась мне особо: евреи созданы, чтобы скрести мостовые.

Мы желали конца гитлеровским злодеяниям, даже если ради этого нужно было вступить в войну. С этой точки зрения Мюнхеном нельзя было гордиться. Мы знали также, что, подписав Мюнхенское соглашение, Британия стала соучастником

в нанесении огромного вреда Чехословакии. Пятьдесят лет спустя, когда я в качестве премьер-министра посетила Чехословакию, я обратилась к Федеральной ассамблее в Праге и сказала: «Мы подвели вас в 1938 году, когда разрушительная политика умиротворения позволила Гитлеру лишить вас независимости. Черчилль вскоре отрекся от Мюнхенского соглашения, но мы до сих пор вспоминаем об этом со стыдом». Внешняя политика Британии хуже всего, когда она участвует в разделе территорий других стран.

Но в то же время все мы понимали плачевное состояние и неподготовленность Британии и Франции к большой войне. Также, к сожалению, некоторые купились на немецкую пропаганду и действительно верили, что Гитлер защищает судетских немцев от притеснения чехами. К тому же, если бы мы вступили в войну в тот момент, нас бы не поддержали страны доминиона. Последующее расчленение Германии того, что осталось от Чехословакии в марте 1939 года, наконец убедило почти всех, что скорая война необходима для усмирения гитлеровских амбиций. Даже тогда, месяцем позже, лейбористы, как я упоминала, голосовали против военного призыва. В Грэнтеме антивоенные настроения тоже были сильны: многие методисты противились официальной призывной кампании в мае 1939 года, и вплоть до самой войны и даже после ее начала пацифисты проводили в городе свои митинги.

В любом случае война приближалась. 1 сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу. Когда Гитлер отказался вывести войска, согласно британскому ультиматуму, до 11 утра воскресенья 3 сентября, мы сидели возле радио в отчаянном ожидании новостей. Это было единственное воскресенье за все мое детство, когда мы не пошли в церковь. Роковые слова Невилла Чемберлена, переданные из его кабинета на Даунинг-стрит, 10, сообщили, что мы вступили в войну.

Было естественным в такое время задаваться вопросом, как такое могло случиться. Каждую неделю отец доставал из домашней библиотеки две книги: «серьезную» для себя (и меня) и роман для моей матери. В результате я читала книги, которые девочки моего возраста обычно не читают. Вскоре я уже знала, что мне нравится – что угодно о политике и международных делах. Я, например, прочла «Грядущую борьбу за власть» Джона Стрейчи, впервые изданную в 1932 году. Содержимое этого модного коммунистического исследования, предсказывавшего, что капитализм вскоре сменится социализмом, многим из моего поколения, казалось, волнующим и новым.

Но по природе и воспитанию я всегда была ревностным консерватором. Не важно, сколько «левокрылых» книг я прочла или сколько «левокрылых» комментариев услышала, я никогда не забывала, где разбит мой политический лагерь. Такое заявление, должно быть, немодно. Но хотя у меня были замечательные друзья в политике, сомневавшиеся в верности избранной позиции, и, хотя, конечно, у меня ушло много времени, чтобы осознать ту философскую подоплеку, на которой базировались мои взгляды, я всегда знала, на чем стою. Сейчас я понимаю, что была довольно необычной. Ведь в тридцатые и сороковые годы левые лидировали на политической арене, хотя во время правления Черчилля в годы войны это не бросалось в глаза. Это было понятно благодаря многочисленным книгам, опубликованным в то время. Левые преуспели в очернительстве правых, обвиняя их в политике умиротворения, особенно заметно это в серии «Книжный клуб левых» издательства «Виктор Голланц» – так называемых желтых книгах. Одна из них имела особое влияние: «Виновные» были написаны в соавторстве с Майклом Футом и изданы под псевдонимом Катон после событий в Дюнкерке в 1940 году.

Бестселлер «Пушки или масло?» Роберта Брюса Локхарта вышел в свет осенью 1938 года, после подписания Мюнхенского соглашения. Локхарт путешествовал по Европе и побывал в Австрии (уже захваченной нацистами) и в Германии в самый пик гитлеровского триумфа. Там, как сообщается в книге, редактор общенациональной немецкой газеты сказал ему, что «Германия хочет мира, но хочет его на своих условиях». В конце книги Локхарт, разбуженный «топотом двух тысяч ног, шагающих в унисон», смотрит в окно на туманный рассвет, где «нацистская Германия уже приступает к работе».

Более оригинальной вариацией на ту же тему была «Ярмарка безумия» Дугласа Рида. Она произвела на меня сильное впечатление. Рид рассказывал о преследованиях евреев, которые сопровождали растущее влияние нацистов. Он описывал характер и менталитет – одновременно извращенный, расшатанный и расчетливый – нацистских лидеров. Он анализировал и гневно осуждал британскую и французскую политику умиротворения, которая вымостила Гитлеру дорогу к успеху. Написанная в преддверии австрийской аннексии, книга была поистине пророческой.

Книгу «Из ночи» Яна Вальтина (псевдоним немецкого коммуниста Рихарда Кребса) принес моему отцу будущий член парламента Дэнис Кэнделл. Это был такой крепкий орешек, что отец запретил мне его читать, но, когда он уходил на собрания, я доставала книгу и читала леденящий отчет о тоталитаризме в действии. Книга была полна сцен садистского насилия, чья достоверность делала их еще более страшными. Ужасающее обращение нацистов со своими жертвами, несомненно, было самой сильной темой, но была еще одна, не менее значительная. Книга описывала, как коммунисты в конце двадцатых и начале тридцатых годов вступили с нацистами в циничный сговор, чтобы разрушить хрупкую демократию Германии. Такой же сговор против демократии, конечно, повторился в Германосоветском пакте 1939–1941 гг., который разрушил Польшу, Балтийские страны и Финляндию и ввергнул весь мир в войну. Книга, безусловно, способствовала моей растущей вере в то, что нацизм (национальный социализм) и коммунизм (международный социализм) были двумя сторонами одной медали.

Книгой, оказавшей на меня особое влияние, стало изданное в 1944 году «Время величия» американского автора Герберта Агара. Это было убедительное исследование того, как моральное падение Запада позволило возвыситься Гитлеру и спровоцировало войну. Книга призывала вернуться к либеральным демократическим ценностям Запада и – хотя это мне нравилось меньше – содержала изрядный объем социальной инженерии с позиции левых. Для меня важной в книге Агара стала идея, что битва против Гитлера имеет судьбоносное значение для человечества и что это превышает столкновения национальных интересов или сфер влияния, или доступа к ресурсам, или любых других – хоть и важных – элементов политической власти.

Агар также писал о необходимости, в качестве морального возрождения, которое станет результатом войны, решить то, что он называл «проблемой негров». Я никогда раньше не слышала о такой проблеме. Хотя я видела нескольких цветных людей во время моего визита в Лондон, в Грэнтеме их практически не было. Наши друзья однажды пригласили на чай двух базировавшихся в Грэнтеме американских военных – один был черным, другой белым, и были изумлены, обнаружив их напряженное и даже враждебное отношение друг к другу. Мы были точно так же удивлены, когда наши друзья нам об этом рассказали. Такого рода предубеждения были просто за пределами нашего опыта и воображения.

Как многие девочки военного времени, я прочла книгу Барбары Картленд «Рональд Картленд», биографию ее брата, молодого идеалистичного члена парламента от консерваторов, от начала до конца боровшегося против политики умиротворения и погибшего в Дюнкерке в 1940 году. Это было выдающееся завещание того, кто не сомневался, что война была не только необходима, но праведна, и кто всю свою короткую жизнь был столь цельным – качество, которым я всегда восторгалась. Но ощущение того, что война и сопровождающие ее страх и страдания – или, в случае нашей семьи, материальные трудности и убытки – полны морального значения, было, должно быть, лучше всего передано в книге Ричарда Хиллари «Последний враг». Автор, молодой летчик, описывает борьбу, унесшую жизни столь многих его друзей и годом спустя унесшую и его собственную, как борьбу, идущую и в человеческом сердце. Это, говоря попросту, была борьба за лучшую жизнь.

Поколение тех, кто в отличие от Ричарда Хиллари пережил войну, чувствовало это желание навести порядок в самих себе, своей стране и в мире. Как я позднее узнала из общения с моими старшими политическими коллегами, никто из тех, кто сражался на фронте, не вернулся с войны точно таким же человеком, каким ушел. Не так очевидно, возможно, что война глубоко повлияла и на таких людей, как я, – достаточно взрослых, чтобы понять, что происходит, но не участвующих в событиях непосредственно. Но мы все видели эти огромные бедствия по-разному, и их влияние на нас было разным. Мне никогда не казалось, например, очевидным в отличие от других, что «урок» войны состоял в том, что государство должно занять ведущую позицию в нашей общественной жизни и выражать дух коллективных стремлений не только во время войны, но и в мирное время.

«Уроки», которые вынесла я, были другими. Первое – то, что та жизнь, которую жители Грэнтема вели до войны, была достойной и цельной и ее ценности были сформированы скорее обществом, нежели правительством. Второе, если даже такая культурная, развитая христианская страна, как Германия, попала под влияние Гитлера, значит, цивилизацию нужно постоянно воспитывать, то есть хорошие люди должны защищать то, во что они верят. Третье, я пришла к очевидному политическому выводу, что именно потакание диктаторам привело к войне и что оно выросло из ошибочных, хотя и хороших побуждений, как, например, пацифизм методистов в Грэнтеме, наряду с побуждениями безнравственными. И наконец, у меня была патриотическая убежденность, что благодаря пламенным речам нашего лидера Уинстона Черчилля, которые мы слушали по радио, не было почти ничего, что британцы не могли бы сделать.

Наша жизнь в Грэнтеме во время войны – вплоть до 1943 года, когда я уехала в Оксфорд, – была, должно быть, очень похожа на жизнь бесчисленных других семей. Добровольцами мы работали в военных столовых или где-нибудь еще. Все наши мысли были о фронте, мы ненасытно накидывались на любые новости, и мы сами, хоть и благодарные за пребывание более или менее в безопасности, знали, что мы не имеем первостепенного значения. Но немцы совершили на город двадцать один воздушный налет, и были убиты семьдесят восемь горожан. Городской завод по производству боеприпасов – Британская производственно-исследовательская компания – был очевидной мишенью, так же, как и пересечение Большой северной дороги и Северной железнодорожной линии – последняя пролегла в нескольких сотнях ярдов от нашего дома. Отец часто уходил по вечерам на дежурство по противовоздушной обороне. Во время воздушных налетов мы заползали под стол – у нас не было другого укрытия, потому что не было сада, – и сидели там до сигнала «отбой». После бомб, упавших на город в январе 1941 года, я спросила отца, не могу

ли я сходить посмотреть разрушения. Он мне не разрешил. Двадцать два человека погибли в тот день. Мы также беспокоились о моей сестре Мюриел, которая работала в ортопедическом госпитале в Бирмингеме: Бирмингем, конечно, сильно бомбили.

По сути, Грэнтем играл гораздо большую роль, чем я думала в то время. В городе базировалась Пятая группа бомбардировочного авиационного командования, занимавшая большой дом на Харроубай Роуд, откуда по большей части и велось планирование воздушных налетов на Германию. Дэмбастеры летали недалеко от Грэнтема – отец познакомился с их командиром, майором авиации Гаем Гибсоном. Мне всегда казалось, что бомбардир Харрис, базировавшийся в Грэнтеме в начале войны, не получил должного признания. Я помню, что Уинстон Черчилль написал ему в конце войны: *«Больше двух лет Бомбардировочное авиационное командование в одиночку вело войну в сердце Германии, неся надежду народам оккупированной Европы и давая понять врагу о мощной силе, что встает против него...»*

Все ваши операции были спланированы с большим тщанием и мастерством. Они были выполнены перед лицом отчаянного сопротивления и ужасающей опасности. Они стали решительным взносом в окончательное поражение Германии. Командование этими операциями под вашим началом демонстрировало героический пламенный дух, передававшийся вашим пилотам и пробуждавший в них высокое чувство долга. Я верю, что невероятные достижения Бомбардировочного авиационного командования надолго останутся в памяти как образец благородно исполненного долга. Уинстон С. Черчилль»

По меньшей мере политическая жизнь в Грэнтеме не замерла во время войны. Гитлеровское вторжение в Советский Союз в июне 1941 года остро изменило отношение левых к войне. Пацифистские голоса внезапно стихли. Пустили ростки группы англо-советской дружбы. Мы, хоть и с некоторой неохотой, принимали участие в Англо-советских вечерах, проводимых в здании муниципалитета. Наибольшее впечатление на нас произвели страдания и героизм русских в боях за Сталинград в 1942–1943 гг.

Хотя сейчас очевидно, что 1941 год – когда Гитлер в июне напал на Россию и когда Япония сбросила бомбы на Перл-Харбор, что заставило Америку вступить в декабре в войну – уже предвещало будущее поражение Германии, новости в основном были плохие, особенно в начале 1942 года. Это почти наверняка повлияло на исход дополнительных выборов, проведенных в Грэнтеме 27 февраля 1942 года, после того как Виктор Уоррендер был произведен в лорды как лорд Брантисфилд и стал Секретарем Адмиралтейства. Дэнис Кэнделл в качестве независимого кандидата противостоял кандидату от консерваторов сэру Артуру Лонгмору. Кэнделл вел эффективную популистскую кампанию, в которой он умело использовал свой пост генерального директора завода по производству боеприпасов, чтобы подчеркнуть тему всеобщей кампании по производству для нужд войны и необходимости «практичных» людей ее продвигать. К нашему огромному удивлению, он победил с преимуществом в 367 голосов. Тогда и позже Консервативная партия была склонна к самодовольству. Внимательный анализ малого числа голосов на дополнительных выборах должен был бы предупредить нас о возможности резкого изменения политических предпочтений в сторону социалистов, которое материализовалось в 1945 году.

Я приняла некоторое участие в кампании, хотя и готовилась к экзаменам, которые, я надеялась, позволят мне поступить в колледж Сомервилль, Оксфорд. В частности, по вечерам я зубрила латынь, необходимую для сдачи вступительных

экзаменов. В нашей школе латынь не преподавали. К счастью, наша новая директриса, мисс Гиллис, нашла для меня учителя латинского в классической школе для мальчиков и одолжила мне несколько своих собственных книг, включая учебник, написанный ее отцом. Напряженная работа помогала мне отвлекаться от мрачных новостей с фронта. В частности, много потерь было на Дальнем Востоке – потеря Малайи, затонувшие «Принц Уэльский» и «Отпор», падение Гонконга и затем Сингапура, отступление в Бурму и японские бомбардировки Австралии. Однажды вечером весной 1942 года мы с отцом вернулись с прогулки, и я спросила его, когда и как все это кончится. Он ответил очень спокойно: «Мы не знаем как, мы не знаем когда, но мы, без сомнения, победим».

Вопреки моим стараниям попасть в Сомервиль я не получила стипендию, которую хотела. Это не было слишком удивительно, поскольку мне было всего лишь семнадцать, но это был удар. Не поступив в 1943 году, я имела возможность пройти лишь двухлетний «курс военного времени», прежде чем быть призванной на государственную службу в возрасте двадцати лет. Но я ничего не могла тут поделать, так что в конце августа 1943 года я вернулась в школу и стала старшей ученицей. Затем в октябре пришла телеграмма, предлагавшая мне место в Сомервиле: кто-то бросил учебу. И так я вдруг оказалась перед волнительной, но пугающей перспективой покинуть дом, фактически в первый раз, и уехать в совершенно другой мир»³².

1.2. Из Оксфорда в премьер–министры (путь в большую политику)

Если бы Маргарет Робертс не приняли в Оксфорд, пишет **Крис Огден**, все равно она почти наверняка стала бы политиком. Она была дочерью своего отца, и политика была у нее в крови. Но в этом случае путь к должности премьер-министра оказался бы для нее куда более крутым. Дело в том, что в течение вот уже семисот лет дорога к власти и влиянию в Англии начиналась в лекционных залах, семинарских аудиториях и четырехугольных дворах колледжей Оксфордского и Кембриджского университетов. Два эти древних университета известны под общим собирательным названием Оксбридж. Это больше, чем просто учебные заведения: посещение любого из университетов означает беспримерный уровень социальной и интеллектуальной избранности. В Англии из поколения в поколение велось, что человеку, который не учился в Оксфорде или Кембридже, было почти невозможно попасть в ряды элиты. В Соединенных Штатах эквивалентом Оксбриджа были бы Йельский, Гарвардский, Стэнфордский и Чикагский университеты, взятые вместе. Со всего света стекались в Оксбридж лучшие и талантливейшие, чтобы по возвращении на родину возглавить важные министерства, корпорации, а то и государства.

Оба университета служили питомником для выращивания политиков. Из срока семи английских премьер-министров двадцать три получили образование в одном из них: тринадцать премьеров были выпускниками аристократического Крайст-Черч – одного из тридцати четырех колледжей Оксфорда. Если не считать Индиры Ганди, учившейся в Самервилле восьмью годами раньше, Оксбридж воспитывал почти исключительно политиков-мужчин – вплоть до появления Маргарет Робертс, да и та подумывала о бегстве. На первых порах она невзлюбила Оксфорд.

³² Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 44–54.

В отличие от Кембриджа, который находится неподалеку от Грантема и может похвастать идиллическими лесопарками за «Задами» – задней стороной колледжей, обращенной к реке Кем, Оксфорд является оживленным торговым центром. Для наивной провинциальной девушки, которой не было и восемнадцати лет, Оксфорд представлялся чужим и неведомым, как обратная сторона Луны³³.

В Самервилле учились 75 первокурсниц. Маргарет была одной из 803 студенток и 1813 студентов Оксфорда; после начала войны число учащихся- мужчин сократилось до 1000. Она очень скучала по дому. «Когда живешь дома, – сказала она однажды, вспоминая то время, – даже понятия не имеешь, что такое одиночество». Она стала болезненно застенчивой, особенно когда передразнивали ее резкий линкольнширский акцент. (Бесконечные уроки дикции не помешали критикам сделать объектом насмешек ее голос: мол, он звучит так, «будто она собирается сообщить вам о смерти вашего любимого песика».)

В отличие от многих однокашников – выпускников привилегированных престижных школ, готовящих пополнение для Оксбриджа, Маргарет почти никого не знала и держалась особняком. Трудно сходящаяся с людьми, неловкая и теряющаяся в обществе мужчин, она стала мишенью для насмешек сокурсниц. Ее упоминания о «папочке-мэре» не помогали делу. Равно как и ее откровенные признания, что она намерена многого достигнуть в жизни. Честолюбие ее было безгранично; ее откровенность – наивна. Акклиматизироваться в Оксфорде помогло ей участие в мероприятиях военного времени. Война, занявшая центральное место в жизни нации, отбрасывала постоянную тень и на Оксфорд. Шесть членов оксфордской восьмерки, участвовавшей в «Гребных гонках» 1939 года – традиционном соревновании по гребле между Оксфордским и Кембриджским университетами, – погибли на войне. Ни одной бомбы не упало на Оксфорд. Некоторые историки объясняют это тем, что Гитлер планировал разместить в городе свою оккупационную штаб-квартиру и предназначенный под его ставку университет якобы должен был находиться в готовности принять его в любое время. Самервилл преобразился. Вокруг главных входов колледжа соорудили защитные стены от взрывной волны. Установили две огромные цистерны с водой для тушения пожаров. Участвуя в кампании «Копать ради победы», студентки вскопали под посадки газон четырехугольного двора. Маргарет дежурила на сторожевом посту пожарной команды и работала в местной солдатской столовой-клубе, разнося по столам кофе и печенье. Оксфорд, как и вся страна, терпел в годы войны тяготы и лишения. Не хватало денег на поддержание физических сил, но куда хуже было то, что не хватало учебников. По утрам к дверям читальных залов, открывавшихся в девять утра, выстраивались длинные очереди; через пять минут после открытия все места внутри уже бывали заняты. Потрепанные старые учебники нечем было заменить, а новые если и появлялись, их моментально расхватывали. Когда вступили в действие меры по экономии топлива и топить почти перестали, студенты сидели на лекциях в пальто³⁴.

В отличие от большинства других студенток Самервилла, изучавших гуманитарные науки, отмечает далее **Крис Огден**, Маргарет больше занималась самостоятельно, особенно химией. Занятия начинались только в девять утра, но она приучила себя вставать в половине седьмого – привычку эту она сохранила и на Даунинг-стрит. Утренние и дневные часы она по большей части проводила, запершись в лаборатории; с пяти до семи вечера слушала лекции; домой возвращалась после наступления темноты и в одиночестве ужинала, зачастую лишь ломтиком хлеба или яйцом.

³³ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 57–58.

³⁴ Там же. С. 58–59.

Постепенно чувство одиночества стало ослабевать: жизнь Самервилла предъявляла известные требования, и колледж начал оказывать на дочку бакалейщика свое влияние. Основанный в 1879 году, Самервилл был, по меркам Оксфорда, новым колледжем. Это означало, что в нем отсутствовали некоторые архаичные традиции других колледжей, старейший из которых был основан в 1249 году. Имело значение и то, что в Самервилл принимали учиться всех, независимо от религиозной принадлежности. Из этого следовало, писал историк Самервилла, «что при приеме в колледж преимущественно не пользовались никакие особые группы, вероисповедания, классы или слои общества». Поскольку Маргарет принадлежала по своему социальному происхождению к нижней половине классовой системы, такой порядок был ей на пользу³⁵.

Самервилл – колледж с серьезной репутацией, но подчас он проявляет неумеренную скромность. В последнем ежегоднике колледжа только отмечается, что некоторые выпускницы Самервилла «отличились в научной и общественной жизни» и что из их числа вышли два премьер-министра. Имена не названы.

Рекордов академической успеваемости Маргарет не поставила. «Она не подавала особых надежд», – сказала Джанет Вон, выдающийся ученый и тогдашний ректор Самервилла. «Она была отличным химиком средней руки. Никому из нас в голову не приходило, что она далеко пойдет». Научный руководитель Маргарет Дороти Ходжкин, блестящий кристаллограф, лауреат Нобелевской премии 1964 года в области химии и первая женщина после Флоренс Найтингейл, награжденная орденом «За заслуги», почетной наградой, присуждаемой лично монархом максимум двадцати четырем достойнейшим подданным, согласилась с мнением Вон. «Всегда можно было рассчитывать, что она подготовит продуманный, хорошо написанный научный доклад, но ей не хватало чего-то такого, что было у некоторых других, – отметила Ходжкин. – По-моему, она не питала глубокого интереса к химии»³⁶.

То же самое пишет о пребывании Маргарет Тэтчер в Оксфорде **Жан Луи Тьерри**: «Однако и здесь Маргарет не чувствовала себя комфортно. Она была всего лишь скромной провинциалкой, оказавшейся в гуще молодых девушек, гораздо более бойких, чем сама. В колледже она жила в такой холодной комнате, что ее можно было назвать ледяной, и жизнь ее скрашивали лишь воспоминания о доме. «Я тосковала по дому, и мне там ужасно не нравилось», – пишет она, но не говорит о том, что чувствовала себя плохо от обилия комплексов. Соученицы смеялись над ее чопорным видом, одеждой, безупречной по качеству тканей, но отвратительного покроя; хихикали они и над ее акцентом уроженки Средней Англии, и над ее внутренней напряженностью, и над ее твердостью дочери пастора, что ей, семнадцатилетней девушке, придавало вид школьной учительницы. Одна из соучениц вспоминает о ней, как о «юной девушке, немного излишне пухленькой, всегда безупречно причесанной, аккуратно одетой, церемонной <...>; когда она говорила, создавалось впечатление, что она только что вышла с урока риторики». Другая вспоминает, что Маргарет была стеснительной и чувствовала себя неловко: «Этой девушке всегда было не по себе, и она постоянно задавалась вопросом, что можно делать и чего нельзя». Разумеется, Маргарет несла на своих плечах всю тяжесть полученного ею воспитания.

Во время еженедельных торжественных обедов в колледже, куда участники должны были являться в смокингах и длинных вечерних платьях, она всегда мучилась. В столовой было три стола для студенток. Один, стоявший ближе всех к столу

³⁵ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 59–60.

³⁶ Там же. С. 60–61.

«для высокопоставленных особ», где сидели профессора и преподаватели, предназначался для студенток-иностранок, второй – для студенток, не получавших стипендии и обучавшихся на платной основе, третий, самый скромный, – для стипендиаток. Оксфорд постоянно напоминал ей о ее происхождении. Ее сотрапезницы были столь же нелюбезны. Правда, она постоянно надоедала им своими бесконечными разговорами об отце, которого представляла едва ли не выдающимся деятелем, хотя он был всего лишь главным городским советником в маленьком промышленном городке.

В этом университете, выглядевшем еще более ужасно из-за отсутствия молодых людей, ушедших на фронт, у Маргарет были лишь ее «старые спутники», скрашивавшие ее жизнь: прогулки в одиночестве, учеба и религиозное сообщество. В первые месяцы ее пребывания в Оксфорде, в 1943 году, общественная жизнь там была довольно бедной. Маргарет часто одна бродила по городу, вокруг Крайст-Черч-Медоу или по берегам Темзы. Ее властно влекли к себе здания, выстроенные в романо-норманнском стиле. Готическая архитектура Модлин-колледж (Колледжа Магдалины) приводила ее в восторг. Ничего общего с Грантемом! Но она сама по-прежнему оставалась в изоляции от студенческого сообщества.

Маргарет посещала Уэсли-Мемориэл-черч (Уэслианскую мемориальную церковь), коллективные уроки по катехизису и пила чай с членами методистского кружка, воодушевляемыми пастором Джильсоном. Ее даже направляли произносить проповеди в соседние приходы. Маргарет также примкнула к некоторым сообществам любителей хорового пения, стала принимать участие в спевках Хорового общества Баха и объединенного хора двух колледжей, Саммервиля и Бейллиол; она исполняла вместе с хором «страсти по Матфею», «Мессию» Генделя, «Немецкий рекевием» Брамса. Короче говоря, она оставалась девушкой с Финкин-стрит.

Правда, оставалась еще учеба. Увы, химия ее уже не увлекала: наука оказалась слишком теоретизированной, осуждавшей на одиночество, слишком безликой, то есть не способствовавшей проявлению личности. Чем дальше, тем больше Маргарет понимала, что изучение естественно-научных дисциплин ее никуда не приведет. «Королевская дорога» – это ПФЭ (политика, философия, экономика). Но было слишком поздно! Вино было уже налито в бокал, надо было его выпить. И она работала, упорно, тяжело, методично, серьезно, как всегда, и добивалась хороших результатов, но ничего более. И так, химия станет для нее всего лишь обязательным трамплином. Преподавательница, бывшая ее тьютором, то есть научным руководителем, госпожа Джанет Вом, придает своим воспоминаниям о Маргарет привкус желчи: «Она была превосходным химиком второго класса». Правда, эта мисс Вом всегда была яркой лейбористкой. Более объективна Дороти Ходжкин, получившая Нобелевскую премию в 1964 году: «На Маргарет всегда можно было положиться, если требовалось написать умную, взвешенную статью <...>, но я никогда не думала, что она будет интересоваться химией»³⁷.

К чему она действительно питала глубокий интерес, так это к политике, притом интерес этот становился всепоглощающим. По счастью для нее, в Самервилле с его вольнодумной левой политической традицией сторонница консерваторов мисс Робертс просто не могла остаться незамеченной. Она выделялась среди множества сторонниц лейбористской партии. Но при этом Маргарет оставалась докучливой спорщицей, таким непримиримым идеологом, воинствующим и не признающим ничего, кроме политики. Даже в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет она предпочитала в политическом споре не диалог, а сокрушительный монолог.

³⁷ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 62–64.

Ее целью всегда было уничтожить политического противника. Джанет Вон старалась избегать общества Маргарет. «Если у меня гостили занятные, интересные люди, – рассказывала она, – я, честно говоря, никогда и не думала приглашать Маргарет Робертс, потому что она была малоинтересной собеседницей. Нам случалось спорить о политике, но она была такая твердокаменная!»³⁸

Нюансы политических идей не интересовали Маргарет. Упорство, решительность, целеустремленность с самого начала характеризовали ее подход к делу. Критиков консерватизма выводило из себя ее упрямое нежелание признать состоятельным любой их довод. Она брала воинственный, мессианский тон и вещала с таким рвением, которому позавидовал бы современный телевизионный проповедник-евангелист. Когда она садилась на своего конька, даже подругам становилось невтерпех от ее однобокости. Политика и учеба сделались единственными темами ее разговоров. Ее речи начали звучать как заезженная пластинка. «Слишком уж заикливалась она на двух вещах», – со вздохом посетовала Маргарет Гудрич³⁹. В Оксфорде М. Тэтчер выпила свой первый бокал вина и выкурила первую сигарету. Но она оставалась строгой, холодной и с полным отсутствием чувства юмора⁴⁰.

Ей следовало бы смягчать резкость своих высказываний улыбкой и к месту вставленной шуткой, но Маргарет была просто неспособна к этому. Улыбки и шутки не являлись естественной наследственной чертой семейства Робертсов. В последующие годы самые горячие ее сторонники станут постоянно уговаривать ее смягчиться, стать веселей. Ей это представлялось делом трудным, почти невозможным. Маргарет неумела рассказывать анекдоты (странный изъян для столь популярного политика!) и не понимала либо не находила смешными большинство из них. Фельдмаршал лорд Браммалл, начальник ее генерального штаба, однажды заметил, что, если в программу брифинга входила шутка, «мы предупреждали ее, что сейчас последует шутка, и объясняли, в чем ее смысл». Обычной реакцией был озадаченный взгляд и удивленное «О!». Как-то раз в начале 70-х она приехала в Оксфорд, будучи приглашена выступить на ежегодной встрече бывших выпускниц – веселой вечеринке, на которой произносятся шуточные речи. Она не веселилась сама и не пыталась веселить других. «Привет, самервиллианки и налогоплательщицы», – начала она, после чего прочла длинную лекцию о налоговом праве. Слушательницы ерзали на стульях; некоторые ушли.

Она вступила в Консервативную ассоциацию Оксфордского университета, потому что не могла вступить в прославленный Оксфордский союз, центр студенческих дискуссионных обществ. В том, что ее не приняли туда, ее вины не было. Основанный в 1823 году, этот дискуссионный клуб открыл свои двери женщинам лишь в 1963 году. (Беназир Бхутто, впоследствии премьер-министр Пакистана, была избрана президентом Оксфордского союза в 1967 году.) В 1944 году, когда Маргарет училась на втором курсе, Оксфордский союз отклонил резолюцию о допуске женщин 127 голосами против 24. Что и говорить, дискриминация женщин имела в Оксфорде глубокие корни. Так, еще в 20-х годах требовалось, чтобы девушки сдавали экзамены, сидя на особых местах, отгороженных и скрытых за специальными ширмами. До 1945 года ни одной женщине не было присвоено полного профессорского звания⁴¹.

³⁸ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 61.

³⁹ Там же. С. 61–62.

⁴⁰ См.: Медведев Д.Л. Тэтчер: неизвестная Мэгги. М., 2009. С. 57, 61.

⁴¹ См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 62–63.

В Оксфорде военных лет господствующими были левые политические симпатии, что отражало сдвиг влево в настроениях всей страны. Но это ничуть не смущало Маргарет. Алф постоянно внушал ей, что не следует ни к кому подлаживаться, и Маргарет никогда не боялась плыть против течения. Она любил-соперничество и верила в консерватизм. Впрочем, она отлично знала, что делает, – в ее поступке-, проглядывал холодный расчет, и это не всегда удавалось ей скрыть. Нина Боден, член соперничающего клуба лейбористской партии, помнит Робертс «пухленькой, опрятной, серьезной девицей лет девятнадцати» и припоминает, как отреагировала будущий премьер-министр на ее выступление в защиту лейбористов. «Маргарет улыбнулась своей улыбочкой миловидной фарфоровой куколки. Что и говорить, признала она, лейбористский клуб сейчас более «модный»– убийственное словцо, которое сразу перечеркнуло мои доводы, но как раз это и входило в ее планы, – рассказывала Боден. – В отличие от меня она не «играла в политику». Она всерьез собиралась попасть в парламент, и у нее было больше шансов, что ее «заметят» в клубе консерваторов, хотя бы только потому, что большинство его членов – люди скучные и тяжеловесные»⁴².

Впрочем, не все заслуживали такой характеристики. К концу второго года в Оксфорде Маргарет влюбилась в сына графа. Это был ее первый роман, и она без устали говорила о своем возлюбленном, несмотря на поддразнивания других девиц. Они, конечно, завидовали, а некоторые к тому же считали, что Маргарет, и без того неуживчивая, станет просто невыносима, если подцепит лорда. Их опасениям не суждено было оправдаться. Молодой человек пригласил ее домой, чтобы познакомиться со своими родителями, но мать не одобрила его выбор – дочку бакалейщика. Вскоре после этого кавалер ее бросил⁴³. В 1947 году Маргарет закончила Оксфордский университет с весьма достойным дипломом, посвященным протеиновой структуре грамицидина В, недавно открытого антибиотика. «Когда я покинула Оксфорд с дипломом второй степени по химии, – напишет **М. Тэтчер** позже в своей «Автобиографии», – я гораздо больше знала о мире политики. Мой характер не изменился, не изменились и мои воззрения. Но у меня были более ясные представления о том, где я стою по отношению к другим людям, их амбициям и мнениям. Я, говоря кратко, повзрослела. И я осознала, что на самом деле хочу от жизни»⁴⁴.

Избрав своей специальностью химию, пишут **С. Перегудов и А. Терентьев**, Тэтчер одновременно все более втягивалась в политику, причем в отличие от отца, который всю жизнь был либо приверженцем либералов, либо независимым, она без колебаний вступила в Оксфордскую консервативную ассоциацию. По ее собственным словам, эта организация привлекала ее не столько как политическое, сколько как «социальное» объединение, дававшее студентам возможность общаться друг с другом и участвовать в различных мероприятиях. Однако постепенно она втянулась и в политическую деятельность и вскоре стала одной из самых влиятельных фигур в консервативной ассоциации. В 1945 году, через два года после поступления в университет, она уже активно участвовала в избирательной кампании, к этому же периоду относятся ее первые публичные выступления.

Энергия, организаторский талант, энтузиазм, с которым она бралась за всякое дело, быстро выдвинули ее в число руководителей организации молодых консерваторов Оксфорда, и вскоре после выборов 1945 года она стала ее президентом⁴⁵.

⁴² См.: Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 63.

⁴³ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 64.

⁴⁴ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 69.

⁴⁵ См.: Политический портрет М. Тэтчер. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН СССР, 1991. С. 9.

В 1946 году она впервые была избрана делегатом на ежегодную партийную конференцию. И, что интересно, уже в тот период она симпатизировала правому крылу партии, отстаивавшему незыблемость принципов и ценностей традиционного «викторианского» консерватизма.

Тогда же она приняла решение начать борьбу за выдвижение своей кандидатуры в парламент. Как она объясняла позже, в 1945 году, после победы на выборах лейбористов и появления в Вестминстере большого числа людей, не имевших побочных средств к существованию, жалование парламентариев было увеличено более чем в два раза (до 1000 ф.ст. в год). На эти деньги уже можно было прожить, и это открывало путь в профессиональную политику для всех тех, кто до того в силу чисто материальных соображений не мог и помышлять об этом.

Думается, однако, что дело было не только в этом. Просто к тому времени, когда Маргарет Робертс окончила университет, она успела почувствовать вкус к политической борьбе, обрела уверенность в себе, осознала, что может не хуже, а возможно, и лучше, чем другие кандидаты, убеждать и привлекать на свою сторону избирателей, дискутировать с политическими противниками, собирать вокруг себя способных и целеустремленных единомышленников, завязывать и поддерживать необходимые знакомства. Уже в ходе предвыборной кампании 1945 года она встретила с Квентином Хоггом (будущим лордом Хэлшемом), который баллотировался в Оксфорде и которого поддерживала университетская консервативная ассоциация. В этот же период она познакомилась и с рядом других консервативных парламентариев и кандидатов в парламент, и, судя по всему, это еще больше подогрело ее политические амбиции⁴⁶.

В 1948 году Робертс занималась исследовательской работой на предприятии по изготовлению пластмасс и вновь была делегирована Ассоциацией выпускников Оксфордского университета на ежегодную конференцию Консервативной партии. Там ее познакомили с председателем одной из местных ассоциаций тори, который предложил ей принять участие в конкурсе на вакантное место кандидата в парламент от его избирательного округа. Несмотря на то, что округ этот считался «вотчиной» лейбористов, желающих попытать счастья, было достаточно много: юная Маргарет Робертс заняла в списке лишь двадцать седьмую строку. Причем в списке она была единственной женщиной. На собрании окружной организации, состоявшемся уже в следующем, 1949 году, которое должно было произвести окончательный отбор и назвать победителя, она выступила с резкой критикой социально-экономической политики лейбористов, и особенно политики в области налогообложения. Это произвело на присутствующих столь сильное впечатление, что ее кандидатуре было отдано явное предпочтение перед остальными. И хотя она продолжала усердно трудиться в качестве химика, ее главным интересом теперь была политика. Очевидно, именно этот интерес еще больше подогрел ее давнее стремление получить специальность юриста. Во всяком случае, уже вскоре после утверждения своей кандидатуры она поступила на подготовительные юридические курсы, причем специализировалась в области налогообложения⁴⁷.

Выборы 1950 года, на которых консерваторы вновь потерпели поражение, но существенно потеснили лейбористов, принесли известное удовлетворение и Маргарет Робертс. Лейбористское большинство в округе уменьшилось на треть (с 19 тыс. до 13,5 тыс.). Число голосов, собранных консерваторами, увеличилось

⁴⁶ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 9–10.

⁴⁷ Там же. С. 10–11.

на 50%. Этот результат позволил ей вновь успешно пройти процедуру утверждения кандидатом, однако на выборах 1951 года она смогла лишь закрепить достигнутый в 1950 году успех, снизив лейбористское большинство до 12,3 тыс. Было очевидно, что добиться большего в данном округе вряд ли удастся, и она на какое-то время оставила попытки пробиться в Вестминстер. Тем более что почти сразу же после выборов 1951 года она вышла замуж за состоятельного бизнесмена Дэниса Тэтчера⁴⁸.

«Я сразу поняла, напишет **М. Тэтчер** в своей «Автобиографии» позже, что Дэнис был исключительным человеком. Он разбирался в политике не меньше, чем я, и гораздо больше, чем я – в экономике. Его профессиональный интерес к краске и мой к пластику может показаться неромантическим основанием для дружбы, но это тоже немедленно помогло нам обнаружить обоюдный интерес к науке. И в тот вечер я узнала, что по взглядам он был серьезным консерватором.

После ужина он отвез меня в Лондон, чтобы я смогла сесть в ночной поезд до Колчестера. Дорога в это время суток не заняла много времени, но его было достаточно, чтобы мы смогли обнаружить еще кое-что общее. Дэнис был жадным читателем, особенно любил историю, биографии и детективные романы. Казалось, он перечитал все статьи «Экономиста» и «Банкира», и еще стало ясно, что оба мы любим музыку: Дэнис обожал оперу, а я – хоралы.

После этого мы время от времени встречались на собраниях избирательного округа и начали чаще встречаться и без делового повода. У Дэниса были определенный стиль и энергия. Он любил скоростные автомобили и водил «Ягуар», и, будучи на десять лет старше, он просто больше знал о мире, чем я. Сперва наши встречи вертелись вокруг политических дискуссий. Но, видясь все чаще, мы стали иногда ходить в театр и вместе ужинать. Как у любой пары, у нас были любимые рестораны: маленькие итальянские местечки в Сохо для обычных свиданий, удивительная «Белая башня» в Фитцровии, «Французский экю» на Джермин-стрит и «Плюш» для особых случаев. Мне очень льстило внимание Дэниса, но впервые я заподозрила серьезность его намерений, когда на Рождество после моей первой предвыборной кампании в Дартфорде я получила от него очаровательный подарок – хрустальную чашу с серебряной крышечкой, которую я до сих пор храню как сокровище.

Мы, наверное, могли бы пожениться и раньше, но моя страсть к политике, а его – к рэгби (из-за чего мы никогда не встречались по субботам) встали у нас на пути. Он с гаком возмещал это, оказывая мне неизмеримую помощь в избирательном округе, в мгновение ока решая любые проблемы и организационные сложности. На самом деле даже тот факт, что он сделал мне предложение и что мы обручились, нечаянно сослужил политическую службу, потому что, не поставив меня в известность, Берил Кук распространила эту новость прямо за день до выборов, чтобы в последний раз подстегнуть мою предвыборную кампанию.

Когда Дэнис попросил меня стать его женой, я долго и всерьез думала об этом. Я была так сосредоточена на политической карьере, что вообще не думала о замужестве. Наверное, я просто отодвинула эту идею на задний план своего сознания и полагала, что это случится как-то само собой когда-нибудь в будущем. Я знаю, что Дэнис тоже, поскольку его брак, заключенный во время войны, закончился разводом, лишь после долгих размышлений предложил мне руку. Но чем больше я размышляла, тем увереннее становилась. Более чем сорок лет спустя я знаю, что мое решение сказать «да» было одним из лучших в моей жизни»⁴⁹.

⁴⁸ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 11.

⁴⁹ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 74–75.

На Дэниса Маргарет Робертс произвела благоприятное впечатление и как политик, и как женщина. Она была ярким консерватором, ненавидела социализм, к тому же она излучала красоту, азарт и энергию, которые наверняка могли спасти Дэниса от одиночества. Когда Дэниса спрашивали, чем привлекла его Маргарет во время первой встречи, он отвечал, что «у нее такие красивые ножки»⁵⁰.

У 33-летнего **Дэниса Тэтчера** это был его второй брак (первую жену тоже звали Маргарет). Дэнис — еще один, после отца, мужчина, сыгравший огромную роль в ее жизни. Маргарет необыкновенно повезло с мужем, которому она в значительной степени обязана своими достижениями в политике. Он поддерживал ее политические взгляды и был опорой в трудную минуту. Согласие на сделанное им осенью 1951 г. предложение она впоследствии называла самым правильным решением в своей жизни. Хороший семьянин, Дэнис гордился успехами жены и обеспечил Маргарет такие условия, включая финансовую стабильность, при которых она могла позволить себе полностью отдаться политике. Он стремился по возможности избежать публичности, не давал интервью и вел себя, как принц-консорт при королеве: всегда на несколько шагов позади нее. Существенным минусом Дэниса было его влечение к выпивке, но не выносившая нетрезвых мужчин Тэтчер с годами свыклась с этой вредной привычкой своего супруга. Пресса любила изображать его богатым бездельником, занятым, кроме выпивки, игрой в гольф. Будучи излюбленным карикатурным персонажем, он даже стал героем популярной пьесы, а также постоянной колонки в сатирическом журнале «Private Eye», высмеивавшей его вместе с друзьями и министрами. Эта серия публикаций про Дэниса стала такой популярной, что по ней даже поставили спектакль, который удостоился благожелательного отзыва от посетивших его супругов Тэтчер (вряд ли они могли позволить себе отреагировать иначе). В то же время муж Тэтчер обладал недюжинной деловой хваткой, был «вдохновителем» ее политических взглядов и проводимого ею курса. Она доверяла его суждениям и оценке людей и позволяла собою командовать. Они ладили, потому что не пытались переделать друг друга и занимались каждый своим делом. Эта пара прожила вместе 52 года, а в 2003 г. Дэнис умер, оставив баронессу вдовой.

В 1953 г. у супругов Тэтчер родилась **двойня** – сын Марк и дочь Кэрол. Впоследствии недоброжелатели публично упрекали ее в том, что это было сделано «специально», чтобы, отделавшись от деторождения раз и навсегда, не отвлекаться более от политической деятельности. Действительно, ни Тэтчер, ни ее муж никогда не уделяли детям много внимания: уход за ними был поручен няне, с которой их поселили рядом в съемной квартире, а когда детям исполнилось восемь лет – отослали, как это принято у британцев, в школы-интернаты⁵¹. Как утверждала сама М. Тэтчер, появление двойни стало для нее не меньшим сюрпризом, чем для врачей и мужа⁵².

«В августе 1953 года, вспоминала **М. Тэтчер**, появились на свет близнецы Марк и Кэрол. Поздно вечером в четверг, где-то за шесть недель до ожидаемого появления (как мы думали) младенца, у меня начались боли. В тот день я ходила к врачу, и он попросил меня вернуться в понедельник, чтобы сделать рентген, так как что-то хотел проверить. До понедельника было очень далеко, и меня немедленно увезли в больницу. Мне дали успокоительное, и я проспала всю ночь. В пятницу утром мне сделали рентген и к великому удивлению всех обнаружили, что мне предстояло стать матерью близнецов. К несчастью, это не вся история. Ситуация

⁵⁰ См.: Медведев Д.Л. Тэтчер: неизвестная Мэгги. М., 2009. С. 95–96.

⁵¹ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 58–59.

⁵² См.: Медведев Д.Л. Тэтчер: неизвестная Мэгги. М., 2009. С. 115.

потребовала кесарева сечения, которое мне сделали на следующий день. Две малютки – мальчик и девочка – должны были немного подождать, прежде чем увидели своего отца, ибо Дэнис, полагая, что все идет по плану, уехал в «Овал» смотреть международный матч по крикету и оказалось невозможным с ним связаться. В тот день он получил две хороших, но одинаково неожиданных новости. Англия выиграла «Урну с прахом», и он стал гордым отцом близнецов.

Я пробыла в больнице больше двух недель: это означало, что после первых нескольких дней недомогания у меня была уйма времени. Первой и немедленной задачей стало позвонить во все соответствующие магазины и заказать вместо одного по два экземпляра всего. Довольно странно, что сама глубина облегчения и счастья от рождения Марка и Кэрол меня тревожила. Влечение матери к своим детям, должно быть, самое сильное и самое инстинктивное чувство человека. Я никогда не была одной из тех, кто полагает, что быть «просто» матерью или «просто» домохозяйкой – это второсортный выбор. На самом деле каждый раз, когда я слышана такое скрытое предположение – и до, и после того, как стала премьер-министром, – это меня действительно сильно сердило. Несомненно, быть матерью и домохозяйкой – это призвание высокого рода. Но я просто чувствовала, что это не единственное мое призвание. Я знала, что также хочу сделать карьеру. Фраза, которую Ирен Уорд, член парламента от Тайнмута, и я часто использовали, звучала так: «Хотя дом всегда должен быть Центром жизни человека, это не должно ограничивать его амбиций». Действительно, мне нужна была карьера просто потому, что я была таким человеком. И не просто любая карьера. Я хотела такую, чтобы поддерживала мою интеллектуальную активность и готовила меня к политическому будущему, для которого, я верила, я хорошо подхожу»⁵³.

Уже через четыре месяца после родов Маргарет сдала промежуточный экзамен на адвоката и в течение нескольких лет проработала специалистом по налоговым вопросам. Но назвать ее никудышной матерью было бы все-таки преувеличением: дети были присмотрены, обучались музыке и танцам, посещали театр, а каникулы проводили с родителями в горах или у моря. Сама Тэтчер тоже редко виделась с обожаемым ею отцом после того, как вышла замуж и родила.

Ее любимчиком был Марк, поэтому дети выросли не в ладах друг с другом. Внука бакалейщика отправили учиться в Хэрроу, школу, знаменитую такими выпускниками, как Гладе гон и Черчилль, но, распознав в нем выходца из мелкобуржуазной среды и, соответственно, чужака, отпрыски представителей истеблишмента подвергали его регулярным издевательствам, отбив какое-либо желание продолжать учебу в университете. Поэтому по окончании школы Марк занялся бизнесом. А еще он увлекся гонками и даже принимал участие в шестидневном туре Париж-Дакар в 1982 г. Когда в ходе гонок он вдруг неожиданно пропал в пустыне, Тэтчер не смогла сдержаться слез – она впервые проявила эмоции на публике. В отличие от брата Кэрол никогда не доставляла родителям особых хлопот: окончив университет и получив специальность юриста, она уехала в Австралию – подальше от родителей, затем вернулась и работала журналистом, помогала матери в ходе предвыборной кампании 1979 г. Впоследствии страдающая комплексом неполноценности Кэрол написала проникновенную книгу об отце, что еще раз подчеркнуло отсутствие теплых отношений с матерью.

Жизнь детей многих высокопоставленных деятелей – и дети Тэтчер здесь не исключение – не всегда складывается счастливо. Если же сравнивать Марка и

⁵³ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 83.

Кэрол, то можно согласиться с одним из друзей семьи, заметившим, что «Кэрол страдала от того, что она дочь своей матери, Марк существовал именно потому, что был сыном своей матери»⁵⁴.

В 1958 г. **Маргарет Тэтчер** решила предпринять еще одну попытку пройти в парламент, теперь уже от традиционно голосовавшего за консерваторов округа Финчли. На это место претендовало около 200(!) консерваторов, а досталось оно Тэтчер. Ее назначение было воспринято враждебно-местной прессой. Как писали журналисты, опасную ситуацию на Ближнем Востоке она комментировала «как домашняя хозяйка, отмеряющая ингредиенты по семейному рецепту и воспринимающая Насера как попавшую в миксер муху». На парламентских выборах 1959 г. она одержала внушительную победу в своем округе и стала самым молодым членом палаты общин (ей было 33 года).

За 16 последовавших лет она поднялась до уровня лидера консервативной партии, а еще через четыре года стала премьер-министром. Безусловно, многие ее коллеги-мужчины проделали этот путь быстрее: у Мэйджора карьерный рост занял всего 11 с половиной лет (и он считал, что это неоправданно много), у Блэра – 14. Но нельзя забывать, что в то время в британской политической жизни, а особенно в консервативной партии, пока еще господствовали мужчины: в 1959 г., когда Тэтчер впервые прошла в парламент, в палате общин было 25 депутатов-женщин; в 1975 г., когда она стала лидером партии, их количество увеличилось всего до 27 человек, при этом только 7 из них были консерваторами. Делая карьеру, она должна была преодолевать высокомерие коллег-мужчин, традиционно считавших политику своей привилегией. Тэтчер полагала, что ничем не обязана феминистскому движению. «Будучи женщиной в мире мужчин, она не требовала снисхождения к себе как к женщине и не получала его». Она «сделала себя сама» благодаря своей целеустремленности, исключительному трудолюбию и необыкновенным деловым качествам. А еще – удачному стечению обстоятельств. Так случилось, что в 50–60-х годах руководство лейбористской (в большей степени) и консервативной партий начало привлекать в свои ряды женщин. Тэтчер упорно поднималась по карьерной лестнице: в 1961 г. – парламентский секретарь министерства пенсий и национального страхования (младший министр в правительстве Г. Макмиллана), в 1964 г. – «теневой» министр пенсий, в 1966 г. – младший «теневой» министр казначейства (в правительстве Э. Хита), а в 1967 г. – уже член «теневого» кабинета – министр энергетики, в 1968 г. – министр транспорта, в 1969 г. – «теневой», а после победы консерваторов на парламентских выборах 1970 г. и действующий министр образования и науки, в 1974 г. – «теневой» секретарь министерства финансов. На всех этих постах Тэтчер продемонстрировала свои неординарные способности усваивать огромное количество информации, принимать при необходимости жесткие решения и успешно отстаивать их в дебатах с оппонентами в палате общин. Прав оказался один из видных консерваторов У. Уайтлоу, заметивший Э. Хиту, что если взять Маргарет в правительство, то от нее уже нельзя будет избавиться. Работа в этих-министерствах существенно прибавила опыта Тэтчер, позволив ей впоследствии претендовать на пост лидера партии⁵⁵.

В 1970 году, когда Консервативная партия получила большинство на выборах, а премьер-министром стал ее лидер **Эдуард Хит**, Тэтчер предложили должность министра образования. Она согласилась. С этим периодом в ее политической карьере связано два крупных скандала.

⁵⁴ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 59–60.

⁵⁵ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 176.

Первый случился из-за того, что политик хотела сохранить Grammar schools, в которые принимали только по экзаменам и где, как считала Тэтчер, перед способными учениками открывалось больше возможностей. Ее однопартийцы и лейбористы выступали за единообразие школ и равные возможности. Второе непопулярное решение Маргарет на этом посту – прекращение начавшейся в послевоенные годы бесплатной выдачи молока школьникам. Тэтчер полагала, что дети и их родители в такой помощи больше не нуждаются, а сэкономленные деньги можно потратить на академические нужды. Политика министра вызвала шквал критики внутри партии и за ее пределами, в том числе в СМИ, где Тэтчер называли Milk snatcher – «воровка молока».

Когда **Э. Хит** проиграл выборы 1974 года, стало ясно, что партии нужен новый лидер. О перипетиях внутрипартийной борьбы сказано не мало, но что поразительно – у М. Тэтчер не было соперников. Она с легкостью (в которую, как всегда, было вложено много труда) победила и, раз и навсегда, сломала чопорные английские традиции. Ее избрание в 1975 г. лидером тори было встречено с удивлением и замешательством одними и с восторгом другими⁵⁶.

Тэтчер, отмечает **Н.К. Капитонова**, обладала многими качествами, которые помогли ей стать тем, кем она стала. Это, прежде всего, так ценимые британцами упорство в достижении поставленной цели (недаром ее называли «несгибаемой»), решимость, храбрость. В 1975 г. она сделала то, чего не смог сделать ни один из ее коллег, – бросила вызов Э. Хиту, выдвинув свою кандидатуру на пост лидера партии. Убежденная в том, что тори движутся в неверном направлении, Тэтчер пошла на риск и выиграла, одержав убедительную победу уже в первом туре: за нее проголосовало 130 членов фракции, за Хита – 119. Ради победы ее команде пришлось пойти на хитрость: они специально создавали впечатление, что используют Тэтчер как таран для того, чтобы свалить лидера, и что она лишь расчищает дорогу для партийных тяжеловесов, один из которых и одержит победу во втором туре. В результате она оставила позади всех конкурентов и, набрав 146 голосов во втором туре, 11 февраля 1975 г. стала лидером партии. Ей было всего 49 лет. Свергнутый и не пожелавший подвергать себя еще большему унижению Хит отказался от дальнейшей борьбы и, оставшись в палате на правах рядового депутата, превратился в последовательного и язвительного критика своей преемницы. Его пикировки с нею вошли в легенду. Когда в 2005 г. Хит умер, Тэтчер продемонстрировала свое благородство, сделав то, чего никто не ожидал: в специальном заявлении она назвала его «политическим гигантом», открывшим в 1965 г. новую эру в истории консервативной партии – приход к власти новых тори, к которым принадлежала сама⁵⁷.

Приход М. Тэтчер на пост главы консерваторов-тори **Жан Луи Тьеро** называет «завоеванием власти» и «путчем», отмечая: «Путч удался. Заднескамеечники рубанули с плеча и всё решили. А ведь их частенько презирали, их речи слушали с раздражением, их никогда не слышали; так вот, они предпочли сменить старого вождя, относившегося к категории «важных шишек», на чужака, не принадлежавшего к элите. Не следует преувеличивать личный успех Маргарет, он в какой-то мере стал результатом восстания «простых пехотинцев», долгое время бывших послушными исполнителями. Это был триумф людей неизвестных, реванш рядовых. Голосование было прежде всего не «за», а «против», против старых кадров, проиг-

⁵⁶ См.: Тьеро Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 163–190.

⁵⁷ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 66–67.

рывающих выборы за выборами, против бесконечных перелицовок старого сюртука, в основном против самого Тэда Хита. Это было голосование не за Маргарет Тэтчер, и в еще меньшей степени за тэтчеризм. Правда, мало кто это понимал, хотя сама Маргарет все оценивала трезво»⁵⁸.

Газета «Сан» была неправа, утверждая, что Маргарет, став лидером партии, устроила «ночь длинных ножей», формируя свой теневой кабинет. Во время встречи с Хэмфри Аткинсом, главным организатором парламентской фракции, назначенным на эту должность еще Хитом, но поспешившим заверить Маргарет в своей преданности, она подчеркнула приоритеты: «После столь ожесточенного столкновения с Тэдом надо сохранить достаточную преемственность, чтобы поддерживать единство партии»⁵⁹.

Первым шагом Маргарет стала попытка примирения с покидающим свой пост бывшим лидером. 12 января она отправилась к нему с визитом домой, на Уилтон-стрит, чтобы предложить должность в теневом кабинете, как это сделал в свое время Гарольд Макмиллан. Но время джентльменов давно прошло. Тэд Хит сидел у себя в кабинете за письменным столом. Грубиян до мозга костей, он даже не встал, чтобы поздороваться, и не предложил ей присесть. Она спросила, не хочет ли он вновь повторить путь во власть, начав с теневого кабинета. Какое-то ворчание, напоминавшее «нет», вырвалось из горла старого захмелевшего медведя. Тогда она предложила ему возглавить кампанию по проведению референдума о «вступлении в Европу», намеченного на июнь. Последовал такой же ответ. Через пять минут разговор был окончен. Но перед домом толпились журналисты! Надо было во что бы то ни стало избежать слухов о разрыве, хотя этот разрыв и произошел. Встреча должна была быть достаточно продолжительной, а потому Маргарет пришлось обсуждать погоду с парламентским секретарем Тэда почти четверть часа, прежде чем с облегчением покинуть этот дом.

Кроме бывшего лидера партии «уходящих» было немного. Занимавший в теневом кабинете пост министра финансов, «прохитовски» настроенный Роберт Карр потребовал пост министра иностранных дел. Он его не получит и примется мстить, разоблачая «эту жалкую горстку людишек, возомнивших, что монетаристская политика – это нечто вроде автоматического механизма». Питер Уокер был принесен в жертву на алтарь злопамятности, потому что именно он, возглавляя практически избирательную кампанию Хита, руководил операцией по дискредитации Маргарет, пустив слух о созданных ею запасах продовольствия. Маргарет могла примириться с соперниками, но не с предателями, применяющими в борьбе запрещенные приемы. Так пусть уходит! Все другие «уходящие» были фигурами незначительными⁶⁰.

Еще более удивительным было распределение «кресел». Уилли Уайтлоу, отправленный на бой почти против своей воли, объявил, что отдает себя в распоряжение Маргарет. Бывший военный, привыкший служить и выполнять приказы. «В глубине души это был очень верный, очень преданный человек», – пишет о нем Маргарет. Так как он был неудачливым кандидатом, Маргарет назначила его своим помощником, ответственным за передачу полномочий, а позднее – министром внутренних дел в теневом кабинете. Хотя они были выходцами из совершенно разных слоев, впоследствии прекрасно и слаженно работали в паре.

Весь Уайтхолл ожидал, что увидит Кита Джозефа на посту казначея, то есть министра финансов. Но пост сохранил за собой Джеффри Хау по той причине,

⁵⁸ Цит. по: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 190.

⁵⁹ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 191.

⁶⁰ Там же. С. 192.

что у него была репутация сторонника свободного рынка. Осознавая, сколь велики не только достоинства, но и недостатки Кита Джозефа, Маргарет хотела сохранить его при себе в качестве наставника. Не желая, чтобы он публично допуская свои ляпы, она доверила ему пост министра без портфеля, поручив определять стратегические направления развития как в политике, так и в экономике. Если говорить ее словами, Кит представлял собой «мозг», а Уилли и Джеффри – «мускулы».

Другие назначения носили чисто политический характер. На пост министра иностранных дел в теновом кабинете она назначила воскрешенного из небытия Реджинальда Модлинга, отправленного в отставку с этого поста в 1972 году из-за разразившегося тогда политическо-сексуального скандала, которые так любит читающая таблоиды Англия. «Это был не слишком удачный выбор», – напишет позже Маргарет. Реджи Модлинг был ярким поклонником кейнсианства, к тому же нес на себе отпечаток братства по оружию, возникшего в годы войны между англичанами и русскими, верил в «дипломатию маленьких шагов», в государственные переговоры, ведущиеся культурными джентльменами. По мнению Маргарет, он так и не понял, что «время крахмальных отложных воротничков» безвозвратно ушло, а в ее глазах это был непростительный грех для политика! Кроме того, Модлинг отвергал тот радикальный антисоветизм, к которому была склонна Маргарет. Вскоре он покинул теновый кабинет, повозмущавшись в палате общин *по* поводу «глупости этой невозможной женщины».

На пост министра по вопросам занятости (труда) в теновом кабинете Маргарет призвала тяжеловеса из левого крыла партии, Джеймса Прайора. Он был сторонником переговоров с профсоюзами и Закона об отношениях в промышленности, а также всячески поддерживал прогрессистов. Это назначение свидетельствует, что в то время Мэгги еще не приняла окончательного решения, скрестить ей шпаги с профсоюзами или нет. В 1975 году она знала, что страна еще не готова к решающему столкновению, которое произойдет только девять лет спустя, в 1984 году⁶¹.

Кроме Кита еще одним убежденным сторонником тэтчеризма в теновом кабинете был Айри Нив. Она должна была ввести его в кабинет, потому что многим была ему обязана. Его заботам была вверена Ирландия, чему он был рад, поскольку только этот «портфель» его и интересовал по-настоящему. Он также взял на себя руководство частными советниками тенового кабинета и секретариатом.

Во время заседаний тенового кабинета Маргарет вела себя поразительно сдержанно, хотя все еще помнили ее поведение в «эпоху Кита», когда она говорила без умолку, по поводу и без повода. Теперь она больше слушала, в особенности сначала, зная, что умно созданная упряжка тенового кабинета не распряжется. Айри Нив, например, говорил: «Она была относительно демократичной в использовании своего кабинета как источника принятия решений; однако самые важные стратегические решения принимались не кабинетом, а маленькой группкой близких ей людей». Да и свобода, предоставленная Маргарет теновому кабинету, была довольно относительной. Она уточняла: «Вы высказываете свои взгляды в частном порядке, но вы соглашаетесь защищать коллективные решения. <...> роль премьер-министра состоит в том, чтобы прервать все разговоры и сказать: “Вот что мы будем делать”». В конце концов Маргарет справилась со всеми проблемами прекрасно, потому что на протяжении всего периода, когда тори были в оппозиции, никто «не хлопал дверьми» и не уходил из тенового кабинета со скандалом⁶².

⁶¹ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 193.

⁶² Там же. С. 193–194.

В Центральном бюро партии, менее доступном для средств массовой информации, Маргарет взяла бразды правления в свои руки более энергично. На многие посты она назначила своих людей, так как прежние представители партии, заправлявшие в Центральном бюро, сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать ее избранию. Новому лидеру нужны были новый председатель партии, а также новый казначей, новый шеф Исследовательского отдела. Ключевые посты были заняты.

Питер Торникрофт стал председателем и принес свое знание деловых кругов, свою верность Маргарет и свою политическую смелость.

Назначив Алистера Макалпина на пост казначея, Маргарет продемонстрировала свою способность преодолевать предвзятость и предрассудки ради дела. Алистер Макалпин – тори старой закалки и старого рода, отпрыск целой «линии» депутатов-консерваторов, денди до кончиков ногтей. Он обладал достаточным состоянием, чтобы не работать, он был слишком богат, чтобы соблазниться взяткой, слишком благовоспитан и элегантен, чтобы ничего не делать; он «порхал как бабочка» от одного занятия к другому и был воплощением всех грехов, к которым Маргарет питала отвращение, находя их в изобилии у представителей верхушки партии; он представлял собой смешение светскости и политики. Но за несколько месяцев этот молодой фронт превратился в первоклассного «добытчика средств». Его записная книжка открывала для него чековые книжки. Он вел свою игру со всей присущей ему энергией; по совету Маргарет он сменил свой немецкий «мерседес» на более типичный британский «ягуар». На протяжении тех пятнадцати лет, что он занимал свой пост, никогда Консервативная партия не знала затруднений с деньгами⁶³.

Приход Энгуса Мода в Исследовательский отдел в качестве главы тоже имел большое значение. Этот талантливый журналист, бывший советником Маргарет с самого начала ее карьеры, призван был выполнить непростую миссию: устранить соперничество между двумя мозговыми центрами, коими тогда были Центр политических исследований Кита Джозефа и Исследовательский отдел Иэна Гилмора. Гилмора подтолкнули подать в отставку, и пришедший на его место Энгус Мод «разминировал минное поле», трансформировав отдел в некий придаток канцелярии лидера партии, чтобы «он мог выполнять задачи секретариата теневого кабинета, а не определять направления дальнейшего развития». Центр политических исследований наконец-то получил право первенства. Цель была достигнута.

Став лидером партии, Мэгги более чем когда-либо прежде была озабочена своим имиджем. Гордон Рис, уже занимавшийся этим время от времени, покинул свой пост в «Электрик энд мьюзикл индастриз» и вплотную занялся вопросом связей с общественностью. Очень быстро он стал ключевой фигурой ее команды. Когда-то он посоветовал ей поработать над своим внешним видом, теперь дал совет серьезно поработать над голосом. С помощью своего авторитета и лести он с успехом заставил ее провести многие часы у специалиста-логопеда, научившего ее владеть дыханием и говорить не горлом, а ртом. Надо – так надо! Без ложного стыда Мэгги вновь побывала скромной студенткой Оксфорда. Она даже встретила с сэром Лоуренсом Оливье, самым знаменитым актером Англии того времени, чтобы он раскрыл ей секреты мастерства сценической речи⁶⁴.

Гораздо серьезнее, чем прежде, Гордон Рис пошел в атаку на политику связей с общественностью, в особенности с прессой, проводимую тори. То ли в результате избранной тактики, то ли из-за снобизма, но тори всегда отдавали предпочтение «серьезным газетам», таким как «Таймс» или «Дейли телеграф». Гордон предложил

⁶³ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 194–195.

⁶⁴ Там же. С. 195.

«сменить паруса». Нельзя завоевать массовый электорат при помощи газет, которых простой народ не читает! А потому без колебаний следует работать и с таблоидами, обожающими скандалы, такими как «Сан» или «Ньюс оф уорлд». «Эти газеты, – признает Маргарет, – сыграли ключевую роль в деле ознакомления с ценностями консерваторов избирателей, традиционно голосовавших не за консерваторов».

Итак, у Маргарет теперь был свой кабинет, хоть и теневой, была своя партия, были свои люди, свои советники. Сама же она была только что получившим назначение генералом, оказавшимся во главе войска ветеранов, среди которых затесались несколько новичков; и вот этот генерал был брошен в гущу политического сражения.

Первые парламентские перепалки оказались не в ее пользу⁶⁵.

Между тем, положение в стране ухудшилось. К концу 1970-х гг. Великобританию стали называть **«больным человеком Европы»**. Болезней было несколько. Самая опасная – высокий уровень инфляции, достигавшей двузначных цифр. Инфляция съедала не только пенсии и заработки трудящихся, но и доходы сравнительно обеспеченных людей из тех, кого англичане называют «средним классом»: юристов, банковских служащих, чиновников и т.п.

Лейбористское правительство, находившееся у власти с небольшим перерывом с 1974 по 1979 год, пыталось решить проблему двумя путями. Во-первых, договориться с профсоюзами (составляющими структурно часть лейбористской партии) о «социальном контракте» замораживании заработной платы, чтобы остановить бешеный рост цен. Сделать это не удалось. Профсоюзы, находившиеся в это время в зените своего влияния, решительно отстаивали уровень благосостояния своих членов, не соглашаясь в таких условиях на замораживание зарплаты и все чаще прибегая к забастовкам.

Во-вторых, лейбористы в поисках средств для капиталовложений в государственный сектор промышленности и как финансирование социальных программ все время повышали налоги. От стандартной ставки в 33 процента подоходный налог для очень богатых людей доходил до 83 процентов. Другими словами, из каждой тысячи фунтов стерлингов дохода богачей они могли оставлять себе только 173 фунта. В таких обстоятельствах началось бегство капитала за границу и сокращение капиталовложений в частном секторе⁶⁶.

Правительство было вынуждено прибегнуть к займу у Международного валютного фонда. Это оскорбило чувства англичан, поскольку они считали, что у этого финансового института деньги берут в основном развивающиеся страны. (Это неверно, но в то время на Британских островах это было господствующим мнением). К тому же МВФ связал предоставление денег с условием сокращения правительственных расходов, что было одним из главных пунктов программы консерваторов. Удар по престижу лейбористов оказался сильным.

Напряжение нарастало и достигло пика к зиме 1979 года, названной тогда «зимой тревоги нашей» (цитата из Шекспира). Все чаще звучал вопрос: не становится ли Британия неуправляемой? В таких обстоятельствах наступили выборы 1979 года, которые и сделали впервые премьер-министром Маргарет Тэтчер в возрасте 54 лет.

За четыре года до этого **М. Тэтчер** стала лидером консервативной партии, оттеснив от руководства Э. Хита и У. Уайтлоу. К. Джозеф, самый заметный в то время идеолог «новых консерваторов», уклонился от лидерства Биографы М. Тэт-

⁶⁵ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 195–196.

⁶⁶ См.: О них говорят: 20 политических портретов. М., 1989. С. 34.

чер называют это «необыкновенны, везением, успешным государственным переворотом». Возможно, в этот начальный момент везение в какой-то мере сопутствовало ей, но важнее всего, что правые радикалы в партии уже тогда разглядели в будущем премьере незаурядного и твердого выразителя своих взглядов.

Ее программа, сформулированная и провозглашенная от имени партии тори, получила название «тэтчеризма», или «нового торизма»⁶⁷.

После поражения правительства Э. Хита на парламентских выборах 1974 г. консерваторы переживали серьезные трудности. Тревожным сигналом было не только уменьшение влияния партии, но и падение ее численности. В 1953 г. в партию входили 2,8 млн человек, в конце 1960-х годов – 1,5 млн, в середине 1970-х – немногим более 1 млн человек.

Поиски причин кризисных явлений в организации и отставания Великобритании от других высокоразвитых стран по ряду экономических показателей стали предметом обсуждения нового независимого органа – «Селсдонской группы». Она была создана в 1973 г. и названа по имени отеля (Селсдон-парк), в котором собирались ее члены. Все они были консерваторами и видели свою задачу в том, чтобы разработать новую стратегию, способную обеспечить партии победу на выборах. В 1974 г. «Селсдонская группа» создала Центр политических исследований (ЦПИ). В основу его деятельности были положены теории, разработанные экономистом и философом австрийского происхождения Ф. Хайеком и американским экономистом М. Фридменом. В 1970-е годы они оба стали лауреатами Нобелевской премии⁶⁸.

Хайек и Фридмен выступили с резкой критикой учения Дж. Кейнса и основывающемся на нем государственном регулировании. Между тем, как уже отмечалось, именно это учение явилось теоретической основой экономической стратегии послевоенных лейбористских правительств, которая с некоторыми изменениями была воспринята и руководством Консервативной партии.

Помимо экономических работ, Ф. Хайек был известен трудами, направленными против «коллективизма» как марксистского, так и социал-демократического толка. Его наиболее популярный труд антикоммунистической направленности «Дорога к рабству» вышел в свет в 1944 г. и получил широкий политический резонанс.

В книге **М. Фридмена** «Капитализм и свобода», опубликованной в 1962 г. и названной ее почитателями «манифестом лэссе-феризма» (от фр. *Laissez faire* – свободная конкуренция), говорилось о необходимости максимальной свободы для частной инициативы. При этом роль правительства ограничивалась установлением общих законодательных норм. Главный же вклад Фридмена в науку заключался в разработанной им монетарной теории (монетаризме). В соответствии с этой теорией, государство может воздействовать на экономику не путем прямого регулирования и планирования ее развития, а путем контроля количества денег, находящихся в обращении. Жесткая монетарная политика, по его мнению, станет действенным средством против инфляции, высоких налогов и социального паразитизма. Одним из важнейших тезисов Фридмена являлось его утверждение о «естественном» уровне безработицы, КОТОРЫЙ делает требования рабочих об увеличении оплаты труда более умеренными и будет стимулировать повышение производительности труда. Государство освобождалось также от прямого контроля над ценами.

⁶⁷ См.: О них говорят: 20 политических портретов. М., 1989. С. 34–35.

⁶⁸ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 308.

Члены Центра политических исследований (ЦПИ) стали активными пропагандистами взглядов Фрийдена. Наиболее авторитетный из них – К. Джозеф попытался синтезировать монетаризм Фрийдена и социальную теорию Хайека. В одной из лекций он утверждал, что при наличии большого государственного сектора и при государственном вмешательстве в экономику необходимо не только вводить монетарный контроль, но и ликвидировать государственное регулирование. По его мнению, лишь в этом случае можно преодолеть застой в экономике. Фактически же ЦПИ намечал отправные моменты политики будущего консервативного правительства. В целом сторонников новых идей, выступавших против социального эгалитаризма (социального уравнивания) и социально-ответственного государства, называли правыми радикалами, неолибералами, а также новыми тори или неоконсерваторами. Их теорию называли неолиберализмом, так как она возвращалась к одному из главных постулатов классического либерализма – неограниченной свободе в области частного предпринимательства и минимизации прямого государственного вмешательства в экономические процессы⁶⁹.

Аналогичный процесс наблюдался в 1980-е годы в США и ряде стран Западной Европы, где на выборах в президенты в 1980 г. победу одержал лидер правого крыла Республиканской партии Р. Рейган. Он сразу взял курс на ослабление государственного регулирования, снижение налогового обложения крупного капитала, стимулирование предпринимательской деятельности и сведение к минимуму социальной функции правительств⁷⁰.

Во второй половине 1970-х годов Тэтчер поддерживали в основном представители мелкого бизнеса, с уважением относившиеся к происхождению нового лидера, а также к проповедуемым ею принципам бережливости, установлению закона и порядка, а также культу семьи. Именно семья, по убеждению Тэтчер, должна привить подрастающему поколению трудолюбие, уважение к старшим, чувство ответственности перед близкими и неустанное стремление к улучшению своего материального положения. В целом все это соответствовало протестантской этике, которую большинство британцев усваивали с детских лет.

Между тем гуманитарная интеллигенция, государственные служащие, значительная часть рабочих разной квалификации далеко не полностью утратили приверженность солидарности и коллективистским ценностям. Этатистские настроения, т.е. убежденность в необходимости регулирующей роли государства, сохранились и у значительной части представителей крупного капитала, особенно связанных с промышленностью⁷¹.

Одним из важнейших направлений своей деятельности Тэтчер провозгласила борьбу с социализмом внутри страны и в международном масштабе. Типичными ее заявлениями были: «Я покончу с социализмом», «Британия и социализм несовместимы». В Парламенте глава «теневого» кабинета постоянно вступала в полемику с лейбористами, без основания обвиняя их в том, что они хотят перенести на Великобританию конституционное устройство стран Восточной Европы⁷².

К майским **выборам 1979 г.** в парламент консерваторы и лично М. Тэтчер основательно готовились. Манифест партии, подготовленный к выборам под непо-

⁶⁹ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 308–309.

⁷⁰ Там же. С. 309–310.

⁷¹ Там же. С. 311.

⁷² Там же. С. 312.

средственным руководством лидера партии и в дальнейшем превратившийся в программу консервативного правительства, был выдержан в духе монетаризма. На первое место ставились борьба с инфляцией, развитие частного предпринимательства, снижение налогов, реприватизация части национализированных отраслей промышленности, включая распродажу принадлежавших государству активов на северо-морскую нефть. Расширение частного домовладения предусматривалось за счет распродажи муниципальных домов. Приоритетами консерваторов провозглашались также борьба с преступностью и ограничение прав профсоюзов. Кроме того, предполагалось введение режима экономии за счет сокращения расходов на содержание государственного аппарата, жилищное строительство, здравоохранение.

В те решающие дни Маргарет избрала тактику «близкого общения». Она «обрабатывала» страну, разъезжая в автобусе фирмы «Баттл», обыкновенном автобусе, что сновали по проселочным дорогам Англии, только он был выкрашен в цвета партии тори. Ее сопровождала небольшая группа членов ее команды: ее пресс-атташе Дерек Хау, Джанет Янг, Майкл Доббс, иногда Гордон Рис или Ронни Миллер. В те времена электроника была еще в зачаточном состоянии, текстового редактора еще не существовало, как и электронной почты. Тексты речей распечатывали, редактировали и передавали по телефону в Центральное бюро партии, откуда их и распространяли в средства массовой информации. В автобусе был всего один радиотелефон, который часто не работал. Во время остановок все бросались к любому свободному телефону, так что у него образовывалась настоящая свалка. Однажды шофер автобуса вырвал антенну, в другой раз средства связи были повреждены телефонистами-забастовщиками. Но это было не так уж важно, ведь это была избирательная кампания, организованная по старинке; в ней также участвовали фотографы из различных агентств, которых Мэгги умела прекрасно использовать. Итак, ежедневно она посещала два-три округа, одно-два предприятия и заканчивала день речью перед собранием местной ассоциации консерваторов. У нее был дар фотографироваться так, что эти фотографии обеспечивали ей дополнительные очки. Она знала, что ее считали «слишком буржуазной»; находясь в Норфолке, она вышла в поле в простых резиновых сапогах, бросилась к теленку, гулявшему по полю, и обняла его. В течение десяти минут фотографы «расстреливали» ее вспышками фотоаппаратов. Только сопровождавший ее Деннис был встревожен. «Будь внимательна, – шептал он, – осторожнее с ним, как бы он у тебя в объятиях не окоцурился со страху, а то это произведет неприятное впечатление». На одной из фабрик она уселась за швейную машинку и пришила карман к спецовке. Мастер, очарованный этим зрелищем, сказал представителям прессы: «Если ее не выберут, я возьму ее на работу». Маргарет была способна ответить на любые вопросы людей с улицы, вроде цены фунта ростбифа или платы за жилье. Однажды ей пришла в голову гениальная идея. В одном из супермаркетов Галифакса она сфотографировалась с двумя хозяйственными сумками в руках; одна была синего цвета, большая, набитая продуктами, которые можно было купить за 1 фунт стерлингов в 1974 году, вторая – красного цвета, маленькая, в которой лежал «эквивалент, который можно было купить за 1 фунт в лейбористской Англии в 1979 году». Вторая сумка была полупуста. Это был наглядный урок результата инфляции. Фотография произвела фурор и обошла все газеты Соединенного Королевства⁷³.

В поисках популярности Маргарет проявляла не только боевой дух, но и смелость. В одном из округов, где были чрезвычайно сильны лейбористы, какая-то

⁷³ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 234–235.

простая работница, баба огромного роста, со спутанными волосами и явно нетрезвая, буквально напала на Маргарет. Поток брани ее не испугал. Она оттолкнула своих телохранителей, пытавшихся ее удержать за полы костюма, и стала задавать вопросы этой грубой бабе. Та смешалась, не зная, что сказать, затем опять принялась бранить «всех этих политиканов, не желающих слушать простой народ», на что Мэгги вполне резонно возразила: «Вот удача! Ну, так я вас слушаю». Мгновенно возникшая «ниточка» была толстой и грубой, сродни морскому канату, но сколь же она была эффективна!

Удары, которые наносила сама Маргарет, были тем более сильны, что она не довольствовалась «охотой за голосами» на участках, уже завоеванных консерваторами. Она поняла, что закон и порядок, возможность купить жилье, право работать много и тяжело, но при этом получать более высокую зарплату, возможность работать сверхурочно, – все эти права и возможности являются ценностями, которые разделяет не только большая часть электората лейбористов, но и солидная часть умеренно настроенных членов профсоюзов. Тогда она обратилась к ним в Кардиффе, на участке Каллагена, с обращением, которое радио транслировало по всей стране: «В этой стране существует привычка к идеям социализма, исповедовавшимся людьми умными <...>. В этом социализме было много достоинства и человеческого тепла. Но он был заменен социализмом нетерпимым, социализмом забастовочных пикетов, аппаратчиков и бюрократов. Я полагаю, избиратели, голосующие за партию лейбористов, хотят того же, чего хотим мы, но им мешает их понимание верности и их предрассудки <...>, ошибочно думать, что сегодняшняя Лейбористская партия – это то же самое, чем она была вчера. <...> Если вы горячо любите вашу страну <...>, идите вместе с нами <...>. Мы вам предложим войти в общую политическую семью, предложим политический дом, и вы сможете воплотить там ваши идеалы»⁷⁴.

Этот призыв был услышан и хорошо воспринят потому, что немало умеренно настроенных лейбористов в тот момент покидали ряды своей партии, напуганные ее левацким уклоном. В прессе они объясняли, почему это делают. Список таковых был длинен, и в нем фигурировали имена людей очень известных: Редж Прентис, бывший министр, Ричард Марш, бывший министр, лорд Джордж Браун, лорд Роберт, лорд Чалфонт, члены парламента, а также многие другие.

Кроме того, избирательная кампания лейбористов была организована весьма посредственно. Ее итог, который мог бы быть довольно успешным, после всех неприятностей зимы 1979 года склонился к красной черте, символизовавшей опасность провала. Даже при том, что профсоюзы (в особенности Национальный профсоюз неквалифицированных и муниципальных рабочих) сулили «столкновения», если страна «совершит безумный шаг, отдав на выборах предпочтение партии тори», так называемая «зима недовольства» послужила ярким доказательством тому, что Лейбористская партия – это все, что угодно, только не гарантия от забастовок. Консерваторы или лейбористы будут у власти, риск воцарения хаоса реально существовал в обоих случаях. Джим Каллаген мог предложить только самого себя, и всё, но ведь этого было очень мало⁷⁵.

Речи Маргарет, длинные, глубокомысленные, преисполненные пафоса, мессианской значимости и почти религиозного чувства, составляли разительный контраст с выступлениями Каллагена. Ее устами говорила душа Англии, говорили ее

⁷⁴ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 235–236.

⁷⁵ Там же. С. 236.

торфяники, ее песчаные дюны, ее леса и луга, ее герои и доблестные рыцари, которых она вспоминала. В Эдинбурге она прочла строки Киплинга, где говорилось о душах предков. Ее речь в Кардиффе, в Уэльсе, скорее напоминала проповедь человека, утвердившегося в своей вере после тяжелых испытаний. «Если ты получишь благую весть, поделись ею. Для меня политика – дело убеждений. Пророки из Ветхого Завета говорили: “Братья, я желаю согласия!” Они говорили: “Вот моя вера и вот мое видение, вот во что я верую”. Так вот, если вы в это верите, следуйте за мной. Вот что я говорю вам сегодня вечером. Выметем прочь недавнее прошлое, мрачное и скорбное. Покончим с пораженческими настроениями! Под знаменем выбора и свободы новое пленительное будущее зовет британский народ, будущее, достойное его славного прошлого». Можно сказать, что ветер истории явно дул в сторону Маргарет.

Хотя последняя неделя перед выборами была довольно тяжелой, хотя некоторые опросы и свидетельствовали о минимальном преимуществе (до 0,7 процента) лейбористов, хотя Тэд Хит и пытался влезть в кампанию, к великой ярости Мэгги (он «целился» занять Форин Оффис), – несмотря на всё это карты были сданы, ставки сделаны, кости брошены. Ничто уже не могло ничего остановить. Накануне выборов «Дейли мейл» выходит под шапкой «Женщина, которая может спасти Англию», а «Сан», обычно исповедующий идеи прогрессистов, – под шапкой «На сей раз голосуйте за тори». Эта кампания стала главным уроком по выработке тактики борьбы за избирателей. Для избирателя. 1979 года корабли королевы Виктории оказались тесно связаны с заводами, на которых требовалось провести реконструкцию, и с экономикой, которую нужно было восстанавливать. Маргарет Тэтчер очень талантливо сумела соединить настоящее и прошлое, далекое и близкое, конкретное и абстрактное, ежедневные человеческие заботы и великие мечты людей, повседневность и миф, она сумела присоединить ко всему вышеназванному ту часть недостижимого, которая возвышает человека над самим собой и придает политической деятельности некую мистическую значимость, которую никто у него не может отнять и без которой никакая великая судьба не может свершиться.

«Это была, – пишет она, – самая лучшая моя избирательная кампания, когда я чувствовала себя в наибольшей гармонии с народом»⁷⁶.

В ходе выборов **3 мая 1979 г.** консерваторы собрали 13,7 млн голосов (43,9%) и получили 339 мест в Палате общин обеспечив себе абсолютное большинство в 43 мандата. За лейбористов проголосовало 11,5 млн избирателей (36,9%), и они стали обладателями 269 депутатских мандатов. Либералам досталось 11 мест. Таким образом, консерваторам представился шанс проводить свой политический курс независимо от позиции других партий.

День 3 мая Маргарет Тэтчер начала с того, что проголосовала в Челси вместе с Деннисом. Затем она отправилась в свой округ. Вечером она обосновалась в ратуше Барнета, чтобы дожидаться там результатов голосования. Будучи очень суеверной, она ждала того момента, когда можно быть совершенно уверенной в победе. В три часа стало ясно, что догнать консерваторов лейбористы уже не смогут. Консерваторы действительно одержали победу, получив на 44 депутатских мандата больше, чем лейбористы, и на 7 процентов голосов больше. Особенно интересно было то, что хоть преимущество консерваторов и не было самым внушительным за всю историю английского парламента, электорат лейбористов очень сильно был

⁷⁶ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 237.

заинтересован кампанией консерваторов. Это было, с одной стороны, свидетельством эффективности кампании, а с другой – воистину исторических перемен. В среде квалифицированных рабочих сдвиг в пользу консерваторов составил 9 процентов, в среде среднего класса – 11. Говоря другим языком, можно утверждать, что центр тяжести страны тогда смещался вправо⁷⁷.

В четыре часа утра 4 мая Маргарет прибыла в Центральное бюро Консервативной партии, чтобы отпраздновать победу. Она была взволнована, потрясена. Ронни Миллер вспоминает, что «леди редко выказывала волнение, но на сей раз она плакала горючими слезами и часто сморкалась». На следующее утро она вновь появилась в своей канцелярии, в помещении парламентского пристава, где на протяжении всех лет, когда была лидером оппозиции, «держала» свой штаб. Затем она отправилась в Центральное бюро партии, чтобы там дожидаться вызова во дворец. В 14 часов 45 минут личный секретарь королевы сэр Мур пригласил ее прибыть в Букингемский дворец. Беседа с Ее Величеством продолжалась 45 минут. Покидая дворец, Маргарет уже была премьер-министром Соединенного Королевства Великобритании, Уэльса, Шотландии и Ирландии. В качестве лидера оппозиции она занимала в палате общин кресло Черчилля, бывшего ее кумиром во время войны. Теперь она займет его место на Даунинг-стрит, в доме 10.

Как и положено при хорошо отлаженной монархии, служба протокола все отрегулировала мгновенно. У подножия скромной «лестницы премьер-министра», не идущей ни в какое сравнение с пышной парадной лестницей, предназначенной для государственных приемов и любопытных туристов, Маргарет уже ждала машина премьер-министра. Машина лидера оппозиции была передана Джиму Каллагану. В первый раз гвардейцы, несущие караул у стен дворца, отдали честь той, которой они не отдали честь при входе, ведь тогда она была всего лишь особой, которой назначена аудиенция.

На ступенях дома 10 по Даунинг-стрит она прежде всего прочла апокрифическую молитву святого Франциска Ассизского, которую ей посоветовал вспомнить Ронни Миллер: «Да сможем мы привнести гармонию туда, где есть раздор и разногласия, да сможем мы принести истину туда, где есть заблуждение, да сможем мы принести веру туда, где есть сомнения. Туда же, где есть отчаяние, да сможем мы принести надежду»⁷⁸.

Остряки не преминули позлословить и позубоскалить по поводу этих слов, так не совпадавших с тем образом Маргарет, который они и многие другие себе создали. Йен Гилмор выскажется в том духе, что, мол, «все это было большим шарлатанством». Но это несправедливо. Ведь Маргарет была так убеждена в истинности своих идей. Она думала, что работает ради добра, справедливости и истины. Позднее в мемуарах она признала, что «невозможно было бы одолеть заблуждения, сомнения и отчаяние без некоторой доли раздоров и разногласий». Ей вовсе не казалось, что она отрекается от самой себя, произнося слова той молитвы. Нет, она себе не изменила.

После молитвы Франциска Ассизского она ответила на некоторые вопросы. Журналисту, спросившему: «Каково впечатление от того, что вы – женщина – премьер-министр?» – она ответила: «Не знаю, у меня нет опыта существования другого пола».

Прежде чем закрыть за собой дверь дома 10 по Даунинг-стрит, за которой ее ждали большие тайны и чрезвычайно тяжелые обязанности, Маргарет вспомнила о том, что она дочь Альфреда Робертса, бакалейщика из Грантема: «Почти всем я обязана моему отцу. Он научил меня верить во все то, во что я верю <...>. Именно

⁷⁷ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 238.

⁷⁸ Там же. С. 238–239.

со всем этим я и выиграла эти выборы. И меня чрезвычайно волнует, что все то, что я узнала в маленьком городке, в скромном доме, стало как раз тем, благодаря чему я победила на этих выборах»⁷⁹.

На одиннадцать лет и восемь месяцев бакалейная лавка, находившаяся на углу улицы в Грантеме, вошла в политическую жизнь и пришла на свидание с Историей.

Когда **4 мая 1979 года** королева назначит Маргарет Тэтчер премьер-министром, в первом же интервью, данном журналистам, она скажет: «Всем, абсолютно всем я обязана моему отцу». Стоит заметить, что как только Маргарет начала свое восхождение к вершине власти, ее в Грэнтеме больше не видели. Она плакала от ярости, когда лейбористы, победив в борьбе за мэрию в 1952 году, прервали политическую и общественную карьеру ее отца, занимавшего должность олдермена, хотя, по обычаю, старого первого городского советника от должности прежде не отстраняли. Альфред Робертс тогда высокомерно процедил: «Почти восемь лет я с честью носил эту мантию и полагаю, что сейчас я с честью от нее избавляюсь». Это было еще одно оскорбление, за которое она поклялась отомстить. Но вообще общалась она с отцом мало. Когда в 1970 году он умер, как гласит легенда, слушая в одиночестве по радио речь своей дочери, некоторые не слишком любезные биографы даже иронизировали над этим.

Но не следует преуменьшать влияние, оказанное бакалейщиком из Грэнтема на будущую «Железную леди». Он привил своей дочери любовь к труду, к экономии, научил ее понимать, что есть добро и что есть зло, и передал ей дух миссионерства.

На протяжении всей жизни Маргарет была неутомимой работягой. В то время как многие министры отдыхали, давая своему секретариату право предоставлять в их распоряжение цифры и выкладки, она долгие часы проводила в кабинете, изучая документы, чтобы сделать собственные подсчеты, которые позволяли все расставить по своим местам. Захлестнутые потоком приводимых ею цифр и деталей, многие ее противники не могли противостоять ее напору и компетентности. Она знала, что пошады дилетантам от политики не бывает, и потому работала как одержимая.

Разумеется, Мэгги не входила в число привилегированных. Она знала, что шиллинг – это шиллинг и что его надо заработать ценой пота. Она также знала, что государственные доходы – это результат труда и рабочих, и предпринимателей. Будучи родом из Грантема и выйдя из своей среды, она могла спокойно отослать к справочникам по марксизму тех «прогрессистов», что родились с серебряными ложками во рту.

Маргарет всегда будет пребывать в твердом убеждении, что политика и мораль связаны самым тесным образом. Наперекор умонастроениям эпохи, она возненавидит релятивизм. Для нее есть добро и есть зло, есть правда и есть ложь, есть истинное и есть фальшивое, есть черное и есть белое, и в ее палитре нет места серому. Она полагала, что если кто и думает иначе, то это потому, что это человек неискренний, непорядочный, а быть может, и злонамеренный. Вот откуда склонность видеть в сопернике врага, а вернее, воплощение темных сил и грядущего Армагеддона. Такая убежденность придавала огромные силы, но в то же время была и большим недостатком, так как лишала гибкости.

Наконец, Маргарет, как хорошая дочь пастора, всегда воодушевлялась идеей миссионерства. Каждое из ее сражений будет похоже на крестовый поход. С ее приходом на Даунинг-стрит, 10, к власти «пришла пасторская кафедра с Финкин-стрит», по словам **Джона Кэмпбелла**, автора книги о Маргарет Тэтчер⁸⁰.

⁷⁹ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 239.

⁸⁰ Там же. С. 60–61.

Г Л А В А II

У ВЛАСТИ: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОНСЕРВАТИВНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КАБИНЕТОВ М. ТЭТЧЕР В 1979–1990 гг.

2.1. Всеобщие парламентские выборы 3 мая 1979 г. и их итоги. Первый правительственный кабинет М. Тэтчер

Когда **Джеймс Каллагэн** возглавил правительство в апреле 1976 года, он обнаружил, что позиции лейбористского большинства крайне неустойчивы, а страна находится на грани экономического кризиса, он постарался укрепить свою позицию в парламенте, заключив пакт с либеральной партией, и даже дал ее лидеру, Давиду Стилу возможность влиять на принятие правительством решений в области законодательства, но не допуская его прямого участия в работе кабинета. С помощью подобных мер Каллагэн продержался до 1979 года¹.

Между тем, в 1970-х гг. уровень жизни населения в Великобритании был уже на 20–25% ниже, чем в ФРГ и Франции и составлял 92% от среднеевропейского².

Состоявшийся в сентябре 1978 года съезд Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) подавляющим большинством голосов одобрил резолюцию, в которой заявлял о своей «оппозиции политике правительства, направленной на вмешательство в переговоры о заработной плате, включая правительственные санкции»³.

Судя по всему, правительство не придало значения этой декларации и считало, что сможет еще какое-то время рассчитывать на лояльность профсоюзов или же обеспечить сдерживание роста заработной платы с помощью принудительной политики доходов. Еще в июне 1978 года, до съезда БКТ, Каллагэн объявил о том, что правительство устанавливает 5%-ный потолок на повышение заработной платы в течение ближайшего года. Но возможности реализации этого решения оказались весьма ограниченными, и правительство могло воздействовать на переговорный процесс лишь в случаях, когда руководство предприятий или учреждений в той или иной степени от него зависело. В основном это были предприятия и учреждения государственного сектора или же те частные предприятия, которые работали по государственным контрактам. Однако они составляли явное меньшинство, и, когда с осени 1978 года начался процесс повышения заработной платы в частном секторе, профсоюзы государственного сектора стали проявлять недовольство.

Началась так называемая **жаркая зима 1979 года**, в ходе которой забастовки работников государственных служб приобрели столь массовый и деструктивный характер, что оказали самое негативное влияние и на престиж правительства, и на общую социально-политическую обстановку в стране. В результате стачек мусорщиков улицы и площади многих городов стали превращаться в залежи отходов, становившихся источниками антисанитарии. Крысы стали появляться

¹ См.: Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М., 1999. С. 811.

² См.: Times. 1983. 8 Окт.

³ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 134.

даже поблизости от славящейся своей изысканностью и чистотой лондонской Пикадилли-стрит. У ворот кладбищ скапливались незахороненные гробы с покойниками. Во многих случаях переставала выезжать даже по самым экстренным вызовам «Скорая помощь». Надолго задерживались операции в больницах. В результате стачек водителей грузовых машин в ряде мест ощущалась серьезная нехватка горючего. Нервозную обстановку усугубляли перебои с пассажирским и грузовым транспортом. «Тревожная зима» («the winter of discontent»), как она вошла в историю страны, серьезно нарушила установившийся к осени 1978 года баланс в предпочтениях избирателей и во многом способствовала резкому повышению ставок консерваторов. Сохранявшееся вплоть до начала забастовок лидирующее положение лейбористов быстро сменилось превосходством тори. Как рассказывал впоследствии один из помощников Дж. Каллагана, когда однажды он увидел по телевидению, как похоронная процессия, подъехав к воротам кладбища, встретила группу преградивших ей дорогу пикетчиков и вынуждена была повернуть обратно, он понял, что лейбористы уже проиграли предстоящие выборы. Примерно вдвое упала популярность премьер-министра, а недовольство и даже враждебность к профсоюзам охватили значительную часть их собственных членов.

На настроениях населения сказался и общий рост забастовочной борьбы. Количество потерянных рабочих дней достигло небывалого в послевоенный период уровня – 29,5 млн. Даже в 1974 году, т.е. в год поражения правительства Хита на выборах, эта цифра была вдвое меньше. В последующие же четыре года она составила соответственно: 6 млн в 1975 г., 3,5 млн в 1976 г., 10,1 млн в 1977 г. и 9,4 в 1978 г.⁴

Наряду с общим ухудшением социально-экономической ситуации столь беспрецедентный скачок стачечной активности, сопровождавшийся «незапланированным» ростом заработной платы (в среднем на 16% вместо «нормы» в 5%) и соответственно издержек производства, обернулся реальной угрозой нового витка инфляции.

Правда, к весне 1979 года положение в стране немного стабилизировалось, стачечная волна пошла на убыль, рейтинг правительства и его главы стал расти. У лейбористов появилась надежда, что в течение ближайшего времени они смогут поднять свои шансы на победу и в случае успешного проведения предвыборной кампании вновь завоюют Даунинг-стрит. Тем более что до истечения сроков полномочия парламента, т.е. до середины октября 1979 года, оставалось еще несколько месяцев⁵.

Однако **правительство Каллагана** подстерегали неприятности иного, чисто политического характера. Одним из условий, на которых был заключен пакт правительства с либералами, было содействие автономии Шотландии и Уэльса и созданию там региональных законодательных ассамблей. Это условие пакта обеспечивало также лояльность национальных партий Шотландии и Уэльса, представленных в парламенте 14 законодателями (11 – от Шотландской национальной партии и 3 – от Плейд Кимру, как именует себя национальная партия Уэльса). Но после того, как в ходе состоявшегося 1 марта 1979 года референдума предложение об автономии не собрало необходимого процента голосов¹, позиции правительства тут же пошатнулись. Хотя никакой «вины» правительства в неблагоприятном исходе референдума не было, национальные партии тут же почувствовали себя свободными от каких-либо обязательств по отношению к нему и, наоборот, стали резко

⁴ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 134–135.

⁵ Там же. С. 135–136.

критиковать его действия. Что же касается либералов, то, почувствовав, что пакт с правительством не только не укрепляет их положения, но, напротив, крайне негативно сказывается на их популярности, они еще задолго до референдума заявили, что с весны 1979 года будут считать себя свободными от взятых обязательств⁶.

Почувствовав шаткость позиций лейбористского кабинета, **тори** тут же внесли в Палату общин резолюцию с вотумом недоверия правительству, и 28 марта 1979 года большинством в один голос резолюция была принята. Это означало, что у правительства не оставалось иного выбора, кроме как распустить парламент и назначить новые выборы за пять месяцев до истечения срока его полномочий. 13 апреля парламент был распущен и определена дата выборов – 3 мая 1979 года. Несмотря на столь неблагоприятное стечение обстоятельств, лейбористы не растерялись и проводили энергичную избирательную кампанию. Тем не менее им не удалось свести на нет преимущество консерваторов, и объяснялось это отнюдь не только эффектом «жаркой зимы», но и тем, что партия тори к тому времени обрела достаточную уверенность в себе и была готова к решительной борьбе за голоса избирателей. Причем готова еще задолго до мая 1979 года, иначе было бы трудно объяснить колебания Каллагана и его решение не проводить выборы осенью 1978-го. Шансы на победу лейбористов в тот момент были, безусловно, намного выше, однако и тогда уже консерваторы выглядели противником, к схватке с которым нужно очень серьезно подготовиться.

На руку консерваторам играло и резкое снижение роли социально-классового фактора в партийных предпочтениях избирателей. В ходе проводившихся в предвыборный период опросов выяснялись любопытные вещи. По данным на апрель 1979 года, большинство традиционно голосующих за лейбористов избирателей (от 52 до 95%) поддержали 6 из 7 основных требований предвыборной платформы тори, которые касались укрепления законности и порядка, ограничения права на вторичное пикетирование и отмены выплат пособий семьям забастовщиков, снижения подоходного налога, права выкупа муниципального жилья на льготных условиях, снижения численности государственной бюрократии. Более того, около 40% избирателей поддержали требование о приватизации государственной собственности. И если в октябре 1974 года 56% лейбористских избирателей высказывались в поддержку дальнейшей национализации британской промышленности, то в 1979 году – этот лозунг поддержали лишь 32%⁷.

Пожалуй, единственным козырем лейбористов в начавшейся избирательной кампании был относительно высокий рейтинг их лидера – **Джеймса Каллагана**, который, несмотря на все тяготы «жаркой зимы», продолжал уверенно опережать по уровню популярности **Маргарет Тэтчер**. В своей кампании лейбористы пытались всячески обыгрывать тот факт, что у них уже имеется когорта опытных и доказавших свою компетентность политиков, тогда как у консерваторов нет ни авторитетного и признанного всей партией лидера, ни сплоченной группы крупных государственных деятелей. Особый акцент делался на политический «экстремизм» и экономический либерализм Тэтчер и ее единомышленников, угрожавших, как утверждали лейбористы, новым взлетом цен, ростом безработицы и общей экономической дестабилизацией. Конфронтация же с профсоюзами, к которой, как утверждали лейбористы, неизбежно приведет политика консерваторов, чревата новым взрывом стачечной активности и может породить настоящий социальный хаос.

⁶ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 136.

⁷ Там же. С. 137.

Аргументация эта, однако, мало кого убеждала. Еще до начала официальной кампании консерваторы захватили инициативу в свои руки и прочно удерживали ее вплоть до выборов. Особая миссия при этом выпала на долю самой Тэтчер, которой пришлось не просто бороться за победу собственной партии, но и утверждать свой собственный имидж в качестве будущего главы правительства и фактического главы государства. И ту и другую задачу она успешно выполнила, не допустив, по признанию наблюдателей, ни одной непоправимой ошибки (на что так рассчитывали ее противники)⁸.

За время избирательной кампании Тэтчер посетила целый ряд городов и местечек Великобритании и покрыла расстояние, равное в общей сложности почти 3 тыс. миль, или 5 тыс. км. Примерно треть всего времени, отпущенного на кампанию, она провела в дороге. Ежедневно делалось примерно шесть остановок для проведения митингов и встреч, причем нередко к ночи она возвращалась в Лондон, чтобы участвовать в пресс-конференциях, консультироваться с непосредственными организаторами предвыборной борьбы.

Уже к концу апреля **Тэтчер** удалось переломить настроения избирателей. Судя по результатам опросов, ее рейтинг с конца апреля круто пошел вверх, тогда как рейтинг Каллагана начал заметно снижаться. Правда, сравняться с лидером лейбористов ей так и не удалось, однако существовавший между ними разрыв сократился в течение первых дней мая примерно наполовину. Не удалось Тэтчер и добиться того, чтобы ее популярность стала выше популярности партии, и это дало повод некоторым комментаторам утверждать, будто факт смены лидера сыграл скорее негативную роль⁹.

В поисках популярности Маргарет проявляла не только боевой дух, но и смелость. В одном из округов, где были чрезвычайно сильны лейбористы, какая-то простая работница, баба огромного роста, со спутанными волосами и явно нетрезвая, буквально напала на Маргарет. Поток брани ее не испугал. Она оттолкнула своих телохранителей, пытавшихся ее удержать за полы костюма, и стала задавать вопросы этой грубой бабе. Та смешалась, не зная, что сказать, затем опять принялась бранить «всех этих политиканов, не желающих слушать простой народ», на что Мэгги вполне резонно возразила: «Вот удача! Ну, так я вас слушаю». Мгновенно возникшая «ниточка» была толстой и грубой, сродни морскому канату, но сколь же она была эффективна!

Удары, которые наносила сама Маргарет, были тем более сильны, что она не довольствовалась «охотой за голосами» на участках, уже завоеванных консерваторами. Она поняла, что закон и порядок, возможность купить жилье, право работать много и тяжело, но при этом получать более высокую зарплату, возможность работать сверхурочно, – все эти права и возможности являются ценностями, которые разделяет не только большая часть электората лейбористов, но и солидная часть умеренно настроенных членов профсоюзов¹⁰.

Маргарет Тэтчер очень талантливо сумела соединить настоящее и прошлое, далекое и близкое, конкретное и абстрактное, ежедневные человеческие заботы и великие мечты людей, повседневность и миф, она сумела присоединить ко всему вышеназванному ту часть недостижимого, которая возвышает человека над самим собой и придает политической деятельности некую мистическую значимость, которую никто у него не может отнять и без которой никакая великая судьба не может свершиться.

⁸ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 138.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 235–236.

«Это была, – пишет она, – самая лучшая моя избирательная кампания, когда я чувствовала себя в наибольшей гармонии с народом»¹¹.

Состоявшиеся **3 мая 1979 года** выборы принесли убедительную победу консерваторам. За партию было подано на 7% голосов больше, чем за лейбористов, – соответственно 43,9 и 36,9%. Такого рода разницы в распределении голосов между главными партиями не наблюдалось с 1945 года. Потерпела поражение и «третья партия»: либералы потеряли почти треть полученных в 1974 году голосов избирателей¹².

Результаты всеобщих парламентских выборов 3 мая 1979 года (основные партии)¹³

Название	Лидер	Голоса	%	Кол-во мест
Консервативная партия	Маргарет Тэтчер	13697923	43,9	339
Лейбористская партия	Джеймс Каллаган	11535218	36,9	269
Либеральная партия	Дэвид Стил	4313804	13,8	11
Шотландская национальная партия	Гордон Вильсон	504259	1,6	2

Результаты выборов подтвердили правильность стратегии тори, сделавших ставку на ту часть электората лейбористов, которая и по своему положению, и по умонастроениям становилась все ближе к среднему классу. Согласно проведенным в день выборов опросам, за Консервативную партию на сей раз проголосовало 44% квалифицированных рабочих, всего на 1% меньше, чем за лейбористов, и на целых 18% больше, чем голосовало за тори в октябре 1974 года. Даже среди неквалифицированных рабочих консерваторы получили 31% (на 9% больше, чем в 1974 году), а среди членов профсоюзов – 30% (на 8% больше, чем в 1974 году). Но, пожалуй, больше всего усилились позиции тори среди безработных – с 19% в 1974 году до 38% в 1979 году. Объяснялось это прежде всего тем, что подавляющая их часть потеряла работу при последнем лейбористском правительстве, и, отдав свои голоса тори, они наказали кабинет министров, не сумевший защитить их право на труд¹⁴.

Итак, среди факторов, повлиявших на победу консерваторов, следует назвать: ослабление приверженности «своей» партии, «тэтчеризацию» консерватизма, поддержку тори со стороны основных СМИ, уже отмечавшийся выше эффект «жаркой зимы» 1979 года и снижение рейтинга либералов, поплатившихся за свое сотрудничество с лейбористами. Легенда гласит, что консервативная партия одержала победу на выборах в мае 1979 г. благодаря тому, что ей удалось возложить ответственность за массовую безработицу в стране на лейбористов. У тори даже был предвыборный плакат: длинная очередь за пособием по безработице и надпись: «При лейбористах работы нет»¹⁵.

¹¹ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 237.

¹² См.: General Election Results 1885–1979 //URL:<http://www.election.demon.co.uk/geresults.html>; Robert Eccleshall, Graham S. Walker, Biographical dictionary of British prime ministers. Routledge, 1998. P. 358.

¹³ См.: Heath A., Jowell R., Curtice J. How Britain Votes. Oxford, 1985. P. 2–3; Crag F.W.S. British parliamentary statistics. 1918–1970. L., 1971; Second ed.; Butler U., Kavanagh D. The British General Election of 1983. L., 1984. P. 299–300.

¹⁴ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 140–141.

¹⁵ См.: Брюс-Гардин Дж. Маргарет Тэтчер: первые годы правления. Смятение пророков. М., 1985. С. 26.

Результаты всеобщих парламентских выборов

Год вы-пуска	Общее число избирателей	% при-нявших участие в голо-сова-нии	Консерваторы		Лейбористы		Либералы		Прочие	
			% полу-ченных го-лосов	число мест в парла-менте	% полу-ченных го-лосов	число мест в парла-менте	% полу-ченных го-лосов	число мест в парла-менте	% полу-ченных го-лосов	число мест в парла-менте
1935	31374449	71,1	47,7	386	38,0	154	6,7	21	5,7	11
1945	33240391	72,8	36,2	197	48,0	393	9,0	12	6,8	25
1950	45412255	83,9	45,3	298	46,1	315	9,1	9	1,3	3
1951	34919331	82,6	48,0	321	48,8	295	2,6	6	0,6	3
1955	34852179	76,8	49,7	345	46,4	277	2,7	6	1,2	2
1959	35397304	78,7	49,3	365	43,9	258	5,9	6	0,9	1
1964	35894054	77,1	43,4	304	44,1	317	11,2	9	1,3	0
1966	35957245	75,8	41,9	253	48,1	364	8,5	12	1,5	1
1970	39342013	72,0	46,4	330	43,1	288	7,5	6	3,0	6
1974	39770724	78,1	37,9	297	37,2	301	19,3	14	5,6	23
1974	40072971	72,8	35,8	277	39,2	319	18,3	13	6,7	24
1979	41093264	76,0	43,9	339	36,9	268	13,8	11	5,3	16

Источники: Heath A., Jowell R., Curtice J. How Britain Votes. Oxford, 1985. P. 2–3; Crag F.W.S. British parliamentary statistics. 1918–1970. L., 1971; Second ed.; Butler U., Kavanagh D. The British General Election of 1983. L., 1984. P. 299–300.

Завоевав меньше половины голосов, благодаря мажоритарной системе выбо-ров консерваторы обеспечили себе абсолютное большинство мест в парламенте (339 из 635). Лейбористам досталось 268 мест, либералам – 11, шотландским и уэльским националистам – по 2 места, ольстерским юнионистам – 10 и североир-ландским католикам – 2 места.

Несмотря на всю убедительность победы консерваторов, это не была экстра-ординарная и даже выдающаяся победа, особенно если сравнить ее с результатами выборов 1945–1970 гг., когда партия-победительница завоевывала (за исключе-нием выборов 1964 года) от 46 до 49% голосов. И тем не менее в сравнении с результатами февральских и октябрьских выборов 1974 года это был весьма суще-ственный успех, особенно если принять во внимание внушительный перевес тори в Палате общин, дававший им возможность практически без оглядки на оппозицию проводить собственный социально-экономический и политический курс. Правда, это отнюдь не означало, что Тэтчер и ее единомышленники имели полную свободу рук, особенно учитывая тот расклад сил, который существовал внутри самой Кон-сервативной партии¹⁶.

«День 3 мая, пишет **Жан Луи Тьеро**, Маргарет Тэтчер начала с того, что проголосовала в Челси вместе с Деннисом. Затем она отправилась в свой округ. Вечером она обосновалась в ратуше Барнета, чтобы дождаться там результатов го-лосования. Будучи очень суеверной, она ждала того момента, когда можно быть совершенно уверенной в победе. В три часа стало ясно, что догнать консерваторов лейбористы уже не смогут. Консерваторы действительно одержали победу, полу-чив на 44 депутатских мандата больше, чем лейбористы, и на 7 процентов голосов

¹⁶ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 141.

больше. Особенно интересно было то, что хоть преимущество консерваторов и не было самым внушительным за всю историю английского парламента, электорат лейбористов очень сильно был заинтересован кампанией консерваторов. Это было, с одной стороны, свидетельством эффективности кампании, а с другой – воистину исторических перемен. В среде квалифицированных рабочих сдвиг в пользу консерваторов составил 9 процентов, в среде среднего класса – 11. Говоря другим языком, можно утверждать, что центр тяжести страны тогда смешался вправо.

В четыре часа утра 4 мая Маргарет прибыла в Центральное бюро Консервативной партии, чтобы отпраздновать победу. Она была взволнованна, потрясена. Ронни Миллер вспоминает, что «леди редко выказывала волнение, но на сей раз она плакала горючими слезами и часто сморкалась». На следующее утро она вновь появилась в своей канцелярии, в помещении парламентского пристава, где на протяжении всех лет, когда была лидером оппозиции, «держала» свой штаб. Затем она отправилась в Центральное бюро партии, чтобы там дожидаться вызова во дворец. В 14 часов 45 минут личный секретарь королевы сэр Мур пригласил ее прибыть в **Букингемский дворец**. Беседа с Ее Величеством продолжалась 45 минут. Покидая дворец, Маргарет уже была премьер-министром Соединенного Королевства Великобритании, Уэльса, Шотландии и Ирландии. В качестве лидера оппозиции она занимала в палате общин кресло Черчилля, бывшего ее кумиром во время войны. Теперь она займет его место на Даунинг-стрит, в доме 10.

Как и положено при хорошо отлаженной монархии, служба протокола все отрегулировала мгновенно. У подножия скромной «лестницы премьер-министра», не идущей ни в какое сравнение с пышной парадной лестницей, предназначенной для государственных приемов и любопытных туристов, Маргарет уже ждала машина премьер-министра. Машина лидера оппозиции была передана Джиму Каллагану. В первый раз гвардейцы, несущие караул у стен дворца, отдали честь той, которой они не отдали честь при входе, ведь тогда она была всего лишь особой, которой назначена аудиенция.

На ступенях дома 10 по Даунинг-стрит она прежде всего прочла апокрифическую молитву святого Франциска Ассизского, которую ей посоветовал вспомнить Ронни Миллер: «Да сможем мы привнести гармонию туда, где есть раздор и разногласия, да сможем мы принести истину туда, где есть заблуждение, да сможем мы принести веру туда, где есть сомнения. Туда же, где есть отчаяние, да сможем мы принести надежду».

Остряки не преминули позлословить и позубоскалить по поводу этих слов, так не совпадавших с тем образом Маргарет, который они и многие другие себе создали. Йен Гилмор выскажется в том духе, что, мол, «все это было большим шарлатанством». Но это несправедливо. Ведь Маргарет была так убеждена в истинности своих идей. Она думала, что работает ради добра, справедливости и истины. Позднее в мемуарах она признала, что «невозможно было бы одолеть заблуждения, сомнения и отчаяние без некоторой доли раздоров и разногласий». Ей вовсе не казалось, что она отрекается от самой себя, произнося слова той молитвы. Нет, она себе не изменила.

После молитвы Франциска Ассизского она ответила на некоторые вопросы. Журналисту, спросившему: «Каково впечатление от того, что вы – женщина – премьер-министр?» – она ответила: «Не знаю, у меня нет опыта существования другого пола».

Прежде чем закрыть за собой дверь дома 10 по Даунинг-стрит, за которой ее ждали большие тайны и чрезвычайно тяжелые обязанности, Маргарет вспомнила о том, что она дочь Альфреда Робертса, бакалейщика из Грантема: «Почти всем я

обязана моему отцу. Он научил меня верить во все то, во что я верю <...>. Именно со всем этим я и выиграла эти выборы. И меня чрезвычайно волнует, что все то, что я узнала в маленьком городке, в скромном доме, стало как раз тем, благодаря чему я победила на этих выборах».

На одиннадцать лет и восемь месяцев бакалейная лавка, находившаяся на углу улицы в Грантеме, вошла в политическую жизнь и пришла на свидание с Историей¹⁷.

Обратимся теперь к «Автобиографии» М. Тэтчер¹⁸: «Когда я проснулась в день выборов, то узнала из новостей, что все опросов этого утра показали превосходство консерваторов, варьирующееся от 2 до 8 процентов. Мы с Дэнисом отправились голосовать в Челси в 9 часов, прежде чем ехать в Финчли, где я по привычке просилась по кабинетам комитетов в сопровождении фотографов. Я вернулась на Флуд стрит, чтобы легко пообедать и попытаться немного отдохнуть перед вечером, который несомненно обещал быть долгим, время подсчета по Финчли в Бартлет Таун Холл, куша я прибыла вскоре после полуночи, я держалась в стороне, в дальней комнате вооружившись телевизором и запасшись кофе и сэндвичами, и могла слышать результаты по мере того, как они поступали. Роджер Боден был со мной, дополняя телевизионные репортажи ранними данными, поступавшими по телефону из Центрального офиса. Я продолжала вести тальманский счет, сверяясь с детализированным отчетом, который Лушер Бритто подготовил для меня. Первые несколько результатов сообщали, что мы выиграли, несмотря на то что среди них затесалась неприятная новость о поражении Тедди Тейлора в Глазго. Прогнозы о нашем превосходстве начали стабильно расти. Члены местного совета, мой председатель избирательного округа и его супруга, мой агент и остальные прибыли и выглядели все радостнее и радостнее. Но я умышленно подавляла в себе все порывы к преждевременным проявлениям эйфории: в ход пошли подсчеты, суеверия и, самое главное, знание того, что проще всего смириться с плохими новостями, когда не ждешь хороших. Однажды, ближе к концу, даже я не могла оставаться безучастной. К тому моменту, когда я сообщила всем результаты своих подсчетов, всем было ясно, что мы сформируем следующее правительство.

Масштабы победы застали всех – или почти всех – врасплох. Мы не просто выиграли выборы: вдобавок мы выиграли новый тип мандата. Пока все псефологи и комментаторы муссировали детальные результаты, масштабы нашего успеха лишь подкрепляли итоги. 5,6-процентный национальный скачок от лейбористов к консерваторам был крупнейшим из тех, которые удавалось достичь любой из сторон, и наше семипроцентное превосходство над лейбористами тоже было крупнейшим – с 1945 года.

Не менее важным было то, что скачок в нашу сторону был в рядах профессиональных рабочих; и больше одной третьей этого превосходства совершенно очевидно возникло во время агитационной кампании. Это были именно те люди, голоса которых нам требовалось вырвать из плена лояльности социалистам, зачастую складывавшейся на протяжении всей их жизни. Им в довольно жесткой форме пришлось столкнуться с фундаментальной дилеммой, которая встала перед всей Британией: принять еще большую роль, которую будет играть правительство в жизни нации, или вырваться на свободу, двигаясь в новом направлении. Для этих людей, помимо всего прочего, делом крайне практического свойства был выбор между тем, положиться ли на комфорт государственного обеспечения или пойти на жертвы ради лучшей жизни для себя и своих семей. Теперь они рискнули пойти на

¹⁷ Цит. по: Тьеро Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 238–239.

¹⁸ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 289–303.

риск (так как это был риск) и проголосовать за то, что предлагала я, – за то, что, как я знала, я теперь в некоторой степени персонифицировала. Я всегда старалась сохранять свою веру в них.

Мы поняли, что выиграли, в первые часы пятницы 4 мая, но только к полудню мы получили очевидное большинство мест, которые нам требовались, – 43, как в конце выяснилось.

Рядом со мной было много друзей, пока мы ждали результатов в эти долгие часы в Центральном штабе Консервативной партии. Но я помню странное чувство, смешанное с предвкушением, когда раздался телефонный звонок, вызвавший меня во Дворец. Я была озабочена соблюдением деталей процедуры и протокола; удивительно, насколько при наличии важного повода рассудок сосредотачивается на вещах, которые в простой день кажутся сухими пустяками. Но меня преследовали истории о неловких эпизодах, случавшихся, когда один премьер-министр уходил со своего поста, а второй занимал его место, и я не могла не пожалеть Джеймса Каллагана, который незадолго до этого признал нашу победу, произнес речь, исполненную одновременно достоинства и щедрости. Какими бы ни были наши прошлые и будущие разногласия, я считала его патриотом, в сердце которого жила Британия, а худшее горе ему приносила его собственная партия.

Примерно в 2.45 раздался звонок. Я вышла из Центрального офиса, прошла сквозь толпу своих сторонников к ожидавшей меня машине, которая повезла нас с Дэнисом во Дворец – в мое последнее путешествие в роли лидера оппозиции.

Аудиенция, на которой ты получаешь от королевы право на формирование правительства, происходит в жизни большинства премьер-министров всего раз в жизни. Это право сохраняется, когда Действующий премьер-министр выигрывает выборы, поэтому мне не приходилось обновлять его в течение тех лет, которые я провела на своем посту. Все аудиенции с королевой протекают в обстановке строгой уверенности -- уверенности, жизненно необходимой для работы правительства и конституции. Мне предстояли такие аудиенции с Ее Величеством каждую неделю, обычно по вторникам, когда она была в Лондоне, или иногда в других местах – когда королевская семья пребывала в Виндзоре или Балморале.

Каждый, кто думает, что эти встречи сводятся к любезностям, серьезно заблуждается; они вполне деловые, и Ее Величеству приходится иметь дело со множеством текущих вопросов. И хотя пресса не смогла удержаться от предположения, что между Дворцом и Даунинг-стрит наличествуют разногласия, я всегда находила отношение Королевы к работе правительства абсолютно правильным.

Разумеется, истории о стычках между «двумя могущественными женщинами» были слишком хороши, чтобы их не выдумать. В целом больше глупостей было написано о т.н. женском факторе во время моего пребывания на посту, чем о чем бы то ни было другом. Меня всегда спрашивали о том, каково было быть женщиной премьер-министром. Я отвечала: «Не знаю, я никогда не имела противоположного опыта».

После аудиенции сэр Филип Мур, секретарь Королевы, сопроводил меня в свой офис по т.н. Ступеням премьер-министра. Я обнаружила, что там меня ожидает мой новый главный личный секретарь Кен Стоув, готовый сопроводить меня на Даунинг-стрит. Кен прибыл во Дворец с уходящим Премьер-министром Джеймсом Каллаганом, менее часа тому назад. Когда мы выехали через ворота Дворца, Дэнис подметил, что в этот раз стражники отсалютовали мне. В те невинные дни, до того, как охрана стала гораздо жестче из опасения террористов, толпа доброжелателей, зевак, журналистов и съемочных групп дождалась нас на самой Даунинг-трит. Толпа растянулась по всему пространству вверх по Даунинг-стрит и дальше до Уайтхолла.

Мы с Дэнисом вышли из машины и направились к ним. У меня появилась возможность прокрутить в голове все, что я скажу снаружи номера 10.

Когда мы повернулись к камерам и репортерам, радостные возгласы были настолько оглушающими, что никто на улице не мог услышать, что я говорила. К счастью, микрофоны, направленные в мою сторону, уловили мои слова и передали их на радио и телевидение.

Я процитировала известную молитву, приписываемую Св. Франциску Ассизскому, начинающуюся словами «Да принесем мы гармонию туда, где есть раздор». После на этот выбор обрушилась немалая доля сарказма, но продолжение этой цитаты часто забывается: «Да принесем мы истину туда, где есть заблуждение. Да принесем мы веру туда, где есть сомнение. Да принесем мы надежду туда, где есть отчаяние». Силы заблуждения, сомнения и отчаяния настолько прочно укрепились в британском обществе – «зима недовольства» это мощно проиллюстрировала, – что преодолеть их без определенной доли раздора было невозможно.

Внутри № 10 весь персонал вышел поприветствовать нас. Я уверена, что во времена до появления телевидения у этой церемонии была вполне реальная практическая польза, поскольку все, кто находится в здании, могли получше рассмотреть и впредь узнавать премьер-министра в лицо, одновременно и в целях безопасности, и для стабильного предоставления множества сервисов. Также в № 10 на самом деле царит почти семейная атмосфера. Численность персонала относительно невелика – около семидесяти или восьмидесяти человек, хотя из-за посменной системы не все присутствуют на месте одновременно. В это число входят работники личного кабинета, включая дежурных сотрудников, в задачи которых входит обеспечивать стабильную работу № 10 в течение суток; пресс-офис, где всегда есть кто-то готовый ответить на звонок; «девушки из садовой комнаты», выполняющие секретарскую и бумажную работу; «заведующий документооборотом», который сортирует и упорядочивает огромные массивы документов; парламентский отдел, который работает с парламентскими вопросами, высказываниями и дискуссиями; отдел корреспонденции, в который каждую неделю приходят от четырех до семи тысяч писем; отделы по работе с церковью и почестями; политический офис и политическое отделение; а также курьеры и прочий персонал, который снабжает всю огромную семью кофе, чаем и, что самое важное, информацией из внешнего мира. Это невероятная нагрузка, и для нее нужны люди с необыкновенными качествами и необыкновенной самоотдачей.

Личные секретари премьер-министра во главе с главным личным секретарем – ключевые фигуры в эффективной работе правительства. Они – Основной канал связи между премьер-министром и остальным Уайтхоллом, и на них лежит тяжкий груз ответственности. Мне повезло – в течение этих лет у меня были великолепные главные личные секретари. Прочие личные секретари, специализирующиеся на экономических или международных отношениях, также быстро освоили видение, знание и экспертное понимание моего мышления, что позволило мне полагаться на них. Бернард Ингрэм, мой пресс-секретарь, который прибыл через пять месяцев после того, как я стала премьер-министром, был еще одним незаменимым членом нашей команды. Мне говорили, что политические взгляды Бернарда были лейбористскими, а не консервативными; но при первой же встрече меня поразил этот сильный, прямой и веселый йоркширец. Он ни разу меня не подвел.

Время в номере 10 тянется долго. Меня это всегда устраивало. Работа премьер-министра подразумевала нагрузку, при которой сон казался роскошью. В любом случае за годы я приучила себя обходиться примерно четырьмя часами сна.

Личный офис тоже часто работал до 11 часов вечера. Нас было так мало, что невозможно было переложить эту работу на кого-то еще. Такая атмосфера помогает создать удивительно счастливую команду, при этом работающую с внушительной эффективностью. Нагрузка на людей предельно высока, и на ерунду времени нет. В результате часто возникают взаимное уважение и дружеские взаимоотношения. Это свойство №10 формирует отношение людей не только друг к другу, но и к премьер-министру, которому все они напрямую или косвенно служили. Радостные возгласы и аплодисменты могут быть традиционной формальностью, когда прибывает новый премьер-министр. Но слезы и сожаления, когда уходящий премьер-министр уходит окончательно, обычно настоящие.

Номер 10 – больше, чем офис: он предназначен чтобы служить домом премьер-министру. Я никогда не сомневалась, что с уходом Каллагена я перееду в небольшую квартиру Премьер-министра на верхнем этаже здания. Как мы любили говорить, намекая на мое детство в Грэнтеме, мне нравилось жить над местом работы, но я не могла переехать из дома на Флуд стрит до первой недели июня.

Квартира в Номере 10 быстро стала убежищем от остального мира, хотя временами там еще и делалось немало дел. Она была на самом вершине здания – но это было к лучшему, потому что ступеньки были почти единственным упражнением в моем распоряжении. Мы с Дэнисом решили не заводить постоянной прислуги. Пожалуй, ни одна домработница не справилась бы с непостоянным расписанием. Когда у меня не было других дел, я возвращалась в квартиру, чтобы слегка перекусить салатом или яйцом всмятку и тостом. Но обычно на часах было 10 или 11 часов вечера, когда я шла на кухню, чтобы приготовить что-нибудь – мы знали все способы приготовить сыр и яйца, а в морозилке всегда было что-нибудь, – пока Дэнис наливал мне стаканчик на ночь.

Премьер-министр или нет, я никогда не забывала, что я еще и член парламента от Финчли; я бы и не захотела об этом забыть. Мои ежемесячные аудиенции в избирательном округе наряду с корреспонденцией, которой изнутри номера 10 занимался мой секретарь Джой Робиллард (который был секретарем Эри Нива до его смерти), позволяли мне оставаться в курсе проблем народа. В моем распоряжении всегда были первоклассный агент по избирательному округу и очень отзывчивый председатель от избирательного округа, а это, как известно любому члену парламента, имеет существенное значение. Я также придерживалась своих особых интересов, которые появились у меня в результате работы в избирательном округе, например – опека над хосписом Северного Лондона.

Я бы ни за что не смогла пробыть премьер-министром одиннадцать лет, если бы рядом не было Дэниса. Неизменно сильная личность, он был кладом пронзительных советов и острых комментариев. И он очень разумно берег их для меня, вместо того чтобы делиться ими с окружающим миром, все время отказываясь давать интервью. У него никогда не было секретаря или советника по связям с общественностью, но лично каждую неделю он отвечал на письма, которых было от тридцати до пятидесяти. С появлением слов «Дорогой Билл» в «Прайват Ай» он, похоже, стал любимым адресатом для половины нации.

Работа Премьер-министра – вещь одинокая. В каком-то смысле она и должна такой быть: ты не можешь управлять из толпы. Но благодаря Дэнису я никогда не была одинока. Вот это человек. Вот это муж. Вот это друг.

Номер 10 по Даунинг-стрит – в некотором смысле необычный дом. Портреты, бюсты и скульптуры твоих предшественников на посту премьер-министра напоминают тебе о почти 250 годах истории, в которую ты только что включился.

Снаружи квартиры я выставила свою личную коллекцию фарфора, которую я собрала за много лет. Я также привезла с собой сильный портрет Черчилля из моего кабинета в Палате общин. Он смотрел сверху вниз на тех, кто собирался в прихожей перед кабинетом. Когда я прибыла, это место напоминало скорее потрепанный клуб на Пэлл Мэлл с тяжелой изношенной кожаной мебелью; я полностью изменила настроение, перенесла туда книжные шкафы, столы и стулья из других мест здания. Возможно, в кабинете людей ожидали не самые простые испытания, но не было причины заставлять их чувствовать себя жалкими, пока они ожидают возможности зайти внутрь.

Хотя самые важные перестановки были сделаны только после десяти лет моего пребывания в этом месте, я старалась заставить комнаты выглядеть более обжитыми. В официальных комнатах было очень мало украшений, и когда мы прибыли на Даунинг-стрит, в них не было столового серебра. Каждый раз, когда там проводились официальные обеды, кейтерерам приходилось приносить свое собственное. Лорд Браунлоу одолжил мне столовое серебро из своей коллекции в Белтон-Хауз: оно сверкало и преобразило обеденный зал номера 10. Один предмет имел для меня особенное значение – шкатулка, содержащая Свободы Района Грэнтем, в котором предыдущий лорд Браунлоу и позднее мой отец были мэрами. Садовники, которые ухаживали за парком Сэйнт Джеймс, принесли цветы, а я переклеила обои в рабочем кабинете по своему вкусу. Непривлекательные серо-зелёные обои в стиле «Дамаск флок» в нем были заменены кремовыми в полоску, которые служили гораздо более уместным фоном для нескольких прекрасных картин.

Я считала, что на Даунинг-стрит должны быть работы современных художников и скульпторов наряду с мастерами прошлого. Я встречала Генри Мура, когда я была государственным секретарем по вопросам образования, и очень оценила его работы. Фонд Мура предоставил номеру 10 одну из его небольших скульптур, которая прекрасно вписалась в альков в главном зале. За скульптурой висела картина Мура, которую меняли каждые три месяца; среди моих любимых были сцены с людьми, спящими в лондонской подземке во время бомбежки.

Я осознавала, что я – первый научный сотрудник, ставший премьер-министром, почти так же, как осознавала, что я – первая женщина премьер-министр. Поэтому я распорядилась разместить портреты и бюсты некоторых из наших самых известных ученых в маленькой обеденной зале, где я часто обедала с посетителями и коллегами по менее формальным поводам.

Однако в этот первый вечер я разве что смогла бегло осмотреть основные комнаты здания. Потом я зашла в кабинет, где я встретила больше знакомых лиц – среди них была моя дочь Кэрол. Там был Ричард Райдер, который в последующем некоторое время пробудет моим секретарем по политическим вопросам, ответственным за то, чтобы поддерживать мой контакт с Консервативной партией по всей стране; Дэвид Вульфсон (ныне лорд Вульфсон), который был моим начальником по персоналу, используя свое обаяние и деловой опыт при решении проблем управления номером 10; Кэролайн Стивенс (позже ставшая Кэролайн Райдер), которая стала моим секретарем; Элисон Ворд (позже Элисон Уэйкем), мой секретарь по избирательному округу; и Синтия Кроуфорд – всем нам известная как «Кроуфи», – которая работала моим личным помощником и которая оставалась со мной с тех самых пор. Мы не стали тратить слишком много времени на разговоры. Они с нетерпением ждали возможности решить, кому какой офис достанется. В моих мыслях был схожий вопрос: выбор моего кабинета.

Выбор кабинета – вне всякого сомнения, одно из важнейших проявлений власти премьер-министра в вопросе руководства правительством. Но не всегда очевидно, насколько реальны ограничения, которые действуют при совершении выбора. В соответствии с постановлением все министры должны принадлежать либо к Палате лордов, либо к Палате общин, и не должно быть больше трех членов Кабинета министров из Палаты лордов, что значительно ограничивает выбор кандидатов на должность. Вдобавок ко всему нужно добиться охвата всей страны – каждый регион легко впадает в заблуждение, что его обошли стороной. Также следует принимать во внимание весь спектр мнений в партии.

Даже если все так, журналисты ждут, что кабинет из целых двадцати двух министров будет назначен, а списки опубликованы в течение примерно 24 часов в противном случае это воспринимается как явный признак некоего политического кризиса. Поэтому я не думаю, что кто-то из присутствовавших в номере 10 особенно расслабился в тот день, который оказался долгим. Я получила обычный детальный инструктаж по безопасности, который проводится с премьер-министрами, принимающими свой пост. Потом я прошла наверх в сопровождении Вилли Уитлоу и нашего нового «главного кнута» Майкла Джоуплинга. Мы начали перебирать очевидные и не очень имена, и постепенно эта труднейшая из мозаик стала принимать форму, а Кен Стоув старался связаться с нужными людьми и договариваться об их приезде на следующий день.

Я знала, что самые трудные сражения предстоят нам на полях экономической политики. Так что позаботилась о том, чтобы ключевые министры в экономике были истинными сторонниками нашей экономической стратегии. Джеффри Хау к этому моменту тщательно закрепился на своей позиции главного экономического делегата партии. Джеффри регулярно подвергался нападкам на дебатах со стороны Дэниса Хили. Но при помощи своего мастерства в краткости и способности упорядочивать возражения и советы из разных источников он показал, что под обманчиво мягкой внешностью скрываются черты прекрасного канцлера, которым ему предстояло стать. Некоторые из самых сложных решений ему предстояло взвалить на свои плечи. Он ни разу не дрогнул. С моей точки зрения, это были его лучшие годы в политике.

Став лидером в 1975 году, я всерьез думала назначить Кита Джозефа теньвым канцлером. Кит больше, чем кто-либо другой, сделал, чтобы выразить в своих речах и памфлетах, что именно происходит не так в британской экономической эффективности и как это можно изменить. Он настоящий мыслитель, сочетает в себе сдержанность, открытое мышление и непоколебимые принципы и действительно способен чувствовать проблемы и беды народа. Хотя он и не сомневался в правильности решений, которые нам предстояло принять, он понимал, что они означают, что нежизнеспособные фирмы рухнут, а переизбыток персонала превратится в безработицу, и он беспокоился о тех, кого это затронет, гораздо сильнее, чем наши профессионально сочувствующие критики. Но такое сочетание личных качеств может создать сложности в жестокой сумятице политической жизни, которую канцлеры должны переносить помимо всего. Поэтому Кит взял на себя промышленность, в которой он выполнял жизненно важную работу по изменению всей философии, прежде доминировавшей в этом департаменте. Кит был – и остается – моим ближайшим политическим другом.

Джона Биффена я назначила главным секретарем казны. Он был прекрасным сторонником нашей экономической политики в оппозиции, и я в него верила, но показал себя значительно менее эффективным, чем я рассчитывала, в изнурительных

попытках контролировать государственные расходы. Его последующая эффективная работа в качестве лидера палаты, где требовались такие качества, как предельная политическая чувствительность, хорошее чувство юмора и определенный стиль, была гораздо счастливее. Джон Нотт стал министром внешней торговли Великобритании. Он также обладал четким пониманием и ответственным отношением к нашей политике в отношении валютного контроля, низких налогов и свободного предпринимательства. Но Джон – смесь золота, окалины и ртути. Никто другой не был так хорош в анализе ситуации и способности предложить политику реагирования на нее. Но ему оказывалось трудно или, возможно, скучно придерживаться линии, как только она была жестко определена. Его пороком было свойство передумывать.

В свете нашей эффективной работы в оппозиции и в избирательной кампании разумным виделось сохранять высокий градус преемственности теневым кабинетом и постами в нынешнем кабинете. Вилли Уитлоу стал министром внутренних дел, и в этой роли, а позднее в качестве лидера Палаты лордов он снабжал меня лично и правительство в целом дальновидными советами, основанными на колоссальном опыте. Люди часто удивлялись тому, как хорошо нам удавалось работать вместе, учитывая наше соперничество за лидерство и разнящиеся взгляды на экономические вопросы. Но Вилли – большой человек по характеру, как и по размерам. Он желал успеха для правительства, которое, как он согласился с самого начала, будет действовать в соответствии с моей философией. Единожды обозначив свою лояльность, он никогда от нее не отказывался. Он был незаменимым вице-премьером пост, который не имеет конституционного существования, но является явным признаком политического превосходства, – и балластом, который помогал удерживать правительство на верном курсе.

Но некоторые изменения портфелей были необходимы. Я назначила грозного Кристофера Соумса лидером Палаты лордов. Кристофер был человеком в себе, даже слишком, если честно, поэтому лучше подходил для solitary работы, нежели для работы в гармонии с окружающими. Питер Керрингтон, который умело возглавлял Палату лордов в оппозиции, стал министром иностранных дел. Питер обладал прекрасными манерами и способностью мгновенно определять ключевые точки в любом споре. И он мог выражаться остро. У нас были разногласия, но никаких обид не было. Питер всегда мог объяснить любому особо неподатливому министру иностранных дел, что как бы он сам ни относился к какому-то предложению, премьер-министр ни за что с ним не согласится. Однако я намеревалась сделать так, чтобы хотя бы один министр в министерстве иностранных дел имел бы большой опыт – и четкие взгляды – в экономической политике. Я распорядилась, чтобы Питер привлек Ника Ридли.

Два других назначения вызвали больше комментариев. К его собственному удивлению, я назначила Питера Уокера министром сельского хозяйства. Питер никогда не скрывал своей враждебности по отношению к моей экономической стратегии. Но он был одновременно жестким и обладал даром убеждения – бесценные качества, когда имеешь дело с абсурдными проявлениями единой сельскохозяйственной политики Европейского сообщества. И вопреки расхождениям во мнениях между Джимом Прайором и всеми остальными из нас во времена оппозиции не было сомнений в том, что он нужен нам в министерстве по делам трудоустройства. До сих пор в стране и на самом деле в Консервативной партии, присутствовало ощущение, что Британией нельзя управлять без молчаливого согласия профсоюзов. Понадобилось несколько лет, чтобы это изменилось.

Примерно к 11 часам список кабинета был готов и одобрен Королевой. Я поднялась наверх, чтобы поблагодарить телефонистов номера 10, которые были все это время заняты тем, что назначали встречи на следующий день. Потом меня отвезли домой.

В субботу я увидела членов будущего кабинета, одного за другим. Все происходило достаточно мягко. Те, кто еще не был тайными советниками, были представлены к клятве в Букингемском дворце. К вечеру субботы кабинет был назначен, а имена озвучены для прессы. За счет этого у каждого министра в распоряжении был уикенд для того, чтобы подготовить инструкции для своего департамента и привести в действие манифест.

Моим заключительным и лучшим назначением было назначение Яна Гау личным парламентским секретарем (PP8). Его сочетанию лояльности, проницательности и неукротимого чувства юмора предстояло провести нас через множество сложных моментов.

Во вторник в 2.30 мы провели наше первое собрание кабинета. Оно было «неформальным»: секретариат кабинета не подготовил повестку дня, протокол не велся. (Заключения были позднее записаны на первом «формальном» заседании, которое было проведено по традиции во вторник утром.) Министры выступили с докладами по своим департаментам и подготовке перед грядущим законопроектом. Мы незамедлительно воплотили в жизнь свои обещания из манифеста – гарантировать полиции и вооруженным силам достойную оплату труда. В результате кризиса морали в полиции, снижения набора и разговоров о возможности полицейской забастовки правительство лейбористов учредило комитет по вопросу оплаты труда полиции, возглавленный лордом-судьей Эдмундом Дэйвисом. Комитет подготовил формулу, которая должна была удерживать зарплату в полиции на одном уровне с другими заработками. Мы решили, что рекомендации повышения оплаты труда, для приведения в исполнение 1 ноября, должны быть выставлены на первый план. Об этом было должным образом объявлено на следующий день. Таким же образом мы приняли решение о том, что полная зарплата военнослужащего, рекомендованная последним докладом комиссии по пересмотру оплаты труда военнослужащих, должна выплачиваться полностью, начиная с 1 апреля.

На первом неформальном заседании этого кабинета мы начали болезненный, но необходимый процесс сужения бюджетной сферы. Мы постановили немедленно заморозить набор персонала во все государственные службы, хотя это в последующем будет изменено и для уменьшения будут выбраны конкретные цели. Мы начали пересматривать рычаги управления, установленные центральным или местным самоуправлением, хотя здесь мы также в ближайшее время будем вынуждены встать на путь применения еще более жестких финансовых рычагов управления, по мере того как неспособность и несогласие соответствующих органов эффективно управлять службами будут становиться все более очевидными.

Зарплаты и цены были первоочередной проблемой. Комиссия по сопоставимости оплаты труда профессора Хью Клегга была применена правительством лейбористов в качестве приличного способа подкупа работников бюджетного сектора, чтобы те не бастовали, а чеки должны были быть задним числом предоставлены им после выборов. Комиссия Клегга была серьезной головной болью, и эта боль становилась все острее по мере того, как наступало время оплаты по счетам.

Что касалось переговоров о повышении заработной платы в национализированных областях промышленности, мы решили, что ответственные за это министры

должны отойти от этого вопроса настолько далеко, насколько это возможно. Пашей стратегией должно было стать применение необходимой финансовой дисциплины, после чего следовало позволить управлению и профсоюзам, которых это непосредственно касается, принимать свои собственные решения.

Также требовался тщательный пересмотр того, как цены контролируются такими интервентивными мерами, как сопоставимость оплаты труда, правительственное давление и субсидии. Мы не испытывали иллюзий: рост цен был признаком лежащей в основе всего инфляции, а не ее причиной. Инфляция была монетарным феноменом, для обуздания которого необходима была монетарная дисциплина. Искусственное сдерживание роста лишь снижало инвестиции и подрывало доходы – и то и другое уже находилось на слишком низком уровне для поддержания экономического здоровья страны, – при этом распространяя внутри британской промышленности менталитет «затраты плюс».

На заседаниях обоих кабинетов я в заключение подчеркнула необходимость коллективной ответственности и конфиденциальности между министрами. Я сказала, что не намереваюсь вести дневник дискуссий на заседаниях кабинетов, и надеюсь, что остальные последуют моему примеру. Как бы это ни было неудобно для автора мемуаров, лишь такой подход является уместным правилом поведения в правительстве.

На следующий день члены парламента собрались для дачи клятвы. Но четверг был днем не только церемониального значения (на самом деле была всего одна церемония, которая каким-то образом затерялась в спешке этого дня, – день рождения Дэниса). Именно в тот день Гельмут Шмидт, федеральный канцлер ФРГ, прибыл в Лондон с официальным визитом, изначально оговоренным с правительством лейбористов, – он был первым главой иностранного правительства, посетившим меня как премьер-министра.

Я уже встречалась с мистером Шмидтом еще во времена оппозиции, и довольно быстро у меня сложилось о нем самое лучшее впечатление. Он обладал глубочайшим пониманием международной экономики, в вопросе которой – хотя он и относил себя к социалистам – нам предстояло прийти к схожим взглядам. На самом Деле он лучше, чем значительная часть британских консерваторов, понимал важность экономической ортодоксальности – необходимость контролировать денежную массу в обращении и ограничивать бюджетные затраты и займы, дабы оставить пространство для роста частного сектора. Но пришлось прямо сказать ему, что хотя Британия и стремилась играть живую и влиятельную роль в Европейском сообществе, мы не можем себе этого позволить, пока не будет решена проблема нашего ужасно несправедливого бюджетного вклада. Я не видела причин скрывать наши взгляды за Дымовой завесой дипломатии, поэтому пользовалась каждой возможностью донести это сообщение.

В субботу я прилетела в Шотландию, чтобы принять участие в шотландской конференции консерваторов, от которой я всегда получала удовольствие. У шотландских тори жизнь не всегда простая. В отличие от английских консерваторов они, по своему обыкновению, пребывали в меньшинстве, чем шотландские СМИ их всегда болезненно попрекали. Но эти обстоятельства придавали шотландским консерваторам определенный градус энтузиазма и боевой дух, который я обожала и который также гарантировал добросердечную и чуткую публику. Некоторые из ведущих шотландских тори, крохотное меньшинство, страстно желали нечто вроде devolved government, но большинство из нас с глубоким опасением относились к тому, что это может означать для будущего Союза. В очередной раз подтвердив

наше решение аннулировать Шотландский Акт лейбористов, я при этом отметила, что мы намереваемся инициировать всепартийные переговоры, нацеленные на то, чтобы приблизить правительство к людям. В итоге мы сделали это, откатив назад государство, вместо того чтобы создать новые институты в правительстве.

Мое основное послание к этой конференции было намеренно мрачным, предназначенным для всей Британии в целом. В тот самый день была опубликована цифра инфляции в 10,1. Она будет расти и дальше. Я отметила: “Зло инфляции до сих пор с нами. Нам далеко до восстановления честных денег, и в прогнозах Казны когда мы взяли управление на себя, были тенденции растущей инфляции. Пройдет много времени, прежде чем принятые нами меры принесут результаты. Мы не должны недооценивать масштабы лежащей перед нами задачи. Но мало чего можно достичь без твердых денег. Они лежат в основе твердого правительства.

Когда наши экономические и политические трудности в-грядущие месяцы соберутся в кучу, никто не сможет утверждать, что его об этом не предупреждали”.

Мы вернулись на авиабазу королевских ВВС Нортхолт и поехали в Чекере, где я провела свой первый уикенд в качестве премьер-министра. Я не думаю, что хоть кто-то пробыл в Чекерсе долго и не влюбился в него. Со времен своего первого жилья, премьер-министра Дэвида Ллойда Джорджа, считалось, что у людей, занимающих этот пост, не обязательно есть в распоряжении своя собственная загородная резиденция. По этой причине подарок лорда Лии своей нации его загородный дом, который можно было использовать для отдыха премьер-министров, – стал началом новой эры в той же мере, в которой им стали законопроекты реформы.

Чекере – дом елизаветинской эпохи, но за долгие годы его значительно перестроили. В центре дома – огромный зал, некогда бывший внутренним двором, добавленный в конце прошлого века, где зимой горит камин, наполняя каждую комнату легким ароматом древесного дыма.

Благодаря щедрости Уолтера Анненберга, посла США в Британии в 1969–1974 гг., в Чекерсе есть крытый бассейн. Но в годы, когда я была там, в нем плавали только летом. Это было после того, как я узнала, что его обогрев обходится в 5000 фунтов в год. Сэкономив эти деньги, мы могли позволить себе потратить больше на непрерывную череду ремонтов в этом доме.

Компания, которая собралась за ланчем в то воскресенье, всего десять дней спустя после нашей победы, была вполне типичной для уикенда в Чекерсе. Там была моя семья – Дэнис, Кэрол, Марк. Кит Джозеф, Джефффри и Эльспет Хау, Пимы и Квинтин Хэйлшем представляли государственную команду во всей красе. Питер Торникрофт и Алистер Макелпайн представляли Центральный офис. Дэвид Вульфсон, Брайан Картледж (мой личный секретарь) со своими супругами и наши друзья сэры Джон и леди Тилни дополняли компанию.

Мы по-прежнему были в настроении отпраздновать нашу победу на выборах. Мы были далеко от формальной обстановки номера 10. Мы выполнили начальную задачу подготовки правительства к старту- Среди нас по-прежнему царил дух товарищества, который неизбежные разногласия и споры неизбежно подпортят. Этот обед был беззаботным и радостным. Пожалуй, это был случай того, что позже критик назовет “буржуазным триумфализмом”.

Но мы не забывали, что впереди долгий путь. Как говорил мой отец: легко начать, но сможешь ли ты удержаться?

Легко взяться за дело, сложнее довести его до конца.

В 7 часов того вечера Дэнис и я вернулись в Лондон чтобы начать мою вторую полную неделю в роли премьер-министра. Работа уже скапливалась, коробки приходили и отправлялись из Чекера. Помню, я однажды услышала, как Гарольд Макмиллан говорит группе преисполненных энтузиазмом членов парламента – ни в одном не было столько энтузиазма, сколько в Маргарет Тэтчер, – что у премьер-министров (у которых нет своего собственного департамента) полно свободного времени для чтения. Он рекомендовал Дизраэли и Троллопа. Я иногда задумывалась, а шутил ли он».

Период правления Тэтчер качестве главы кабинета знаменателен авторитарным стилем ее руководства и неоднократной «перетряской» состава правительства, т.е. отставкой прежних министров и назначением новых. Число заседаний кабинета сократилось почти вдвое по сравнению с принятой «нормой». Некоторые решения Тэтчер принимала единолично. Приверженцы неолиберализма, получившие название «сильные», все активнее противостояли сторонникам прежней политики – тори-традиционалистам, именовавшимся «слабыми» или «мокрыми». Отставки и новые назначения должны были сделать кабинет единой командой, но этого удавалось добиться лишь на короткое время.

Была введена и новая практика работы главы правительства в Палате общин. Здесь Тэтчер чаще, чем ее предшественники, выступала в дебатах и нередко лично отвечала на запросы, поступающие от оппозиции в парламентские дни вопросов. Примечательны и методы ее руководства партией. Тэтчер использовала ежегодные конференции, чтобы напрямую обратиться к партийным массам с теми или иными заявлениями. В период ее правления ежегодные форумы консерваторов приобрели большую значимость по сравнению с предшествующими годами¹⁹.

Особое место в стратегии Тэтчер занимали культ индивидуализма и свободы, т.е. создание условий, при которых каждый смог бы завести свой бизнес, стать собственником акций предприятий, своего дома или участка земли. Эта система получила название «демократия собственников», «народный капитализм» или «диффузия собственности». **Идеалом тэтчеризма** стало общество мелких акционеров и предпринимателей, представляющих мелкий и средний бизнес. Что касается крупного бизнеса, то правительство не вмешивалось в его дела. И если раньше оно оказывало помощь обанкротившимся фирмам («хромым уткам»), то кабинет Тэтчер лишил их финансовой помощи. Во многом отказ от государственного регулирования стал продолжением потерпевшей неудачу «тихой революции» Э. Хита. Крупномасштабную **программу приватизации** М. Тэтчер поставила во главу угла своего правительства и осуществляла ее под лозунгом «**народного капитализма**». В итоге уже в 1988 г. число домовладельцев в стране выросло до 63%²⁰.

Бюджет и налоговая политика. Новая стратегия требовала и *нового* планирования бюджета страны²¹. Бюджеты 1979-198) гг. должны были создать условия для реализации монетаризма. Главным в них было снижение прямых налогов. Так, например, наибольшая ставка на доход от капиталовложений, введенная лейбористским правительством и составлявшая 98%, была снижена до 75%. И если лейбористы, по существу, конфисковали доход, то монополии отныне могли использовать часть его для обновления и расширения производства.

¹⁹ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 312–313.

²⁰ См.: Политический портрет М. Тэтчер. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН СССР, 1991. С. 26–27.

²¹ Там же. С. 23–24.

Существенные льготы получил малый бизнес. Раньше дивиденды облагались налогом, начиная с 1700 ф. ст., а теперь – только с 5 тыс. В результате, по некоторым подсчетам, несколько тысяч мелких фирм, в которых трудилось около 1,5 млн человек, были освобождены от налогов.

Снижение прямых налогов создавало брешь в бюджете. Она восполнялась за счет косвенных налогов. Например, налог на добавленную стоимость, т.е. налог, включавшийся в цену продаваемого товара, был увеличен с 7 до 15%, что непосредственно отражалось на кармане рядового покупателя. Одновременно сокращались государственные расходы на коммунальное и дорожное хозяйство, а также на культуру и просвещение, включая высшее образование. За счет сокращения числа служащих (с 10 до 20%) некоторых министерств были уменьшены средства, отпускаемые этим ведомствам²².

Антипрофсоюзная тактика правительства. Отношение Тэтчер и ее сторонников к тред-юнионам было довольно гибким и неоднозначным. Считая их главными организаторами забастовок, нелибералы стремились ограничить влияние профсоюзов на общественно-политическую жизнь и взять реванш за поражение, нанесенное ими правительству Хита в 1974 г. Тред-юнионы обвинялись в антидемократизме и попытках улучшить свое материальное положение за счет других слоев населения. Штрейкбрехеров Тэтчер называла лучшими людьми Британии («львами нации»). Вместе с тем она никогда не выступала против профсоюзов как формы организации рабочих или служащих. Суть ее нового подхода заключалась в развертывании широкой кампании идеологической переориентации профсоюзных масс, ослаблении в их среде влияния левых и духа коллективизма. Большое значение придавалось также противопоставлению рядовых членов профсоюзов руководству БКТ.

Роль своеобразного «троянского коня» была предназначена организации консерваторов-тред-юнионистов (КТЮ), которая была основана в конце 1940-х – начале 1950-х годов, но в середине 1970-х годов находилась в упадке. Ее возрождением занималась сама М. Тэтчер. Была установлена связь этой организации с парламентской фракцией тори, предприняты усилия по созданию при местных консервативных ассоциациях новых советов консерваторов-тред-юнионистов. Акцент делался на проникновение приверженцев тори в профсоюзы служащих, ассоциацию научного, технического и управленческого персонала, ассоциацию гражданской и общественной служб, а также в тред-юнионы, созданные в новых отраслях промышленности (например, в электронике) и не имевшие опыта политической борьбы²³.

К всеобщим выборам 1979 г., несмотря на недоверие рабочих к тори, благодаря активизации советов КТЮ увеличилось число представителей профсоюзов среди кандидатов в члены Парламента, выдвинутых местными ассоциациями консерваторов. Вся эта сложная идеологическая кампания в обществе и внутри профсоюзов была развернута нелибералами еще в 1970-е годы и продолжалась после прихода к власти кабинета Тэтчер.

В 1980 г. началось прямое наступление на организованное рабочее движение, а точнее, – на профсоюзы. **Первый закон о занятости**, вступивший в силу осенью 1980 г., резко ограничил право тред-юнионов на пикеты, запретив «вторичное пикетирование», в том числе пикетирование различных видов транспорта, снабжающих «бастующие» предприятия, и тех производств, которые брали на себя

²² См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 313.

²³ Там же. С. 324.

выполнение работы стачечников. Кроме того, закон запрещал стачки солидарности в поддержку забастовщиков.

Была предпринята атака и на сложившееся в профсоюзной практике правило «закрытого цеха». Согласно этому правилу тред-юнион заключал соглашение с предпринимателем, по которому он мог добиваться поголовного членства в нем всех наемных работников предприятия. Трудящиеся рассматривали функционирование «закрытого цеха» как средство, обеспечивающее им больший контроль над условиями труда и занятостью. К началу 1980-х годов «закрытый цех» охватывал около половины всех членов профсоюзов. Принятый закон не посягал напрямую на существование «закрытого цеха», но стремился подорвать его, поощряя (в том числе и материальным вознаграждением) тех лиц, которые под тем или иным предлогом отказывались вступить в профсоюз на предприятии, где действовало это правило.

Второй закон о занятости, названный по имени его автора, министра по вопросам занятости, биллем Теббита, вступил в силу в конце 1982 г. и был направлен на подрыв единства и раскол профсоюзных рядов. В соответствии с этим законом предприниматель получал право увольнять не всех забастовщиков сразу, как это было прежде, а проводить эту процедуру по собственному усмотрению, лишая работы руководителей тред-юниона и его боевых активистов.

Непосредственную угрозу для тред-юнионов представляла и статья закона о возможности подвергать профсоюзы финансовым санкциям в виде штрафов за организацию «диких» забастовок, т.е. забастовок, проводимых в обход установленных законодательством правил. Кроме того, расширялась правовая база наступления на «закрытый цех». Предусматривалось условие, по которому «закрытый цех» лишь в том случае получал легальный статус, если на протяжении нескольких лет за его функционирование высказывались 80% всех состоящих в нем членов²⁴.

Проведенные мероприятия, как, впрочем, и ожидали их инициаторы, вызвали ряд *негативных последствий*. Положение осложнялось тем, что приход консерваторов к власти в июне 1979 г. совпал с мировым экономическим кризисом, который продолжался три года. В период кризиса ВВП сократился на 4%, а промышленное производство – на 12%. Падение производства сочеталось с ростом инфляции и безработицы. Согласно официальной статистике безработица, составлявшая в 1979 г. 1,3 млн человек, к осени 1981 г. достигла почти 3 млн человек. Причем 40% всех зарегистрированных безработных были люди моложе 25 лет. Первыми лишались работы иммигранты и женщины. В крупнейших промышленных центрах Британии (Лондоне, Бирмингеме, Бристоле, Ливерпуле) повысился уровень преступности. Следствием всех этих негативных моментов стала стихийная волна протеста, охватившая различные слои городского населения.

Ситуация в экономике усугублялась и неблагоприятными внешними обстоятельствами. В 1980 г. после свержения шахского правления (1979) в Иране и начала ирано-иракской войны (1980–1988) страны ОПЕК повысили цены на нефть в два раза. Британия использовала свои североморские ресурсы нефти и газа, но все же значительная часть предприятий работала на импортной ближневосточной нефти.

Рейтинг правительства и самой Тэтчер к 1981 г. резко упал. Этому способствовали углубившиеся противоречия в партии, возникшие на почве идейно-политических расхождений, и неприятие авторитарного стиля руководства премьеры. Активизировали свою деятельность организации «слабых»: «Тори-реформаторы»,

²⁴ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 324–325.

группы «Боу» и «Одна нация». Многие члены этих групп критиковали политику правящего кабинета и требовали возвращения к социал-реформистской модели²⁵.

В первый же год пребывания Маргарет Тэтчер во главе кабинета министров, отмечает **Дж. Гренвилл**, ее обещание обратить внимание на уровень зарплаток привело к их значительному и повсеместному увеличению. Это явление, совпав по времени с повторным повышением цен на нефть в 1979–1980 году, вызвало новую волну инфляции, которая поднялась до 20%. Несмотря на это, правительство выполнило часть своей программы, сократив прямое налогообложение и увеличив косвенное. Уменьшение налога на прибыль и обещание в дальнейшем еще больше сократить прямые налоги, позволили определить победителя на следующих выборах заранее. Сильная дефляция в 1980 году и, следующем, 1981, сопровождалась строгим контролем за количеством выпускаемых денег, а высокие процентные ставки, отнимая у английских предпринимателей десятую часть прибыли, увеличили безработицу до трех миллионов. Теперь полная занятость стала приоритетной заботой правительства. К осени 1981 года, согласно результатам опроса общественного мнения, Маргарет Тэтчер стала самым непопулярным премьер-министром со времен Невилля Чемберлена в 1940 году. Но в тот момент она проявила свое наиболее ценное качество, сохранив верность избранному политическому курсу. Внутри кабинета ей также удалось сохранить жесткий личный контроль, она постепенно избавлялась от ненадежных министров – бывших сторонников Хита, заменяя их своими людьми. При этом она заявляла, что иначе нельзя восстановить «здоровье нации».

Лейбористская оппозиция была сильно ослаблена внутренними распрями между ее агрессивным настроенным крайне левым крылом, умеренными левыми и правыми. Сдвиг партии влево привел к образованию на основе правого крыла совершенно новой партии, так называемой социал-демократической, которая позже заключила предвыборный союз с либеральной партией, создав Альянс. Раскол оппозиционно настроенных избирателей привел к тому, что правительство Тэтчер сделалось непобедимым еще на десять лет, хотя доля консерваторов в электорате никогда не превышала 44%, будь то 1979, 1983 и 1987 год.

В апреле 1982 года Англия ввязалась в самый невероятный **конфликт с Аргентиной**, когда войска аргентинской хунты вторглись на Фолклендские острова. Маргарет Тэтчер не колебалась на минуты, она не считалась с потерями при обороне каждого маленького островка, на котором было гораздо больше овец, чем людей, руководствуясь принципом – Великобритания должна защитить свою территорию, если на нее посягнули. Жителями Фолклендских островов были в основном англичане, и им не нравилось аргентинское управление в любой форме. Стоило бы Англии позволить Аргентине хоть раз взять над собой верх – и ее авторитет серьезно бы пострадал. В отличие от суэцкой авантюры это событие привлекло внимание общественности и получило колоссальную поддержку²⁶.

Теперь кратко коснемся **экономической политики** первого консервативного кабинета М. Тэтчер.

Существенное влияние на экономическую политику Тэтчер оказали идеи монетаризма и работы таких экономистов, как Милтон Фридман²⁷ и Фридрих фон Хайек. В данном параграфе мы проследим действия консервативного кабинета по

²⁵ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 314.

²⁶ См.: Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М., 1999. С. 812–813.

²⁷ См.: Childs D. Britain since 1945: a political history. Taylor & Francis, 2006.

урегулированию кризиса в финансово-экономической сфере, дадим оценку реакции общественности и результатам реформ, приведя статистические данные из официальных источников.

Самым «волнительным» кризисным фактором экономики Британии оставалась **инфляция**, которая не поддавалась скорому лечению и порождала все более настоятельные претензии со стороны рядового английского подданного. Продолжала стремительно расти безработица, особенно охватывая среду молодежи. Количество безработных, составлявших на II квартала 1979 г. 1,24 млн. человек, вскоре увеличилось до 1,5 млн., а в 1980 г. уже превысило отметку в два миллиона. В конце 1981 г. число безработных составило уже 2,8 млн., превысив 10% всей рабсилы. Среди молодых людей 18-25 лет это доля достигла 40%.

Помимо молодежи в наиболее бедственном положении оказывались наемный рабочие старых, традиционных отраслей промышленности, не выдержавших усилившейся международной конкуренции и требовавших либо полной реконструкции, либо категорического свертывания. В течение 1979–1982 гг. промышленное производство в стране снизилось на 17%.

Нельзя не упомянуть и ещё об одной проблеме, связанной с «оздоровлением внутренних городских территорий». Ещё в недавнем прошлом для Англии это были сравнительно благополучные рабочие кварталы, однако после переселения в 50–60-х годах значительной части квалифицированных рабочих в пригороды и заполнения освободившихся домов и районов семьями иммигрантов и люмпенами, они стали лишаться свойственного им первоначального облика и превращаться в открытые трущобы. Кризис 70-х и начала 80-х годов резко ускорил процессы маргинализации этих районов, многие из которых стали обретать «славу» обитателей попрошайничества, вымогательства и преступности.

Согласно взятым Тэтчер и её единомышленниками на вооружение доктринам, наилучшим лекарством должны были стать свободный рынок и свободная конкуренция, а также ограничение государственного расхода, призванное вновь сделать деньги дорогими и вернуть им роль «эликсира», взбадривающего весь рыночный механизм. Совместно с канцлером казначейства Джеффри Хау Тэтчер проводила политику, направленную на снижение прямых налогов на доход и повышение косвенных налогов, в том числе налога на добавленную стоимость²⁸. Добиваясь снижения темпов инфляции и объёмов денежной массы была увеличена учётная ставка. В свою очередь, для борьбы с дефицитом бюджета применялись чрезвычайно непопулярные меры: сокращение дотаций государственным предприятиям, урезание государственной помощи депрессивным регионам, снижение расходов на социальную сферу (образование и ЖКХ), урезание ассигнований для промышленности, энергетики, транспорта, строительства жилья и действенные меры по ограничению влияния тред-юнионов.

Так, в первые же недели и месяцы работы нового парламента правительство провело через него законы, резко снижающие налоги с высоких доходов и прибылей, добилось отмены контроля над ценами и дивидендами. Было положено начало приватизации некоторых государственных компаний и корпораций. В целях борьбы с инфляцией был введен режим жесткой экономии государственных средств на социально-экономические цели. Параллельно увеличивался налог на добавленную стоимость, повышались акцизы на потребление сигарет, алкогольных

²⁸ См.: Reitan E.A. The Thatcher Revolution: Margaret Thatcher, John Major, Tony Blair, and the Transformation of Modern Britain, 1979–2001. Rowman & Littlefield, 2003.

напитков, бензина. Несмотря на глубокий экономический спад, бюджеты, предложенные парламенту летом 1979 и особенно весной 1980, 1981 гг., носили ярко выраженный монетаристский характер. Традиция искусственного стимулирования потребительского спроса и инвестиций в промышленность путем снижения учетной ставки и увеличения государственных расходов была решительным образом отвергнута.

Примечательно, что часть членов Консервативной партии из сторонников Эдварда Хита, входивших в Кабинет, не разделяла политику Маргарет Тэтчер. После массового молодёжного движения 1981 года в британских СМИ открыто заговорили о необходимости коренных изменений в экономическом курсе страны. Однако на партийной конференции консерваторов 1980 года Тэтчер открыто заявила: «Поворачивайте, если хотите. Леди не поворачивает!».

По объективным причинам, очевидно, что в декабре 1980 года рейтинг Тэтчер упал до 23 % – самый низкий показатель, который когда-либо был у британских премьер-министров²⁹. После ухудшения ситуации в сфере экономики и углубления рецессии в начале 1980-х годов Тэтчер, несмотря на беспокойство со стороны ведущих экономистов, повысила налоги³⁰.

К 1982 году в экономике Великобритании наметились положительные сдвиги, доказывавшие факт её восстановления: уровень инфляции снизился с 18% до 8,6%³¹. С другой стороны, с 1930-х годов количество безработных составило свыше 3 млн человек. К 1983 году темпы экономического роста ускорились, а уровень инфляции и ставки кредитования по ипотеке достигли самых низких с 1970 года показателей. Несмотря на это, объём производства по сравнению с 1970 годом упал на 30%, а количество безработных достигло своего пика в 1984 году – 3,3 млн человек.

Массовая безработица и страх лишиться заработка в случае участия в трудовых конфликтах привели в начале 1980-х годов к ослаблению боевого духа рабочих. В 1981 и 1982 гг. произошло соответственно 1350 и 1538 стачек, в то время как в 1979 г. их было 2125. При этом жесткая позиция правительства Тэтчер нередко приводила к поражению забастовщиков.

Тем не менее, в 1984–1985 гг. против антипрофсоюзной стратегии правительства и его курса на денационализацию отраслей промышленности выступил давний противник консерваторов – **Национальный союз горняков (НСГ)**. Удар по этому мощному тред-юниону входил в планы кабинета Тэтчер. Но консерваторы ставили более важную задачу – реприватизацию угольной отрасли и закрытие неэффективных предприятий.

Поводом для забастовки НСГ послужило заявление Национального управления угольной промышленности (НУУП), обнародованное в начале марта 1984 г., о модернизации отрасли и закрытии в течение года 20 шахт и увольнении 20 тыс. рабочих. Реакция шахтеров оказалась незамедлительной. 12 марта Национальный союз горняков, возглавляемый левым профсоюзным лидером А. Скаржиллом, объявил о начале забастовки на всех угольных шахтах. Забастовщики требовали своего участия в решении судьбы угольной отрасли.

Первыми оставили работу шахтеры графства Йоркшир и Шотландии. Затем забастовка распространилась и на другие угольные регионы и охватила около

²⁹ См.: Thornton R.C. The Reagan Revolution II: Rebuilding the Western Alliance/ Trafford Publishing, 2006.

³⁰ См.: Reitan E.A. The Thatcher Revolution: Margaret Thatcher, John Major, Tony Blair, and the Transformation of Modern Britain, 1979–2001. Rowman & Littlefield, 2003.

³¹ См.: Floud R., Johnson P. The Cambridge Economic History of Modern Britain, Volume 3. Cambridge University Press, 2004.

150 тыс. членов из 180-тысячного профсоюза горняков. Отказались участвовать в стачке шахтеры из районов Мидленда (Средняя Англия), включая Ноттингемшир. Здесь люди жили и трудились в несколько лучших условиях по сравнению с другими шахтами и по этой причине не отвечали на призывы бастующих проявить солидарность³².

Забастовка проходила в неблагоприятное для ее участников время: расширялась добыча североморской нефти. Кроме того, правительство заблаговременно накопило запасы угля. Достаточно гибком оказалась и тактика кабинета Тэтчер. Чтобы не допустить распространения стачки на другие важные для жизнеобеспечения населения отрасли, профсоюзам электриков, водоснабжения и некоторым другим был сделан ряд уступок. Не желая быть втянутыми в борьбу с горняками напрямую, министры представляли стачку как конфликт между рабочими и НУУП, которое якобы цивилизованными методами пытается сократить число неприбыльных разработок. В действительности за НУУП стояло правительство. При кабинете министров был создан секретный подкомитет по делам забастовки, который собирался на заседания раз в две недели. Возглавляла подкомитет сама Тэтчер, а помимо министров – членов кабинета в него входили генеральный Прокурор и представитель специальных полицейских подразделений по борьбе с забастовщиками.

С самого начала правительство сделало ставку на применение полицейских сил, включая конную полицию, а также на использование принятого ранее антипрофсоюзного законодательства. Консервативная печать охарактеризовала действия забастовщиков как угрозу парламентской демократии. Велась тайная война за раскол в рядах НСГ, штрейкбрехерам оказывалась моральная и материальная помощь.

Солидарность с горняками в разных формах проявили железнодорожники, металлурги, водители грузовиков, печатники, моряки и докеры. Многие профсоюзы оказали бастующим финансовую помощь. По всей стране проводился сбор средств для бастующих и их семей. Съезд БКТ и конференция Лейбористской партии, проходившие осенью 1984 г., приняли резолюции, осуждавшие политику кабинета Тэтчер. Действия правительства осудили и некоторые иерархи англиканской церкви. Архиепископ Кентерберийский Р. Ранси в интервью газете «*Таймс*» 8 октября 1984 г., накануне открытия ежегодной конференции Консервативной партии, выразил возмущение в связи с тем, что со стачечниками обращаются как с преступниками. Не всегда одобряли действия Тэтчер и ее коллеги по партии. В выступлении в верхней палате Парламента бывший премьер-министр консервативного правительства Г. Макмиллан, получивший титул лорда Стоктона, назвал шахтеров «лучшими людьми» Британии, которые в годы войны содействовали поражению армии Гитлера³³.

Однако позиция правительства оставалась непреклонной. В соответствии с антипрофсоюзными законами на НСГ был наложен крупный штраф. Когда же тред-юнион отказался уплачивать такую сумму, его банковские счета были заблокированы. Все эти меры серьезно осложнили положение горняков. Начались разногласия среди руководителей стачки и в лагере забастовщиков. В марте 1985 г., ровно через год после начала забастовки, по решению конференции НСГ шахтеры, не добившись удовлетворения своих требований, вернулись к работе. В течение последующих месяцев НУУП закрыло все нерентабельные шахты, в результате чего десятки тысяч горняков пополнили армию безработных.

³² См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 326.

³³ Там же. С. 327.

Поощряемая консерваторами модернизация производства коснулась и печатников. Драматический характер приобрел конфликт типографских рабочих с владельцем «Таймс» и ряда других газет Р. Мердоком в 1986 г. Последний повел линию на замену устаревшей техники на более эффективную и трудосберегающую. Для этого он неожиданно для профсоюза объявил о закрытии типографского комплекса на Флит-стрит (в центральной части Лондона) и о переносе места печатания газет в оснащенный электроникой и требующий значительно меньшего обслуживающего персонала загородный комплекс. В жестком противостоянии с рабочими, в ходе которого использовалась пешая и конная полиция, Мердок опирался на новые профсоюзные законы о противоправности солидарных действий. В итоге победа Мердока стала и победой властей³⁴.

Реформирование системы среднего образования. Меры по преобразованию системы школьного обучения детей в 1960–1970-е годы предпринимали как лейбористские, так и консервативные правительства. И тем, и другим было ясно, что школьное обучение, утвердившееся в стране и основанное на делении школ на три основные категории – классические «грамматические», «современные» и «технические» при жестком отборе 11-летних детей для последующего обучения – создавало препятствия получению полноценного среднего образования для большей части британцев. Кроме того, новые отрасли промышленности и достижения научно-технической революции требовали вовлечения в сферу среднего и высшего образования самих широких слоев юного поколения.

Лейбористские кабинеты 1960–1970-х годов начали форсированное создание так называемых общеобразовательных, или объединенных, школ. В них не проводился экзамен «одиннадцать плюс», а основная масса учащихся получала современное среднее образование и имела шанс поступить в вузы. Причем новые школы нередко объединялись с прежними средними «грамматическими». Это нововведение особенно одобряли малоимущие, поскольку они не имели средств на подготовку своих детей к экзамену «одиннадцать плюс». К концу 1970-х годов в «объединенных» школах обучалось по разным подсчетам 80-90% всех детей каждой возрастной группы.

Консерваторы называли подобную практику «уровнировкой». Их критику этого типа заведений поддерживала значительная часть состоятельных родителей, опасавшихся за качество знаний и будущее своих детей.

В политической борьбе между двумя правящими партиями стал и подход к управлению школами. Лейбористы возлагали эту обязанность на учителей, школьные отделы местных советов и Национальный школьный совет, в которых влиятельные позиции занимали те же преподаватели. Консерваторы считали приоритетными интересы родителей, университетов и бизнеса³⁵.

В период премьерства Тэтчер консерваторы учли, что объединенные школы получили широкое распространение и сосредоточили свое внимание на развитии данных учебных заведений и всей системы среднего образования в целом. В основу реформирования был заложен принцип общих стандартов обучения и признания права родителей на выбор для ребенка той или иной школы. Последнее требование органически вписывалось в общую концепцию неолибералов о «свободе выбора» и объяснялось необходимостью восстановления «плюрализма» в школьном обучении. Эти идеи, а также свойственный тори подход к управлению школами были воплощены в законах 1980, 1986 и 1988 гг.

³⁴ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 327–328.

³⁵ Там же. С. 321.

По закону 1980 г. в школьные советы должны были входить родители. Для одаренных учеников, чьи семьи не имели возможности оплачивать их обучение в престижных заведениях, вошло в практику широкое внедрение стипендий³⁶.

Уже в 1981 году, после назначения министром образования Джозефа Кейта, наблюдается стремление Тэтчер проконтролировать деятельность образовательных учреждений и подчинить их рыночным законам, внедрив и сюда принцип социального дарвинизма.

Среди важных достижений М. Тэтчер в этой сфере стало введение схем субсидирования районов, в соответствии с которыми обучение учеников могло быть частично или полностью оплачено за счёт государственных средств. Это позволило талантливым детям из бедных семей посещать частные школы, обучение в которых было платным. К тому же, родителям учеников было предоставлено право самостоятельно определять место обучения своих детей, а не направлять их в те школы, к которым они были приписаны, а также активно участвовать в заседаниях школьных советов³⁷.

Более того, родителям предоставлялось право при отсутствии у ребёнка желания иметь среднее образование, забирать его со школы и отдавать в качестве подмастерья на предприятие либо курсы профессиональной подготовки. Такие идеи получили своё отражение в законах 1980, 1986 и 1988 годов. Примечательно, что был отменён закон об объединённых школах, который Тэтчер частично ограничила во время пребывания на посту министра образования. Таким образом, 260 грамматических школ (из 5 тыс. государственных), которые еще не были подвергнуты реформе, получили шанс на выживание.

2.2. Выборы 1983 г. Второй кабинет М. Тэтчер в 1983–1987 гг. (внутренняя политика и реформы)

В июне 1983 года **Маргарет Тэтчер** снова выставила свою кандидатуру на выборах. Опираясь на фолклендскую победу и проявленную ею твердость, она добилась безоговорочного успеха, получив в парламенте по сравнению с лейбористами большинство в 188 мест. Доля последних упала до 27,6%. Лейбористской партии повредили два момента: ее обещание вывести Великобританию из Общего рынка в случае победы на выборах и ее приверженность к одностороннему ядерному разоружению. Новый Альянс, получивший на выборах боевое крещение, шел сразу за лейбористами, набрав 25,4% голосов, но благодаря избирательной системе получил только 23 места в парламенте. Оставался открытым вопрос: станет ли отныне нормой борьба трех партий, или одна из них – Альянс, или лейбористы, окрепнув, восстановят двухпартийную систему³⁸.

Вообще-то срок полномочий Парламента истекал весной 1984 г., но Тэтчер умела использовала фактор Фольклендов и назначила выборы на **9 июня 1983 г.**, т.е. на год раньше. В результате, несмотря на неблагоприятную экономи-

³⁶ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 321–322.

³⁷ См.: Viner J. Leading a Faith School: Understanding and Developing Your Role as Senior Leader. Optimus Education eBooks, 2009.

³⁸ См.: Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М., 1999. С. 813.

ческую ситуацию в стране, правительство осталось у власти на новый срок. «Маленькая» победоносная война обеспечила консерваторам победу на этих выборах. Более того, число завоеванных ими мест в Палате общин возросло с 339 до 397. Всего за консерваторов проголосовало 42,4% избирателей.

Выборы проходили при новой расстановке политических сил. В первую очередь перемены коснулись Лейбористской партии. После поражения лейбористов на выборах в мае 1979 г. лидер партии Дж. Каллаген осенью 1980 г. покинул свой пост. На его место был избран политик левой ориентации – Майкл Фут. В октябре 1980 г. на ежегодной конференции Лейбористской партии ее участники высказались за одностороннее ядерное разоружение Великобритании, выход страны из ЕЭС и перевыборы членов Парламента.

Одновременно были внесены изменения в процедуру отбора кандидатов в депутаты Парламента, она стала более демократичной. Прежде такой отбор производила лейбористская фракция палаты общин. По новым правилам при решении вопроса она получила лишь 30% голосов. Столько же голосов было предоставлено организациям партии в избирательных округах, и 40% голосов закреплялось за тред-юнионами³⁹.

Состоявшийся поворот влево руководства лейбористов способствовал углублению внутрипартийных противоречий. Создалась угроза не только единству, но и самому существованию Лейбористской партии. В марте 1981 г. 27 лейбористских парламентариев, принадлежавших к правому крылу и включавших таких известных деятелей, как Д. Оуэн, Р. Дженкинс, Ш. Уильямс и У. Роджерс, объявили о выходе из организации и об основании центристской **Социал-демократической партии (СДП)**. В ее программе содержались положения о введении пропорционального представительства партий в Парламенте, о поддержке членства Британии в ЕЭС и НАТО. По всей стране насчитывалось около 70 тыс. сторонников новой партии. Лидером СДП в июне 1982 г. стал **Рой Дженкинс**. При подготовке к парламентским выборам СДП вступила в Альянс с Либеральной партией в лице ее лидера Д. Стила. В основе этого союза лежала договоренность о совместном выдвижении кандидатов и единой парламентской тактике⁴⁰.

Главной проблемой Великобритании стала безработица: число безработных достигло 3 миллионов человек. Поскольку это резкое увеличение связывалось с действиями правительства Маргарет Тэтчер, победа консерваторов многими считалась сомнительной. В то же время, фолклендский конфликт, эскалация которого для защиты британских интересов была решительно поддержана Тэтчер, поправил положение Консервативной партии.

Консервативная партия обещала продолжить начатые реформы, в том числе и весьма непопулярные. Однако избиратели надеялись, что Тэтчер несколько смягчит свою позицию по наиболее болезненным вопросам, включая приватизацию убыточных государственных предприятий и снижение дотаций оставшимся в собственности предприятиям.

Лейбористская партия, возглавляемая лидером левого крыла лейбористов Майклом Футом, пришла к выборам ослабленной. Часть влиятельных лейбористов («банда четырёх» – Рой Дженкинс, Дэвид Оуэн, Билл Роджерс и Ширли Вильямс, а также Роберт Макленнан) вышли из лейбористской партии и основала Социал-демократическую партию. Кроме того, лейбористы предлагали свои традиционные

³⁹ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 314–315.

⁴⁰ Там же. С. 315–316.

лозунги: увеличение государственных расходов, восстановление государственного сектора в прежнем объеме и увеличение налога на богатых.

Либеральная партия выступила на выборах вместе с Социал-демократической партией.

Парламентские выборы в Великобритании прошли **9 июня 1983 года**. Консерваторы под руководством Маргарет Тэтчер ещё более укрепили свои позиции, получив 58 дополнительных мандатов, а лейбористы потерпели серьёзное поражение, потеряв 60 мандатов. Таким образом, разрыв между правящими консерваторами и лейбористами увеличился до 188 мандатов.

Результаты выборов

Партия	Лидер	Голосов	%	Мест	Δ
Консервативная партия	Маргарет Тэтчер	13012316	42,4	397	▲37
Лейбористская партия	Майкл Фут	8456934	27,6	209	▼51
Либеральная партия – СДП	Дэвид Стил – Рой Дженкинс	7780949	25,4	23	▲14
Шотландская национальная партия	Гордон Вильсон	331975	1,1	2	–
Партия Уэльса	Дэвид Уигли	125309	0,4	2	–
Шинн Фейн	Джерри Адамс	102701	0,3	1	▲1
Ольстерская юнионистская партия		259952	0,8	11	▲2
Демократическая юнионистская партия	Иан Пейсли	152749	0,5	3	▲2
Социал-демократическая и лейбористская партия		137012	0,4	1	▼1
Ольстерская народная юнионистская партия	Джеймс Килфеддер	22861	0,1	1	▲1
Британский национальный фронт		27065	0,1	0	
Коммунистическая партия	Гордон Макленнан	11606	0,1	0	

Для Лейбористской партии выборы 1983 г. обернулись крупнейшим в послевоенной истории поражением. За ее кандидатов было подано 27,6% голосов, что обеспечило лейбористам 209 депутатских мандатов в Палате общин. Для партий Альянса итоги выборов оказались разочаровывающими. За них проголосовало 25,4% электората, и им удалось провести в Парламент 23 депутата, включая либералов и 7 социал-демократов. Для СДП это было поражение. Не был избран в Палату общин даже лидер СДП – Р. Дженкинс.

Неудачи на выборах Лейбористской и Социал-демократической партий повлекли за собой и смену их лидеров. Руководителем Лейбористской партии был избран профсоюзный деятель Нейл Клинок. Социал-демократов возглавил бывший министр иностранных дел лейбористского правительства Дэвид Оуэн⁴¹.

Второй кабинет Тэтчер в 1983–1987 годах не делал попыток радикально перестроить экономику Великобритании. Общественные расходы и бюджетный дефицит сократились. Ускорялась приватизация государственного сектора: Бритиш Эрэйз, Бритиш Телеком и Бритиш Гэс представляли собой выгодные объекты сделки. Администрация с вниманием относилась к обороне, увеличивая расходы на нее и поддерживая установку американских ядерных баллистических

⁴¹ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 316.

ракет на Британских островах. Большое значение придавалось укреплению законности и порядка, усилению полиции. Посредством Акта о реформе трейд-юнионов на профсоюзы были наложены новые ограничения. Именно от профсоюзных организаций, в частности, от Национального союза шахтеров во главе с Артуром Скаржиллом исходила главная угроза для правительства. Шахтеры свергли Хита, могли ли они теперь справиться с Тэтчер, которая ополчилась не только на все профсоюзы в целом, но и готова была выступить конкретно против шахтеров? Национальную угольную компанию (НУК) возглавлял Иен Макгрегор, снискавший себе репутацию ревностного служаки, когда он, реорганизуя стальную промышленность, уволил массу народа, не считаясь с сопротивлением трудящихся. Назначение на пост руководителя НУК этого человека заставило рабочих бастовать из страха перед повальными увольнениями и потерей работы. Забастовка началась в марте 1984 года, и через год закончилась поражением шахтеров. Произошло несколько стычек с полицией. Но правительство было в полной готовности, создав большие запасы угля, кроме того, шахтеры Ноттингема и Дерби отказались бастовать, тем самым обрекая Национальный профсоюз горняков на поражение⁴².

Экономическая политика правительства тем временем продолжала подвергаться резкой критике. Безработица опять перевалила за трехмиллионную отметку, а постоянное сокращение расходов доводило почти до драки с органами местного самоуправления. В октябре 1984 года Тэтчер вновь заставила всех восхищаться твердостью своего характера. На этот раз причиной стал взрыв в Гранд-отеле в Брайтоне, где было расквартировано правительство во время конференции консервативной партии. Но ее стиль руководства вызывал все больше критики, вылившись в январе 1986 года в отставку очень популярного человека – министра обороны Майкла Хезлтайна. Детали их конфликта – ничто по сравнению с обвинением Тэтчер Хезлтайном в том, что она не признает общепринятых норм руководства кабинетом министров, что ее поведение вообще противоречит конституционным нормам. Это были первые симптомы перехода от одобрения действий сильного руководителя к общему неприятию начальственного тона и чрезмерной опеки.

При приближении выборов ограничения на общественные расходы были сняты, с увеличением доходов от налогов на добычу нефти и промышленным ростом по сравнению с убыточным 1981 годом политика становилась более гибкой. Инфляция сократилась с 11% в 1981 году до обычных 4,4% в 1985–1987 годах, а рост заработной платы обгонял инфляцию. Лица, бравшие деньги в кредит, оказались в выгоде, благодаря низким процентным ставкам. Продажа муниципального жилья снискала очень большую популярность. Но уровень безработицы упрямо держался на отметке три миллиона человек, хотя принятые правительством меры его несколько снизили, производство потребительских товаров сократилось, но то, что продолжало действовать, было лучше организовано и функционировало с большей производительностью; однако, сокращение еще двух миллионов рабочих мест умножило ряды безнадежных безработных⁴³.

Поставив во главу угла своей социально-экономической стратегии **разгосударствление экономики**, Тэтчер уже к 1987 г. приватизировала около 1/3 промышленных, транспортных и финансовых структур, включая 9 крупнейших концернов в газовой индустрии и системе телекоммуникаций. Были распроданы контрольные пакеты акций нефтяной компании «Бритиш петролиум», многих предприятий

⁴² См.: Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М., 1999. С. 813.

⁴³ Там же. С. 813–814.

сталелитейной, авиакосмической промышленности, электроэнергетики, водоснабжения, воздушного транспорта. Происходило внедрение частного капитала в разработку нефтяных месторождений в Северном море, в эксплуатацию угольных шахт. В результате доля государственного сектора снизилась с 10 до 6,5% валового национального продукта (ВНП). Причем при распродаже активов государственных компаний держателями мелких акций стали около 9 млн британцев, включая людей, работающих на этих предприятиях⁴⁴.

Продолжалось сокращение субсидирования неперспективных предприятий в государственном и частном секторах и снижение налогов для малого бизнеса. В итоге этих мероприятий к концу 1980-х годов в сфере малого предпринимательства оказалась занятой 1/4 самодеятельного населения.

Заметно выросли инвестиции в экономику. Производительность труда за 1980–1987 гг. ежегодно увеличивалась на 2,5%, значительно опережая средний показатель – 1,8% других индустриально развитых стран. Возросший потребительский спрос содействовал расширению промышленного производства.

В русле программы разгосударствления происходила **приватизация жилья**. Значительное число граждан Британии арендовало квартиры в муниципальных домах, строительство и содержание которых осуществлялись за счет государства. Тэтчер поставила задачу сделать большинство британцев собственниками своего жилья. Был принят закон, по которому местные власти обязывались продавать квартиры в муниципальных домах жильцам-арендаторам по льготным ценам. Уже в первые годы правления консерваторов такая распродажа составила 1/5 всего фонда. Семьи, располагавшие стабильным доходом и перспективой его увеличения, переселялись в пригороды больших городов. Уменьшались ассигнования на новое государственное строительство⁴⁵.

Как следствие всех преобразований, включая процесс «распыления» собственности, менялась социальная структура общества. За счет увеличения числа держателей мелких акций, владельцев небольших предприятий, менеджеров разного уровня и собственников жилья выросло число людей, относящих себя к среднему классу. Об этом, в частности, свидетельствовало увеличение среднего уровня доходов в стране. Так, к моменту выборов 1987 г. он вырос по сравнению с 1979 г. примерно на 25%. Численность акционеров по отношению к населению страны увеличилась за 1981–1987 гг. с 7,5 до 20%. К концу 80-х годов 64% британцев имели собственные дома, более 70% – автомобили, 46% – видеоманитофоны. Около половины граждан могли обеспечивать платное образование своих детей.

Успеху радикальных реформ **М. Тэтчер** способствовал ряд факторов: подъем мировой экономики, наблюдавшийся после кризиса 1980–1982 гг., огромные материальные ресурсы, полученные от распродажи государственных корпораций, а также доходы от экспорта нефти, добываемой в Северном море. Экономический подъем в стране продолжался до лета-осени 1990 г. Впервые с 1980 г. процесс ослабления позиций Великобритании в мировой экономике был прерван⁴⁶.

Как нами было указано выше, серьёзное внимание Кабинет уделял политике приватизации, которая заметно ускорилась после выборов 1983 года⁴⁷. В целом,

⁴⁴ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 317.

⁴⁵ Там же. С. 317–318.

⁴⁶ Там же. С. 318.

⁴⁷ См.: Feigenbaum H., Henig J., Hamnett Chris. Shrinking the State: The Political Underpinnings of A Privatization. – Cambridge University Press, 1998.

благодаря продаже государственных промышленных предприятий правительство выручило более £29 млрд (к примеру, приватизация компании-производителя авиационных и промышленных двигателей Rolls-Royce дала £1,6 млрд прибыли), а от продажи муниципальных домов консерваторы выручили ещё £18 млрд⁴⁸.

Процесс приватизации, особенно убыточных государственных промышленных предприятий, способствовал улучшению ряда показателей этих предприятий, особенно производительности труда⁴⁹. Был приватизирован ряд предприятий в сфере добычи природного газа, водоснабжения и электроснабжения, которые, тем не менее, оставались естественными монополиями, поэтому их приватизация не могла привести к возникновению конкуренции на рынке.

В целом результаты от приватизации оказались двойственными, хотя потребители оказались в выигрыше благодаря снижению цен и улучшению производительности. Кроме того, благодаря массовой приватизации многие британцы стали акционерами, что легло в основу «народного капитализма».

Продолжалась **реформа образования**. По закону 1986 г. в состав школьных советов входили и представители бизнеса. Делался акцент на усиление профессиональной ориентации обучения. Предполагалась стажировка части учителей в фирмах и организация производственной практики учащихся на промышленных предприятиях.

Селективный метод приобрел новые формы. По новой системе 16-летние учащиеся получали базовое образование, но сдавали экзамены не по всем, а лишь по нескольким предметам и по их результатам получали один из семи видов аттестатов (сертификатов), которые определяли дальнейшие направления обучения подростков. На этой стадии заканчивалось обязательное обучение детей. Претенденты на поступление в университет и политехнические институты еще в течение двух-трех лет получали целенаправленное обучение по избранным предметам. Остальные учащиеся, которых было большинство, получали общее или профессиональное образование.

Примечательным фактом, имевшим место в эти годы (1986), явилась отмена телесных наказаний в государственных школах. Частные школы («паблик скулз») продолжали жить по своим правилам. В них обучалось около 10% детей, как правило, из влиятельных семей, принадлежавших к верхушке британского общества⁵⁰.

Область социальных отношений являлась ещё одним кризисным фактором британского общества в тэтчеровский период. Социальная напряжённость в стране нарастала, всё чаще появлялись в СМИ репортажи о безвыходном и беспросветном положении людей, оказавшихся без работы, в особенности вполне себе трудоспособной и здоровой молодёжи. Такое явление было одним из наиболее очевидных симптомов растущего социального неблагополучия и стремительно накапливавшегося недовольства, которому в той или иной форме надлежало прорваться наружу.

Примечательно, что эпицентром бунтов стали упомянутые в начале второго параграфа бедные городские кварталы крупных городов вроде Лондона, Манчестера, Бирмингема и Ливерпуля. Они подверглись волне необузданных молодежных выступлений.

⁴⁸ См.: Marr A. A History of Modern Britain. – Pan, 2007.

⁴⁹ См.: The Impact of UK Privatization on Labour and Total Factor Productivity». Scottish Journal of Political Economy 42(2): 216–217.

⁵⁰ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 322.

Естественным результатом акций 1981 г. стал серьезнейший удар по престижу правительства и его главы. С другой стороны, они продемонстрировали достаточно слабый потенциал для энергичного общественного противодействия политике правительства. Другими словами, они не всколыхнули британскую общественность. Становилось очевидным, что цивилизованные формы протеста, по крайней мере на этапе кризисного развития 70-х – начала 80-х годов, исчерпали себя и опасность «больших волнений» правительству не угрожает.

Помимо прочего, неудовлетворение политикой правительства Тэтчер совсем не ограничивалось рядовыми избирателями и пролетариатом. Наглядно стали выражать свое неприятие собственники и менеджеры промышленных корпораций, которых явно не устраивала ориентация на свертывание государственной поддержки и отказ от стимулирования экономического роста. Так, Маргарет Тэтчер приходилось вести войну и с представителями Конфедерации Британской Промышленности (КБП), которую она, впрочем, с лёгкостью одолела благодаря поддержке финансовых кругов Сити, «живущих» независимо от британских промышленников⁵¹.

В период своего премьерства **Тэтчер** вела энергичную борьбу, направленную на гиперболизацию влияния профсоюзов, которые, по её мнению, тормозили экономический рост и производство постоянными забастовками⁵². Первый премьерский срок Маргарет отмечался рядом забастовок, организованных частью профсоюзов в ответ на новое законодательство, ограничившее их полномочия. В 1981 году в Брикстоне имели место солидные беспорядки, которые связывались с ростом безработицы, однако правительство Тэтчер не стало смягчать свою экономическую политику, являвшуюся причиной роста безработицы. В конечном итоге противостояние профсоюзов с правительством закончилось безрезультатной⁵³. К примеру, всего 39% членов профсоюзов проголосовало за лейбористскую партию на парламентских выборах 1983 года⁵⁴. Показательным здесь представляется мнение ВВС, согласно которому Тэтчер «удалось лишить профсоюзы власти почти на одно поколение»⁵⁵.

Во время второго премьерского срока Тэтчер продолжила более активную **борьбу с влиянием профсоюзов**: были приняты законы о запрете на принуждение ко вступлению в профсоюз, о запрете «забастовок солидарности», об обязательном предварительном предупреждении работодателей о начале забастовки и об обязательном тайном голосовании для принятия решения о начале забастовки. Кроме того, отменялось правило «закрытого цеха» о преимущественном приёме на работу членов ведущего на данном предприятии тред-юниона, соглашения с тред-юнионами о минимальной гарантированной зарплате. Из консультативных правительственных комиссий по вопросам экономической и социальной политики также были исключены представители профсоюзов⁵⁶.

⁵¹ См.: Morning Star. 1980. Nov. 13.

⁵² См.: Thatcher M. The Downing Street Years. Harper Collins, 1993.

⁵³ См.: Margaret Thatcher. British Prime Minister // CNN Interactive URL: <http://web.archive.org/web/20080703072749/http://www.cnn.com/SPECIALS/cold.war/kbank/profiles/thatcher/> (дата обращения: 03.06.2016).

⁵⁴ См.: Revzin Philip. British Labor Unions Begin to Toe the Line, Realizing That the Times Have Changed (23 November 1984).

⁵⁵ См.: Margaret Thatcher was the nemesis of the trade union movement. // BBC News URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/3067563.stm (дата обращения: 03.06.2016).

⁵⁶ Там же.

Тем не менее, влиятельное лобби тред-юнионов ещё не собиралось отступать. Так, **забастовка шахтёров 1984–1985 годов** стала крупнейшим проявлением конфронтации между профсоюзами и британским правительством. В марте 1984 года Национальное управление угольной промышленности выступило с предложением о закрытии 20 из 174 государственных шахт и сокращении на 20 тысяч рабочих мест (всего в отрасли работало 187 тысяч человек)⁵⁷. Затем 2/3 шахтёров страны под руководством Национального союза горняков объявили общенациональную забастовку, причём летом к шахтёрам примкнули работники транспорта и металлургии. Забастовка охватила всю страну и затронула многие отрасли экономики⁵⁸. Тэтчер же, оправдав своё газетное имя «железной леди» отказалась принять условия бастующих и сравнила претензии шахтёров с фолклендским конфликтом, случившимся за два года до этих событий: «Нам пришлось бороться с врагом за пределами страны, на Фолклендских островах. Мы всегда должны знать о враге внутри страны, с которым труднее бороться и который представляет большую опасность для свободы!»⁵⁹. И, по прошествии года с начала забастовки, в марте 1985 года, Национальный союз горняков был вынужден отступить.

Ущерб для экономики страны от этих событий оценивался примерно в £1,5 млрд. Помимо этого, забастовки стали причиной сильного падения курса фунта стерлингов по отношению к доллару США⁶⁰. Консерваторы добились желаемого и закрыли в 1985 году 25 нерентабельных шахт, число которых к 1992 году составило уже 97⁶¹. Оставшиеся на государственном попечении шахты подверглись передаче в частные руки⁶². Логичным следствием этих событий стало дополнительно возрастание количества безработных⁶³.

Для минимизации последствий забастовок британское правительство увеличило добычу нефти в Северном море и увеличило импорт нефти, а также следило за обеспечением работы тех, кто из-за боязни потерять работу не примкнул к бастующим. Более того, правительство настраивало общественное мнение против участников забастовки и профсоюзов. Стратегия создания национальных запасов горючего топлива, назначение главой национального управления угольной промышленности Яна Мак Грегора, который вёл борьбу с профсоюзами, а также подготовка к возможным забастовкам и мятежам британской полиции внесли значительный вклад в окончательную победу Тэтчер над профсоюзами⁶⁴.

Несомненно, мы можем оценить результаты этой борьбы, используя статистические данные. Если в 1979 году количество забастовок в Великобритании достигало своего пика (4583 забастовки), то уже в 1984 году, в год шахтёрских забастовок, в стране проходила всего 1221 забастовка, а в последующие годы премьерства

⁵⁷ См.: Watching the pits disappear // BBC News URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/3514549.stm (дата обращения: 05.06.2016).

⁵⁸ См.: Iron Lady versus union baron // BBC News URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/wales/3537463.stm (дата обращения: 05.06.2016).

⁵⁹ См.: Khabaz D.V. Manufactured Schema: Thatcher, the Miners and the Culture Industry. Matador, 2007.

⁶⁰ См.: Harper, Timothy. Miners return to work today. Bitter coal strike wrenched British economy, society (5 March 1985), p. 8.

⁶¹ См.: Watching the pits disappear // BBC News URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/3514549.stm (дата обращения: 05.06.2016).

⁶² См.: AUK Coal sees loss crumble to £1m // BBC News URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/3531819.stm> (дата обращения: 06.06.2016).

⁶³ См.: Lee A. King Coal (9 December 2008), p. 20–21.

⁶⁴ См.: Marr A. A History of Modern Britain. Pan, 2007.

Тэтчер снизилось ещё больше: в 1990 – 630⁶⁵. Уменьшалось и количество членов профсоюзов: в 1979 году это 13,5 млн человек и уже 10 млн человек в 1990 году⁶⁶.

Заметное место во внутренней политике второго правительства М. Тэтчер занимала **национальная политика в Северной Ирландии**.

В конце 60-х – начале 70-х годов XX в Северной Ирландии, а именно провинции Ольстер, происходила крупная вспышка насилия, вызванная негативным воздействием экономического кризиса на ухудшающиеся условия жизни. Он обострил здесь глубокие социальные противоречия между протестантским и католическим населением. В провинции процветала дискриминация по религиозно-этническому признаку во всех сферах общественной жизни: трудоустройстве, образовании, распределении жилья и прочем, в первую очередь благодаря тому, что этнические ирландцы-католики были практически полностью отчуждены от власти. Протестанты имели подавляющее большинство в органах власти, которое охранялось самой системой проведения выборов. Следовательно, развернулась борьба за предоставление равных возможностей независимо от религиозной принадлежности, которая приняла форму религиозно-этнического конфликта. Произошло столкновение двух разнонаправленных сил – протестантского большинства (2/3 населения), традиционно верного союзу с Великобританией, и католического меньшинства (1/3 населения), стремящегося войти в состав единого Ирландского государства. Во время правления Маргарет Тэтчер эта **североирландская проблема** неоднократно обострялась, и в то же время шел активный поиск путей ее решения.

Так, в 1969 г. в провинции начинают нарастать столкновения на религиозной почве между лоялистами-протестантами – адептами сохранения Северной Ирландии в составе Соединённого Королевства, и республиканцами-католиками, или националистами, грезящими о воссоединении с Ирландией. С обеих сторон активизируется процесс создания военизированных противозаконных формирований. Наиболее известными из них являются националистическая Ирландская республиканская армия (ИРА) и лоялистские Ассоциация обороны Ольстера и Добровольческая служба Ольстера. В результате центральное правительство было вынуждено направить в провинцию армейские части для стабилизации ситуации, а в 1972 г., в отсутствие признаков урегулирования, принять решение о приостановке работы Стормонта – Ольстерского законодательного органа.

Стремления к возобновлению работы региональных органов власти не раз предпринимались правительством страны. Так, после очередных местных выборов в 1975 г. созывается недолговечная конституционная Конвенция, в 1982–1983 гг. пытается наладить работу вновь избранная Ассамблея. Таким образом, политическое решение проблемы Ольстера, поиск выхода из кризиса путём демократических процедур, а не исключительно силовых действий, всегда находились в центре внимания правительственных сил и Маргарет Тэтчер в том числе.

Местные националисты, находящиеся в местах заключения проводят серию голодовок в 1980–1981 гг., требуя статуса политических заключённых, а не обычных уголовных преступников. В ходе одной из них десять человек умирает от истощения. Однако власти остаются непоколебимы, и правительство во главе с Маргарет Тэтчер стойко демонстрирует нежелание идти на какие-либо уступки нарушителям закона, хотя и закулисно велись переговоры с террористами о прекращении голодовки⁶⁷.

⁶⁵ См.: Butler D., Butler G. British Political Facts 1900–1994. 7-d ed. – Macmillan, 1994.

⁶⁶ См.: Evans E. Thatcher and Thatcherism (The Making of the Contemporary World). 2-d ed. Routledge, 2004.

⁶⁷ См.: Was Gerry Adams Complicit Over Hunger Strikers? // Margaret Thatcher. Foundation URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/l11769> (дата обращения: 13.06.2016).

Вслед за бездействием официальных властей, ИРА взрывает в 1984 г. бомбу в Гранд отеле в т. Брайтон, где Консервативная партия Великобритании проводила свою ежегодную конференцию. Эта террористическая акция стала самой крупномасштабной попыткой покушения на членов правительства западной страны, а именно Маргарет Тэтчер. Сама Тэтчер не пострадала и на следующий день открыла партийную конференцию⁶⁸. Как и было запланировано, она выступила с докладом, что вызвало поддержку со стороны политических кругов и увеличило её популярность среди общественности.

Дальнейшим развитием событий стало учреждение 6 ноября 1981 года Тэтчер и ирландским премьер-министром Гарретом Фицджеральдом Англо-ирландского межправительственного совета, в рамках которого проводились регулярные встречи между представителями обоих правительств⁶⁹. 15 ноября 1985 года Тэтчер и Фицджеральд подписали в замке Хиллсборо **Англо-ирландское соглашение**, по которому воссоединение Ирландии должно было произойти только в случае поддержки данной идеи большинством населения Северной Ирландии. Кроме того, впервые в истории британское правительство предоставило Ирландской Республике консультационные функции в управлении Северной Ирландией. Предписывался созыв межправительственной конференции в составе ирландских и британских официальных лиц для обсуждения политических и прочих вопросов, относящихся к Северной Ирландии, при этом Ирландская Республика представляла интересы североирландских католиков⁷⁰.

Подписанное соглашение, в свою очередь, вызвало резкую критику со стороны юнионистов, представлявших прежде всего интересы протестантского населения и выступавших за сохранение Ольстера в составе Великобритании и против вторжения Ирландии в дела Северной Ирландии. Заместитель главы юнионистов-демократов Питер Робинсон даже назвал его «актом политической проституции»⁷¹. К кампании протеста под призывом «Ольстер говорит нет» во главе с юнионистами присоединилось более 100 тысяч человек⁷².

2.3. Выборы 1987 г. Третий правительственный кабинет М. Тэтчер (1987–1990): внутренняя политика и реформы

Начавшееся оживление в британском хозяйстве, расширение социальной базы консерваторов за счет мелких собственников и, наконец, преодоление острого конфликта в угольной отрасли (о чем будет сказано ниже) укрепили положение консерваторов и стимулировали их на проведение новых досрочных парламентских выборов. Исход этих выборов, состоявшихся **11 июня 1987 г.**, для кон-

⁶⁸ См.: 1984: Tory Cabinet in Brighton bomb blast // BBC ON THIS DAY URL:http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/october/12/newsid_2531000/2531583.stm (дата обращения: 13.06.2016).

⁶⁹ См.: The Hunger Strike of 1981 – A Chronology of Main Events // CAIN Web Service URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/hstrike/chronology.htm> (дата обращения: 14.06.2016).

⁷⁰ См.: Северная Ирландия // Энциклопедия Кругосвет URL: <http://www.webcitation.org/67nBtHWiV> (дата обращения: 14.06.2016).

⁷¹ См.: Медведев Д.Л. Тэтчер: неизвестная Мэгги. RIPOL classic, 2009. С. 336.

⁷² См.: Anglo-Irish Agreement – Chronology of Events // CAIN Web Service URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/aia/chron.htm> (дата обращения: 14.06.2016).

серваторов уже в третий раз оказался успешным: за них было подано 42,3% голосов, в Палате общин они получили 376 мест из 650, т.е. твердое парламентское большинство. В то же время выборы продемонстрировали неравномерность поддержки консерваторов в различных регионах страны. Со значительным перевесом они победили в Южной и Центральной Англии, но утратили свои позиции в промышленных городах Севера. Не случайно в прессе преуспевающий Юг противопоставлялся отсталому Северу с его постоянной безработицей. В Уэльсе партия увеличила число своих сторонников на 5%, а в Шотландии – на 7,5%⁷³.

Консервативная партия во время предвыборной гонки защищала проводимую правительством Тэтчер политику. Хотя с момента последних выборов 1983 года в Великобритании в 1984–85 прошла крупнейшая забастовка шахтёров, транспортников и металлургов, а жёсткость, с которой кабинет Тэтчер проводил зачастую непопулярные реформы, не ослабла, Консервативная партия в своей предвыборной кампании доказывала эффективность своих мер: в частности, сохранялся рост ВВП, уровень инфляции составлял около 4%, а количество безработных сокращалось. Кроме того, на стороне консерваторов активно выступала британская пресса.

Лейбористская партия оправилась от сокрушительного поражения на выборах 1983 года – новым лидером партии стал занимавший более умеренную позицию Нейл Киннок, а предвыборные обещания лейбористов были пересмотрены из-за изменившейся от проведённых Тэтчер реформ обстановки. Кроме того, лейбористы надеялись на предстоящих выборах восстановить свою репутацию главной альтернативы консерваторам.

Альянс Либеральной и Социал-демократической партии был намерен закрепить достигнутый на предыдущих выборах успех, а также увеличить своё представительство в Палате общин (альянс получил 7,8 миллионов голосов против 8,5 миллионов у лейбористов, но располагал лишь 23 мандатами против 209 у лейбористов).

Результаты выборов

Партия	Лидер	Голосов	%	Мест	Δ
Консервативная партия	Маргарет Тэтчер	13760935	42,2	376	▼21
Лейбористская партия	Нейл Киннок	10029270	30,8	229	▲20
Либеральная партия – СДП	Дэвид Стил – Дэвид Оуэн	7341651	22,6	22	▼1
Шотландская национальная партия	Гордон Вильсон	416473	1,3	3	▲1
Партия Уэльса		123599	0,4	3	▲1
Шинн Фейн	Джерри Адамс	83389	0,3	1	–
Ольстерская юнионистская партия		276230	0,8	9	▼2
Ольстерская народная юнионистская партия	Джеймс Килфеддер	18420	0,1	1	–
Демократическая юнионистская партия	Иан Пейсли	85642	0,3	3	–
Социал-демократическая и лейбористская партия		154067	0,5	3	▲2
Коммунистическая партия	Гордон Макленнан	6078		0	

Лейбористы несколько улучшили свой результат по сравнению с выборами 1983 г. За них проголосовало 30,8% избирателей, и им досталось 229 парламентских мандатов, что все же не дало основания утверждать, что партия вышла из кризиса.

⁷³ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 317–318.

Руководство Альянса либералов и социал-демократов, рассчитывавшее на быстрое возрастание популярности союза и превращение его в третью политическую силу, должно было расстаться с этой надеждой. Процент поданных за Альянс голосов сократился с 25,4 до 22,5%, а в Парламенте на его долю пришлось 22 места вместо 23 в 1983 г. (17 мест заняли либералы и 5 – социал-демократы). Последовал распад Альянса, а затем и раскол СДП. Часть социал-демократов пошла на полное слияние с либералами, которое и состоялось 3 марта 1988 г.

Новую **Партию либеральных демократов (ПЛД)** возглавил прежний лидер либералов **Д. Стил**. Партия выступала за последовательное укрепление рыночных принципов экономики и интеграцию страны в ЕЭС, включая присоединение к ее валютной системе. Лидер СДП (с 1983 г.) Д. Оуэн и небольшая группа его единомышленников еще некоторое время составляли самостоятельную партию, но к лету 1990 г. организация прекратила свою деятельность. Несколько раньше, к середине 1980-х годов, число сторонников КПВ, сокращавшееся в 1960-е и 1970-е годы, уже не превышало 7 тыс. человек, и партия, по существу, исчезла с арены политической борьбы⁷⁴.

Когда Тэтчер решила объявить о проведении в 1987 году парламентских выборов, пишет **Дж. Гренвилл**, дела шли хорошо. Экономика развивалась поступательно, оппозицию составляли две партии: Альянс и лейбористы. В октябре 1983 года лидером партии лейбористов стал молодой политик Ни Киннок – сын уэльского шахтера. Киннок, придерживавшийся умеренно левых взглядов, успешно сплотил партию, но на выборах ему помешало обещание вывести все виды ядерного оружия за пределы Великобритании.

По вопросам ядерной обороны Альянс твердой позиции не имел. Все три партии во время предвыборной кампании широко использовали средства массовой информации в рекламных целях. Никогда прежде телевидение и консультанты по прессе не участвовали в ней в таком масштабе. Изменилась символика: у лейбористов красная роза сменила красное знамя. Тэтчер и консерваторы отдали предпочтение голубому с золотом. Альянс повел в атаку «боевой автобус», ярко декорированный воздушными шариками. В день голосования в июне 1987 года консерваторы добились почти такого же результата, как и в 1983 году (42,3% голосов). Для лейбористской партии и Альянса результаты выборов стали судьбоносными: лейбористы взяли реванш над Альянсом и отомстили за попытку занять их место на политической арене (лейбористы набрали 30,8% голосов, Альянс же – только 22,6). Тэтчер продолжила реализацию своей программы изменения страны. Не было ни малейших признаков того, что она собирается ходить в отставку. Наоборот, Тэтчер объявила, что чувствует себя вполне готовой к четвертым успешным выборам⁷⁵.

В течение третьего срока пребывания у власти **кабинет Тэтчер** продолжал реализовывать прежние направления своей программы. Годы второго и третьего срока правления кабинетов Тэтчер часто называют «тэтчеризмом в наступлении». В частные руки перешли аэропорты, речное хозяйство, системы водоснабжения и энергетики. Арендаторы квартир в муниципальных домах продолжали выкупать свое жилье по низким ценам. В целом к 1990 г. было денационализировано около половины бывшего государственного сектора экономики. Правительство получило средства для решения бюджетно-финансовых проблем. Стало очевидным и продолжавшееся расширение прослойки среднего класса -- социальной опоры

⁷⁴ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 318.

⁷⁵ См.: Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М., 1999. С. 814–815.

партии – за счет собственников жилья, владельцев акций денационализированных предприятий, мелких и средних предпринимателей.

Судя по документам консерваторов, изданным к 11-летию пребывания партии у власти, численность владельцев акций с 1979 по 1990 г. утроилась и приблизилась к 11 млн человек (около 24% взрослого населения). Число наемных рабочих, владевших акциями своих предприятий, достигло 1,5 млн человек, а число тех, кто имел собственное дело, увеличилось примерно на 1 млн 335 тыс. человек и составило около 3 млн 250 тыс.

Улучшились бытовые условия большей части населения. К концу правления кабинета М. Тэтчер в квартирах и домах со всеми основными удобствами проживало около 99% населения; 67% семей имели одну машину, 19% – больше, чем одну. Приобретать автомобиль стало выгоднее, чем совершать каждодневные поездки (особенно из пригородов в центр городов) на поезде, метро или автобусах. Заметно увеличились затраты населения на отдых и образование детей.

Снижение налогов на прибыль крупных компаний (с 52 до 35%) и предоставление налоговых льгот малому бизнесу способствовали росту производства и оснащению его новыми технологиями. Благодаря всем этим мероприятиям с 1986 по 1990 г. безработица сократилась с 3,13 млн до 1,6 млн человек. Некоторый вклад в сокращение уровня безработицы внесла и программа профессионального обучения безработных. Проект стоимостью в 1,4 млрд ф. ст., разработанный в 1988 г., предусматривал обучение производственным специальностям с последующим трудоустройством около 600 человек ежегодно⁷⁶.

Особо следует сказать о **«государстве всеобщего благосостояния»** или «социальном» государстве, имея в виду систему бесплатного здравоохранения и социального страхования, созданную послевоенным лейбористским правительством и мало изменившуюся при их преемниках, независимо оттого, были ли они лейбористами или консерваторами. Тэтчер же подвергала основы государства «всеобщего благосостояния» острой критике и заявляла, что все эти «благодейния» превращают граждан в государственных иждивенцев и сопровождаются деградацией общества.

В годы нахождения у власти тэтчеристы стремились ограничить государственную поддержку предоставлением материальных средств лишь тем британцам, которые не могли пользоваться дорогостоящим рынком услуг. К подобным категориям граждан «неоконсерваторы» относили безработных, живущих на государственные пособия, пенсионеров и инвалидов, а также лишенных нормального заработка матерей-одиночек. Предоставлению помощи все чаще предшествовала проверка материального положения семьи. Система обеспечения социальной помощи «для всех» заменялась индивидуальным подходом к каждому, кто нуждался в такой помощи. Отменялись или сокращались небольшие пособия. Так, например, студенты лишились специальных выплат на рождественские и пасхальные каникулы. Только после специального рассмотрения конкретных дел экспертами выдавались средства на помощь семье, если она потеряла имущество при пожаре или наводнении.

Обращаясь к семье как к источнику моральных ценностей, консерваторы одновременно возлагали на нее затраты, которые она прежде не несла, включая оплату части медицинских услуг и обучения детей. Тем самым косвенно поощрялось стремление трудиться интенсивнее и зарабатывать больше. К январю 1980 г., по официальным сообщениям, половина британских женщин работали.

⁷⁶ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 319.

В конце 1980-х годов **правительство Тэтчер** выработало совершенно новый подход к выплате алиментов мужчинами, покинувшими семью. По новым правилам мужчина должен был нести основную финансовую ответственность за содержание неполной семьи. Для поиска уклонявшихся от своих обязанностей родителей (в основном бывших мужей) было учреждено Агентство для поддержки семьи⁷⁷.

Новая трактовка функций социального государства встретила острую критику со стороны лейбористской оппозиции и непонимание значительной части населения. В сознании этой категории британцев уже укоренилось убеждение, что государство должно предоставлять определенный набор социальных гарантий всем своим гражданам, несмотря на то что такая модель «государства всеобщего благосостояния» требовала высокого налогообложения.

Учитывая настроения масс, правительству Тэтчер пришлось не сокращать, а увеличивать финансирование систем здравоохранения и социального страхования, добиваясь нового технического оснащения больниц и более высокого качества услуг с их стороны. Так, согласно данным, приводимым в консервативных изданиях, объем государственных расходов на здравоохранение с 1979 по 1990 г. увеличился на 45%. При этом полного отступления от первоначального замысла не произошло.

Под предлогом свободы выбора происходило интенсивное внедрение частного сектора в государственные системы, что оборачивалось экономией на обслуживании граждан. Так, например, в системе здравоохранения «ползучая» приватизация коснулась сферы услуг (стирки белья, уборки помещения, ухода за больными). Наряду с бесплатными, в больницах функционировали палаты с платным обслуживанием. Поощрялось развитие частных клиник и частного медицинского страхования. Но в целом консерваторы не посягали на разрушение укоренившейся системы социальных услуг⁷⁸.

Вновь одержав победу на выборах в июне 1983 г. на фоне спада забастовочного движения и ослабления Лейбористской партии, правительство Тэтчер ужесточило свой курс в отношении **рабочего движения**. Летом 1984 г. был опубликован новый закон о профсоюзах. Он должен был разорвать традиционные связи между профсоюзами и Лейбористской партией. Закон обязывал все тред-юнионы, имевшие политические фонды, предназначенные для содействия Лейбористской партии, проводить не менее одного раза в 10 лет голосование своих членов по вопросу – сохранять ли эти фонды в дальнейшем. До этого единожды принятое решение об учреждении политического фонда и ассоциации профсоюза с Лейбористской партией не подлежало изменению. С целью раскола забастовщиков был внесен пункт об организации профсоюзом тайного голосования перед началом стачки.

В целом же в отличие от консервативного кабинета Хита, пытавшегося расправиться с профсоюзами одним ударом, путем принятия Закона об отношениях в промышленности (1971), Тэтчер осуществляла свою стратегию шаг за шагом, объясняя свои действия необходимостью демократизации тред-юнионов⁷⁹.

В 1988–1990 гг. правительство Тэтчер завершило цикл антипрофсоюзного законодательства. Закон о занятости 1988 г. заметно ужесточил меры против тред-юнионов, организующих «дикие» забастовки в обход установленных законодательством процедур. Законы 1988 и 1990 гг. окончательно отменили сохранившиеся положения о «закрытом цехе». Антипрофсоюзное законодательство и поражение

⁷⁷ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 319–320.

⁷⁸ Там же. С. 320.

⁷⁹ Там же. С. 325–326.

забастовок шахтеров и печатников ограничили деятельность тред-юнионов и нанесли рабочему движению серьезный удар. Число членов профсоюзов за годы правления Тэтчер снизилось с 13 до 9 млн человек⁸⁰.

Продолжились **реформы в области образования и здравоохранения**. По закону 1988 г., помимо экзаменов в 16-летнем возрасте, в объединенных школах вводились промежуточные экзамены на основных ступенях обучения (в 7, 11 и 14 лет), что поощряло состоятельность среди учащихся и в какой-то степени и среди их родителей. Оценки основывались на средних оценках учителей, а также, что важнее, – на национальных тестах. На основе единой школьной программы была унифицирована система преподавания всех категорий школ. Важно также, что закон 1988 г. освобождал объединенные школы от подчинения местным школьным отделам, и они становились «самоуправляющимися учебными заведениями». В руководящий орган этих школ входили представители родителей, учителей и жителей того района, который обслуживало данное школьное заведение⁸¹.

В соответствии со всеми принятыми законами большое внимание было уделено созданию средних школ нового типа – городских технологических колледжей, призванных давать профессионально-техническое образование детям, проявившим способности к прикладным специальностям. Началось создание центров обучения способных детей из неблагополучных семей (1980). В развитие идеи сотрудничества бизнеса со школьным образованием финансирование подобных заведений осуществлялось совместно государством и промышленными предприятиями.

Таким образом, в области образования правительству Тэтчер удалось сохранить часть традиционных «грамматических» школ, оставить нетронутыми частные высокооплачиваемые колледжи и модернизировать основанные лейбористами объединенные школы (в отличие от прежних их стали называть независимыми государственными, а также «стипендиальными» и «грантовыми»).

Светская государственная модель школы, введенная в результате реформы Р. Батлера в 1944 г. и утвердившаяся в период послевоенного лейбористского правления, сохранилась в качестве основы новой, реформированной системы. Посещение уроков религии продолжало быть добровольным и зависело от желания родителей. В таких заведениях обучалось более 90% детей. Небольшая часть учащихся посещала религиозные школы (англиканской или католической ориентации), находившиеся под патронатом Церкви Англии или британского католического епископата. Здесь вопросам религии придавалось особое значение⁸².

Закон 1986 года был направлен на повышение стандартов образования, реорганизацию управления школами и процессом обучения, а также планировалось расширение состава школьных советов с привлечением бизнес-структур. Согласно этому закону в объединенных школах вводилась более дифференцированная оценка знаний учащихся. Так, дети, достигшие 16 лет, получали по результатам экзаменов семь видов аттестатов, которые определяли вид их дальнейшего обучения или специализации⁸³.

Нужда в структурной перестройке экономики, и её обновления на основе современного научно – технического развития остро поставила вопрос о насущной

⁸⁰ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 328.

⁸¹ Там же. С. 322.

⁸² Там же. С. 322–323.

⁸³ См.: Education in England: a brief history // Education in England. The history of our schools URL: <http://www.educationengland.org.uk/history/chaptero8.html> (дата обращения: 14.06.2016).

необходимости создания разнопланового и качественного технического образования. В связи с этим образовательные законы 1986 и 1988 предусматривали создание сети городских технологических колледжей. Они финансировались как государством, так и частным бизнесом. Среди мероприятий, которые имели целью приблизить школьное образование к потребностям экономики, являлась организация стажировок учителей на фирмах и предприятиях, прохождение учащимися производственных практик. А обучение в таких колледжах было бесплатным.

Помимо этого, Законом об образовательной реформе 1988 года в Великобритании вводились национальные учебные планы, в основе которых была идея получения учениками схожего образования независимо от типа школы и её местоположения. Были выделены «основные предметы», к которым были отнесены английский язык, математика и наука, а также «фундаментальные предметы» – история, география, технология, музыка, искусство и физика. В средней школе вводилось обязательное изучение иностранного языка⁸⁴.

Обстоятельные меры были приняты Тэтчер по поводу снижения роли и самостоятельности местных органов народного образования, которые занимались финансовым управлением школ. Вместо них финансы были переданы под контроль управляющих, среди которых было много и родителей учеников.

Важной составляющей внутренней политики являлись действия в **сфере здравоохранения**. В опубликованной после выборов белой книге «Работать на пациента» правительство предусмотрело ряд мер, направленных на ее дальнейшую коммерциализацию. Одной из них явилась предоставление гражданам права менять прикрепленного к семье врача и в том числе на врача за пределами своего района (с его согласия). Также, больницы должны были финансироваться в соответствии со степенью их «наполнения», т.е. в зависимости от числа больных (которые также получали «свободу выбора»). Значительно повышалась степень автономии больниц, особенно по отношению к органам местного самоуправления.

Согласно приводимым консерваторами данным объем государственных расходов на здравоохранение увеличился за 11 лет на 45% (в реальном исчислении) и составил в 1990/91 финансовом году 29,1 млн. фунтов стерлингов. Число врачей увеличилось на 14 тыс., а медсестер и акушерок – на 70 тыс. Их заработная плата возросла соответственно на 41 и 54%⁸⁵.

Впечатляли и меры, предпринятые правительством в области социального страхования. В 1988 г. они провели через парламент закон о реформе системы государственного пенсионного обеспечения и социальной помощи. Закон упрощал правила и методику исчисления пенсий и выплат различного рода пособий (инвалидам, многодетным семьям, матерям-одиночкам и т.д.), а также облегчал перевод государственных пенсий на личные счета граждан. Подводя итоги своей деятельности здесь, консерваторы отмечали, что с 1979 по 1990 г. расходы на помощь хроническим больным и инвалидам возросли с 1,8 млн. до 8,3 млн. фунтов стерлингов. Что касается пенсий (частных и государственных), то их размер в реальном выражении возрос на 31%. При этом доходы от собственных сбережений возросли более чем в 2 раза⁸⁶.

Таким образом, **консервативное правительство М. Тэтчер** претворило в жизнь радикальную реформу образования, которая вовлекла в себя среднюю и

⁸⁴ См.: Viner J. Leading a Faith School: Understanding and developing your role as senior leader. Optimus Education eBooks, 2009.

⁸⁵ См.: Politics Today. 1990. May 28. P. 210.

⁸⁶ Там же. P. 212.

высшую школы. В системе средней школы реформа изменила содержание образования, механизмы финансовой поддержки учебных заведений, приумножила роль родителей в процессе обучения. В секторе высшей школы преобразования коснулись системы финансирования и управления, в частности корректировались тематика учебных курсов и возможности администрации по найму преподавателей. В целом реформа образования была проведена в русле общегосударственной политики консервативных кабинетов по сокращению государственных расходов и внедрению рыночных элементов в социальную сферу⁸⁷. В сфере здравоохранения и страхования Маргарет Тэтчер ввела принцип свободы выбора и поощрения различных видов частного обслуживания. Одновременно повышалась роль государственного социального страхования и сохранение его только для тех, кто не был в состоянии пользоваться частными услугами. Через ряд законов тори существенно сократили помощь безработным, главным образом путем отмены практики определения этой помощи в соответствии с размерами зарплаты и дальнейшего её повышения в зависимости от ценового роста.

В своей «Автобиографии» **М. Тэтчер** писала⁸⁸: «Первичной задачей после победы на выборах 1987 года было создать хорошую команду министров для воплощения в жизнь реформ, предложенных в нашем манифесте. Перестановка была незначительной: пять министров Кабинета ушли из правительства, двое по собственной воле. Общее равновесие в новом Кабинете указало, что я не предпочитала вариант «консолидации» ни до, ни после выборов. Джон Биффен ушел из Кабинета. В каком-то смысле это была потеря – ведь он соглашался со мной по поводу Европы и обладал сильным инстинктом в делах экономики, но стал комментарий предпочитать коллективной ответственности. По уже упомянутым причинам я потеряла Нормана Теббита. А Сесил Паркинсон, воплощающий радикальность моего мышления, вернулся в Кабинет в качестве министра энергетики. Я оставила все как было в образовании, где Кен Бейкер с помощью представительского таланта окупит недостатки внимания к деталям, а также в министерстве окружающей среды, где в проведении жилищных реформ Ник Ридли находится на своем месте. В этих двух областях – школ и жилья – мы предлагали совершить наиболее далеко идущие изменения. Но очень скоро я решила, что необходима серьезная реформа и в Национальной службе здравоохранения (НСЗ). В Джоне Муре, которого я повысила в должности, назначив государственным министром здравоохранения и социальных служб, я имела еще одного радикала, стремящегося к реформе унаследованной им окостенелой системы. Так что правительство вскоре оказалось на пути к еще более грандиозным социальным реформам, чем предполагалось вначале.

Исходным пунктом образовательной реформы, изложенной в нашей избирательной декларации, была глубокая неудовлетворенность (которую я полностью разделяла) британскими стандартами в образовании.

Я пришла к заключению, что школьной программе нужна последовательность, по крайней мере в главных предметах. Наряду с государственной программой должны существовать признанные государством и имеющие надежный контроль системы проверки знаний на разных стадиях учебы в школе, что позволит родителям, учителям, местным властям и центральному правительству знать, что идет хорошо, а что не очень, и при необходимости принимать соответствующие меры. Тот факт,

⁸⁷ См.: Воронец А.А. Реформа образования 1988 г. в Великобритании // Общество, государство и религии в современном мире: материалы круглого стола кафедры истории нового и новейшего времени БГУ: В.С. Кошелев (пред.) [др.]; под науч. ред. В.С. Кошелева. Минск: РИВШ, 2014. С. 42–44.

⁸⁸ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 617–634.

что с 1944 года единственным обязательным предметом школьной программы в Британии было религиозное образование, отражал здоровое недоверие государства, использующего централизованный контроль над программой, как средство пропаганды. Но теперь в этом не было риска: пропаганда исходила от левых местных властей, учителей и групп давления, а не от нас. Я никогда не считала, что государство должно пытаться регламентировать каждую деталь происходящего в школах. Некоторые доказывали, что хорошо работает централизованная французская система, но такие порядки были бы неприемлемы в Британии. Здесь даже очень лимитированные цели, которые я поставила перед государственной программой, сразу же воспринимались корыстными интересами в образовании как возможность навязать свою собственную программу.

Была и другая возможность – пойти намного дальше в направлении децентрализации, дав власть и выбор родителям. Кита Джозефа и меня всегда привлекала идея купона на образование, который бы давал родителям установленную – соответственно уровню их благосостояния – сумму, чтобы они могли среди школ государственного и частного сектора выбирать самые подходящие школы для своих детей. При проверке уровня благосостояния можно было бы даже сократить затраты на «мертвый груз» – те суммы, которые уходят из казны в форме субсидий родителям, которые в любом случае отправили бы своих детей в частные школы.

Однако по совету Кита Джозефа, с которым я согласилась, мы не могли ввести программу прямого образовательного купона. Как оказалось, мы смогли через образовательные реформы реализовать цели предоставления выбора родителям и разнообразия в образовании другими путями. Через программу вспомогательных мест и права родителей выбирать школы по нашему Уставу для родителей 1980 года мы как бы двигались к своей цели без упоминания слова «купон».

В Акте реформы образования 1988 года мы еще продвинулись в этом направлении. Мы ввели открытый набор – то есть позволяли популярным школам до предела расширять свои физические возможности. Это значительно расширило выбор и не давало возможности местной власти устанавливать произвольные лимиты на набор в хорошие школы с целью заполнить школы менее успешные. Незаменимым элементом наших реформ было финансирование на душу населения, которое означало, что государственные деньги следуют за ребенком независимо от школы, в которую он ходит. Родители делают выбор, отправляя детей в ту или иную школу, которая приобретает ресурсы, приобретая учеников. Худшие школы в этих случаях должны будут или меняться к лучшему, или закрываться. Мы на самом деле вплотную подошли к «купону государственного сектора». Мне же хотелось пойти еще дальше, и я решила, что нужно разработать потенциальную полнометражную программу купонов – я намекнула на это в своей речи на последней конференции партии Консерваторов – но не имела времени развить эту идею. Брайен Гриффитс разработал необычайно успешную модель школы, «существующей с помощью гранта», совершенно свободной от контроля местных органов образования и напрямую финансируемой министерством образования и науки. При достаточном количестве таких школ, городских технических колледжей, профессиональных и частных школ (известных как «публичные» школы, к большому замешательству американских туристов в Британии), родители будут иметь более широкий выбор. Но, что еще важнее, сам факт, что все главные решения принимаются на уровне, максимально приближенном к самим родителям и учителям, а не далекой от них бесчувственной бюрократической системой, сделает образование лучше. Это будет касаться всех школ, и именно поэтому мы ввели Инициативу управления школами

на местах, которая давала школам больше контроля над бюджетом. Но школы, работающие с помощью гранта, пошли намного дальше.

Заведующие таких школ были наделены полномочиями для ведения бюджета (они получали деньги напрямую, без платы за услуги местным органам образования). Они сами назначали на должности, в том числе завуча, согласовывали правила приема с государственным секретарем, принимали решения по программе (при условии выполнения основных установок) и сами были владельцами школ и их имущества. Школы, которые с наибольшей вероятностью желали отказаться от контроля местных органов образования и начать работать с помощью гранта, были те, которые имели свое лицо, хотели специализироваться на определенных предметах или желали избежать «тисков» некоторых левых из местной власти, стремящихся навязать им свои идеологические приоритеты.

Корыстные интересы, желающие помешать успеху школ, работающих с помощью гранта, были сильны. Министерство образования и науки, с неохотой относящееся к предполагающей уменьшение централизованного контроля реформе, хотело бы установить разного рода проверки и методы управления их деятельностью. Чиновники из местной власти иногда устраивали кампании, где яростно агитировали школы против выхода из-под контроля. Неожиданно и церкви тоже присоединились к оппозиции. Перед лицом такой распространенной враждебности я распорядилась об организации Концерна школ, работающих с помощью гранта, который должен был рекламировать эту программу и давать консультации заинтересованным в ее использовании. В действительности популярность школ, работающих с помощью грантов, все возрастала, особенно при наличии завучей, которые теперь вместе с заведующими могли устанавливать свои собственные приоритеты.

В направлении децентрализации наша политика была необычайно успешной. Государственная программа – наиболее важная централизующая мера – скоро, наоборот, встретила с трудностями. Я хотела, чтобы министерство образования и науки сосредоточило усилия на установлении основных программ по английскому языку, математике и науке, а также простых контрольных работ для определения уровня знаний учеников. Мне всегда казалось, что небольшая комиссия из хороших учителей должна суметь, исходя из своего опыта, без особых трудностей составить список подходящих тем и материалов. После этого каждый учитель будет волен сосредоточиться вместе с учениками на отдельных аспектах предмета – тех, которые ему или ей особенно интересны. У меня не было желания ставить хороших учителей в строгие рамки. Что касается проверки знаний, я всегда знала, что «ментальный снимок» знаний ребенка, класса или школы в какой-то день не расскажет всей правды. Но контрольные работы давали возможность независимо, извне проверить, что происходит. Факт, что одни дети знают больше, чем другие, мне казался нормальным. Цель проверки знаний была не в измерении достоинств, а в измерении знаний и способности их применять. К сожалению, моя философия, как оказалось, отличалась от философии тех, кому Кен Бейкер доверил создание государственной программы и подготовку проверочных работ.

Вот в чем была основная дилемма. Как во время наших собраний подчеркивал Кен, к тем реформам, которые мы проводим, необходимо было привлечь как можно больше учителей и инспекторов ее величества. В конце концов, именно учителя, а не политики, будут воплощать их в жизнь. С другой стороны, условия, на которых образовательные ведомства примут государственную программу и контрольные работы, могут вполне оказаться неприемлемыми. Они ожидают, что новая государ-

ственная программа придаст законность и всеобщее применение тем переменам, которые произошли в содержании и методах преподавания за последние примерно двадцать лет. И проверка знаний тоже в их глазах должна быть «диагностической», а не «суммирующей» – и это было только верхушкой жаргонного айсберга – и поэтому должна перевешивать в сторону оценивания самими учителями, а не объективными представителями извне. Итак, к середине июля полученные мной из министерства образования и науки документы предлагали программу, состоящую из десяти предметов, которые займут 80–90 процентов школьного времени. Они стояли за другие «целевые достижения», подчеркивая, что оценки не должны делать указание на «зачет» или «незачет»: большая часть оценок будет внутренним делом школы. Предлагалось создать две новые организации: Государственный совет программы и Совет по экзаменам и оценкам. Исчезла изначальная простота программы, и проявилось влияние инспекторов ее величества и профсоюзов учителей.

Все это уже было достаточно плохо. Но в сентябре я получила от Кена Бейкера еще одно предложение о всеобщем надзоре над государственной программой с помощью найма в местные органы образования 800 дополнительных инспекторов, над которым в свою очередь будет контроль со стороны инспекторов ее величества, число которых, без сомнения, тоже должно возрасти. Я заметила: «Это совершенно дико. Результаты будут сразу видны из зачетов и экзаменов». Я подчеркнула для министерства образования и науки, что все эти предложения создадут отчуждение среди учителей, будут мешать личной инициативе на уровне школ и доведут централизацию образования до неприемлемого уровня. Подкомитет Кабинета под моим председательством, созданный для руководства реформами образования, решил, что все базовые предметы вместе составят не более 70 процентов программы. Но по настоянию Кена Бейкера я согласилась, что эта цифра не должна быть обнародована – предполагалось, что она оскорбит бюрократов образования, которые к тому времени планировали, как правильно нужно проводить каждый час школьного времени.

Наверное, труднее всего в борьбе за государственную программу мне пришлось с предметом история. У меня была очень четкая – и я наивно полагала, что бесспорная – идея о том, что такое история. Это отчет о том, что произошло в прошлом. Изучение истории поэтому требует изучения событий. Невозможно понять эти события без того, чтобы поставить их в хронологический порядок – это подразумевает знание дат. Никакое воображаемое сострадание историческим персонажам или ситуациям не может заменить поначалу утомительного, но в конце концов стоящего запоминания случившегося. Поэтому я была очень озабочена, когда в декабре 1988 года получила от Кена Бейкера письменные предложения о преподавании истории и состав работающей над программой Рабочей группы по истории. Там слишком много внимания уделялось «междисциплинарному» обучению – я считала, что историю нужно преподавать как отдельный предмет. Я была также недовольна предложенным списком людей. Поначалу этот список не содержал ни одного известного историка, однако включал в себя автора определенного труда по «Новой истории», который, делая акцент на концепции, а не на хронологии, и на сочувствии, а не на фактах, был в корне неверен. Кен принял мою точку зрения и внес некоторые изменения. Но это было только начало спора.

В июле 1989 года Рабочая группа по истории выпустила предварительный отчет. Я была вне себя. Акцент там ставился на интерпретацию и исследование, а не на содержание и знание. Недостаточно весомо была представлена история Британии. Не хватало внимания к истории как к предмету хронологическому.

Я посчитала этот документ полным ошибок и сказала Кену, что необходимы значительные, а не мелкие изменения. В особенности я желала видеть четко установленную хронологическую основу всей программы по истории. Все это должно было отразиться в окончательном отчете.

К моменту его появления в марте 1990 года в министерство образования пришел Джон Макгрегор. Мне казалось, ему лучше, чем Кену Бейкеру, удастся держать под контролем претворение в жизнь наших реформ образования. На этот раз, однако, Джон Макгрегор был более, чем я ожидала, предрасположен благосклонно принять отчет. Теперь в нем было уделено больше внимания британской истории. Но установленные там «целевые достижения» не включали в себя знание исторических фактов, и меня это поражало. Впрочем, охват некоторых предметов – например, истории Британии двадцатого века – страдал перекосом в сторону социальных, религиозных, культурных и эстетических проблем, а не политических событий. Джон встал на защиту предложений, содержащихся в отчете. Но я настаивала, что будет неправильным навязывать предложенный им подход. Он должен быть вынесен на обсуждение, но не сопровождаться в настоящее время никакими рекомендациями.

Не было никакой необходимости в том, чтобы предложения по государственной программе и сопровождающая их проверка знаний создавались таким путем. Кен Бейкер в своих предписаниях и ранних решениях обращал слишком большое внимание на министерство образования и науки, инспекторов ее величества и прогрессивных теоретиков образования; и как только бюрократический толчок произошел, его было трудно остановить. Джон Макгрегор делал все, что мог. Он внес изменения в программу по истории, которые усилили позицию истории Британии и уменьшили ненужные помехи. Он настаивал на том, что науки можно преподавать по отдельности, а не как один обобщенный предмет. Он оговорил, что как минимум 30 процентов английского языка в Сертификате о среднем образовании должно проверяться с помощью письменного экзамена. И все же вся система сильно отличалась от той, какой я ее вначале видела. К моменту моего ухода из правительства я была убеждена, что должна снова настать нужда в упрощении государственной программы и системы проверки знаний.

Именно в области политики образования я и мой политический блок развивали радикальные идеи о предложениях манифеста для следующих выборов – о некоторых из них мы собирались объявить заранее, возможно, на собрании Центрального совета в марте 1991 года. В то время, когда я покинула правительство, Брайен Гриффитс и я сосредоточили свое внимание на трех вопросах.

Во-первых, необходимо было пойти намного дальше по пути «выхода» школ из-под контроля местных органов образования. Я уполномочила Джона Макгрегора на октябрьской 1990 года Партийной конференции объявить о расширении программы школ, работающих с помощью гранта, чтобы туда входили и небольшие начальные школы. У меня были и другие, намного более радикальные, идеи. Брайен Гриффитс составил документ, который предусматривал перевод еще большего числа школ в статус «прямого гранта», и перевод других школ на систему управления созданными специально для этой цели концернами. Это, по сути, означало бы сокращение обширных полномочий местных органов образования до двух функций – проверяющей и консультативной. Таким образом, можно было еще более отдалить образование от государства, что помогло бы устранить самые худшие аспекты послевоенной образовательной политики.

Во-вторых, была острая необходимость улучшить подготовку учителей. Вопреки обыкновению, в ноябре 1988 года я послала Кену Бейкеру личную записку,

где выражала озабоченность. Я писала, что в этой области мы должны пойти намного дальше, и просила его выступить с предложениями. Нужно было нарушить существовавшую монополию в области подготовки учителей. Кен Бейкер составил две программы: «лицензированные учителя» – для привлечения желающих сделать вторую карьеру и стать учителем, и «учителя-стажеры» – это, по сути, была программа обучения молодых выпускников без отрыва от производства. Это были хорошие предложения. Но не было уверенности, что приток учителей из этих источников будет достаточным для того, чтобы в значительной мере изменить дух и поднять стандарты профессии. Итак, я распорядилась, чтобы Брайен Гриффитс начал работу над количеством: мы хотели, чтобы как минимум половина новых учителей приходила из этих или похожих программ, а не из организаций по подготовке учителей.

Третий вопрос образовательной политики, над которым мы работали, касался университетов. Используя финансовое давление, мы добились увеличения административной компетентности и подтолкнули к запоздавшей рационализации. Университеты стали развивать более тесные связи с бизнесом и становиться более предприимчивыми. Были введены студенческие займы (в дополнение к грантам): это заставляло студентов быть более разборчивыми в выборе факультетов. Перенос поддержки от университетских грантов к плате за обучение к тому же повлечет за собой большую чувствительность к рынку. Лимиты, установленные на гарантию сохранения постоянной работы, которой были избалованы работники университетов, тоже способствовали тому, что преподаватели уделяли больше внимания преподаванию, то есть требованиям своей профессии. Все это вызвало сильную политическую оппозицию внутри университетов. Частично это можно было предсказать. Но, несомненно, другие критики искренне опасались за будущую самостоятельность и академическую целостность университетов.

Я должна были признать, что у наших оппонентов было больше оснований, чем мне бы хотелось. Я была озабочена тем, что многие выдающиеся ученые думали, что тэтчеризм в образовании означал обывательское подчинение знаний сиюминутным требованиям профессионального обучения. Конечно, это не было частью моего тэтчеризма. Именно поэтому, перед моим уходом из правительства Брайен Гриффитс, с моего одобрения начал работать над программой, дающей ведущим университетам гораздо большую автономию. Идея состояла в том, чтобы позволить им отказаться от финансовых правил казны, зарабатывать и копить капитал, владея своим имуществом наподобие концерна. Это была бы радикальная децентрализация всей системы.

Из трех основных социальных служб – образования, здравоохранения и жилья – именно над последним из них, по-моему, завис наиболее важный вопрос.

Из-за государственного вмешательства в контроль над арендой и предоставления жильцам гарантии на определенный срок сдачи в частном секторе стало катастрофически сокращаться количество сдаваемого жилья. Государство в форме местных властей часто оказывалось бестактным, некомпетентным и коррумпированным домовладельцем. И так как существовал недостаток определенных категорий жилья, он приходился на частный арендный сектор, где контроль над арендной платой и гарантия на определенный срок сдачи сокращали предложение. Более того, возникали новые формы жилья. Жилищные ассоциации и жилищные корпорации, которые их финансировали, предлагали альтернативные пути предоставления «социального жилья», где государство не было домовладельцем. Помимо этого, участие жильцов в форме кооперативов или других видов концернов, возникшее в Соединенных Штатах, предоставляло новые пути вытеснения правительства

из управления жильем. Я считала, что государство должно продолжать предоставлять ипотечные налоговые льготы для того, чтобы поощрять домовладение, которое приветствовалось в обществе. Государство также должно было предоставлять помощь по оплате жилья посредством жилищного пособия менее состоятельным людям. Но в отношении традиционной послевоенной роли правительства в жилищном вопросе – то есть строительстве, владении, управлении и регулировании – нужно было устранить государство из этих областей как можно скорее и как можно дальше.

С такой абстрактной идеей мы начинали жилищные реформы, над которыми Ник Ридли работал с осени 1986 года, вынес на коллективное обсуждение в конце января 1987 года и которые после нескольких собраний под моим председательством были включены в предвыборный манифест 1987 года. Прелесть разработанного Ником пакета была в том, что он содержал разумное сочетание участия центрального правительства, финансовой дисциплины местных властей, дерегуляции и более широкого выбора для жильцов. При этом достигался резкий уход от окостенелой системы, выросшей при социализме.

Центральное правительство впоследствии сыграет роль посредством жилищных действенных концернов в перестройке захудалых микрорайонов муниципальной застройки и передаче их другим формам владения и управления – включая домовладение, владение жилищными ассоциациями и передачу частному хозяину – с сохранением прав жильцов. Во-вторых, в новых условиях «ограниченных» рамок действия местных органов власти в вопросах жилья муниципалитетам для того, чтобы иметь деньги на ремонт, приходилось увеличивать арендную плату. Это также оказывало давление на муниципалитеты, которым приходилось отказываться, частично или полностью, от имеющегося у них жилья в пользу жилищных ассоциаций, других хозяев или даже самих домовладельцев. В-третьих, дерегуляция новой сдачи в аренду – посредством краткосрочных арендных договоров и гарантированной аренды – должна была по меньшей мере остановить упадок частного арендного сектора: чтобы сбалансировать последствия дерегуляции Ник правильно настаивал на введении более строгого законодательства, защищающего от притеснений. Наконец, открывая в соответствии с нашим предложением под названием «выбор – жильцам» возможность для муниципальных жильцов менять домовладельцев или для групп жильцов самим содержать поселки с помощью кооперативов, мы могли еще больше ослабить роль местных властей как домовладельцев.

Наиболее сложным аспектом пакета казались более высокие муниципальные арендные тарифы, которые, в свою очередь, означали более высокие затраты государства на жилищные пособия. Но нам казалось, что лучше оказать помощь в оплате жилья через пособие, чем с помощью субсидий на арендную плату, выдававшихся всем без разбора жильцам в муниципалитете. Более того, когда повышенную арендную цену приходилось платить жильцам, не получающим пособия, это являлось для них стимулом купить свое собственное жилье и полностью вырваться из зависимости.

Этим реформам нужно будет время, чтобы показать результаты. Но новая система жилищной прибыли требовала от местных властей желанной дисциплины. А дерегуляция частного арендного сектора постепенно увеличит количество имеющегося в наличии арендного жилья по мере того, как идеологическая враждебность к частному домовладельцу будет сходить на нет. Но я должна сказать, что ожидала большего от предложений «выбор – жильцам» и от жилищных действенных концернов. Препятствием для обоих была глубоко укоренившаяся враждебность Левых к совершенствованию и обновлению для тех, кто жил в контролируемых ими

гетто зависимости. Пропаганда против предложения «выбор – жильцам», однако, была ничтожной по сравнению с той, которая направлялась против жилищных действенных концернов, и, к сожалению, палата лордов дала Левым нужный шанс.

Их светлости внесли поправку в законодательство так, что жилищный действенный концерт мог быть создан, только если за это проголосует большинство имеющих право на голосование жильцов. При существующей апатии многих жильцов и угроз со стороны Левых это создало бы очень серьезное препятствие. Мы закончили тем, что приняли принцип голосования, ограничив его требованием большинства от количества голосующих. Летом 1988 года Ник Ридли выступил с предложением организовать шесть жилищных действенных концернов, из которых после получения отчета консультантов, он решил продолжать двигаться вперед в отношении четырех: Ламбет, Саутуорк, Сандерленд и Лидс. Позднее мне попалась на глаза пропаганда пролевых групп жильцов, пользующихся сильной поддержкой профсоюзов, которая показала всю актуальность пробей, связанных с выездом из квартир для их ремонта, с уровнем арендной планы и гарантиями срока аренды. Никому и в голову бы не пришло, что мы предлагаем огромные суммы из денег налогоплательщиков для улучшения условий жизни людей, имеющих наихудшее жилье во всей стране. В результате, пока я была премьер-министром, не было создано ни одного концерна, правда, три появилось после моего ухода.

Жилье, как и образование, было среди наших первостепенных задач реформы 1987 года. Но я оставила здравоохранение для детального обдумывания на более позднее время. Я считала, что в целом мы можем по-настоящему гордиться Национальной службой здравоохранения. Она доставляла высококачественное обслуживание за довольно скромные цены, по крайней мере, в сравнении с некоторыми системами, основанными на страховании. Все же существовали огромные и при поверхностном взгляде необъяснимые различия между работой в разных областях. Соответственно я намного более неохотно предвидела фундаментальные перемены в здравоохранении, чем в школах страны. Хотя мне и хотелось видеть процветающий частный сектор в здравоохранении наряду с НСЗ, я всегда относилась к НСЗ и ее основным принципам как к неприкасаемому пункту нашей политики. Поэтому я приправляла свои речи и интервью цифрами в отношении дополнительных докторов, зубных врачей и акушерок, пациентов, которым оказана помощь, выполненных операций и вновь построенных больниц. Я чувствовала, что в этом отношении нам нужно стоять на своем.

Некоторые политические трудности, которые встретились нам в вопросе здравоохранения, можно отнести к использованию политиками-оппозиционерами и прессой сложных случаев. Но это было не все. Потенциально должен был возникнуть неограниченный спрос на здравоохранение (в широком смысле) в течение всего времени, пока оно было бесплатным для пациентов. Число пожилых людей – группа с наибольшим количеством вызовов НСЗ – увеличивалось: прогресс в медицине открывал возможности новых и часто дорогих форм лечения, а также спрос на них.

В чем-то важном НСЗ не хватало верных экономических стимулов, чтобы отвечать потребностям. В целом работники были преданы своему делу, но не сознавали затрат. Действительно, почему доктора, медсестры или пациенты должны находиться внутри монолитной государственной системы. Более того, хотя люди, страдающие серьезными болезнями, могли рассчитывать на первоклассное лечение, в других аспектах не хватало отклика на желания и удобство пациентов.

Если можно было бы вновь создать НСЗ начиная с основ, нужно было бы увеличить частный сектор и более детально продумать дополнительные ресурсы

финансирования здравоохранения, помимо общего налогообложения. Но мы начинали не с нуля, а любые реформы не должны подрывать уверенность общест­венности.

Летом и осенью 1986 года у меня состоялось несколько долгосрочных обсуж­дений о будущем НСЗ с Норманом Фаулером, в то время государственным мини­стром здравоохранения и социальной защиты. Это были времена нового интереса к экономике здравоохранения, так что нам было о чем поговорить. В конце января 1987 года Норман подготовил документ. Цель реформы, которую мы даже тогда называли центральной, была в том, чтобы искать новые пути распределения средств в НСЗ, чтобы больницы, оказывающие помощь большему числу пациентов, получали больше доходов. Кроме того, должна существовать более тесная и четкая связь между спросом на здравоохранение, его стоимостью и методом оплаты. Мы обсуж­дали, может ли НСЗ финансироваться посредством государственного страхования, а не общего налогообложения. Но все это были теоретические дебаты. Я не считала, что мы могли бы выдвигать серьезные предложения для включения в декларацию. Даже возможность Королевской комиссии – вообще я бы не прибегла к этому сред­ству, но оно было использовано предыдущим Лейбористским правительством в от­ношении здравоохранения – имела для меня некоторую привлекательность.

Норману Фаулеру намного лучше удавалась публичная защита НСЗ, чем ее ре­формирование. Но его преемник, Джон Мур, стремился к основательному пере­смотру. В конце июля 1987 года Джон и я имели первое обсуждении общего харак­тера по этому вопросу. В тот момент я все еще хотела, чтобы он сосредоточил усилия на том, чтобы добиться большей отдачи от существующей системы. Но с течением времени мне становилось ясно, что нам также необходимо провести настоящий дол­госрочный анализ. Зимой 1987–1988 годов в прессе стали ежедневно появляться ужасные истории о НСЗ. Я запросила у Министерства здравоохранения и социаль­ной защиты отчет о том, на что шли дополнительно выделенные правительством деньги. Вместо этого я получила доклад обо всех трудностях, стоящих перед НСЗ, – что совсем не то же самое. Я сказала, что министерство здравоохранения и социаль­ной защиты должно приложить серьезные усилия, чтобы быстро ответить на нападки в адрес наших достижений и работы НСЗ. В конце концов, меньше, чем за десяти­летие мы увеличили затраты на НСЗ на 40 процентов.

В то время была еще одна сильная причина для анализа. Было вполне оче­вид­но, что общественное мнение признавало, что проблемы НСЗ были гораздо глубже, чем необходимость иметь больше денег. Если действовать быстро, мы могли бы взять инициативу, провести реформы и пожать их плоды еще до следующих выборов.

Нас постигла неудача еще до того, как мы решили заняться пересмотром. В ноябре Джон Мур серьезно заболел пневмонией. С характерным для него мужес­твом Джон настоял на возвращении к работе как можно скорее – по-моему слиш­ком скоро. Не вполне выздоровев, он имел недостаточно энергии для участия в сложном процессе реформ. Трагедия была в том, что его идеи в отношении ре­форм были в целом правильными, и он заслуживает гораздо большего признания его роли в окончательном пакете, чем ему было дано.

Я приняла твердое решение продолжать анализ здравоохранения в конце ян­варя 1988 года: мы создадим министерскую группу, где председателем буду я. Я дала понять с самого начала, что медицинское обслуживание должно продолжаться для всех тех, кто в нем нуждается, быть бесплатным для пациентов, и установила че­тыре принципа его работы. Первое – высокий уровень медицинского обслуживания

должен быть доступен всем, независимо от доходов. Второе – организовать все нужно так, чтобы дать потребителям службы здравоохранения, будь то частный или государственный сектор, как можно больше выбора. Третье – все перемены должны пройти так, чтобы привести к настоящему улучшению в здравоохранении. Четвертое – ответственность – и за медицинские решения, и за бюджет – должны приниматься по возможности на самом низшем, наиболее близком к пациенту уровне.

Чтобы быть разумно законченными, все такого рода отчеты перечисляют буквально каждую возможную идею реформы. В нашем отчете их содержалось, если я правильно помню, около восемнадцати. Но все серьезные варианты в документе Джона Мура фактически сводились к двум широким подходам. С одной стороны, мы могли попытаться изменить способ финансирования НСЗ, возможно, полностью заменив существующую основанную на налогах систему страхованием или, что менее радикально, введя налоговые поощрения для тех людей, которые хотели купить частный страховой полис. С другой стороны, мы могли сосредоточить усилия на реформе структуры НСЗ, оставив существующую систему финансирования практически без изменений. Или мы могли попытаться объединить оба подхода. Я решила, что акцент должен быть на изменении структуры НСЗ, а не ее финансирования.

В реформировании структуры НСЗ нам казались привлекательными две возможности. Первой была возможная организация «Местных фондов здравоохранения» (МФЗ). Люди будут вольны решать, в какой фонд им вступить. МФЗ будут предлагать для своих членов полный спектр медицинского обслуживания – независимо от того, проводятся ли они самим фондом или покупаются у других фондов или у независимых поставщиков. Преимущество этой системы было в том, что ею изначально поощрялись продуктивность и экономия затрат, которые в другом случае возрастали бы, как это происходило в некоторых системах страхования здоровья. Неясным было вот что: если это были государственные организации, будет ли очевидным преимущество над перестроенной структурой районных органов здравоохранения.

Поэтому на меня произвело впечатление предложенная в документе Джона идея сделать больницы самоуправляющимися и независимыми от районных органов здравоохранения. По этому предложению все больницы должны (с некоторыми исключениями) работать по контракту индивидуально или группами, через благотворительные организации, приватизацию, выкуп администрации или, возможно, арендоваться обслуживающими фирмам, состоящими из их работников. Это ослабит излишне строгий контроль над больницами из центра и увеличит разнообразие в предоставлении медицинского обслуживания. Но самое важное было в том, что тогда обозначится четкая разница между покупателями и поставщиками. Районные органы здравоохранения станут покупателями, заключающими контракты с наиболее эффективными больницами для предоставления услуг пациентам.

Такого рода различие между покупателем и поставщиком должно было исключить самые плохие черты существующей системы: отсутствие стимула улучшить работу и даже простой информации. В то время в НСЗ не существовало совершенно никакой информации о ценах. Мы уже начали решать эту проблему. Но когда я во время одного из собраний спросила у сотрудников министерств здравоохранения и социальной защиты, как скоро у нас будет действовать информационный поток и получила в ответ «через шесть лет», я невольно вспыхнула: «Боже мой! За шесть лет мы смогли выиграть Вторую мировую войну!»

Внутри НСЗ деньги с помощью сложных формул, основанных на теоретических мерках нуждаемости, распределялись из регионов в районы, а затем уже в больницы. Но те не получали дополнительные деньги за то, что обслуживали

больше пациентов; получалось так, что они не укладывались в бюджет и должны были урезать свои услуги. Финансовый механизм компенсаций районным органам здравоохранения за обслуживание пациентов из других районов состоял в том, что через несколько лет вносилась поправка в будущие выделения средств на их затраты – это была безнадежно невосприимчивая система. Но если бы районные органы здравоохранения действовали как покупатели, деньги могли следовать за пациентом и за лечение пациентов из одного района, обслуживаемых в другом районе, можно было бы заплатить сразу. Больницы, где лечатся больше пациентов, смогли бы получать более высокие доходы и таким образом улучшать свои услуги, а не урезать их. Возникающее в результате соревнование между больницами – и внутри НСЗ, и между государственным и частным секторами – повышало бы эффективность и шло на пользу пациентам.

Для того чтобы лучше владеть проблемой, я провела в Чебере по вопросу НСЗ два семинара: один – с врачами, в марте, а другой – с администраторами, в апреле. После этого, в мае, мы начали новую стадию обсуждений, основываясь на документах, подготовленных Джоном Муром и Найджелом Лоусоном.

Найджел относился критически к идеям Джона Мура. К тому времени Казначейство было сильно встревожено тем, что изменение существующей структуры НСЗ может привести к увеличению государственных расходов. Несмотря на очевидный интерес Казначейства к идее «внутреннего рынка», в конце мая Найджел прислал мне документ, в целом подвергающий сомнению направление наших мыслей. За этим последовало предложение Джона Мейджора создать систему «срезания верхушек», по которой существующий способ распределения фондов органам здравоохранения сохранится, но дополнительный элемент, каждый год вносящийся в бюджет здравоохранения для роста, будет удерживаться (то есть -верхушка будет срезаться) и вместо этого распределяться отдельно среди больниц, которые лучше других выполняют производственные показатели, установленные центром.

Перед лицом таких испытаний Джон Мур не очень рьяно защищал свой подход, и я тоже начала сомневаться, было ли все тщательно продумано. В среду 25 мая у нас состоялась особенно тяжелая встреча. Тем временем Казначейству не удалось сделать все по-своему. Я запросила у них документ о возможных новых налоговых стимулах для частного сектора – этой идее яростно противостоял Найджел.

Цель Найджела в отношении налоговых льгот для частного медицинского страхования была в конечном счете двойственной. Во-первых, по его мнению, налоговые льготы нарушали систему, от них надо было отходить и, по возможности, их нужно было полностью отменить. Во-вторых, он доказывал, что налоговые льготы для частного медицинского страхования во многих случаях будут помогать тем, кто уже в состоянии позволить себе частный полис, и потому не смогут принести чистое увеличение количества услуг частного сектора. В тех случаях, когда это давало стимул, оно бы увеличивало спрос на услуги здравоохранения, но без соответствующих усилий по улучшению снабжения результатом будут только более высокие цены. Обе цели заслуживали внимания, но обе не улавливали сути того, что если мы не достигнем роста в частном секторе здравоохранения, весь НСЗ не сможет удовлетворить никакой дополнительной спрос. В дальней перспективе будет невозможно сопротивляться давлению, и государственные затраты должны будут подняться еще выше, чем при обратных условиях. Я не доказывала необходимость повсеместных налоговых льгот для частного медицинского страхования, а скорее была за необходимость целевых мер. Если бы нам удалось способствовать тому, чтобы те, кому за шестьдесят, сохраняли медицинский страховой полис, которые

был ими приобретен до выхода на пенсию, это бы сократило спрос на НСЗ от некоторых групп, составлявших ее основную нагрузку.

Не забывали мы, конечно, и о «предложении». В целом наш подход к анализу был направлен на преодоление препятствий для снабжения. И, помимо этого, наш анализ рассматривал значительное увеличение числа позиций консультантов, что окажет влияние и на частный сектор, и на НСЗ. У нас были дальнейшие планы взяться за ограничительную практику и другие проявления неэффективности в медицинской профессии, направляя систему премий за заслуги более в сторону заслуг и менее в сторону пенсионных надбавок, и мы планировали повсеместное введение «медицинской ревизии».

Найджел безжалостно боролся даже против ограничения налоговых льгот, но с помощью Джона Мура я все же провела их в первой половине июля. В других областях мне повезло меньше. Министерство здравоохранения и социальной защиты находилось под огнем сильной критики со стороны Казначейства и искало у Казначейства поддержки для своих предложений перед тем, как представить их на рассмотрение. Это фактически давало Казначейству право на запрет. Соответственно министерство здравоохранения и социальной защиты выступило с согласия Казначейства со значительно более эволюционным подходом. Хотя деньги, следующие за пациентом, и самоуправляющиеся больницы оставались среди целей политики, они теперь относились к неопределенному будущему, в то время как на ближайшую перспективу центральное место заняло «срезание верхушек».

Я в принципе не возражала против эволюционного подхода к введению самоуправляющихся больниц. Но у меня вызывало подозрение возникающее различие между дальними и близкими переменами, я волновалась о том, что анализ продвигается медленно, и считала, что мы запутались.

В конце июля 1988 года я приняла трудное решение заменить Джона Мура в группе, работающей над анализом. Я воспользовалась возможностью и разделила громоздкое министерство здравоохранения и социальной защиты на отдельные департаменты – здравоохранения и социальной защиты, оставив Джона во главе последнего и назначив Кена Кларка министром здравоохранения. Как он продемонстрировал в течение короткого периода, когда он бы моим государственным министром образования (когда он публично сбросил со счетов мою пропаганду купонов на образование), Кеи Кларк твердо верил в нормы государственного права. Но какими бы ни были философские различия между нами, приход Кена в министерство здравоохранения, несомненно, помогал нашим обсуждениям. Он был необычайно действенным министром здравоохранения – твердым в обращении с крупными предпринимателями и профсоюзами, прямым и убедительным в изложении политики правительства.

Кен Кларк теперь возрождал идею, за которую в свое время боролся мой политический блок: семейные врачи должны располагать бюджетом. По версии Кена, семейные врачи будут иметь бюджет для покупки у больниц «избирательных неотложных услуг» – операций при не угрожающих жизни болезнях, таких как замена тазобедренного сустава или удаление катаракты. Это были услуги, при которых у пациента (по крайней мере, в теории) был некоторый выбор в плане времени, местоположения и консультанта, а семейный врач мог посоветовать, к кому обратиться в государственном и частном секторах. Такой подход имел ряд преимуществ. Он приближал выбор услуг к пациентам и делал семейных врачей более восприимчивыми к их желаниям. Сохранялась традиционная свобода семейных врачей решать, в какие больницы и к каким консультантам

направлять больных. Это также давало лучшие перспективы больницам, которые решили выйти из-под контроля районных органов здравоохранения и стать самоуправляющимися: в противном случае, если районные органы здравоохранения оказались бы единственными покупателями, они бы действовали против отказавшихся от них больниц.

К осени 1988 года мне было ясно, что создание и развитие самоуправляющихся больниц и бюджетов для семейных врачей, разделение на покупателей и поставщиков с районными органами здравоохранения в роли покупателей и деньги, следующие за пациентами – все это было основанием для будущего преобразования НСЗ. Это были пути для предоставления лучшего и более эффективного лечения.

Большое количество работы к тому времени было проделано в отношении самоуправляющихся больниц. Я хотела, чтобы процедура, по которой больницы могли сменить статус и стать независимыми – я предпочитала называть их «концернами» – была как можно проще. Они также должны владеть имуществом, хотя я была согласна с Казначейством, что необходим общий лимит на займы. Было также важно как можно скорее начать приводить эту систему в жизнь, чтобы ко времени следующих выборов у нас было значительное число больниц-концернов. В конце января 1989 года – после двадцать четвертого собрания министров, проведенного мной на эту тему⁷, – Белая книга наконец была опубликована.

Предложения, содержащиеся в этом документе, фактически моделировали внутри НСЗ все возможные преимущества частного сектора и рыночного выбора, но без приватизации, без широкомасштабных дополнительных платежей и, не идя вразрез с основными принципами, которые я установила перед Рождеством 1987 года, как необходимые для достижения удовлетворительного результата. Но Медицинская ассоциация Великобритании, профсоюз работников здравоохранения и оппозиция выразили протест, прямо основанный на преднамеренном и корыстном искажении того, что мы делали. Перед лицом этого протеста Кен Кларк был для нас самым лучшим адвокатом. Сам, не будучи Правым, он бы с меньшей вероятностью говорил на языке свободного рынка, что могло бы встревожить народ и сыграть на руку профсоюзам. Но у него была энергия и энтузиазм, чтобы вечер за вечером доказывать, объяснять и защищать наши действия по телевидению.

Разными путями реформы, содержащиеся в Белой книге, приведут к основополагающим переменам в культуре НСЗ, переменам в пользу пациентов, налогоплательщиков и тех, кто работает в обслуживании. Ко времени моего ухода из правительства результаты уже начинали появляться».

По **Дж. Гренвиллу**, Тэтчер решительно намеревалась доказать всем, что, несмотря на третий срок пребывания на посту премьер-министра, она не потеряла оптимизма и не намерена отступить от основных положений «революции по-тэтчеровски». На этот раз планировалось осуществить перемены в таких огромных государственных институтах, как социальное обеспечение, государственное здравоохранение и образование, в частности, ввести конкуренцию для усиления эффективности этих учреждений и их ответственности перед обращающимися к ним людьми, а заодно это явилось бы и хорошим оправданием перед налогоплательщиками. Такой курс можно назвать радикальным консерватизмом. Вспомнив действия правительства лейбористов в 1945 году, которое было настроено настолько радикально, что готово было приняться за истеблишмент, Тэтчер решила сделать примерно то же самое: в ее поле зрения попали Британская ассоциация медиков, Национальный союз преподавателей, вице-прези-

денты университетов, адвокаты и судьи. Реформы действительно были необходимы. Простое увеличение субсидий не решало проблемы грязных больниц и распространявшихся инфекций, низкого качества образования во многих государственных школах и высшей школы, не желавшей увеличивать количество студентов, если за это не платили. От этого, как выяснила Тэтчер, пострадали не только ленивые и нерадивые, но и необеспеченные. Они так и не увидели никаких для себя преимуществ от всех этих реорганизаций. Приватизация целого ряда гигантских предприятий, таких как Бритиш Эрвейз, тоже не принесла никому, кроме инвесторов, никаких преимуществ⁸⁹.

2.4. Последние годы пребывания М. Тэтчер у власти. Уход в отставку

В 1989 г. **М. Тэтчер** отметила десятилетие своего правления. Под ее руководством консерваторы трижды оказывались победителями на выборах и существенно продвинулись в преодолении отставания Британии от ведущих стран Запада. И все же нельзя сказать, что все слои населения были довольны политикой правительства. В стране и в партии накапливалось недовольство результатами реформ. Внимания властей требовали пришедшие в упадок целые кварталы британских городов, а также регионы с преобладанием старых отраслей промышленности. Кроме того, к концу 1980-х годов экономический подъем замедлился. Если в 1987–1988 гг. среднегодовой прирост ВВП составлял 4,8%, то в 1990 г. он снизился до 0,8%. Началось падение производства, росла безработица. Казавшаяся побежденной инфляция в 1990 г. превысила 10%-ный уровень⁹⁰.

Несмотря на сохранение основ государства «всеобщего благосостояния» и отказ от жесткого курса внедрения в его структуры частных услуг, правительство все реже увеличивало расходы на образование и здравоохранение. Нехватка учителей в школах и растущие очереди британцев на госпитализацию и муниципальное жилье стали серьезно беспокоить общественность.

Очевидным было увеличение пропасти между богатыми и бедными. Так, например, поданным издания британского Парламента «Хэнсард», реальные доходы 20% наиболее обеспеченных слоев населения возросли с 1979 по 1989 г. на 40%. У того же процента наименее обеспеченных граждан доходы остались неизменными. А у самых бедных британцев, составлявших 10% населения, доходы к 1989 г. снизились на 6%. Число малоимущих семей, находящихся на уровне или ниже официальной черты бедности, с 1979 г. и до конца 1980-х годов увеличилось и составило 17% всего населения. Члены этих семей насчитывали около 9,4 млн человек. На улицах больших городов стали появляться нищие. В 1987 г. в Великобритании, по официальным данным, было около 370 тыс. бездомных.

Таким образом, беспрецедентный для послевоенного периода **рост бедности** происходил на фоне повышения уровня жизни и реальных заработков значительной части населения, которые за прошедшее десятилетие увеличились примерно на треть. В целом же ставка тэтчеристов на социальные ГРУППЫ, способные

⁸⁹ См.: Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М., 1999. С. 815.

⁹⁰ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 332.

обеспечить себе высокое качество жизни без поддержки общества и государства, далеко не во всем себя оправдала.

Негативную реакцию британцев вызвала реформа местного налогообложения, проведенная в 1989–1990 гг. Вместо налога, установленного муниципальной властью и взимаемого в зависимости от недвижимости или размера бизнеса, был введен единый «подушный» налог. Его должны были уплачивать все дееспособные граждане в возрасте с 18 до 65 лет. Большинство населения новый налог был расценено как проявление социальной несправедливости, многие отказались его платить. В Шотландии, где налог был введен в 1989 г., возмущение было особенно сильным. В Эдинбурге состоялся многопартийный Конституционный съезд. На нем было выдвинуто требование создать шотландский парламент и передать ему властные полномочия от британского Парламента в Вестминстере, включая право налогообложения. Это событие стало серьезным предостережением правительству.

В целом, подводя итоги экономического развития Великобритании в 1980-е годы, необходимо отметить, что тэтчеризм как британская модель неоконсерватизма оказался достаточно эффективным. С его помощью экономика страны сумела приспособиться к изменяющимся социально-экономическим условиям и значительно модернизироваться. Минимизация регулирующей роли государства способствовала ускорению НТР во всех отраслях производства, что выразилось в сращивании новых технологий с микроэлектроникой, компьютерной и информационной техникой, превращении науки в непосредственную производительную силу. Все эти процессы положили начало постиндустриальной трансформации Британии⁹¹.

В самой партии консерваторов росло недовольство авторитарным стилем руководства Тэтчер. Не менее существенным был и вопрос об интеграции Великобритании в Европейское Сообщество. Партия, долгое время отличавшаяся от лейбористов своим единством, все более четко разделялась на «европеистов», ратующих за более тесный экономический и политический союз с европейскими странами, и их оппонентов – «евроскептиков», опасавшихся ущемления национального суверенитета Великобритании. Тэтчер была ближе последним. Готовая идти на превращение ЕЭС в единое экономическое пространство, она всячески противилась развитию общей для Сообщества валютно-финансовой системы и усилению его политических институтов.

Наиболее решительным оппонентом Тэтчер, принадлежавшим к «европеистам», был министр обороны **М. Хезелтайн**. В отличие от главы кабинета его не пугало усиление европейских надгосударственных институтов, и, кроме того, он имел собственную версию неоконсерватизма. Так, например, он считал, что рынок не может решить всех экономических и социальных проблем и нуждается в целенаправленном вмешательстве государства. В 1986 г. при возникновении конфликтной ситуации с главой кабинета по вопросу европейской политики Хезелтайн подал в отставку.

Свидетельством дальнейшего обострения внутривнутрипартийной борьбы стала отставка заместителя премьер-министра и лидера Палаты общин Дж. Хау, произошедшая в начале ноября 1990 г. Дж. Хау слыл одним из главных архитекторов неоконсерватизма и оставался единственным из 24 членов кабинета, с которыми Тэтчер начинала свою деятельность. Поводом для ухода Дж. Хау с правительственного поста на этот раз послужил отказ М. Тэтчер ввести в ближайшем будущем

⁹¹ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 333.

единую валюту ЕЭС. Примеру своих коллег по кабинету последовал и министр финансов Н. Лоусон, выразивший свое несогласие с введением «подушного налога»⁹².

В середине ноября 1990 г. на волне все возрастающей критики европейского курса Тэтчер и гтия ее руководства М. Хезелтайн заявил о своих претензиях на лидерство. М. Тэтчер, уверенная в своем превосходстве над соперником, приняла вызов. Но обстоятельства сложились не в ее пользу. В первом туре выборов она получила 204 голоса, Хезелтайн – 152. Тэтчер не хватило всего нескольких голосов для победы. Во время самой процедуры выборов она находилась в Европе на совещании по безопасности и сотрудничеству. Узнав о результатах голосования. Тэтчер заявила о намерении продолжать борьбу, но, выслушав мнение каждого из министров кабинета и опасаясь раскола партии, решила уйти в отставку.

Не последним аргументом в принятии такого решения явилось и стремление М. Тэтчер не допустить передачи поста лидера своему политическому противнику М. Хезелтайну. В связи с этим во втором туре голосования Тэтчер поддержала другого претендента на лидерство, своего «выдвиженца» Дж. Мейджора, рассчитывая, что он останется верен проводимому ей курсу. Дж. Мейджор набрал необходимое число голосов. М. Тэтчер, находившаяся у власти 11 лет 6 месяцев и 19 дней, должна была освободить пост премьер-министра и лидера партии⁹³.

Годы пребывания М. Тэтчер у власти (1979–1990 гг.) и реформы трех ее правительственных кабинетов, их внутренняя и внешняя политика получили название «**тэтчеризма**». Его достижения впечатляют, но не только. Наряду с достижениями были и проблемы. Вначале о позитиве.

В конце 80-х годов в Великобритании каждую неделю создавалось 700 новых предприятий⁹⁴. Великобритания стала лидером среди европейских стран в решении проблем санирования госбюджета без роста налогообложения. По оценкам Британского Статистического Управления в период 1979-85 годов Великобритания сэкономила 17 млрд фунтов стерлингов. М. Тэтчер начала структурную перестройку хозяйства, которая заключалась в избавлении от государственного сектора, глубоких изменениях в топливно-энергетическом комплексе (переориентация на нефть), осознание необходимости и создание условий для перехода на наукоемкие технологии. Отличительными чертами первого правительства М. Тэтчер было абсолютное преобладание экономической политики, отказ изменить свой курс, несмотря на серьезное давление, чистка кабинета от «мокрых», опора на персоналии, выбранные по инициативе Тэтчер.

Благодаря проводимой политике, в Великобританию начали поступать иностранные инвестиции, способствовавшие модернизации производства и увеличению конкурентоспособности выпускаемой продукции. При этом правительству Тэтчер долгое время удавалось сохранять инфляцию на низких уровнях. Помимо этого, к концу 80-х годов XX века в стране значительно сократился уровень безработицы⁹⁵. Значимую роль в поддержании экономики Великобритании играли доходы от 90% налога на североморскую нефть, которые в течение 1980-х годов бурно использовалась тори для реализации реформ⁹⁶.

⁹² См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 333–334.

⁹³ Там же. С. 334.

⁹⁴ См.: Приватизация государственных предприятий на Западе: концепция и практика. Мо., 1992. С. 110.

⁹⁵ См.: Белоусов Л.С., Смирнов В.П., Строганов А.И. и др. История новейшего времени стран Европы и Америки 1945–2000 гг. / под ред. Е.Ф. Языкова. Простор, 2003. – 480 с.

⁹⁶ См.: Marr A. A History of Modern Britain. Pan, 2007.

В течение своего третьего премьерского срока Тэтчер провела реформу налогообложения, доходы от которого шли в бюджеты органов местного самоуправления: вместо налога, основанного на номинальной арендной стоимости дома, был введен так называемый «коммунальный налог» (подушный налог), который в прежнем размере должен был выплачивать каждый совершеннолетний житель дома⁹⁷. В 1989 году этот тип налога был введен в Шотландии, а в 1990 году – в Англии и Уэльсе⁹⁸. Реформирование системы налогообложения стало одной из самых непопулярных мер в ходе премьерства Тэтчер. Общественное недовольство вылилось 31 марта 1990 года в крупные демонстрации в Лондоне, в которых приняло участие около 70 тысяч человек⁹⁹.

Таким образом, осуществив целую серию мер, направленных на либерализацию экономических отношений, правительство одновременно стремилось не обострять ситуации и не идти напролом там, где это могло обернуться либо невосполнимыми экономическими потерями, либо серьезным социальным конфликтом. С начала 1982 г. ситуация в экономике страны начала меняться к лучшему, появились первые признаки экономического оживления, пошла на убыль инфляция. Становилось очевидным, что худшие времена либо уже позади, либо вот-вот останутся позади. Новый курс консерваторов привёл к модернизации экономической структуры страны. Британская экономика росла в 80-е года на 3–4% быстрее, чем в других ведущих западных странах. Вместе с этим, в 80-е года сократились темпы роста потребительских цен. В 1988 они составили 4,9%, тогда как в 1979 году находились на уровне 13,6%.

Социально-трудовые отношения. Для борьбы с растущей безработицей правительство Тэтчер также пересмотрело систему помощи безработным: была урезана социальная помощь, снято регулирование квартирной платы государством, стимулировались неполный рабочий день, более ранний выход на пенсию, профессиональная переподготовка на более востребованные специальности, переезд в менее благополучные регионы страны¹⁰⁰. Дополнительно, стимулировалось развитие мелкого бизнеса. Несмотря на значительный уровень безработицы в начале и середине 80-х, благодаря отходу от традиционной послевоенной политики полной занятости многие промышленные предприятия сумели значительно улучшить свою конкурентоспособность, сократив издержки. Это, в свою очередь, положительно влияло на экономический рост.

Неолиберальная политика Тэтчер затронула не только экономику, финансы и трудовые отношения, но и область социальную, где использовалась преимущественно идентичная стратегия – снижение расходов, приватизация и дерегулирование со стороны государства. Схожая политика позволила, с одной стороны, распространить элементы рынка в этой сфере, с другой стороны – укрепить контроль над ней со стороны центрального правительства¹⁰¹.

⁹⁷ См.: Furor Over British Poll Tax Imperils Thatcher Ideology // The New York Times URL: <http://www.nytimes.com/1990/04/23/business/furor-over-british-poll-tax-imperils-thatcher-ideology.html> (дата обращения: 23.05.2016).

⁹⁸ См.: Reitan, Earl Aaron. The Thatcher Revolution: Margaret Thatcher, John Major, Tony Blair, and the Transformation of Modern Britain, 1979-2001. – Rowman & Littlefield, 2003.

⁹⁹ См.: 1990: Violence flares in poll tax demonstration // BBC ON THIS DAY URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/march/31/newsid_2530000/2530763.stm (дата обращения: 28.05.2016).

¹⁰⁰ См.: Norpoth, Helmut. Confidence regained: economics, Mrs. Thatcher, and the British voter. – University of Michigan Press, 1992.

¹⁰¹ См.: Education in England: a brief history // Education in England. The history of our schools URL: <http://www.educationengland.org.uk/history/chaptero8.html> (дата обращения: 06.06.2016).

Таким образом, правительство Тэтчер в корне сузило государственное вмешательство в хозяйственные и социальные дела, негативно влиявшее на рост экономики; пересмотрело законодательство относительно профсоюзов, тормозящее нормальное развитие в сфере промышленного производства. Была проведена пенсионная и страховая реформа. Постепенно, общество начало пожинать плоды подобной политики. Ежегодные надбавки к заработной плате стали составлять 7–8%. За 80-е годы количество акционеров в Англии выросло в три раза. Взяв на вооружение социальный дарвинизм, консерваторы стремились сделать каждого англичанина собственником или маленьким предпринимателем. Следовательно, мы можем отметить, что в тэтчеровское десятилетие в Великобритании произошли серьезные социально-экономические сдвиги, которые вывели страну из тотального кризиса и создали солидный фундамент для будущего укрепления капитализма в государстве.

«1980-е годы, – писала **М. Тэтчер** в «Автобиографии», – застали перерождение британской предпринимательской экономики. Это по большей части было десятилетие великого процветания, когда наша экономическая эффективность поразила окружающий мир. Начиная с 1987 года имели место классические признаки «перегрева» и начального смятения в вопросе, том, что показывают валютные индикаторы. Преследование Найджелом Лоусоном дойчмарки означало, что мы не предприняли достаточных мер для укрепления монетарной политики. Не следует утверждать, что вспышка благополучия в эти годы была просто результатом искусственного бума потребления. Она имела гораздо более прочную базу. Нынешний дефицит счетов, который стал реальной проблемой, не должен затмить тот факт, что правительство вкладывалось в будущее на протяжении этих лет: в 80-е годы бизнес-инвестиции увеличивались быстрее, чем в любой другой индустриальной стране, за исключением Японии. Доходность росла одновременно с производительностью. Новые фирмы росли и расширялись. Возникли новые рабочие места – 3320000 из них были созданы в период между мартом 1983 и мартом 1990 года.

Поэтому понимать, что было правильно в эти годы, было так же важно, как понимать, что пошло не так. Проблема возникла в области «спроса», поскольку денежная масса и кредит росли слишком быстро, провоцируя рост стоимости активов, особенно товаров, не предназначенных для международной торговли, таких, как дома. Эту спираль невозможно было поддерживать. В противоположность этому «аспект предложения» реформ был крайне успешным. Это были изменения, которые сформировали высокую эффективность и гибкость, позволив британским предпринимателям соответствовать требованиям иностранных и внутренних рынков. Без них экономика не смогла бы обеспечить такого увеличения доходов, стандартов жизни и занятости: в целом страна была бы беднее.

Реформа профсоюзов была жизненно необходима. Наиболее важные изменения были внесены в период между 1982 и 1984 годами, но процесс продолжался, когда я покидала свой пост. Акт о занятости 1988 года, основанный на обещаниях в нашем манифесте, укреплял права отдельных членов профсоюзов в их противостоянии промышленным мероприятиям, организованным их профсоюзами без референдума, а также попыткам союзов «дисциплинировать» их, если они отказывались выходить на забастовку. Он также формировал пост специального уполномоченного, чтобы помогать отдельным членам профсоюзов защищать свои права и инспектировать счета профсоюзов. Акт о занятости 1990 года также завершал долгий процесс избавления от закрытых профсоюзных предприятий, кото-

рые держали столько людей в жестоком подчинении. Ликвидация монумента современного луддизма – национальной докерской лейбористской схемы – была еще одним ударом по ограничительным мерам.

Такие реформы не только позволяли управленцам управлять, но сделали инвестиции далеко не последним источником доходов. Они также помогли изменить отношение работников к предприятиям, на которые они работали и в которых они все чаще имели свою долю. Поэтому в последний мой год на посту было меньше промышленных затруднений, чем в любой другой, начиная с 1935 года. Было потеряно меньше 2 миллионов рабочих дней по сравнению со средним показателем 70-х годов в 13 миллионов в год. Все равно много, кстати говоря.

Но были и другие изменения, направленные на увеличение качества рабочей силы за счет помощи людям в получении необходимых навыков и опыта. В последний год, проведенный мной на посту премьер-министра, на подготовку кадров государство тратило более чем в два с половиной раза больше средств (в реальных цифрах), чем при последнем правительстве лейбористов. Конечно, всегда существовала опасность того, что «обучение» станет самоцелью, со своей внутренней бюрократией и динамикой, особенно когда дело касается такого масштабного финансирования. Поэтому я стремилась, чтобы управление и принятие решений в этих обширных финансируемых государством программах было децентрализованным. Советы по обучению и предприятиям назначались с 1988 года с целью отвечать за реализацию этих программ. Они состояли из групп местных работодателей, которые лучше, чем любые «эксперты», знали, какие именно навыки им нужнее.

Еще одной инновацией, в которой я была крайне заинтересована, было введение ваучеров на обучение, которые из-за чувствительности корпоративистов к вопросам об образовательных учреждениях меня всегда убеждали называть «кредитами».

Жилье жизненно важно для правильного функционирования рынка труда. Если люди не могут переехать в регионы, в которых есть рабочие места, – «сесть на велосипед», если процитировать бессмертную фразу Нормана Тибитта, – то останутся лакуны («белые пятна») безработицы. И чем меньше они хотят или могут переезжать, тем больше государству придется вмешиваться для того, чтобы заставить или убедить фирмы переехать в коммерчески неподходящие области, чтобы создать там рабочие места. Частный сектор аренды жилья был идеальным источником дешевого, зачастую временного жилья, которое скорее всего подойдет тем, кто находится в поисках работы. Однако после десятилетий контроля аренды частный «ленд-лордизм», что практически было уникальным явлением для Британии, ассоциировался в народе с эксплуатацией и плохими условиями. Это означало, что не получится предпринять радикальные меры, необходимые для того, чтобы устранить нехватку арендного жилья, которая стабильно ухудшалась со времен Первой мировой войны.

В своем акте о жилье от 1988 года мы представили ряд мер, нацеленных на оживление частного сектора аренды. Мы развили две схемы, изначально представленные в 1980 году, – краткосрочной аренды (кратковременная аренда по рыночной цене, после которой собственность возвращается к лэндлорду) и заверенной аренды (также рыночные цены, но при несменяемости жилья). Эти меры принесли некоторые плоды, но понадобится еще море изменений, чтобы аренда жилья в частном секторе стала весомым вкладом в повышение мобильности рабочей силы.

Административное жилье, напротив, вредило мобильности сильнее всего. Крупное административное жилье собирает вместе людей, у которых нет работы, но которые пользуются всеми благами субсидированного арендованного жилья.

У них не только есть основания оставаться на одном месте: они укрепляют пассивность друг друга и уничтожают друг в друге инициативу. Так возникает культура, в рамках которой безработные сознательно живут за счет государства, не стремясь переезжать и работать.

Поэтому значительный рост частного домовладения в годы, проведенные мной на посту премьер-министра, и последующее снижение доли бюджетного сектора жилья стали важным благом для экономики. Предпринимались попытки отрицать это на основании узкого финансового мышления. В частности, говорилось, что из-за послаблений в ипотечных налогах слишком много народных сбережений уходило в строительство, а не в промышленность. Мне это никогда не казалось убедительным. Во-первых, упущен тот факт, что люди, для которых единственный способ сбережения средств – это покупка жилья в ипотеку, вряд ли предпочтут становиться дольщиками в предприятиях или создавать бизнес. В действительности покупка дома для многих людей является путевкой в мир других вложений. Во-вторых, сама идея того, что британская промышленность в последние десятилетия отставала из-за недостатка инвестиций, в лучшем случае однобока. Фактом стало то, что значительная часть инвестиций была опрометчивой. Чего Британии не хватало в прошлом, так это подходящей возможности правильно воспользоваться имеющимися в ее распоряжении инвестициями из-за низкой производительности, слабых трудовых отношений, низких доходов и плохого управления. Что справедливо, так это тот факт, что высокий уровень домовладения должен быть дополнен достаточно обширным частным сектором аренды, а в нашем случае это не так. В этом смысле мы добились только половины успеха, и частный сектор аренды – это та область, в которой я, будь в моем распоряжении время, хотела бы сделать больше.

С прекращением регулирования бизнеса история другая. Год за годом – и при дальнейшей поддержке со стороны Дэвида Янга, когда он занял пост в департаменте торговли и промышленности в июне 1987 года – фиксировались и впоследствии ликвидировались ненужные рычаги регулирования. Дэвид Янг также сделал акцент на поддержку департаментом создания рабочих мест, малых фирм и инноваций. И когда то, что изначально было департаментом, спонсирующим предприятия в государственном владении и тяжелую промышленность, было переименовано в Департамент по предпринимательской деятельности, это не было просто хитрым маневром. Важность продолжающегося стремления к прекращению регулирования заключается в том, что тенденция к восстановлению регулирования никогда не отстает. Больше рычагов регулирования, выше цены, меньше конкуренции, меньше рабочих мест и, как результат, меньше способов повысить качество жизни в долгосрочной перспективе.

Во всех этих областях – полномочия профсоюзов, обучение, жилье и регулирование бизнеса – мы в разной степени добились прогресса в усилении «аспекта предложения» в экономике. Но наиболее важными изменениями в долгосрочной перспективе были налоговая реформа и приватизация.

Налоговая реформа Найджела Лоусона позволяет отметить его как канцлера, обладающего редкой технической хваткой и конструктивным воображением. У нас были некоторые расхождения – в частности по вопросу послаблений налога на ипотеку, от которых он скорее всего хотел бы отказаться и порог которых я, разумеется, хотела бы повысить. Но Найджел в целом не любил спрашивать и следовать советам. Вне сомнения, он считал, что ему это не нужно. Он предпочитал знакомить меня со своими предложениями по бюджету, когда они уже были проработаны, и без присутствия частного секретаря, делающего записи, за ужином

в Номере 11, в последнее воскресенье января. Если бы я ограничивалась получением информации от него, сводя ее до таких неформальных встреч, мне было бы трудно оказывать какое-либо серьезное влияние на положение вещей, но шпионы из казначейства, понимая, что таким образом практически невозможно проследить за тем, кто, в конце концов, был Первым лордом казначейства, активно снабжали меня информацией, будучи строго проинструктированы не разглашать то, что я узнавала, до того, как Найджел с гордостью сообщит мне о своей стратегии бюджета. Это по крайней мере давало мне больше возможностей ставить под вопрос предлагаемую финансовую позицию и возражать против отдельных мер. Но факт остается фактом – бюджеты Найджела были полностью его творением. И в той же степени, в которой я считаю его во многом ответственным за ошибки в политике, из-за которых мы отказались от своих успехов в борьбе с инфляцией, я не сомневалась в том, что именно его заслугой были гениальные расчеты в его бюджетах.

В то время как Джеффри Хау был канцлером, который инстинктивно склонялся к сбалансированным пакетам мер, Найджел Лоусон предпочитал бюджет, построенный вокруг центрального вопроса и задачи. Джеффри всегда придерживался благоразумного курса, в то время как поиски гениального решения финансовых проблем подчас заставляли Найджела рисковать всем. Он и в самом деле был гениальным игроком.

Бюджет 1984 года показал Найджела во всей его блистательной красе. Он ликвидировал дополнительную пошлину налога на инвестиции, предельно несправедливый взнос, который зачастую ложился на плечи пожилых людей, делавших накопления, и избавился от дополнительной пошлины на государственное страхование, который уже сократил Джеффри. Но его самой важной реформой была постепенная ликвидация налоговых послаблений для предпринимателей одновременно с сокращением корпоративных налоговых ставок, таким образом направляя и повышая качество инвестиций и стимулируя стремление к деловым успехам. Бюджет 85-го года был менее примечательным, но, как и предыдущий, увеличил персональные налоговые скидки, подняв их значительно выше уровня инфляции. В 1986 году он принял политическое решение, которое я сочла верным, сократив базовую ставку налога на прибыль на один пенни, что, по сути, было заявлением о том, что мы не станем игнорировать базовые ставки в будущих бюджетах, когда будет большая финансовая свобода действий. Он также представил планы личных капиталов (PEP), чтобы поддержать личные инвестиции как способ поддержки капитализма. В 1987 году он сократил базовую ставку еще на два процента, но компенсировал т.н. предвыборную «раздачу» включением в MTFPSBR в 1 процент от ВВП как стандарт финансового благоразумия.

Бюджет Найджела 1988 года был более спорным. Разумеется, у меня тогда были сомнения. Я чувствовала справедливо, что общие финансовые условия стали слишком распушенными.

Я начала с того, что поставила под сомнение налоговые сокращения, которые теперь предлагал Найджел, частично потому, что считала, что крупные сокращения налогов в обстановке избыточной потребительской и предпринимательской уверенности могут иметь психологический эффект, непредсказуемый средствами экономической науки, но от этого не менее реальный. Они могли разжечь то, что уже и так перегрелось. В действительности цифры, которые я увидела на заре бюджета, демонстрирующие очень высокие показатели возмещения долга бюджетного сектора (PSDR) или профицита бюджета, предсказанные в бюджете в размере 3 мил-

лиардов (хотя цифра искажалась доходами от приватизации), во многом меня успокоили. Более того, отдача профицита бюджета на 1988–89 годы была почти 14 миллиардов. Поэтому я считаю – за одним очевидно техническим, но в действительности очень важным исключением – бюджет Найджела на 1988 год был успехом. Снижение базовой ставки подоходного налога до 25 пенсов и верхней ставки до 40 процентов придало достаточный стимул, особенно тем талантливым, мобильным людям, которые так важны для экономического успеха.

Техническим вопросом, который имел такие важные практические последствия, было изменение системы поблажек в ипотеке, согласно которой ограничение в 30 000 фунтов применялось теперь не к каждому отдельному человеку, приобретавшему недвижимость, а к самому дому. Это ликвидировало дискриминацию в пользу неженатых, сожительствующих пар. Объявленное в апреле, оно вступило в силу лишь в августе. Это придало колоссальный импульс рынку жилья, поскольку люди стали брать ипотеку до того, как исчезнет лазейка, и это произошло в самый неподходящий момент, поскольку рынок жилья уже начинал перегреваться.

К 1989 году даже обычная и на первый взгляд безграничная уверенность Найджела о наших экономических перспективах пошатнулась. Денежно-кредитная политика была перегружена попытками сократить инфляцию. Но что происходило с финансово-бюджетной частью? Было ясно, что профицит бюджета был свидетельством не только финансовой твердости, но и панической скорости экономического роста с увеличением налоговых поступлений; но даже при этом трудно было спорить, что профицит бюджета необходимо увеличить еще сильнее.

И действительно, мне, проще чем раньше, удалось убедить Найджела видеть вещи в том же свете, что и я. Я настаивала на том, чтобы он пересмотрел свое письмо к кабинету, был менее самодовольным, отказался от идеи дальнейшего сокращения подоходного налога еще на 1 пенни (я сказала ему, что это будет выглядеть психологически неправильно), забыть о его предложении ликвидировать налог на базовую пенсию и вместо этого ликвидировать правило о прибыли. Я также сказала, что не должно быть ослабления кредитно-денежной политики. Он согласился со всем этим: далее он использовал часть имевшихся государственных доходов, чтобы внести разумные изменения в структуру национальных страховых взносов для работающих.

Но Найджел решил не повышать акцизные пошлины вместе с инфляцией, создав тем самым искусственный спад цифры инфляции, что позволило ему предсказать рост инфляции на 8 процентов, прежде чем она упадет до 5,5 процента во второй половине года и, возможно, до 4,5 процента во второй четверти 1990 года. Однако ко второй половине 1990 года эта цифра достигла не 4,5 процента, а приближалась к 10 процентам. Градус инфляции, который внесла в систему погоня за дойчмаркой, был больше, чем когда-либо, что осознавали все, включая Найджела. Но к 1990 году Мистер 10 процентов покинул свой пост, и всем оставшимся пришлось иметь дело с последствиями.

Джон Мейджор в некотором смысле предельно отличался от Найджела Лоусона в роли канцлера. Мне казалось странным, что, пробыв компетентным главным секретарем, ему не было настолько же комфортно разрешать сложные вопросы, с которыми он теперь столкнулся, вернувшись в казначейство. В качестве подготовки к бюджету 1990 года мы провели семинар, который посетила я, Джон, Ричард Райдер, секретарь казначейства по экономическим вопросам, и прочие должностные лица. Много пользы он не принес, и вины Джона в этом не было: проблема заключалась в том, что никто из нас совершенно не верил в прогнозы. Я

не находила согласия с Джоном только в одном вопросе: я перестала принимать в расчет новый налог на кредит. Я во многом симпатизировала предположению о том, что банки и жилищно-строительные кооперативы сделали кредиты слишком легкодоступными и что это загоняло безответственных или неопытных заемщиков в долги. Но я никогда не сомневалась в том, что если мы попытаемся положить этому конец, обложив кредиты налогом, всеобщая поддержка, обычно вызываемая пуританской политикой, вскоре превратится в гедонистский протест, по мере того, как видеомэгафоны, дорогие обеды, спортивные машины и зарубежные отпуска станут недоступны с финансовой точки зрения. Также этот налог повысит RPI. В действительности, учитывая малое пространство для маневра при таких обстоятельствах, единственный бюджет Джона Мейджора был скромным успехом, содержащим несколько приметных предложений для увеличения опасно низкого уровня сбережений. Но к тому времени требовалось нечто большее, чем просто прочный бюджет – даже больше, чем премьер-министр и канцлер, подписавшиеся под одной политикой – чтобы предотвратить политические и экономические последствия допущенного роста инфляции.

Тот факт, что возвращение инфляции и рецессии затмило блага налоговых изменений, привнесенных бюджетами Найджела, не означает, что эти блага испарились. Инфляция все искажает; но, будучи вновь укрощенной, оказывается, что она не уничтожила улучшения в экономической эффективности, привнесенные новыми и упрощенными налогами. Только одна вещь может подорвать эти улучшения аспекта предложения: позволить бюджетным расходам выйти из-под контроля, что увеличивает заемы и в итоге требует повышения налогов, уничтожающих стимулы. Когда я покидала пост, расходы и заемы находились под строгим контролем. Действительно, мы до сих пор рассчитывали бюджет на профицит. И за время моей работы бюджетные затраты как доля ВВП снизились с 44 процентов в 1979–1980 годах до 40,5 процента в 1990–91 годах. С тех пор он поднялся до 45,5 процента ВВП (1993–94), а заемы государственного сектора возросли до 50 миллиардов, что составляло 8 процентов от ВВП. Эти цифры вызывают странные отзвуки из прошлого. В политике не бывает окончательных побед.

Приватизация в не меньшей степени чем налоговая структура была принципиально важна для улучшения экономической эффективности Британии. Но для меня она имела еще большее значение: это была одна из основных мер по ликвидации разрушительных и вредоносных последствий социализма. Через приватизацию – в частности, тот ее вариант, который приводит к максимально широкому долевному владению граждан собственностью – полномочия государства уменьшаются, а полномочия людей растут. Точно так же, как национализация была центральным стержнем коллективистской программы, за счет которой лейбористские правительства стремились изменить британское общество, приватизация была центром любой программы по возвращению территории и свободы. Какими бы ни были – и должны были быть – споры вокруг методов продажи, структуры конкуренции и схем регулирования, применяемых в различных случаях, основную задачу приватизации нельзя упускать из виду. Это обсуждение имело практическое значение. Поскольку оно означало, что в тех случаях, когда дело было в выборе между идеальными обстоятельствами для приватизации, на которые могут понадобиться годы, и выходом на продажу в рамках конкретного временного периода, второй вариант был предпочтительнее.

Но, разумеется, более предметные экономические споры о приватизации также занимали значительное место. Государство не должно быть включено в бизнес. Государственная собственность эффективно устраняет – или по крайней мере

радикально сокращает – угрозу банкротства, которая является нормой для частных фирм. В результате этого решения об инвестициях принимаются в соответствии с критериями, значительно отличающимися от тех, что применяются к бизнесу в частном секторе. И, вопреки благородным попыткам это сделать (не в последнюю очередь при консервативных правительствах), трудно отыскать способы, повышающие эффективность работы предприятий, находящихся в государственном владении. Можно устанавливать цели, делать предупреждения, следить за эффективностью, назначать новых председателей. Но предприятия в государственном владении никогда не смогут функционировать наравне с нормальными предприятиями. Сам факт, что государство в ответе за них перед парламентом, вместо того чтобы начальство отвечало перед дольщиками, означает, что не смогут. В этом нет стимула.

Приватизация сама по себе не решает всех проблем. Монополии и квазимонополии, перенесенные в частный сектор, требуют осторожного регулирования, дабы предотвратить злоупотребления рыночными полномочиями, будь то за счет конкурентов или клиентов. Но с точки зрения нормативов существуют также и достойные аргументы в пользу частного владения: регулирование, которое было бы скрытым, теперь должно было *быть* открытым и конкретным. Это дает лучшую и более прозрачную дисциплину. И, разумеется, в более общем смысле свидетельства ничтожной эффективности правительства в управлении любым бизнесом – или предоставлением любых услуг – настолько очевидны, что их необходимо включать в статистику, чтобы наглядно продемонстрировать, почему государство должно выполнять конкретные функции, вместо того чтобы демонстрировать, что не должен делать частный сектор.

Глубина рецессии означала, что не было особых перспектив успешной приватизации в ранние годы из-за низкого доверия на рынке и значительных потерь национализированной промышленности. Но, при всем этом, на момент выборов 1983 года «Бритиш Эрос пейс» и (нынешняя) «Бритиш Фрэйт Консортиум» процветали в частном секторе; «Кейбл энд Вайрлесс», Ассоциация британских портов, «Бритойл» (национализированная компания по исследованию и производству нефти, организованная лейбористами в 1975 году), «Бритиш Рейл Хотелс» и «Эмершам Интернэшнл» (которая производила радиоактивные материалы для промышленного, медицинского и научного применения) также полностью или частично перешли обратно в частное владение.

Огромные потери «Бритиш Шипбилдинг» и массивная реструктуризация «Бритиш Эрвэйс» делали невозможными их продажу в настоящий момент; однако в обоих случаях перспектива приватизации была важным фактором в установлении более высокого уровня финансовой дисциплины и привлечении хорошей администрации. Законопроект о «Бритиш Телеком», для приватизации ВТ, провалился только при старом парламенте и должен был быть вновь представлен при новом. Манифест 1983 года упоминал всех этих кандидатов на приватизацию, а также «Роллс-Ройс», значительные части «Бритиш Стил» и «Бритиш Лейланд», а также британские аэропорты. Значительная часть частного капитала также должна была быть вложена в «Нэшнл Бас Компани». И повторно звучало обещание о том, что работникам будет предложено стать дольщиками в упомянутых компаниях. Однако, пожалуй, самым далеко идущим было наше обещание стремиться к «увеличению конкуренции и привлечение частного капитала в газовую и электрическую промышленность». Газ действительно был приватизирован в 1986 году. Более сложной и амбициозной приватизации пришлось ждать до следующего парламента. В мани-

фесте 1987 года и электричество, и водная промышленность были основными кандидатами на приватизацию. В течение этих лет приватизация произвела скачок из самых низов на самую, верхушку нашей политической программы. Так продолжалось до самого конца моего пребывания на посту.

Я всегда была очень рада видеть, как предприятия, которые поглощали значительные суммы денег налогоплательщиков и считались синонимами провала британской промышленности, уходят из государственной собственности и процветают в частном секторе. Сама перспектива приватизации заставляла такие компании становиться конкурентоспособными и доходными. Лорд Кинг развернул «Бритиш Эрвэйс» при помощи отважной политики уменьшения размеров компании, улучшив при этом сервис и дав работникам возможность сделать собственную ставку на успех. Она была продана как преуспевающий концерн в 1987 году. «Бритиш Стил», которая поглотила обширные субсидии в 70-х и 80-х годах, вернулась в частный сектор как доходная компания в 1988 году. Но, пожалуй, именно возвращение «Бритиш Лейланд» (теперь известной как «Ровер Труп») в частный сектор доставило не самое большое удовлетворение вопреки практически бесконечным спорам о том, сколько получил ее частный покупатель – некогда государственная «Бритиш Эроспейс».

Не сразу стало понятно, что предложение, сделанное «Бритиш Эроспейс» в аккурат перед Рождеством 1987 года, было серьезным. Но вскоре выяснилось, что оно серьезное. В этом приобретении была индустриальная логика. Аэрокосмическая промышленность полагается на получение небольшого количества огромных контрактов в неизбежно нерегулярные временные интервалы; машины удовлетворяют гораздо более стабильный рынок. И, разумеется, продажа компании «Бритиш Эроспейс» имела одно важное политическое преимущество: компания останется британской.

Особые финансовые условия сделки лишь отражали плачевное состояние «Бритиш Лейланд» после долгих лет в государственной собственности и потраченных впустую инвестиций. Тот факт, что условия нужно было пересмотреть, отражал новый интерес Европейской комиссии к деталям государственной помощи промышленности, нежели базовую твердость самой сделки.

Только довольные клиенты могут твердо гарантировать будущее предприятия или зависящие от него рабочие места, и «Ровер» не могла быть исключением из этого правила. Но последствия катастрофического эксперимента социалистов, которому была подвергнута компания, теперь были преодолены; «Ровер» вернулась в частный сектор, где ей было и место.

«Бритиш Телеком» была первым приватизированным коммунальным предприятием. Ее продажа, больше, чем что-либо иное, сделала для создания основы общедоступного капитализма в Британии. Почти 2 миллиона человек приобрели доли, и около половины из них прежде никогда не были дольщиками. Но взаимоотношения между приватизацией и либерализацией были сложными. Первые шаги либерализацш начались при Ките Джозефе, который отделил «Бритиш Телеком» от почтамта, ликвидировал ее монополию на продажи телефонов и предоставил «Меркьюри» лицензию на создание сети- конкурента. Дальнейшая либерализация проходила во времена приватизации.

Но если бы мы хотели пойти дальше и разбить «Бритиш Телеком» на отдельные предприятия, что было бы полезнее с точки зрения конкуренции, нам бы пришлось ждать еще много лет, прежде чем произошла бы приватизация. Все по причине того, что ее бухгалтерский учет и администрирование по современным стандартам

практически не существовали. Просто не было способа быстро создать цифры, которые захотели бы увидеть инвесторы. Поэтому я была очень довольна, когда после задержки, вызванной необходимостью отозвать изначальный законопроект в преддверии парламентских выборов 1983 года, «Бритиш Телеком» была наконец приватизирована в ноябре 1984 года.

Последствия приватизации «Бритиш Телеком» выразились в удвоении уровня инвестиций, более не сдерживаемых правилами казначейства в отношении бюджетного сектора. Последствия для клиентов были столь же благоприятными. Цены резко упали в реальном выражении, очередь за телефонами сократилась, и количество телефонных коммутационных блоков в одновременном использовании увеличилось. Это было убедительной демонстрацией того, что коммунальные предприятия лучше работают в частном секторе.

Множество схожих вопросов возникло и при приватизации «Бритиш Гэс», которая была национализированным предприятием на протяжении почти сорока лет. У «Бритиш Гэс» было пять основных дел. Это были: закупка газа у производящих его нефтяных компаний; поставка газа, включая транспортировку и распределение газа от причала до клиента; собственные поиски газа в основном в шельфовых месторождениях; продажа газовых приборов через собственные магазины; установка и обслуживание этих приборов. Из всех этих функций, только вторую – поставка газа – можно было считать естественной монополией. И «Бритиш Гэс», и секретарь по вопросам энергетики Питер Уокер были намерены приватизировать «Бритиш Гэс» целиком, и их полноценное сотрудничество было ключевым в принятии этого решения, которого я хотела в наш второй срок.

Таким образом, на встрече с Питером Уокером, Найджелом Лоусоном и Джоном Муром во вторник, 26 марта 1985 года я согласилась с тем, что мы должны выбрать продажу всего предприятия целиком. Формула регулирования и вопрос либерализации импорта и экспорта газа стали предметом серьезного спора между Питером Уокером, который готов был принять некоторый уровень монополии в качестве цены за раннюю приватизацию, и казначейством и ДТІ, которые склонялись к идее более сильной конкуренции. Мы смогли либерализовать экспорт газа, но я согласилась с большинством аргументов Питера Уокера, с целью добиться приватизации в имеющиеся в нашем распоряжении сроки. Я до сих пор считаю, что поступила правильно, поскольку эта приватизация была громким успехом.

Приватизация водной промышленности была более чувствительным вопросом с политической точки зрения. Звучало множество эмоциональных глупостей в духе: «Смотрите, он приватизирует даже дождь, льющий с небес». Я обычно парировала это замечанием, что дождь может быть даром Всевышнего, но он явно не присылал трубы, сантехнику и инжиниринг вместе с ним. Около четверти водной промышленности в Англии и Уэльсе давно находились в частном секторе. Большее значение имел тот факт, что водохозяйственные органы занимались не только водоснабжением: они также следили за качеством речной воды, контролировали загрязнение воды и отвечали за такие серьезные вопросы, как рыбная ловля, бережение, отдых и навигация.

Именно Ник Ридли, человек из сельской местности, – став секретарем по вопросам окружающей среды, понял, что неправильно, когда водохозяйственные органы совмещают в себе функции регулирования и поставок. Не было смысла в том, что люди, отвечавшие за переработку и сброс отходов, к примеру, должны отвечать еще и за регулирование загрязнения. Поэтому законопроект, представленный Ником, также устанавливал новое национальное речное управление. Приватизация

также означала, что компании смогут получать деньги за счет рынков капиталов для инвестиций, необходимых для улучшения качества воды.

Самой сложной, как с политической, так и с технической точки зрения, была приватизация электроснабжения. Эта промышленность имела два основных компонента. Во-первых, существовала центральная коллегия производителей электроэнергии (СЕGB), в ведении которой находились электростанции и общенациональная энергосистема. Во-вторых, было двенадцать районных коллегий, которые распределяли электричество между клиентами. (В Шотландии промышленностью управляли две компании, коллегия производителей электроэнергии Юга Шотландии и гидроколлегия Севера Шотландии.) СЕGB обладала общенациональной монополией, а районные коллегии – региональной. Нашей задачей было приватизировать как можно большую долю промышленности, создавая при этом максимально возможный уровень конкуренции.

Я провела первоначальное обсуждение приватизации электроэнергии с Петером Уокером и Найджелом Лоусоном в преддверии парламентских выборов 1987 года. Я не намеревалась оставлять Питера в департаменте энергетики, поэтому не было смысла вдаваться в детали. Но мы пришли к выводу, что обещание приватизации должно быть включено в манифест и реализовано при следующем парламенте.

Когда Сесил Паркинсон занял пост министра энергетики после выборов, он обнаружил, что на мышление департамента серьезное влияние оказывали корпоративские инстинкты и осознание ими того факта, что Уолтер Маршалл будет твердо противиться распаду СЕGB, председателем которой он являлся. Скорее всего превалировала идея, что СЕGB и общенациональная энергосистема будут объединены в одну компанию, а двенадцать районных коллегий будут объединены в другую. Это не привело бы ни к чему, кроме замены монополии биполией; но Сесил все изменил. Впоследствии он был мишенью для злобной и несправедливой критики из-за изменений, которые его последователь Джон Уэйкем вынужден был внести в изначальную стратегию приватизации, в частности в связи с вопросом об атомных электростанциях. В действительности именно Сесил принял отважное и правильное решение, ликвидировав СЕGB и – что важнее всего – вывел из-под ее контроля национальную энергосистему. Энергосистема теперь находилась в совместном владении двенадцати компаний по распространению, сформированных из прежних районных коллегий. В то время как при старой системе управляющий энергосистемы становился практически монопольным поставщиком, теперь управление было в руках тех, в чьих основных интересах было максимально возможное развитие конкуренции в производстве электроэнергии.

Сесил Паркинсон занимался разработкой этой модели на протяжении лета 1987 года, и в сентябре у нас состоялся семинар в Чекерсе, на котором мы рассмотрели варианты. Сесил продолжил разрабатывать планы и вновь обсудил их со мной и другими министрами в середине декабря. Никого не устраивали варианты, сохранявшие монополию производства электроэнергии за СЕGB или сохранение энергосистемы в ее владении. Реальный вопрос заключался в том, нужно ли разделить СЕGB всего на две или все же на четыре или пять конкурирующих компаний. Найджел Лоусон склонялся в сторону более радикального варианта. Проблема заключалась в том, что трудно было представить, что у этих компаний получится быть достаточно крупными, чтобы справиться с очень дорогостоящим развитием ядерной энергетики, которую я считала критически важной как для стабильного электроснабжения и так и с экологической точки зрения.

Также следовало учитывать Уолтера Маршалла. Дело было не только в том он мне нравился, и я его уважала. Я также чувствовала, что мы все перед ним в неоплатном долгу за то, что электростанции продолжали работать во время забастовок шахтеров. Он может предпочесть придерживаться пути разделения на два, при котором та компания, которая крупнее, сохраняла за собой атомную энергию. Я, разумеется, не могла позволить его взглядам быть решающими – я и не позволила. Но я надеялась добиться содействия его и его коллег в сложном деле перехода к новой приватизационной и конкурентной системе. Поэтому на совещании в середине января я встала на сторону решения, к которому склонялся Сесил. Но я не исключала возможности перехода в будущем к конкурентной модели, которую предпочел бы Найджел Лоусон.

Позднее, в тот же месяц, я согласилась распределить мощности между двумя предполагаемыми компаниями-производителями в соотношении 70 к 30. Это и был план, который я попыталась продать Уолтеру Маршаллу. Уолтер, никогда не чуравшийся прямых высказываний, не скрывал своего несогласия с выбранным нами подходом. Я была согласна с ним в вопросе огромного значения атомной энергии. Но я не считала, что наши планы нанесут вред ее перспективам. Вновь и вновь я настаивала на том, что, какую бы структуру мы ни выбрали, она должна формировать реальную конкуренцию. Я часто обнаруживала, что прямой разговор приносит дивиденды. После некоторых размышлений и дискуссии с Сесилом, Уолтер Маршалл заявил, что, хотя CEGB и выразит свои глубочайшие сожаления по поводу принятого нами решения, он готов заставить систему работать. Планам Сесила Паркинсона также твердо противостоял Питер Уокер, который полагал, что пройдет как минимум восемь лет, прежде чем возникнет какая-либо вероятность выполнения конкурентной программы приватизации. Никому из нас это не казалось убедительным. Поэтому в четверг, 25 февраля Сесил смог выступить со своим заявлением перед палатой общин и обозначить, как он намеревается приватизировать электроэнергию.

Как всегда, перспектива приватизации означала, что финансы промышленности подвергнутся внимательному)⁷ изучению, и то, что всплыло наружу, было предельно нежелательным. Руководствуясь вопросами окружающей среды и стабильного снабжения, я считала необходимым продолжать развитие атомной энергетики. Но осенью 1988 года цифры стоимости списания устаревающих электростанций были внезапно пересмотрены департаментом энергетики и оказались гораздо выше. Они стабильно недооценивались или даже скрывались. И чем внимательнее изучались цифры, тем выше они становились. К лету 1989 года сама перспектива приватизации основной компании, производящей электричество, в распоряжении которой были атомные электростанции, начала выглядеть безвыходной. Поэтому я согласилась, что старые электростанции «Магнокс» должны остаться под управлением государства. Это было одним из последних действий Сесила в департаменте энергетики, и он достался его преемнику Джону Уэйкему, которому предстояло разбираться с оставшимися вопросами атомной проблемы.

Алан Уолтерс с предыдущей осени просил, чтобы атомные станции были выведены за пределы приватизации. И, как часто бывало, он оказался прав. Цифры стоимости списания остальных электростанций теперь выглядели неясными, а затем стали расти, точно так же, как это произошло с «Магнокс». Джон Уэйкем рекомендовал и согласился с тем, что вся атомная электроэнергия в Англии и Уэльсе должна оставаться под государственным управлением. Одним из последствий этого стало решение Уолтера Маршалла, который, естественно, хотел сохранить атомные провинции своей империи, подать в отставку, что меня очень расстроило. Но другим

последствием стала возможность начала приватизации, и это произошло на благо клиентов, дольщиков и казны.

Результат гениальной реорганизации промышленности Сесилом Паркинсоном на конкурентных основах заключается в том, что Британия сегодня обладает, пожалуй, самым эффективным энергоснабжением в мире. А в результате прозрачности, которая необходима при приватизации, мы также стали первой страной, которая вычислила полную стоимость атомной энергии, а затем создала подходящие для нее финансовые условия.

Все равно мне еще многое хотелось сделать. Но к тому моменту, когда я покидала свой пост, доля государственного сектора в промышленности снизилась на 60 процентов. Почти каждый четвертый житель страны был дольщиком. Более шестисот тысяч рабочих мест перешли из государственного сектора в частный. В сумме это стало крупнейшей передачей собственности и полномочий из рук государства в руки людей и их семей за пределами стран коммунистического блока. Британия действительно задала мировую тенденцию к приватизации. Около 400 миллиардов фунтов активов были приватизированы или приватизируются по всему миру. И приватизация не только одна из самых успешных статей экспорта Британии: она вернула нам репутацию нации новаторов и предпринимателей. Неплохой показатель на фоне того, что нам постоянно говорили: «Это не работает»¹⁰².

По **Дж. Гренвиллу**, вступление в период третьей промышленной революции было для Англии очень болезненным – безработных по-прежнему было около двух миллионов человек, ситуация в промышленности была непростой, но свою конкурентоспособность она сохранила, это был, пожалуй, единственный плюс. Самым большим достижением правительства Тэтчер стала победа над инфляцией, и то – достаточно спорная.

В 1988 году, после шести лет беспрецедентного роста экономика начала снижать темпы развития. После резкого понижения курсов на фондовой бирже (сначала это расценили, как полную катастрофу) министр финансов Найджел Лоусон слишком ослабил контроль за финансами, затем он переусердствовал с компенсацией и слишком резко снизил процентные ставки, пытаясь не допустить резкого скачка курса фунта стерлингов. Трудности множились – торговый баланс нарушился, а сокращение налогов, идущих в бюджет, проведенное в апреле 1988 года, не могло исправить сложившееся положение. До сих пор уменьшение подоходного налога было самым безотказным приемом правительства Тэтчер. В качестве компенсации увеличивались косвенные налоги, сокращались субсидии центрального правительства местным органам самоуправления и повышались размеры взносов в государственные страховые компании. Общая сумма налогов фактически не уменьшалась. Инфляция снова стала возрастать, а учетные ставки поднялись так высоко, что это легло тяжким бременем на владельцев недвижимости, резко увеличилась плата за жилье.

Под давлением Лоусона и Хау премьер-министр согласилась, что Англии следует скорее присоединиться к Европейской системе координации валютных курсов, но лишь после того, как будет выполнен ряд условий. Однако в октябре 1989 года Лоусон вышел в отставку, сославшись на то, что госпожа Тэтчер подрывает его авторитет в управлении экономикой, обращаясь к посторонним за советом. К тому времени экономическое чудо Тэтчер сильно померкло. Но настоящим приговором ей стало введение нового метода финансирования расходов местных админи-

¹⁰² Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 661–676.

страций, коммунальный или «подушный налог», как его везде называли. Если бы общий доход от налогов, которые местные власти были вынуждены постоянно увеличивать из-за сокращающихся выплат из центра, проявил тенденцию к росту, эта мера, возможно, не вызвала бы такой недоброжелательности. Однако все согласны, что несправедливо, когда богатый лорд, живущий в собственном особняке, должен платить меньше налогов, чем семья рабочего, ютящаяся в муниципальной квартире.

В 90-х годах в рядах преданных своему лидеру консерваторов создалось неловкое положение. Партия разделилась на стремительно уменьшавшееся большинство сторонников Тэтчер и на скептиков, которые считали, что под ее руководством консерваторы проиграют следующие выборы, планируемые на 1992 год. Когда в ноябре 1990 года сэр Джеффи Хау стал третьим, покинувшим правительство, министром, на этот раз – в знак протеста против политики в отношении ЕЭС, Тэтчер поняла, что если она хочет остаться лидером партии, то ей предстоит битва. Она набрала большинство и почти победила в первом туре голосования, но по партийным правилам этого было недостаточно для подтверждения ее полной победы. Коллеги по кабинету министров предупреждали ее, что второй раунд она может проиграть Майклу Хезлтайну. Поэтому 22 ноября 1990 года Тэтчер вышла в отставку, передав полномочия Джону Мейджору, министру финансов, надеясь таким образом остановить Хезлтайна. Мейджор был избран и сумел остановить растущие внутрипартийные разногласия, попросив Хезлтайна войти в состав правительства.

Консервативная партия дала отставку самому «долгосрочному» премьер-министру XX века, победительнице трех избирательных кампаний. Несмотря на очевидные политические просчеты, Маргарет Тэтчер сумела полностью изменить курс британской политики. Когда в 1979 году она пришла на Даунинг стрит, было совершенно ясно, что государственный социализм безнадежно провалился – она полностью переписала повестку дня, руководствуясь предпосылкой, что обедневшее государство не в состоянии постоянно заботиться о нуждающихся. Выбор – либо создавать основу богатства страны, либо распылять его, заботясь о здравоохранении и социальном обеспечении всех, кто этого пожелал, – был сделан¹⁰³.

В «Автобиографии» М. Тэтчер вспоминала: «В 1975 году я стала первым кандидатом на пост лидера Консервативной партии, отстранившим существующего лидера в силу правил, которые за десять лет до этого были установлены сэром Алем Дугласом-Хьюмом. Вступив в борьбу абсолютно как аутсайдер, я одержала победу в гонке за лидерство в ходе открытой борьбы. И у меня не возникало ни малейшего желания жаловаться на то, что мое лидерство может быть оспорено. Но обстоятельства 1990 года, когда Майкл Хезелтайн оспорил мое положение лидера, имели значительные отличия. Я привела партию к победе на трех всеобщих парламентских выборах и не проиграла ни на одних, в то время как Тед Хит потерпел поражение на трех выборах из четырех. Одиннадцать с половиной лет я занимала этот пост и была действующим премьер-министром, а Тед был недавно сверженным лидером оппозиции. Убеждения и твердые правила, которые я отстаивала в Великобритании, способствовали изменению хода мировых событий. И наша страна находилась в этот момент на грани войны в Персидском заливе. Безусловно, демократия не является беспристрастной, что усвоил мой великий предшественник Уинстон Черчилль, когда поднимал Великобританию на великую борьбу с нацистской тиранией, и в разгар переговоров, имевших огромное значение для восстановления

¹⁰³ См.: Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М., 1999. С. 815–816.

миропорядка в послевоенный период, он потерпел поражение на всеобщих выборах 1945 года. По крайней мере его отстранил британский народ. Мне же было отказано в возможности встретиться с избирателями – и они не смогли высказаться насчет моего последнего срока на посту премьера, только через посредников. Процедура избрания лидера тори 1965 года, согласно неписаному правилу, не была нацелена для использования в том случае, когда партия находилась у власти. Теоретически я должна была переизбираться каждый год, но поскольку никто больше не выдвигался, это было формальностью.

Я уже описала причины роста политического недовольства в течение лета и осени 1989 года. Важнейшей из них являлась экономика. Высокая процентная ставка усугубила те проблемы, которые иначе можно было бы как-нибудь урегулировать, например, сильный ажиотаж вокруг районного налога – постоянную и болезненную проблему, острота которой значительно выросла в течение следующего года. Также существовало основное ядро противников моего отношения к Европейскому сообществу, хотя, по большому счету, это было мнение меньшинства. И, разумеется, был целый ряд заднескамеечников, кто в силу разнообразных идиосинкразических причин – или в силу того, что их отклонили или отстранили от должности, – с удовольствием объединились бы против меня. Говорили даже об одном из них, кто включился в гонку за лидерство якобы как подставное лицо реального претендента, Майкла Хезелтайна, затаившегося до поры. Фактически в 1989 году сэр Антони Мейер решил бросить вызов, исходя из собственных соображений, и за руководство партией нужно было побороться. В избирательную команду вошли мои соратники: Марк Леннокс-Бойд, парламентский секретарь, Джордж Янгер, Ян Гоу, Тристан Гарел-Джонс (государственный министр иностранных дел), Ричард Райдер (министр экономики) и Билл Шелтон. Именно этот состав спокойно выявил поддерживающих, колеблющихся и оппонентов. В агитации в свою поддержку я не участвовала, и никто серьезно не думал, что это необходимо. Я одержала победу с 314 голосами, сэр Антони Мейер набрал 33. Было 24 испорченных бюллетеня, 3 члена партии отсутствовали во время голосования. Но в ходе борьбы выявилось, как сообщил мне Джордж Янгер, определенное недовольство. Соответственно, я чаще навевалась к этому источнику слухов – в чайную комнату палаты общин. Я также начала проводить регулярные встречи с группами заднескамеечников, обычно набираемых по региональной принадлежности, с тем чтобы получить широкий спектр мнений. Во время этих встреч я просила всех присутствующих за столом высказываться и вступала со словом в завершении, отвечая по каждому пункту. С обеих сторон это был честный разговор – однажды какой-то заднескамеечник высказал мнение, что я засиделась на посту. Возможно, я не соглашалась, но действительно прислушивалась. Впрочем, ни дискуссии, ни внимание к личной уязвимости не могли компенсировать политическую ситуацию, сложившуюся к лету 1990 года. Высокие суммы выставленного районного налога вызывали обеспокоенность у членов партии по поводу их мест в парламенте. Сохранялись высокие уровни инфляции и процентной ставки. Усилился раскол в парламентской фракции партии и правительстве по вопросу Европы по мере ускорения темпов федералистской программы. Рядовые члены партии все еще были на моей стороне, что будет видно по их поддержке на партийной конференции 1990 года – пожалуй, даже более сильной, чем ранее. Но очень многие мои коллеги держали невысказанные претензии к верным членам партии, кого они считали не более чем организационной массовкой, не имевшей реального права на собственное политическое

мнение. И в данном случае никто серьезно к ним не прислушался – хотя они официально давали консультации и громко высказывались в мою поддержку, – в то время, когда должна была решиться моя судьба. Со своей стороны, у меня сохранялась уверенность, что мы сможем выбраться из трудностей и одержать победу на следующих выборах. Уже начало сказываться влияние высоких процентных ставок: уровень инфляции понижался вопреки показателям в верхних строках индекса розничных цен. Я дожидалась признаков, когда денежная масса будет четко контролироваться, и только после этого уменьшать процентные ставки – и в будущем урезать их, даже если это приведет к изменению в паритете механизма валютных курсов. К концу апреля у меня уже прошел ряд серьезных обсуждений с политическим отделением относительно стратегий, которые могли войти в следующий предвыборный манифест. И тем летом я обсуждала с коллегами вопрос о создании групп по выработке политики для манифеста. Моя речь на конференции партии 1990 года приподняла завесу лишь над малой частью вопросов манифеста, описав предложения о проведении приватизации, введении учебных дотаций (и дав понять об образовательных дотациях) и об увеличении числа субсидируемых школ. Я хотела быть во всеоружии к лету 1991 года. Было еще много чего, что мне хотелось сделать. Непосредственно сейчас необходимо было разгромить Саддама Хусейна и создать долгосрочную систему безопасности для стран Персидского залива. Экономика в основе была прочной, но я намеревалась побороть инфляцию и рецессию и восстановить постоянное стимулирование роста. Я думала, что открывались благоприятные перспективы в отношении того, чтобы выкорчевать коммунизм в Центральной и Восточной Европе и установить законное ограниченное правление в странах новой демократии. Прежде всего я надеялась отстоять в борьбе свое видение Европейского сообщества – сообщества, в котором могло бы спокойно процветать свободное и предпринимательское национальное государство, такое как Великобритания. Но я также понимала, что за один день невозможно создать обширные рамки международных отношений, необходимых миру после окончания «холодной войны» – отношений, в которых международные органы, такие как ООН, ГАТТ, МВФ, Всемирный банк, НАТО и СБСЕ, соблюдали бы нейтралитет, а национальным государствам и институтам международной торговли была бы предоставлена возможность заниматься соответствующими сферами деятельности. Это была существенная долгосрочная программа. У меня была трудность, связанная с отсутствием преемника, которому я смогла бы доверить как сохранение своего наследия, так и создание новых принципов на его фундаменте. Мне понравился Джон Мейджор, и я считала, что он искренне разделял мои подходы. Но он был в некоторой степени непроверенным, и его склонность прислушиваться к общепринятым мнениям вынудила меня взять время на размышление. Со временем Джон мог укрепить авторитет либо появился бы кто-нибудь другой. Итак, из-за масштаба задач и в связи с тем, что я не определилась с последователем, у меня не было желания уйти раньше следующих выборов. Впрочем, не было у меня и серьезного намерения, что называется, идти напролом. Я считала, что приблизительно двух лет, оставшихся до очередного созыва парламента, будет достаточно, прежде чем подавать в отставку.

Но даже в этом случае схватка была бы жесткой. Я как и прежде была полна сил. Но я примирилась с той мыслью, что когда-нибудь настанет момент, когда моим долгом будет освободить правительственную резиденцию на Даунинг-стрит – случись это по настоянию избирателей или нет. Впрочем, относительно того, что может вынудить меня уйти, состоялся разговор, который затеял со мной Питер Каррингтон во время ужина у него дома одним воскресным вечером в 1990 году

Дэнис не присутствовал на этом ужине – уехал на выходные. Питер высказал мнение о том, что партия хотела бы, чтобы я покинула пост с достоинством и при этом в тот момент, который будет для меня предпочтительным. Я восприняла это как некое зашифрованное послание: сохранение достоинства могло указывать на более ранний уход, нежели я могла бы выбрать. Подозреваю, Питер говорил от лица по меньшей мере какой-то части истеблишмента тори. У меня было ощущение, что нужно уходить, «когда час прispеет». Мне подумалось, что если бы весь цвет партии тори настоял на своем, я бы не стала партийным лидером, а премьер-министром и подавно. Вдобавок я не испытывала ни малейшего интереса ни к внешнему успеху, ни к атрибутам власти. Я бы вступила в борьбу – и, если пришлось бы, сражалась бы до последнего – за то, чтобы отстаивать свои убеждения. «Достоинство» здесь было ни при чем.

К началу дополнительных выборов в округе Истбурн, назначенных на октябрь того же года, беспокойство заднескамеечников из числа тори переросло в открытую панику. Место, которое прежде занимал Ян Гоу, перешло к либералам с преимуществом в 20% голосов. Опросы общественного мнения тоже не внушали оптимизма. Лейбористы значительно лидировали. На фоне этих безрадостных обстоятельств проходила встреча в верхах в Риме, на которую я отправилась на выходные 27–28 октября. И, однако же в то время как я в одиночку сражалась в Риме, Джефффри Хау отправился выступать на телевидение и заявил Брайену Уолдену о том, что мы якобы не оспариваем принцип единой валюты, – давая понять, якобы меня можно будет переубедить. Это было проявлением либо нечестности, либо чудовишной глупости. На первой после моего возвращения сессии вопросов членов парламента к премьер-министру меня конечно же спрашивали относительно его высказываний. Я парировала все колкости оппозиции, заявив, что Джефффри – «слишком крутой авторитет, чтобы всякая челядь [Нил Киннок] вступалась за него». Но я не могла одобрить сказанного им. И это было только началом всех моих трудностей. Сейчас я должна была поддержать палату общин и выступить с заявлением о результатах встречи на высшем уровне в Риме. Я особо подчеркнула то, что «единая валюта не является политической стратегией этого правительства». Но это утверждение характеризовалось двумя важными чертами. Во-первых, наше предложение о введении параллельной или «общей» валюты в форме твердого экио могло постепенно эволюционировать в предложение единой валюты. Во-вторых, голословные заявления, которыми привыкли пользоваться министры, о том, что, вероятно, единая валюта «не будет применена к нам». И неизбежно появлялись разнообразные интерпретации того, что именно означало это двусмысленное высказывание. Такие гипотетические соображения могли быть использованы деятелями вроде Джефффри для открытия возможности того, что мы попытаемся в какой-то момент изменить позицию в пользу единой валюты. Это не входило в наши цели, и у меня было ощущение предвзятости такой трактовки. Вероятно, причиной, повлиявшей на выход Джефффри в отставку, стало прояснение этих завуалированных намерений. В ответ на вопрос я ответила, что «считаю невозможным использование твердого экио повсеместно на территории стран Европейского сообщества – вероятно, более широко этот инструмент мог бы использоваться при совершении торговых сделок. Многие народы предпочли бы продолжать пользоваться своей валютой». Также я выразила твердое согласие с Норманом Теббитом, когда он привел существенный довод о том, что «суть единой валюты не в том, чтобы другие валюты исчезли, но, скорее, в том, что при этом исчезла возможность для других учреждений выпускать валюты». На что я ответила: «Это правительство верит в силу фунта

стерлингов». И я решительно отклонила концепцию Делора о создании некоей федеральной Европы, в которой палатой представителей Европейского сообщества стал бы Европейский парламент, его исполнительным органом – Комиссия, а сенатом – совет министров. «Нет, нет и еще раз нет», – отрезала я. Это выступление подтолкнуло Джеффри к решению подать в отставку. Точная причина до сих пор неясна, возможно, и ему самому, но мне уж точно. Не знаю, действительно ли он стремился к признанию единой валюты. Ни сейчас, ни позднее, насколько мне известно, он не выразил свою позицию – только мнение о том, какой позиции мне не следовало бы придерживаться. Возможно, горячая – поистине бурная – поддержка, которую мне оказывали заднескамеечники, подвигла его на то, чтобы действовать быстро, иначе я успела бы привлечь на свою сторону членов парламентской фракции партии, убедив их придерживаться той платформы, с которой я выступила ранее в Брюгге. Впрочем, не важно, что я говорила, Джеффри рано или поздно выразил бы несогласие и ушел. К этому моменту разрыв между нами лежал как в личной неприязни, так и в разногласиях по политическим вопросам. Джеффри никогда не уходил с головой в лидерство в палате общин. В кабинете министров он сейчас являлся силой для обструкции, в партии – средоточием недовольства, а в стране – источником разделения мнений. Вдобавок мы практически с трудом могли находиться в компании друг друга. Меня удивили явные причины его отставки. Но в некоторой степени еще более удивительным было то, что он так долго занимал должность, которая ему явно была не по душе. Я ничего не слышала от Джеффри в среду (31 октября).

В первой половине дня в четверг на совещании кабинета министров я отчитала его, вероятно, в слишком резкой форме, за работу по подготовке законодательной программы. Мне хотелось знать, почему он так мало говорил от себя лично. Потом я отобедала дома, поработала над текстом выступления для дебатов по официальному обращению к королеве, провела короткую встречу с Дугласом Хердом по вопросу ситуации в Персидском заливе, после чего отправилась на Марсхем-стрит – туда, где в цокольном помещении, расположенном под комплексом министерства по вопросам окружающей среды и министерства транспорта, работал наблюдательный центр по вопросу эмбарго в странах залива. Не успела я пробыть там и часа, как мне передали сообщение, что Джеффри хочет срочно встретиться со мной в правительственной резиденции. Когда я вернулась на Даунинг-стрит в 17.50, то предо мной предстала сцена, практически идентичная той, свидетелем которой я была при уходе в отставку Найджела Лоусона. Я попросила Джеффри отложить свое решение до утра: мне и так нужно было многое осмыслить – разумеется, это немного могло подождать. Но он настоял на своем решении. Он сообщил, что уже отменил свою речь, с которой должен был выступать этим вечером перед членами Королевской зарубежной лиги, и известие о его уходе уже вот-вот начнет распространяться. Итак, были подготовлены бумаги, и о его отставке было объявлено. В некотором смысле его уход стал облегчением. Но я не сомневалась в плачевных политических последствиях этого решения. Могли вновь пойти разговоры о кампании, разворачиваемой Майклом Хезелтайном в гонке за лидерство. И невозможно было понять, что сам Джеффри задумывал. Но, вполне возможно, он не стал бы молчать. Возникла большая необходимость провести перестановку в кабинете министров после его ухода – так, чтобы это восстановило мой авторитет и сплотило партию. Это было непросто, тем более что при данных обстоятельствах эти две задачи могли идти вразрез друг с другом. Однако у меня не было возможности обсудить это сейчас со своими советниками, поскольку я должна была про-

вести прием на Даунинг-стрит в честь «Лорде тэвернерс» – благотворительной организации, в деятельности которой принимал участие Дэ- нис. Но при первой же возможности я отлучилась и отправилась в свой кабинет, где уже собрались Кен Бейкер, Джон Уэйкхем и Эли- стер Гудлэд, замещающий главного организатора парламентской фракции Тима Рентона, для обсуждения плана действий. У меня уже сложилось в голове идеальное решение: Норман Теббит должен снова войти в состав кабинета министров в качестве министра образования. Он был упрямый, четкий в высказываниях и надежный. Кроме того, он мог стать превосходным министром образования, способным убедить страну в необходимости принятия программы, а также сбить с толку Лейбористскую партию. Мы не смогли дозвониться до него тем вечером, но связались с ним утром (в пятницу, 2 ноября), и он согласился прийти и обсудить это. Как я и опасалась, убедить его не удалось. Он покинул кабинет министров по причине необходимости ухода за женой, и эта обязанность имела приоритет перед всем остальным. Он готов бы оказывать мне любую поддержку со стороны, но не мог вернуться в правительство. Когда Норман ушел, ко мне на встречу пришел Тим Рентон, главный кнут, только что вернувшийся в Лондон. Он решительно выступал за то, чтобы Уильям Уолдер- грейв – относившийся к левому крылу партии – вошел в состав кабинета министров, Уильям был худощавым и отличался интеллектуализмом и надменностью (копия Нормана Сен-Джон-Стиваса, только без острот), и он выглядел в меньшей степени как союзник.

Но я никогда не отдаляла талантливых деятелей из кабинета министров за все время премьерства на основании того, что их видение как-то отличалось от моего, и даже в такой ситуации, в которой мы находились, я не собиралась так делать. Я попросила его заняться министерством здравоохранения. Мне еще хотелось видеть новое лицо в министерстве образования – в сфере, представляющей такое большое значение, но где трудности Джона Макгрегора как публичного оратора нам обходились так дорого. Поэтому я назначила Кена Кларка – еще одного деятеля не из моего крыла партии, но очень энергичного и решительного борца, который мог быть полезен как в драке, так и в избирательной гонке. Джона Макгрегора я перевела на прежнее место Джеффри – он стал лидером палаты общин. Эти назначения были восприняты благосклонно, и, по-видимому, мне удалось достичь цели и сплотить партию. Однако вскоре растаяли любые перспективы того, что все когда-нибудь вернется в старое русло. Субботу, 3 ноября, я провела в загородной резиденции в Чекерсе, работая со своими помощниками над составлением речи для обращения к королеве – обращения, которое, безусловно, в свете отставки Джеффри приобрело новую значимость. Этим вечером Бернард Ингхем связался со мной по телефону, чтобы огласить открытое письмо, которое написал Майкл Хезелтайн в адрес председателя своего избирательного округа. В документе говорилось, что правительству якобы необходимо наметить новый курс по вопросу Европы. На самом деле это был первый публичный шаг разворачиваемой Хезелтайном кампании в гонке за лидерство. Воскресные газеты (от 4 ноября) наперебой писали об избирательной кампании. Также в них упоминались первые результаты опросов общественного мнения, проведенных после выхода Джеффри в отставку. Неудивительно, что они были удручающими. Согласно одному из них, лейбористы шли впереди с отрывом на 21%. Этот день я провела за работой над еще одной речью – по вопросам окружающей среды, – с которой мне нужно было выступить во вторник в Женеве. По возможности каждый понедельник первую половину дня я посвящала тому, чтобы встретиться с Кеном Бейкером и рабочей группой Центрального со-

вета и рассмотреть план на предстоящую неделю. Также во время обеда я обсуждала политическую ситуацию с Кеном, с руководителями коммерческих предприятий и некоторыми коллегами из кабинета министров. В этот понедельник наша беседа коснулась широкого круга вопросов, за исключением одного, волновавшего всех: стоит ли ожидать борьбы за пост лидера партии. Сейчас, судя по британским газетам, подтверждалось ощущение, что Майкл, возможно, перегнул палку в видении ситуации, содержащемся в его открытом письме. Если он теперь не вступился бы в гонку за лидерство, его бы обвинили в трусости. А если он начал бы борьбу, то скорее всего потерпел бы поражение, несмотря на тот резонанс, который произвела отставка Джеффри. В такой обстановке проходила наша дискуссия с Питером Моррисоном, моим парламентским секретарем, и председателем «Комитета-22» Крэнли Онслоу, состоявшаяся во второй половине дня во вторник (6 ноября) после моего краткого визита в Женеву для выступления на Всемирной климатологической конференции.

Мы все были обеспокоены тем, что недоговоренность вокруг лидерства причиняла большой ущерб партии и правительству. Вероятно, лучше было попытаться довести дело до конца и оперативно решить все вопросы по участию в выборах лидера (если таковые потребуются). Конкурс за пост лидера должен быть проведен в течение двадцати восьми дней после открытия новой парламентской сессии, но назначать точную дату мог только лидер партии после консультации с председателем «Комитета-22». Соответственно, мы договорились о том, что предложим назначить конечный срок подачи заявок от кандидатов на четверг, 15 ноября, а датой проведения первого тура сделать вторник, 20 ноября. Суть была в том, чтобы у меня была возможность отправиться на встречу на высшем уровне СБСЕ в Париже – после окончания первого голосования (если оно должно было бы пройти). Недостатком; безусловно, было то, что я не смогла бы присутствовать в Вестминстере, чтобы заручиться поддержкой парламентариев. Но мы с Питером Моррисоном ни в коем случае не подразумевали, что мне придется проводить агитационную работу от своего имени. Как оказалось, это могло быть неверным решением. Но важно понимать, на чем оно основывалось. Во-первых, было бы абсурдом, если бы премьер-министр после одиннадцати с половиной лет у руля власти вдруг повел себя так, словно впервые выдвигает свою кандидатуру. Члены партии – тори знали, кто я, что сделала для партии и во что верила. Если они до сих пор не были убеждены, мне вряд ли удалось бы внушить им еще какие-либо доводы. Из недели в неделю я выслушивала жалобы членов партии; но сейчас я не могла бы уверенно сказать отдельно взятому члену парламента, обеспокоенному введением районного налога, что меня убедили его высказывания и я намерена поставить крест на всей схеме. Такого намерения также не было у меня и в мыслях. Таким образом, это создавало жесткие рамки для агитационной работы, которую мне стоило бы проводить для привлечения еще большего числа голосов в свою поддержку. При этом кандидат, каким являлся Майкл, мог пообещать служебное продвижение тем, кого потеснили на государственной службе, а также сохранность мест тех, кто уже находился на ней. Он бы мог обернуть в свою пользу возмущение среди заднескамеечников. Во-вторых, у меня было чувство, как в 1989 году, что самая успешная кампания – кампания, которую проводят другие от моего имени. У Питера Моррисона, по моему мнению, был большой опыт работы в палате общин, и я видела в нем деятеля, способного собрать хорошую команду, которая выступит за меня. Он был из числа первых заднескамеечников, которые настояли на том, чтобы я выдвинула

свою кандидатуру в 1975 году. Я знала, что в его лояльности можно не сомневаться. К сожалению, тот безмятежный оптимизм, благодаря которому Питер лучше всех мог поддержать моральный дух в нас всех, никак не годился для того, чтобы разгадать намерения тех избирателей – членов Консервативной партии, которые никак не могли определиться. Также я предполагала, что Питер подключит к работе в моей команде других зубров, включая Джорджа Янгера, которому в 1989 году удалось поработать на славу.

Дебаты по поводу обращения к ее величеству дали бы мне возможность восстановить свой авторитет и удержать правительство на плаву. Поэтому я с особой тщательностью приступила к работе над речью. В день дебатов (в среду, 7 ноября) мне пришлось парировать еще один жалкий выпад со стороны Нила Киннока, метаморфозы которого в качестве рыночного социалиста я описала так: «Лидер оппозиции не прочь поговорить о социализме с точки зрения предложения. Мы знаем, что это значит: на любой запрос профсоюзов у лейбористов найдется предложение». Но я также должна была осветить более деликатный вопрос, касающийся отставки Джеффри. И тут было множество подводных камней. В своем заявлении об отставке Джеффри не изложил существенных политических разногласий между нами. Нет, он заострил внимание на чем-то, что описал как «настроение, посетившее меня... во время прошлых выходных в Риме и на этой неделе во вторник в палате общин». Поэтому я сочла, что вправе указать в своей речи на то, что «если лидер оппозиции прочтет письмо моего distinguished ученого коллеги, ему будет очень трудно найти там существенные политические разногласия во взглядах на Европу между моим distinguished ученым коллегой и всеми остальными в наших рядах». Дебаты прошли плодотворно. Но вскоре выяснилось, что Джеффри разозлило мое высказывание. Он, вероятно, чувствовал, что между нами были существенные точки разногласий по политическим вопросам, даже несмотря на то что он так и не сумел их четко высказать. Но нам удалось этим достичь только временного затишья перед политической бурей, которая должна была разразиться. К концу совещания кабинета министров в четверг (8 ноября) мы пошли на нетрадиционный шаг и отложили его закрытие, чтобы посвятить время обсуждению политической линии. Кен Бейкер предупредил о вероятности крайне неблагоприятных результатов на дополнительных выборах в округах Бутл и Брэдфорд-Норт. Его опасения подтвердились. Наихудшим результатом оказался в Брэдфорде, где мы скатились на третье место. В начале следующего дня (в пятницу, 9 ноября) Кен связался со мной по телефону для обсуждения этих результатов. Я с напускной бодростью ответила: «Думала, что будет хуже». Но это все было скверно, причем в самое неподходящее время. Впрочем, о чем действительно заговорили комментаторы, было заявление, сделанное в тот же день Джеффри о том, что он намерен «изыскать возможность в течение следующих нескольких дней и разъяснить членам палаты общин те причины – как по сути, так и по форме, – повлиявшие на [его] трудное решение». Естественно, предположения о том, что Майкл Хезелтайн решит выдвигать свою кандидатуру, усилились за уик-энд. Действительно, политическая борьба вошла в одну из тех нервно-лихорадочных стадий, когда кажется, что события развиваются в направлении к некоей переломной, но неизведанной точке кульминации почти помимо воли актеров. И с этим мало что можно было поделать. Я продолжала придерживаться своего согласованного плана. В понедельник (12 ноября), как и неделей ранее, нас с Кеном Кларком волновал только один вопрос во время утреннего совещания касательно плана на предстоящую неделю и во время обеда с коллегами – и снова, по сути, никто из нас не желал говорить об этом. Пока

никому не было известно, ни что скажет Джеффри, ни даже когда он собирается выступить. Но еще никогда не ждали с таким нетерпением речи, подготовленной Джеффри. Вечером того же дня я произнесла речь на банкете лорд-мэра в Гилдхолле, задав исключительно вызывающий тон. Но сейчас слова стали мне неподвластны. Я использовала метафору из игры в крикет: она сорвала горячие аплодисменты на этом торжественном вечере, но впоследствии обернулась против меня: «Я все еще в игре, хотя последнее время приходилось отбивать довольно жесткие удары. И если кто еще сомневается, могу вас уверить, больше не будет ни высоких мячей, ни чинимых помех, ни затягивания игры. Мяч будет введен в игру и наберет очки по всему игровому полю».

Теперь мне уже было известно, что Джеффри собирался выступить в палате общин на следующий день, во вторник, 13 ноября, чтобы высказаться относительно своего ухода с поста. Я бы, безусловно, задержалась после сессии вопросов парламентариев, чтобы послушать его. Речь Джеффри была мощным выступлением перед палатой общин – самым мощным за всю его карьеру. Если ей и не удалось достичь заявленной цели – разъяснить политические разногласия, которые спровоцировали его отставку, – то она смогла добиться истинной цели, а именно, навредить моему положению. По содержанию она была смелой, аналитической, давала простую аргументацию, но при этом была наполнена ядом. Подавляемый долгое время гнев придал словам Джеффри дополнительную силу, чего раньше ему не удавалось. Он обратил спортивную метафору против меня с мастерством, свойственным королевскому адвокату, заявив, что мои недавние высказывания относительно твердого эку подрывали положение министра финансов и председателя Банка Англии: «Это скорее похоже на перевод игроков на линию приема подачи, где они обнаружат – уже после ввода первых мячей в игру, – что капитан сломал их биты еще до начала матча». Он убедительно высмеивал мои принципиальные доводы против уклона Европы в сторону федерализма, которые, по его мнению, являлись не более чем корчами самодурства. А его завершающая фраза: «пришло время, когда остальные должны пересмотреть свою реакцию на трагический конфликт представлений о лояльности, который я, пожалуй, слишком долго пытался преодолеть», – стала открытым приглашением Майклу Хезелтайну к выдвижению своей кандидатуры против моей, которое взбудоражило палату общин. Слушание это обвинительного заключения было довольно специфическим переживанием – приблизительно так чувствует себя обвиняемый, когда слышит речь прокурора, подводящего дело под статью, которая предусматривает в качестве наказания смертную казнь. Ибо на меня были устремлены не менее пристальные взоры, чем на Джеффри. И пусть весь мир заслушивался им, но при этом наблюдал за мной. Но под маской самообладания, глубоко внутри у меня кипели эмоции. Я несколько не сомневалась в том, что его речь серьезно расшатывала мое положение. Какая-то область моего сознания продолжала производить обычные политические расчеты, чтобы понять, как нам с коллегами следовало реагировать на это в кулуарах. Майклу Хезелтайну не просто вручили приглашение войти в списки кандидатов: ему предоставили еще и оружие. Как мы могли бы сдерживать этот натиск? Но где-то в отдаленных уголках сознания, пытающегося разобраться в ситуации, я испытывала боль и потрясение. Вероятно, из-за раздражительности, ставшей угловым камнем наших взаимоотношений с Джеффри в последние годы, у меня и возникла эта бессмысленная реакция уязвленности. Но какой бы ни была между нами неприязнь, она высказывалась за закрытыми дверями, хоть изредка это и станови-

лось достоянием политической светской хроники. На публике я его активно поддерживала как на посту министра финансов, так и на посту министра иностранных дел. Конечно, воспоминания обо всех тех сражениях, которые мы прошли с ним плечом к плечу за годы, когда мы были членами теневого правительства, и позднее в начале 1980-х, убедили меня сохранить за ним кресло в кабинете министров на посту заместителя премьер-министра, но пристальное внимание к моим личным политическим интересам по вопросам Европы, обменного курса и по ряду других проблем заставили меня заменить его кем-то, чьи взгляды более или менее находились в русле моего видения. А вот он не поддался подобному влиянию тех воспоминаний и целенаправленно пошел в наступление на коллегу таким варварским способом, к тому же при всеобщем обозрении. Отныне Джеффри Хау будут помнить не за стойкость на посту министра финансов, не за умелую дипломатию на посту министра иностранных дел, а за этот заключительный акт глумления и вероломства. Поистине тот искрометный талант, с которым он вонзил свой кинжал, давал повод утверждать, что он сам, в конечном счете, и стал тем персонажем, кому был нанесен смертельный удар.

В первой половине дня на следующий день (в среду, 14 ноября) меня вызвал по телефону Крэнли Онслоу и сообщил, что он получил официальное уведомление о намерении Майкла Хезелтайна выдвинуть свою кандидатуру на пост лидера партии. Дуглас Херд теперь предлагал выставить мою кандидатуру, Джон Мейджор поддержал его. Все это должно было стать демонстрацией единой поддержки членов кабинета министров, направленной на выдвижение моей кандидатуры. Питер Моррисон быстро собрал команду в поддержку моей кандидатуры на выборах и привел ее в полную боевую готовность, хотя кое-кто впоследствии утверждал, что это была слишком энергичная метафора. Ключевыми фигурами стали Джордж Янгер, Майкл Джоплинг, Джон Мур, Норман Теббит и Джерри Нил. Членов партии собирались опрашивать по отдельности относительно их взглядов, с тем чтобы мы понимали, кто нас поддерживал, кто сомневался, а кто был нашим оппонентом. Вести учет должен был Майкл Нойберт. С оппонентами дальше работать не стали бы, а вот сомневающихся должны были агитировать те члены избирательной команды, кто казался бы более убедительным. Меня убедили в том, что в качестве основной платформы для изложения позиции нужно использовать интервью для газетчиков. Так, вечером в четверг (15 ноября) я дала интервью Майклу Джонсу из «Санди тайме» и Чарльзу Муру из «Санди телеграф». Также я не отступилась от европейского вопроса, который вновь был открыт благодаря выступлению Джеффри. Безусловно, я сказала, что прежде чем ставить какой-то вопрос о введении в стране единой валюты, необходимо будет провести референдум. Это конституционный вопрос, а не только экономический, и отсутствие прямой консультации с народом было бы незаконным. Когда мне дали пояснение по всем основным моментам кампании в поддержку моей кандидатуры, все выглядело замечательно. К сожалению, оставалось неясным, сколько времени основные участники моей команды смогли бы уделять кампании. Питер обратился к Норману Фоулеру с тем, чтобы получить его согласие на участие в предвыборной кампании, но вскоре Норман выбыл, сославшись на прошлую дружбу с Джеффри Хау. Джордж Янгер накануне назначения на должность председателя Королевского банка Шотландии с головой ушел в свои коммерческие дела. Майкл Джоплинг тоже вышел из игры. Джон Мур чуть ли не постоянно находился за границей. Впоследствии ряд моих более молодых партийных сторонников из группы «Назад пути нет», обеспокоенных ходом моей избирательной кампании, записались в качестве помощников и прилагали

все усилия для ее продвижения. Мы были рады их помощи – но почему, собственно, она понадобилась? Это должно было стать настораживающим знаком. Но кампания была запущена, и я продолжала придерживаться плана в своем ежедневнике: пятницу, 16 ноября, провела с визитом в Северной Ирландии. А тем временем кампания Майкла Хезелтайна шла полным ходом. Он дал обещание фундаментально пересмотреть принцип районного налога и говорил о необходимости перевести стоимость услуг, таких как образование, в центральный налоговый фонд.

Как я уже отмечала на собраниях палаты общин, это могло означать дополнительные 5 пенсов к подоходному налогу или крупное снижение других государственных расходов – ну, или бюджетный дефицит, подобный тому, когда мы четыре года были свидетелями излишка и урегулирования задолженности. Теперь я обрушилась на подход Майкла в интервью Саймону Дженкинсу в «Таймс», в котором заострила внимание на глубоко укоренившихся корпоративных и интервенционистских взглядах своего оппонента. Интервью было опубликовано в понедельник и сразу же получило критические отзывы в некоторых кругах, охарактеризовавших его как слишком агрессивное. Но в этом и близко не было ничего личного. Мы с Майклом Хезелтайном принципиально расходились во взглядах по всем вопросам, которые входят в сферу внутривнутриполитической борьбы. Членам партии следовало напомнить, что это было соперничеством как двух видений, так и двух характеров. А их нежелание думать о том, что было поставлено на карту (если только это не касалось сохранности собственных мест), было признаком замешательства и легкомыслия. Вечером в субботу (17 ноября) в Чекерсе мы с Дэнисом принимали за ужином друзей и советников: Питера Моррисона, супругов Бейкеров и Уэйкхем, Алстера Макэлпайна, Гордона Риса, супругов Белл и Нойберт, мистера и мисс Нил, Джона Уиттингдейла (моего политического секретаря) и, конечно, Марка и Кэрол. (Джордж Янгер не смог присутствовать, так как находился на другом мероприятии в Норфолке.) Моя команда предоставила цифры с разбивкой, и они выглядели вполне благоприятно. Питер Моррисон сказал мне, что, по его мнению, было 220 голосов «за», 110 «против» и 40 воздержавшихся, то есть это будет легкая победа. (Чтобы одержать победу в первом раунде, мне нужно было набрать преимущество не менее 15% из числа тех, кто имеет право участвовать в голосовании.) Даже с поправкой на «фактор лжи» мое положение было бы неплохим. Однако меня это не убедило, и я ответила Питеру: «Помню, Тэд думал так же. [Прим, перев.: Эдвард Хит, премьер-министр в 1970–1974 годах, лидер консерваторов; не сумев привести партию к победе на двух подряд выборах, он поплатился за это постом лидера.] Не доверяйте нашим цифрам – бывает, кое-кто на бумаге поддерживает обе стороны». Остальные, казалось, испытывали больше уверенности и даже подробно обсуждали вопрос, что можно сделать для сплочения партийных рядов после моей победы. Я надеялась, что они окажутся правы. Но инстинкт подсказывал мне совсем другое. На следующий день (в воскресенье, 18 ноября) я отправилась на встречу на высшем уровне СБСЕ в Париж. Оно ознаменовало официальное – но, к сожалению, не фактическое – начало той новой эры, которая, по выражению президента Буша, являлась «новым международным порядком». В Париже были достигнуты решения, имевшие далеко идущие последствия для формирования Европы после окончания «холодной войны». К ним относились глубокое взаимное сокращение обычных вооруженных сил в рамках ОВСЕ, принятие европейской «великой хартии», гарантировавшей политические права и экономические свободы (идея, которую я особо приветствовала) и создание механизмов СБСЕ для содействия примирению, предотвращения конфликтов, способствования проведению

свободных выборов и поощрения консультаций между правительствами стран и парламентариями. Как обычно, у меня состоялся ряд двусторонних встреч с главами правительств. Центральной темой почти всех дискуссий была обстановка в Персидском заливе, однако мои мысли постоянно возвращались к происходящему в Вестминстере. В понедельник (19 ноября) я позавтракала вместе с президентом Бушем, подписала от имени Соединенного Королевства исторический договор о сокращении обычных вооруженных сил в Европе, присутствовала на первом пленарном заседании СБСЕ, а в конце дня присоединилась к другим лидерам стран во время торжественного ужина в Елисейском дворце. Во второй половине дня я выступала с речью, обращенной к участником этой встречи, и в которой я оглядывалась назад на долгосрочные блага Хельсинкского процесса, акцентировала неуклонно важное значение прав человека и верховенства права, а также указывала на их связь с экономической свободой и высказала предостережение против попыток понизить статус НАТО, являющуюся «оплотом западной обороны». Позднее я поговорила с Генеральным секретарем ООН относительно ситуации в заливе, после чего составила компанию канцлеру Колю за ужином в посольстве Великобритании. Со свойственной ему прямолинейностью Гельмут Коль начал непосредственно с обсуждения выборов лидера партии. Мой собеседник высказался за то, чтобы обсудить эти трудные вопросы, а не закупоривать их.

Он собирался посвятить весь вечер нашей встрече, чтобы продемонстрировать свою абсолютную поддержку. Невозможно было представить, что я лишусь поста. Учитывая существовавшие между мной и канцлером разногласия в вопросе будущего курса Европейского сообщества, а также то, что мой уход устранил бы препятствие его планов – что на самом деле и случилось, – это был хороший жест с его стороны. На следующий день я должна была узнать о результатах первого голосования. Питер разговаривал со мной по телефону вечером в понедельник, и он все еще излучал уверенность. По плану он должен был выехать в Париж, чтобы принести мне «хорошие известия», о которых ему должны были сообщить по телефону из кабинета главного организатора парламентской фракции. Также было согласовано, что именно мне следовало делать и говорить в случае различных сценариев: от победы с подавляющим большинством голосов до поражения в первом же туре. Поскольку я понимала, что ничего помимо уже сделанного я не могу предпринять, то направила всю энергию на мероприятия, запланированные на вторник: на встречах с другими главами правительств и слушаниях СБСЕ. В первой половине дня (вторник, 20 ноября) у меня состоялись беседы с президентом Горбачевым, президентом Миттераном и президентом Озалом, а также поужинала с премьер-министром Нидерландов Руудом Любберсом. После обеда я побеседовала с болгарским президентом Желевым, который высказал мнение, что мы с президентом Рейганом несли общую ответственность за содействие приходу свободы в восточную часть Европы и что об этом никогда не забудут. Вероятно, нужно было быть лидером страны, разрушенной за несколько десятилетий коммунистического террора, чтобы оценить значимость и понять причины произошедшего в мире. Заседания СБСЕ второй половины дня закончились в 16.30. После перерыва на чай и небольшого обсуждения с советниками относительно событий этого дня я отправилась в свои резидентские покои, чтобы сделать прическу. Сразу после 18 часов я отправилась в комнату, где все было организовано для того, чтобы я могла ожидать результатов голосования. Там собрались Бернанд Ингхем, Чарльз Пауэлл, британский консул сэр Юэн Фергюссон, а также Крофи и Питер. [Прим, перев.:

Крофи – личный помощник М.Т. Синтия Крофорд. См. с. 260.] Питер был на линии с главным организатором парламентской фракции, а Чарльз оставался на другой линии с Джоном Уиттингдейлом, находившимся в Лондоне.

Я присела за стол спиной к остальным и занялась кое- какими рабочими делами. Первым о результатах узнал Чарльз, хотя я тогда об этом не подозревала. Когда я его не могла увидеть, он с грустью показал всем опущенный большой палец, но дождался, пока Питер официально не огласит новость. Затем я услышала, как Питеру Моррисону передали информацию из офиса главного кнута. Он зачитал вслух данные: я набрала 204 голоса, Майкл Хезелтайн – 152, и было 16 воздержавшихся. «Совсем не так обнадеживающе, как мы надеялись», – сказал Питер, явно перегнув палку на этот раз с пессимизмом, и передал мне записку с результатами. Я сразу сложила в уме цифры. Мне удалось обогнать Майкла Хезелтайна и набрать очевидное преимущество в парламентской фракции партии (безусловно, я набрала больше голосов в поражении, чем Джон Мейджор позднее наберет в победе) – но при этом я не получила достаточного перевеса, чтобы избежать второго тура голосования. Повисла короткая пауза. Молчание нарушил Питер Моррисон, который пытался дозвониться в комнату Дугласа Херда в нашем крыле резиденции, но узнал, что Дуглас как раз разговаривал с министром финансов Джоном Мейджором, находившимся в Грейт-Стьюкли, где он восстанавливал силы после перенесенной операции по удалению зуба мудрости. Через несколько минут нас соединили с Дугласом, и тот сразу же явился на встречу со мной. Я не просила его о том, чтобы он поддерживал меня и дальше. Он заявил, что мне следует идти во второй тур, и пообещал, что и он сам, и Джон Мейджор будут и впредь оказывать мне поддержку. Он выполнил свое обещание, оказав поддержку не только на словах, и я обрадовалась тому, что у меня был такой хороший друг. После того как я его поблагодарила и обсудила кое-что, как и было запланировано, я вышла к представителям прессы и огласила свое заявление: «Добрый вечер, господа. Естественно, мне очень приятно, что меня поддержало больше половины парламентской фракции партии, и я разочарована, что этого оказалось недостаточно для победы в первом же туре, поэтому я подтверждаю о своем намерении выдвинуть свою кандидатуру для участия во втором туре».

После меня выступил Дуглас: «Я бы хотел вкратце прокомментировать результаты голосования. Как и прежде, премьер-министр пользуется моей полной поддержкой, и мне жаль, что этот неконструктивный, неоправданный конкурс должен затянуться подобным образом».

Я вернулась в свой кабинет и сделала ряд телефонных звонков, и позвонила и Дэнису. Что тут скажешь? Угрозы были и без того очевидными, да и по телефону не поговоришь по душам, чтобы решить, что делать. Тем более в Лондоне уже все знали из сделанного мной заявления о том, что я решила продолжить гонку за лидерство. Я переоделась, сняв черный шерстяной костюм с коричнево-черным воротником, который был на мне, когда пришли плохие известия. У меня было чувство некой растерянности, хотя, вероятно, я не так сильно расстроилась, как мне самой казалось. Дело в том, что какие-то другие наряды, которые вызывают грустные воспоминания, я больше не достаю, а этот костюм до сих пор ношу. Но сейчас мне нужно было переодеться в вечернее платье для участия в торжественном ужине, который нас ожидал после просмотра балетной постановки в Версальском дворце. Я направила президенту Миттерану сообщение, предупредив о том, что могу задержаться, и просила, чтобы они начинали вечер без меня.

Перед тем как отправиться в Версаль, я встретила со своей давней подругой Элиной Гловер, в доме которой в Швейцарии я провела столько восхитительных часов во время отпуска – она заехала из своей парижской квартиры, чтобы проводить меня. Мы поговорили буквально пару минут в консульской гостиной. Сопровождавшая ее служанка Марта сказала, что «на это указывали карты». Мне подумалось, что от Марты было бы больше проку в моей избирательной команде. В 20.00 я отбыла из консульства вместе с Питером Моррисоном, и машина на бешеной скорости промчала нас по пустынным улицам Парижа, расчищенным в ожидании двух президентов: Буша и Горбачева. Но мыслями я была в Лондоне. В моем представлении, у нас еще оставался шанс, если бы темпы кампании были удвоены и если бы все потенциальные сторонники подталкивали к борьбе за мою кандидатуру. Я твердила о необходимости этого, заостря особое внимание Питера: «Нам нужно побороться».

Минут через двадцать мы прибыли в Версаль, где меня ожидал президент Миттеран. «Мы никак не могли начать без вас!» – воскликнул президент и с неотразимой галантностью сопровождал меня во дворец так, словно я только что одержала победу на выборах, а не была на полпути к поражению. Можно было представить, что мое внимание было далеко от представления. Даже последовавший за этим торжественный ужин – как всегда запоминающееся событие за столом президента Миттерана – мне было трудно высидеть. Газетчики и фотографы ждали, когда мы будем расходиться, и особый интерес у них вызывала моя персона. Понимая это, Джордж и Барбара Буш, которые как раз собирались покинуть дворец, подхватили меня, чтобы я в их компании вышла наружу. Это было одним из тех небольших добрых жестов, которые напоминают о том, что даже силовая политика опирается не только на силу. Сейчас из Парижа велась подготовка к моему возвращению в Лондон. Я должна была присутствовать на церемонии подписания финального документа встречи в верхах, но отменила ранее запланированную пресс-конференцию, чтобы пораньше вернуться в Лондон. Была организована встреча с Норманом Теббитом и Джоном Уэйкхемом, и к ним позднее должны были присоединиться Кен Бейкер, Джон Макгрегор, Тим Рентон и Крэнли Онслоу. Тем временем проводились три исследования общественного мнения. Необходимо было поработать над моей избирательной кампанией: Норман Теббит должен был оценить поддержку членов парламентской фракции партии, Тим Рентон должен был сделать то же среди главных кнотов, а проводить агитационную работу в кабинете министров должен был Джон Макгрегор. Последняя задача фактически должна была войти в обязанности Джона Уэйкхема, но поскольку он готовился объявить о приватизации энергосбытовых компаний, он делегировал эту задачу Джону Макгрегору. Я понимала, что в это время в Лондоне остальные министры готовились отказаться от дальнейшей поддержки. Но первым признаком происходящего стало известие, поступившее на следующее утро из моей личной канцелярии: по моей просьбе они связались с Питером Лилли – ярким тэтчеристом, которого я назначила на пост министра торговли и промышленности, где он сменил Ника Ридли, – и попросили его помочь сделать наброски для речи, с которой я должна выступить в четверг на дебатах по вотуму недоверия. Очевидно, Питер ответил, что не видел в этом никакого смысла, поскольку положение у меня было незавидное. Услышав это из такого источника, я расстроилась так, что невозможно выразить словами. Все шло к тому, что все окажется еще ужаснее, чем можно было представить в самых кошмарных снах.

Я прибыла на Даунинг-стрит незадолго до полудня (в среду, 21 ноября). По предложению Питера Моррисона я согласилась провести по возвращении встречи с каждым членом кабинета министров по отдельности. Все было организовано для

этого, когда я уже вернулась в Лондон, где первые впечатления оказались обманчивыми. Персонал правительственной резиденции на Даунинг-стрит приветствовал меня аплодисментами, а один сторонник прислал тысячу красных роз, и в течение всего долгого дня букеты продолжали прибывать, так что по коридорам и лестницам было невозможно пройти из-за охапок цветов. Я прошла в свою комнату, чтобы увидеться с Дэнисом. Чувства никогда не заглушали честности между нами. Он отговаривал меня от участия во втором туре. «Не ходи туда, любимая,» – сказал он. Но интуиция мне подсказывала, что нужно продолжить борьбу. Мои друзья и сторонники рассчитывали на то, что я буду бороться, и ради них я должна была пойти дальше, пока оставался хоть один шанс на победу. Но правда ли, что он оставался? Через несколько минут я прошла в свой кабинет с Питером Моррисоном, и там к нам вскоре присоединились Норман Теббит и Джон Уэйкхем. Норман сказал, что было очень трудно понять, как распределялись голоса между членами партии, но многие были готовы пойти в поддержку моей кандидатуры до конца. Самым слабым мое положение оставалось среди министров кабинета. Целью должно было стать не допустить победы Майкла Хезелтайна, и, по мнению Нормана, у меня был хороший шанс добиться этого. В свою очередь, я не стала кривить душой. Я высказала мнение, что если бы мне удалось добиться полного урегулирования кризиса в Персидском заливе и снизить инфляцию, то у меня была бы возможность самой выбрать время для ухода с поста. Оглядываясь на прошлое, я понимаю, что это было некой кодовой фразой, которая давала им понять, что я собираюсь подать в отставку вскоре после следующих выборов. Но мы должны были проанализировать и другие возможности. Если победа Майкла Хезелтайна является невысказанной, кто действительно мог бы остановить его? Ни Норман, ни я не были уверены, что Дуглас смог бы выиграть у Майкла. Вдобавок, как бы высоко я ни ценила характер Дугласа и его способности, у меня были сомнения относительно его возможности продолжить тот политический курс, в который я верила. А для меня это было особо важным вопросом – и, безусловно, именно это соображение подтолкнуло меня к тому, чтобы благосклонно воспринять кандидатуру Джона Мейджора. Но что он? Если я отзову свою кандидатуру, смог бы он одержать победу? Его перспективы оставались в лучшем случае пока неопределенными. Итак, я сделала вывод, что продолжение борьбы для меня было бы верным вариантом.

Джон Уэйкхем сказал о необходимости задуматься о более широком совещании, которое должно было вскоре начаться. Мне нужно было подготовиться к участию в слушании аргументов относительно возможности того, что в случае моего вступления в борьбу я подвергнусь порицанию. В первый раз я заслушала аргументы в тот день, однако он был не последним. После этого мы с Норманом, Джоном и Питером направились в зал заседаний кабинета министров, где к нам присоединились Кен Бейкер, Джон Макгрегор, Тим Рентон, Крэнли Онслоу и Джон Мур. Кен открыл дискуссию, сказав, что ключевая проблема состояла в том, как остановить Майкла Хезелтайна. С его точки зрения, я была единственным человеком, кто мог бы это сделать. Дуглас Хёрд был крайне не согласен вести агитационную работу, и в любом случае он представлял старое крыло партии. Джон Мейджор смог бы привлечь больше поддержки: его взгляды находились в русле моего видения, и у него было мало недругов, однако ему недоставало опыта. Кен сказал, что для моей победы требовалось выполнение двух условий: серьезный пересмотр избирательной кампании и мое обещание радикально взглянуть на вопрос районного налога. Он отсоветовал проводить громкую кампанию с использованием средств

массовой информации. Затем Джон Макгрегор сообщил о том, что провел агитацию среди министров кабинета, а те, в свою очередь, дали консультации парламентским заместителям по линии своих ведомств. Он сказал, что было очень большое количество министров, которые вполне могли переменить свои убеждения, но коренной проблемой являлось то, что они не верили в мой конечный успех. Они были обеспокоены тем, что, оказывая мне поддержку, подрывали свое положение. На самом деле, как я узнала впоследствии, это не давало полного представления о реальном положении дел. Джон Макгрегор выявил значительное меньшинство кабинетных министров, поддержкой которых нельзя было заручиться наверняка: либо по причине их реального желания моей отставки, либо в силу их искренней уверенности в том, что мне не удастся вырвать победу у Майкла Хезелтайна, либо из-за предпочтения альтернативного кандидата. Он не мог открыто сообщить эту информацию в присутствии Тима Рентона, а тем более Крэнли Онслоу, и не обратился ко мне с этими данными заранее. Это было важно, ведь если бы мы представили реальную картину чуть раньше, мы бы дважды подумали, прежде чем просить каждого министра в отдельности оказать поддержку.

Обсуждение продолжалось. Тим Рентон выдал, по своему обыкновению, неутешительную оценку. Он сообщил, что в офис главного организатора парламентской фракции поступило множество сообщений от заднескамеечников и министров: там говорилось о том, что мне следовало отказаться от участия в конкурсе. Все они выражали сомнение в том, что я могла одержать победу над Майклом Хезелтайном, и хотели выдвижения кандидата, вокруг которого сплотилась бы партия. Затем он сказал, что Уилли Уайтлоу просил о встрече с ним. Уилли был обеспокоен тем, что во втором голосовании я могу подвергнуться порицанию – как трогательно, что столько людей вокруг переживало относительно того, не будут ли меня порицать, – и еще он боялся, что даже в случае моей победы с небольшим перевесом сплотить партию мне будет непросто. Он не хотел, чтобы ему была отведена роль серого кардинала. Но, если бы его попросили, он бы пришел на встречу со мной в качестве друга. Крэнли Онслоу сказал, что комитет не давал ему послания о том, что мне следовало бы покинуть пост – скорее дело обстояло наоборот; они также не хотели передавать послания Майклу Хезелтайну. В сущности, учитывая, что предстояло голосование и результаты его были неясны, «Комитет-22» объявлял о своей нейтральной позиции. Крэнли выразил собственное мнение, что качество администрации под руководством Хезелтайна отличалось бы в худшую сторону по сравнению с качеством управления действующей администрации. Что касается вопросов, то он не был уверен, что взгляд на Европу являлся главной проблемой. Большинство людей волновалось относительно районного налога, и он надеялся, что в этом вопросе можно было бы значительно продвинуться. Я вставила краткую реплику о том, что за пять дней вряд ли сотворю чудеса, доставая кроликов из шляп. Джон Макгрегор меня поддержал: сейчас я не могла с той же уверенностью пообещать радикальный пересмотр принципа районного налога, каким бы удобным ни казался такой ход. Джон Уэйкхем сказал, что важнейшим вопросом являлось то, можно ли было найти кандидата с более высокими шансами одержать победу над Майклом Хезелтайном. Но никаких признаков этого он не видел. Соответственно, все сводилось к необходимости укрепить мою избирательную кампанию. Кен Бейкер и Джон Мур высказали свои мнения относительно тех, кого мне нужно было убеждать. Кен отметил, что люди, опасавшиеся моего провала, являлись моими наиболее последовательными сторонниками – это люди, такие как Норман Ламонт, Джон Гаммер, Майкл Хауард и Питер Лилли. Джон Мур подчеркнул,

что для успеха мне потребуется от министров, в частности от младших министров, полная готовность поддержать мою кандидатуру. Под конец обсуждения явился Норман Теббит. Он считал, как и Крэнли, что в гонке за лидерство вопрос Европы был менее актуален: районный налог – вот единственный важнейший вопрос политики, по которому Майкл делал предвыборные обещания, вызвавшие особую благосклонность у членов партии в северо-западных округах. Несмотря на это, Норман решительно заявил, что я могу собрать больше голосов против Майкла, учитывая, что большинство высокопоставленных коллег склонялись в мою сторону. Я подвела итог совещанию, сказав, что обдумаю все, что было высказано в его ходе. Оглядываясь на прошлое, я понимаю, что эти совещания ослабили мою решимость приступить к действию. Но я пока еще склонялась к тому, чтобы продолжить борьбу. При этом я была убеждена, что решение будет принято на совещании с коллегами из кабинета министров, которое должно было состояться в тот вечер. Но до этого я должна была выступить в палате общин с заявлением о решениях, принятых на встрече в верхах в Париже. На выходе из правительственной резиденции на Даунинг-стрит я выкрикнула собравшимся на улице журналистам: «Я продолжаю борьбу, я борюсь за победу», – и интересно, что позднее в новостях я выглядела гораздо увереннее, чем чувствовала себя на самом деле.

Выступление с заявлением было непростым испытанием – но только не для представителей оппозиции. Всех больше интересовали мои намерения, а не то, что я скажу. После выступления я вернулась в свой кабинет в палате общин, где меня встретил Норман Теббит. Настало время – пожалуй, давно настало – лично заручиться поддержкой в отношении моей борьбы за лидерство. Мы с Норманом прошли в чайную комнату палаты общин, чтобы там пообщаться. Я раньше не ощущала ничего подобного этой атмосфере. То и дело приходилось выслушивать: «Майкл два или три раза просил меня проголосовать за него. С вами мы увиделись впервые». Члены партии, которых я долгие годы хорошо знала, казалось, были загипнотизированы лестью и обещаниями Майкла. По крайней мере такой была моя первая реакция. Потом я поняла, что многие из них являлись моими сторонниками, недовольными тем, что агитационная работа перед выборами была вялой. Это было некое чувство безысходности из-за того, что мы, по всей вероятности, опустили руки. Я вернулась в свой кабинет. Сейчас у меня не было иллюзий относительно всей серьезности положения. Если и была надежда, то она заключалась в том, чтобы перевести всю кампанию на новые рельсы, несмотря на такой поздний этап. Соответственно, я попросила Джона Уэйкхема, который, по моему мнению, обладал авторитетом и знаниями для этого, взять эту ответственность на себя. Он согласился, хотя сказал, что ему понадобятся помощники: после взрыва в Брайтоне он так до конца и не восстановил физическую форму. Поэтому он собирался попросить Тристана Гарела-Джонса и Ричарда Райдера (оба принимали непосредственное участие в кампании за пост лидера 1989 года) стать его главными помощниками. Также я провела встречу с Дугласом Хердом и официально попросила выдвинуть мою кандидатуру во второй тур голосования. Он согласился без раздумий и проявив благосклонность. Затем я позвонила домой Джону Мейджору. Я сказала ему, что решила снова выдвинуться и что Дуглас собирался внести мою кандидатуру на рассмотрение. Я попросила Джона поддержать выдвижение моей кандидатуры. Повисла секундная пауза. Явно ощущалось замешательство. Джон, вне всяких сомнений, чувствовал себя плохо после удаления зуба мудрости. Потом он сказал, что согласен, раз я так хотела. Уже позднее, когда я агитировала своих

сторонников голосовать за кандидатуру Джона на посту лидера партии, я настаивала на том, чтобы он не испытывал сомнений. Но мы оба знали, как все было в реальности. Затем я отправилась в Букингемский дворец на аудиенцию у королевы, в ходе которой я проинформировала ее, что буду выдвигать свою кандидатуру на второй круг голосования, и действительно все еще была намерена сделать это. Когда я вернулась к себе в кабинет в палате общин, я собиралась встретиться с членами кабинета министров по отдельности. Безусловно, можно было активнее поработать с заднескамеечниками, чтобы убедить их напрямую поддержать меня в ходе второго голосования. Но после прошлых совещаний я была полна решимости значительно мобилизовать министров кабинета, чтобы они не только выразили формальную поддержку, но и провели бы агитацию и убедили младших министров и заднескамеечников поддержать меня на выборах. Впрочем, обращаясь к ним с просьбой о поддержке, я оказывалась зависимой от них. Если значительное число коллег из кабинета министров не подтвердили бы свою приверженность, то впоследствии этот факт невозможно было бы скрыть. Мне вспомнилось, как Черчилль, в бытность его премьер-министром, жаловался главному кнуту, что разговоры в парламентской фракции партии о его отставке – Энтони Иден вскоре сменит его на этом посту – являлись подрывом его авторитета. Утратив такой авторитет, он не мог быть действующим премьер-министром.

В равной степени положение премьер-министра, которому известно о том, что его кабинет министров отказался поддержать его кандидатуру, будет подорвано без возможности восстановления. Я знала – и, уверена, они также знали, – что ни на час не задержусь на Даунинг-стрит, если лишусь реального авторитета для управления страной. С Сесилом Паркинсоном мы уже виделись, когда я вернулась из чайной комнаты. Он сказал, что мне нужно оставаться в гонке, что я могу рассчитывать на его безоговорочную поддержку, а также, что борьба будет упорной, но я смогу вырвать победу. Ник Ридли, кто больше не являлся членом кабинета министров, но чья фигура обладала более чем внушительным весом, также заверил меня в своей абсолютной поддержке. Кен Бейкер дал мне понять о своей полной приверженности моим принципам. Лорд-канцлер и лорд Белстит (лидер палаты лордов) являлись не самыми значительными игроками в этом матче. А менеджером моей компании был Джон Уэйкхем. Но со всеми остальными я собиралась встретиться в своем кабинете в палате общин. В течение последующих двух или трех часов в кабинет по одному заходили министры кабинета, присаживались на диван напротив меня и высказывали свои соображения. Почти все до единого придерживались одинаковой формулировки. Что они сами поддержали бы меня, но, к сожалению, не верили в мою победу. На самом деле, как я прекрасно понимала, в комнатах подальше от коридоров, ведущих к кабинету министров в палате общин, прямо над моим кабинетом, они лихорадочно обсуждали, что же им следовало говорить. Как все политики, оказавшиеся в затруднительной ситуации, они выработали линию, которой должны были придерживаться во что бы то ни стало. После трех-четырёх собеседований у меня сложилось ощущение, что я могла почти раньше их сказать то, что они еще только собирались произнести. Но все же, каким бы монотонным ни казался их хор, настрой и человеческая реакция тех, кто пришел в мой кабинет тем вечером, характеризовались резким контрастом. Мой первый правительственный посетитель вообще не входил в состав кабинета министров. Фрэнсис Мод, сын Ангуса Мода, государственный министр иностранных дел, к которому я относилась как к надежному стороннику, сказал, что горячо поддерживает все те принципы, в которые я верила, что неизменно будет поддерживать меня, но он не

уверен, смогу ли я добиться победы. Он ушел в состоянии какой-то безысходности, да и меня не слишком подбодрил. Затем вошел Кен Кларк. У него была решительная манера – этакая брутальность, которую он культивировал – сообщать откровенно неприятные вещи с видом друга. Он сказал, что эта методика смены премьер-министров была фарсом и что он лично был бы рад меня поддержать еще на один пятилетний срок и даже на два. Однако большинство членов кабинета считали, что мне следовало отозвать свою кандидатуру. В противном случае это могло бы привести не только к моему поражению: это могло стать «проигрышем подчистую», ведь в этом случае бразды правления партии достанутся Майклу Хезелтайну, и в конце концов в рядах консерваторов произойдет раскол. Поэтому следовало снять с Дугласа и Джона обязательства по отношению ко мне как к лидеру, чтобы у них была возможность выдвинуть свои кандидатуры, так как у них обоих шансы были гораздо выше, чем у меня. Это позволило бы воссоединить костяк партии.

Вопреки упорным слухам, Кен Кларк ни в коем случае не грозился подать в отставку. Мой следующий посетитель – Питер Лилли был явно смущен. Он надлежащим образом объявил, что поддержит меня, если я выдвину кандидатуру, но не мог представить себе, что я одержу победу. Нельзя было допустить, чтобы Майкл Хезелтайн стал лидером партии, иначе это бы угрожало результатам, достигнутым за все время моего руководства. Единственным способом избежать этого было освободить дорогу для Джона Мейджора. Безусловно, я не была настроена оптимистично относительно Кена Кларка и Питера Лилли, при этом по совершенно разным причинам. Но своего следующего посетителя – Малкольма Рифкинда – я заранее не брала в расчет. После отставки Джеффри, Малкольм являлся, пожалуй, самым резким критиком, направлявшим свои выпады против меня в кабинете министров, и в этот раз не стал уменьшать накал своей критики. Он напрямик сказал, что мне не видать победы и что у Джона или у Дугласа могло бы получиться. Но даже Малкольм публично не высказался против моего лидерства. Когда я спросила его о том, могу ли я заручиться его поддержкой, в случае если я выдвину свою кандидатуру, он ответил, что он бы подумал об этом. Конечно же он дал заверения в том, что не будет участвовать в кампании против меня. Я мысленно поблагодарила Всевышнего за небольшие милости. Как же приятно было, выслушав столько сочувственных *слов*, побеседовать с Питером Бруком. Он как обычно излучал обаяние и был внимательным и преданным. По его словам, он готов был оказать мне полную поддержку, как бы я ни поступила. Находясь в Северной Ирландии, он был не в курсе парламентских мнений и сам не мог авторитетно оценивать перспективы моего правления. Но он был уверен, что я могла бы одержать победу, если бы пошла напролом во всеоружии. Могла ли я добиться победы, если не чувствовала себя во всеоружии? Я уже сама начала сомневаться в успехе. Следующим явился Майкл Хауард – еще один деятель с растущей популярностью, разделявший мои убеждения. Его версия лейтмотива, которого придерживались другие члены кабинета министров, была в целом более строгой и обнадеживающей. Хотя он и сомневался в перспективах моего лидерства, он лично не только поддерживал меня, но и готов был вести активную агитационную работу. Затем прибыл Уильям Уолдергрейв, которому я совсем недавно предоставила кресло в кабинете министров. Уильям очень прямолинейно заявил, что было бы позорным получить место в моем правительстве, чтобы через три недели отказать мне в поддержке. Он был намерен голосовать за мою кандидатуру. Но у него были дурные предчувствия относительно исходов этого голосования. Если корпоративная политика возьмет

верх, это будет катастрофой – иными словами, это означало, что нужно было сдерживать натиск Майкла Хезелтайна. В этот момент я получила записку от Джона Уэйкхема, который срочно хотел со мной переговорить. По всей вероятности, ситуация была значительно хуже, чем он думал. Меня это ничуть не удивило. Едва ли она была лучше и учитывая мое нынешнее положение. Затем ненадолго зашел Джон Гаммер. Он произнес шаблонную фразу о готовности меня поддержать, в случае если я решу участвовать в гонке за лидерство, но как друг хотел меня предостеречь, что мне следовало бы уступить дорогу и открыть возможности Джону и Дугласу для выдвижения. После Джона Гаммера был Крис Паттен. Крис был деятелем левого толка. Поэтому я вряд ли могла пожаловаться, когда он сказал, что окажет поддержку, но меня ждет провал и все в том же духе. Но даже в мелодраматических повествованиях бывают светлые моменты, даже в «Макбете» есть сцена привратника. Так и у меня теперь состоялась короткая беседа с Аланом Кларком, заместителем министра обороны, любезным другом, заглянувшим ко мне, чтобы поддержать обнадеживающим советом, что мне нужно было бороться любой ценой. К сожалению, потом он начал спорить, что мне нужно идти до конца, даже несмотря на то, что я была обречена на неуспех, так как лучше было выйти с блеском из славного поражения, чем тихо отойти от дел.

Мне никогда особо не нравились вагнеровские концовки, так что проблеск хорошего настроения был недолгим. Но я была рада, что кто-то однозначно был на моей стороне даже в поражении. Тут внезапно появились Джон Уэйкхем и Кен Бейкер с плохими известиями. Джон сказал, что сейчас он сомневается, смогу ли получить поддержку кабинета министров. Это отвечало всему тому, что мне пришлось выслушать до этого. Также он добавил, что попробовал собрать избирательную команду, но даже этого у него не получилось. Я уже примирилась с мыслью, что иду в бой не с эскадрой летучих гусар, чтобы ждать от них беззаветной преданности своему главнокомандующему; но все же меня поразило отсутствие готовности у Тристана Гарел-Джонса и Ричарда Райдера стать помощниками Джона из-за неверия в успех моей кампании. Как в личном, так и в политическом отношении было тяжело принять то, что Ричард, прошедший все эти годы в правительстве вместе со мной как политический секретарь и получивший с моей незначительной помощью быстрое продвижение по служебной лестнице, мог удариться в дезертирство при первом же свисте картечи. Кен Бейкер перешел к докладу и сообщил, что положение ухудшилось с тех пор, как мы побеседовали утром. Он выявил 10–12 человек из числа членов кабинета министров, которые считали, что у меня не получится собрать голоса. А раз эти люди так думали, то одного энтузиазма было мало для того, чтобы выиграть битву. Но он все равно был убежден, что я должна продолжать борьбу. Но он поддержал предложение Тома Кинга о том, что мне нужно было дать обещание снять с себя полномочия после Рождества в случае победы. Смысл был в том, что так у меня была бы возможность повлиять на урегулирование кризиса в Персидском заливе. Принять это я не могла: к тому времени я утрачу авторитет и мне потребуются невероятные силы для предстоящих сражений в Европейском сообществе. После ухода Джона и Кена зашел Норман Ламонт и выдал те же общие фразы. Ситуация, по его словам, была непоправимой. Все, чего мы смогли добиться в вопросах промышленности и Европы, будет поставлено под удар в случае победы Майкла Хезелтайна. Напрашивалась коронная реплика комика Робертсона Хэра «О, несчастье». Тут явился Джон Макгрегор и несколько запоздало принес известие о том, что я лишилась поддержки кабинета министров, и признался, что ему не представился подходящий момент, чтобы сказать это раньше.

Том Кинг произнес стандартную фразу, хотя и с большей теплотой, чем большинство. В дополнение к сказанному он озвучил идею, продвигаемую Кеном Бейкером, что мне следовало бы внести предложение об уходе с поста, назначив конкретную дату в будущем. Я отклонила это, но была благодарна за возможность отвлечься от мрачных мыслей. Учитывая обстоятельства, для меня стал большим утешением визит Дэвида Уоддингтона, вошедшего в кабинет и устроившегося на диване. Передо мной сидел преданный, но, как я сразу поняла, подавленный горем друг. Дэвид сказал, что желает мне победы и поддерживает, но не может гарантировать перевес. Когда он выходил из моего кабинета, у него в глазах стояли слезы. Последней в очереди была встреча с Тони Ньютоном, который, хоть явно волновался, более или менее смог выдержать согласованную линию. У него не было надежды, что я могу выиграть кампанию и далее в том же духе. Теперь уже и у меня не оставалось никакой надежды. Снова зашел Джон Уэйкхем с уточненными сведениями относительно того, что уже сообщил раньше. Поддержка кабинета министров растаяла.

Моего влияния не хватило даже для того, чтобы собрать эффективную избирательную команду. Все было кончено. Не хотелось глядеть на белый свет. Я могла бы пережить несогласие оппонентов и возможных противников и даже испытывала уважение к ним за это, но мне было нестерпимо тошно от дезертирства тех, кого я всегда считала друзьями и сторонниками, и от расплывчатых фраз, облекавших их предательство в форму доброго совета якобы из-за беспокойства о моей судьбе. Я продиктовала тезисное заявление о своей отставке, которое должно было быть оглашено не следующее утро на совещании кабинета министров. Но я сказала, что хочу вернуться в правительственную резиденцию, чтобы поговорить с Дэнисом, прежде чем принять окончательное решение. Я собиралась уходить, когда прибыл Норман Теббит в сопровождении Майкла Портильо. Майкл занимал кресло государственного министра по вопросам окружающей среды, и в его ведомстве находились вопросы местных органов управления и районного налога. Он, безусловно, являлся приверженным сторонником тех принципов, которые мы отстаивали. Он пытался убедить меня в том, что кабинет министров неверно истолковывал ситуацию, что меня ввели в заблуждение и что, начав решительную кампанию, можно было выравнивать положение. Если б у людей из высшего света была хотя бы толика такого настроения, безусловно, все можно было бы исправить. Но его то как раз и не было. Затем в мой кабинет прибыла делегация еще одних лоялистов из числа членов партии, входивших в объединение «Группа-92»: Джордж Гардинер, Джон Таунэнд, Эдвард Ли, Крис Чоуп в сопровождении ряда других лиц. Они высказались приблизительно в том же духе, что и Майкл. Я была чрезвычайно признательна им за поддержку и теплые чувства и ответила, что подумаю о возможных шагах. После этого я наконец вернулась на Даунинг-стрит. Я прошла к себе в комнату, чтобы увидеть Дэниса. Мало что можно было сказать, но он меня утешил. Он до этого уже дал свой собственный вердикт – как оказалось, верный. Через несколько минут я спустилась в зал заседаний кабинета министров, чтобы приступить к работе над речью, с которой должна была выступать на следующий день во время дебатов по вотуму недоверия. Моя личная канцелярия уже подготовила черновую редакцию, разработанную под влиянием самых разных обстоятельств. Норман Теббит и – по той или иной причине – Джон Гаммер вызвались помочь и зашли в комнату. Это было прискорбное занятие. Мне то и дело приходилось смахивать набегавшую слезу, так как у меня шемило сердце от масштабов произошедшего. Мы засиделись допоздна и еще работали, когда вернулся Майкл Портильо с двумя партийцами, в ком была жива надежда: Майклом Форсайтом и Майклом Фэллоном. Им отказали

в приеме, поскольку я была полностью погружена в работу по составлению речи. Но когда мне доложили, что их не приняли, я ответила, что конечно же готова встретиться с ними, и их пригласили прийти ко мне снова. Они прибыли около полуночи и тщетно пытались убедить меня, что еще не все потеряно. Перед тем как отправиться спать, я особо подчеркнула необходимость того, чтобы до истечения срока подачи заявок у Джона Мейджора были готовы собственные документы о выдвижении кандидатуры, если я действительно откажусь участвовать в выборах. Также я сказала, что хотела бы отложить до завтра решение о своей отставке, как я обычно поступала со всеми важными вопросами, прежде чем окончательно решить их. Утром, в 7.30 следующего дня – в четверг, 22 ноября, – я вызвала к телефону Эндрю Тернбулла и сообщила о том, что приняла окончательное решение подать в отставку. Личная канцелярия приступила к осуществлению плана, который был согласован для моего участия в аудиенции у королевы. Питер Моррисон позвонил Дугласу Хёрду и Джону Мейджору, чтобы проинформировать их о моем решении. Также были поставлены в известность Джон Уэйкхем и Кен Бейкер. Я откорректировала текст заявления для прессы, которое нужно было опубликовать в первой половине дня, провела получасовой брифинг с Бернардом, Чарльзом и Джоном касательно сессии вопросов парламентариев в палате общин, а затем около 9 часов спустилась в зал заседаний, чтобы провести последнее совещание кабинета министров в качестве председателя. Обычно в приемной зала заседаний министры стояли группами, препираясь и обмениваясь шутками. В этот раз здесь стояла тишина.

Они разошлись по всему залу вдоль стен, не зная, куда спрятать от меня глаза. Вышла небольшая задержка: машина с Джоном Макгрегом оказалась в пробке. Затем кабинет министров в полном составе, все в том же молчании, вошел в зал заседаний. Я сообщила, что готова сделать заявление. И я зачитала его:

«После проведения широких консультаций со своими коллегами я заключила, что для единства партии и возможности перспективы победы на всеобщих парламентских выборах было бы лучше, если бы я отказалась от участия в выборах партии, чтобы открыть возможность членам кабинета министров включиться в голосование за лидерство. Я бы хотела поблагодарить как кабинет министров, так и членов партии – всех, кто оказал мне такую твердую поддержку».

После этого лорд-канцлер огласил заявление, в котором выражал благодарность мне как руководителю: с согласия министров это было включено в протокол собрания. По большей части весь этот день и последующие несколько дней я чувствовала себя так, словно потеряла почву под ногами: реальности происходящего совсем не ощущалось. Порой меня охватывали эмоции в связи с этими событиями, и мне не удавалось сдерживать слезы. Как раз одним из таких тяжелых моментов стало чтение благодарственного письма лорд-канцлера. Когда он закончил читать и ко мне вернулось самообладание, я сказала о том, что большую важность имело объединение правительства в защиту тех принципов, в которые мы верили. И именно это явилось причиной моего самоотстранения. Кабинет министров должен объединиться, чтобы поддержать человека, который с большей вероятностью одержит победу над Майклом Хезелтайном. Отказываясь от поста лидера, я даю дорогу другим для выдвижения: тем, кто не ощущает бремени озлобленности экс-министров, когда-то отстраненных от дел. Сплоченность рядов партии была жизненно необходимой. И сколько бы ни нашлось коллег, готовых выдвинуть свою кандидатуру: один, два или три, – важно, чтобы кабинет министров сохранил единство и выразил поддержку тем, кого бы они ни предпочли, в духе единства. Кен Бейкер

от лица партии, а затем и Дуглас Херд как старший член кабинета министров выступили со своими краткими благодарственными речами. У меня больше не было мочи выносить все это, и из-за опасений, что полностью утрачу самообладание, я закрыла обсуждения, выразив надежду, что смогу предложить новому лидеру абсолютную и твердую поддержку. Затем был десятиминутный перерыв на протокольные звонки в секретариаты спикера, лидера оппозиции и лидера либеральной партии (до Джима Молино, лидера юнионистов, не удалось дозвониться), а в 9.25 соответствующим образом было опубликовано заявление. Затем заседание кабинета возобновилось. Тут все было почти как обычно. Различные вопросы: от таких банальных, как безуспешное совещание рыболовных предприятий, загубленное неграмотным итальянским председательством, и до тех, которые имели наиболее важное значение, таких как решение об увеличении наших сил в Персидском заливе с помощью отправки второй бронетанковой бригады. Мне кое-как удалось вникнуть во все подробности, и около 10.15 заседание кабинета министров официально закончилось. Но я предложила министрам задержаться. Было утешительно более или менее нормально побеседовать за кофе о том, что больше всего занимало наши мысли, а именно, о вероятных результатах второго голосования.

После заседания кабинета министров я подписала личные послания президентам Бушу и Горбачеву, главам правительств Европейского сообщества и «Большой семерки», а также ряду лидеров стран Персидского залива. Дуглас и Джон теперь спешно собирали собственные кампании: они оба решили выдвинуть свои кандидатуры для голосования. Затем я поработала над текстом своего выступления на дебатах, которые должны были состояться во второй половине дня. Начиная с этого момента, тот тяжкий груз, который ранее обрушился на меня, становился все менее ощутимым. Дебаты по вотуму недоверия могли стать трудным испытанием, если бы я продолжила борьбу, когда такое большое число членов кабинета министров, младших министров и заднескамеечников было настроено против моего партийного руководства. Теперь же, после объявления о своем уходе, я вновь могла опереться на единую поддержку партии тори. Теперь это были бы «розы, розы вдоль пути». [Прим, перев.: Цитата из стихотворения английского поэта Роберта Браунинга «Патриот».] И поскольку это должно было стать моим последним крупным парламентским выступлением в качестве премьер-министра, я была намерена защитить успехи, достигнутые за последние одиннадцать лет, в соответствии с духом той борьбы, в которой мне удалось отстоять их. После краткой аудиенции у королевы я вернулась в правительственную резиденцию, чтобы пообедать. Мы с персоналом из моего обслуживания подняли бокалы и выпили у меня в рабочем кабинете. Я вдруг осознала: им ведь тоже пришлось задуматься о своем будущем, – и сейчас, и позднее я была почти так же готова утешить их, как и они старались утешить меня. Крофи начала собирать вещи. Джой разбирал незавершенные текущие дела. Дэнис освобождал свой рабочий стол. Но я не стала отказываться от обычного инструктивного совещания для подготовки к сессии вопросов парламентариев и приблизительно в 14.30 отправилась в палату общин.

Британскую внутривнутриполитическую борьбу невозможно понять, если четко не представить себе обустройство палаты общин. Палата общин – это не просто еще один законодательный орган. В особых случаях, неведомо каким образом, она превращается в средоточие национального настроения. Как позднее подтвердится в комментариях новостных газет и в воспоминаниях, присутствовавших на этой сессии, не у меня одной было ощущение накала страстей в этот день. И, казалось, словно эта самая напряженность, смешавшись с чувством облегчения оттого, что

моя великая борьба против превосходящего по силам неприятеля завершена, придала крылья моим словам. В ходе ответов на вопросы парламентариев моя уверенность стала постепенно расти. Затем я опустилась на свое место, чтобы перевести дух и выслушать, как Нил Киннок зачитает свое вступительное слово перед началом дебатов по вотуму недоверия. Мистер Киннок за все те годы, что он находился на посту лидера оппозиции, еще ни разу меня не подводил. Его речь звучала насквозь фальшиво. То, с чем он выступал в этот раз, еще можно было бы воспринять, если бы я объявила о намерении продолжить борьбу и выдвинуть свою кандидатуру для второго голосования. Это была полная штампов партийная демагогия. Данью великодушью, которое ощущаюсь в палате общин в подобных случаях (и о котором его же заднескамеечник, Деннис Скиннер, деятель не из числа «умеренных» и мой давний оппонент в прениях, как раз собирался напомнить в реплике с места, впоследствии ставшей крылатой), могло стать явно нарастающее смущение на скамьях тори. Наверное, все сказанное им могло меня обезоружить и подорвать контроль, благодаря которому мне еще кое-как удавалось сдерживать срывающиеся эмоции. Но, напротив, ему удалось передать мне и тем, кто сидел на скамьях у меня за спиной, свое собственное партийное исступление и тем самым укрепить вновь обретённое единство тори – что, учитывая обстоятельства, являлось замечательным «достижением». Речь, которую я собиралась после него произнести, поднявшись со своего места, сегодня не значит в «хансарде» как блещущая особыми ораторскими приемами. [Прим, перев.: «Хансард» на английском политическом жаргоне означает официальный отчет о заседаниях парламента.] Это защитное слово в адрес достижений правительства, которое по каждому пункту отвечает на нападки оппозиции и которое опирается скорее на результаты работы отдела исследований консервативной партии, нежели на труды Берка.

Впрочем, во время его оглашения я воспринимала каждую фразу так, словно давала свидетельские показания на суде истории. Я говорила, как будто в последний раз в жизни, а не в последний раз на посту премьер-министра. И эта убедительность была настолько сильной, что произвела впечатление на палату общин. После обычных партийных перепалок с любителями позубоскалить из рядов оппозиции, я еще раз сформулировала свой принцип относительно Европы и напомнила о значительных изменениях, произошедших в мире со дня моего прихода на Даунинг-стрит. Я сказала: «Десять лет назад восточная часть Европы находилась под тоталитарным гнетом, и ее народы не ведали ни прав, ни свобод. Сегодня мы имеем дело с Европой, где принципы демократии, верховенство права и основные права человека распространились еще дальше; где исчезла угроза нашей безопасности со стороны несметных вооруженных сил организации Варшавского договора; где разрушена Берлинская стена и где почти закончилась «холодная война». Эти глубокие перемены произошли не сами собой. Они были достигнуты благодаря мощи и численности сил обороны, а также благодаря отказу поддаваться на запугивание. Не найдется никого в восточной части Европы, кто бы не верил в то, что их страны смогли выйти из подневольного положения, если бы не западные правительства, которые с готовностью защищали свободу и которые сохраняли в людях надежду, что в один прекрасный день Восточная Европа заживет вольготно».

В завершении выступления я напомнила об участии в войнах на Фолклендах и в Персидском заливе – последняя должна была вот-вот разразиться: «И можно почувствовать еще кое-что. Это чувство, что у этой страны есть предназначение: и вековая история, и опыт свидетельствуют о том, что когда нужно отстаивать принципы, когда нужно встать на защиту добра и когда нужно одержать победу над злом –

Британия возьмется за оружие. Потому что мы, со своей стороны, никогда не уклонялись от трудных решений, благодаря которым сегодня эта палата общин и эта страна могут положиться на нынешнее правительство».

Таким было мое защитное слово в адрес достижений правительства, которое я возглавляла в течение одиннадцати с половиной лет, которое я привела к победе на трех выборах подряд, которое запустило *новую* волну экономической свободы, которое влияло на формирование нынешнего облика стран от восточной части Европы и до Австралии, которое восстановило репутацию Британии как силы, с которой считаются во всем мире и которое в тот самый момент, когда наша историческая победа в «холодной войне» была закреплена решением, сделанным на конференции в Париже, решило больше не полагаться на мои услуги. Я опустилась на место под одобрительные возгласы коллег: придерживавшихся слабой позиции и придерживавшихся сильной позиции, сторонников и оппонентов, приверженцев и малодушных, – весь этот хор продолжал звенеть у меня в ушах, а я задумалась о том, чем бы мне хотелось заняться дальше. Но оставалась еще одна обязанность, которую я должна была исполнить: убедиться, что моим преемником станет Джон Мейджор. Мне хотелось – пожалуй, нужно было – верить в то, что он являлся тем человеком, который сможет сохранить и защитить мое наследие. Поэтому я с некой тревогой восприняла информацию о том, что некоторые из моих друзей надумали голосовать за Майкла Хезелтайна. Они сомневались в той роли, которую сторонники Джона Мейджора, такие как Ричард Райдер, Питер Лилли, Фрэнсис Мод и Норман Ламонт, сыграли в моем отстранении от власти. Им также казалось, что Майкл Хезелтайн, несмотря на все его недостатки, был влиятельной фигурой и смог бы взяться за дело, как и следовало лидеру. Я сделала все, что было в моих силах, чтобы разубедить их в этом. В большинстве случаев мне это удалось. Но до этого я провела последний свой уик-энд в правительственной резиденции в Чекерсе. Я прибыла туда вечером в субботу, выехав сразу после довольно веселого семейного застолья в кругу друзей на Даунинг-стрит, 10. В первой половине дня в воскресенье мы с Дэнисом отправились на службу в церковь, а Крофи была занята закидыванием в «рейндж-ровер» шляпок, книг и всевозможных вещичек, которые должны были доставить в наш дом в лондонском Далвиче. Герсонс отвез наши крупные вещи. Мы с Дэнисом устроили для персонала в Чекерсе фуршет, чтобы попрощаться и поблагодарить за их доброе отношение в течение всех этих лет. Мне нравилось в Чекерсе, и я знала, что мне его будет не хватать. Я решила, что мне хотелось бы напоследок обойти весь дом еще раз, и мы прошли по комнатам с Дэнисом, пока тусклый свет зимнего солнца не сменился вечерними сумерками. С момента, как я объявила о своем уходе, фокус общественного внимания конечно же переместился на другой вопрос, кто станет моим преемником на этом посту. Я сделала все, что было в моих силах, чтобы собрать поддержку в пользу Джона, не объявляя публично о том, что хотела бы, чтобы он одержал победу. Но впрочем, примерно к этому моменту я поняла, что ситуация сложилась несколько двусмысленная. С одной стороны, естественно, он стремился привлечь на свою сторону тех, кто поддерживал меня. С другой стороны, его кампания стремилась сделать особый упор на том, что Джон был «своим в доску». Шутка – в контексте замечаний относительно Персидского залива – о том, что якобы я хорошо умею «давать водителю советы с заднего кресла», спровоцировала вспышку раздражения в лагере сторонников Мейджора. К сожалению, именно так обстояли дела и такими же были перспективы. Я все же искренне обрадовалась, узнав о результатах выборов: Джон Мейджор – 185 голосов, Майкл Хезелтайн – 131 голос и Дуглас Херд – 56 голосов.

Формально у Джона не доставало двух голосов, но Дуглас и Майкл сразу объявили о том, что готовы поддержать его в третьем голосовании. Он фактически стал новым премьер-министром. Я поздравила его и присоединилась к празднованиям на Даунинг-стрит. Но я не задержалась там долго: это был его вечер, а не мой. В среду, 28 ноября, был моим последним днем в должности. Все вещи были почти что собраны. Рано утром я прошла из своей комнаты в кабинет, чтобы взглянуть напоследок, не забыли ли там что-нибудь. Я была потрясена, обнаружив, что не могу туда попасть: ключа уже не было в связке. В 9.10 я вышла в прихожую. (Я должна была отправиться вскоре в Букингемский дворец на последнюю аудиенцию у королевы.) Как в день моего первого прибытия, здесь собрался весь персонал резиденции на Даунинг-стрит, 10. Я пожала руки своим личным секретарям и остальным, с кем я близко познакомилась за все эти годы. Некоторые плакали. Я пыталась сдерживать у себя слезы, но они полились сами собой, пока я спускалась по лестнице в зал вдоль аплодировавших мне людей, провожавших меня с должности – в точности как одиннадцать с лишним лет назад, когда они приветствовали меня, поздравляя с вхождением в должность. Перед тем как выйти, я задержалась, встав под руки с Дэнисом и Марком, чтобы собраться с мыслями. Крофи вытерла у меня со щеки след от туши – видимо, одной слезинке все-таки удалось пролиться без моего ведома. Двери распахнулись навстречу журналистам и фотографам. Я прошла к стойке с микрофонами и огласила короткое заявление, которое заканчивалось такими словами: «Теперь настало время, чтобы открыть новую главу, и я желаю Джону Мейджору всего самого наилучшего. Он прекрасно послужит на благо дела, и у него есть задатки сильного премьер-министра, которым, я уверена, он станет в ближайшем будущем».

Я помахала на прощание рукой и села в машину рядом с Данисом всегда рядом... Автомобиль понес нас прочь от журналистов и полицейских через высокие кованые ворота на Даунинг-стрит, прочь от красных телефонных будок и парламентских вопросов, встреч в верхах и партийных конференций, бюджетов и коммюнике, зала совещаний и прямых правительственных телефонов – ко всему, что бы ни готовило будущее».

По **Н.К. Капитоновой**, уход Тэтчер в отставку был полон драматизма. К концу 80-х в стране накопились социальные проблемы, выросла инфляция, увеличилось число семей, вынужденных оставлять жилье; наблюдался беспрецедентный за послевоенный период рост бедности; серьезное недовольство населения вызывало положение в здравоохранении (включая многомесечные очереди в больницы и на операции) и образовании, что являлось результатом сокращения почти на 10% государственных ассигнований в эти сферы. Начинался экономический спад. Серьезный, а по некоторым оценкам катастрофический, просчет был допущен ею в области налоговой политики: введенный весной 1990 г. так называемый «подушный налог» (перенесение налогового бремени с владельцев недвижимости на всех совершеннолетних, независимо от получаемого дохода) вызвал взрыв небывалого недовольства в стране. Ситуацией немедленно воспользовались лейбористы, начавшие существенно опережать тори в опросах общественного мнения. Положение для консервативной партии становилось все более угрожающим. Сама Тэтчер по привычке воспринимала происходящее как временные трудности, к которым ей было не привыкать. Однако ее оптимизм не разделялся руководством тори, перед которым замаячила перспектива поражения на выборах.

Кроме того, члены кабинета устали от авторитарного стиля руководства. Правившая практически единовластно Тэтчер к 1990 г. совсем перестала слышать коллег,

пренебрегала их точкой зрения, не могла мириться с неповиновением. Она становилась все более высокомерной и деспотичной. Независимо от того, что баронесса утверждала впоследствии, уходить с поста премьер-министра она не собиралась и после третьей победы на выборах заявила, что предполагает остаться и на четвертый срок, а уйдет только тогда, «когда убедится в наличии людей столь же убежденных, проницательных, сильных, целеустремленных, кому можно передать знамя». Это заявление привело в ужас многих членов кабинета, полагавших, что ей пора на покой¹⁰⁴.

Упоение собственным величием не позволило ей вовремя разглядеть угрозу, созревавшую в собственной партии. В 1989 г. ее лидерству был брошен первый вызов – со стороны баронета сэра Энтони Мейера. Безусловно, серьезных шансов стать лидером партии у него никогда не было. Один из исследователей этого периода Э. Уоткинс сравнивает попытку Мейера с тем, как если бы герцогиня Кентская потребовала отречения королевы Елизаветы в свою пользу. Но сам факт вызова лидерству Тэтчер стал своего рода сигналом для других недовольных ее политикой. И уже следующему претенденту, бывшему министру обороны ее правительства Хезлтайну, практически удалось совершить невозможное – заставить ее уйти в отставку.

Серьезное недовольство вызывала бескомпромиссность Тэтчер в европейских делах, которая стала все более противоречить взглядам многих коллег, совсем иначе смотревших на процессы континентальной интеграции и участия в них Великобритании. На рубеже 80–90-х годов настроения в стране в отношении ЕЭС, как показывали опросы общественного мнения, стали более доброжелательными (52% опрошенных выступали за разработку европейской конституции, 50% поддерживали европейскую интеграцию, среди представителей бизнеса этот показатель поднялся до 94%). Незаметно для нее самой Тэтчер все более превращалась из «женщины завтрашнего дня» в «женщину дня вчерашнего», став, как в свое время Черчилль, обузой для партии. Известный британский журналист М. Доббс назвал ее «политическим Чернобылем, от которого столь многие вынуждены были дистанцироваться». Учитывая все эти обстоятельства, сплотившиеся против нее коллеги-соратники убедили (а по существу, заставили) Тэтчер уйти в отставку, так как она превратилась в препятствие на пути победы тори на следующих парламентских выборах (так называемую «хромую утку»). Она сделала это в ноябре 1990 г., после первого тура выборов лидера партии, не набрав всего несколько голосов до необходимого для победы над претендентом на этот пост (М. Хезлтайном)¹⁰⁵.

Британские премьер-министры, как правило, не хотят добровольно уходить в отставку, если только они не проиграли выборы и у них нет серьезных проблем со здоровьем. Вспомним, как долго и болезненно уходил Черчилль, как долго не мог решиться на отставку Т. Блэр, не желающий считаться с очевидностью – с ним во главе лейбористы не смогут одержать еще одну убедительную победу на следующих парламентских выборах. На этом фоне лишь добровольная отставка Г. Вильсона в 1976 г. выглядит как исключение. Сам по себе уход в отставку всегда большая психологическая травма, а учитывая обстоятельства ухода Тэтчер (которая отказалась от дальнейшей борьбы за пост лидера партии, чтобы избежать унижения) – это травма вдвойне. Баронесса назвала это «ударом в спину» после всего того, что она сделала для страны и консервативной партии, заметив, что никогда не забудет этого и никогда не простит. Мэйджор признавал, что она чувствовала себя «выгнанной, обманутой и преданной». Впоследствии Тэтчер охарактеризовала свое смешение «предательством с улыбкой на лице» и «конституционным переворотом». По

¹⁰⁴ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 192–193.

¹⁰⁵ Там же. С. 193

иронии судьбы, ее заставили уйти в отставку тогда, когда она, расправившись со всеми своими врагами (профсоюзами, лейбористской партией, аргентинской хунтой и социалистической системой), достигла зенита своего могущества. Ушла в интересах сохранения единства консервативной партии. Объявление ею о принятом решении вызвало небывалый прилив теплоты к Тэтчер со стороны как соратников по партии, так и рядовых британцев, а также уважение оппозиции. Она подчинилась обстоятельствам и ушла красиво, а это удел выдающихся премьер-министров. Возможно, некоторым утешением для нее являлось то, что таким же образом тори поступили в свое время с Черчиллем¹⁰⁶.

Впоследствии, в процессе демократизации партии, начавшегося после сокрушительного провала консерваторов на парламентских выборах 1997 г., был взят курс на расширение прав рядовых членов и создание условий, при которых так называемая парламентская партия (консервативная фракция парламента) не могла бы самостоятельно и с такой легкостью убирать с поста лидера партии, почему-либо утратившего ее доверие, как это случилось с Тэтчер. В своем выступлении на конференции тори 1997 г. лорд Арчер выразил мнение многих рядовых консерваторов, подчеркнув, что будущее партии, выборы лидера и обсуждение политики «не должны принадлежать небольшой группе парламентариев, которые воображают, что они обладают высшим разумом, недоступным всем нам».

Нельзя обойти вниманием отношения, которые сложились у нее с **Дж. Мэйджором** и сменившим его в 1997 г. на посту премьер-министра лидером лейбористов **Т. Блэром**. Мэйджор был ее выдвиженцем. Попав в парламент в 1979 г., он довольно быстро сделал карьеру, пройдя за 11 с половиной лет путь от рядового члена палаты общин до министра финансов, а затем и премьер-министра. Своей победой во втором туре выборов лидера партии в ноябре 1990 г. он в значительной мере обязан Тэтчер, которая приложила все свои усилия для того, чтобы победил именно он. Она использовала связи в СМИ, агитировала за Мэйджора в партии, полагая что при нем останется востребованной, заняв место «на скамье запасных». Тэтчер была готова к тому, что передача власти от одного премьер-министра другому происходит в Великобритании очень быстро, но обстоятельства этой передачи были для нее унижительными: ей не позволили появиться вместе с новым лидером партии перед корреспондентами; покидая квартиру на Даунинг-стрит, 10, она хотела заглянуть в свой бывший кабинет, чтобы убедиться в том, что забрала оттуда все свои вещи, но обнаружила, что кто-то предусмотрительно вытащил ключ от него из ее связки. Все это были, конечно, мелочи, но они добавили горечи ее состоянию. Что касается преемника, то его не устраивал имидж «сына Тэтчер», и он всячески стремился от нее дистанцироваться. Мэйджор не одобрял авторитарный стиль руководства своей предшественницы. У него никогда не было своего «кухонного кабинета», он не делил людей на «своих» и «чужих», как это делала она. Такой стиль имел свою отрицательную сторону: вместо того, чтобы жестко призвать коллег к порядку, Мэйджор позволял расхождению, существовавшим между членами кабинета – «евроскептиками» и «евроэнтузиастами» – углубляться, в чем его впоследствии они же и обвинили. После авторитарной Тэтчер ее преемник выглядел как человек, «патологически не способный принять решение», стремившийся «быть хорошим для всех», «третьеразрядный политический деятель», не понимающий, что значит быть руководителем¹⁰⁷.

¹⁰⁶ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 194.

¹⁰⁷ Там же. С. 194–195.

2.5. Основные направления внешней политики консервативных кабинетов М. Тэтчер (1979–1990 гг.)¹⁰⁸

2.5.1. Общие контуры тэтчеровской внешней политики.

В области международной политики Тэтчер вела себя также решительно, она неизменно поддерживала НАТО и партнерство с США и установила стабильные отношения с президентом Рейганом, что, впрочем, не мешало ей шумно протестовать, когда она считала его неправым, например, когда США вторглись в Гренаду в 1983 году. Но она позволила использовать американские военные базы, расположенные в Англии, для нападения американцев на Ливию в апреле 1986 года, оправдывая свои действия тем, что Каддафи поддерживал терроризм. Словом, она продолжала соответствовать данному ей прозвищу «железная леди». Ее отношение к коммунистическим режимам отличалось непримиримостью. Несмотря на это, она стала первым лидером, признавшим Михаила Горбачева – человека, с которым, по ее словам, «можно иметь дело». В конце марта 1987 года Тэтчер с целью переговоров посетила Москву, что в дальнейшем помогло найти пути к окончанию «холодной войны»¹⁰⁹.

Будущее королевской колонии Гонконг, большую часть территории которой в 1997 году должны передать Китаю, было еще одной проблемой. Для Тэтчер это был вопрос чисто практический – как заключить сделку на наиболее выгодных условиях. К моменту начала переговоров в декабре 1984 года Китай находился в процессе социально-экономических реформ, и Великобритании удалось обеспечить Гонконгу сохранение значительной автономии.

Менее удачно складывались у Тэтчер отношения с остальными государствами Британского содружества. Она была противницей самых безобидных санкций против политики апартеида в Южной Африке, заявляя, что такие меры пойдут больше на пользу белому населению, чем чернокожим. В этом вопросе она осталась в меньшинстве так же, как и при решении многих западноевропейских проблем. Она не ладила с бюрократическим аппаратом Брюсселя и возражала против требований Комиссии ЕЭС урегулировать ряд вопросов. С ее точки зрения, не имело смысла освобождать англичан от власти Уайтхолла, чтобы переподчинить их Брюсселю. В душе она оставалась сторонницей свободной торговли, веря, что ничем не скованный фри-трейд может быть наилучшей гарантией процветания. Возражая против вмешательства Брюсселя, в частности, против создания особых условий для французских и германских фермеров, она предпринимала бесчисленные попытки изменить направление сельскохозяйственной политики в целом, характеризовавшейся искусственными дотациями, что позволяло завышать цены на продукты в странах Общего рынка и накапливать, таким образом, горы масла и реки вина. Тон ее заявлений часто был слишком безапелляционным и жестким. Это иногда давало положительные результаты в таких вопросах, как, например, сокращение доли участия Великобритании в бюджете Общего рынка, но иногда оборачивалось против нее. Партнеры по Общему рынку, ее коллеги из других стран не видели в ней «добропорядочной европейки», она же считала, что ее усилия направлены не только на благо Великобритании, но и всего Европейского Сообщества в целом¹¹⁰.

¹⁰⁸ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М., 2016. С. 585–647.

¹⁰⁹ См.: Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М., 1999. С. 813.

¹¹⁰ Там же. С. 813–814.

2.5.2. Фолклендский кризис и война с Аргентиной. Речь пойдет об англо-аргентинском конфликте, вспыхнувшем из-за Фолклендских (Мальвинских) островов, неподалеку от побережья Аргентины.

Этот архипелаг, расположенный в юго-западной части Атлантического океана, являлся спорной территорией между двумя странами на протяжении полутора века. С 1833 г. он находился под контролем англичан. С середины XX в. Аргентина активизировала свою борьбу за возвращение островов, что также объяснялось предшествующей атаке 2 апреля 1982 г. на острова, приходом к власти в Аргентине в декабре 1981 г. военной хунты во главе с генералом Галтиери, установившим в стране режим полуфашистской диктатуры¹¹¹.

Собственно, 2 апреля 1982 г. аргентинские войска в ходе операции «Суверенитет» десантировались на острова. Ответная реакция британской стороны на вторжение оказалась необычайно быстрой и энергичной. Через Совет безопасности ООН в спешном порядке была проведена резолюция, осуждавшая действия Аргентины, получена поддержка от Европейского Сообщества, начались интенсивные консультации с Соединенными Штатами, некоторыми латиноамериканскими государствами. В тот же день на экстренном заседании британского правительства было принято решение о разрыве отношений с Аргентиной и отправке к Фолклендским островам военной эскадры в составе 40 кораблей. Хотя, согласно дальнейшим действиям М. Тэтчер, можно предположить, что намерения решить конфликт мирным путём были лишь показательной мерой, так как решение о проведении полномасштабных военных действий было принято уже в первые дни. Всего в операции было задействовано свыше 100 надводных и подводных кораблей, а их команды насчитывали свыше 25 тыс. человек.

Начало активным военным действиям было положено неожиданным торпедированием 2 мая 1982 г. британской подводной лодкой аргентинского крейсера «Генерал Белграно», в результате которого корабль затонул, погиб 321 член его экипажа. Нападение было непосредственно санкционировано М. Тэтчер и военным кабинетом.

Уже 14 июня аргентинские военные сдались, а военная операция завершилась блистательным успехом для британской стороны при относительно минимальных потерях личного состава. Так, в ходе боевых действий было убито 255 британских военных и три жителя Фолклендских островов. Аргентинская сторона потеряла 649 человек (из них 323 человека погибло в результате потопления британской атомной подводной лодкой у/ аргентинского крейсера «Генерал Бельграно»¹¹². В ходе конфликта Тэтчер подверглась критике за пренебрежение вопросами обороны Фолклендских островов, а также за решение о потоплении «Генерала Бельграно»¹¹³. В любом случае, военная операция на архипелаге мощно повлияла на политическую ситуацию в стране. «Фолклендский фактор» на несколько месяцев как бы заслони́л собой большинство других факторов и обстоятельств, определявших внутривнутриполитический климат.

В книге **А.Г. Мерникова** «Всемирная история войн» события вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов 1982 г. названы **англо-аргентинской войной**. Там сказано, что «Фолклендские (Мальвинские) острова у берегов Аргентины, где

¹¹¹ См.: Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М.: Наука, 1996. С. 119.

¹¹² См.: Evans M. The Falklands: 25 years since the Iron Lady won her war // Liberation Day (15 June 2007). P. 32.

¹¹³ См.: Hastings M., Jenkins S. Battle for the Falklands. Norton, 1983.

в 1914 г. разгорелось морское сражение между британской и германской эскадрами, в конце XX в. снова стали ареной боевых действий.

Аргентина, потерявшая острова в 1833 г., не переставала требовать у Великобритании их возврата. Территориальный спор с новой силой разгорелся в ООН в 1960 г. Тогда напряженность удалось несколько снизить.

1 июля 1971 г. Великобритания и Аргентина подписали ряд соглашений, облегчающих торговлю и транспортную связь, между странами началось научное сотрудничество. В 1972 г. Аргентина на одном из островов построила аэродром и установила телефонную связь.

В то же время правительство Великобритании не предоставило фолклендцам равных с англичанами прав и даже отказало им в праве владения собственностью на островах. В 1975 г. это заметно накалило обстановку вокруг островов и привело к тому, что послы обеих стран были отозваны до 1979 г. В 1979 г. после прихода к власти в Англии консерваторов во главе с М. Тэтчер англо-аргентинские отношения еще больше ухудшились, и переговоры зашли в тупик. Это привело к войне.

К тому времени в Аргентине правила военная хунта во главе с генералом Я. Гальтери, который надеялся с помощью маленькой победоносной войны поднять престиж своего военного режима. Англо-аргентинская война началась с, казалось бы, незначительного эпизода. В конце марта 1982 г. (в это время в Южном полушарии наступает осень) аргентинские торговцы ломом без разрешения стали демонтировать старое китобойное судно, брошенное на острове Южная Георгия, в тысяче километров к востоку от Порт-Стэнли, главного города Фолклендских островов. Действия четырех десятков человек остались бы незамеченными, если бы в центре их лагеря не развевался аргентинский флаг.

Англичане расценили этот эпизод как провокацию и силами войск, находившихся на архипелаге, попытались выдворить аргентинских рабочих. Однако министр иностранных дел Аргентины Н. Коста Мендес заявил: «Аргентинцы работают на аргентинской территории и будут продолжать работать под защитой аргентинского правительства».

В подтверждение этих слов 1 апреля 1982 г. аргентинские войска под командованием генерала М. Менендоса приступили к операции «Суверенитет». К Фолклендам подошли 5 военных аргентинских кораблей с 5 тыс. морских пехотинцев на борту. 2 апреля аргентинцы высадились на Фолклендах и захватили столицу Порт-Стэнли, в которой была размещена одна рота морских пехотинцев Великобритании (около 80 человек). Жертв, в том числе и раненых, во время инцидента зафиксировано не было. Новым губернатором на Мальвинах, получивших прежнее название, стал генерал М. Менендос.

3 апреля 1982 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 502, требующую вывода аргентинских войск. Генерал Гальтери не подчинился. Великобритания объявила о блокаде островов и создании вокруг них 200-мильной (370 км) запретной зоны. 5 апреля в зону конфликта были направлены 40 кораблей военно-морского флота Великобритании. В их состав вошли авианосцы «Гермес» и «Инвинсибл». Экспедиционный корпус насчитывал около 10 тыс. человек. Стало ясно, что правительство Великобритании сделало ставку на демонстрацию силы. Однако по мере продвижения флота вперед стороны несколько раз неудачно пытались провести переговоры.

Гальтери надеялся на какое-то время отвлечь население от экономического кризиса (накануне конфликта инфляция в стране превысила 200%). Для главы английского правительства М. Тэтчер отправка за 13 тыс. км, на другой конец света,

кораблей британского флота и вероятная победа в конфликте позволяла отнести на второй план вопросы о рискованной политике в Ирландии.

Великобритания объявила эмбарго на ввоз товаров из Аргентины. Вскоре к этому запрету присоединились страны Европейского Экономического Сообщества, а также Австралия, Канада и Новая Зеландия. Соединенные Штаты Америки временно занимали нейтральную позицию и активизировали дипломатическую деятельность в рамках ООН. Аргентину поддержали пять стран Андского пакта – Венесуэла, Перу, Колумбия, Боливия и Эквадор, а также Куба и Панама. 30 апреля 1982 г., когда угроза столкновения стала реальной, СССР поддержал Аргентину, а США приняли сторону Великобритании.

В Аргентине начался призыв резервистов. На острова были переброшены дополнительные войска, аэропорт в Порт-Стэнли начали переоборудовать для обслуживания военных самолетов. Однако крупные аргентинские военные корабли не заходили в 200-мильную зону, отведенную англичанами, и избегали столкновения с британскими подводными лодками.

Уже 24 апреля столкновение двух армий стало неизбежным, поскольку британский флот вошел в зону Фолклендских островов. Специальные отряды морских «коммандос» и несколько сотен королевских морских пехотинцев были доставлены вертолетами на остров Южная Георгия. В результате этой операции около 200 аргентинцев из гарнизонов Гритвикена и Лейта оказались в плену.

26 апреля генеральный секретарь ООН **Перес де Куэльяр** призвал Великобританию прекратить военные действия, но его обращение было в резкой форме отвергнуто М. Тэтчер. 30 апреля англичане объявили о введении полной морской и воздушной блокады островов. Действия англичан активизировались, потому что приближающаяся зима не дала бы возможности вести долгую военную кампанию и эффективную блокаду Мальвинского архипелага. На рассвете 1 мая 1982 г. британская авиация стала бомбить аэропорт Порт-Стэнли, и в это же время начались налеты аргентинской авиации на неприятельский флот.

2 мая английская подводная лодка «Конкерор» торпедировала аргентинский крейсер «Бельграно», причем это было сделано в нескольких десятках километров от запретной зоны, объявленной самими же англичанами. Погибли около 370 членов экипажа крейсера. Эта неоправданная мера вызвала возмущение международного сообщества, а аргентинские пилоты ответили на нее многочисленными ударами, в результате которых был затоплен крупнейший английский эсминец «Шеффилд», на котором погибли до 30 человек. Однако, несмотря на всю свою храбрость, аргентинские пилоты не могли остановить британские силы.

Великобритания направила к островам эсминец «Экстер» и 4 фрегата, а также пассажирский лайнер «Куин Элизабет II», доставивший в район боевых действий еще 3 тыс. солдат. Вскоре в зону конфликта было послано еще 10 военных кораблей и транспортное судно «Канберра» с 2,5 тыс. пехотинцев на борту. На завершающем этапе операции у Фолкленд было собрано около 100 английских кораблей и до 25 тыс. военнослужащих.

Затем Великобритания предъявила Аргентине ультиматум, потребовав вывести войска с островов в течение 48 часов, после чего зону военных действий сузила до 12 миль и перешла к решительным действиям. 2 мая английский фрегат потопил аргентинский танкер, а через несколько дней были обстреляны с кораблей и подверглись бомбардировке с воздуха Порт-Стэнли и Порт-Дарвин. Кроме того, британские истребители-бомбардировщики «Харриер» потопили аргентинское рыболовецкое судно «Нарвал», что стало еще одной бессмысленной жестокостью этой войны.

В ночь с 20 на 21 мая началась вторая фаза операции с организацией британского плацдарма в заливе Порто-Сан-Карлос в 70 км к западу от Порт-Стэнли. С британской стороны в этой операции принимали участие около 22 тыс. солдат. В группу вторжения также входили 2 авианосца, 7 эсминцев, 7 десантных кораблей, 3 атомные подводные лодки, около 40 истребителей-бомбардировщиков «Харриер» и 35 вертолетов различного назначения.

Через шесть дней английские войска высадились на главный остров и окружили Порт-Стэнли с севера и юга. Наиболее кровопролитным стало сражение за Порт-Дарвин, в котором погибли 25 англичан и до 200 аргентинцев.

30 мая аргентинская авиация серьезно повредила один из самых мощных кораблей ВМС Великобритании – авианосец «Инвинсибл», имеющий 900 человек экипажа и новейшее ракетное вооружение. 4 июня в Совет Безопасности ООН был внесен проект резолюции, призывающей обе стороны немедленно прекратить огонь, но Великобритания и США не приняли ее.

12 июня началось массированное наступление британской морской пехоты и парашютистов. Мощная бомбардировка английских ВВС привела к жертвам среди местного населения. К концу дня британские войска находились всего в нескольких километрах от Порт-Стэнли. На следующий день 8 тыс. неопытных аргентинских добровольцев, составлявших гарнизон столицы, подверглись интенсивному обстрелу. Чтобы избежать кровопролития, генерал Менендос, командующий крепостью Порт-Стэнли, решил на ее сдачу. 14 июня 1982 г. Порт-Стэнли был освобожден от аргентинских солдат. После этого война была закончена.

За время англо-аргентинской войны англичане взяли в плен около 10 тыс. аргентинских солдат и офицеров, а потери убитыми со стороны Аргентины составили 700 человек. Англичане в этой войне потеряли убитыми около 250 человек.

В результате этого военного конфликта **Великобритания** сохранила за собой Фолклендские острова, а поражение Аргентины привело к падению военного режима генерала Гальтери и приходу в 1983 г к власти гражданского правительства. Новое правительство Аргентины начало переговоры. В октябре 1989 г. между Англией и Аргентиной были восстановлены консульские, а с февраля 1990 г и дипломатические отношения в полном объеме»¹¹⁴.

Обратимся к «Автобиографии» **М. Тэтчер**, в которой Фолклендской вине посвящены две главы (19 и 20). Автор пишет: «Ничто так отчетливо не осталось в моей памяти от тех лет, которые я провела в Номере 10, как те одиннадцать недель весны 1982 года, когда Британия сражалась и победила в Фолклендской войне. На кону было многое: то, за что мы сражались в восьми тысячах миль вдали от дома в Южной Атлантике, было не только территорией и народом Фолклендских островов, сколь бы они ни были важны. Мы защищали свою честь как нации и принципы, имевшие основополагающее значение для всего мира – прежде всего заключавшиеся в том, что агрессоры никогда не должны побеждать, и что международное право должно превалировать над использованием грубой силы. Когда я стала премьер-министром, я не могла вообразить, что мне предстоит отправить британские войска в бой, и я не думаю, что моя жизнь когда-либо была настолько напряженной и насыщенной, как в то время.

Первую известную высадку на Фолклендских островах совершили британские моряки в 1690 году, назвав пролив между двумя островами «Фолклендс Саунд»

¹¹⁴ Цит. по: Мерников А.Г. Всемирная история войн. М., 2010. С. 595–598.

/в честь казначея флота виконта Фолкленда. Британия, Франция и Испания создавали поселения на островах в разное время на протяжении XVIII века. В 1770 году разногласия с Испанией привели к тому, что тогдашнее британское правительство мобилизовало флот и подготовило экспедиционный корпус, хотя и не отправило его: было найдено дипломатическое решение.

Острова имели очевидное стратегическое значение, обладая несколькими хорошими гаванями в радиусе 500 миль вокруг Кейп Хорн. В случае закрытия Панамского канала, их значение будет серьезным. Но Фолклендские острова были маловероятной причиной войны двадцатого века.

Вторжение Аргентины на Фолклендские острова произошло спустя 149 лет после установления там формального британского правления и, кажется, близость 150-летнего юбилея играла немалую роль в заговоре аргентинской хунты. С 1833 года на островах существовало мирное британское присутствие. Законное право Британии по сей день основывается на желании существующего населения островов – полностью британского происхождения – оставаться британским. Принцип «самоопределения» стал основополагающим компонентом международного права и закреплен хартией ООН. Британский суверенитет имеет мощные законодательные основания, и аргентинцы это знают.

Примерно в 800 милях к юго-востоку от Фолклендских островов находится Южная Джорджия, а еще в 460 милях – Южные Сэндвич-кие Острова. Здесь претензии Аргентины выглядят еще сомнительнее. Эти острова находятся в подданстве Соединенного Королевства и управляются с Фолклендов. Там жесткий климат и нет постоянного населения. Ни одно государство не претендовало на них до аннексии Британией в 1908 году, и с тех пор они находятся под постоянным британским управлением.

В первый раз **Фолклендский вопрос** коснулся меня на раннем этапе существования парламента 1979 года. Было ясно, что существует всего два пути, которыми можно достичь благополучия Фолклендских островов. Первым и наиболее привлекательным подходом было содействие развитию экономических связей с соседней Аргентиной. Однако это противоречило заявлениям Аргентины о том, что Фолклендские острова и подчиненные территории являются суверенными для Аргентины. Правительство Тэда Хита подписало важное соглашение о путях сообщения в 1971 году, установив воздушную и морскую связь между островами и материком, но дальнейший прогресс был блокирован аргентинской стороной до обсуждения суверенитета. В результате возникли споры по вопросу достижения некоего компромисса с Аргентиной по вопросу суверенитета. Подобные споры заставили Ника Ридли (ответственного министра) и его чиновников в министерстве по вопросам сообщества и внешней политики выдвинуть т.н. предложение об «обратной аренде», согласно которому суверенитет переходил к Аргентине, но образ жизни островитян сохранялся за счет сохранения английского самоуправления. Мне не понравилось это предложение, но мы с Ником сошлись на том, что его следует рассмотреть со всех сторон, в первую очередь основываясь на том, что последнее слово остается за самими жителями островов. Их желания должны лежать в основе всего.

Однако был и другой вариант – гораздо более дорогостоящий. Мы могли привести в действие меры, рекомендованные в долговременном экономическом обзоре бывшего министра лейбористов лорда Шеклтона в 1976 году, и одну из его рекомендаций в частности – увеличение аэропорта и удлинение взлетно-посадочной полосы. Такой подход стал бы свидетельством отсутствия у британского правительства планов вести серьезные переговоры о суверенитете, и позволил бы увеличить наши

возможности в области обороны островов, поскольку увеличенная взлетно-посадочная полоса позволила бы ускоренный переброс подкреплений по воздуху. Это, в свою очередь, могло бы спровоцировать резкий военный ответ со стороны Аргентины. Ничего удивительного в том, что ни одно правительство – лейбористское или консервативное, не было готово к подобным действиям, пока существовало более приемлемое решение вопроса, и обратная аренда стала основным решением.

Однако, как я и предполагала, островитяне и слышать не хотели о подобных предложениях. Они не доверяли аргентинской диктатуре, и еще больше этого им хотелось оставаться британцами. Палата общин была слишком открыто настроена в пользу того, чтобы соблюдать пожелания жителей островов.

Однако оставался менее ясным вопрос – что это все означает для будущего Фолклендских островов в долгосрочной перспективе. Мы стремились, если это возможно, продолжать переговоры с аргентинской стороной, но применение дипломатии становилось все сложнее. В 1976 Аргентина установила и с тех пор сохраняла военное присутствие на Южном Туле на юге Сэндвичских островов, против чего лейбористское правительство не предприняло никаких мер, и о чем министры не сообщали палате общин до 1978 года.

Затем в декабре 1981 года в Буэнос-Айресе сменилось правительство. Новая военная хунта из трех человек пришла на смену предыдущему военному правительству, а генерал Леопольдо Гальтиери стал президентом. Гальтиери полагался на поддержку аргентинского флота, главнокомандующий которого адмирал Анайа обладал особенно жестким видением претензий Аргентины на «Мальвины».

В феврале 1982 года в Нью-Йорке состоялись переговоры, которые, казалось, прошли удачно. Но затем поведение Аргентины стремительно поменялось. Сейчас, глядя в прошлое, можно утверждать, что это был переломный момент. Но важно помнить, сколько агрессивной риторики было в прошлом, и она ни во что при этом не выливалась. Более того, из нашего предыдущего опыта следовало, что скорее всего Аргентина прибегнет к политике прогрессирующего нарастания напряжения, начав с дипломатического и экономического давления. Вопреки всему, что говорили тогда, у нас почти до последнего момента не было информации о том, что Аргентина вот-вот начнет полномасштабное вторжение. Не было ее и у американской стороны: Эл Хейг позже сказал мне, что им было известно еще меньше, чем нам.

Во всем этом присутствовал фактор усиления американской администрацией связей с Аргентиной в рамках стратегии по сдерживанию коммунистического влияния Кубы в Центральной и Южной Америке, и у аргентинцев сложилось излишне преувеличенное ощущение собственной важности для США.

Накануне своего вторжения они были убеждены, что им не следует всерьез воспринимать предостережения американской стороны против начала военных действий, и стали еще более непреклонными, когда на них позднее было оказано дипломатическое давление с требованием отступить.

Можно ли их было сдержать? Чтобы предпринять меры по военному сдерживанию Аргентины, учитывая огромное расстояние между Британией и Фолклендами, нам нужно было бы быть осведомленными хотя бы за три недели. К тому же, направить контингент недостаточного размера означало бы подвергнуть его непозволительному риску. Разумеется, присутствие корабля «Эндюренс» – легковооруженного патрульного судна, которое пришлось отозвать – можно было не принимать в расчет с военной точки зрения. Оно бы не смогло ни сдержать, ни отбить ни одно спланированное вторжение. (Действительно, когда вторжение началось, я была очень рада, что корабль был в море, а не в Порт Стенли: окажись он там, его

бы захватили или подорвали). Прежде всего, ничто бы так не спровоцировало полномасштабное вторжение, если планировалось что-то меньшее, как если бы мы начали подготовку, необходимую по масштабу для полноценного сдерживания агрессии. Разумеется, задним числом нам всегда хочется действовать по-другому. Как и аргентинцам. Это было основным заключением комиссии по расследованию, возглавленной лордом Френксом, которая изучила наши действия по решению спора в преддверии вторжения. У комиссии был беспрецедентный доступ ко всем государственным документам, включая разведданные. Ее отчет заканчивается словами: «Мы не вправе выступать с какой-либо критикой или обвинять действующее правительство в решении аргентинской хунты совершить акт ничем не спровоцированной агрессии при вторжении на Фолклендские острова 2 апреля 1982 года».

Все началось с инцидента на Южной Джорджии. 20 декабря 1981 года была совершена незаконная высадка на остров кем-то, кого описали как аргентинских торговцев металлоломом; мы ответили жестко, но взвешенно. Аргентинцы впоследствии покинули остров, а аргентинское правительство заявило, что ничего не знает об инциденте. Я была больше встревожена, когда аргентинское правительство нарушило регламент, установленный на встрече, опубликовав одностороннее коммюнике, раскрывающее детали переговоров, в то время как аргентинская пресса стала муссировать вопрос о возможности начала военных действий до символически важной даты января 1983 года. 3 марта 1982 года я получила телеграмму из Буэнос-Айреса: «Мы должны готовить планы ответных мер» – однако, несмотря на свое беспокойство, я не ожидала ничего подобного полномасштабному вторжению, которое последний анализ нашей разведкой намерений Аргентины списал со счетов.

20 марта нам сообщили, что накануне аргентинские торговцы металлоломом снова без разрешения высадились на Южной Джорджии. Был поднят аргентинский флаг и раздавались выстрелы. В ответ на наши протесты Аргентинское правительство заявило, что не располагало информацией об этом. Сперва мы решили приказать кораблю «Эндюренс» выдворить аргентинцев, кем бы они ни были. Но старались решить переговорами с аргентинской стороной этот вопрос, который все еще выглядел как неудобный инцидент, а не как предвестник конфликта, потому мы отозвали приказ «Эндюренс» и вместо этого велели судну проследовать на британскую базу в Гритвикине, основном поселении на острове.

По мере того, как март подходил к концу, а инцидент все еще не был разрешен, мы все больше были озабочены ситуацией. Вечером в воскресенье 28 марта я позвонила Питеру Керрингтону, чтобы выразить свою обеспокоенность положением. Он уверил меня, что уже первым обратился к Элу Хейгу, госсекретарю США, попросив у него оказать давление. На следующее утро Питер и я встретились на базе Королевских ВВС Нортхолт по дороге на Европейский совет в Брюсселе и пришли к решению отправить ядерную подводную лодку в усиление «Эндюренс» и начать подготовку к отправке второй подлодки. Я не была слишком-то недовольна, когда произошла утечка этой информации. Подводной лодке понадобится две недели, чтобы достичь Южной Атлантики, но эффект это возымеет незамедлительно. Инстинкт подсказывал мне, что пришло время показать аргентинцам, что мы настроены серьезно.

Поздним вечером 30 марта возвратилась из Брюсселя. К этому времени Питер Керрингтон уже отбыл с официальным визитом в Израиль. Министерство иностранных дел и Министерство обороны уже работали над подготовкой оперативных оценок и анализом дипломатических и военных опций. На следующий день – в среду 31 марта – я выступила в Палате с отчетом по брюссельскому саммиту,

но мысли мои были сосредоточены на том, что намеревались делать аргентинцы, и как нам следует на это отвечать. Разведка сообщала, что аргентинское правительство изучало наши реакции, но они планировали высадку на Южной Джорджии. Теперь я была глубоко обеспокоена. Тем не менее, я все еще не считаю, что кто-либо из нас ожидал немедленного вторжения на сами Фолклендские острова. Я никогда не забуду тот вечер среды. Я работала в своем кабинете в палате общин, когда мне сообщили, что Джон Нотт просит незамедлительного совещания для обсуждения Фолклендских островов. Я созвала людей. Хампфри Аткинс и Ричард Люс прибыли из Министерства иностранных дел вместе с представителями Министерства иностранных дел и по делам сотрудничества и Министерства обороны. (Глава Генерального Штаба был в Новой Зеландии). Джон был взволнован. Он только что получил разведанные о том, что аргентинский флот уже вышел в море, и похоже готовится к вторжению на острова 2 апреля. Джон высказал Министерству обороны мнение, что если Фолкленды будут захвачены, их не получится отбить. Это было ужасно и совершенно неприемлемо: это были наши острова и наш народ. Я немедленно сказала: «Если на них вторгнутся, нам придется их отвоевать».

Я спросила у начальника штаба флота, сэра Генри Лича, что мы можем сделать. Он ответил тихо, спокойно и уверенно: «Я могу собрать ударную группу из эсминцев, фрегатов, десантных кораблей и кораблей поддержки. Ее возглавят авианосцы «Гермес» и «Инвин-сибл». Она может быть подготовлена к отправке в течение 48 часов». Он считал, что такой группировки будет достаточно, чтобы отбить острова. Ему нужно было лишь мое одобрение, чтобы начать подготовку. Я дала его и он немедленно отбыл. На заседании Кабинета нам предстояло принять решение, отправится ли группировка в поход, и если да, то когда.

Теперь к моему негодованию и решительности прибавилось чувство облегчения и уверенности. Генри Лич продемонстрировал мне, что когда дело доходит до драки, отвага и профессионализм британских вооруженных сил возобладают. Моей задачей как премьер-министра было гарантировать им всю необходимую политическую поддержку.

Нашей единственной надеждой были американцы – люди, к которым Гальтиери, если он все еще вел себя рационально, должен был прислушаться. Мы подготовили и направили срочное сообщение президенту Рейгану с просьбой принудить Гальтиери не переступать грань. Президент незамедлительно согласился это сделать.

В 9:30 утра в четверг 1 апреля я провела собрание Кабинета, раньше, чем обычно, чтобы за ним еще до ланча могло последовать заседание международной и оборонной комиссии Кабинета. По последней информации аргентинского наступления можно было ожидать примерно в середине дня в пятницу по нашему времени. Мы думали, что у президента Рейгана все еще может получиться. Однако Гальтиери вообще отказался ответить на звонок президента. Мне сообщили об этом рано утром в пятницу, и я поняла, что наша последняя надежда утрачена.

В 9:45 утра в пятницу Кабинет вновь собрался на заседание. Я сообщила, что вторжение Аргентины теперь неизбежно. После этого мы вновь встретились, чтобы еще раз обсудить вопрос отправки группировки – хотя мне казалось, что на этом этапе уже нужно думать не о том, предпринимать ли что-то, а о том, что конкретно.

Связь с Фолклендскими островами часто прерывалась из-за атмосферных условий. Утром в пятницу губернатор Фолклендских островов – Рекс Хант – отправил нам сообщение о том, что вторжение началось, но оно так и не дошло. (На самом деле первый контакт с ним у меня состоялся, когда он достиг Монтевидео в Уругвае, куда аргентинцы отвезли его вместе с другими пожилыми людьми, утром

в воскресенье). В действительности, капитан британского наблюдательного судна в Антарктике перехватил любительский радиосигнал и передал новость, Министерство иностранных дел. Мой личный секретарь принес мне финальное подтверждение, когда я была на официальном ленче.

К этому времени обсуждение всех вопросов кампании велось во всем Уайтхолле; лихорадочно велась подготовка к военным действиям. Армия готовилась внести свой вклад. Морская ударная группировка формировалась частично из кораблей, дислоцированных в Гибралтарском проливе, и частично из стоящих в британских портах. Королева уже ясно обозначила, что принц Эндрю, служивший в то время на «Инвинсибл» примет участие в походе: и речи быть не могло о том, чтобы к члену Королевской Семьи относились иначе, чем к остальным военнослужащим.

Кабинет во второй раз собрался на заседании 7.30 вечера, когда было принято решение отправить группировку в поход. Больше всего в этот момент нас волновало, сколько займет путь. Мы были уверены, что аргентинцы подтянут достаточно людей и техники, чтобы их как можно труднее было выбить с островов. Погода в Южной Атлантике все время ухудшалась с приближением жестоких штормов южной зимы.

Более срочной и разрешимой была проблема работы с общественным мнением внутри страны. Поддержка отправки ударной группировки наверняка будет сильной, но не ослабнет ли она со временем? В действительности нам не следовало волноваться. Именно наша политика была понятна людям и пользовалась их поддержкой. Общественный интерес и вовлеченность оставались крепкими все время.

Однако один особенный аспект проблемы заслуживает внимания. Мы решили разрешить присутствие на кораблях военных корреспондентов, которые сообщали о ходе похода. Это создавало ясную картину событий. Но всегда существовал риск раскрытия информации, которая может быть полезна неприятелю. Мне также крайне не понравился ряд комментариев с попытками «непредвзятости» и ужасающее описание событий в третьем лице – разговоры о «Британцах» и «Аргентинцах» в наших новостных программах.

Также именно в пятницу 2 апреля я получила набор рекомендаций от Министерства иностранных дел, в котором бросалась в глаза гибкость, как основная черта этого департамента. Мне сообщили об угрозе притеснения британских экспатриантов в Аргентине, проблеме с получением поддержки от Совета Безопасности ООН, отсутствии возможности положиться на Европейское сообщество или США, риск вмешательства со стороны СССР, неудобный имидж колониальной державы. Все эти предположения были вполне справедливы. Но на войне нельзя позволять трудностям захватить твое мышление: нужно решать их с железной волей. И в самом деле, какие были альтернативы? Чтобы обычный или банановый диктатор правил подданными Ее Величества и властвовал обманом и силой? Пока я – премьер-министр, такому не бывать.

В ближайшей перспективе нам следовало выиграть процесс против Аргентины в Совете Безопасности ООН и добиться решения, осуждающего их агрессию и требующего ее прекращения. На основании такого постановления для нас будет проще завоевать поддержку другими странами наших мер оказания давления на Аргентину. Но в долгосрочной перспективе мы понимали, что нам придется решать свои вопросы подалеже от ООН. Пока продолжалась холодная война, существовала реальная угроза, что Совет Безопасности попытается навязать нам неприемлемые условия. В случае необходимости мы могли наложить вето на подобную резолюцию, но поступить так – означало утратить международную поддержку нашей позиции. Вто-

рой долгосрочной задачей было заручиться поддержкой со стороны наших союзников, в первую очередь США, но также и членов ЕС, Содружества и других важных западных стран. Это была задача, реализуемая на уровне глав правительств, но основная нагрузка легла на плечи ГСО, и ни у одной страны в то время не было в распоряжении двух таких блестящих дипломатов: сэр Энтони Парсонс, посол Британии в ООН и сэр Николас (Нико) Хендерсон, наш посол в Вашингтоне.

В ООН Тони Парсонс был занят обыгрыванием аргентинцев. Генеральный Секретарь ООН призвал обе стороны проявить сдержанность: мы ответили согласием, аргентинцы промолчали. В субботу 3 апреля Тони Парсонс добился дипломатического триумфа, убедив Совет Безопасности одобрить т.н. Резолюцию Совета Безопасности ООН номер 502, требующую немедленного и беспрекословного отзыва аргентинских сил с Фолклендских островов. Это было не просто. Дебаты были жесткими и трудными. Мы знали, что антиколониальная предвзятость ООН настроит ряд членов Совета Безопасности против нас, даже несмотря на вопиющий факт агрессии со стороны Аргентины. Я была особо благодарна президенту Миттерану, который был одним из наших надежнейших друзей и который лично позвонил мне в субботу, чтобы выразить свою поддержку.

(В последующие годы мне предстояло немало споров с президентом Миттераном, но я никогда не забуду, как мы обязаны его личной поддержке в Фолклендском кризисе). Франция воспользовалась своим влиянием в ООН, чтобы перетянуть на нашу сторону другие страны. Я лично в последний момент позвонила королю Иордании Хусейну, который встал на нашу сторону. Он – старый друг Британии, и мне не пришлось вдаваться в длительные объяснения, чтобы убедить его в том, чтобы Иордания проголосовала в нашу пользу. Он начал беседу, просто спросив: «Чем я могу быть полезен, премьер-министр?» В итоге мы были удовлетворены тем, что получили необходимые для Резолюции голоса и избежали вето со стороны Советского Союза. Но мы не питали иллюзий насчет того, кому предстоит избавляться от ап рессора, когда разговоры закончатся: это предстояло нам.

Дебаты в палате общин в ту субботу – еще одно сильное воспоминание. Палата была справедлива разгневана вторжением на британскую территорию, и многие ее члены склонялись к тому, чтобы обвинить правительство в якобы неспособности предвидеть и предотвратить случившееся. Моей задачей было защитить нас от обвинений в неподготовленности.

Значительно труднее была вторая моя задача: убедить членов парламента в том, что мы ответим на агрессию сильно и эффективно.

Мое сообщение о том, что ударная группировка была готова к отплытию, вызвало крики одобрения. Но я понимала, что некоторые видели в группировке лишь дипломатическую армаду, которая призовет аргентинцев обратно за стол переговоров. Они не предполагали, что она на самом деле вступит в бой, в то время как всеми костями чувствовала, что аргентинцы никогда не уйдут отсюда без боя, и ничто меньшее, чем их уход, не устроит ни страну, ни, уж точно, меня. Другие разделяли мое мнение о необходимости применения ударной группировки, но сомневались в воле и выдержке правительства.

В то утро в парламенте мне удалось сохранить поддержку обеих сторон, отправив группировку в поход и обозначив наши задачи: острова должны быть освобождены от оккупантов и возвращены под британское управление как можно скорее. Я получила практически единогласное, но сдержанное одобрение палаты общин, которая озабочена поддержкой политической линии правительства, при этом сдерживая свои суждения о его эффективности.

Но я осознавала, что даже такой уровень поддержки наверняка будет ослабевать по ходу кампании. Я, в отличие от большинства членов парламента, понимала полный масштаб реальных военных проблем. Я предвидела, что нам предстоит столкнуться с трудностями, которые заставят даже некоторых «ястребов» задаться вопросом, стоит ли игра свеч. И как долго может просуществовать коалиция мнений, состоящая из воинов, переговорщиков и даже настоящих пацифистов? Однако на тот момент мы получили одобрение палатой общин стратегии, подразумевавшей отправку контингента. И это то, что имело значение.

Практически сразу я столкнулась с кризисом в правительстве. Джон Нотт, который находился под огромным давлением, непривычно слабо выступил со своей духоподъемной речью. С ним очень грубо обращались во время дебатов. Многие наши «заднескамеечники» обвиняли его в последствиях пересмотра обороны, пионером которого он являлся. Это было несправедливо; но не было сомнений, что кровь у партии кипит; и что нужен им вовсе не Джон Нотт.

Питер Керрингтон в то утро отстаивал позицию правительства в палате лордов и был принят довольно хорошо. Но затем Питер и Джон посетили многолюдное и озлобленное собрание «заднескамеечников». Здесь у Питера было уязвимое положение: как пэр он не заводил дружбы и не имел взаимопонимания с «заднескамеечниками», на которых всем нам приходится полагаться, когда ситуация накаляется. Как позднее сообщил мне Иэн Гау, это было очень трудное заседание, и чувства перекипели и выплеснулись наружу.

На протяжении уикенда пресса была крайне враждебна. Питер Керрингтон говорил об отставке. Я встретила с ним вечером в субботу и повторно вечером. И Вилли Уитлоу, и я сделали все возможное, чтобы убедить его остаться, но похоже всегда существует подсознательное желание заплатить за катастрофу козлом отпущения. Нет сомнений в том, что отставка Питера Керрингтона в итоге облегчила задачу объединения партии и помогла сосредоточиться на возвращении Фолклендов: он это понимал.

Джонн Нотт тоже хотел в отставку. Но я прямо сказала ему, что после того, как флот вышел в море, его священным долгом было оставаться на своем посту и дожидаться разрешения ситуации. Поэтому он отозвал свою просьбу об отставке, поняв, что оно было публично отклонено. Какие бы вопросы ни возникли позднее в результате полного наведения справок (которое я назначила на 8 апреля), сейчас нужно было сосредоточиться на одном – на победе. К тому же мне нужно было найти нового министра иностранных дел. Очевидным выбором был Френсис Пим, у которого был необходимый опыт иностранных дел в оппозиции и обороны в правительстве. Поэтому я назначила его, попросив Джона Биффена занять его бывший пост лидера палаты лордов. Френсис – это в многих смыслах квинтэссенция тори старой школы: землевладелец и солдат, хороший тактик, но не стратег. Он именно такой человек, о котором люди обычно говорят, что он – «то, что нужно в момент кризиса». У меня не было оснований ставить под сомнение это суждение. Назначение Френсиса бесспорно объединило партию. Но оно стало началом серьезных осложнений в проведении самой кампании. Во вторник 6 апреля в Кабинете состоялась длительная дискуссия, посвященная кризису. С самого начала мы были уверены, что позиция США станет ключевым элементом исхода. Американцы могли нанести колоссальные повреждения аргентинской экономике, если бы захотели. Я направила президенту Рейгану послание с просьбой к США принять эффективные экономические меры. Но американская сторона не была готова сделать это. У Нико Хендерсона состоялись первые дискуссии с Элом Хейгом, в которых ключевые тона их ответов на протяжении предстоявших недель были уже ясны. Они прекратили

продажу вооружений. Но они не хотели слишком сильно «отклоняться» от Аргентины. Они не хотели падения Гальтиери, и поэтому им нужно было дипломатическое решение, которое спасло бы его лицо. Были отчетливые признаки того, что они пытались найти середину между двумя сторонами. Все это было одним большим заблуждением, и Нико был крайне возмущен в своем ответе. Но на практике переговоры с Хейгом почти явно сработали в нашу пользу, предотвратив еще более бесполезное на то время дипломатическое вмешательство с других направлений, включая ООН. Мне следует добавить, что с самого начала Каспар Вайнбергер, министр обороны США, находился на связи с нашим послом, подчеркивая, что Америка не может ставить своего союзника по НАТО и давнего друга на один уровень с Аргентиной, и что он сделает все возможное, чтобы помочь. Америка никогда не обладала настолько мудрым патриотом и настолько преданным другом Британии.

Именно на этом заседании Кабинета я объявила о создании OD(SA), который во всем остальном мире стал известен как «военный кабинет». Формально это был субкомитет Министерства обороны, хотя часть его членов не входила в комитет. На его конкретный состав и порядок осуществления действий непосредственное влияние оказало мое совещание с Гарольдом Макмилланом, который прибыл ко мне с визитом в палату общин, после вопросов во вторник 6 апреля, чтобы предложить свою поддержку и консультации в качестве старшего экс-премьера в стране и в консервативной партии. Его основной рекомендацией было удерживать казну – т.е. Джеффри Хау – подальше от основного комитета, ответственного за кампанию, дипломатию и последствия. Это был разумный курс, но Джеффри был расстроен. Но несмотря на это, я ни разу не пожалела о том, что последовала совету Гарольда Макмиллана. Мы не рискнули поставить под угрозу безопасность наших войск из-за финансовых вопросов. Во всех своих действиях мы руководствовались военной необходимостью. Поэтому Военный Кабинет состоял из меня, Френсиса Пима, Джона Нотта, Вилли Уитлоу в качестве моего заместителя и доверенного советника, и Сесила Паркинсона, который не только разделял мои политические инстинкты, но и потрясающе эффективно работал в области связей с общественностью. Сэр Теренс (ныне лорд) Левин, начальник Генштаба, тоже присутствовал. Также был Майкл Гаверс, министр юстиции и советник правительства по правовым вопросам. Разумеется, мы постоянно получали рекомендации и поддержку от представителей FCO и Министерства обороны, а также от военных. Кабинет собирался каждый день, иногда – по два раза в день.

На момент нашего первого заседания, ударная группировка была уже развернута с такой скоростью и эффективностью, что весь мир был потрясен. Миллионы людей увидели по телевизору, как два авианосца вышли из Портсмута в понедельник 5 апреля, и как в тот день и на следующий день к ним присоединяются одиннадцать эсминцев и фрегатов, три подводных лодки, десантный корабль на воздушной подушке «Фирлесс» (необходимый для высадки) и многочисленные вспомогательные суда. Торговые суда всевозможных типов были «позаимствованы для нужд флота». Три тысячи солдат были изначально задействованы в операции – 3-я Бригада командос Морской Пехоты Ее Величества, 3-й батальон воздушно-десантного полка и часть полка противовоздушной обороны. Эта первая группа покинула Соединенное Королевство на пассажирском лайнере «Канберра» в пятницу 9 апреля. Не все понимали, что задача переброски огромной группировки войск через полмира с целью проведения ответной высадки требовала колоссальной логистической операции – как в стране, так и в море. В итоге мы отправили более 100 кораблей с более, чем 25000 человек на борту.

Главнокомандующим флота был адмирал сэра Джон Филдхауз; он взял общее командование ударной группировкой на себя, находясь на своей базе Нортвуд в Западном Лондоне и выбрав контр-адмирала Сэнди Вудварда в качестве командующего надводной боевой частью. (Наши подводные лодки напрямую управлялись из Нортвуда через спутник). Я прежде не встречалась с Сэнди Вудвардом, но была наслышана о его репутации как одного из умнейших людей во флоте. Заместителем адмирала Филдхауза по наземной части операции был генерал-майор Морской Пехоты Ее Величества Джереми Мур, который начал кампанию в Нортвуде, отправившись в Южную Атлантику в мае. Его заместителем, отплывшим на «Фирлесс» вместе с первой волной кораблей, был бригадный генерал 3-й бригады командос Джулиан Томпсон. Бригадному генералу Томпсону предстояло командовать нашими войсками на Фолклендских островах в ключевой период между высадкой и прибытием генерала Мура.

OD(SA) дважды собирался в среду 7 апреля. На протяжении всей войны нам приходилось иметь дело с проблемой соблюдения баланса между дипломатическими и военными потребностями. Я была уверена, что нужды наших военных важнее политики, и именно в этот день нам предстояло решить первую подобную проблему. Наши подлодки должны были прибыть в район Фолклендских островов в ближайшие несколько дней. Таким образом мы будем вправе установить двухсотмильную морскую зону отчуждения (МЗО) для кораблей вокруг Фолклендов. Нужно ли нам объявить ее сейчас? Или отложить это до завтрашнего визита Эла Хейга? Руководствуясь правовыми аспектами, мы решили дать предупреждение за несколько дней до того, как МЗО вступит в действие.

В реальности визит Эла Хейга пришлось отложить из-за дебатов в палате общин в тот день. В тот день на заседании Военного кабинета в семь часов вечера возник классический спор между Министерством обороны и FCO по поводу времени объявления. Мы решили действовать немедленно, сообщив Элу Хейгу заранее.

Джон Нотт сделал объявление, закончив дебаты речью, восстановившей его положение и уверенность в себе. Не прозвучало ни одного голоса против МЗО, и было слышно, как Джим Каллаген произнес «совершенно верно». Положение вступило в действие ранним пасхальным утром 12 апреля, когда наши подлодки были на месте, готовые к его осуществлению. Следует отметить, что ни разу за время Фолклендской операции мы не объявили о намерении действовать, не будучи в состоянии сделать это на самом деле. Я была твердо намерена никогда никому не дать повода ловить нас на блефе.

Все это время мы старались оказывать максимально возможное давление на аргентинскую сторону дипломатическими способами. 6 апреля я направила к главам государств стран Европейского сообщества, США, Японии, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Я попросила у них помощи в давлении на Аргентину путем запрета продажи вооружений, запрета всего или части импорта, прекращения кредита по экспорту и оформления новых обязательств, а также не-поддержания и нестимулирования выдачи их банками кредитов Аргентине. Поначалу мне предложили просить о тотальном запрете на импорт, но я решила, что это плохая тактика – требовать слишком много сразу. Стали приходить ответы. Я уже упоминала ответы США и Франции и наши успехи в Совете Безопасности ООН. Гельмут Шмидт лично заверил меня в крепкой поддержке со стороны Западной Германии. Не все страны Европейского Сообщества ответили настолько положительно. Существовали прочные взаимоотношения между Италией и Аргентиной. Хоть и возражая против применения силы, Испания продолжала выступать в пользу Аргентины, и – что не

так уж и удивительно – ирландцы доставили нам ряд опасений. Однако ЕС изначально предоставило нам все, о чем мы просили, наложив эмбарго на импорт из Аргентины на месяц, начиная с середины апреля. Когда пришло время продления эмбарго, мы столкнулись с серьезными проблемами, однако в итоге был достигнут компромисс, согласно которому Италия и Ирландия могли возобновить свои связи с Аргентиной в то время, как эмбарго было продлено вне зависимости от этого.

Содружество, за частичным исключением Индии, ответило значительной поддержкой. Но мы были разочарованы в некоторой степени уклончивым настроением Японии. СССР предсказуемо склонился на сторону Аргентины со словесными нападками в наш адрес.

Точно также мы подверглись шквалу критики со стороны латиноамериканских стран – как и США – хотя, из-за своих продолжительных разногласий с Аргентиной, Чили встала на нашу сторону. Еще ряд стран симпатизировали молча, какой бы ни была их публичная позиция. Так действия на дипломатическом фронте помогали выполнению задач нашей ударной группировки по мере того, как она входила в Южную Атлантику. И, разумеется, эффективных дипломатических мер не получилось бы без самой отправки ударной группировки. Как однажды подметил Фридрих Великий, «дипломатия без оружия подобна музыке без инструментов».

В четверг 8 апреля Эл Хейг прибыл в Лондон для первого этапа его долгой и утомительной «челночной» дипломатической миссии. У меня были подробнейшие сведения от Нико Хендерсона касательно предложений, с которыми мистера Хейг скорее всего выступит. Мы ясно дали ему понять – и он принял это как нашу основную линию – что в Лондоне его принимают не как посредника, а друга и союзника, который прибыл в Лондон для того, чтобы обсудить с нами, каким образом США могут наиболее эффективно оказать нам поддержку в деле освобождения Фолклендских островов от Аргентины. В его команду входили Эд Стрейтор из посольства США в Лондоне, генерал Вернон Уолтерс, специальный ассистент мистера Хейга – сильная личность и человек, которого я очень уважала – и Томас Эндерс, занимавшийся южноамериканскими вопросами в Госдепартаменте. Ко мне присоединились Френсис, Джон, Терри Левин, сэр Энтони Акланд (глава Министерства иностранных дел) и Клайв Уитмор (мой главный личный секретарь). Переговоры были оживленными и прямыми, если пользоваться дипломатическим жаргоном: на кону было слишком многое, чтобы я могла позволить им пройти как-либо еще.

С самого начала было очевидно: что бы ни было сказано публично, Эл Хейг и его коллеги приехали, чтобы быть посредниками. Министр иностранных дел Аргентины обозначил, что он мог принять помощь СССР, что доставило предельный дискомфорт американской стороне. По мнению Эла Хейга, ближайшие 72 часа должны были стать наилучшим временем для переговоров по аргентинскому вопросу. Он сообщил нам, что приехал сначала в Британию, поскольку не хотел ехать в Буэнос-Айрес без полного понимания нашего подхода.

Я сказала мистеру Хейгу, что проблема гораздо шире, чем спор между Соединенным Королевством и Аргентиной. Применение силы для захвата спорной территории – опасный прецедент. В этом смысле Фолкленды касались многих стран – к примеру, Германии, из-за Западного Берлина, Франции, из-за колониальных владений, Гвианы, на обширную часть территории которой претендовала Венесуэла.

Для меня становилось все очевиднее, что мистер Хейг стремился не только избежать того, что он называл суждениями о суверенитете априори, но и хотел добиться не совсем британского управления (островами), которое я публично пообещала восстановить. Весь его подход основывался на попытках убедить две стороны прийти к

некому нейтральному «совместному управлению» после ухода аргентинских сил для управления островами, пока решается их судьба в долгосрочной перспективе.

Но мистер Хейг был согласен на общую с нами линию. Мы оба должны были сообщить прессе, что мы хотели незамедлительного применения UNSCR 502, что мы обсудили, чем могут помочь США. У услышал, как британская сторона видит ситуацию, и как серьезно мы настроены, но он не должен был оставить ни малейшего впечатления, что наша позиция хоть как-то изменилась, или что мы проявляли гибкость.

В действительности, на наши дружественные разногласия в Лондоне мистер Хейг мог взглянуть с некой долей ностальгии, когда он прибыл в Буэнос-Айрес и начал пытаться вести переговоры с аргентинской хунтой. Стало очевидно, что сама хунта глубоко разделилась во мнениях, и что генерал Гальтиери, что министр иностранных дел синьор Коста Мендес, похоже, меняли свои мнения каждый час. В один момент мистеру Хейгу показалось, что он добился уступок, но когда он уже собирался улететь в Англию в пасхальное воскресенье 11 апреля – когда он действительно сел на самолет – синьор Коста Мендес вручил ему бумагу, которая опровергала уступки, которых он, как ему казалось, тогда добился всеми правдами и неправдами.

В пасхальный понедельник первые корабли ударной группировки начали прибывать на остров Восхождения, на полпути к Фолклендам. Американская команда вернулась в Лондон утром того же дня, 12 апреля.

354 Эл Хейг начал с устного пересказа своих переговоров в Буэнос-Айресе. Он сообщил, что заметил расхождения во взглядах между тремя родами аргентинских вооруженных сил. Флот был настроен воевать. Однако ВВС не хотели войны, а сухопутные войска находились где-то посередине. Он разработал набор предложений, которые, как он считал, аргентинскую сторону можно заставить принять. Было семь ключевых элементов:

Во-первых, и Британия, и Аргентина соглашались покинуть острова и обозначенную окружающую территорию в течение двух недель.

Во-вторых, дополнительные военные силы не подтягиваются, а ушедшие силы возвращаются к своей повседневной службе. Аргентинская сторона хотела от нас заверения в выводе нашей ударной группировки из Южной Атлантики, но Эл Хейг сообщил им, что это невозможно, и считал, что их устроит вариант с возвращением британских войск к их повседневной службе.

В-третьих, будет сформирована комиссия (вместо губернатора) из американских, британских и аргентинских представителей, которые должны будут действовать совместно (по всеобщему согласию или в соответствии с мнением большинства – не обозначалось), чтобы проследить за выполнением соглашения. Каждый из членов комиссии может поставить свой флаг над своей штаб-квартирой.

В-четвертых, с Аргентины снимаются экономические и финансовые санкции.

В-пятых, на островах восстанавливается традиционная форма местного самоуправления, включая исполнительный и законодательный советы, в которые войдут также представители из крошечной прослойки аргентинского населения на островах. Аргентинцы были железно не согласны с возвращением губернатора.

В-шестых, комиссия будет развивать перемещение, торговлю и связь между островами и Аргентиной, но британское правительство будет иметь право вето в ее действиях.

Наконец, переговоры по достижению долговременного соглашения будут проводиться «в соответствии с задачами и принципами Хартии ООН». Очевидно, США настаивали на этом из-за отсылок к праву на самоопределение.

Похоже, аргентинская сторона была готова согласиться только с частью предложений, если они содержали предполагаемую дату завершения переговоров 31 декабря 1982 года.

В этот момент я не стала предпринимать попыток ответить на предложения Эла Хейга пункт за пунктом: я просто пересмотрела свое видение принципа самоопределения. Если жители Фолклендских островов решат присоединиться к Аргентине, британское правительство обязано уважать это решение. Но точно также правительство Аргентины должно быть готово уважать стремление островитян оставаться британцами. Затем американцы покинули нас на 90 минут, как и было заранее оговорено, а мы принялись обсуждать предложение с остальными членами Военного Кабинета.

У предложений Хейга были привлекательные стороны. Если бы нам удалось действительно выдворить аргентинцев с островов при помощи очевидно бессильной комиссии, очень ограниченного представительства аргентинской стороны в Совете – выбранных из жителей, а не назначенных хунтой – и аргентинского флага, поднятого вместе с остальными над штаб-квартирой, эти идеи стоило обсудить. Однако в ближайшем рассмотрении всплыл ряд серьезных осложнений. Кто обеспечит безопасность островитян во время т.н. совместного периода? Ясно, что о гарантиях безопасности для островов в случае нового вторжения придется просить США. К тому же были неизбежные географические реалии. Аргентинцы останутся близко к Фолклендским островам; но если нам придется уйти в «обычный район», то где будут находиться наши силы? Несмотря на общие ссылки к Хартии ООН, до сих пор не было четко обозначено, что в финальных переговорах ключевой ценностью будут интересы островитян. Также у аргентинской стороны не должно было быть возможности стабильного увеличения своего населения на островах в течение «переходного» периода с целью достижения большинства – серьезное опасение, особенно в случае, если наши люди начнут покидать острова, что могло произойти в данных обстоятельствах.

К этому моменту Френсис Пим, Джон Нотт и я вновь присоединились к Элу Хейгу. Я сказала, что благодарна ему за впечатляющий объем проделанной им работы, но что у меня есть ряд вопросов. Что предпримут американцы, если окончательное соглашение не будет достигнуто к 31 декабря 1982 года? Ответ не был ясен – он не стал яснее и по прошествии времени. Я вновь подчеркнула всю важность, с которой палата общин относилась к самоопределению островитян. Нам понадобится некая особая отсылка к статье 1(2) и статье 73 Хартии ООН по этому вопросу, которые закрепляли принцип самоопределения. Однако мы признали, что Аргентина расставит иные акценты в соглашении, нежели британское правительство. Эл Хейг принял эту точку зрения.

По поводу их флага я сказала Хейгу, что где бы он ни висел, он не должен развеваться над домом губернатора. Он сказал, что аргентинская губернаторская подведомственность Фолклендов была для аргентинской стороны ключевым пунктом: они хотели сохранить назначенного после вторжения губернатора на острове в качестве специального уполномоченного. Я также подняла вопрос о Южной Джорджии, где британское право собственности было абсолютным. Эл Хейг не видел в этом проблемы. (Позднее мы пожалели, что не включили Южную Джорджию в первые предложения. Но в то время казалось возможным избавиться от аргентинцев без боя, и они оккупировали остров вскоре после вторжения на сами Фолклендские острова).

Однако ключевой вопрос неизбежно был связан с военными действиями. Я понимала, что единственной причиной готовности Аргентинской стороны к переговорам был страх перед нашей ударной группировкой. Я подчеркивала, что несмотря на то, что наши подводные лодки в предлагаемой демилитаризованной зоне уйдут с уходом аргентинцев, британская ударная группировка пойдет дальше на юг. Это было необходимо: мы не могли позволить аргентинской стороне устроить второе вторжение. Единственная уступка, на которую я готова была пойти – ударная группировка может встать на рейд на таком же расстоянии от Фолклендов, как и аргентинские войска. Меньшее было для парламента неприемлемо.

Две наших команды встретились вновь за несколько минут до 6 часов вечера. Эл Хейг сказал, что Гальтиери не устоит, если после начала двухнедельной программы вывода аргентинских с Фолклендских островов, британские газеты продолжат рассказывать о продвижении ударной группировки на юг. Американцы не просили нас развернуть флот: но они просили задержать его до достижения соглашения. Я ответила, что не выстою в палате общин, если остановлю флот до завершения вывода аргентинских войск. Я была готова позволить кораблям с пехотинцами двигаться медленнее, как только будет заключено соглашение. Но основная ударная группа Должна была продолжать движение в сторону Фолклендских островов.

Мы спорили до позднего вечера. Аргентина, начиная с соглашения о путях сообщения 1971 года, хотела для своих граждан таких же прав проживания, владения имуществом и т.д., как и у фолклендцев. Им необходим был комитет, чтобы продвигать этот формат отношений и выносить решения по подобным вопросам. Мы противостояли этому предложению, заявляя, что промежуточная администрация не должна менять привычный уклад жизни на островах. Наконец мы пришли к соглашению, что будем вести дальнейшие переговоры на основе довольно расплывчатого текста. Однако были некоторые условия, которые необходимо было сделать абсолютно ясными – зоны вывода войск; один аргентинский представитель в совете должен быть местным; у аргентинцев на острове должен быть такой же квалификационный период для голосования, как и у фолклендцев.

В тот же вечер около десяти часов Эл Хейг позвонил мне, чтобы сообщить, что синьор Коста Мендес по телефону заявил ему, что не видит причины для повторной поездки госсекретаря в Буэнос-Айрес, если соглашение по Фолклендским островам не будет включать в себя назначение губернатора аргентинским правительством и аргентинский флаг над его резиденцией. И если это невозможно, у аргентинской стороны должны быть гарантии, что к концу переговоров с Британией, она признает аргентинское правление над островами. Эл Хейг был разбит.

Решив не ехать в Буэнос-Айрес, американцы на следующее утро попросили очередной встречи с нами. На этом этапе становилось все очевиднее, что предложения, которые американцы представили нам накануне, не были ни по одному пункту одобрены аргентинской стороной. В действительности, сам статус этих предложений вызывал сомнения. Чем подробнее я теперь расспрашивала Эла Хейга на эту тему, тем непонятнее он становился. Раз предложения не были согласованы с аргентинской стороной, то даже если бы мы их приняли, они не смогли бы служить основой для договоренности.

Этот факт стал болезненно очевиден на заседании тем утром, когда Эл Хейг вручил нам документ, включающий пять пунктов, которые он назвал принципиальными для аргентинской стороны.

Мне это все начинало надоедать. Я сказала, что в своей основе это – противостояние диктатуры и демократии. Вопрос теперь заключался лишь в том, можно

ли сбить Гальтиери с курса при помощи экономических санкций, или, как я давно подозревала, это можно сделать лишь при помощи военной силы. Мистер Хейг сказал, что Аргентине дали предельно ясно понять, что в случае эскалации конфликта США встанет на сторону Британии. Но хотели ли мы закончить переговоры прямо в тот день? Он мог заявить, что приостанавливает свои попытки, дав понять, что делает это из-за непреклонности аргентинской стороны. Но если бы он так сделал, другие, менее полезные люди могли бы вмешаться.

Позднее в тот день события приняли причудливый оборот. Эл Хейг сообщил Френису Пиму о содержании дальнейшей дискуссии, которая состоялась у него с сеньором Коста Мендесом. Очевидно, аргентинская сторона теперь отозвала свои пять требований и значительно отошла от своих предыдущих позиций. Мистер Хейг считал, что возможно достичь соглашения по той линии, которую мы обсуждали, если мы согласимся поднять вопрос о деколонизации, в соответствии с пожеланиями островитян, с одним-двумя небольшими дополнительными изменениями, чтобы сделать предложения более приемлемыми. Вскоре должно было выясниться, что этот разговор о деколонизации содержал в себе отдельную опасность, хотя мы и согласились взглянуть на его текст. Он также просил нас не быть чересчур резкими в вопросе суверенитета. Он решил вернуться в Вашингтон, чтобы продумать свой следующий шаг.

Из этого всего нам стало понятно, что мистер Хейг очень стремился поддерживать продолжение переговоров. Но было ли принципиальное изменение позиции со стороны Аргентины?

На среду 14 апреля было назначено следующее заседание палаты общин по фолклендскому вопросу. Для меня это была возможность обозначить наши цели в переговорах и продемонстрировать окружающему миру единогласную под держку палаты общин.

Во время дебатов позвонил Эл Хейг. Аргентинцы жаловались, что США не соблюдает непредвзятую позицию между Аргентиной и Британией, в частности, предоставляя военную помощь Британии. Он хотел сделать заявление, которое позволит ему вернуться в Буэнос-Айрес для продолжения переговоров, которое заканчивалось следующими предложениями:

С самого начала кризиса США не отвечали согласием на требования, выходящие за рамки традиционных форм взаимодействия. Так будет продолжаться, пока предпринимаются попытки к установлению мира. Использование Британией американских объектов на острове Восхождения было, в соответствии с этим, приостановлено.

Пока дебаты продолжались, я обсудила эти слова с Френсисом Пимом, и, полчаса спустя, позвонил Эл Хейг.

Я была очень недовольна тем, что он хотел сказать, и сообщила ему об этом. Разумеется, большая часть этого делается, чтобы помочь нам. Это происходило в рамках «традиционных форм взаимодействия», применимых для союзников, таких как Британия и США. Но связывать это с использованием острова Восхождения было неверно и вводило в заблуждение. Более того, такое заявление оказало бы крайне неблагоприятную реакцию на мнение Соединенного Королевства.

Далее я обозначила, что остров Восхождения был нашим островом, в действительности – островом Ее Величества. Американцы использовали его в качестве базы, как было хорошо известно госсекретарю, это делалось в соответствии с соглашением, в котором четко значилось, что суверенитет острова остается за нами. Рада заявить, что мистер Хейг убрал все упоминания острова из своего заявления.

На следующий день Эл Хейг улетел в Буэнос-Айрес для дальнейших переговоров. В Лондоне же военный кабинет тем утром собрался не в номере 10,

а в Министерстве обороны. Нам предстояло принять важные решения. Нам нужно было больше сухопутных войск для отправки их на усиление ударной группировки. Нам пришлось рассмотреть новый текст, рассмотреть который мы договорились накануне. (Из него в итоге ничего не вышло). Также нам нужно было подготовить послание для США, в котором будет подчеркнута необходимость для них помощь подкрепить соглашение в течение этого периода времени и, по его окончании, предотвратить попытку повторного вторжения аргентинцев. Боюсь, далеко мы так и не продвинулись: американцы не торопились принимать роль гаранта.

Нашей основной задачей на пятницу 16 апреля было продумать и одобрить правила ведения боевых действий, применимые к переброске с острова Восхождения к двухсотмильной зоне вокруг Южной Джорджии и к операции по возвращению Южной Джорджии. Правила ведения боевых действий – меры, при помощи которых политики устанавливают рамки, внутри которых оперативные решения остаются за военными. Они должны удовлетворять конкретным задачам, выполнения которых проводятся военные операции. Они также должны предоставлять человеку на месте разумную свободу реагирования, необходимую для принятия решений, будучи уверенным в том, что политики их поддержат. Поэтому правила должны быть ясными и охватывать все возможные случайности. Только после очень тщательной и осторожной дискуссии, они были приняты.

Накануне я получила послание от президента Рейгана, которому звонил Гальтиери, очевидно сказавший, что стремится избежать конфликта. Ответить на это было несложно. Я сказала президенту: Я заметила, что генерал Гальтиери подтвердил вам свое желание избежать конфликта. Но мне кажется – и я должна открыто заявить Вам об этом как другу и союзнику – что он никак не может прийти к очевидному заключению. Мир нарушила не Британия, а Аргентина. Обязательная к исполнению резолюция Совета Безопасности, под которой Вы поставили свою подпись, требует от Аргентины вывести свои войска с Фолклендских островов. Это важнейший первый шаг, который необходимо предпринять для предотвращения конфликта. Когда он будет сделан, дискуссии о дальнейшей судьбе могут быть эффективно предприняты. Любое предположение о том, что конфликт можно предотвратить, пока агрессор остается на своем месте, совершенно очевидно, глубоко ошибочно. Последствия для потенциальных областей напряженности и для малых стран по всему миру будут крайне серьезны. Фундаментальные основы, на которых зиждется свободный мир, будут разрушены.

В пятницу 17 апреля два наших жизненно-важных авианосца «Гермес» и «Инвинсибл» достигли острова Восхождения.

После недели запутанных переговоров, я проводила уикенд в Чекерсе. Я нашла время для приватного ленча с моими друзьями и художником, который собирался написать пейзаж дома и его окрестностей. Однако мне пришлось срочно вернуться в Номер 10 вечером в субботу, чтобы принять звонок президента Рейгана – есть прямая телефонная линия между Чекерсом и номером 10, но в тот момент возникли технические осложнения. Я была рада возможности обсудить все вопросы с президентом. Эл обнаружил, что аргентинцы еще более непреклонны, чем прошлый раз. Белый Дом проинструктировал его сообщить хунте, что если они будут оставаться непреклонными, это приведет к срыву переговоров, и администрация США ясно обозначит, кого в этом винить.

В воскресенье, далеко в Атлантике корабли «Гермес», «Инвинсибл», «Глэморген», «Бродсфорд», «Ярмут», «Элэкриси» и вспомогательные суда Королевского флота «Ольмеда» и «Рисорс» покинули остров Восхождения и направились на юг.

Только в понедельник я впервые прочитала детали предложений, которые Эл Хейг обсуждал с аргентинской стороной в Буэнос-Айресе. Они были совершенно неприемлемы. При пристальном рассмотрении все очевиднее становилось, что Аргентина все еще пыталась сохранить у себя то, что взяла силой. Они намеревались подчинить местную администрацию, настаивая на том, что два представителя правительства Аргентины должны служить в каждом из советов островов. Они хотели наводнить острова своим народом, изменив природу населения. Наконец, они не собирались позволять островитянам выбирать, хотят ли они вернуться под британское управление, которое было до вторжения. Их предложение звучало так: 31 декабря заканчивается действие промежуточного периода, в ходе которого стороны должны закончить переговоры о мерах по удалению островов из списка самоуправляемых территорий согласно главе XI Хартии ООН и на совместно оговоренных основаниях для их установленного статуса, включая должное внимание правам населения и принципу территориального единства, применимого к этому спору...

Безобидно звучащая отсылка к ликвидации островов из списка согласно главе XI исключала возвращение к положению, предшествовавшему вторжению и крайне эффективно отказывала островитянам в праве выбирать правительство, под управлением которого они хотят жить. Огромное количество слов скрывало простой факт, что применение силы увенчается успехом, диктатура будет главенствовать, а пожелания островитян можно будет не учитывать. Мы сообщили Элу Хейгу, что не видим необходимости в его возвращении в Лондон из Буэнос-Айреса, и пообещали ему предоставить подробные комментарии по тексту, когда он вернется в Вашингтон.

В тот же день я получила телеграмму из Буэнос-Айреса, которая подтвердила, что очевидных изменений в намерении хунты удерживать контроль над островами нет. По аргентинскому радио почти каждые пять минут звучала «Песня Мальвинских Островов», в которой пелось: «Я – твоя родина, и, возможно, тебе придется за меня умереть». Скоро это заявление удастся проверить: именно в этот день военный кабинет разрешил операцию по возвращению Южной Джорджии – хотя возвращение несколько задерживалось, поскольку наши корабли прибыли в 11-балльную качку, которая продолжалась несколько дней.

Эл Хейг попросил, чтобы Френсис Пим приехал в Вашингтон для обсуждения наших взглядов на текст, и я согласилась на это. Френсис отправил наши подробные комментарии и ключевые поправки к тексту Буэнос-Айреса. Мы решили, что он должен руководствоваться ответными предложениями в ходе своего визита. Он также должен был добиваться от американцев гарантий безопасности для островов. К сожалению, во время дискуссии в палате общин на следующий день, Френсис создал впечатление, что сила не будет применена, пока продолжаются переговоры. Для нас было невозможно занимать эту позицию, позволяя аргентинцам водить нас за нос до бесконечности, и ему пришлось вернуться в Палату что выступить с кратким заявлением, подчеркивающим эту поправку.

Также в среду мы сообщили Элу Хейгу через Нико Хендерсона о том, что приняли твердое решение вернуть Южную Джорджию в ближайшем будущем. Мистер Хейг выразил удивление и опасения. Он спросил, окончательное ли это решение, и я ответила, что да. Мы информировали его, а не советовались с ним. Позже он сообщил послу, что думал, что ему придется передать аргентинской хунте предварительное извещение о планируемой нами операции. Мы пришли в ужас. Нико Хендерсон убедил его подумать об этом тщательнее.

В тот четверг, вечером Джон Нотт и начальник Генштаба прибыли на Даунинг Стрит, чтобы сообщить мне срочные новости. Наши спецподразделения высадились

на ледник Фортуна на Южной Джорджии, чтобы провести рекогносцировку. Но погода мгновенно испортилась, и юго-западный ветер достиг отметки в 70 узлов. Их открытая позиция на леднике стала неприемлемой, и они запросили вертолеты с корабля «Энтирим» для эвакуации. Первый вертолет прибыл и, потеряв видимость из-за снега, разбился. Второй постигла та же участь. Министерство обороны не знало, были ли погибшие. Это было ужасным и досадным началом кампании.

С тяжелым сердцем я спешила на благотворительный ужин в Мэ-ншен Хаус, где мне предстояло быть спикером. Как мне было скрыть свои чувства? Но как только я спустилась вниз по ступеням Номера 10, Клайв Уитмор, мой основной личный секретарь, выбежал из своего офиса с новыми новостями. Третий вертолет сел на ледник и забрал всех оперативников SAS и экипажи двух других вертолетов. Как пилоту это удалось, я не знаю. Несколькими месяцами позже я встретилась с ним – совершенно скромный, тихий профессионал: он заметил, что в его вертолете никогда не было столько народу. Когда я выходила из Номера 10, я словно парила. Все наши люди выжили.

Френсис Пим возвращался из США с новыми предложениями по тексту.

Суббота 24 апреля оказалась самым важным днем в фолклендской истории и переломным для меня лично. Рано утром Френсис явился в мой кабинет, чтобы сообщить мне результаты своих стараний. Я могу описать документ, который он привез, лишь как условную капитуляцию. Я сказала Френсису, что это совершенно неприемлемо. Они собирались отнять у фолклендцев их свободу, а у Британии – ее честь и уважение. Френсис возразил. Он считал, что мы должны принять условия соглашения. Мы столкнулись лоб в лоб.

Заседание военного кабинета было назначено на тот вечер, и я провела остаток дня, сравнивая детали разных предложений, которые были выдвинуты до настоящего момента. Чем внимательнее я смотрела, тем очевиднее становилось, что наша позиция страдала, а фолклендцев попросту предавали. Я попросила министра юстиции прибыть в Номер 10 и вместе со мной просмотреть документы. Но сообщение сбилось с пути, и вместо этого он приехал в Министерство иностранных дел. Меньше, чем за час до Военного Кабинета, он, наконец, получил сообщение и прибыл ко мне, только подтвердив в итоге мои худшие опасения.

Важно понимать: то, что с первого взгляда может показаться неподготовленному взгляду незначительными вариациями в языке дипломатических текстов, может иметь жизненно-важное значение, как и произошло в этом случае. Было четыре основных текста для сравнения. Были предложения, которые Эл Хейг обсудил с нами и увез в Аргентину 12 апреля. Наше отношение к ним было смутным; хотя мы и обсудили их с ним во всех подробностях, мы не обязались их принимать. Затем были абсолютно недопустимые предложения, которые мистер Хейг привез из Буэнос-Айреса 19 апреля. 22 апреля мы откорректировали эти предложения на приемлемых для нас основаниях, и Френсис Пим получил инструкции начать переговоры, базирясь на них. Наконец, был последний текст, который привез Френсис из США, и с которым я теперь столкнулась. Различия между текстами 22 и 24 апреля лежали в основе того, почему мы готовы были начать войну за Фолклендские острова.

Во-первых, там был вопрос, насколько далеко и быстро отступят наши силы. Согласно привезенному Френсисом тексту, нашим войскам пришлось бы отступить еще дальше, чем предлагал Буэнос-Айрес. Хуже того, всем нашим войскам пришлось бы покинуть обозначенные зоны в течение семи дней, лишая нас любых эффективных механизмов военного контроля над ходом вывода. Что, если бы аргентинцы вернулись? Не было и ни одной гарантии того, что аргентинские войска

сдержат обещание «быть максимум в семидневной готовности для повторного вторжения» (что бы это ни значило).

Во-вторых, санкции против Аргентины должны были быть отозваны в момент подписания соглашения, а не по окончании вывода войск, как гласило наше встречное предложение. Так мы теряли единственный способ убедиться, что вывод аргентинских войск действительно произойдет.

В-третьих, в вопросе Особого Промежуточно Управления текст возвращался к предложению включения двух представителей аргентинского правительства в советы островов, плюс, как минимум, одного представителя местного аргентинского населения. Более того, было возвращение к риторике, связанной с аргентинским проживанием и частной собственностью, которые позволили бы им успешно наводнить острова аргентинцами.

Не менее важной была риторика, связанная с долговременными переговорами после вывода аргентинских войск. Как и в документе из Буэнос-Айреса, Френсис Пим вычеркнул возможность возвращения к ситуации, в которой островитяне находились до вторжения. Нам нужно было пойти против своего основного принципа, что желания островитян являются первоочередными, и таким образом отказаться от любой возможности для них остаться с нами. Понимал ли Френсис, что он вычеркнул?

Вопреки моему четко обозначенному тем утром мнению, Френсис представил документ военному кабинету, порекомендовав принятие этих условий. Незадолго до шести часов вечера министры и госслужащие начали собираться за дверьми Кабинета 7. Френсис был там, активно лоббируя свою позицию. Я попросила Вилли Уитлоу подняться со мной наверх, сообщила ему, что не могу принять эти условия, и объяснила, почему. Как всегда, в жизненно важный момент он поддержал мою точку зрения.

Собрание началось, и Френсис Пим представил свой документ, порекомендовав нам согласиться с планом. Но пять часов подготовки с моей стороны не были пустой тратой времени. Я разобрала текст строчку за строчкой. Что на самом деле означал каждый пункт? Как так получилось, что мы теперь принимали то, что раньше отвергали? Почему мы не настояли, как минимум, на самоопределении? Почему мы согласились на практически неограниченную аргентинскую иммиграцию и приобретение недвижимости на одинаковых условиях с островитянами? Вся остальная комиссия была на моей стороне.

Именно Джон Нотт нашел процедурный путь к продолжению. Он предложил нам не делать комментариев касательно текста, а попросить мистера Хейга сперва показать его аргентинской стороне. Если они его примут, мы, вне сомнения, окажемся в затруднительном положении: но в свете их согласия мы можем вынести вопрос на обсуждение в парламент. Если все аргентинцы его отвергнут – а мы были почти уверены, что так и будет, поскольку для военной хунты почти невозможно отступить – мы сможем требовать от американцев твердо встать на нашу сторону, как это и обозначил Хейг в случае, если мы не выйдем из переговоров. Так и было решено. Я сразу отправила сообщение мистеру Хейгу.

Позднее в тот день я узнала о наших успехах на Южной Джорджии. В тот вечер в Винсдоре была организована аудиенция с Ее Величеством. Я была счастлива лично сообщить ей новость о возвращении одного из ее островов. Я возвратилась на Даунинг Стрит, чтобы дожидаться подтверждения недавнего сигнала и озвучить новости. Я хотела, чтобы у Джона Нотта была возможность сделать объявление, поэтому распорядилась, чтобы он прибыл в Номер 10. Вместе с ним и

пресс-секретарем Министерства обороны мы подготовили пресс-релиз и обнародовали хорошую новость.

Мои замечания (иногда преднамеренно) интерпретировали неверно. После того, как Джон Нотт сделал свое заявление, журналисты пытались задавать вопросы: «Что произойдет дальше, мистер Нотт? Собираемся ли мы объявлять войну Аргентине, миссис Тэтчер?» Казалось, они предпочитают выдавливать из нас ответы на эти вопросы вместо того, чтобы донести до нации новости, которые могут поднять ее дух и дать надежду жителям Фолклендов. Меня это раздражало. «Просто радуйтесь новостям и поздравьте наши войска и морских пехотинцев... Радуйтесь». Я имела в виду радость за бескровное освобождение Южной Джорджии, а не за то, что идет война. Для меня война не была поводом для радости. Но некоторые воображали иначе.

Внутри страны очевидная неизбежность полномасштабного военного конфликта пошатнула уверенность тех, чье стремление вернуть Фолклендские острова всегда было слабее, чем казалось со стороны. Некоторые из членов парламента хотели продолжения переговоров, во что бы то ни стало.

К сожалению, трещины, которые теперь появлялись в партии лейбористов, скорее всего должны были расширяться из-за того, что происходило в ООН. Генеральный секретарь ООН все сильнее вовлекался в дискуссию. За тихое замечание синьора Переса де Куеллара обеим сторонам – в котором говорилось, что мы, как и Аргентина, не сумели сработать в рамках UNSCR 502 – ухватились Дэнис Хили и Майкл Фут. У меня произошло серьезное столкновение с мистером Футом во время вопросов к премьер-министру во вторник 27 апреля по проблеме нашего возвращения в ООН. В действительности, генеральный секретарь очень быстро понял ситуацию, но ущерб уже был нанесен. Сами мы изучали потенциальную эффективность предложения президента Мексики Лопез-Портильо по предоставлению площадки для переговоров. Но Эл Хейг не хотел, чтобы мы этим занимались.

У Эла Хейга были свои дипломатические проблемы. Министр иностранных дел Аргентины, разгневанный освобождением Южной Джорджии, лично отказал ему во встрече, хотя они и встречались в частном порядке.

Мистер Хейг вновь переработал предложения, оговоренные с Френсисом Пимом в Вашингтоне, и теперь передал их аргентинскому правительству. Он сообщил хунте, что поправки недопустимы, и у них ограничено время на ответ, хотя сам впоследствии не стал придерживаться этой линии.

На заседании кабинета в четверг 29 апреля мы обсудили сложившуюся неопределенность. Крайний срок, предоставленный аргентинцам на их ответ, прошел, но мистер Хейг теперь говорил о возможности внесения аргентинской стороной поправок в его предложения. Куда это все приведет в итоге?

По завершении заседания Кабинета я отправила сообщение президенту Рейгану, обозначив, что с нашей точки зрения, теперь можно считать, что аргентинская сторона отвергла американские предложения. В действительности, чуть позже в тот же день, Аргентина формально отклонила текст. Президент Рейган ответил на мое сообщение следующей формулировкой: – Я уверен, вы понимаете, что теперь необходимо четко пояснить, что уже были предприняты все возможные попытки к достижению справедливого, мирного решения, и что аргентинской стороне был предложен выбор между подобным решением и эскалацией конфликта. Мы обязуемся сделать публичное заявление о предпринятых нами попытках. Мы обозначим предложение американской стороны в общих терминах, но не будем обнародовать

его, чтобы не создавать для вас осложнений. Я понимаю, что, видя все фундаментальные сложности предложения, вы его не отвергли. Мы не оставим поводов усомниться в том, что правительство Ее Величества добросовестно работало совместно с нами, и что у него не осталось выбора, кроме как прибегнуть к военным мерам, исходя из права на самооборону.

Пятница 30 апреля четко обозначила конец дипломатической и начало военной кампании по возвращению Фолклендских островов. США открыто были на нашей стороне. Президент Рейган сообщил тележурналистам, что Аргентина прибегла к военной агрессии, и подобной агрессии нельзя позволить увенчаться успехом. Важнее всего, что президент также обозначил готовность США положительно ответить на просьбу о предоставлении военной техники. К сожалению, они не были готовы наложить эмбарго на импорт из Аргентины. Однако заявление президента оказало нам значительную моральную поддержку в сохранении нашей позиции.

Именно в этот день вступила в силу ОЗП. И справедливо будет заметить, что с этого момента наше внимание занимала не дипломатия, военные вопросы. В центре внимания Военного Кабинета в то утро был аргентинский авианосец «Вейнтисинко де Майо». Он мог покрыть дистанцию в 500, а его палубная авиация – еще 500 миль. Его корабли сопровождения были вооружены ракетами «Экзоцет», поставленными Францией в 1970-е годы. Угроза «Экзоцетов» была воспринята серьезно. Она усиливала угрозу, которую аргентинская группировка представляла для наших кораблей и линий снабжения. Поэтому мы разрешили атаку на авианосец, где бы он ни был, при условии, что это к югу 35 широты и к востоку 48 долготы, и находится вне 12-мильного ограничения аргентинских территориальных вод. Такая атака может основываться на праве на самооборону и оставаться в рамках статьи 51 Хартии ООН; в соответствии с уведомлением, данным 23 апреля, дополнительных предупреждений не требовалось.

С начала мая по середину июня, когда Фолкленды были освобождены, военные размышления все больше поглощали меня. Но это не означало, что требования переговоров ослабли – вовсе нет. Я находилась почти под невыносимым давлением темы переговоров ради переговоров, поскольку очень многие политики отчаянно требовали избегания применения силы – как если Аргентина ее не применила первой, вторгнувшись на острова. И все это время в воздухе витал постоянный, назойливый страх неизвестного. Окажется ли достаточно имеющейся воздушной поддержки? Где были аргентинские подводные лодки? Сможем ли достичь военной или дипломатической позиции, подходящей для успешной высадки в короткие сроки, установленные приближением невыносимой зимней погоды в Южной Атлантике?

За завтраком в Милтон Холле, в округе Южный Гастингс, я ответила на телефонный звонок, в котором сообщалось, что наши «Вулканы» разбомбили взлетную полосу в аэропорту Порт Стэнли. Наша морская ударная группировка также наносила удары по аргентинским позициям в других местах Фолклендских островов. Пока не было потерь со стороны Британии, но предстояло ждать еще много часов, прежде чем «Вулканы» – после затяжного полета с дозаправкой в воздухе – вернуться на остров Восхождения.

В тот день аргентинские ВВС запустили крупную атаку на наши корабли. Положение аргентинцев позволяло им отправлять фотоснимки во внешний мир, а у нас такой возможности не было. Они утверждали, что множество наших самолетов сбито, но известный репортер Брайан Хэнраган, великолепный корреспондент ВВС, прямо сообщил: «Я пересчитал их на вылете, пересчитал на прилете – все на месте». Это было огромное облегчение.

Следующий день, воскресенье, которое я провела в Чекерсе, имел огромное – хотя и не всегда верно трактуемое – значение для исхода Фолклендской войны. Члены военного кабинета, начальники штабов и служащие прибыли в Чекере на ленч и дискуссию. В этот раз вопрос был особый и требовал срочного решения.

Я созвала Вилли Уитлоу, Джона Нотта, Сесила Паркинсона, Майкла Гаверса, Терри Левина, адмирала Филдхауза и сэра Энтони Аккланда. (Френсис Пим был в Америке). Адмирал Филдхауз сообщил, что одна из наших подлодок, «Конкерор», наблюдает за аргентинским крейсером «Генерал Белграно». «Белграно» сопровождали два эсминца. Сам крейсер обладал значительной огневой мощью шести орудий с дальностью в 13 миль и ракетами море-воздух. Нам сообщили, что он может также нести противолодочные ракеты «Экзоет», а на двух эсминцах эскорта они точно установлены. Вся группировка направлялась к границе ОЗП. За день до этого имели место продолжительные авианалеты на наши корабли, и у адмирала Вудварда были все основания считать, что идет подготовка полномасштабного наступления. Аргентинский авианосец «Вентисинко де Майо» был замечен незадолго до этого, и мы решили изменить правила ведения боя для устранения угрозы, которую он представлял. Однако наша подлодка потеряла авианосец из виду, и сохранялась вероятность, что «Конкерор» тоже потеряет группу «Белграно». На основании имеющейся информации адмирал Вудвард заключил, что авианосец и группа «Белграно» выполняют классический маневр «клещи» против нашей группировки. Мне было ясно, что наши войска нужно защитить. Поэтому мы решили, что должны авторизовать атаку на крейсер на тех же основаниях, на которых прежде планировалось нападение на авианосец.

Необходимый приказ, обозначающий изменение правил ведения боя, был отправлен из Нортвуда на «Конкерор» в 1:30 дня, но только в 5 часов «Конкерор» сообщил о его получении. «Белграно» был торпедирован и затонул незадолго до 8 вечера. Наша подлодка ушла из зоны как можно скорее. Ошибочно посчитав, что будут новые цели, сопровождение «Белграно» начало осуществлять меры против подлодок вместо того, чтобы спасти его экипаж, потери которого составили 321 человек погибшими. Плохое состояние и подготовка корабля значительно увеличили потери. Мы в Лондоне сразу узнали о попадании в «Белграно», но о том, что он пошел ко дну, нам стало известно лишь спустя несколько часов.

Множество зловерных и ошибочных глупостей прозвучало вокруг причины уничтожения «Белграно». Но все заявления оказались голословными.

Решение топить «Белграно» было принято исключительно из военных, а не из политических соображений: утверждение, что старались сорвать многообещающую мирную инициативу со стороны Перу, не выдерживало никакой критики. Те из нас, кто принимал решение в Чекерсе, в то время ничего не знали о предложениях Перу, которые, в любом случае, очень напоминали план Хейга, отвергнутый аргентинцами несколькими днями ранее. Существовала отчетливая военная угроза, и мы были обязаны на нее ответить. Более того, последующие события более, чем оправдали то, что мы сделали. В результате катастрофической потери «Белграно» аргентинский флот – и, главное, авианосец, вернулись в порт и остались там. Уничтожение «Белграно» оказалось одним из решающих шагов этой войны.

Военное и дипломатическое давление теперь возросло. Во вторник 4 мая в эсминец «Шеффилд» попала аргентинская ракета «Экзоет», и эффект был разрушительным. Это была ужасающая демонстрация риска, с которым сталкивались наши войска. «Шеффилд» был достаточно старым кораблем с устаревшим радаром:

он передавал в Лондон сообщение через спутник за мгновение до попадания ракеты, что помешало ему заранее зафиксировать нападение и выбросить ловушку. К тому же перегородки были открыты, и, как мы поняли из масштабов пожара, в конструкции было слишком много алюминия. Сперва мне сообщили о 20 погибших, затем – о 40.

Было трудно понять, как сообщить такую новость. Нам бы следовало сперва сообщить близким родственникам, и мы так и решили поступить. Но в это время аргентинцы выступали с заявлениями – некоторые были правдивы, некоторые – нет, но все с одним намерением – прежде, чем нам стали известны реальные факты. В результате жены и семьи прожили несколько мучительных дней и ночей. В тот день мы также потеряли один из наших «Хэрриеров».

К этому моменту Френсис Пим вернулся из США. Нам не понравились американо-перуанские предложения, которые он привез, но Эл Хейг не стал принимать внесенные нами изменения или передавать их перуанской стороне, поскольку считал, что Аргентина отклонит их, не задумываясь. Я получила сообщение от президента Рейгана с просьбой пойти на дальнейший компромисс.

Утром в понедельник 5 мая я впервые созвала военный кабинет и полный Кабинет для рассмотрения американо-перуанского предложения. Меня они совершенно не устраивали, как и Кабинет. Но нам нужно было дать какой-то ответ. Я хотела удостовериться, что промежуточное управление будет действовать в согласии с островитянами, и что их желания должны быть учтены в долговременном соглашении.

Я также хотела, чтобы Южная Джорджия и прочие Фолклендские подконтрольные территории оставались вне рамок предложения. Кабинет был тверд в этих задачах. Мы решили стремиться к изменениям, чтобы сойтись с ними, и в этом мы преуспели.

Тони Парсонс отстаивал позицию Британии в ООН блестяще и с огромной силой. Аргентинцы явно намеревались максимально использовать пропагандистские преимущества в дискуссиях, поддерживаемых генеральным секретарем ООН, но я не готова была останавливать военный прогресс ради переговоров. Мы приближались к критическому этапу. Если мы собирались высаживаться и освободить острова, нам нужно было сделать это между 16 и 30 мая. Мы не могли отложить это из-за погоды. Это означало, что переговоры с ООН нужно завершить в течение 10 дней, или около того. Если они увенчаются успехом, и наши принципы и минимальные требования будут соблюдены – хорошо. Если они возьмутся за старое, тогда – если начальники штабов порекомендуют – мы продолжим войну.

По ходу переговоров с Аргентиной в Вашингтоне, становилось все очевиднее, что они не были готовы идти на уступки, которых мы требовали. Был необходим ультиматум.

Теперь нам предстояло твердо противостоять попыткам заставить нас пойти на неприемлемые компромиссы, избегая создания образа непреклонности. Тони Парсонс получил особые инструкции касательно нашей позиции по дистанциям вывода войск, промежуточной администрации, вопросу иммиграции и приобретения имущества в ходе промежуточного периода; важно было гарантировать, что Аргентине не удастся заранее решить в свою пользу вопрос суверенитета. Велись подробные дискуссии по поводу конституционного положения об управлении ООН на островах. С нашей точки зрения, представитель ООН мог только следить за соблюдением законов, но не менять их. Мы также продолжали требовать от США гарантий военной безопасности островов – но с ограниченными успехами. Гене-

ральный секретарь ООН был в некотором роде ошеломлен твердостью нашей позиции. Но Тони Парсонс разъяснил ему основные факты спора. Не мы совершили акт агрессии; ни одно соглашение, подразумевающее хоть какое-то одобрение аргентинской агрессии, в Британии не будет принято.

Эл Хейг был в Европе, и это дало возможность работникам администрации, сочувствовавшим Аргентине, возможность убедить президента Рейгана, что именно мы не проявляем должную гибкость. Президент Рейган позвонил мне в 6:40 вечера. У него сложилось впечатление, что у нас и Аргентины теперь много общего в наших позициях. Мне пришлось сказать ему, что это, к несчастью, не так. Сохранились значительные препятствия. Президент Рейган также был обеспокоен тем, что противостояние изображается как битва Давида с Голиафом, и Соединенное Королевство в данном случае – Голиаф. Я ответила, что это вряд ли выглядит правдиво, с учетом расстояния в 8000 миль. Я напомнила президенту, что его бы не устроило, если бы его люди жили в условиях режима, подобного хунте, а также о времени, которое островитяне уже прожили на этих островах, и о стратегическом значении Фолклендских островов в случае, к примеру, закрытия Панамского канала. Я закончила попыткой убедить его – мне кажется, успешной – в том, что его дезинформировали касательно предполагаемых уступок со стороны Аргентины. Это был трудный разговор, но полезный с точки зрения равновесия. Сам факт, что даже наш ближайший союзник так смотрел на вещи, свидетельствовал о глубине трудностей, с которыми мы столкнулись.

Воскресенье в Чекерсе в основном прошло за подготовкой наших окончательных предложений для представления аргентинской стороне генеральным секретарем ООН. Основной задачей было довести переговоры до конца – в идеале, до высадки – но так, чтобы не выглядеть бескомпромиссными. Стало ясно, что нам нужно сделать очень разумное предложение. Я приняла это, поскольку была убеждена, что Аргентина его отклонит, и только по принципу бери-или- уходи: аргентинцы должны принять предложение целиком, или не принимать его вовсе, и в последнем случае оно будет отозвано. Мы намеревались установить ограничение по времени на ответ.

Тем временем в Британии Тони Парсонс и Нико Хендерсон были плотно заняты подготовкой текста. Мы детально проработали каждый пункт, переделывая текст, строчка за строчкой. Под рукой были объемные справочные материалы по ООН и закон, касающийся управления Фолклендскими островами. Мы ужесточили наши требования касательно промежуточной администрации, чтобы ее формат гарантировал некое подобие самоуправления для жителей островов без всякого участия правительства Аргентины. Мы полностью исключили Южную Джорджию и прочие зависимые территории из текста предложения. Мы сделали отсылку к статье 73 Хартии ООН, которая подразумевает самоуправление, чтобы дать понять, что пожелания островитян остаются ключевой ценностью в долгосрочных переговорах. От аргентинского правительства требовалось ответить в течение 48 часов, переговоры по условиям предусмотрены не были. Этот опыт также позволил мне впоследствии разъяснить каждую формулировку в палате общин, дабы умерить их понятные опасения касательно нашей готовности уступить слишком многое.

Утром во вторник 18 мая военный кабинет встретился со всеми начальниками штабов. Пожалуй, это был решающий момент. Нам предстояло решить, начинать ли высадку на Фолклендских островах; я попросила каждого из начальников высказать свое мнение. Сложности были ясны: мы будем уязвимы при высадке и, что

принципиально, были сомнения в достаточности поддержки с воздуха. Нам не удалось вывести из строя столько аргентинских самолетов или кораблей, сколько хотелось бы, в недели, предшествующие высадке. И всегда оставался тот факт, что мы не могли обнаружить их подводные лодки.

Но также было ясно, что чем дольше задержка, тем больше риск потерь, и тем хуже погодные условия, в которых нашим солдатам предстояло сражаться. Солдаты не могли оставаться на борту корабля до бесконечности. Вывод заключался в том, что преимущества высадки перевешивали риск, связанный с ее задержкой. Правила ведения боя уже были согласованы. Нападение должно было начаться уже вечером.

Никто из нас не сомневался в том, что нужно сделать. Мы дали разрешение на высадку на основании плана командующего силами, в соответствии с окончательным одобрением со стороны Кабинета. Процесс можно было остановить в любой момент до позднего вечера четверга, что позволило бы тщательно рассмотреть любой ответ аргентинцев на наши предложения. Более того, время было рассчитано для командующего войсками лично.

В действительности, на следующий день, в среду, мы получили ответ аргентинской стороны, который фактически содержал подробный отказ от наших предложений. До этого мы решили – по предложению Френсиса Пима – опубликовать последующие отказы Аргентины, и 20 мая мы так и сделали. В первый раз за все время этих дипломатических маневров, реальная позиция стороны в них была обнародована, что создало хорошее международное впечатление.

Генеральный секретарь предпринял попытку в последний момент наладить связь со мной и Гальтиери, чтобы выдвинуть свои предложения. В вторник 20 мая военный кабинет собрался перед Кабинетом. Френсис снова призывал к компромиссу. Он заметил, что «памятная записка» генерального секретаря была во многом сходна с нашими предложениями, и что продолжение военных действий может быть неверно растолковано. Но факт был в том, что предложения синьора де Куеллара были поспешными и неясными; принять их означало бы вернуться в самое начало. Я жестко все подытожила. Не может быть и речи о задержках в военном расписании. Это может оказаться смертельным для наших войск. Военный кабинет, а позднее – и полный Кабинет согласились.

Генеральный секретарь не получил от аргентинцев ответа на свою «памятную записку» – по которой мы, несмотря на нашу сдержанность, сделали несколько серьезных комментариев. Он признал провал своей попытки в Совете Безопасности. Мы обнародовали наши предложения, и я отстаивала их на следующий день в палате общин. Дебаты прошли хорошо и создали благоприятный фон для того, что должно было произойти.

Мне предстоял день, полный дел в своем округе 21 мая в пятницу, и я понимала, насколько важно продолжать заниматься своими делами, как обычно.

Позднее в тот вечер, когда я была на приеме в Вудхаус Скул, все еще в округе, по телевидению сообщили новость. Британский флаг реял над Сан Карлос: мы вернули Фолкленды.

Но мне отчаянно не давал покоя вопрос потерь.

Ближе к ночи я вернулась в Номер 10 и Джон Нотт представил мне полный отчет. Сама высадка прошла без единой потери. Но теперь был день и начались яростные авианалеты. Фрегат «Ардент» был уничтожен. Еще один фрегат – «Аргонаут» – и эсминец «Бриллиант» получили тяжелые повреждения.

Основные десантные силы продвинулись в сторону Сан Карлос Уотер, укрытые облачным небом и плохой видимостью, в то время как в других районах Восточных Фолклендов проходили диверсионные операции. Под прикрытием огня из корабельных орудий, наши войска были доставлены на берег на десантном судне, пока вертолеты перебрасывали экипировку и припасы. Пять тысяч человек успешно высадились, но мы потеряли два вертолета вместе с экипажами. Береговой плацдарм был обеспечен, однако для полного его захвата требовалось еще несколько дней.

На заседании Совета Безопасности Тони Парсонс отстаивал нашу позицию перед лицом неизбежных словесных нападков союзников Аргентины. В конце дебатов ирландцы выдвинули совершенно неприемлемую резолюцию. Только африканцы скорректировали резолюцию до состояния, в котором мы могли ее принять. Она стала UNSCR 505, единогласно принятой 26 мая, давая генеральному секретарю распоряжение искать способы для прекращения военных действий и полного применения UNSCR 502.

В субботу во второй половине дня я посетила Нортвуд перед тем, как отправиться в Чекере, и провела некоторое время в оперативном зале за брифингом. Я всячески старалась сохранять уверенность, но когда мы с адмиралом Филдхаузом вышли и нас никто не смог бы услышать, я не удержалась и спросила его: «Сколько еще нам это терпеть?» Он был не меньше обеспокоен. Но у него была способность великолепного командующего – видеть противоположную сторону вещей. И какими бы ужасными ни были наши потери, тот факт заключался в том, что мы успешно высадили свои войска, а ВВС Аргентины понесли серьезные потери.

Я должна отметить, что на руку нам играли три важных слабых места в наступательном потенциале аргентинских ВВС, хотя в некоторой степени это была наша заслуга. Во-первых, аргентинцы сосредоточили свои налеты – за трагическим исключением Блафф Коув немного позднее – на кораблях сопровождения, нежели на десантных судах или авианосцах. Разумеется, частично это была заслуга сопровождения, успешно оборонявшего эти суда. Во-вторых, аргентинские самолеты были вынуждены летать на небольшой высоте, избегая наших ракет, в результате чего бомбы, снаряженные на большую высоту, зачастую не взрывались. (К сожалению, бомба, застрявшая в корпусе корабля «Энтелоуп» взорвалась, отправив корабль на дно, когда отважный сапер попытался ее обезвредить). В-третьих, у аргентинцев был ограничен запас французских ракет «Экзоцет». Они предпринимали отчаянные попытки увеличить свой арсенал. Были свидетельства того, что вооружение из Ливии и Израиля обходными путями, через южноамериканские страны, попадает к ним. Мы, в свою очередь, предпринимали отчаянные попытки пресечь эти поставки. Позднее, 29 мая, мне предстоял телефонный разговор с президентом Миттераном, который сообщил, что у Франции был контракт на поставки «Экзоцет» в Перу, который уже был выполнен, и мы с ним боялись, что они попадут в Аргентину. Как всегда, бывало, во время конфликтов, он был предельно сдержан.

Американцы, какими бы раздражающими и непредсказуемыми ни были их публичные высказывания по проблеме, предоставляли такую бесценную помощь, как 150000 квадратных ярдов покрытия для создания временной взлетно-посадочной полосы. 3 мая Каспар Вайнбергер даже предложил отправить авианосец «Эйзенхауэр» в качестве передвижного аэродрома для нас – предложение, скорее вдохновляющее, чем практическое.

Вечером во вторник 25 мая я работала в своем кабинете в палате общин, когда пришел Джон Нотт и сообщил, что эсминец «Кавентри» подвергся затяжному налету аргентинской авиации и тонет. Он был одним из двух военных кораблей, «закрывавших» внешнюю часть Фолкленд Саунд, предоставляя раннее оповещение о воздушных налетах и шит ПВО для кораблей снабжения, разгружавшихся в Сан Карлос Уотер. Позднее он перевернулся и затонул. 19 членов экипажа погибли. Джону предстояло выступить по телевидению в течение получаса. Часть того, что произошло, уже была известна публике, но не название корабля. Лучше было не раскрывать его до получения подробностей о судьбе экипажа. Было ли это правильное решение я не уверена до сих пор: из-за того, что название не обнаруживали, все семьи служивших на флоте были преисполнены волнения.

Позже в тот вечер мне предстояли еще плохие новости. Я посетила личный кабинет, чтобы узнать последние новости о «Кавентри», но вместо этого дежурный по Номеру 10 сообщил мне, что в 18000-тонный контейнер компании «Кунард» «Этлентик Конвейор» попала ракета «Экзоцет»; корабль горел и поступил приказ покинуть его. «Этлентик Конвейор» вез необходимые припасы для наших войск на Фолклендах. Четверо находившихся на борту погибли, а капитан утонул, хотя позже мне сказали, что он пережил взрыв и пожар, и его видели живым в воде. К счастью, большинство выжили и были спасены.

Я знала, что «Этлентик Конвейор» вез еще 19 «Хэрриеров», критически необходимых в качестве подкрепления. Были ли они все еще на борту?

Если да, то как мы продержимся? Корабль также вез вертолеты, жизненно важные для переброски войск и припасов в наземной кампании. Только один удалось спасти. Вдобавок к нашему ужасу, также пришла новость, что было попадание по «Инвинсибл», и он поврежден. А где-то к югу от Фолклендов был лайнер «Королева Элизабет-2», везущий 3000 пехотинцев. Для меня это была одна из худших ночей той войны.

Рано утром я узнала, что новости не настолько мрачные. Мне сообщили о выдающейся операции по спасению большинства членов экипажей «Кавентри» и «Этлентик Конвейор». 19 «Хэрриеров» еще раньше были перевезены на «Хермес» и «Инвинсибл». У меня отлегло от сердца: мы вовсе не были смертельно ранены. Более того, новость о попадании по «Инвинсибл» была полностью ошибочной.

Разгрузка припасов все еще продолжалась в Сан Карлосе. Некоторые десантные и грузовые суда подверглись нападениям и получили попадания; были неразорвавшиеся бомбы, большую часть которых удалось обезвредить. Наш центр по оказанию медицинской помощи также получил попадания, но врачи продолжили работать.

К разочарованию генерального секретаря ООН Эла Хейга, мы ясно дали понять, что после высадки мы не готовы вести переговоры. Вашингтон оказывал на нас давление, стремясь предотвратить окончательное военное унижение Аргентины, которое теперь казалось американской стороне неизбежным. Мне бы их уверенность. Я, в отличие от них, представляла себе все опасности, с которыми нам все еще предстояло столкнуться, чтобы вернуть острова.

Это наглядно продемонстрировало сражение за Дарвин и Гуз Грин. Аргентинцы были хорошо подготовлены и окопались на сильных оборонительных позициях, к которым нашим войскам пришлось приближаться по открытой местности через узкий перешеек. Они столкнулись с плотным вражеским огнем. Как хорошо известно, полковник «Эйч» Джонс, командир 2-й воздушно-десантной, погиб, расчищая путь к наступлению для своих бойцов. Его заместитель взял командование на себя и позже принял капитуляцию противника. В какой-то момент из вражеских

окопов оказался белый флаг, но когда двое наших солдат приблизились к ним, их застрелили. В конце концов наш командир отправил туда двух аргентинских военнопленных, чтобы те передали приказ сдаться, где также говорилось, что они могут провести парад, если захотят, но им придется сложить оружие. Это оказалось приемлемым решением. Аргентинские офицеры разглагольствовали на тему правого дела, но они все равно сдались. Жители Гуз Грин, которых держали в заключении внутри городского центра в течение трех недель, были освобождены. Знаменитое сражение было выиграно. Сегодня рядом с Гуз Грин есть мемориал, посвященный десантникам, и еще один – лично памяти «Эйч».

Пресса сообщила, что наши войска собираются взять Гуз Грин за день до самого наступления. Я пришла в бешенство, когда узнала об этом – думаю, «Эйч» тоже. Лишние разговоры выдавали аргентинцам наши намерения, хотя вина лежала не только на самой прессе, но и на работе с ней в Министерстве обороны.

К несчастью, американцы теперь снова стремились воскресить дипломатические переговоры. Я знала, что мы не можем позволить себе игнорировать США, особенно на этом этапе. Поддерживали контакт с мистером Хейгом по вопросам обеспечения и возвращения на родину аргентинских пленных, а также по более общей теме наших планов о будущем островов в долгосрочной перспективе.

Что было бы не совсем уместно, так это выхватить дипломатическое поражение из зубов военной победы – как мне пришлось сказать президенту Рейгану, когда он позвонил мне поздно вечером в понедельник 31 мая. Для нас обоих был не слишком полезен тот факт, что я была заранее осведомлена о том, что он скорее всего скажет, и, как следствие, настроена скорее твердо, чем дружелюбно. Мне предстояла возможно коротко переговорить с президентом Рейганом в ходе грядущего саммита G7 в Версале.

Тем временем нам предстояло деликатно разобраться с состоявшим из пяти пунктов планом мирного урегулирования, предложенным генеральным секретарем ООН. Требование прекращения огня, поддерживаемое генеральным секретарем ООН, довлело над нами все сильнее. В среду 2 июня, после того как генеральный секретарь объявил, что прекращает свои попытки, Испания и Панама, от имени Аргентины, попытались выдвинуть на голосование внешне безобидный текст резолюции о прекращении огня, который привел бы ровно к тем результатам, которых мы стремились избежать. До последнего момента было неясно, получится ли у Испании даже сейчас получить необходимые девять голосов, что вынудит нас наложить вето на резолюцию. Мы оказывали максимально возможное давление. Голосование было отложено до пятницы.

В полдень того же дня я полетела в Париж на саммит G7. Моя первая и самая важная встреча была с президентом Рейганом, который остановился в посольстве США. Мы разговаривали наедине. Я поблагодарила его за помощь, которую нам оказали Соединенные Штаты. Я спросила, чем американская сторона может помочь в вопросе репатриации аргентинских военнопленных. Я также попросила, чтобы США проголосовали в нашу пользу в Совете Безопасности.

Настроение в Версале внешне крайне отличалось от того, которое теперь превалировало в ООН в Нью-Йорке. Главы правительств остановились в Малом Трианоне. После ужина у нас состоялась продолжительная дискуссия о Фолклендских островах, и отклики были преисполнены сочувствия и поддержки. Позднее британская делегация и я переместились в гостиную, которую нам выделили. Мы беседовали в течение 15 минут, когда пришло сообщение от Министерства иностранных

дел и Тони Парсонса о том, что сейчас состоится голосование в Совете Безопасности, и что японцы голосуют против нас. Поскольку это был девятый голос, необходимый для того, чтобы резолюция прошла, ситуация особенно раздражала. Я всячески старалась связаться с мистером Сузуки, премьер-министром Японии, чтобы убедить его хотя бы воздержаться, но мне сообщили, что добраться до него невозможно.

В действительности, внимание от наших проблем отвлекло экстраординарное поведение посла США в ООН миссис Киркпатрик. Заявив о своем вето вместе с нами, она всего через несколько минут объявила, что если голосование состоится вновь, то она, согласно только что полученным инструкциям, воздержится. По иронии, это заявление нам скорее сыграло на руку, поскольку отвлекло внимание прессы от нашего вето. Однако так не было запланировано. Очевидно, поддавшись давлению со стороны латиноамериканских стран, Эл Хейг позвонил ей из Версаля, велел отозвать свой голос в нашу поддержку, но она не получила это сообщение вовремя. Для США это событие имело еще одно неловкое продолжение. Перед ленчем в Версальском дворце телевизионщикам позволили войти, и американский журналист спросил президента Рейгана, что стояло за замешательством США в ООН накануне вечером. К моему удивлению, он сказал, что ничего об этом не знает. Тогда журналист обратился ко мне. Я не намеревалась сыпать соль на раны моего друга, поэтому сказала, что не даю интервью за ленчем.

В то же утро премьер-министр Японии дал мне предельно невнятные объяснения голоса Японии в пользу резолюции, утверждая, что считал, что это привело бы к отступлению Аргентины. Однако итоговый отчет президента Миттерана на пресс-конференции после завершения G7 был великолепен и благоприятен для нас.

Ни Тони Парсонс, ни я не были удивлены тем, что нам, наконец, пришлось воспользоваться правом вето. Оглядываясь назад, становится ясно, что нам очень повезло – и в этом также заслуга Тони Парсонса – что нам не пришлось накладывать вето на подобную резолюция гораздо раньше.

Теперь мои мысли были вновь сосредоточены на том, что происходило на Фолклендах. Десантные корабли, «Сэр Тристрам» и «Сэр Галахейд», полные людей, экипировки и амуниции, были отправлены в обход острова в сторону Блафф Коув и Фитцрой в рамках подготовки к финальному наступлению на Порт Стэнли. Облака разошлись, когда корабли все еще разгружали ракеты «Рэпиэр», которые должны были защитить их от атаки с воздуха, когда аргентинцы нанесли успешные удары по обоим. «Сэр Галахейд» еще не высадил войска, из-за чего было множество погибших, а многие выжившие получили тяжелые ожоги. Уэльским гвардейцам сильно досталось. Как всегда бывает в таких случаях, естественной реакцией было «если бы только» – в конце концов, если бы людей высадили, и они бы рассредоточились сразу по прибытии, таких потерь можно было бы избежать. Но потери были бы гораздо страшнее, если бы не героизм пилотов вертолетов. Они зависали вблизи горящих пятен масла вокруг корабля, используя тягу своих несущих винтов, чтобы отогнать спасательные плоты, полные выживших, от огненного ада, в который их затягивало.

Вновь возникла почти неразрешимая проблема – как сообщить новость о потерях. Аргентинцы распускали слухи об огромных цифрах потерь. Семьи были отчаянно взволнованы. Но мы решили не разглашать подробности о количестве потерь – хотя, разумеется (как и всегда) родственникам все сообщили в индивидуальном порядке. Из разведданных нам было известно, что аргентинцы считают, что наши потери в несколько раз больше, чем это было на самом деле, и думают, что это задержит наше наступление на Порт Стэнли. Наступление на Маунт Лонгдон,

Ту Систерс и Вайрлесс Ридж должно было начаться вечером в пятницу. Внезапность была жизненно необходима.

Я отчаянно надеялась, что наши худшие потери уже позади. Но рано утром в субботу 12 июня дежурный работник Номера 10 пришел в квартиру с запиской. Я почти что выхватила ее у него, ожидая прочитать, что началось наступление на Порт Стэнли. Но новость была другой. Я сохранила записку, в которой говорилось: в корабль «Глэморган» попала ракета, предположительно «Экзоцет». Координаты корабля – 51/58, юг. Крупный пожар вблизи ангара, в топливной турбине и машинном отделении. Энергоснабжение все еще есть. Корабль движется на юг. Министерство обороны пока не располагает данными о потерях, и их не ожидается в течение нескольких часов. Они будут держать нас в курсе.

«Глэморган» обстреливал аргентинские позиции в Порт Стэнли и на холмах вблизи него перед грядущим наступлением. В него попала ракета «Экзоцет» наземного базирования, когда он покидал район.

Как же я была подавлена. В подобные моменты я почти что чувствовала вину за то, что нахожусь здесь, в комфорте и безопасности Номера 10, в то время, как в Южной Атлантике так опасно. В этот день было торжественное шествие в честь дня рождения Королевы. Единственный раз на моей памяти эту церемонию омрачил проливной дождь. Гвардейцам это доставляло неудобства, но с такими мрачными новостями и при такой тяжелой неясности, он казался к месту. Я была одета в черное, потому что понимала, что скорбеть следует о многом. Джон Нотт прибыл незадолго до того, как мне предстояло занять место на трибуне. У него не было новостей. Но он считал, что ему сообщат, если наступление не начнется. После, промокшие до нитки, гости, включая Рекса и миссис Хант, согревались и сохли перед каминами в Номере 10, как могли.

Незадолго до часа дня мы узнали, что все военные задачи были выполнены. Но бой был яростным. Ту Систерс, Маунт Хэрриэт и Маунт Лонгдон были захвачены. Дальше по плану в тот вечер следовал захват Маунт Тамблдаун, еще ближе к Порт Стэнли. Но солдаты очень устали, и требовалось дополнительное время на подвоз амуниции, поэтому было решено ждать. Днем я отправилась в Нортвуд, чтобы в деталях узнать, что происходит. Там мне сообщили хорошие новости о «Глэморган» – пожар был локализован, и корабль шел со скоростью 20 узлов.

Больше, чем когда-либо, исход операции теперь зависел от наших солдат на Фолклендах, а не от политиков. Как и все остальные в Британии, я приникла к радио, чтобы быть в курсе новостей – строго придерживаясь собственного правила не звонить по телефону, пока продолжается конфликт. На обратном пути из Чекерса в Номер 10 в воскресенье 13 июня, я заехала в Нортвуд, чтобы узнать все, что мне удастся. Битва, которая впоследствии окажется финальным наступлением, была тяжелой, особенно на Маунт Тамблдаун. Но Тамблдаун, Маунт Виллиам и Вайрлесс Ридж оказались под контролем наших войск, которые вскоре стояли на подходах к Стэнли.

Я посетила острова спустя семь месяцев и своими глазами увидела ландшафт, шагая по земле с первыми лучами солнца при шквальном ветре и дожде, огибая мрачные скалы, служившие естественными фортификациями для оборонявшихся аргентинцев. Нашим парням приходилось преодолевать расстояния и занимать позиции в полной темноте. С этим могли справиться только самые профессиональные и дисциплинированные бойцы.

Когда утром в понедельник собрался Военный Кабинет, мы знали лишь, что бой все еще продолжается. Нас всех поразила скорость, с которой наступила развязка. Аргентинцы были измождены, деморализованы и ими отвратительно командовали –

чему тогда и позже было множество ярких примеров. Они бросали оружие, и было видно, что они отступают к Порт Стэнли через собственные минные поля.

В тот вечер я направилась в палату общин, чтобы объявить о победе. Я не смогла попасть в свою собственную комнату; она была заперта и ассистенту пришлось искать ключ. Потом я написала на листке бумаги, найденном в моем столе, заявление, с которым мне, в отсутствие других процедурных способов, предстояло озвучить регламент в Палате. В 10 вечера я поднялась на трибуну и сообщила им, что есть сообщение о белых флагах над Порт Стэнли. Война была окончена. Мы все чувствовали одно и то же, и радостные возгласы были тому подтверждением. Справедливость восторжествовала. И когда я очень поздно ночью легла спать, я осознала, каким огромным было бремя, свалившееся с моих плеч»¹¹⁵.

2.5.3. Атлантический вектор. Сотрудничество Великобритании и США. В предвыборном манифесте консерваторов 1979 г. было заявлено о необходимости повысить роль Великобритании в мировом сообществе. Прежде всего это касалось отношений с США, СССР и Западной Европой. К укреплению союза со «старшим партнером» побуждало стремление обеих стран всеми силами противостоять «угрозе распространения коммунизма», что дополнялось общей неолиберальной ориентацией М. Тэтчер и американского Президента Р. Рейгана в экономической политике. Наиболее важным шагом в области укрепления ядерных сил явилась договоренность о закупке Британией в США партии новейших ядерных ракет («Трайидент») для оснащения второго поколения подводных лодок. Этой же цели служило и согласие правительства Тэтчер предоставить территорию страны для расположения американских ракет среднего радиуса действия в качестве противодействия советским ракетам СС-20, размещенным в странах Варшавского договора. В общем противостоянии Запад–Восток Великобритания придерживалась решения НАТО о ежегодном увеличении военных расходов стран-участниц на 3%, что осуществлялось за счет сокращения затрат в социальной сфере. С одобрением отнеслась Тэтчер и к выдвинутому американским Президентом Р. Рейганом проекту СОИ («Стратегической оборонной инициативы»), предусматривающему создание противоракетного «зонтика» для защиты от советских баллистических ракет¹¹⁶.

Таким образом, в ходе своего первого премьерского срока М. Тэтчер выступила в поддержку решения НАТО о развёртывании в Западной Европе ракет наземного базирования BGM-109G и ракет малой дальности Першинг-1А, параллельно разрешив американским военным, начиная с 14 ноября 1983 года, разместить более 160 крылатых ракет на военно-воздушной базе США Гринэм-Коммон, расположенной в английском Беркшире. Другим важным событием в у/отношениях двух особых партнёров стала закупка на £12 млрд¹¹⁷ (в ценах 1996–1997 годов) ракет системы «Трайидент» для установки на своих ПЛАРБ, которыми предполагалось заменить ракеты «Поларис»¹¹⁸.

Британия неизменно солидаризировалась с США в их действиях на Ближнем и Среднем Востоке. Это выражалось во враждебной политике по отношению к

¹¹⁵ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 378–419.

¹¹⁶ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 328–329.

¹¹⁷ См.: Vanguard Class Ballistic Missile Submarine // WMD Around the World URL: <http://fas.org/nuke/guide/uk/slbm/vanguard.htm> (дата обращения: 14.06.2023).

¹¹⁸ См.: Trident: the British question // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2016/feb/1/trident-the-british-question> (дата обращения: 14.06.2023).

Ирану, а также в поддержке движения моджахедов в Афганистане. Когда в 1986 г. США проводили военную акцию против Ливии, Британия предоставила американской авиации свои аэродромы для налетов на Триполи. Вслед за Вашингтоном Лондон направил миротворческий контингент в Ливан. В целях реализации Кэмп-Дэвидского курса США Британия поддерживала дипломатические шаги своего союзника, предпринятые с целью возобновления арабо-израильских переговоров.

В то же время иногда интересы союзников в странах третьего мира и Ближнего Востока сталкивались. Так, например, в октябре 1983 г. недовольство британского правительства вызвала вооруженная интервенция США против Гренады (небольшого государства в Латинской Америке), являвшейся членом Содружества. Акция была расценена в Лондоне как подрыв его престижа в традиционной сфере британских интересов. В свою очередь, негативная реакция американской стороны последовала на участие Британии в принятии ЕЭС Венецианской декларации, признавшей право палестинского народа на самоопределение¹¹⁹.

Отношения Великобритании с Соединенными Штатами, отмечают **Н.К. Капитонова и Е.В. Романова**, занимавшие центральное место во внешнеполитической стратегии правительства Тэтчер, переживали в 80-е гг. период расцвета. Редкое идейно-политическое родство руководителей обеих стран – Тэтчер и Рейгана, – как представителей «неоконсерватизма», их антикоммунизм, приверженность силовому мышлению в сочетании с исключительно теплыми личными отношениями позволили поднять особые отношения на уровень, невиданный со времени Второй мировой войны¹²⁰.

В человеческом плане Тэтчер и Рейган были полярно противоположными людьми: она обладала качествами «высокопоставленного представителя американских деловых кругов», в то время как Рейган своими недостатками напоминал «апатичного британского аристократа». Такой человек, как Рейган, не отличавшийся интеллектом и работоспособностью, не продержался бы и нескольких недель в тэтчеровском кабинете, и тем не менее, они составили самый прочный политический союз 80-х гг.

Сложившиеся между двумя руководителями личные взаимоотношения выделялись на общем фоне и вполне могут быть сравнимы по своему значению с отношениями между Рузвельтом и Черчиллем. Составлявшие вершину пирамиды, эти отношения опирались на интенсивные политические контакты на других уровнях, включая совещания министров, экспертов, консультации по линии трансатлантических комитетов, взаимодействие в военной области, а также все возрастающее переплетение экономических интересов. Все это позволило Тэтчер охарактеризовать союз между двумя странами как «экстраординарный».

При Тэтчер, не скрывавшей своего восхищения США, Великобритания отдавала явное предпочтение Вашингтону. Поддержка американской доктрины неоглобализма, демонстрация при каждом удобном случае, особенно в моменты обострения международной обстановки, своей лояльности заокеанскому партнеру представлялись выгодными для британской стороны. Руководители Великобритании всегда считали одной из своих главных задач добиваться с помощью особых отношений определенного влияния на внешнюю политику США. Безусловно, степень влияния Лондона на американскую внешнеполитическую стратегию весьма ограни-

¹¹⁹ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 329.

¹²⁰ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 588.

ченна. Реально речь шла о возможности лишь давать советы заокеанскому партнеру, который волен был прислушиваться к ним или же игнорировать. Тэтчер полагала, что сможет обеспечить влияние на Вашингтон, культивируя привилегированный характер особых отношений, оказывая по возможности безоговорочную поддержку США в тех вопросах, которые для других партнеров Вашингтона зачастую представлялись спорными, например в борьбе с международным терроризмом, участии в силовых акциях на Ближнем Востоке, конфронтационном подходе к Советскому Союзу, гонке вооружений и т.д. Соединенным Штатам постоянно напоминали, что Великобритания является союзником, на которого всегда можно положиться. «Американские успехи будут нашими успехами, – заявляла Тэтчер в Вашингтоне. – Ваши проблемы будут нашими проблемами. Когда вам потребуется помощь друга, мы всегда будем рядом». Руководствуясь этим правилом, Тэтчер не раз предпринимала шаги, ценность которых, с точки зрения британских интересов и ее собственной популярности, была сомнительной, например бомбардировка США Ливии в 1986 г. или поддержка Стратегической оборонной инициативы Рейгана¹²¹.

Особый характер англо-американских отношений нагляднее всего проявился в ходе войны с Аргентиной весной 1982 г. за Фолклендские острова. Не будет преувеличением сказать о возрождении особых отношений до уровня времен Второй мировой войны.

Захват Аргентиной островов, принадлежавших Великобритании, всколыхнул всю страну. Сложилось редкое идейно-политическое единство ведущих партий, поддержавших действия правительства, направленные на восстановление статус-кво в Южной Атлантике с помощью военной силы.

Примечательно, что поддержка Вашингтона не рассматривалась Великобританией как нечто само собой разумеющееся, ведь Аргентина была надежным партнером США в Латинской Америке. Многие британцы проводили параллель между поведением Соединенных Штатов в Фолклендском конфликте и непоследовательной позицией, занятой ими в ходе Суэцкой авантюры 1956 г. С тех пор Лондон испытывал подозрения относительно того, можно ли будет положиться на Вашингтон в решающий момент. Вместе с тем Тэтчер твердо дала понять Вашингтону что, если он не поддержит действия Лондона, это может привести к падению британского правительства, а также отрицательно скажется на трансатлантических отношениях. В этих условиях, руководствуясь соображениями глобальной военной стратегии и союзнической солидарности, США оказали своему партнеру значительную дипломатическую и военную помощь, которая, как считают специалисты, и сыграла решающую роль в победе англичан (поставки военной техники, горючего, базы на острове Вознесения, предоставление советников и, наконец, данных разведки)¹²².

Между тем, между Лондоном и Вашингтоном существовали значительные противоречия, вытекающие как из объективного несоответствия их положения в мире, так и из столкновения конкретных интересов. В 80-е гг. эти противоречия вылились в открытые расхождения по ряду вопросов. Наибольшее раздражение Великобритании вызвала склонность США к односторонним действиям в обход своих ближайших союзников, что наиболее ярко проявилось в связи с вооруженной интервенцией против Гренады в октябре 1983 г. Эта акция Вашингтона вызвала напряженность в особых отношениях, которую британские обозреватели расценили как самое серьезное расхождение между Великобританией и США после прихода Тэтчер к власти.

¹²¹ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 588–589.

¹²² Там же. С. 590.

С точки зрения Лондона, акция США в отношении Гренады ослабляла «моральную позицию» Запада в противоборстве с Советским Союзом и являлась в высшей степени несвоевременной, учитывая предстоящие в британском парламенте дебаты относительно размещения в стране американских крылатых ракет. Лондон также не мог пройти мимо такого явного нарушения суверенитета, поскольку годом ранее правительство Тэтчер мотивировало отправку экспедиционного корпуса в Южную Атлантику необходимостью восстановить уважение к международному праву и принципу суверенитета. Акция США, кроме всего прочего, поставила под удар престиж Великобритании в странах Содружества, куда входит Гренада. В Лондоне испытали чувство унижения по поводу столь бесцеремонного вмешательства США в традиционную сферу влияния Великобритании. Оказался задет и личный престиж Тэтчер, от чьих предостережений накануне вторжения Рейган просто отмахнулся. Особенно унижительным было то, что буквально за 24 часа до вторжения американских сил на Гренаду глава Форин офис Дж. Хау в своем выступлении в парламенте полностью исключил возможность интервенции.

В ряде жестких заявлений Тэтчер не осудила, но выразила сожаление по поводу односторонних действий США. Вместе с тем она постаралась загладить неприятный осадок, который должен был остаться в этой связи у Вашингтона, подчеркнув, что любые разногласия с США имеют семейный характер¹²³.

В 80-е гг. проявились также серьезные расхождения между Великобританией и Соединенными Штатами по некоторым другим вопросам, в частности политике на Ближнем Востоке, торгово-экономическим отношениям с Советским Союзом. В этих вопросах Лондон, как правило, оказывался на стороне Западной Европы. Так, Великобритания не пошла ни на какие уступки диктату США летом 1982 г. в связи с введением ими эмбарго на поставки оборудования для строительства газопровода Сибирь – Западная Европа. Тэтчер не пожелала пожертвовать в угоду США интересами британских компаний на советском рынке. Столкнувшись с жесткой позицией Великобритании и других стран – членов ЕЭС в этом вопросе, США вынуждены были отменить эмбарго.

Что касается Ближнего Востока, то Лондон проводил в этом регионе более сбалансированную политику. Поддержка Великобританией Венецианской декларации ЕЭС в 1980 г., признавшей право палестинского народа на самоопределение, была негативно воспринята США. Аналогичной была их реакция на инициативу Тэтчер по активизации урегулирования ближневосточной проблемы в 1985 г.: Вашингтон сделал все, чтобы она провалилась. Возникали расхождения и по другим вопросам в связи с усилением военного вмешательства США в дела Сальвадора или нагнетанием военной истерии вокруг Никарагуа. Однако, несмотря на проявление англо-американских противоречий в этих и других вопросах, в целом в отношениях между Великобританией и США доминировали соображения межимпериалистической солидарности¹²⁴.

Сердцевиной англо-американского партнерства являлось сотрудничество в военной области, прежде всего ядерной, а также в области разведки. Ядерное партнерство можно назвать уникальным, учитывая высокую степень интеграции и оперативного взаимодействия. Великобритания активно сотрудничала с Соединенными Штатами в области производства и обмена расщепляющимися материалами, однако основной их поток – высокообогащенный уран, цирконий, тритий – шел из

¹²³ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 591.

¹²⁴ Там же. С. 593.

США. Они также поставляли Великобритании средства доставки, оказывали помощь в проектировании и строительстве атомных подлодок. Британские ядерные устройства испытывались на американских полигонах. Поэтому Лондон рассматривал ядерное партнерство с США как решающее условие сохранения собственных ядерных сил и стремился любой ценой гарантировать его продолжение.

В начале 80-х гг. правительство объявило о решении создать стратегические ядерные силы нового поколения. Соответствующие соглашения о приобретении у США современной ракетной системы «Трайидент 1(С 4)», а затем (после снятия их с производства) и «Трайидент 2(D 5)» для установки на четырех новых атомных подлодках были подписаны в июле 1980 и марте 1982 г. Первоначально предполагалось, что рассчитанная на двадцать лет программа модернизации обойдется Великобритании в 9,3 млрд ф. ст. (в итоге она стоила гораздо дороже). Столь дорогостоящая программа в области обороны встретила решительную оппозицию со стороны лейбористской партии и альянса либералов и социал-демократов. Однако после третьей победы консерваторов на парламентских выборах, одержанной ими в 1987 г., этот вопрос был практически снят с повестки дня внутривнутриполитической жизни (к этому времени уже было начато строительство двух подлодок, на что ушло 2 млрд ф. ст.)¹²⁵.

Развитие ядерного партнерства с Великобританией позволяло США еще более интенсивно использовать ее территорию, а также территорию ее заморских владений для осуществления ядерной стратегии с передовых рубежей. В 80-е гг. Великобритания представляла собой самый крупный в мире американский ядерный плацдарм. Здесь базировались атомные подлодки США (база в Холи Лох, Шотландия), стратегические бомбардировщики «F-111» (Лэйкенхит, Саф-фолк), располагались склады американского ядерного оружия и базы ракет средней дальности (всего 135 баз и других военных объектов). Свои заморские базы на островах Диего Гарсия, Кипре, в Гибралтаре Великобритания также предоставила в распоряжение США. Регулярно проводились совместные учения в Атлантике и ФРГ.

Своеобразной платой за согласие Вашингтона помочь модернизации британских сил сдерживания являлась готовность Великобритании решительно поддержать меры США, направленные на усиление ядерного потенциала НАТО. Правительство Тэтчер первым среди натовских партнеров США дало согласие на размещение ракет средней дальности в Западной Европе, проложив тем самым дорогу к их ввозу на континент, причем Лондон согласился принять наибольшее количество ракет – 160.

Великобритания при Тэтчер играла роль наиболее лояльного партнера США в Североатлантическом блоке. Среди западноевропейских союзников Вашингтона только она одна выполнила принятое под давлением США обязательство по увеличению военных расходов на 3% ежегодно. Она единственная в Западной Европе дала согласие на использование американских баз на своей территории в рейде против Ливии¹²⁶.

Как ядерная держава, **Великобритания** была заинтересована в определенном ограничении гонки ядерных вооружений, продолжение которой ставило под удар место страны в современном ядерном балансе. Поэтому правительство Тэтчер остро реагировало на попытки Вашингтона пересмотреть или отказаться от соглашений по ОСВ и ПРО. Вместе с тем зависимость от США в ядерной сфере заставляла Великобританию поддерживать США даже в тех вопросах, где их интересы не совпадали или расходились, например в вопросе «звездных войн».

¹²⁵ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 593–594.

¹²⁶ Там же. С. 594–595.

«Стратегическая оборонная инициатива» представляла собой наиболее трудную проблему для британского правительства в области обороны за весь послевоенный период. Любопытно, что речь президента Рейгана 23 марта 1983 г., в которой он впервые изложил программу «звездных войн», явилась полной неожиданностью для правительства консерваторов (равно как и для других западноевропейских партнеров США), так как в ходе англо-американских консультаций эта проблема не затрагивалась. В публичных выступлениях британских официальных лиц высказывались определенные опасения по этому поводу. Так, наряду с сомнением в целесообразности осуществления программы, звучала особая тревога в связи с возможностью перехода от исследований на земле к размещению вооружений в космосе без предварительной оценки последствий такого шага, что негативно отразилось бы на роли Великобритании в современном военном балансе. Реализация планов США по созданию системы противоракетной обороны с элементами космического базирования свела бы на нет значение дорогостоящей программы модернизации британских ядерных сил, лишила бы Лондон престижной роли «второго центра» НАТО по принятию решений в ядерной области, поставив ее безопасность в полную зависимость от гарантий Соединенных Штатов. Отмечалось также противоречие СОИ советско-американскому договору по ПРО 1972 г. Вместе с тем, несмотря на серьезные сомнения, в Лондоне понимали, что США твердо намерены начать разработку этой программы, не взирая на возражения своих партнеров. Поэтому Тэтчер поддержала СОИ, и 6 декабря 1985 г. в Лондоне был подписан Меморандум о взаимопонимании, согласно которому Великобритания стала первым союзником США, присоединившимся к программе «звездных войн» и согласившимся участвовать в исследовательских работах. В нем были определены 18 областей сотрудничества, в которых Великобритания не уступала Соединенным Штатам (производство лазеров, оптических компьютеров, радаров и др.)¹²⁷.

В принятии положительного решения, по всей видимости, сыграли роль следующие факторы экономического и политического характера: присоединяясь к СОИ, Лондон вновь подтверждал свое особое положение в качестве главного партнера США; его привлекала идея получения доступа к передовой технологии, которая могла быть использована не только в военной, но и в гражданской области и которая могла бы позволить Великобритании опередить своих западноевропейских партнеров (к большому разочарованию британской стороны, Вашингтон отказался взять на себя обязательство знакомить своего ближайшего партнера с открытиями в области новейшей технологии, сделанными американцами); присоединение в первых рядах позволяло, как считали в Лондоне, получить самый большой пакет заказов из общей суммы в 26 млрд долл., выделяемых на программу (на деле Великобритании обошла ФРГ). Сыграли также роль расчеты сохранить за собой право голоса в определении дальнейшего развития СОИ, оказывая давление как бы «изнутри», не допустить развертывания систем в космосе, ибо в противном случае это привело бы к непредсказуемым военно-политическим последствиям и обесценению собственного ядерного потенциала. В этой связи, выражая точку зрения Западной Европы, Тэтчер неоднократно обращала внимание американской администрации на необходимость соблюдения Договора по ПРО. Она же в конце 1984 г. добилась от Рейгана подписания Кэмп-Дэвидского соглашения, ограничившего программу СОИ определенными рамками (в нем подчеркивалось, что целью Соединенных

¹²⁷ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 596–597.

Штатов является не достижение превосходства, а сохранение равновесия; что развертывание системы космической обороны должно стать предметом переговоров; что стороны намерены укрепить сдерживание, а переговоры между Востоком и Западом должны быть направлены на обеспечение безопасности при снижении уровня наступательных систем с обеих сторон). В ответ на давление прежде всего Великобритании, а также ФРГ США обещали в октябре 1985 г., что выход программы «звездных войн» за рамки исследований станет предметом детальных консультаций с союзниками и переговоров с Советским Союзом¹²⁸.

«Стратегическая оборонная инициатива президента Рейгана, напишет позже в своей **«Автобиографии» Маргарет Тэтчер**, оказалось главной причиной победы Запада в холодной войне. Хотя я резко не соглашалась со взглядами президента о том, что СОИ была важнейшим шагом к миру, свободному от ядерного оружия – то, что я считала не только недостижимым, но и нежелательным, – у меня не было сомнений в правильности его приверженности программе. Оглядываясь назад, могу сказать, что первоначальное решение по поводу СОИ стало наиважнейшей заслугой его как президента.

В Великобритании я лично строго контролировала решения, относящиеся к СОИ, и наши реакции на них. Это была такая область, где только твердое знание соответствующих научных концепций позволяет принимать правильные политические решения. На расслабленных эрудитов из министерства иностранных дел, не говоря уже о министерских растяхах, управляющих ими, полагаться было нельзя. Я, в отличие от них, знала, что делаю.

Формулируя наше отношение к СОИ, я опиралась на четыре от дельных элемента. Первым была сама наука. Целью американцев в СОИ было развить новую и гораздо более эффективную защиту от баллистических ракет. Это будут называть «эшелонированной» противоракетной обороной, с использованием оружия как наземного, так и космического базирования. Эта концепция защиты держалась на способности атаковать приближающиеся баллистические ракеты на всех стадиях их полета к цели, вплоть до самого пункта входа обратно в атмосферу Земли. Научные открытия дали новые возможности сделать эту защиту намного более эффективной, чем существующая противоракетная оборона. Главными достижениями, вероятнее всего, было использование оружия на кинетической энергии (которое не было ядерным, но запущенное на высокой скорости против ядерной ракеты уничтожало ее) и использование лазерного оружия. Еще более трудной задачей, однако, была необходимость в создании сложнейшего и невероятно мощного компьютера, который бы направлял и координировал всю систему в целом. Такое предприятие потребовало бы не только огромного количества денег, но также стало бы проверкой творческих способностей соревнующихся между собой западной и коммунистической систем.

Вторым элементом было существующее международное соглашение, ограничивающее размещение оружия в космосе и в противоракетных системах. Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) 1972 года, исправленный протоколом 1974 года, позволял Соединенным Штатам и Советскому Союзу разместить одну статичную противоракетную систему (АВМ), оснащенную не более чем сотней пусковых установок, для развертывания или в районе размещения шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР) или в районе с центром, находящимся в их столице. Суть последствий договора для

¹²⁸ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 597; Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 112–116.

исследований, испытаний, развития и развертывания новых видов противоракетных систем стала предметом горячего юридического диспута. Советы начали с «интерпретации договора в широком смысле», которую они впоследствии, когда им это было на руку, сузили. Среди американской администрации были такие, кто настаивал на «еще более широкой» интерпретации, которая бы на деле почти не ограничивала развитие и эксплуатацию СОИ. Министерства иностранных дел и обороны всегда стремились призывать к максимально узкой интерпретации, что американцы считали – по-моему правильно – будет означать, что программа СОИ была «мертворожденной». Я прямо говорила и на публике, и в частной обстановке, что исследование о том, является ли система жизнеспособной, нельзя будет назвать завершенным, пока не пройдут успешные испытания. Этот очевидный технический пункт определялся здравым смыслом. Но он стал проблемой, разделившей Соединенные Штаты и СССР на Рейкьявикском саммите, и поэтому был очень важен.

Третьим элементом в расчетах было сравнение сил двух сторон в противоракетной обороне. Только Советский Союз обладал рабочей системой антибаллистических ракет (АВМ), известной под названием ГАЛОШ и находившейся под Москвой, которую они в тот момент усиливали. Американцы никогда не использовали эквивалентную систему. Соединенные Штаты предположили, что Советы тратят порядка одного миллиарда долларов в год на программу исследований по защите против баллистических ракет. Кроме того, Советы были более передовыми в противоспутниковом оружии. Поэтому существовало твердое доказательство, что Советы уже завладели недопустимым преимуществом в этой области.

Четвертым элементом были последствия СОИ для сдерживания гонки вооружений. Сначала я испытывала большую симпатию к идее Договора об ограничении систем противоракетной обороны. Чем сложнее и эффективнее защита против ядерных ракет, тем сильнее посыл добиваться в высшей степени дорогостоящих открытий в разработке технологии ядерного оружия. Я всегда верила в немного ограниченную версию доктрины, известной как MAD – «взаимногарантированное уничтожение». Угроза того, что я предпочитала называть «неприемлемое уничтожение», которое последует за ядерной войной, была таковой, что ядерное оружие эффективно сдерживало не только ядерную, но и неядерную войну. Мне нужно было обдумать, будет ли СОИ этому препятствием. С одной стороны, конечно, будет. Если одна из держав считала, что обладает стопроцентно эффективной защитой против ядерного оружия, у нее теоретически был большой соблазн его использовать. Я знала – и послевоенный опыт уничтожил всякие сомнения, – что Соединенные Штаты никогда не начнут войну, нанеся первый удар по Советскому Союзу, независимо от того, верили ли они, что застрахованы от возмездия или нет. Советы, наоборот, такой уверенности не вселяли.

Но скоро я поняла, что СОИ усилят, а не ослабят сдерживание ядерных вооружений. Я никогда не считала, что СОИ создадут стопроцентную защиту, но они позволят достаточному количеству американских ракет выдержать первый удар Советов. Теоретически США тогда смогут запустить свои собственные ядерные ракеты против Советского Союза. Следовательно, у Советов будет намного меньше соблазна вообще использовать ядерное оружие.

Решительным аргументом для меня было как раз то, что заставило меня не принять взгляды президента Рейгана о мире, свободном от ядерного оружия. В конечном счете получалось, что нельзя сдерживать исследования по СОИ, как и нельзя предотвратить исследования в области новых видов оружия массового по-

ражения. Мы должны быть в этом первыми. Науку нельзя остановить: она развивается, даже если ее не замечать. Внедрение СОИ, как и внедрение ядерного оружия, должно тщательно контролироваться и обсуждаться. И исследования, которые обязательно включают в себя испытания, должны продолжаться.

Тема СОИ была основной на моих переговорах с президентом Рейганом и членами его администрации, когда я поехала в Кэмп-Дэвид в субботу 22 декабря 1984 года, чтобы доложить американцам о моих переговорах с господином Горбачевым. Тогда я впервые слышала, как президент Рейган говорит о СОИ. Он говорил взволнованно. Он проявлял веру идеализма. Он подчеркнул, что СОИ станет защитной системой и что в его намерения не входит завладеть односторонним преимуществом для Соединенных Штатов. Помимо этого он сказал, что если СОИ будет успешна, он будет готов развернуть ее в международном масштабе, чтобы она служила всем странам и что он об этом сказал господину Громыко, советскому министру иностранных дел. Он подтвердил свою долгосрочную цель – полностью избавиться от ядерного оружия.

Меня поразила мысль о том, что Соединенные Штаты с готовностью откажутся от с трудом завоеванного лидерства в технологии, сделав ее доступной в международном масштабе. (К счастью, Советы так и не поверили этому.) Но я не задала вопрос напрямую. Вместо этого я сосредоточилась на тех областях, где была согласна с президентом. Я сказала, что крайне необходимо продолжать исследования, но что если дело дойдет до необходимости решения вопросов о производстве и использовании оружия в космосе, тогда ситуация изменится. Поскольку размещение будет идти вразрез и с Договором об ограничении ПРО 1972 года, и с Договором о космосе 1967 года, то оба соглашения придется пересмотреть. Я также объяснила свою озабоченность возможным промежуточным эффектом СОИ на доктрину сдерживания. Я волновалась, что развертывание системы ПРО будет дестабилизирующим и что пока она будет строиться, у кого-то может появиться желание нанести ей преимущественный первый удар. Но я признала, что, возможно, в полной мере не располагаю информацией обо всех технических аспектах и желала бы узнать больше. Всем этим я хотела прощупать американцев не только для того, чтобы больше узнать об их намерениях, но и чтобы удостовериться, что они толком и до конца продумали последствия предпринимаемых ими теперь шагов.

То, что я услышала, обнадеживало. Президент Рейган не делал вид, что они уже знают, к чему в конце концов приведут научные изыскания. Но он подчеркнул, что желание не отставать от Соединенных Штатов окажет экономическое давление на Советский Союз. Он доказывал, что должен существовать фактический предел в том, как далеко зайдет советское правительство, направляя людей по пути ограничений. Как это часто бывало, он инстинктивно уловил ключ к главному вопросу. Каковы будут последствия СОИ для Советского Союза? Действительно, как он и предвидел, Советы отступили перед лицом трудностей СОИ, в конце концов отrekliсь от цели военного превосходства, которая сама по себе давала им уверенность в противостоянии требованиям реформы своей собственной системы. Но это, конечно, все в будущем...

В ноябре президент Рейган и господин Горбачев впервые встретились в Женеве. Эта встреча не была особенно содержательной, но между двумя лидерами (к сожалению, не их женами) быстро возникли хорошие личные взаимоотношения.

В течение 1986 года господин Горбачев продемонстрировал удивительную тонкость, играя с общественным мнением западной публики, когда он выдвигал заманчивые, но неприемлемые предложения по контролю над вооружениями.

В конце года было согласовано, что президент Рейган и господин Горбачев – вместе со своими министрами иностранных дел – должны встретиться в Рейкьявике (Исландия), чтобы обсудить реальные предложения.

Возвращаясь назад, можно увидеть, что саммит в Рейкьявике в те выходные 11 и 12 октября имел совсем другое значение, чем в то время отмечало большинство комментаторов. Советский Союз во время саммита пошел на неслыханные уступки, впервые согласившись, что британские и французские сдерживающие факторы нужно исключить из переговоров по ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД); и что сокращения стратегического ядерного оружия должны оставить каждой стороне равное количество. Они также пошли на значительные уступки по цифрам РСМД. Когда саммит подходил к концу, президент Рейган предложил соглашение, по которому весь арсенал стратегического ядерного оружия – бомбардировщики, крылатые ракеты большой дальности и баллистические ракеты – сократится вполтину через пять лет, а наиболее мощные из этих орудий – стратегические баллистические ракеты – будут совершенно уничтожены через десять лет. Господин Горбачев шел еще дальше: он хотел уничтожения всех стратегических ядерных орудий к концу десятилетнего периода.

Но внезапно в самом конце ловушка захлопнулась. Президент Рейган признал, что обе стороны согласятся в течение десятилетнего периода не выходить из Договора об ограничении ПРО, хотя развитие и испытания, разрешенные договором, будут приемлемы. Господин Горбачев сказал, что все в целом зависит от того, чтобы СОИ не выходила за пределы работы в лаборатории, что налагало еще более серьезные ограничения, которые, скорее всего, уничтожили бы перспективу успеха СОИ. Президент не принял предложения, и саммит прервался.

Его неуспех широко описывался как результат глупого упрямства престарелого американского президента, одержимого одной несбыточной мечтой. В действительности отказ президента Рейгана от близкой и непременной реализации своей мечты о свободном от ядерного оружия мире в обмен на СОИ имел решающее значение в победе над коммунизмом. Он не верил Советам, считая, что с их стороны это был блеф. Может быть, когда переговоры провалились, русские одержали сиюминутную победу в пропаганде. Но они проиграли матч, и я не сомневаюсь, что знали это. Ведь к тому времени они должны были понять, что не могут рассчитывать достичь уровня Соединенных Штатов в соревновании за военное технологическое превосходство, и многие уступки, сделанные ими в Рейкьявике, невозможно было восстановить.

Моя собственная реакция, когда я услышала, как далеко готовы зайти американцы, была похожа на землетрясение у меня под ногами. Вся система ядерного сдерживания, которая сорок лет сохраняла мир, была близка к отмене. Если бы предложения президента прошли, они тоже практически уничтожили бы Трайдент, заставляя нас установить новую систему, если мы хотели продолжать независимое ядерное сдерживание. Каким-то образом я должна была вернуть американцев на твердую почву убедительной политики ядерного сдерживания. Я организовала поездку в Соединенные Штаты для встречи с президентом Рейганом. Готовясь к этому визиту, я впервые осознала, как много зависело от моих взаимоотношений с президентом. От армии я получила детальный отчет о последствиях оборонной стратегии, включающей в себя уничтожение всех баллистических ракет.

Я прилетела в Вашингтон после обеда в пятницу 14 ноября. В тот вечер я репетировала свои аргументы на встречах с Джорджем Шульцем и Кэпом Уэйнбергером. На следующее утро я встретилась с Джорджем Бушем за завтраком и затем поехала в Кэмп-Дэвид, где меня ждал президент Рейган.

К моему большому облегчению, я отметила, что президент сразу понял, почему я была так глубоко озабочена тем, что случилось в Рейкьявике. Он согласился с черновым вариантом заявления, который мы подготовили за день до этого, после беседы с Джорджем Шульцем, и с которым я впоследствии выступила на пресс-конференции. Оно излагало нашу политику в отношении контроля за вооружениями после Рейкьявика. Вот что в нем говорилось: «Мы считаем, что приоритеты должны быть следующие: соглашение по ракетам средней и меньшей дальности, с ограничениями на системы меньшей дальности; сокращение США и Советским Союзом стратегического наступательного оружия на 50 процентов в течение пяти лет; и запрет на химическое оружие. Во всех трех случаях неизменным элементом будет эффективная проверка. Мы также считаем, что нужно продолжать исследования по программе СОИ в рамках Договора об ограничении систем противоракетной обороны. Мы подтверждаем, что стратегия прямой защиты и гибкого реагирования НАТО будет и впредь требовать эффективного ядерного сдерживания, основанного на комбинации из нескольких систем. В то же время сокращение ядерного оружия усилит важность уничтожения сложившихся несоответствий. С ядерным оружием нельзя иметь дело изолированно, все время нужно стабильное общее равновесие. Мы также считаем, то эти вопросы должны продолжать быть предметом закрытых обсуждений в блоке».

Президент подтвердил намерения Соединенных Штатов продолжать их стратегическую программу модернизации, в том числе «Трайидент». Он также подтвердил, что полностью поддерживает достигнутые договоренности, используя «Трайидент», модернизировать независимое ядерное сдерживание Великобритании.

Такой результат меня полностью удовлетворял¹²⁹.

Безусловно, отмечает **Н.К. Капитонова**, важную роль в деле укрепления отношений с Вашингтоном сыграла личная симпатия лидеров обеих стран друг к другу. Известная «атлантистка», Тэтчер преклонялась перед всем американским. Однажды она сказала, что у Черчилля есть перед ней одно важное преимущество: в его жилах текла американская кровь (мать Черчилля, как известно, была американкой). Тэтчер неизменно встречала в США восторженный прием и ездила туда, чтобы «подзарядиться». Ступая на американскую землю, она, по ее словам, «всегда ощущала себя на десять лет моложе». При первой же встрече, состоявшейся в 1975 г., она сразу понравилась Рейгану, который нашел ее «женственной, грациозной и умной». Тэтчер всегда демонстрировала ему необыкновенную теплоту, глубочайшее почтение и восхищение, он был единственным из государственных лидеров, с кем она обменивалась поцелуем. На международных встречах Рейган, как правило, переставлял на столе таблички с именами участников, делая так, чтобы они сидели рядом. В личном плане эти лидеры были совершенно разными людьми. Тэтчер обладала качествами «высокопоставленного представителя деловых кругов»: жадного до деталей, дотошного трудоголика, отдающего работе чуть ли не двадцать часов в сутки. В противоположность ей, ни во что никогда не вникавший сибарит Рейган напоминал «апатичного английского аристократа», он редко занимался делами после пяти часов дня и ухитрился за время своего правления провести более года на собственном ранчо в Калифорнии. Тэтчер дипломатично охарактеризовала такой, противоположный ее собственному, стиль «работой широкими мазками». Говорили, что человек его способностей не продержался бы в ее каби-

¹²⁹ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 560–567.

нете и нескольких недель. Тем не менее вместе они составили самый прочный политический союз своего времени, охарактеризованный ею как «экстраординарный». Их тандем цементировала общая идеология – неоконсерватизм, глубокая вера в силу делового предпринимательства, личной инициативы, концепцию монетаризма во внутренней экономической политике, необходимость сильной обороны и невысоких налогов. Они настолько мыслили в унисон, что вполне могли обмениваться текстами своих речей и произносить их друг за друга. Сложившиеся между ними личные взаимоотношения выделялись на общем фоне и могут быть сравнимы с отношениями между Рузвельтом и Черчиллем. В 1985 г. Тэтчер впервые после Черчилля была оказана высокая честь выступить перед членами обеих палат Конгресса. Охваченная восторгом, она превзошла самое себя, заявив, что «солнце теперь поднимается с Запада» (!). (В этом она не была оригинальна: до нее подобным образом выразился первый секретарь ЦК КП Грузии Э.А. Шеварднадзе, принимая в Тбилиси Л.И. Брежнева.)¹³⁰

К глубокому сожалению для Тэтчер, ее отношения с пришедшим на смену Рейгану президентом Бушем не сложились. Очень скоро выяснилось, что он не нуждался в ее поучениях и руководстве. Тем не менее баронесса дает высокую оценку президенту, характеризуя его как «наиболее порядочного, честного и патриотичного американца» из тех, с кем ей приходилось встречаться, а к интригам против себя государственного департамента США (особенно в вопросах политики в Европе) относится с пониманием¹³¹.

Смена администрации в США неизбежно сказалась на англо-американских отношениях. С приходом Дж. Буша-старшего все более стали проявляться признаки, свидетельствовавшие об эволюции особых отношений в нежелательном для Лондона направлении: на место основного европейского партнера, Вашингтона, все более выдвигалась Федеративная Республика Германии. Именно на ней, с учетом предстоявшего объединения, было сосредоточено внимание американской администрации, а британская сторона столкнулась с «настойчивыми попытками спихать англичан, заменив их немцами».

Тем не менее Великобритания продолжала демонстрировать со юзническую верность Соединенным Штатам. Она без колебаний поддержала вторжение американцев в Панаму в декабре 1989 г., не медленно откликнулась на нападение Ирака на Кувейт, единственная из западноевропейских партнеров безоговорочно поддержала решение США развернуть войска в Саудовской Аравии, а также все шаги, идущие в этом направлении. Подготовка к войне в Заливе стала для Лондона удобным предлогом для того, чтобы оживить особые отношения, которые после 1982 г. вновь получили «второе дыхание». Тэтчер, решительность, бескомпромиссность и фолклендский опыт которой вновь оказались востребованы, заняла в иракском вопросе крайне жесткую позицию. Именно после встречи с нею американский президент принял решение об отправке войск в Персидский залив. В ходе кризиса наиболее тесный контакт поддерживался Соединенными Штатами с Великобританией, которая сыграла важную роль в принятии Советом Безопасности резолюций 660, 661, 665 и 678, содержавших требование немедленного вывода иракских войск с оккупированных территорий, введения санкций в отношении Багдада и пр. При этом Тэтчер убеждала Буша пойти дальше, настаивая на применении силы против Ирака

¹³⁰ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 184–185.

¹³¹ Там же. С. 185.

даже в отсутствии санкции Совета Безопасности. Можно сказать, что именно ей принадлежала инициатива в создании прецедента использования силы в обход ООП. Однако в 1990 г. Вашингтон еще не был склонен к тому, чтобы игнорировать мнение международного сообщества. К большому сожалению Тэтчер, война многосторонней коалиции – «Буря в пустыне» – проходила уже без ее участия, так как в ноябре 1990 г. она вынуждена была уйти с поста премьер-министра¹³².

Определенный и специфический взгляд в рамках системы международной безопасности и отношений Великобритания–США М. Тэтчер имела на германский вопрос. По И.И. Ковяко, «лично М. Тэтчер настаивала на сдержанном и осторожном подходе к процессу объединения Германии. ...Премьер-министр продолжала видеть в Германии дестабилизирующую силу и прямую угрозу европейскому экономическому и политическому равновесию. Однако в июне 1990 г. позиция М. Тэтчер претерпела определенные изменения в сторону смягчения. Этому в наибольшей степени способствовало фактическое согласие СССР на вхождение объединенной Германии в НАТО и принятие бундестагом ФРГ и народной палаты ГДР резолюций относительно характера границы между объединенной Германией и Польшей и закрепления ее в международно-правовом договоре»¹³³.

Л.М. Замятин отмечает личное послание М.С. Горбачеву от М. Тэтчер от 5 марта 1990 г. «Железная леди» настаивала на том, чтобы не нарушить стабильность объединенной Германии следует вступить в НАТО, при этом в отношении территории ГДР будут предприняты особые меры в интересах безопасности СССР¹³⁴.

2.5.4. Англо–советские отношения. Фактор «Тэтчер–Горбачев».

Несмотря на яркий антисоветизм политического курса Тэтчер, именно она выступила сторонницей диалога с советским руководством. Подобный поворот стал очевидным после избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в марте 1985 г. и начала перестройки в Советском Союзе. Более того, после встреч с М.С. Горбачевым М. Тэтчер стала активным пропагандистом перестройки на Западе, что позволило ей сыграть роль посредника в сближении между Востоком и Западом. В практическом плане большое значение для развития англо-советских отношений имел визит М. Тэтчер в СССР в конце марта – начале апреля 1987 г., в ходе которого был заключен ряд соглашений в политической, научной и культурной областях¹³⁵.

До М.С. Горбачева **М. Тэтчер** ненавидела Советский Союз. Так, в своей «Автобиографии» она пишет: «Приблизился 1983 год, и Советам, должно быть, начали понимать, что с их играми в манипулирование и запугивание скоро будет покончено. Европейские правительства не были готовы попасться на удочку Советам с их предложением создать «зону ядерной безопасности» в Европе. В марте президент Рейган объявил об американских планах по Стратегическим оборонным инициативам (СОИ), технологические и финансовые последствия которых для СССР были разрушительными. Затем, в начале сентября, Советам сбили южнокорейский гражданский самолет, и погибло 269 пассажиров. На всеобщее обозрение были выставлены не только грубость, но и некомпетентность представителей советского режима, которые даже не удосужились извиниться. Наверное, впервые со времени Второй

¹³² См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 599.

¹³³ Цит. по: Ковяко И.И. Маргарет Тэтчер и германский вопрос (1979–1990 гг.) М., 2014. С. 108–109.

¹³⁴ См.: Замятин Л.М. Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках – Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер. М., 1995. С. 107.

¹³⁵ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 330.

мировой войны о Советском Союзе, даже в либеральных западных кругах, стали говорить как о государстве ослабленном и стоящем на милитаристских позициях.

Мы вступили в опасный период. Рональд Рейган и я знали, что стратегия, подразумевающая соперничество с Советами по военной мощи на равных и превосходство над ними в борьбе идей, приносит результаты и поэтому должна продолжаться. Но пока нам было нужно, не рискуя без необходимости, выиграть холодную войну»¹³⁶.

В первые годы ее пребывания у власти преобладал жесткий подход к СССР. Тэтчер выступила против продолжения политики разрядки в Европе. В связи с вводом советских войск в Афганистан, введением военного положения в Польше и размещением ракет «СС-20» в европейской части СССР британский премьер призвала к пересмотру всего комплекса отношений с Москвой. Отношения по существу были прерваны: были приостановлены визиты на министерском уровне, политические консультации между внешнеполитическими ведомствами, отменено проведение очередных сессий Объединенной комиссии и комиссий по охране окружающей среды и медицинской науке и здравоохранению, по научно-техническому сотрудничеству, были аннулированы обмены в области культуры и встречи по линии общественных организаций, спортивный обмен, заморожены парламентские связи, прекращены контакты по военной линии, а также действие соглашения о кредите, подписанного в 1975 г. Правительство Тэтчер развернуло кампанию за бойкот Олимпиады в Москве. Было также ужесточено предоставление СССР кредитов, что не могло не сказаться на деловом сотрудничестве.

Советский Союз был подвергнут жесткому давлению по линии прав человека на Мадридской встрече государств – участников СБСЕ, проходившей в сентябре-ноябре 1981 г. Лондон угрожал прекращением встречи, ухудшением взаимоотношений по линии Восток-Запад в случае вмешательства Москвы в процесс реформ в Польше. После введения там военного положения в декабре 1981 г. Великобритания дополнила принятые в отношении Москвы меры дальнейшим сокращением деятельности в рамках соглашений о сотрудничестве¹³⁷.

Однако, как уже бывало в прошлом, после повышения в 1983 г. уровня конфронтации между Востоком и Западом до угрожающей отметки (после того как СССР ушел с переговоров по военным вопросам) Великобритания первой из стран Запада отказалась от «мегафонной» дипломатии и взяла на себя инициативу в деле смягчения международной напряженности, в нагнетание которой ранее внесла существенный вклад. Одержав с помощью фолклендского фактора внушительную победу на парламентских выборах 1983 г., Тэтчер заявила о готовности к проведению разумного диалога с СССР с целью достижения широкого взаимопонимания по вопросам обеспечения мира и безопасности. Проявив политическую проницательность, уловив (еще до 1985 г.) новые веяния в настроениях советского руководства, «открыв» и представив миру энергичного и амбициозного деятеля Горбачева, она умело использовала установление с ним доверительных отношений в интересах Запада, снискав себе лавры одного из главных архитекторов его победы в холодной войне.

Для Москвы, в свою очередь, представлялось важным, чтобы Запад поддержал перестройку, и выбор Тэтчер в качестве посредника не был случайным: учитывалась ее репутация в качестве жесткого и наиболее опытного политика Западной Европы, чей голос был слышен не только в европейских столицах, но в первую

¹³⁶ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 552.

¹³⁷ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 612.

очередь в Вашингтоне. Был расчет на то, что поддержка ею курса Горбачева послужит хорошим примером для других лидеров¹³⁸.

Контакты британского и советского руководства были возобновлены в начале 1984 г., когда Тэтчер посетила Москву в связи с похоронами Ю. Андропова. Заинтересованность в улучшении отношений с СССР была подтверждена в июле 1984 г. ходе официального визита в Москву нового министра иностранных дел Дж. Хау. В стремлении нормализовать англо-советские отношения Тэтчер пригласила делегацию Верховного Совета СССР во главе с М. Горбачевым посетить Великобританию. Эта поездка, ставшая первым шагом на пути важного сдвига во взаимоотношениях Восток-Запад в сторону политического диалога, состоялась в декабре 1984 г. Тэтчер намеренно встречала его так, как будто он уже был главой государства. Переговоры, проходившие в загородной резиденции премьера Чекерсе, позволили вывести англо-советские отношения на качественно новый уровень, придав им конструктивно-поисковый характер. Новым стал сам тон дискуссий – откровенный, заинтересованный, направленный на то, чтобы лучше уяснить позицию партнера. Этот стиль стал определяющим для всех последующих встреч Тэтчер и Горбачева, в ходе которых были преодолены подозрительность и недоверие. По окончании же первой встречи прозвучала фраза, мгновенно ставшая крылатой: «Мне понравился Горбачев. Мы сможем работать вместе». Эта встреча положила начало прочным отношениям двух лидеров, основанным на «потрясающей взаимной симпатии». Это мнение разделяется подавляющим большинством специалистов, коллег Тэтчер, британских и советских дипломатов, готовивших их встречи и принимавших в них участие: они получали удовольствие от общения друг с другом. Тэтчер намеренно придавала советско-британским переговорам высокое звучание, ибо это способствовало повышению международного престижа ее и Великобритании, создавало ей особый статус среди союзников.

Она превратилась в главного эксперта и пропагандиста Горбачева и перестройки, положив начало полосе ее признания официальным Западом. Она убеждала Рейгана отказаться от риторики об «империи зла», настояв на необходимости диалога с Москвой, установления Вашингтоном аналогичных отношений с Горбачевым. Практика постоянных консультаций лидеров сверхдержав с Тэтчер, которой оба всецело доверяли, позволила ей сыграть роль катализатора в сближении между Востоком и Западом в целом, Советским Союзом и Соединенными Штатами в частности. Другие британские премьер-министры (вспомним хотя бы Г. Вильсона) также в свое время предлагали посреднические услуги в отношениях между Москвой и Вашингтоном, но именно Тэтчер довелось по-настоящему выступить в этом качестве. Эта роль не была для нее самоцелью: в ходе визита британского премьера в Москву весной 1987 г. Горбачев сам попросил ее стать посредником в отношениях СССР с США. Не будет преувеличением утверждать, что известное в истории понятие «тройка» (в данном формате Рейган–Тэтчер–Горбачев) вновь утвердилось на какое-то время в международных отношениях, а британский премьер оказывала решающее влияние не только на политику собственной страны, но и на мировую политику в целом. Это – бесспорное достижение Тэтчер и Великобритании, мощь и размеры которой были несопоставимы со сверхдержавами. (Пятнадцатью годами позже с ее благословения таким же путем пойдет Т. Блэр.)¹³⁹.

¹³⁸ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 612–613.

¹³⁹ Там же. С. 613–614.

После прихода Горбачева к власти развитие англо-советских отношений пошло по нарастающей. Этому не помешало временное похолодание общественной атмосферы осенью 1985 г. в связи с высылкой из Великобритании 31 сотрудника советских учреждений и аналогичными ответными мерами Москвы. Вторая половина 80-х гг. была отмечена подписанием, после долгого перерыва, 17 двусторонних соглашений, что является рекордом для англо-советских отношений. В июле 1986 г. состоялась поездка в Лондон министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе, в ходе которой было подписано сразу три соглашения: о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод; программа развития экономического и промышленного сотрудничества на 1986–1990 гг.; соглашение об урегулировании взаимных финансовых и имущественных претензий, возникших до 1939 г. Еще четыре соглашения были подписаны в ходе визита Тэтчер в СССР в марте-апреле 1987 г.: о сотрудничестве в области изучения, исследования и использования космического пространства в мирных целях; об усовершенствовании прямой линии связи между Кремлем и Даунинг-стрит, 10; о взаимном предоставлении земельных участков для строительства новых комплексов посольств в Лондоне и Москве; меморандум о взаимопонимании относительно новых направлений сотрудничества в области информации, культуры и образования (он предусматривал взаимный обмен теле- и радиопрограммами, газетными статьями, проведение фестивалей искусств, прямой обмен между представителями науки и культуры в виде круглых столов, конференций, семинаров, а также другие новые формы сотрудничества).

Важным шагом в деле ослабления международной напряженности стал официальный визит Тэтчер в СССР. Она готовилась к переговорам самым тщательным образом, проведя накануне визита семинар в своей загородной резиденции с участием ведущих британских советологов, а также изучив все выступления Горбачева. Кроме того, поездке в Москву предшествовали встречи с президентом Миттераном и канцлером Коелем, на которых была выработана общая позиция в отношении Советского Союза и дальнейших путей развития политического диалога. Переговоры в Москве подтвердили наличие глубоких расхождений по целому ряду проблем, в том числе такой ключевой, как ликвидация ядерных вооружений. Тэтчер вновь подтвердила, что Великобритания на это не пойдет. Вместе с тем, несмотря на резкую полемику, в некоторых вопросах британская и советская позиции сблизилась. Так, стороны пришли к согласию в отношении приоритетов в деле сокращения вооружений: заключение соглашения по РСД с ограничениями на оперативно-тактические системы, конвенция о запрещении и ликвидации химического оружия, переговоры о сокращении обычных вооружений. Тэтчер поддержала идею 50-процентного сокращения стратегических арсеналов СССР и США, высказала сомнение относительно осуществимости СОИ и вновь подчеркнула, что развертывание космической системы ПРО должно стать предметом переговоров. Была отмечена также необходимость дальнейшего продвижения Хельсинкского процесса, выражено желание расширять и углублять политический диалог, развивать более тесные отношения между двумя странами.

Премьер-министр дала высокую оценку итогам своего визита, заявив, что 13 часов переговоров в Москве были самым ценным обменом мнениями, который она когда-либо имела с кем-либо из государственных деятелей. Всего же за пять лет Горбачев и Тэтчер провели более 30 часов прямых переговоров. Такой прямой

и интенсивный диалог на высшем уровне, превосходивший по степени интенсивности диалог с другими странами, выдвинул Великобританию на передний план в сфере взаимоотношений Восток–Запад¹⁴⁰.

А в ноябре 1988 года Тэтчер впервые открыто заявила о конце «холодной войны»: «Теперь мы не в состоянии холодной войны», так как «новые отношения широки как никогда»¹⁴¹.

Поездка Тэтчер в Москву стала важным шагом консерваторов в предвыборной борьбе: существенно увеличились шансы тори победить на парламентских выборах 1987 г. Учитывая заметное усиление поддержки избирателями, консервативной партии и рост собственной популярности, Тэтчер заявила, что важность сохранения установившихся между нею и Горбачевым отношений заставляет ее задуматься о продолжении своей работы на посту премьер-министра в течение еще одного – четвертого – срока. Переговоры в Москве способствовали третьей подряд победе тори на выборах.

Особая роль Тэтчер во взаимоотношениях Восток–Запад была подчеркнута самим фактом остановки президента СССР на британской военной базе Брайз-Нортон в декабре 1987 г. по пути в Вашингтон для подписания договора по ракетам средней и малой дальности. Это был своеобразный знак ее признания в качестве лидера Западной Европы¹⁴².

«То немногое, что мы знали о господине Горбачеве, напишет **М. Тэтчер** в своей «**Автобиографии**», казалось довольно обнадеживающим. Он, безусловно, имел лучшее в Политбюро образование (хотя эту группу людей вряд ли можно было назвать интеллектуалами). Он получил репутацию человека широких взглядов; конечно это, возможно, такой стиль. Он уверенно поднялся по ступенькам партии при Хрущеве, Брежнев и теперь Андропове, чьим протеже он, без сомнения, являлся; но это могло означать конформизм, а не талант. Как бы то ни было, тогда же я услышала положительные отзывы о нем от Пьера Трудо из Канады. Я стала обращать особое внимание, когда его имя упоминалось в сообщениях о Советском Союзе.

На тот момент, однако, отношения с Советами были такими плохими, что прямой контакт с ними был практически невозможен. Мне казалось, что придется действовать только через Восточную Европу.

Для своего первого визита в качестве премьер-министра в одну из стран Варшавского договора я по нескольким причинам выбрала Венгрию. Венгры пошли дальше всех по пути экономических реформ, и там намечалась определенная степень либерализации, хотя откровенное инакомыслие было наказуемо. Янош Кадар, формально Первый секретарь Коммунистической партии Венгрии, а фактически единоличный руководитель, использовал экономические связи с Западом, чтобы обеспечить своему народу приемлемый уровень жизни, в то же время постоянно подтверждая приверженность Венгрии Варшавскому договору, социализму и Советскому Союзу – необходимое соображение, учитывая, что примерно 60000 советских войск «временно» располагались в Венгрии с 1948 года.

Когда я сошла с самолета в 10 часов вечера в четверг 2 февраля 1984 года, меня встречал премьер-министр Венгрии господин Лазар. На следующее утро пер-

¹⁴⁰ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 615.

¹⁴¹ См.: Gorbachev Policy Has Ended The Cold War, Thatcher Says // The New York Times URL: <http://www.nytimes.com/1988/11/18/world/gorbachev-policy-has-ended-the-cold-war-thatcher-says.html> (дата обращения: 14.06.2023).

¹⁴² См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 615–616.

вой по расписанию встречей была частная беседа с ним. Он всячески демонстрировал преданность коммунистической системе. А то, что он говорил, указывало на корни этой преданности. Он предупредил меня, что самое худшее, что я могу сделать во время визита, это поставить под сомнение, что Венгрия останется частью социалистического блока. Венгры были озабочены тем, что сказал вице-президент Джордж Буш по этому поводу в Вене, после успешного завершения визита в страну. Я поняла, что формальное следование советской системе было ценой тех ограниченных реформ, которые они смогли провести. Я сразу же сказала, что поняла, и с усердием старалась сдержать свое слово.

Позднее в то же утро я встретила с господином Кадаром. Он был человеком с квадратным, здорового цвета лицом, ширококостным и с налетом авторитетности, а при обсуждении было очевидно, что он обладает разумным складом ума. Я надеялась получить от него ясную картину положения в СССР.

Одним из сюрпризов – и разочарований – моего визита было осознание того, как даже Венгрия была еще далека от свободной экономики. Были маленькие бизнесы, но им не разрешалось расти больше определенного размера. Основной акцент венгерских экономических реформ был не на увеличение частной собственности на землю и инвестиции, а на частное или кооперативное использование государственной собственности.

Оглядываясь назад, скажу: мой визит в Венгрию был первой волной того, «то стало отличительной чертой британской дипломатии по отношению к несвободным народам Восточной Европы. В первую очередь нужно было установить более широкие экономические и коммерческие связи с существующими режимами, уменьшая их зависимость от закрытой системы Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Позднее мы придавали большее значение правам человека. И, наконец, когда советский контроль над Восточной Европой начал ослабевать, мы сделали внутренние политические реформы условием для получения помощи с Запада.

Всего через несколько дней после моего возвращения из Венгрии умер господин Андропов. Его похороны дали мне возможность познакомиться с человеком, который, к нашему удивлению, появился в качестве нового советского лидера, – господином Константином Черненко. Мы думали, что господин Черненко слишком стар, слишком болен и слишком близко связан с господином Брежневым и его эпохой, чтобы преуспеть как руководитель, и, как показали события, мы были более проницательны, чем его коллеги в Политбюро.

Самолет с нашей делегацией сел в московском аэропорту в 9.30 вечера в понедельник, 13 февраля. Я переночевала в посольстве – величественном здании, смотрящем на Кремль через Москву-реку. (Позднее, когда нам пришлось бы выехать из него по окончании срока аренды, я договорилась с господином Горбачевым, что великолепное здание останется за нами в обмен на то, что Советам не придется выезжать из их теперешнего здания посольства в Великобритании в конце срока их аренды. Одним из немногих пунктов, по которому министерство иностранных дел и я соглашались, было стремление к тому, чтобы британские посольства выглядели внушительно с точки зрения архитектуры и обустроивались превосходными картинами и мебелью.)

День похорон выдался ярким, ясным и даже более холодным, чем когда я приехала. На таких мероприятиях приезжим сановным лицам не полагалось сидеть: нам приходилось часами стоять на ногах в специально отгороженных местах. Позже я встретила с новым советским лидером для короткого частного разговора. Это была формальная встреча, где в который уже раз обсуждались вопросы разоружения. Она не оставила особого впечатления.

Из-за долгих часов стояния я была рада, что Робин Батлер уговорил меня надеть сапоги на меху, а не мои обычные туфли на высоком каблуке. Сапоги были дорогие. Но когда я познакомилась с господином Черненко, мне пришло в голову, что они, наверное, мне скоро опять пригодятся.

Теперь мне нужно было обдумать следующий шаг в моей стратегии по установлению более тесных отношений – на нужных условиях – с Советским Союзом. Было ясно, что необходимо наладить личный контакт с советскими лидерами. Джеффри Хау хотел, чтобы мы пригласили с визитом в Великобританию господина Черненко. Я сказала, что время для этого еще не наступило. Сначала нам нужно было побольше узнать о намерениях нового советского лидера. Но я была не против пригласить и других, и приглашения были разосланы нескольким важным советским руководителям, в том числе и господину Горбачеву. Сразу выяснилось, что господин Горбачев действительно очень хотел поехать, как потом оказалось, в свою первую поездку в европейскую капиталистическую страну, и хотел это сделать скоро. К тому времени мы уже больше знали о его происхождении и о происхождении его жены Раисы, которая не в пример женам других ведущих советских политиков часто появлялась на публике, ясно формулировала мысли, была очень образованной и привлекательной женщиной. Я решила, что Горбачевы должны вдвоем приехать в Чекере, где царит как раз подходящая для такого случая атмосфера загородного дома, благоприятная для хорошего разговора. Я считала эту встречу потенциально очень важной.

Горбачевы приехали на машине из Лондона утром в воскресенье 16 декабря, как раз к обеду. За аперитивом в Большом зале господин Горбачев рассказал, как интересно ему было по дороге в Чекере увидеть сельскохозяйственные поля. Вот уже несколько лет он отвечал за сельское хозяйство и, как видно, достиг скромных успехов в перестройке колхозов, но из-за недостатков распределения до 30 процентов урожая пропадало.

Раиса Горбачева немного знала английский – насколько я могла судить, ее муж не знал его совсем, – но была одета в западном стиле в хорошо сшитый элегантный серый костюм – я подумала, что и сама смогла бы такой надеть. Она имела диплом по философии и была настоящим ученым. Наша информация о ней сообщала, что она была твердой марксисткой; ее очевидный интерес к книге «Левиафан» Гоббса, которую она взяла с полки в библиотеке, подтверждал это. Но позже я от нее узнала – после того как ушла из правительства, – что ее дед был одним из тех миллионов кулаков, погибших во время насильственной коллективизации в сельском хозяйстве при Сталине. Так что у ее семьи не было причин питать иллюзии по поводу коммунизма.

Мы пошли обедать – меня сопровождала довольно большая команда, состоящая из Уилли Уайтлоу, Джеффри Хау, Майкла Хезелтайна, Майкла Джоуплинга, Малколма Рифкинда (государственный министр иностранных дел), Пола Ченнона и советников; господина Горбачева и Раису сопровождали господин Замятин, советский посол, и тихий, но впечатляющий господин Александр Яковлев, советник, который сыграет большую роль в реформах «горбачевского времени». Довольно быстро разговор перешел от банальностей, которые были не по вкусу ни господину Горбачеву, ни мне, к энергичным двусторонним дебатам. В каком-то смысле с тех пор наш спор не прекращался и находил продолжение каждый раз, когда бы мы ни встречались; и ввиду того, что он касается самой сердцевины политики, я от него никогда не устаю.

Он рассказал мне об экономических программах советской системы, уходе от больших промышленных предприятий к меньшим проектам и бизнесам; амбициоз-

ных замыслах по орошению земель и способах, которыми промышленные плановики приспособляли индустриальные мощности под рабочую силу, чтобы избежать безработицы. Я спросила, не было ли бы все проще, если бы попытки реформ совершались на основе свободного предпринимательства, с предоставлением льгот и полной свободы для ведения дел местным предпринимателям, а не управления всем из центра. Господин Горбачев возмущенно отрицал, что всем в СССР управлял центр. Я попробовала по-другому. Я объяснила, что в западной системе все – даже самые бедные – в конце концов получают больше, чем они получили бы от системы, построенной на простом распределении. Действительно, в Великобритании мы собирались урезать налоги, чтобы увеличить стимулы, таким образом повышая благосостояние, соревнуясь с международным рынком. Я сказала, что не имела никакого желания обладать властью и направлять каждого туда, где он должен работать, и решать, что он или она должны получить.

Господин Горбачев настаивал на превосходстве советской системы. Там не только были выше темпы роста, но если я приехала бы в СССР, то увидела бы, как живут советские люди – «радостно». Если это так, спорила я, тогда почему советское руководство не позволяет людям уехать из страны так же легко, как, например, можно уехать из Великобритании?

Особенно я критиковала ограничения на еврейскую эмиграцию в Израиль. Он заверял меня, что 80 процентов желавших покинуть Советский Союз смогли это сделать, и повторил советскую версию, которой я не поверила, что те, кому запретили выехать, раньше работали в областях, связанных с государственной безопасностью. Я поняла, что упорствовать больше незачем; но идею я посеяла. Советы должны знать, что каждый раз при встрече мы будем припоминать им их обращение с рефьюзниками.

Мы пили кофе в главной гостиной. Все члены моей команды, кроме Джеффри Хау, моего личного секретаря Чарльза Пауэлла и переводчика, разъехались. Денис показал миссис Горбачевой дом.

Если бы тогда я обращала внимание только на содержание высказываний господина Горбачева, мне пришлось бы сделать заключение, что он скроен по обычной коммунистической выкройке. Но его манера была настолько индивидуальной, что сильно отличала его от похожих на марионеток «деревянных» советских аппаратчиков. Он улыбался, смеялся, жестикулировал в разговоре, говорил с выражением, аргументированно и ловко полемизировал. Он был уверен в себе и, хотя и слабировал свои высказывания уважительными отзывами о господине Черненко, казалось, он не будет чувствовать себя не в своей тарелке и оказавшись в гуще противоречий высокой политики. Выступая, он никогда не читал по бумажке, только заглядывал в рукописные записи в маленькой тетрадке. Он обращался к коллегам за советом только по вопросам произношения иностранных имен. К концу дня я поняла, что именно стиль, что-то большее, чем марксистская риторика, лежало в основе его личности. Он мне нравился.

Наиболее практическое деловое обсуждение в тот раз касалось контроля над вооружениями. Из бесед с венграми я поняла, что лучшим способом обсуждать контроль над вооружениями в относительно спокойной обстановке было сказать, что две противоположные системы должны жить рядом друг с другом, с меньшей враждебностью и меньшим уровнем вооружений. Я так и сделала.

Сразу стали ясны две вещи. Во-первых, как хорошо господин Горбачев был осведомлен о Западе. Он комментировал мои речи, которые, без сомнения, читал. Он процитировал изречение Лорда Палмерстона о том, что у Британии нет вечных

друзей или врагов, а только вечные интересы. Он внимательно следил за просачивающейся информацией из американской прессы, указывающей на то, что в интересах США было не позволить советской экономике возродиться из застоя.

В какой-то момент театральным жестом он вытащил лист бумаги с диаграммой из «Нью-Йорк Таймс», изображающую силу оружия супердержав в тротиловом эквиваленте, в сравнении с силой оружия, применяемого во Второй мировой войне. Он хорошо владел модными аргументами, с помощью которых в то время яростно доказывались перспективы «ядерной зимы», которая якобы наступит в результате ядерной войны. На меня это не сильно подействовало. Я сказала, что гораздо больше, чем «ядерная зима» меня интересует вопрос, как избежать сожжений, смерти и разрушений, которые будут этому предшествовать. Но целью ядерного оружия в любом случае было препятствовать войне, а не вызывать ее. Однако теперь этого нужно добиваться при меньшем количестве вооружений. Господин Горбачев доказывал, что если обе стороны будут наращивать вооружения, это может привести к случайностям или непредвиденным обстоятельствам, а при использовании современного оружия время на принятие решения будет измеряться в минутах. Как он сказал, используя одну из загадочных русских поговорок, «Раз в году и незаряженное ружье стреляет».

Всплыла и мысль о недоверии Советов к администрации Рейгана в целом и особенно к их планам в отношении Стратегической оборонной инициативы. Я подчеркивала много раз, что президенту Рейгану можно доверять, и что меньше всего на свете он хочет войны, и что Соединенные Штаты никогда не выражали желания мирового превосходства.

Когда дискуссия подходила к концу, стало понятно, что Советы на самом деле были очень озабочены по поводу СОИ. Они хотели остановить ее почти любой ценой. Я знала, что в какой-то степени меня использовали как подставное лицо президента Рейгана. Я также понимала, что имела дело с коварным соперником, который беспощадно воспользуется любыми разногласиями между мной и американцами. Поэтому я прямо сказала, что необходимо понимать – не может быть и речи о том, чтобы рассорить нас: мы останемся верными союзниками Соединенных Штатов. Моя откровенность в этом вопросе была равнозначна моей откровенности о том, что я считала президентскую мечту о мире, свободном от ядерного оружия, несбыточной.

Переговоры должны были закончиться в 4.30 дня, чтобы господин Горбачев смог успеть на прием в советском посольстве, но он сказал, что хочет продолжать. Было уже 5.50 вечера, когда он уехал, познав меня с другим перлом русской народной мудрости примерно такого содержания: «Горцы не могут жить без гостей, как не могут жить без воздуха. Но если гости не уходят вовремя, они задыхаются». Когда он уезжал, я надеялась, что мне довелось разговаривать со следующим советским лидером. Потому что, как я впоследствии сказала прессе, это был человек, с которым можно иметь дело»¹⁴³.

Далее **М. Тэтчер** вспоминала: «В марте 1985 года умер господин Черненко, и господин Горбачев вступил на пост советского лидера. Снова я поехала в Москву на похороны, погода была, пожалуй, еще более холодная, чем во время похорон Юрия Андропова. В тот вечер у меня был почти часовой разговор с господином Горбачевым в Кремле. Обстановка была более формальной, чем в Чекере, не помогало и молчаливое язвительное присутствие господина Громько. Но я смогла объяснить им значение курса, принятого президентом Рейганом и мной в декабре

¹⁴³ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 554–560.

предыдущего года в Кэмп-Дэвиде. Стало ясно, что в вопросе контроля над вооружениями Советы были поглощены проблемой СОИ.

Как мы и ожидали, господин Горбачев привнес в советское правительство новый стиль. Он открыто говорил об ужасном состоянии советской экономики, хотя в то время он все еще опирался на методы господина Андропова, основанные на стремлении к большей эффективности, а не на радикальную реформу. Год кончался, а никакого улучшения условий жизни в Советском Союзе не намечалось. Действительно, как описывал обстановку в одном из своих первых донесений наш новый (кстати, первоклассный) посол в Москве Брайен Картледж, «варенье на завтра, а тем временем сегодня водки не будет».

Явным холодом повеяло в отношениях Великобритании с Советским Союзом в результате санкционированной мной высылки занимавшихся шпионажем советских чиновников. Измена Олега Гордиевского, бывшего старшего офицера КГБ, означала, что Советы знали, как хорошо мы информированы об их деятельности. У меня было несколько встреч с господином Гордиевским, и я неоднократно пыталась добиться, чтобы Советы выпустили его семью к нему на Запад. (Это в конце концов произошло после неудавшегося путча в августе 1991 года).

Важное место в «**Автобиографии**» **М. Тэтчер** заняли ее воспоминания и оценки о своем визите в Москву в 1987 г. Она пишет¹⁴⁴: «Нетрудно представить, как было воспринято кэмп-дэвидское заявление в Москве. Оно положило конец надежде Советов, используя СОИ и мечту президента Рейгана о свободном от ядерного оружия мире, осуществлять свою стратегию по созданию в Европе зоны, свободной от ядерного оружия, что сделало бы нас открытыми для военного шантажа. Оно также показало, что, нравится им это или нет, я имела влияние на президента Рейгана по важнейшим вопросам политики блока. Так что у господина Горбачева было столько же причин иметь дело со мной, сколько и у меня – с ним. Поэтому неудивительно, что меня вскоре пригласили в Москву.

Я подготовилась очень тщательно. В пятницу 27 февраля 1987 года в Чекере я провела дневной семинар по Советскому Союзу. Я также детально изучила речи господина Горбачева, обычно длинные и беспорядочные, которые он произнес за последнее время, обнаружив для себя в них что-то новое.

Я не ехала в Москву, как представитель Запада, но, без сомнения, было очень важно проинформировать других западных лидеров о линии, которой я буду следовать, и заранее выяснить их настроения. Я знала мнение президента Рейгана и поэтому ограничилась тем, что послала ему длинное сообщение.

Я также организовала на понедельник 23 марта встречу с президентом Миттераном и затем с канцлером Колем. Президент Миттеран думал, как и я, что господин Горбачев готов пойти на многое, чтобы изменить систему. Но французский президент также знал, что Советы уважают жесткость. Он сказал, что мы должны сопротивляться попытке превращения Европы в зону, свободную от ядерного оружия. Я выразила горячее согласие.

Не оказалось разногласий у меня и с канцлером Колем.

Моим последним публичным высказыванием о Советском Союзе до отъезда была речь на заседании Центрального совета Консервативной партии в Торки в субботу 21 марта. Мне было бы нетрудно смягчить критику советского режима. Но я не собиралась этого делать. Слишком часто в прошлом западные лидеры ставили

¹⁴⁴ Цит. по: Тэтчер М. Автобиография. М., 2014. С. 567–571.

стремление к надежным отношениям с иностранными диктаторами выше слов простой правды. Я сказала: «В речах господина Горбачева мы видим явное признание того, что коммунистическая система не работает. Вместо того чтобы догнать Запад, Советский Союз еще больше отстает. Мы слышим, что их лидеры говорят на новом языке, который включает узнаваемые нами слова, такие как «гласность» и «демократизация». Но имеют ли они то же значение для них, какое они имеют для нас? Некоторые из тех, кто сидел в тюрьмах по политическим или религиозным убеждениям, были освобождены. Мы это приветствуем. Но многие другие остаются в заключении или им отказывают в разрешении эмигрировать. Мы хотим видеть их свободными или воссоединенными со своими семьями за рубежом, если они этого хотят... Когда на следующей неделе я поеду в Москву на встречу с господином Горбачевым, целью будет мир, основанный не на иллюзии и капитуляции, а на реальности и силе... Мир требует безопасности и доверия между странами и народами. Мир означает конец убийствам в Камбодже, конец резне в Афганистане. Он означает выполнение обязательств, которые Советский Союз добровольно принял на заключительном акте в Хельсинки в 1975 году, – разрешать свободное передвижение людей и идей, а также относительно других основных прав человека... Мы будем оценивать не по словам и не по обещаниям, а по действиям и результатам.»

Я сидела за столом в Кремле напротив господина Горбачева, а между нами стояла высокая ваза с цветами. Меня сопровождали только один член моего коллектива и переводчик. Вскоре стало ясно, что господин Горбачев собирается сделать мне выговор за мою речь на заседании Центрального совета Консервативной партии. Он сказал, что, когда советские лидеры изучали ее, они почувствовали дурнование 1940-х и 1950-х годов. Она напомнила им речь Уинстона Черчилля в Фултоне, Миссури (о «железном занавесе»), и доктрину Трумэна.

Я не извинялась. Я сказала, что есть еще один пункт, который я не упомянула в своей речи, но упомяну сейчас. Речь шла о том, что я не имела свидетельств, что Советский Союз покончил с брежневской доктриной или отказался от цели добиться мирового господства коммунизма. Мы были готовы вести бой идей: действительно, так воевать было правильно. Но вместо этого мы на Западе наблюдаем советскую подрывную деятельность в Южном Йемене, в Эфиопии, в Мозамбике, в Анголе и в Никарагуа. Мы видели, как Советский Союз поддерживает Вьетнам в его завоевании Камбоджи. Мы видели оккупацию Афганистана советскими войсками. Естественно, мы пришли к заключению, что мировой коммунизм все еще следует своей цели. Это было для Запада жизненно важным соображением. Мы признали, что господин Горбачев предан внутренним реформам в Советском Союзе. Но мы должны спросить себя, приведет ли это к изменениям и во внешней политике.

Я затем продемонстрировала, что читала речи господина Горбачева так же внимательно, как он читал мои. Я сказала ему, что считаю его январскую речь на заседании Центрального Комитета чрезвычайно интересной. Но я хотела знать, последуют ли за вводимыми им внутренними переменами перемены во внешней политике Советского Союза. Я добавила, что не ожидала, что будем вести такое горячее обсуждение, едва начав беседу. Засмеявшись, господин Горбачев ответил, что приветствует «ускорение», и доволен, что мы разговариваем откровенно.

Разговор был долгим и касался не только региональных конфликтов, но и самой сути различий между западной и коммунистическими системами. Я описывала их как разницу между обществами, где власть была рассредоточена, и обществами, в основе которых лежали контроль из центра и ограничение.

После обеда обсуждение стало менее дискуссионным и более информативным. Он объяснил мне проводимые им экономические реформы и проблемы, которые перед ним стояли. Это привело к теме технологии. Он заявил, что уверен в способности Советского Союза разрабатывать компьютеры, соревнуясь с Соединенными Штатами. Но меня было трудно убедить. И это привело снова к СОИ, и господин Горбачев пообещал, что в этом Совету будут соответствовать, но не рассказал, каким образом. Я попыталась заинтересовать его своим предложением о большей «предсказуемости» в отношении прогресса американской программы СОИ, но, очевидно, напрасно.

Затем я стала давить на господина Горбачева в целом по проблеме прав человека, и в частности обращения с евреями. Я также подняла вопрос об Афганистане, и у меня возникло впечатление, что он не знал, как выйти из положения. Наконец, я перечислила пункты, по которым, как я считала, мы достигли соглашения, чтобы включить их в официальный отчет о нашем обсуждении, и он согласился, что это улучшило взаимоотношения между нами и добавило уверенности друг в друге. Но время было уже очень позднее. Гости уже начали собираться на официальный прием, на котором я должна была выступать. Поставив дипломатию выше моды, я отменила свои планы вернуться в посольство и переодеться: я пошла на прием в коротком шерстяном платье, в котором проходила весь день. Я чувствовала себя как Ниночка¹⁴⁵ наоборот.

Вторник начался довольно скучным совещанием с премьер-министром Рыжковым и другими советскими министрами. Я надеялась больше узнать о советских экономических реформах, но мы снова завязли в контроле над вооружениями и позже в вопросах двусторонней торговли.

Намного более интересным и стоящим для всех участвующих было интервью, которое я дала трем журналистам с советского телевидения. Я потом узнала, что оно оказало огромное влияние на советское общественное мнение. Большинство вопросов было о ядерном оружии. Я защищала курс Запада в целом и сохранение ядерного сдерживания. Я напомнила о значительном советском превосходстве в традиционном и химическом оружии. Я указала, что Советский Союз опережает Соединенные Штаты в противоракетной обороне. Простой русский народ никогда не слышал, чтобы кто-либо упоминал эти факты. Они впервые узнали об этом от меня. Интервью выпустили в эфир по советскому телевидению полностью, и впоследствии я считала это доказательством, что моя уверенность в элементарной неподкупности господина Горбачева была к месту.

В тот вечер Горбачевы устроили ужин в старинном поместье, которое много лет назад было перестроено под приемы иностранных гостей. Атмосфера, как никогда в Советском Союзе, напоминала Чекере. В комнатах, которые показывал нам господин Горбачев, курили, пили и спорили Черчилль, Иден, Сталин и Молотов. Нас было немного – Горбачевы пригласили только Рыжковых, которые не принимали активного участия в разговоре. Ярко пылающий дровяной камин – тоже, как в Чекере, – освещал комнату, в которую мы позже перешли для решения мировых проблем за кофе и ликерами. Я увидела два интересных примера того, как подверглись сомнению старые марксистские догмы. Я спровоцировала оживленный спор между Горбачевыми об определении «рабочего класса», о котором мы столько слышали в советской пропаганде. Я хотела узнать, как в Советском Союзе определяли важную составную часть той системы, о которой старинная польская поговорка

¹⁴⁵ Семейство американских трехступенчатых твердотопливных баллистических ракет, размещаемых на подводных лодках (примечание автора).

гласит: «Мы притворяемся, что работаем, а они притворяются, что платят нам». Госпожа Горбачева считала, что любой, кто работает, независимо от его рода деятельности или профессии, является рабочим. Ее муж вначале доказывал, что рабочим классом считаются только «синие воротнички». Но потом он передумал и сказал, что это в основном исторический или «научный» (то есть марксистский) термин, который должным образом не охватывает разнообразия сегодняшнего общества.

Второе указание на отход от старых социалистических догм я наблюдала, когда господин Горбачев сказал мне – не вдаваясь в детали, чтобы подразнить, – об обсуждении планов по увеличению доходов населения с тем, чтобы заставить людей платить за государственные услуги, например здравоохранение и образование. Неудивительно, что этим планам, какими бы они ни были, не суждено было сбыться.

На следующее утро у меня был завтрак с рефьюзниками в посольстве Великобритании. От них я услышала тревожный рассказ о героизме людей, подвергавшихся мелким, но постоянным гонениям. В то же утро я улетела из Москвы в Тбилиси, город в Грузии. Я хотела посетить, помимо России, и другую советскую республику и знала, что Грузия представляет собой большой культурный и географический контраст.

Проще говоря, это был мой наиболее увлекательный и важный иностранный визит. В те проведенные в Советском Союзе дни я ощущала, как у коммунистической системы почва уходит из-под ног. В голову пришло такое изречение де Токвиля: «Опыт показывает, что наиболее опасный момент для плохого правительства наступает тогда, когда оно приступает к реформам». Оказанный мне теплый прием – и сердечная благосклонность русского народа, и уважение советского руководства во время длинных переговоров – указывало на глубинные коренные изменения. Западная система свободы, которую в западном блоке олицетворяли Рональд Рейган и я, все больше становилась господствующей. Я чувствовала, что скоро произойдут большие изменения – но я даже представить себе не могла, как быстро они нагрянут».

В феврале 1988 г. во время визита в СССР Дж. Хау состоялось подписание меморандума о взаимопонимании относительно новых форм сотрудничества в области предотвращения незаконного производства и оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также злоупотреблений ими. В целом за 1987–1989 гг. состоялось более 10 встреч глав внешнеполитических ведомств двух стран на различных форумах. Стали регулярными консультации экспертов по вопросам контроля над вооружениями, прав человека, региональным проблемам. Как считают британские специалисты, по уровню развития рабочих контактов с СССР Великобритания опередила Италию и Францию, но несколько отстала от США и ФРГ.

В декабре 1989 г. состоялась еще одна поездка министра иностранных дел СССР в Лондон, а в ходе ответного визита в Москву нового главы Форин офис Дугласа Херда в апреле 1990 г. были подписаны еще два соглашения – об оперативном оповещении о ядерной аварии и об обмене информацией относительно эксплуатации ядерных установок и управления ими, а также соглашение о сотрудничестве в области культуры, образования и науки.

В апреле 1989 г. состоялся официальный визит **М. Горбачева** в Великобританию. На переговорах отмечалось, что советско-британский диалог вышел на высокий уровень и отличается нарастающим взаимопониманием. Горбачев встретился с королевой Елизаветой и передал ей приглашение посетить СССР. Между обеими странами были подписаны еще четыре соглашения: о поощрении и взаимной защите капиталовложений, меморандумы о взаимопонимании по вопросам выдачи

виз, относительно возведения школы в Ленинанконе, по вопросам создания консорциумов, содействия деловому предпринимательству¹⁴⁶.

В последний раз **Тэтчер посетила СССР** в качестве премьер-министра в июне 1990 г. по случаю проведения Дней Великобритании в Киеве. Она также побывала в Ленинанконе, где участвовала в торжественном открытии построенной с британской помощью школы. В ходе этой рабочей поездки было подписано еще три документа: программа развития экономического и промышленного сотрудничества на 1991–2000 гг., соглашение о создании и деятельности культурных центров, а также программа сотрудничества и подготовки кадров в области управления экономикой. Тэтчер также объявила о создании в британских университетах 10 новых кафедр по изучению Советского Союза, что, по замыслу, должно было привести к росту обменов между британскими и советскими университетами.

Советско-британский политический диалог способствовал созданию более благоприятной атмосферы для активизации двустороннего сотрудничества в других областях: обмена визитами военных кораблей (1989 г.), парламентскими делегациями (в 1985, 1987, 1988 и 1990 гг.). Развивалось торгово-экономическое сотрудничество. Вместе с тем доля СССР в британском внешнеторговом обороте была невысокой, составляя в среднем 1,8% (для сравнения, доля Франции – 2,1%, доля ФРГ – 10,7%). В ходе визита Горбачева в Великобританию им было высказано пожелание об увеличении объема двусторонней торговли на 40–50%, что было поддержано Тэтчер. Высокий уровень товарооборота – 2,2 млрд руб. – наблюдался в 1984 г. По ряду причин (в том числе из-за падения, мировых цен на сырьевые товары, преобладавшие в структуре советского экспорта в Великобританию) он сократился к 1986 г. до 1,8 млрд руб. В 1988 г. его удалось поднять до 2,4 млрд, при этом темпы роста советско-британской торговли в эти годы были выше, чем советско-западногерманской¹⁴⁷.

Прочной основой для развития торгово-промышленного сотрудничества между двумя странами на 1986–1990 гг. стало межправительственное соглашение о кредитах, подписанное в январе 1987 г. И все же в 1987 г. Великобритания была лишь на 6-м месте среди развитых стран – торговых партнеров СССР (после ФРГ, Финляндии, Италии, Франции и Японии), при этом объем торговли между СССР и ФРГ превышал англо-советский товарооборот более чем в три раза.

Во время визита Тэтчер в Москве было открыто представительство Советско-Британской Торговой палаты. Стали активнее развиваться научно-технические связи, чему способствовало подписание в Лондоне в феврале 1986 г. программы сотрудничества в области науки и техники на период 1986–1990 гг. Дважды в 1986 г. в СССР побывал британский министр энергетики П. Уокер. Осенью того же года была достигнута договоренность о сотрудничестве в области онкологии, вирусологии, офтальмологии и скорой медицинской помощи, полуголом ранее – в области сельского хозяйства. Возросли прямые контакты между советскими и британскими учеными. В 1987 г. Британское Королевское общество насчитывало 26 научно-исследовательских программ с Академией наук СССР¹⁴⁸.

Значительно оживились англо-советские культурные связи, которые развивались на основе возобновлявшихся каждые два года соглашений. Подписание в рамках визита Тэтчер в 1987 г. соответствующего меморандума подняло их на новый

¹⁴⁶ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 616.

¹⁴⁷ Там же. С. 616–617.

¹⁴⁸ Там же. С. 617.

уровень. Регулярной стала практика проведения телемостов, резко возросло количество телевизионных программ о Советском Союзе на британском телевидении. С января 1987 г. в СССР прекратилось глушение передач Би-Би-Си. Возрос обмен лекторами, начались обмены между школами, существенно возрос туризм с обеих сторон. В 1988 г. 100 тыс. британцев посетили СССР, и 25 тыс. граждан Советского Союза побывали в Великобритании.

В 80-е гг. продолжал развиваться диалог с лейбористской партией. При этом учитывалась занятая ею позиция в области обороны и безопасности, по многим своим параметрам совпадавшая с программой СССР в области обеспечения безопасности и разоружения, особенно ядерного. В сентябре 1981 г. Москву посетила делегация парламентской фракции лейбористов во главе с лидером партии М. Футом, в ноябре 1984 г. состоялся визит нового лидера партии Н. Киннока.

С приходом Горбачева диалог СССР с лейбористской партией Великобритании заметно активизировался, став составной частью курса на улучшение отношений с социалистическими и социал-демократическими партиями Запада. Делегации руководства лейбористов посещали Москву также в 1986, 1987 и 1989 гг. Однако в целом советская сторона явно отдавала предпочтение развитию отношений с консерваторами и Тэтчер, учитывая ее огромный международный вес, поддержку перестройки, близость к президенту США, а также установившиеся хорошие персональные отношения с Горбачевым. Несмотря на многочисленные просьбы лидера лейбористов принять его в Москве, Горбачев за шесть лет так и не нашел для этого времени.

Именно Тэтчер принадлежала инициатива пригласить Горбачева на встречу с лидерами семи ведущих стран мира, что впоследствии получило свое продолжение в присоединении России к Большой Семерке (по словам главы администрации Т. Блэра Дж. Пауэлла, это было сделано в интересах «контроля за русскими»). Незадолго до своего ухода в отставку она заявила о необходимости подключения российской экономики к международной, а позже специально отправилась в Вашингтон, чтобы убедить в этом президента США Буша-старшего. Благодаря ее настойчивости Горбачев принял летом 1991 г. участие во встрече Семерки¹⁴⁹.

В конце 80-х гг. по мере улучшения советско-американских отношений, особенно после Рейкьявика и подписания соглашения по ракетам средней и малой дальности, значение для Москвы Великобритании как канала связи и влияния на политику США существенно уменьшилось. На передний план для СССР в европейских делах, к большому сожалению для британской стороны, все больше выдвигалась Западная Германия. Это хорошо видно на примере решения германской проблемы, которая стала в 1989-1990 гг. главной темой советско-британских переговоров. Следует отметить, что позиции Горбачева и Тэтчер по основным параметрам германского урегулирования были близки, если не считать включения объединенной Германии в НАТО, на чем настаивала британская сторона. Взаимоисключающие позиции США и СССР создавали определенные возможности для британской дипломатии: был расчет на то, что СССР будет категорически возражать против возникновения мощной Германии, объединенной на условиях Запада, а это, как считала Тэтчер, позволит существенно скорректировать график объединения. Близость позиций Великобритании, Франции и СССР позволяла решить германскую проблему в интересах всей Европы, а не только обоих германских государств.

На переговорах в сентябре 1989 г. стороны откровенно заявили о своих опасениях относительно Германии. Тэтчер сообщила, что, несмотря на поддержку

¹⁴⁹ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 617–618.

НАТО стремления Германии к объединению, в действительности Запад, основываясь на опыте прошлого, относился к этому процессу без энтузиазма. С советской стороны было твердо заявлено, что СССР выступает против объединения Германии. Это, как отмечает Тэтчер в мемуарах, укрепило ее решение замедлить темп развития событий. Прояснив позицию Горбачева, она стала активно действовать на переговорах с Вашингтоном и Парижем (конфиденциальные встречи с Миттераном состоялись в декабре 1989 г.). Тэтчер не побоялась открыто заявить о своих возражениях против темпов объединения. Она видела свою задачу в том, чтобы правильно организовать систему безопасности в Европе, защитить интересы всех заинтересованных сторон (прежде всего Великобритании, но также и Советского Союза), обеспечить стабильность на континенте. Она выступила за сохранение НАТО и Организации Варшавского договора, была готова идти достаточно далеко навстречу интересам Москвы, предлагая, в частности, сохранение на определенный период двух Германий, а на более позднем этапе в условиях, когда события все более приобретали неуправляемый характер, – особый статус территории бывшей ГДР в НАТО, включая присутствие там на срок до семи лет советских войск¹⁵⁰.

В условиях последовательных уступок, совершавшихся советской стороной ФРГ, отхода Горбачева от первоначальной позиции сохранения двух Германий Лондон испытывал все большее беспокойство. Становилось очевидным, что германская проблема решается поспешно, вразрез с британскими интересами. В последний раз германская тема обсуждалась Тэтчер с Горбачевым на встрече 8 июля 1990 г. в Москве, когда она прибыла для участия в Днях британской культуры. Ход обсуждения германской проблемы не содержал никаких признаков изменения позиций сторон: подчеркивалась необходимость переходного периода, Тэтчер отмечала важность присутствия американских войск в Европе и на территории «новой» Германии в целях «обуздания ее амбиций». Горбачев заявил, что процесс объединения должен идти «спокойно, взвешенно», чтобы ни одна из сторон «не чувствовала себя ущемленной, чтобы не был нарушен баланс». Ничто не предвещало того, что произошло в ходе встречи Горбачева с канцлером Коелем 14–16 июля 1990 г. в Архызе, когда президент СССР фактически отдал решение вопроса объединения на откуп ФРГ. Таким образом, Бонн переиграл своих европейских партнеров, договорившись с Москвой. С этого момента все реальные шансы замедлить процесс объединения отпали, а оскорбленной Тэтчер, которая выглядела как женщина, брошенная партнером во время танца, не оставалось ничего иного, как признать свою политику в германском вопросе провалившейся. Впоследствии ее упрекали в том, что она действовала слишком прямолинейно и открыто, вместо того чтобы брать пример с Миттерана, также не желавшего объединения Германии, но державшего возражения при себе и, в конечном счете, смирившегося с неизбежным. Однако, зная характер Тэтчер, ее бесстрашие в деле защиты британских интересов, можно утверждать, что она вряд ли смогла бы вести себя иначе. В мемуарах она язвительно подчеркивает, что в качестве ответной услуги за снятие Горбачевым всех возражений относительно объединения и согласие вывести советские войска из Восточной Германии Коль предложил достаточно скромную сумму, показавшуюся ему визави огромной, хотя на самом деле можно было получить несоизмеримо большую¹⁵¹.

¹⁵⁰ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 618–619.

¹⁵¹ Там же. С. 619–620.

В определенной степени Тэтчер можно считать жертвой «горбимании»: прекрасные отношения с президентом СССР, позволившие ей приобрести такой значительный вес в мировой политике, в то же время помешали реалистично оценить последние годы его правления, стремительную потерю им общественной поддержки у себя в стране (тот же процесс наблюдался и в отношении Тэтчер в Великобритании). Убежденная в том, что сохранение Горбачева у власти отвечает интересам Запада, на переговорах со своими партнерами она настойчиво проводила мысль о необходимости проявлять крайнюю осторожность в процессе объединения Германии, чтобы не создавать лидеру СССР, подвергавшемуся серьезной критике со стороны оппонентов в руководстве, дополнительных трудностей внутри страны, которые могли привести к его свержению.

В своей книге «Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира», опубликованной в 2003 г. и ставшей своего рода политическим завещанием Тэтчер, она подвела итоги эпохи холодной войны и дала высокую оценку роли Великобритании (и своей собственной), без твердой поддержки которой США и Западу вряд ли удалось бы одержать столь убедительную победу, притом «без единого выстрела». Она откровенно высмеяла горбачевское «новое мышление», по существу подтвердив его использование Западом в качестве орудия развала социалистического содружества и Советского Союза. Отметя излюбленное утверждение Горбачева, что в холодной войне не было победителей, Тэтчер уверенно заявила, что победил Запад¹⁵².

По наблюдению **Н.К. Капитоновой**, как женщине Тэтчер нельзя отказать в интуиции, которая со временем вылилась в исключительное политическое чутье. Она была способна принимать смелые, порой казавшиеся недалёковидными, рискованные решения, которые на поверку оказывались и дальновидными и удачными, приносили немалые политические дивиденды и ей самой, и партии тори, и стране. Так, уловив еще до 1985 г. наличие в советском руководстве сил, способных на проведение нового политического курса, «открыв» и представив миру энергичного, амбициозного (стремящегося любой ценой добиться популярности на Западе) политического деятеля Горбачёва, Тэтчер умело использовала доверительные отношения с ним в интересах собственной страны и Запада в целом, став, как признают многие аналитики, главным архитектором его победы в «холодной войне». Она первой среди руководителей ведущих стран отказалась от жесткого подхода к СССР, от так называемой «мегафонной дипломатии», и взяла на себя инициативу в деле размораживания международной обстановки. Ее первая встреча с Горбачёвым состоялась в декабре 1984 г. во время его визита в Великобританию в качестве главы парламентской делегации. По окончании она произнесла фразу, которая мгновенно стала крылатой: «Мне понравился Горбачёв. Мы сможем работать вместе». Их встреча положила начало прочным отношениям, основанным на «потрясающей взаимной симпатии». Это мнение разделяет подавляющее большинство специалистов, коллег Тэтчер, дипломатов с той и другой стороны, готовивших и принимавших участие в их беседах. Налаживая отношения с президентом СССР, она «полагалась не только на свой ум и силу, но и на женское очарование и на свою способность к легкому флирту». Помощник президента А.С. Черняев отмечает стремление Тэтчер «заворожить» Горбачёва, который, по словам Н. Лоусона, «вскружил ей го-

¹⁵² См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 620; См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 216–222.

лову». Участник переговоров на высшем уровне бывший посол СССР в Великобритании Л.М. Замятин считает, что «явные взаимные симпатии» двух лидеров способствовали укреплению контактов между ними, делали советско- британский диалог «более доверительным, а следовательно, и более плодотворным». Они получали удовольствие от общения друг с другом. При встречах она всегда демонстрировала приветливость и радушие, намеренно придавая их переговорам высокое звучание, ибо это способствовало росту престижа Великобритании¹⁵³.

2.5.5. Великобритания в ЕЭС. Проблема строительства «новой Европы» и отстаивания национального суверенитета страны. Новые акценты появились в отношении консервативного кабинета к Европейскому Сообществу. Будучи сторонницей участия Британии в ЕЭС, Тэтчер с явным неодобрением относилась к идее построения «федеративной Европы». Эти планы, по ее мнению, угрожали национальному суверенитету Британии. Более привлекательной представлялась ей концепция «Европы отечеств», предполагавшая большую независимость членов ЕЭС. Будущее ЕЭС Тэтчер видела в создании единого европейского рынка между государствами-членами, которые вместе с тем сохраняют суверенитет в проведении внутренней экономической и социальной политики. Интеграции во внешней и особенно военной политике она предпочитала сотрудничество западноевропейских стран в рамках НАТО¹⁵⁴.

В соответствии с правилами формирования бюджета ЕЭС и общей сельскохозяйственной политики, Великобритания несла на себе примерно 1/5 часть всех расходов Сообщества. Такая высокая доля объяснялась, во-первых, самими принципами формирования бюджета, учитывавшими в большей степени уровень внешней торговли страны-участницы, а во-вторых, высоким уровнем расходов Сообщества на компенсацию производителям сельскохозяйственной продукции. Поставив под вопрос оба эти принципа и исходя из подсчетов, основанных на соответствии вклада Британии в бюджет и получаемых ею от участия в Европейском Сообществе дивидендов, Тэтчер с самого начала заняла максимально жёсткую позицию на переговорах. Она заявила о необходимости значительного сокращения суммы ежегодных взносов (составившей в 1980 г. свыше £1 млрд.) Британии в общий бюджет, вдобавок требуя получения компенсации за «переплату» в предшествующие годы. Уже на первой встрече в Дублине в ноябре 1979 г. произошло столкновение Тэтчер со своими партнёрами. Все они были буквально шокированы не только выдвинутыми требованиями, но и той бескомпромиссной манерой, в которой они были высказаны. Переговоры привели к тому, что другие страны- участницы согласились пересмотреть принципы формирования бюджета, а пока этого не произошло, компенсировать «чрезмерные» расходы Британии за 1980, 1981 и, возможно, 1982 гг., если к тому времени не будет найдено долгосрочное решение проблемы. Общая сумма компенсации за 1980 и 1981 гг. составила £1,8 млрд, и в результате ее «зачета» выплаты Британии в бюджет Сообщества в эти годы составили менее £200 млн. В 1982 г. возник новый кризис из-за блокирования Британией решений о ценах на сельскохозяйственную продукцию, во многом предопределявших объем бюджета Сообщества. Но долгосрочные проблемы финансирования по-прежнему

¹⁵³ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 186.

¹⁵⁴ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие. М., 2012. С. 330.

оставались нерешёнными, и трудные переговоры продолжились и в 1983 г. Британцы добились компенсации в £440 млн. В целом объем компенсации составил £2,5 млрд, или 65,4% первоначальной суммы взносов.

Немаловажно, что до выборов 1983 года и сразу после них Тэтчер не отступила со взятых позиций. Согласно опросу, проведенному институтом Гэллага в июне 1983 года, европейскую политику консерваторов одобряло на 50% людей больше, чем политику лейбористов (официально поддерживающих выход страны из ЕЭС). Характерно, что большинство опрошенных высказывалось за неуклонное отстаивание британских интересов в Сообществе, одновременно признавая необратимость участия страны в нем.

Продолжая свою твёрдую политику, в 1988 году в своей речи в Брюгге Тэтчер выступила против инициатив ЕЭС о повышении централизации и в принятии решений и создания федеративных структур¹⁵⁵. Хотя в целом Тэтчер выступала за членство Великобритании в интеграционном объединении, она считала, что роль» организации должна быть ограничена вопросами обеспечения свободной торговли и эффективной конкуренции¹⁵⁶. Несмотря на позицию канцлера казначейства Найджела Лоусона и министра иностранных дел Джеффри Хау¹⁵⁷, Маргарет выступала категорически против участия страны в Европейском механизме валютных курсов, предшественнике Европейского валютного союза, полагая, что это наложит ограничения на британскую экономику¹⁵⁸. Впоследствии, правда, Джону Мейджору удалось переубедить Тэтчер, и в октябре 1990 года Великобритания стала участником новой структуры.

После прихода к власти в 1979 г., отмечают **Н.К. Капитонова и Е.В. Романова**, Тэтчер повела упорную борьбу за сокращение британского взноса в бюджет ЕЭС. Вопрос о так называемом «британском чеке» вызывал острую полемику между Великобританией и ее партнерами и в течение нескольких лет доминировал на всех заседаниях Европейского совета. На заседании британского кабинета даже обсуждалось предложение о приостановке всех платежей Великобритании в бюджет ЕЭС в 1984 г. – вплоть до окончательного решения этого вопроса. Жесткая позиция Тэтчер даже вызвала недовольство коллег по партии, опасавшихся перехода Великобритании в категорию аутсайдеров в Сообществе (это было связано с заявлением президента Франции о Европе «двух скоростей»). Только в июне 1984 г. на саммите в Фонтенбло этот вопрос был урегулирован на выгодных для Лондона и приемлемых для его партнеров условиях, в результате чего Великобритания стала получать назад (так называемый rebate) около 2/3 от разницы между своим взносом в бюджет и выплатами из него. Эта договоренность справедливо считается одним из главных достижений правительства Тэтчер, хотя следует отметить, что, стремясь добиться капитуляции своих партнеров, она в пылу полемики перегнула палку, упустив шанс договориться на еще более выгодных условиях (эту манеру с ходу отвергать предложения партнеров охарактеризовали как «стрельбу с бедра», по-ковбойски). «Британский чек» определил политику Великобритании

¹⁵⁵ См.: Speech to the College of Europe («The Bruges Speech») // Margaret Thatcher. Foundation URL: <http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=107332> (дата обращения: 14.06.2023).

¹⁵⁶ См.: Senden, Linda. Soft Law in European Community Law. Hart Publishing, 2004.

¹⁵⁷ См.: Thatcher M. The Downing Street Years. HarperCollins, 1993.

¹⁵⁸ См.: Thatcher Stands Firm Against Full EMS Role // Margaret Thatcher. Foundation URL: <http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=106969> (дата обращения: 14.06.2023).

в бюджетном вопросе на 20 лет вперед. В связи со смертью баронессы Тэтчер 8 апреля 2013 г. и возникшей в парламенте полемикой относительно целесообразности выделения государственных средств на ее похороны премьер-министр Д. Кэмерон напомнил парламентариям, что благодаря достигнутой ею договоренности в Фонтенбло страна смогла к 2013 г. получить назад из бюджета Евросоюза 75 млрд ф. ст.¹⁵⁹.

Урегулировав проблему с бюджетом, правительство консерваторов продолжило борьбу за сокращение расходов ЕЭС. Для Тэтчер, проводившей курс на сокращение государственных расходов в стране, это был принципиальный вопрос. Обладая небольшим, но высокоразвитым аграрным сектором, Великобритания была заинтересована в сокращении субсидирования сельского хозяйства ЕЭС, на финансирование которого ушло в 1973 г. около 80% бюджета сообщества. Стабилизировав к середине 80-х гг. свое финансовое и экономическое положение путем проведения реформ в экономике, в результате чего британская промышленность смогла на равных конкурировать с западноевропейскими партнерами, она выступила за создание единого европейского рынка, устранение барьеров на пути движения товаров, принятие общеевропейских стандартов, установление свободного рынка в области транспорта, страхования и движения капитала. Правительство Тэтчер стремилось к такой интеграции, которая позволила бы британскому финансовому капиталу и крупным компаниям занять лидирующее место в Сообществе, а Великобритании – существенно упрочить свои позиции в Западной Европе.

Препятствуя принятию мер, не отвечавших его интересам, Лондон в то же время выступил за активизацию европейского политического сотрудничества (ЕПС). По его инициативе в октябре 1981 г. на встрече министров иностранных дел Сообщества был принят Доклад о политическом сотрудничестве, по которому члены ЕЭС впервые взяли на себя официальное обязательство проводить консультации по вопросам безопасности. При этом основной акцент был сделан на политических, а не на военных аспектах, являвшихся, по мнению британской стороны, прерогативой НАТО и ЗЕС. Под видом совершенствования механизма координации внешней политики (путем создания специального политического комитета в Сообществе) Великобритания на деле стремилась ограничить возможности выдвижения членами ЕЭС самостоятельных инициатив, подключить их к более тесному взаимодействию с США, формировать внешнюю политику Сообщества по британскому образцу и, когда представится возможным, – говорить от имени Европы. Именно в этом ключе и действовала Тэтчер как на встречах с президентом США, так и на переговорах с Горбачевым. Активизация политического (читай – внешнеполитического) сотрудничества не означала проведения единой внешней политики ЕЭС, что было неприемлемо для Тэтчер, рассматривавшей внешнюю политику как неотъемлемое проявление международного престижа и суверенитета¹⁶⁰.

В результате, благодаря усилиям Великобритании, ЕЭС выступало с согласованной позицией на встречах стран – участниц СБСЕ, координировало свои действия в ООН, выработало общую линию в отношении событий в Польше в 1980–1981 гг., войны СССР в Афганистане, Фолклендского конфликта, предпринимало совместные демарши в вопросах ближневосточного урегулирования, проводило регулярные консультации по вопросам конфликтных ситуаций в других регионах. В то же время Лондону не удалось добиться взаимодействия членов ЕЭС по вопро-

¹⁵⁹ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 600.

¹⁶⁰ Там же. С. 601.

сам экономических санкций против расистского режима Претории, разрыва дипломатических отношений с Сирией в связи с ее «причастностью» к международному терроризму, а также по ряду других. Вместе с тем события вокруг Гренады 1983 г. заставили англичан взглянуть на эту проблему под другим углом зрения: британские официальные лица заговорили о необходимости разработки более самостоятельной и независимой от США позиции в ряде вопросов. Советско-американские переговоры в Рейкьявике, дело «Иран-контрас», а также некоторые другие действия администрации США придали дополнительный импульс этому движению в Сообществе.

Правительство Тэтчер не смогло помешать дискуссии в ЕЭС о реформе Римского договора и европейских институтов. Лондон опасался, что в процессе реформирования в договор могут быть внесены нежелательные изменения, в частности упразднение права «вето», расширение полномочий Европарламента (за это ратовала Италия), сферы принятия решений квалифицированным большинством. Поэтому Тэтчер резко выступила против созыва специальной конференции по реформе Римского договора. Великобритания стремилась во что бы то ни стало не допустить укрепления наднациональных структур в Сообществе, которые могли бы ограничить суверенитет Вестминстера и свободу принятия решений, мотивируя свою позицию тем, что ЕЭС находился пока на ранней стадии своего развития, в то время как британский парламент развивался в течение многих столетий, поэтому Лондон не может предоставить Европарламенту большие права, чем те, которые имеет Вестминстер¹⁶¹.

По существу, Тэтчер противилась всему, что исходило от ЕЭС, называя его «брюссельской империей». Однако помешать проведению специальной конференции по реформе Римского договора Тэтчер не смогла. Лондон вынужден был пойти на то, чтобы Римский договор был дополнен Единым европейским актом (ЕЕА), подписанным в декабре 1985 г. в Люксембурге после исключения из него откровенно не устраивавших Великобританию предложений (свободного передвижения людей, вопросов налогообложения, здравоохранения и др.). Голосование большинством было введено только по ограниченному кругу вопросов, права Европарламента расширены незначительно. Вместе с тем Тэтчер пришлось пойти на некоторые уступки партнерам, что позволило им «спасти лицо»: в ЕЕА подчеркивалось стремление стран-членов к созданию Европейского Союза, расширению полномочий Европарламента и КЕС и сотрудничеству в валютной сфере. В нем также сохранилось положение о европейской внешней политике, согласовании позиций по политическим и экономическим аспектам безопасности, создании к концу 1992 г. единого внутреннего рынка, что отвечало интересам Лондона¹⁶².

Принятие ЕЭС документа, открывшего путь к созданию политического и валютного союза, означало еще один шаг по пути ограничения суверенитета британского парламента. Британские специалисты расценили его как самое большое ущемление независимости за всю историю страны. Расширение сферы применения голосования большинством в Совете ЕЭС и КЕС затрудняло для Лондона блокирование неудобных ему решений Сообщества. Зная взгляды Тэтчер, трудно понять, что подвигло ее на такой шаг. Уже будучи в отставке, она призналась, что плохо осознавала в тот момент последствия своих действий.

Европейская идея не была популярна в Великобритании, о чем свидетельствует самый низкий показатель активности на выборах в Европарламент среди

¹⁶¹ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 601–602.

¹⁶² Там же. С. 602.

членов ЕЭС: 32,6% в 1979 и 1986 гг., 36,2% – в 1989 г. Британские члены Европарламента по-прежнему не играли сколько-нибудь заметной роли в национальных и внутривластных делах. Назначение британского чиновника в органы Сообщества было, в отличие от ФРГ или Франции, не прелюдией к получению высокой министерской должности, а, скорее, ссылкой. Вместе с тем по мере улучшения экономической ситуации в стране происходило смягчение общественного мнения в отношении ЕЭС. Этому также способствовали некоторые непопулярные в Великобритании акции американского правительства, поддержанные консерваторами, в частности бомбардировка Ливии. Если в 1973 г. благожелательно к Сообществу относился 31% опрошенных англичан, то в 1989 г. – уже 50%. Среди у представителей бизнеса этот показатель превысил 90%¹⁶³.

Великобритания при Тэтчер уклонилась от участия в Европейской валютной системе (ЕВС), подорвав тем самым возможность Сообщества проводить единую валютно-финансовую политику. Тэтчер выступала против присоединения к Европейскому механизму обменных курсов и создания Европейского центрального банка (ЕЦБ), заявив, что надеется не дожить до этого дня. Между нею и министром финансов Н. Лоусоном, а также главой Форин офис Дж. Хау существовали серьезные разногласия. Выдвинутая британской стороной в качестве альтернативы ЕВС идея создания «крепкого экю», который бы циркулировал наряду с существующими валютами, не была поддержана партнерами. В ходе мадридского саммита в июне 1989 г., в условиях, когда изоляция Лондона в вопросе валютной интеграции становилась все более очевидной, обоим министрам совместными усилиями удалось «дожать» Тэтчер, убедив ее в необходимости сотрудничества в области валютного контроля, за что оба они впоследствии заплатили своей отставкой (Хау – в июле, а Лоусон – в октябре). Можно сказать, что британская политика в отношении ЕЭС в 80-х гг. была результатом постоянной борьбы между премьером и другими влиятельными членами кабинета. Лишь после того, как благодаря Европейскому механизму обменных курсов удалось добиться снижения инфляции во Франции и Ирландии, Лондон присоединился к нему в октябре 1990 г., за месяц до ухода Тэтчер в отставку¹⁶⁴.

В конце 80-х гг. накапливавшееся у нее годами раздражение по поводу путей развития европейской интеграции вылилось в острые споры между Великобританией и ее партнерами по Сообществу. Подавляющее большинство членов ЕЭС исходило из того, что образование к 1993 г. единого европейского рынка должно сопровождаться дальнейшими интеграционными мерами в политической, финансовой и военной областях. Лондон же настаивал на особом характере политической интеграции, основанном на межгосударственном сотрудничестве, когда каждая из сторон проводит независимую политику. В рамках острой полемики между Тэтчер и президентом КЕС Жаком Делором британский премьер произнесла 20 сентября 1988 г. в Европейском колледже в Брюгге знаменательную речь, в которой обрисовала свое видение будущего Европы (охарактеризованное впоследствии бывшим главой Форин офис как «кошмарное») – создание свободного рынка свободными правительствами, сотрудничество которых в области внешней политики не подрывает статус НАТО и которые пользуются суверенитетом в решении экономических, финансовых и социальных вопросов. (Признав, что для нее рассуждать о будущем Европы это все равно, что «просить Чингисхана высказаться о перспективах мирного сосуществования», Тэтчер настаивала на том, что Европа станет только сильнее, если Франция будет Францией,

¹⁶³ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 602–603.

¹⁶⁴ Там же. С. 605.

Испания – Испанией, Британия – Британией, каждая со своими привычками, традициями и индивидуальностью.) Она подчеркнула, что ни при каких обстоятельствах не позволит Брюсселю взять на себя принятие большинства решений в экономической и социальной сферах, на чем настаивал Делор¹⁶⁵.

Такая бескомпромиссная позиция привела к тому, что Великобритания оказалась в изоляции внутри Сообщества по вопросу будущего европейского союза. Тэтчер выглядела особенно одиозно на фоне «сердечного согласия» по большинству вопросов углубления европейской интеграции, наблюдавшегося во франко-германских отношениях. Лидеры нескольких стран ЕЭС выступили с резкой критикой британской позиции, настаивая на создании экономического и политического союза вплоть до образования европейского правительства и обвиняя Тэтчер в попытке возродить дебаты по проблемам, которые Сообщество уже давно решило.

Британская позиция в значительной степени объяснялась тем, что исторически Великобритания никогда не считала себя чисто европейской страной. Она, как говорил Черчилль, «была с Европой, но не частью Европы». Общность языка, культуры, воспоминания о войне также способствовали большей ориентации британцев, особенно представителей старшего поколения, на Соединенные Штаты, а не на Европу. Их никогда особенно не согревала идея общего рынка, в который они не очень-то хотели вступать. Англичане продолжали говорить «Британия и Европа». Любопытно, что подход «они» и «мы» был характерен не только для Лондона, воспринимавшего Европу «скорее разумом, чем сердцем», но и для Брюсселя.

Таким образом, можно сказать, что **правительство Тэтчер** при всем желании (если бы оно у него было) не смогло бы добиться для Британии роли лидера ЕЭС. И хотя основные решения принимались в рамках треугольника Лондон-Париж-Бонн, ключевым элементом европейской политики являлась франко-германская связка. Признав тщетность попыток подключиться к этому мощному европейскому тандему, Тэтчер отмечала впоследствии, что ей пришлось «стратегически отступить» перед лицом большинства, которое она не смогла заблокировать. Вместе с тем ей удалось использовать вес Западной Европы для укрепления положения страны в системе международных отношений и осуществления давних амбиций – говорить от имени Европы во взаимоотношениях Восток-Запад и во взаимоотношениях с США. Что же касается ее своеобразного (конфронтационного) стиля ведения переговоров с Брюсселем, то он не был по достоинству оценен коллегами Тэтчер по партии и явился, в итоге, одной из причин, которые заставили ее уйти в отставку¹⁶⁶.

Тэтчер по-прежнему является символом евроскептиков как защитник национального суверенитета и независимости государств-членов Европейского Союза от европейских институтов. Ее основная идея была связана с лояльностью граждан и убежденностью в том, что передача суверенитета с национального на европейский уровень является утопией, которая может поставить под угрозу европейские сообщества, свободы и образ жизни. Тэтчер полагала, что многовековая история сделала национальные государства естественным обладателем свобод граждан, и было бы неестественно переводить лояльность граждан на искусственный верхний уровень, созданный в европейских сообществах государственными служащими. Это была явная атака на федералистов и неофункционалистов в европейской интеграции, а также акт поддержки интергouvernementализма как единственного способа построения прочной Европы.

¹⁶⁵ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 605–606.

¹⁶⁶ См.: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 606–607; Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 122–131.

У Тэтчер был общий с Шарлем де Голлем подход к европейской интеграции, но британский премьер, в отличие от французского президента, была заинтересована в союзе с Европой и не отделяла Соединенное Королевство от Европейского сообщества. Оба лидера осознавали преимущества членства в ЕС для своих стран. Таким образом, ни один из них не хотел разрушить процесс европейской интеграции, скорее они просто старались перенаправить ее путь от наднационального движения к национальному сотрудничеству и, соответственно, контролировать его¹⁶⁷.

Что касается непростых отношений Соединенного Королевства с Европейским сообществом, то в 1970-х гг. они достигли своего апогея. Предвыборные манифесты лейбористов в октябре 1974 г. обязали эту партию предоставить британским гражданам возможность решать, следует ли Британии оставаться на общем европейском рынке на пересмотренных условиях или покинуть его. После выборов новое правительство во главе с лейбористской партией призвало провести референдум, чтобы узнать мнение британцев о членстве в Европейском сообществе. Правительство проводило кампанию в поддержку членства страны в ЕС, и Маргарет Тэтчер, как новый лидер консервативной партии, также поддерживала членство Великобритании в Европейских сообществах. Результат референдума показал, что 67% избирателей поддерживают членство Великобритании в Европейском сообществе. Пересмотр условий членства был связан главным образом с Общей аграрной политикой и британскими взносами в европейский бюджет, которые стали выше, чем у других стран-членов. Гарольд Уилсон, премьер-министр, добился незначительного сокращения британского взноса, но изменения были минимальными, и проблема оставалась нерешенной¹⁶⁸.

Заняв пост премьер-министра на следующих выборах, Маргарет Тэтчер попыталась изменить эту ситуацию, утверждая, что Великобритания тратит, слишком много денег на ЕС и получает очень мало, поэтому она вынесла этот вопрос на повестку дня Совета ЕС. Многие встречи глав правительств государств-членов прошли в сложной обстановке из-за жесткого поведения Тэтчер и ее личной конфронтации с Гельмутом Колем и Миттераном, лидерами Германии и Франции. Президент Совета, в качестве которого выступал президент или премьер-министр государства, временно возглавлявшего Европейское сообщество, формировал повестку дня, и британская проблема часто туда не входила. Тэтчер же все равно говорила об этом, не соблюдая установленный протокол. Она даже угрожала вывести свою страну из Европейского сообщества, если ситуация не будет решена. В качестве примера реакции можно привести следующие слова Гельмута Коля: «Британский премьер-министр, которая полностью отделила себя от своей должности,.. переволновалась и полностью потеряла самообладание в диалоге со мной. Она утверждала, что Германия должна была поддержать Великобританию, потому что британские войска были размещены здесь»¹⁶⁹.

После нескольких лет борьбы Тэтчер добилась реформы благодаря своей решимости и приверженности ЕС и будущему Единому европейскому акту. Чистый вклад Великобритании в Европейское сообщество был сокращен на 2/3. Это означало, что Великобритания все еще платила больше, чем получала. Проблемой такого соглашения было сокращение европейского бюджета, так как ЕС потерял бы деньги, отправленные обратно в Великобританию. Дискуссии шли вокруг отказа

¹⁶⁷ См.: Троицко Д.Р., Керикмяз Т., Шумило О. Маргарет Тэтчер и Европейский Союз // Вопросы истории. 2020. № 11(2). С. 155.

¹⁶⁸ Там же. С. 156.

¹⁶⁹ Там же. С. 156–157.

правительства Германии, одного из основных вкладчиков в фонды ЕС. Наконец соглашение было достигнуто, и все государства ЕС каждый год выплачивали уступку Британии, по сложной схеме, которая предусматривала пропорционально большие выплаты со стороны Франции, так как она получала значительную выгоду от Общей аграрной политики.

Это решение было целиком заслугой Маргарет Тэтчер, и до недавнего времени система продолжала работать. Сейчас проблема заключается в том, что Общая аграрная политика составляет всего 40% европейского бюджета, тогда как раньше она составляла 80%. Также ранее неразвитый британский сельскохозяйственный сектор вырос, получая значительный доход от Общей аграрной политики. Кроме того, разрыв между британской экономикой и экономикой остальных государств ЕС уменьшился, так как в результате экономического роста Великобритания больше не является относительно бедной страной внутри Союза. Великобритания была третьим по бедности членом Сообщества из 10 с точки зрения среднего дохода на душу населения, но до недавнего времени принадлежала к числу ведущих государств Союза. Экс-президент Франции Жак Ширак пытался адаптировать британскую скидку к текущей ситуации, но британский премьер Тони Блэр отклонил реформу ввиду невозможности единогласного одобрения, необходимого для любых изменений¹⁷⁰.

Договор, подписанный в 1986 г., был первой широкомасштабной конституционной реформой европейской интеграции с 1950-х годов. Единый европейский акт (ЕЕА) ввел меры, направленные на создание внутреннего рынка, а также институциональные изменения, такие как общее применение голосования квалифицированным большинством и сотрудничество при участии Европейского парламента. Это также обеспечило правовую платформу для европейского политического сотрудничества. Идея Маргарет Тэтчер состояла в том, чтобы в европейских сообществах заработал настоящий единый рынок, так как в то время оставалось множество барьеров для свободной торговли между государствами, но премьер-министр не задумывалась о последствиях своих действий с точки зрения европейской интеграции. Возросшая интеграция европейского рынка привела, наконец, к единой валюте и другим «побочным эффектам», например экспансии системы квалифицированного большинства и усилению влияния институтов ЕС. Эти реформы, реализованные вследствие ЕЕА, усилили европейскую интеграцию в направлении создания европейского государства. Удивительным выглядит согласие Тэтчер с этими изменениями, даже при условии компенсации для Великобритании, что модно считать незначительным возмещением за потерю суверенитета британского парламента, с ее точки зрения – единственного законного источника власти.

Неправильный расчет цены этого договора, или переоценка собственной силы, может объяснить эту ошибку–измену со стороны Тэтчер собственным политическим убеждениям. Кроме того, премьер-министр определила свою личную позицию в качестве британской позиции, и после того как следующие премьеры выражали иные мнения, не используя возможности вето, которые наверняка использовала бы Тэтчер, мы могли, заметив ее жалобы уже в качестве члена британского парламента на Маастрихтский договор» и единую евровалюту – реформы, невысказанные без ЕЕА¹⁷¹.

Конец холодной войны сделал ощутимыми шансы Германии на вое» соединение, а также ознаменовал возможные проблемы внутри Европейского Союза, так

¹⁷⁰ См.: Троицко Д.Р., Керимьяз Т., Шумило О. Маргарет Тэтчер и Европейский Союз // Вопросы истории. 2020. № 11(2). С. 157.

¹⁷¹ Там же. С. 158.

как более крупная и сильная Германия нарушила бы баланс сил между основными членами организации. У Маргарет Тэтчер были серьезные опасения, связанные с возрождением немецкой державы и ее господством над Европой, и она выступила против воссоединения. Ее союзником в этом вопросе был Франсуа Миттеран, президент Франции и бывший противник Тэтчер. Гельмут Коль убедил французского лидера в том, что он сблизит Германию с Европейским сообществом, избегая проблем сильной Германии за пределами ЕС, и оставит страну под контролем европейских институтов и системы голосования квалифицированным большинством. Тэтчер осталась одна, когда Соединенные Штаты благословили воссоединение Германии, и не смогла предотвратить это, проиграв свою последнюю большую, битву на посту.

Сейчас мы видим, что весь подход Тэтчер был неверным, потому что был основан на ложной предпосылке повторения «немецкого экономического чуда» после Второй мировой войны, а воссоединение Германии создало множество проблем для немецкого государства в экономике, политике и социальной сфере. Различия между Западной и Восточной Германией очевидны до сих пор, и для реального воссоединения потребуется гораздо больше времени. С другой стороны, соглашение между Миттераном и Коелем о сближении Германии с Европейским союзом во избежание сильной и независимой немецкой державы работает отлично, что доказывает ошибочность подхода Тэтчер к европейским проблемам¹⁷².

Основные идеи Маргарет Тэтчер о европейской интеграции были полностью взяты из выступления британского премьера в Колледже Европы в Брюгге (Бельгия) 20 сентября 1988 год¹⁷³.

1. Европа и ЕС. Маргарет Тэтчер считала, что Европа – это гораздо больше, чем Европейский союз, и сетовала на то, что различия между этими понятиями стерты. Она была недовольна термином «антиевропеец», придуманным для обозначения людей, которые не поддерживали европейскую интеграцию по модели Европейского Союза, главным образом потому, что Европа была более широкой концепцией, а также потому что возможен и другой тип Европы. По словам Тэтчер, Европа – это история, религия, культура, язык и политика. История – потому что европейские страны имели похожее историческое развитие, сходные цели и угрозы; они срастались распространяя по всему миру идеи Европы. Говоря о религии, Тэтчер имела в виду христианские корни европейского общества, потому что когда-то Европа была объединена религиозной связью. С другой стороны, это утверждение является дискуссионным в рамках отвергнутой европейской Конституции, а также в свете намерений некоторых стран, особенно Польши, включить в преамбулу ссылку на христианские корни Европы, в противовес сторонникам секуляризма в Европе и возможному расширению ЕС до мусульманских стран, таких как Турция. Далее, Тэтчер говорит о европейских культурных движениях, которые распространяют по всему континенту схожие идеи и вкусы. Понятно, что эта идея европейской культуры не однородна, но реальна.

Язык: несмотря на то, что в Европе много разных-языков, большинство из них принадлежат к одной семье, индоевропейской, с корнями в Анатолии или Центральной Азии, разделенной на пять основных групп: балтийская, кельтская, германская, романская, и славянская, а также другие языки, такие как финно-угорские, мальтийский и баскский, принадлежащие к другим семьям. Тем не менее, в этом разнообразии мы находим европейское влияние, которое показывает наши

¹⁷² См.: Троицко Д.Р., Керимьян Т., Шумило О. Маргарет Тэтчер и Европейский Союз // Вопросы истории. 2020. № 11(2). С. 158–159.

¹⁷³ Там же. С. 159–164.

общие корни, например латынь, когда-то общий язык для миллионов людей, живших в Римской империи.

Политика: французская революция, развитие национальных государств, концепция демократии – это, главным образом, европейские идеи, которые были разработаны не только в отдельных странах, но и на всем континенте. Наполеон распространил идеи французской революции по всей Европе, и даже проиграв войну, он выиграл борьбу идей, навсегда изменив Европу. Возникновение национальных государств – также европейская идея, и с расширением Европы она была принята и другими государствами, и даже собственно понятие «государство» является европейским. Многие европейские страны внесли свой вклад в создание всех этих политических концепций и структур, которые сегодня кажутся нам универсальными.

По мнению Тэтчер, идея Европы заключается в этих перечисленных пяти столпах, и она гораздо шире, чем концепция Европейского Союза и его интеграционный проект. Принадлежность к этим основам означает, что вы являетесь частью Европы, независимо от того, поддерживаете вы ЕС или нет. Чтобы доказать это, премьер-министр рассуждала о связях Великобритании и других стран Европы, кельтах, саксах и датчанах, предках нынешних британцев, выходцев из Европы, норманнах, а также религии, верховенстве права и т. д. Кроме того, Тэтчер подчеркивала роль, которую играло Соединенное Королевство в защите свободы стран Европы от различных держав, которые пытались Завоевать континент и объединить его под единоличной властью. Наполеон и его войны в Европе, Первая и Вторая мировые войны – вот лишь немногие примеры в защиту ее идеи. Эти войны опустошили Европу и были выиграны благодаря помощи британцев. Конечно же, будучи британской националисткой, Маргарет Тэтчер (считала ведущую роль Великобритании безусловным фактом, но никто и не станет отрицать участие Великобритании в европейских делах в качестве одного из главных действующих лиц.

В целом идея Тэтчер об узурпации Европейским союзом концепции Европы довольно прозрачна, она использовалась главным образом для защиты от нападок сторонников интеграции на ее политику в отношении ЕС. Но она вскрывает и манипуляцию сторонников Европейского Союза, которые называли «антиевропейцами» сторонников других способов интеграции, в то время как те выступали только против модели интеграции Европейского Союза.

2. Холодная война, США и Европейский Союз. Идеи Маргарет Тэтчер на эту тему прояснили ее позицию в холодной войне и отношение к президенту США Рональду Рейгану, а также непримиримость по отношению к СССР. Премьер-министр Великобритании заявила однажды, что Европейское сообщество является одним из проявлений европейской идентичности, но ему не хватает важной части Европы, которая находится за железным занавесом. Тэтчер неоднократно давала понять, Европа была искусственно разделена, в отличие от тех политиков, которые приняли статус-кво холодной войны и считали Европой лишь Западную Европу. К примеру, французский президент Шарль де Голль, который в своей попытке сделать Францию третьей независимой державой в контексте битвы между США и Советским Союзом принял разделение Европы как нечто естественное в стремлении оградить свою страну от влияния США.

Тем не менее, очевидно, что влияние США на создание Европейского сообщества и его развитие было велико. Прежде всего, именно намерения американского правительства освободить Западную Германию от оккупации союзников были главным двигателем создания Европейского союза угля и стали, предтечи нынешнего Европейского союза. США хотели видеть сильную Германию в контексте

холодной войны, поскольку, во-первых, в случае войны она стала бы первым европейским полем битвы против Советского Союза, а во-вторых, необходимо было помочь немцам Г добиться сильного экономического развития, достаточного для блокирования экспансии коммунистов в Европе. Чтобы этого добиться, США решили предоставить Западной Германии полный контроль над Рурской областью, богатой углем и сталью, необходимыми для производства оружия. Франция была против этого плана и хотела договориться о международном управлении Рурской областью, как после Первой мировой войны, но во второй половине XX в. ее влияние заметно сократилось. Поскольку намерения США были очевидны, у французского правительства оставалась только одна возможность каким-то образом контролировать проблемную область – поддержать создание Европейского сообщества. Что касается США, то во второй половине XX в. именно эта страна удерживала Советский Союз на своих позициях, оставляя свободной собственно Францию и остальную часть Западной Европы.

Таким образом, перечисленные факты, вдобавок к традиционной связи между Великобританией и США, сделали Тэтчер решительным сторонником сотрудничества с американцами. Она даже назвала американцев европейцами по другую сторону Атлантики, предлагая создать некое сообщество между Европой и США.

3. Европейское Сообщество принадлежит всем своим членам. Маргарет Тэтчер выступала против господства или привилегированного положения какой-либо страны внутри Сообщества. Влияние Франции в Европейском сообществе с момента основания стало очевидным с принятием таких проектов, как Общая аграрная политика или Ломейские соглашения. Прежде всего, сельскохозяйственная политика была разработана в интересах Франции, где на тот момент 25% рабочей силы было занято в сельскохозяйственном секторе, а Государство было на грани банкротства из-за выплаты огромных субсидий фермерам для поддержания социального мира Франции и во избежание перемещения рабочих из сельской местности в города. Вторым пунктом было соглашение между Европейским сообществом и бывшими колониями его членов, поскольку Франция была чуть ли не единственным государством-основателем с бывшими колониями. Концепция была ясна: сохранить влияние Франции в мире, используя средства европейских сообществ.

По словам Тэтчер, это было недопустимо – все государства в сообществе должны иметь равные обязанности и права, все они должны извлекать выгоду из европейского сотрудничества. Эта мысль может быть связана с дискуссиями, которые Тэтчер проводила на заседаниях Европейского Совета, особенно с представителями Франции, с намерением увеличить выгоды от ЕС для Великобритании, чтобы уравнивать их с теми преимуществами, которые получала Франция. В этом вопросе важно отметить, что влияние Франции с момента создания Европейского сообщества до наших дней уменьшалось, и сейчас оно полностью зависит от двустороннего сотрудничества с Германией. Чем больше стран находится в Союзе, тем менее важна позиция отдельных его членов.

4. ЕС – не самоцель. Идеи Тэтчер о задачах организации были очевидны. Европейское сообщество не могло служить инструментом для создания единого европейского государства. Европейский союз должен был быть, по ее мнению, просто практическим средством, позволяющим европейцам пользоваться процветанием и безопасностью в мире могущественных народов и их союзов. Это показывает практический подход Тэтчер: просто улучшая жизнь людей в Европе, сообщество поддерживает частную инициативу и предпринимательство, другими словами, снижает

роль государства до руководителя системы. Два других столпа ее концепции развития – торговля и промышленность. Тэтчер считала, что в Европе можно добиться прогресса только способствуя развитию экономики для повышения благосостояния европейцев. Создание какого-либо политического института не должно быть главной целью в европейской интеграции, и Европа должна сосредоточиться на предоставлении европейцам достаточных и справедливых возможностей для развития своих частных инициатив.

С другой стороны, вопрос европейской безопасности, поддерживаемый Тэтчер, делает четкую ставку на европейский оборонительный союз, но не того рода, что обсуждался в 1950-е гг., когда Франция предложила создать сообщество защиты безопасности с общими институтами. Тэтчер скорее верила в тесное сотрудничество между европейскими государствами и США, при котором нельзя было бы реализовать общие независимые институты и принятие решений требовало бы единогласной поддержки, чтобы защитить и Европу от внешних угроз, и национальный суверенитет от международного сообщества. Кроме того, безопасность должна была быть способом удержания независимой Европы от набирающих силу держав, таких как Китай, Индия или Россия, возможностью иметь право голоса в международном мире и достаточной силой, чтобы защищать европейские решения.

5. Национальная власть или наднациональные конструкции. Маргарет Тэтчер заверяла, что не существует замены национальным государствам, и, следовательно, Европа должна строиться на союзе европейских государств, а не на концентрации власти в европейских институтах. Это было открытым вызовом другим теориям интеграции, в основном федерализму и неофункционализму, и поддержкой межправительственного сотрудничества. Древовидные модели интеграции преследуют одни и те же цели, избегают войн в Европе и создают мирную и гармоничную социальную систему, но различаются по способам достижения целей. Федерализм и неофункционализм лежат в основе идей о создании европейских институтов, которые будут влиять на национальные государства, так как последние оказались неэффективными в сохранении мира и не смогли создать международную структуру для предотвращения войн, ибо суть национальной государственности основывается на различиях между людьми. Чтобы создать общество, в котором граждане могут мирно сосуществовать, необходимо перенести лояльность народов Европы с национального уровня на европейский.

Маргарет Тэтчер, как и де Голль до нее, не признавала обе указанные теории интеграции и активно поддерживала третий вариант, межправительственный (интерговернментализм). Эта теория основана на соглашениях между государствами, взаимной добросовестности, общих институтах как общих площадках для коммуникации, а также постоянном консенсусе. Это означает, что нет системы голосования, есть просто соглашения, или в случае, если будет какая-либо система голосования, потребуется единогласие.

Одно из главных возражений британского премьер-министра против федерализма и неофункционализма было основано на национальном государстве, потому что Тэтчер считала, что это единственная система, которая действительно заслуживает лояльность народа, и единственная, которая поддерживает такие важные ценности, как свобода.

Тэтчер также полагала, что концентрация власти в каких-либо наднациональных институтах нанесет серьезный ущерб и может поставить под угрозу цели европейского единства, поскольку реальная сила европейской интеграции заключается

в сумме сильных сторон всех национальностей, принимавших участие в послевоенном сотрудничестве. Поскольку каждая нация в Европе имеет свои традиции и обычаи, было бы ошибкой строить общее государство на европейской идентичности, которой не существует, в отличие от нации, по мнению Тэтчер. Она также была против идеи «отцов-основателей Европы» и идеи США как модели интеграции, потому что для Тэтчер история Соединенных Штатов была другой, ведь население США составляли потомки эмигрантов из Европы, которые искали нового, свободного общества. Эта цель помогла создать новый союз и рождала гордость за американскую идентичность, однако такой процесс никогда не развивался в Европе, где единство и гордость все еще были слиты с национальным государством. Тэтчер считала, что Европе необходима интеграция, чтобы сохранить доминирующую роль в мировых делах, и она хотела, чтобы европейцы работали в одном направлении, но через парламентские полномочия отдельных государств, а не Европейский парламент или другие европейские институты.

Это поднимает вопрос о добросовестности государств и их естественном желании решить собственные проблемы. Он проявляется и сегодня, когда некоторые участники ЕС пытаются противостоять мировому кризису с националистическим подходом, не уважая компромисс с Европейским союзом. Тем не менее, речь Маргарет Тэтчер в Европейском колледже в Брюгге носит светлое название «Семья наций» и выражает все ее идеи о европейской интеграции.

Еще одним пунктом в критике федерализма и неофункционализма была роль государственных служащих. Идея Маргарет Тэтчер о любом правительстве, национальном или международном, основывалась на полномочиях по надзору. Государство в ее представлении должно быть просто наблюдателем социальной и экономической системы; оно обеспечивает только правовые и социальные рамки, в которых общество может развиваться само по себе. Государство формирует структуру, дает гражданам одинаковые шансы на успех, а дальше уже все зависит от индивидуальной способности воспользоваться ими. Государство обеспечивает безопасность частной инициативы. Эта идея общества похожа на модель США, но не совсем та же, потому что Тэтчер забирает власть у таких структур, как округа или мэрии, чтобы увеличить вес британского центрального правительства, что немыслимо в США, где полномочия федерального правительства и штатов четко определены.

Тем не менее видение Тэтчер сильно отличалось от модели членов Европейского сообщества в 1980-х годах, особенно Франции и Германии, где концепция государства была совершенно иной – не властью надзора, а скорее позицией полноценного игрока системы. Государство пыталось обеспечить равенство, а не равные шансы, что означало больше государства, больше технократии и бюрократии, больше участия в системе, снижение роли частной инициативы и самостоятельного регулирования рынка.

Европейские институты в первом Сообществе (Союзе угля и стали) играли скромную роль, но впоследствии реализация новых договоров и вывод все большего числа политических проектов на европейский уровень способствовали их росту. На данный момент в Еврокомиссии состоит 32000 человек. На самом деле это не огромное количество, если сравнить его с числом государственных служащих в государствах ЕС, например во Франции, где их около 2 миллионов, как и в Германии. В настоящее время в Соединенном Королевстве более полумиллиона госслужащих, что значительно меньше, чем в Германии и Франции, но больше, чем в ЕС. Если принять во внимание, что ЕС функционирует гораздо шире, чем на нацио-

нальном уровне, количество государственных служащих, работающих в европейских учреждениях, не выглядит чрезмерным. Тем не менее, поскольку Маргарет Тэтчер снижала роль региональных институтов Великобритании и увеличивала власть центрального государства, ей не нравилась идея увеличения штата европейских институтов, поскольку ее внутренняя политика бойкотировалась на европейском уровне. Ее неприязнь к европейским институтам была также связана с идеей о центральной роли национальных государств в процессе становления Европы. Не имело смысла отдавать власть европейской технократии, которая не была избрана европейским народом, не уважала национальные позиции и могла стать враждебной для народов Европы, принуждая их к созданию искусственной политической структуры. Таким образом, по словам Маргарет Тэтчер, институты Европейского союза должны быть минимальными, достаточными для обеспечения работы общей системы, но никогда не заменять национальные институты.

За исключением лидеров двух сверхдержав – СССР и США, отмечает **Н.К. Капитонова**, – Тэтчер не жаловала руководителей стран – партнеров Великобритании, особенно европейских. Нелицеприятные характеристики, которые она дает им в мемуарах, обратили на себя внимание специалистов. Она и президент Франции Жискара д'Эстен испытывали взаимную неприязнь. Поведение Тэтчер на саммитах ЕЭС, посвященных обсуждению бюджетного вопроса, вызвало презрение со стороны французского президента. В ответ на прозвища «дочь бакалейщика» и «мелкобуржуазная провинциалка», она пренебрежительно отзывалась о нем, как о «самозваном графе». Будучи с визитом в Лондоне, Жискара д'Эстен с горькой иронией обратил внимание Тэтчер на портреты адмирала Нельсона и герцога Веллингтона, которые, по его мнению, она специально распорядилась повесить в зале приемов. Тэтчер немедленно напомнила ему, что ей также приходится терпеть портреты Наполеона, когда она бывает в Париже. (Хотя она посчитала это сравнение неточным – Наполеон проиграл!). Она действительно намеренно развесила портреты британских национальных героев в своей лондонской резиденции (кроме Нельсона и Веллингтона там были также портреты Исаака Ньютона, Майкла Фарадея и других знаменитых британцев) – по ее замыслу, они должны были подчеркивать величие Великобритании¹⁷⁴.

Тэтчер вообще не жаловала французов, полностью разделяя мнение отца, который считал, что Франция коррумпирована сверху донизу. Будучи приглашена на пышные торжества по случаю 200-летия Великой французской революции, она не преминула подпортить французам праздник, заявив, что не видит никакого общечеловеческого смысла или урока во французской революции, ибо «за ней последовали террор и Наполеон». Тэтчер «просветила» собравшихся, сообщив им, что права человека возникли не во Франции, ибо с 1215 г. британцы имеют Великую хартию вольностей, даровавшую свободы баронам, с XVII в. – Билль о правах и ограничение парламентом в ходе Славной революции 1688 г. прав монарха. С этими словами она преподнесла изумленному Миттерану свой праздничный подарок – книгу Диккенса «Сказание о двух городах», в которой сопоставляется разгул насилия во Франции времен революции со спокойной, размеренной жизнью в Англии. В интервью газете «Монд» она охарактеризовала французскую революцию как «утопичную попытку нарушить традиционный порядок – конечно, далекий от совершенства – во имя абстрактных идей, сформулированных тщеславными интеллектуалами». (Тэтчер позволяла себе поучать не только французов, но и, например,

¹⁷⁴ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 188.

канадцев: выступая летом 1988 г. в канадском парламенте, она по существу вмешалась во внутренние дела страны, прочитав парламентариям лекцию о выгодах подписания Канадой соглашения о свободе торговли с США.) Справедливости ради, следует отметить, что, в отличие от американцев и русских, французы также не испытывали к ней теплых чувств¹⁷⁵.

Президент Миттеран отзывался о ней как о «мелкобуржуазном идеологе». В ходе визита в Индию в октябре 1982 г. он назвал Индиру Ганди «образованной женщиной с идеями и широким кругозором, полной противоположностью Маргарет Тэтчер». Тем не менее, как это ни покажется странным, ее отношения с социалистом Миттераном были гораздо лучше, чем с его предшественником. Несмотря на серьезные расхождения по вопросам европейского строительства, Тэтчер была глубоко благодарна французскому президенту за твердую поддержку Великобритании в ходе Фолклендской войны, о чем она пишет в мемуарах. Считая Миттерана философом, она относилась снисходительно к его увлечению вопросами истории. «Может быть, она и хотела бы быть философом, сказал один из ее советников, – но она хорошо знает, что им не является». В январе 1985 г. Тэтчер и Миттеран подписали историческое соглашение о строительстве тоннеля под Ла-Маншем. Именно с Миттераном Тэтчер обнаружила «чрезвычайную близость подходов» в вопросе сохранения ядерного оружия. Продемонстрированная ею способность оказывать в критических ситуациях влияние на президента Рейгана, проявившаяся на англо-американских переговорах в ноябре 1986 г. вскоре после Рейкьявика, примирила французскую сторону с мыслью о существовании особых отношений Великобритании с США. Именно после Рейкьявика начался англо-французский диалог по вопросам обороны, включая взаимодействие стратегических сил. Что же касается германского объединения, то дальше высказанных в приватной форме опасений, а также пожеланий укрепления перёд лицом новой угрозы англо-французского сотрудничества (в том числе и военного), президент Франции не пошел, предоставив инициативу в этом вопросе британскому премьеру. Тэтчер отнеслась к этому с сожалением, признав, что в противном случае ему пришлось бы решиться на отказ от франко-германской оси и пересмотр французской внешней политики¹⁷⁶.

О Ж. Шираке она отзывалась как о человеке, который вполне оправдывает свою кличку «бульдозер». По ее словам, он был «прямым, открытым, убедительным, спорщиком, хорошо знавшим детали и глубоко интересовавшимся экономикой», которому довольно часто приходилось напоминать, что она не поддается запугиванию. В целом же, несмотря на совпадение взглядов по ряду проблем, как с британской, так и с французской стороны в 80-х годов продолжала сохраняться глубокая подозрительность в отношении намерений друг друга, а англо-французское «вековое соперничество», по признанию «Файненшл Таймс», «не умерло и не похоронено».

Глубокое недоверие, испытываемое Тэтчер к Германии и немцам, уходит корнями в военное время. Грэнтем, на территории которого находилось несколько военных объектов, подвергался в годы войны интенсивным бомбардировкам немецкой авиации, так что Тэтчер в полной мере испытала на себе ужасы войны. Уже в то время ее героем стал Черчилль, олицетворявший собой сопротивление нацистскому нашествию. Угроза объединения Германии усилила ее прежние страхи в отношении немцев. Эти страхи и предрассудки, распространенные в британских политических кругах (особенно среди людей старшего поколения), выразил

¹⁷⁵ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 188–189.

¹⁷⁶ Там же. С. 189.

министр кабинета тори Н. Ридли в своем нашумевшем интервью журналу «Спектейтор» в июле 1990 г., заявив, что Германия по старой привычке намерена подчинить себе всю Европу, и что для англичан невыносима сама мысль, что ими будут управлять немцы. Он оскорбил также и французов, обозвав их «пуделями немцев». Позже Ридли повторил в палате общин, что предпочитает иметь дело с гитлеровской Германией, потому что во время войны Великобритания хотя бы имела возможность наносить ответные удары, теперь же «ее просто подчинят экономически». Ни для кого не было секретом, что премьер-министр разделяет эти взгляды, хотя она вряд ли бы стала излагать их столь недипломатичным образом¹⁷⁷.

Не менее шумный резонанс имело проведенное в Чекерсе несколькими месяцами ранее совещание германистов, обсуждавших будущую роль Германии в международных делах с учетом ее объединения. Выдержки из протокола совещания, попавшие в печать, повергли западногерманскую сторону в состояние шока. В ходе обсуждения звучали такие определения Германии и характера немцев, как «агрессивность», «эгоизм», «хвастовство», «самоуверенность», «комплекс неполноценности», что неприятно поразило Бонн, где не ожидали подобных оценок от своего партнера. И хотя общий вывод экспертов был более – менее благожелательным и заключался в том, что Германии можно доверять, сам стиль обсуждения свидетельствовал о существенном разрыве между официальной британской позицией в отношении объединения и теми чувствами, которые Лондон на самом деле испытывал. Как вспоминает один из участников совещания, настроенная резко антигермански Тэтчер задавала на нем тон и, несмотря на то, что была в явном меньшинстве, участникам не удалось ее переубедить. «Мы будем благоразумны, – сказала она, подводя итог дискуссии, – но при этом надо держать порох сухим». Тэтчер раздражали непомерные амбиции Германии, ей было «обидно за державу», несправедливо названную как-то канцлером Шмидтом «слаборазвитой». Ее беспокоило, что Германия выдвигалась на место основного партнера США в Европе, на ней с учетом предстоявшего объединения было сосредоточено основное внимание новой американской администрации. С «настойчивыми попытками списать англичан и заменить их немцами» британская сторона столкнулась сразу же с приходом на пост президента США Дж. Буша. Тэтчер «не скрывала свою неприязнь ко всему немецкому..., усугубляющуюся отвращением, испытываемым ею к канцлеру Колю», которого она презрительно называла типичным немцем. На состоявшейся в марте 1990 г. англо-германской конференции в Кембридже, в ходе которой она и Коль не сказали друг другу ни слова, она не преминула заявить германскому послу, что пройдет не менее 40 лет, прежде чем британцы «простят немцев»¹⁷⁸.

Тэтчер не любила не только французов и немцев, но европейцев в целом, называя их «прогнившей насквозь компанией». Характерна ее реакция на отправку в Персидский залив для его разминирования военно-морских сил Западноевропейского Союза, командовать которыми предлагалось по принципу ротации всем членам ЗЕС. Тэтчер взорвалась: «Вы хотите сказать, что командовать Королевским военным флотом будет какой-то там бельгиец или датчанин?» – «Но они же наши союзники по НАТО!». Она не унималась: «Иностранец? Королевский флот под командованием иностранца? Совершенно невозможно!». В итоге британские партнеры по ЗЕС пошли навстречу Лондону, согласившись на то, чтобы командовал англичанин.

¹⁷⁷ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 189–190.

¹⁷⁸ Там же. С. 190.

Такие одиозные взгляды во многом объясняют то неприятие, с которым она относилась к ЕЭС. По свидетельству одного из коллег, на всех совещаниях, посвященных вопросам ЕЭС, она «демонстрировала глубокое предубеждение в отношении Сообщества», которое предпочла бы видеть исключительно экономической организацией.

В ЕЭС Тэтчер вела постоянную борьбу за сокращение расходов, реформу «чудовишно расточительной» европейской сельскохозяйственной политики. В первой половине 80-х годов британская сторона сознательно тормозила продвижение экономической интеграции до тех пор, пока перестроенная Тэтчер британская промышленность не смогла на равных конкурировать с западноевропейскими партнерами. Она стремилась во что бы то ни стало не допустить укрепления наднациональных структур в Сообществе, которые могли ограничить суверенитет Вестминстера и свободу принятия национальных решений. По существу, Тэтчер противилась всему, что исходило от ЕЭС, называемого ею «брюссельской империей» и рассматриваемого в качестве противника. И тем не менее именно она подписала в 1985 г. Единый европейский акт, открывший путь к созданию не только Единого европейского рынка, но и политического и валютного союза. Британские специалисты расценили этот документ как «самое большое ущемление суверенитета за всю британскую историю». Зная взгляды Тэтчер, трудно понять, что подвигло ее на этот шаг. Уже будучи в отставке, она призналась, что в то время плохо осознавала последствия своих действий, а в качестве оправдания указывала на продвижение с помощью ЕЕ А к созданию Единого европейского рынка¹⁷⁹.

Тэтчер противилась участию Великобритании в Европейской валютной системе, заявляя, что она присоединится к Европейскому механизму обменных курсов, «когда придет время», что было равнозначно – «только через мой труп». Жесткая позиция премьера в отношении валютной интеграции особенно наглядно проявилась в марте 1988 г., когда стали достоянием гласности разногласия по этому вопросу между нею и министрами финансов и иностранных дел. Она несколько раз заявляла, что «не желает и не надеется дожить до создания Центрального европейского банка». Несмотря на ее упорное сопротивление, столкнувшись на мадридской встрече в верхах в июне 1989 г. с угрозой изоляции Великобритании, Дж. Хау и Л. Лоусон «дожали» Тэтчер, убедив ее согласиться с созданием валютного союза в принципе (а в качестве первого шага – с сотрудничеством в области валютного контроля), за что вскоре заплатили своими должностями (Дж. Хау ушел в июле, когда она «перетряхнула» половину кабинета, а министр финансов – в октябре). Она не выносила, когда ее заставляли что-либо делать против воли. Лишь после того, как благодаря Европейскому механизму обменных курсов удалось добиться снижения инфляции во Франции и Ирландии, Лондон присоединился к нему в октябре 1990 г. незадолго до ее ухода в отставку. Надо сказать, что интуиция и на этот раз не подвела Тэтчер: она как будто чувствовала, что из этой затеи не выйдет ничего хорошего. Так и случилось: в сентябре 1992 г. Великобритании пришлось в спешном порядке покинуть эту европейскую структуру, чтобы спасти фунт стерлингов от девальвации, а в конечном счете непрофессионализм кабинета в этом вопросе стоил консерваторам победы на парламентских выборах 1997 г.

¹⁷⁹ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 191.

В конце 80-х годов накапливавшееся годами раздражение по поводу путей развития экономической и политической интеграции, идущих вразрез с желаниями Тэтчер, вылилось в острые споры между нею и партнерами по Сообществу. Большинство стран – Членов рассматривало создание Единого европейского рынка как шаг на пути к союзу, который должен был сопровождаться дальнейшими интеграционными мерами в политической, финансовой и военной областях. Тэтчер же настаивала на особом характере политической интеграции, основанной на межгосударственном сотрудничестве, когда каждая из сторон проводит независимую политику.

Искрой, вызвавшей у нее взрыв «неоголлизма», послужило выступление президента КЕС Жака Делора – «социалиста, федералиста, интеллектуала и француза» (все определения – с отрицательным для Тэтчер знаком), заявившего летом 1988 г. в Европарламенте, что через 10 лет до 80% экономических вопросов (а возможно также налоговое и социальное регулирование) будет решаться в штаб-квартире ЕЭС в Брюсселе (к настоящему времени его прогноз более чем оправдался). Еще большим грехом в ее глазах было обещание Делора британским профсоюзам, данное на съезде Британской конфедерации труда в сентябре того же года, защитить их интересы вплоть до предоставления прав в решении социальных и производственных вопросов и участия в управлении предприятиями. Чаша терпения была переполнена. В серии публичных выступлений, среди которых выделялась знаменательная речь в Европейском колледже в Брюгге 20 сентября 1988 г., Тэтчер изложила свое видение Европы (охарактеризованное позже ее коллегами как «кошмарное»). Признав, что для нее рассуждать о будущем Европы – «это все равно, что просить Чингисхана высказаться о перспективах мирного сосуществования», она заявила, что хотела бы видеть в будущем создание свободного рынка свободными правительствами, сотрудничающими в области внешней политики, направленной на укрепление НАТО, пользующимися суверенитетом в решении экономических, финансовых и социальных вопросов. Она особо подчеркнула, что ни при каких обстоятельствах не передаст Европе право принятия абсолютного большинства экономических и социальных решений. Болезненно реагируя на стремление КЕС законодательно утвердить в Сообществе минимальные социальные нормы, Тэтчер заявила на конференции партии в Брайтоне: «Мы не для того работали все эти годы над освобождением Британии от паралича социализма, чтобы наблюдать за тем, как он просачивается через черный ход центрального административного аппарата в Брюсселе». Вплоть до своего ухода в отставку она высказывала решительное «нет» в отношении любых шагов ЕЭС, обостряя и без того непростые отношения Великобритании с партнерами в Сообществе. Находясь в плену своих предубеждений, она не хотела понимать, что влияние страны в ЕЭС и в Вашингтоне – вещи взаимосвязанные. Позиция Тэтчер выглядела еще более одиозно на фоне «сердечного согласия» по большинству вопросов углубления европейской интеграции, наблюдавшегося во франко-германских отношениях. Признав тщетность попыток подключиться к этому мощному европейскому тандему, она отмечает, что ей пришлось решиться на «стратегическое отступление» перед лицом большинства, которое она не смогла заблокировать¹⁸⁰.

¹⁸⁰ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 192.

2.6. Итоги. Тэтчеризм: достижения и проблемы

Тэтчеризм, отмечает **Дж. Гренвилл**, отвергал социализм во всех его проявлениях, от общественной собственности на производство до проблем борьбы с бедностью посредством социального вспомоществования. Маргарет Тэтчер практически уничтожила власть трейд-юнионов и корпоративные ограничения на трудовую деятельность, положив тем самым конец веками бытовавшей точке зрения о том, что именно государство «с колыбели до могилы», должно заботиться об индивиде, а не сам индивид. Ей удалось укрепить политический центр, то и дело отклонявшийся влево. Вместо социализма ей виделся такой общественный строй, при котором работоспособные индивиды сами заботились о своей судьбе и обеспечивали себя сами, не полагаясь на государство. Социальная помощь должна распространяться только на тех, кто не в состоянии себе помочь. Английский народ должен был возродить в себе дух предпринимательства, осознать необходимость заботиться о собственном будущем. Неравенство материального положения граждан приветствовалось, как необходимое условие развития соревновательного духа. Поэтому консервативные правительства обязаны были снижать прямое налогообложение и стараться сократить расходы правительства, дабы не расточать впустую богатства страны. Она заявляла, что люди должны сами расходовать свои деньги, а не ждать, пока за них это сделает правительство. Именно политика свободного рынка стала для страны шагом вперед, а не государственное планирование.

На практике многие политические приемы Маргарет Тэтчер формировались по ходу работы возглавляемых ею правительств. Англичане коллективно сопротивлялись любому сколько-нибудь значительному вмешательству в государственное бесплатное образование, социальное обеспечение и систему здравоохранения. Расходы по всем этим аспектам значительно выросли с 1978 по 1990 год вместе с ростом безработицы и потребностями по обеспечению людей пожилого возраста. В целом британцы отнюдь не подвержены крайностям в идеологических вопросах. Консервативные правительства, включая и возглавляемое Джоном Мейджером, пытались, при помощи реорганизации экономики и развития элементов соревнования, достичь такого положения, при котором деньги в стране стали бы цениться гораздо больше. Медицинское обслуживание продолжало оставаться доступным для пациента, но требовало теперь у лиц наемного труда больших расходов. Британское общество отвернулось от марксистской организации экономики, но социалистические идеи равных возможностей, бесклассового общества, прогрессивного налогообложения заботы о нуждающихся и убогих продолжают влиять на все политические партии¹⁸¹.

Культура предпринимательства на некоторое время повысилась, особенно при создании многочисленных предприятий мелкого бизнеса. Количество домовладельцев выросло с 50% до 66% от общего числа населения, что является самым высоким показателем в Западной Европе. Глубокий спад, который начался в 1990 годах, повлиял и на эти достижения, но тенденция роста числа собственников на недвижимую собственность сохранялась более десяти лет. То же самое справедливо и для малого бизнеса, хотя его развития несколько затормозилось в период кризиса в начале 1990-х годов.

¹⁸¹ См.: Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М., 1999. С. 816.

При Маргарет Тэтчер усилилось расслоение общества. Максимальный налог, достигавший 40%, больше устраивал богатых людей, потому что они теперь платили столько же, сколько представители среднего класса. Уровень жизни повысился для всех слоев общества, но неравномерно – 20% самых богатых англичан доставалась почти одна треть национального дохода, а на самых бедных 20% населения приходилось немногим более 1% дохода. Самым негативным результатом правления Тэтчер был абсолютный рост долговременной безработицы и реальной бедности, которая выросла с 9% до 19%, начиная с 1979–1987 годов. С ростом безработицы и нищеты возрастала и преступность. В 1990 году было более двух миллионов безработных, и их количество увеличивалось, а во времена усиления инфляции всегда находятся любители легкой наживы. Учитывая все это, нельзя не признать, что Тэтчер оставила Мейджору незавидное наследство.

Успехи Маргарет Тэтчер следует измерять экономическими успехами государства. После кризиса 1980–1982 годов начался сравнительно быстрый подъем, вплоть до начала нового спада в 1990 году, но производство в целом не развивалось так же усиленно, как это происходило в других странах. Скорее всего, виновата сфера услуг, из-за слабости которой за период с 1979 по 1990 год валовой национальный продукт вырос лишь на 27%. В 1991 и 1992 годах выпуск продукции сокращался, а вместе с ним понижался и среднегодовой доход. Приватизация госсектора была одной из самых главных черт «тэтчеровских» лет, но не менее примечателен был и рост производительности и конкурентоспособности многих отраслей промышленности, которые становились достойными партнерами западных союзников Англии. Но споров не возникало, когда речь шла о таких монополиях, или почти монополиях, как телефонная сеть, газо- и водопроводные компании – настолько их новый статус был выгоден потребителю.

Подробная экономическая и социальная статистика отражает неравномерность успехов Тэтчер. Власть профсоюзов была ослаблена, но мобильность трудовых ресурсов сдерживалась недостатком технической подготовленности и разницей в стоимости жилья по регионам, в зависимости от того, был ли уровень безработицы высоким, либо низким. Например, Лондон стал недостижим для рабочего из Ливерпуля, именно из-за материальных соображений, поэтому в таких районах, как Лондон, количество снимаемых квартир и муниципальных домов снижалось¹⁸².

Одним из основных путей увеличения эффективности народного хозяйства, отмечает **О.Ю. Пленков**, неоконсерваторы считали денационализацию, лидером в революции приватизации была Великобритания. Волна приватизации прокатилась по стране в начале 1980-х гг. и имела целью не только поднятие эффективности народного хозяйства, но и подрыв сильных позиций профсоюзов, которые, на взгляд Тэтчер, были главным препятствием на пути поднятия эффективности экономики. За 6 лет около трети занятых в производстве (600 тыс. рабочих мест) в Великобритании было переведено в частный сектор. Эти меры в сочетании с полученной прибылью от продажи государственного жилого фонда принесли британскому казначейству прибыль 26 млрд долл. и сократили долю государства с 10 до 6%. Некоторым государственным предприятиям было предложено распродать или раздать акции своим рабочим и служащим. В 1979 г. лишь 5% англичан владели акциями, а в конце 1986 г. – 16%¹⁸³.

Само присутствие больших государственных фирм удушает дух предпринимательства и обновления. Государственные предприятия лишь опустошали казну, со

¹⁸² См.: Гренвилл Дж. История XX века. Люди. События. Факты. М., 1999. С. 816–817.

¹⁸³ См.: Пленков О.Ю. Новейшая история стран Европы и Америки: учебник для бакалавров. М., 2014. С. 349.

временем большинство из них превратилось в агентства по найму, обеспечивающие работой политических союзников, неудавшихся политиков и отставных военных. Вслед за Англией и в других странах Запада денационализация не заставила себя долго ждать, ее главными мотивами были: исправление положения в экономической сфере, закрытие дыр в бюджете посредством продаж государственных предприятий, примирение труда и капитала посредством создания акционерных обществ, куда входили бы и рабочие, а также поощрение предпринимательства. Даже в ФРГ, где экономика довольно эффективна, в 1985 г. было решено оставить государственные предприятия лишь там, где они «необходимы для общественной пользы», как говорилось в одном заявлении правительства канцлера Гельмута Коля. Во Франции Национальное собрание и Сенат одобрили в августе 1986 г. закон, разрешавший денационализацию 65 государственных компаний и банковских групп. Вырученная сумма составила 50 млрд долл., а количество акционеров во Франции поднялось с 2 млн до 5 млн человек.

Примечательным был способ приватизации – путем выпуска акций и их продажи через фондовую биржу для стимуляции мелких вкладчиков к их покупке.

Число акционеров в Великобритании выросло в 1980-е гг. с 2,5 млн до 10 млн, что стало воплощением идеи демократического капитализма. Быстрое сокращение потерь в государственном секторе позволило правительству сократить налогообложение, ставки которого были снижены с 37,5 до 25%, а также сократить свыше 1/5 национального долга. Приватизация стала одним из наиболее успешных процессов в 1980-е гг. и нашла много последователей – даже Япония, которая сама многому научила Запад, последовала примеру Великобритании и приватизировала свою железнодорожную сеть.

Тэтчеризм в 1980-е гг. оказал большое влияние на весь мир, что включало в себя не только новую моду на приватизацию и сокращение государственного сектора, но и появление нового политического климата. 1980-е гг. были неоконсервативным десятилетием – далее в тех странах, где у власти стояли социалистические правительства¹⁸⁴.

Более сдержанно М. Тэтчер и тэтчеризм оценивают **белорусские историки**. Они отмечают, что «пасля перамогі Кансерватыўнай партыі на парламенцкіх выбарах 1979 г. упершыню ў гісторыі Англіі прэм'ер-мінстрам стала жанчына – Маргарэт Тэтчэр. Яна належала да правага крыла партыі, уваходзіла ў склад урада Э. Хіта, а пасля яго адстаўкі ў 1975 г. была абрана лідарам Кансерватыўнай партыі. На гэтай пасадзе М. Тэтчэр аб'яднала вакол сябе групу аднадумцаў з ліку партыйных функцыянераў, якая пад яе жорсткім і бескампрамісным кіраўніцтвам працавала новую лінію у палітыцы. Прагназавалася, што пасля перамогі на выбарах гэта лінія стане асновай стратэгіі сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны. Новая палітыка абапіралася на тэорыю манетарызму і прадугледжвала адмаўленне ад практыкі дзяржаўнага рэгулявання эканомікі і сацыяльнага жыцця, а таксама актывізацыю рыначных механізмаў. Важная роля надавалася антыінфляцыйнай палітыцы. Акрамя гэтага, прадугледжвалася шмат канкрэтных захадаў, якія ў комплексе павінны былі вывесці Вялікабрытанію са стану «застойнага грамадства з застойнай эканомікай».

Пасля прыходу да ўлады кабінет М. Тэтчэр распачаў паслядоўную, прынцыповую і бескампрамісную рэалізацыю гэтага некансерватыўнага курсу на прак-

¹⁸⁴ См.: Пленков О.Ю. Новейшая история стран Европы и Америки: учебник для бакалавров. М., 2014. С. 349–350.

тышы. Стаўка рабілася на рыначныя механізмы, на вяртанне дзяржавы да ролі «начнога вартаўніка». Пры гэтым неабходна падкрэсліць, што планы кансерватараў ажыццяўляліся, нягледзячы на цяжы эканамічны крызіс 1980–1981 гг. Быў ліквідаваны валютны кантроль, кантроль за цэнамі і даходамі. Урад адмовіўся ад забеспячэння росту аб’ёму вытворчасці і занятасці насельніцтва. Усё гэта павінна было вырашацца пры дапамозе рыначных механізмаў. Дзяржава перастала выдаткоўваць субсідыі для прадпрыемстваў, якім пагражала банкруцтва, падтрымліваючы пры гэтым перспектывы галіны эканомікі. Былі паніжаны падаткі на даходы. У канцы 1980-х гг. найвышэйшая стаўка складала 40% (раней – 83%), стандартная – 25% (раней – 33%). Актыўна ажыццяўляліся працэсы дэнацыяналізацыі і прыватызацыі. У 1984–1987 гг. была прыватызавана трэцяя частка дзяржаўнай уласнасці, да 1990 г. – 21 дзяржаўная кампанія, у тым ліку «Брытыш Петролеум». Адначасова праводзілася папытка пашырэння колькасці ўласнікаў, на якіх урад рабіў стаўку. У 1980, 1982, 1984 гг. былі прыняты законы, якія значна абмяжвалі паўнамоцтвы прафсаюзаў і іх магчымасці весці забастовачную барацьбу.

Рэформы ўрада М. Тэтчэр далі свае станоўчыя вынікі. Інфляцыя скарацілася з 16% у 1980 г. да 6% у 1989 г. З 1981 г. пачаўся стабільны рост эканомікі, які складаў 3–4% за год. Скарацілася беспрацоўе (з 2,6 млн у 1979 г. да 1,9 млн у 1987 г.). Валавы ўнутраны прадукт у перыяд 1985–1988 гг. рос у сярэднім на 4,1% за год. У другой палове 1980-х гг. даходы насельніцтва штогод узрасталі на 5%. Значна павысілася колькасць уласнікаў. Станоўчыя вынікі дзейнасці урада кансерватараў дазволілі ім перамагчы на парламенцкіх выбарах 1983 і 1987 гг.

Разам з тым неакансерватыўны курс кабінета М. Тэтчэр меў і адмоўныя бакі. Не так лёгка было сумясціць суровыя законы рынку з прынцыпамі сацыяльнай справядлівасці. Адным з наступстваў рэформ стала сацыяльная палярызацыя грамадства. 20% сем’яў жылі ва ўмовах беднасці. Асаблівае незадавальненне грамадзян выклікаў падушны падатак, уведзены паводле асабістага рашэння прэм’ер-міністра. Жорсткасць, аўтарытарнасць, бескампраміснасць, навязванне свайго пункту гледжання выклікалі абурэнне нават унутры партыі М. Тэтчэр. Асобныя міністры у знак пратэсту сышлі ў адстаўку. У гэтых умовах у лістападзе 1990 г. адбыліся выбары новага кіраўніка Кансерватыўнай партыі. У першым туры большасці не атрымаў ніводзін з кандыдатаў, у тым ліку і М. Тэтчэр. Пасля гэтага яна зняла сваю кандыдатуру і дамаглася таго, каб новым партыйным лідарам быў абраны вядомы палітык Джон Мэйджар. У адпаведнасці з традыцыяй ён стаў і прэм’ер-міністрам, самым маладым за апошнія 150 гадоў. На той момант яму было 47 гадоў.

У галіне знешняй палітыкі кансерватары традыцыйна працягвалі курс на атлантычную салідарнасць і саюз з ЗША. Урад М. Тэтчэр імкнуўся да аднаўлення былой ролі Вялікабрытаніі ў сусветных справах. Прыкладам можа быць вайна за Фалклендскія астравы з Аргенцінай у 1982 г. Перамога ў вайне, дарэчы, дапамагла кансерватарам выйграць датэрміновыя выбары у 1983 г.

У сярэдзіне 1980-х гг. пасля некалькіх сустрэч з М. Гарбачовым пашырыліся кантакты Вялікабрытаніі з СССР. Аднак далейшага развіцця гэтыя адносіны ўсё ж не атрымалі.

У пытанні еўрапейскай інтэграцыі Вялікабрытанія была вельмі стрыманай, асабліва падчас прэм’ерства М. Тэтчэр”¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Цит. по: Гісторыя навейшага часу: вучэбна-метадычны дапаможнік: у 2 ч. / П.А. Шупляк і інш. Мн.: БДУ, 2016. Ч. 2. С. 114–115.

Со времен лорда Ливерпуля (1812–1827) никто так долго не занимал резиденцию на Даунинг-стрит. **Одиннадцать с половиной лет – это целая эпоха.** Даже такие политические долгожители, как Франклин Рузвельт и Шарль де Голль, пребывали у власти ненамного дольше. За это время количество британских жителей, владевших акциями, выросло с 7 до 25%; более миллиона семей приобрели дома, принадлежавшие ранее муниципальным советам, „ общее личное благосостояние выросло на 80%. В апреле 2009 года выступая в Шотландии, Тэтчер заявила, что не жалеет ни об одном своем решении на посту премьера: ни о введении «подушного налога», ни об отказе от субсидирования «устаревшей промышленности, рынки сбыта которой находились в упадке». Маргарет стала творцом британской версии неоконсерватизма, неолиберального социально-экономического, державного курса, проводившегося правительством тори в 80-х годах. Известный журналист «Вашингтон пост» **Майкл Доббс** назвал ее «величайшим лидером столетия». Согласно соцопросам, 47% британцев считают правление Тэтчер положительным периодом для страны, а 35 – отрицательным. Любопытно при этом, что лишь 39% готовы признать, что эта эпоха стала удачной лично для них, а 41% придерживается противоположной точки зрения¹⁸⁶.

Политологи все чаще сравнивают «железную леди» с лидером либералов конца XIX века **Уильямом Гладстоном**, который также воспринимал себя как миссионера, борющегося со злом, и вызывал самые противоречивые чувства у британцев. Более того, по своим взглядам Тэтчер была намного ближе к традиционным либералам, чем к консерваторам (в том числе и к Черчиллю). Как и Гладстон, она представляла собой довольно редкое сочетание – либерала в экономике и националиста во внешней политике, который твердо отстаивает интересы страны. (Что особенно показательно, обоих лидеров заставили уйти в отставку коллеги.)

Сторонники Тэтчер полагают, что ей удалось реализовать «генеральный проект», который позволил улучшить экономическую ситуацию в стране и возродить моральные ценности британского общества. Противники обвиняют «железную леди» в том, что она думала лишь об интересах правящего класса, и в первую очередь финансового капитала.

Многие эксперты, которые занимались изучением правления Тэтчер, убеждены, что в своей политике она руководствовалась инстинктами. «Тэтчеризм, – писал, например, **Питер Ридделл**, – это, по сути своей, инстинкт, а не идеология. Это результат ее воспитания в Грэнтхеме, ее привычки к упорному труду и ответственности за семью, ее неудовлетворенных амбиций и врожденного патриотизма». Такой же версии придерживается одна из ближайших соратниц Тэтчер Ширли Летвин. В своей книге «Анатомия тэтчеризма», изданной в 1992 году, она рассматривает этот феномен как совокупность традиционных моральных ценностей, которые составляли квинтэссенцию британского характера и ментальности, но в XX веке стали постепенно «стираться» и вытесняться иными, привнесенными извне стереотипами. Тем не менее традиционная мораль сохранялась, и заслуга Тэтчер состояла в том, что она «оживила» и привела в действие находившиеся в «полудреме» характеристики. Причем сама Тэтчер, по словам Летвин, делала это не сознательно, а скорее инстинктивно, под влиянием растущего несоответствия между британской моралью основными компонентами которой являются индивидуализм и рациональность, и наносным, «социалистическим» элементом, все больше

¹⁸⁶ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 309–310.

проникающим в общество и государство. В национализме Тэтчер Летвин видела «средство защитить неповторимую британскую мораль от поглощения европейским этатизмом и социализмом»¹⁸⁷.

Мало кто из исследователей воспринимал тэтчеризм как четко оформленную идеологию. Хьюго Янг, например, называл его «коллекцией идей» (буквально «свалка» «ragbag» of ideas), которая в совокупности превратилась в эквивалент современного консерватизма. Более того, он утверждал, что эта «коллекция» была собрана еще задолго до того, как миссис Тэтчер стала лидером партии. Как и другие эксперты, Янг настаивал на том, что в процессе принятия решений «железная леди» руководствовалась не идеологическими догмами, а «антиколлективистскими инстинктами, моральным видением и принципами здорового домоводства».

Однако думается, что при всей сложности и «мозаичности» тэтчеризм все же явление целостное. На протяжении более чем десяти лет британской истории «инстинктивная» и «идеологическая» его компоненты представляли две стороны одной медали. Конечно, Тэтчер обладала потрясающим политическим чутьем. Она не раз принимала смелые, рискованные и порой казавшиеся «неразумными» решения, которые на поверку оказывались весьма удачными и приносили немалые политические дивиденды и ей самой, и ее партии. Недаром многие британцы полагают, и в этом есть немалый резон, что главное в тэтчеризме – это стремление к власти и умение реализовать его¹⁸⁸.

С другой стороны, в те годы, когда Тэтчер была лидером оппозиции, она активно участвовала в семинарах и дискуссиях с людьми, убежденными в необходимости изменить вектора развития британского общества. Это придало ее «инстинктивным» импульсам необходимую концептуальную базу и помогло сформулировать те приоритеты, которые затем реализовались на практике. Не случайно Тэтчер так часто называла себя «политиком убеждения» (conviction politician). Она была уверена, что на нее возложена историческая миссия, которая заключается в том, чтобы изменить модель предшествовавшего развития, осуществить неоконсервативную революцию. И для этого ей было необходимо преодолеть колоссальное сопротивление влиятельных интеллектуальных и политических сил, прежде всего внутри старого консервативного истеблишмента. Если мы заглянем в книгу экономического советника Тэтчер – Алана Уолтерса, опубликованную в 1986 году, где он подробно анализирует реформы, проведенные консервативным кабинетом (дерегулирование, приватизацию, финансовую стабильность, профсоюзное законодательство, изменения во внешнеэкономической сфере), то мы не найдем в этом перечне ничего, что бы не было ясно и четко декларировано в годы оппозиции. В социальной сфере, конечно, правительство было вынуждено отклониться от генеральной стратегии. Однако способность к коррекции – не слабая, а сильная сторона тэтчеризма, которая не помешала последовательной реализации всей стратегии. Тэтчер стремилась положить конец «социалистическим экспериментам» и заменить социал-демократическую модель на неоконсервативную. И этот проект, при всей его амбициозности, оказался реализуемым в значительно большей степени, нежели это допускали даже самые благожелательные ее критики. Да, неоконсервативная волна охватила в 80-е годы многие страны Запада и вознесла на вершину власти таких сторонников монетаризма, как Рейган, Накасонэ, Коль и Ширак. Но ни в одной

¹⁸⁷ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 310–311.

¹⁸⁸ Там же. С. 311–312.

другой стране роль лидера в повороте к неолиберализму не была столь велика, как в Британии¹⁸⁹.

Почему же, спрашивается, после отставки Тэтчер журнал «Экономист» писал, что «неоконсервативная революция никогда не была стратегически продумана, а скорее напоминала импровизацию: удачные случайности, с одной стороны, и шатания на ослабевших ногах – с другой»? Дело в том, что, еще будучи в оппозиции, Тэтчер поняла, что главной «ловушкой» для государственного деятеля является «чрезмерная готовность к принятию конкретных решений при абсолютной неготовности к смене обстоятельств». Поэтому «железная леди» никогда не брала на себя обязательств в краткосрочном, «управленческом» плане, а лишь декларировала принципы и цели на далекое будущее. Она часто повторяла слово «мечта», идеал (vision), и не случайно первая ее речь в качестве лидера оппозиции была озаглавлена: «Позвольте мне высказать вам мою мечту». Конечно, многие в Британии воспринимали такую «риторику» как составную часть «популизма» Тэтчер. Однако нельзя не отметить, что за ее громкими заявлениями чувствуется «твердая косточка» концептуальной и идейной убежденности¹⁹⁰.

Таким образом, **тэтчеризм** стал синтезом политических инстинктов и идеологии, причем синтезом не механическим, а органическим. Ведь если посмотреть, что стоит за неолиберализмом, монетаризмом и другими концепциями, «подпиравшими» тэтчеризм, обнаружится, что это те же принципы индивидуализма, антиэтатизма и «порядка», которые лежат в основе традиционной британской морали. Этот общий исходный «корень», основа, на которой базировались и «инстинкт», и идеология, придал тэтчеризму ту силу и выживаемость, которые он демонстрировал более десятка лет.

Правда, следует понимать, что во многом он был ответом на чрезвычайные обстоятельства, и как только положение дел «вошло в норму» и были устранены этатистско-корпоративистские перекосы, понадобилась иная стратегия. К тому же и последний свой премьерский срок Тэтчер практически утратила способность осуществлять прагматическую коррекцию взятых на вооружение идей и подходов. Хотя она всегда была склонна к догматизму и чрезмерной идеологизации политических решений, в первые годы ее пребывания у власти это склонность нейтрализовалась влиянием представителей умеренной фракции в кабинете министров. Благодаря влиянию оппонентов Тэтчер позиции правительства становились сильнее, а его политика – эффективнее. «Мягкая линия» Прайора по отношению к профсоюзам, корпорации городского развития; Хезелтайна, решения, принятые в отношении «Бритиш Лейланд», оказались очень полезны для британской экономики. После выборов 1987 года влияние умеренных в кабинете сошло на нет и социально-экономическая политика правительства утратила сбалансированный характер. Пока Тэтчер формулировала свою стратегию в форме общих принципов и была способна реагировать на обстоятельства и на давление со стороны оппозиции, эта стратегия приносила ощутимый успех, но как только она изменила свой подход, это привело к окостенению политики, серьезным изменениям в отношениях внутри правящей группы и «восстанию» против «железной леди». Это также объясняет парадокс выборов 1987 года: несмотря на тщательно разработанную систему мер по углублению «тэтчеристской революции», тэтчеризм довольно быстро перешел от наступления к обороне, а его политические позиции ослабли.

¹⁸⁹ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 312–313.

¹⁹⁰ Там же. С. 313.

И не случайно Тэтчер была «свергнута» не своими парламентскими оппонентами, которые в принципе не принимали ее политики, а теми, кто расходился с ней скорее в тактике и выступал за модифицированную версию тэтчеризма¹⁹¹.

Мало кто решится оспорить тот факт, что Тэтчер оставила Британии богатое наследство. Однако некоторые ее действия на посту премьеры привели к результатам, которые не привиделись бы ей даже в страшном сне. Так, бескомпромиссная позиция Тэтчер в шотландском вопросе и категорический отказ предоставить Эдинбургу даже минимальную степень автономии способствовали резкому увеличению популярности сепаратистов. И когда в нулевые годы они выиграли региональные выборы, сформировали местное правительство и заговорили о проведении референдума по вопросу о независимости, ироничный лидер Шотландской национальной партии Алекс Салмонд провозгласил, что у здания парламента, основанного в 1999 году, должна стоять статуя Тэтчер, без которой он никогда бы не сделался премьер-министром Шотландии.

Хотя со дня отставки Тэтчер прошло уже 22 года, британское общество до сих пор расколото на тэтчеристов и антитэтчеристов. Не случайно мэр Лондона и один из ближайших соратников нового консервативного премьеры Дэвида Кэмерона Борис Джонсон заявил, что вышедший недавно оscarоносный фильм «Железная леди» может стать самой значительной и провокационной картиной последнего времени. Как утверждает профессор лондонского Королевского колледжа Ричард Винен в своей колонке в «Файненшл тайме», «демонизация леди Тэтчер доказывает, что у левых сил в Великобритании отсутствует сейчас содержательная программа. Превращая экс-премьера в своеобразную куклу вуду, которая позволяет им клеймить консерваторов, левые забывают о простой истине, что, пытаясь отыскать соринку в чужом глазу, в своем собственном мы, как правило, не замечаем бревна».

Однако, что бы ни говорили представители левого лагеря, нельзя не согласиться с бывшим коллегой Тэтчер Джефффри Хау, занимавшим в 80-е годы посты канцлера казначейства, главы Форин Оффис и лидера Палаты общин: «Железная леди» одержала настоящий триумф. Ей удалось трансформировать не одну, а обе правящие партии. Ведь когда в конце 90-х лейбористы вернулись к власти, они приняли как данность большую часть принципов тэтчеризма»¹⁹².

Основу политической философии тэтчеризма, отмечает **Л.М. Замятин**, составляют несколько элементов. Это апологетика свободного предпринимательства, частной инициативы. Главным стимулом при этом Тэтчер считала прямую материальную выгоду, желание «устроить жизнь как можно лучше для себя и своей семьи»ю По ее утверждениям, она тем самым «апелирует к лучшему, что заложено в природе человека». «Ничего плохого нет в том, чтобы создавать богатство, достойна осуждения только страсть к деньгам ради денег» – говорила М. Тэтчер¹⁹³.

Подвести беспристрастный итог «эры Маргарет Тэтчер», пишет **Жан Луи Тьерно**, практически невозможно. Поскольку ее реформы, по сути, носили экономический характер, то почти невозможно ограничить анализ «временем Ч», то есть днем, когда Маргарет покинула дом 10 по Даунинг-стрит. Экономика по определению подразумевает длительный процесс. Несомненные успехи Тони Блэра являются по большому счету наследием Маргарет Тэтчер. Если мы хотим остановиться

¹⁹¹ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 314.

¹⁹² Там же. С. 315.

¹⁹³ См.: Замятин Л.М. Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках – Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер. М., 1995. С. 7.

на анализе положения дел в 1990-е годы, то следует различать результаты макроэкономические, микроэкономические и их социальные последствия.

В макроэкономической сфере успех был очевиден, за исключением того, что опять наметился рост инфляции в создавшихся условиях, о чем мы уже говорили. Часть обязательных вычетов (налогов, взносов) в ВВП снизилась с 48 процентов в 1975 году до 42 процентов в 1990-м, а во Франции в том же 1990 году она достигла 54 процентов. В 1987, 1988, 1989 и 1990 годах бюджеты были профицитными. Можно только констатировать, что Маргарет Тэтчер удалось выиграть пари и сдержать обещание поддерживать уровень государственных расходов в разумных рамках в то время, когда во всех странах Европы наблюдалась тенденция увеличивать расходы. Она это сделала ценой большого сокращения штатов государственных служащих. Число чиновников за годы ее правления сократилось на 46 процентов. Однако в Соединенном Королевстве при этом не ощущалось недостатка в управленческих кадрах.

Следствием такой жесткой бюджетной экономии, очевидно, было недостаточное финансирование служб общественного назначения. Даже если социальное партнерство государственных органов и частных лиц частично компенсировало этот дефицит капиталовложений, все же такие сектора, как общественный транспорт, тяжело пострадали от этой политики. Расходы в этой сфере ежегодно снижались в среднем на 5,8 процента с 1979 по 1990 год. В годы правления Маргарет Тэтчер не было начато строительство ни одного крупного объекта, не было выстроено ни одной большой верфи. Строительство первой автодороги осуществилось в 1988 году в связи с открытием четвертой полосы на шоссе М-25. Правительство не финансировало ни строительство тоннеля до Лондона для создания скоростной трассы, ни развитие сети железнодорожного сообщения между аэропортом «Хитроу» и центром столицы. Так что после Маргарет осталось много трудностей, которые ее наследникам пришлось решать.

Одновременно Маргарет заставила практически исчезнуть «культуру ожидания субвенций», а также гипертрофию национализированных предприятий, несших большие потери и возмещавших их за счет налогоплательщиков. Эта эволюция нашла свое выражение в явном росте производительности, выросшей со 100 до 151 пункта в 1989 году (против роста со 100 до 138 пунктов во Франции). Приватизация в основном была успешной. В большинстве своем предприятия, выставленные на торги, прошли прекрасный путь, добившись замечательных результатов в финансовой сфере и на бирже. Единственный пример провала приватизации – это провал приватизации железных дорог, но ответственность за него нельзя возлагать на Маргарет, ведь это дело рук ее «наследника» Джона Мейджора, так что и вина целиком лежит на нем. Вообще поразительно, что, когда во Франции задаются вопросом, что плохо работает в Соединенном Королевстве, всегда вспоминают о поездках. Но Маргарет в этом не виновата. Знаменитый фильм Кена Лоуча «Навигаторы», часто представляемый в качестве «разоблачителя» тэтчеризма, явно поражает не ту цель, которую следовало бы поразить¹⁹⁴.

Главный успех Маргарет заключается в ином. Ей удалось вернуть англичанам дух предпринимательства. В отличие от многих политических деятелей из разных стран Европы она избрала трудный путь: посвятила себя педагогике рыночной экономики. Вместо того чтобы скрывать от избирателей неизбежность перемен и суть этих перемен, она объясняла им необходимость этих перемен, причем простыми и

¹⁹⁴ См.: Тьеро Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 505–506.

понятными для всех словами. Результат был таков: в годы ее правления было создано более трех миллионов новых предприятий и фирм. Дух предпринимательства ожил и развился благодаря процессу приватизации. Число владельцев ценных бумаг увеличилось с трех до одиннадцати миллионов. Даже будучи владельцем всего нескольких акций, мелкий акционер интересуется тем, что происходит на рынке, и изучает действие экономических механизмов. Несколько фунтов дивидендов, которые он получает ежегодно, помогают ему понять, что прибыль – вовсе не бранное слово.

Разумеется, от всех этих перемен довольно сильно пострадала промышленность. В конце «эры Тэтчер» промышленность давала едва 30 процентов ВВП, в то время как в 1979 году достигала 40 процентов. Своим «наследникам» Маргарет оставила экономику с развитым непроизводственным сектором. Деиндустриализация (то есть сокращение промышленного сектора) Соединенного Королевства – не пустое слово. Но такая ли уж это катастрофа? Сфера оказания услуг сейчас явно является носителем роста и благополучия. В этой сфере было создано примерно столько же рабочих мест, сколько потеряла промышленность, примерно около трех миллионов.

Создание новых рабочих мест и вообще сфера занятости – это еще один успех «эры Тэтчер». После ужасного начала, когда безработица охватила более 3,2 миллиона человек, то есть почти 14 процентов экономически активного населения, положение было исправлено, и это «оздоровление» – само по себе нечто замечательное. К 1990 году уровень безработицы снизился до 5,8 процента, что представляет почти полную занятость¹⁹⁵.

Такой результат был достигнут благодаря сочетанию многих факторов, среди которых на первом месте следует указать возросшую гибкость, подвижность рынка труда. Сломив сопротивление профсоюзов с присущей ей жесткостью, отменив множество бесполезных нормативных актов, законов и частных постановлений, способствуя развитию свобод в сфере заключения персональных трудовых договоров в ущерб коллективным переговорам, отучая англичан от иждивенчества, Маргарет, несомненно, вернула Англию к работе, к труду на здоровой основе. Возможно, это была ее самая блестящая политическая и экономическая победа: ввести в разумные рамки такую мощную силу, как профсоюзы, которая регулярно, хотя и с интервалами, парализовывала Великобританию в 1972, 1974 и 1979 годах. Идея забастовок практически покинула умы жителей Англии. Кстати, в годы правления Маргарет число членов профсоюзов постоянно уменьшалось: с тринадцати до семи миллионов.

Никто не будет утверждать, что всё это случилось в один день, без перелома в общественном сознании и без некоторых потерь. Понадобилось почти семь лет применения «тэтчеровского лекарства» для того, чтобы сократить то, что несколько неблагозвучно именовалось «временной безработицей вследствие недостаточной подвижности рабочей силы»; в эти годы, несомненно, было немало горя, много сломанных жизней, когда старые промышленные и шахтерские районы были обречены на бедность, если не сказать на нищету. Последствия этого ощущаются и по сей день. Существует процветающий Юг и пока еще плетущийся у него в хвосте Север. Но и там, и там занятость населения, в конце концов, возросла¹⁹⁶.

Однако совершенно очевидно и то, что в период правления Маргарет увеличилось социальное неравенство. Можно спорить по поводу цифр. Но если в общем доходы в этот период возросли на 37 процентов, то у 10 процентов населения, относящихся к числу самых богатых, доходы увеличились на 62 процента, а у 10 про-

¹⁹⁵ См.: Тьеро Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 507.

¹⁹⁶ Там же. С. 507–508.

центов тех, кто чуть богаче самых бедных, – всего на 6 процентов. Только у 10 процентов самых бедных доходы уменьшились на 17 процентов. Это означает, что 90 процентов населения Англии извлекли для себя пользу в «эру Тэтчер». Ей нельзя ставить в вину это возросшее неравенство. Как мы видели, уже в основах «тэтчеровского проекта» было заложено наличие неравенства, Маргарет его принимала и даже считала необходимым. Важно то, что большая часть населения извлекла личную пользу из вновь обретенного благополучия. К числу таких относится 9/10 (девять десятых) населения, это очевидно. Но одна десятая осталась на обочине дороги, зачастую в трагических условиях. И несмотря на утверждения Маргарет, это далеко не всегда были только «недостойные бедняки». Не слишком ли это высокая цена за успех «эры тэтчеризма»? Обойти молчанием этот политический вопрос историк не может.

В любом случае совершенно очевидно, что значительно выиграл средний класс. Одним из основных показателей экономического положения является процент собственников жилья среди населения. Так вот, за десять лет он вырос с 51 до 68 процентов, и такой рост можно назвать чрезвычайно высоким. Народ, состоящий из собственников жилья, думает и действует совсем иначе, чем народ, состоящий из арендаторов жилья.

Наконец, вопреки мифу, тщательно поддерживаемому по эту сторону Ла-Манша, важно напомнить, что «общество всеобщего благоденствия» не было разрушено Маргарет Тэтчер. Расходы на общественные нужды и на содержание системы здравоохранения всегда составляли около 33 процентов расходов государственного бюджета, то есть столько же, сколько и при лейбористах. Маргарет даже в последний срок правления начала проводить реформу Государственной службы здравоохранения, которая впоследствии оказалась весьма плодотворной и способствовала существенному улучшению обслуживания пациентов.

Во Франции часто рассматривают писателя Джонатана Коу в качестве самого талантливого «разоблачителя» всех болезней общества «эры Тэтчер». Название его книги «Завешание на английский лад» было у всех на слуху, потому что о книге говорили все. Автор описывает в ней все мерзости жизни высшего класса и мучения писателя, работающего за нищенские гонорары, чья подруга, в конце концов, умирает из-за того, что ей не была своевременно оказана медицинская помощь, потому что очередь на помещение в больницу оказалась слишком длинной. Но каковы бы ни были достоинства романа, это все же художественное произведение, не дающее истинной картины Англии времен правления Маргарет Тэтчер. Прежде всего следует заметить, что если проблемы Государственной службы здравоохранения были очевидны, то все же непорядочно ставить их ей в вину. Она унаследовала очень сложное положение дел. Но под пером талантливого романиста всё представлено таким образом, что может и Марго довести до слез... Кстати, автор книги ужасно ошибается, когда представляет «тэтчеровское королевство» населенным патрициями и аристократами из старинных родов. На самом-то деле всё было с точностью до наоборот¹⁹⁷.

«Тэтчеровская революция» была не только революцией в сфере экономики, но еще и социальной революцией. Она сменила культуру дилетантов на культуру профессионалов, экспертов, специалистов, овладевших самыми передовыми технологиями в сфере финансов и информатики. В труде «Британский кризис в XX веке», опубликованном в 1933 году, Андре Зигфрид уже поставил диагноз и определил одну из основных болезней английского общества; этот диагноз вполне был применим и к 1979 году: «В мозгу англичанина упорно продолжает жить старая

¹⁹⁷ См.: Тьеро Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 508–509.

британская идея, что практичный ум и умение управлять стоят больше, чем мастерство владения техникой. Поговорите с преподавателями, обучающими молодежь; так вот, кто бы они ни были, их главной заботой всегда было держаться главной линии: прежде всего воспитать джентльменов. Можно сказать, что в шкале ценностей они ставят характер перед умом и знаниями». Именно от этого состояния умов Маргарет и хотела избавить королевство. К добру или к худу.

Именно поэтому в партии консерваторов Маргарет часто скрещивала шпаги со «старыми добрыми парнями» или с элегантными представителями клики выпускников «Оксбриджа». Более того, она в сущности задалась целью сделать так, чтобы ее преемник был «скромного происхождения», и добивалась своего с большим упорством, действуя несколько более поспешно, чем следовало. Но она своего добила: Джон Мейджор происходил не из «высшей», а из «низшей» Англии.

Маргарет хотела, чтобы на смену «культу происхождения» пришел «культ заслуг и умения работать». Мы уже упоминали «Огненные колесницы» в качестве превосходной иллюстрации тэтчеровского проекта. Мы упоминали культ индивидуума как личности и преодоления самого себя. Но есть еще один элемент, о котором мы умолчали, хотя он, пожалуй, и есть самый главный. Дело в том, что юный Абрахамс, в отличие от своих друзей, бежал не как любитель. Он тренировался у профессионала, и если он одержал победу, то потому, что сделал выбор в пользу технического совершенства, а не полагался только на силу характера и на честную игру¹⁹⁸.

Вместе с «большим взрывом» в Сити появилось новое общество, чьи члены – выходцы из среднего класса, и это общество становится чем-то вроде «бесклассового общества», в котором «новые деньги», то есть новые финансовые воротилы занимают столько же места, как и «старые деньги», то есть старые финансовые аристократы. Если рабочий класс получил от «эры Тэтчер» довольно мало, то элита выиграла много: она обновилась и стала гораздо более открытой. Многие барьеры рухнули. С этой точки зрения скромная бакалейщица из Грантема совершила настоящую социальную революцию. «Высшая Англия» все меньше и меньше напоминает прежнюю Англию клубов, начищенной обуви и костюмов с Савил-роуд, теперь это все больше и больше Англия меритократии, поднявшейся своими силами «при помощи труда и сбережений». Верхний слой среднего класса развивался и рос очень быстро, будучи порой очень далеким от свода законов и правил старого мира, от его утонченности и элегантности, а также и от его пороков. Сейчас трудно подсчитать, насколько «разбух» этот слой. Но достаточно прогуляться по Сити, чтобы увидеть, насколько изменился состав его «населения». В своей книге «Старая Англия моей юности» Гилен Дисбах с ностальгией писал в 1999 году: «На улицах... не видно ни одного элегантного или хотя бы прилично одетого человека. Англосаксонский характер, красота блондинов и блондинок, гордая, даже высокомерная “аля Милфорд” тоже исчезла <...>. В Лондоне больше не ощущается того пьянящего запаха дорогого табака, морского воздуха и дегтя <...>, что являются одновременно символами приключений и светскости». В этом тоже проявилась «тэтчеровская революция»: появился мир, в котором «яппи» заменили «важных особ».

Кроме экономики и общества изменилось и состояние умов, изменился сам дух страны. В одной из самых известных речей перед членами Консервативной партии Маргарет заявила: «Экономика – это метод, цель – изменить душу». Другими словами, речь шла о том, чтобы произвести коренной переворот в политической культуре Великобритании, заставить Англию окончательно уйти от социализма и бесповоротно выбрать правила рынка, конкуренцию и капитализм.

¹⁹⁸ См.: Тьеро Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 510.

С этой точки зрения Маргарет одержала блестящую победу не только в своей стране, но и во всем мире¹⁹⁹.

В Англии лучшим доказательством ее успехов стала трансформация Лейбористской партии под влиянием или «с подачи» Тони Блэра. Лейбористская партия стала такой же капиталистической партией, как и другие. В 1977 году эта партия пережила свой «Бад-Годесберг», то есть интеллектуальную революцию, которую немцы совершили у себя в 1959 году. Теперь эта партия называется Неолейбористской партией. Из устава партии была убрана знаменитая статья IV, в которой говорилось, что конечной целью партии является «установление коллективной формы собственности на средства производства». Партия приняла правила рыночной экономики, приспособилась к ним и не отвергает теперь ничего из тэтчеровского наследия. Вероятно, это то, что некоторые журналисты называли «тэтчеризмом с человеческим лицом», ибо железный, неумолимый закон рынка смягчен несколькими шепотками социальных мер. Но в остальном это настоящий тэтчеризм. В 1997 году Питер Моррисон, рупор Лейбористской партии, писал: «В конце концов, мы все стали тэтчеристами». Что касается Тони Блэра, то он без колебаний заявляет: «В 1980-е годы было сделано много хорошего, и мы должны сохранить это». С этой точки зрения успех Маргарет Тэтчер очевиден. Она сумела изменить две основные партии, фигурировавшие на британской политической шахматной доске, превратив их в либеральные партии, примерно такие же как Демократическая и Республиканская партии в США. Так что социализм в Англии умер. Душа страны претерпела глубокие изменения²⁰⁰.

Но это изменение состояния умов распространилось и за пределы Англии. Сформировавшиеся в Сити, погружившиеся вглубь тэтчеровского мира, именно британские эксперты вдохновили новые власти стран Восточной Европы на проведение шоковой терапии, что и было с успехом проделано в Чехии, Польше, Венгрии, в странах Балтии. Именно они распространили в «Новой Европе» после падения Берлинской стены идеи и ценности рынка, конкуренции и свободного предпринимательства. В каком-то смысле Маргарет создала для своей страны новую империю, империю духа и идей, главенствовавшую на том пространстве, что называют Центральной Европой. Теперь «Правь, Британия» вновь звучит над большей частью Старого континента. Понравилось бы это или нет Маргарет Тэтчер, но можно смело утверждать, что Евросоюз в том виде, в котором он сейчас существует, основан на ее идеях и взглядах. Знаменитые «маастрихтские критерии» по поводу контроля над государственными расходами (не более 3 процентов бюджетного дефицита), разработка законодательства в сфере конкуренции, переговоры с Всемирной торговой организацией, монетарная политика в денежной сфере, позволявшая сдерживать инфляцию, – всё это унаследовано от тэтчеризма. Несмотря на все претензии, которые можно было бы высказать в адрес Брюсселя, он стал центром либеральной Европы, по сути очень близкой к экономическим идеям Маргарет. Еще одна одержанная Маргарет победа, одержанная ею в каком-то смысле вопреки ей самой.

Совершенно очевидно, что леди Тэтчер была для своей страны, для Европы и для всего мира исторической фигурой. Доказательством тому может служить хотя бы тот факт, что в феврале 2007 года она стала первым британским премьер-министром, чья статуя еще при жизни была установлена в холле Вестминстера, лицом к лицу с вечностью наравне с Асквитом и Черчиллем... Во время распада колониальной системы руководитель внешнеполитического ведомства США Дин Ачесон

¹⁹⁹ См.: Тьеро Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 511.

²⁰⁰ Там же. С. 511–512.

заявил: «Великобритания потеряла империю, она не обрела вновь свою роль в мире». Маргарет вернула Великобритании эту роль²⁰¹.

Н.К. Капитонова отмечает, что можно согласиться с тем, что она пришла к власти в нужное время. Как когда-то для победы Великобритании в войне с фашистской Германией понадобился такой выдающийся лидер, как Черчилль, так и на рубеже 70–80-х годов XX века была востребована Тэтчер, чтобы, вылечив длившуюся на протяжении многих десятилетий «британскую болезнь», вытащить страну из болота экономического упадка и политического забвения. Проведя крупномасштабную социально-экономическую модернизацию, обуздав профсоюзы, она создала прочную базу для тех высоких достижений, которые впоследствии продемонстрировала Британия. Тэтчер совершила социальную революцию, опираясь на средний класс. Она преобразовала британцев в «нацию собственников»: подавляющее большинство из них стали владельцами собственных домов. Экономика начала выздоравливать, демонстрируя более высокие темпы роста, чем у западно-европейских партнеров и США. Заметно укрепилась ключевая роль Великобритании в области международных финансов. Пришедшие к власти в конце 90-х «новые» лейбористы не стали покушаться на основы «тэтчеризма» и пересматривать приватизацию, хотя этого можно было ожидать от лейбористского правительства, располагающего рекордным большинством в Палате общин. Безусловно, все имеет свою цену, и за жесткий экономический курс, прозванный «жестоким капитализмом», было заплачено в полной мере – беспрецедентным ростом безработицы, небывалым социальным расслоением и расовыми волнениями²⁰².

Сами по себе эти достижения уже достаточны для того, чтобы назвать Тэтчер одним из выдающихся премьер-министров XX столетия. Однако она добилась также весомых достижений в области внешней политики. Под ее руководством Великобритания одержала победу в Фолклендской войне, что способствовало возрождению национального самосознания британцев и восстановлению неуклонно ослабевавшего влияния страны в мировой политике. Она подняла на небывалую для послевоенного периода высоту отношения с Соединенными Штатами, и ей – единственной из британских премьеров после Черчилля – удавалось по-настоящему оказывать влияние на американскую внешнюю политику. Тэтчер первой из западных руководителей наладила интенсивный политический диалог с Москвой по широкому спектру международных проблем, превратившийся в важную составляющую мировой политики. В результате Великобритания получила возможность стать катализатором или посредником в сближении между Востоком и Западом, СССР и США. Она оказала значительное влияние на процесс коренных преобразований в Восточной Европе на рубеже 1980–1990-х гг. Являясь одной из наиболее ярких фигур в плеяде деятелей эпохи холодной войны, Тэтчер сыграла одну из главных ролей в ее прекращении, хотя сама баронесса, проявив несвойственную ей скромность, отводит себе в мемуарах лишь последнее место в этом списке²⁰³.

Заслуженными достижениями ее правления являются урегулирование сложнейшего, «казавшегося неразрешимым»² родезийского вопроса, проблемы Гонконга (передача суверенитета над ним КНР в обмен на 50-летний переходный период с сохранением в бывшей колонии прежней социально-экономической системы). Благодаря этому Великобритания имела в середине 80-х годов хорошие

²⁰¹ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 512–513.

²⁰² См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 151–152.

²⁰³ Там же. С. 152–153.

отношения одновременно с США, СССР и Китаем. При Тэтчер страна стала превращаться в «главные ворота» для японских товаров и инвестиций в ЕС. Подписав соглашение с Ирландией, она сделала первый шаг на пути к мирному урегулированию проблемы Ольстера, приведший впоследствии к историческому Соглашению Страстной Пятницы. Тэтчер также восстановила британское военное присутствие «к востоку от Суэца» (в Персидском заливе, где с 1980 г. постоянно находятся Королевские военно-морские силы). Она отважно билась за интересы страны в Евросоюзе, не позволив задвинуть ее на задворки европейской политики. Разрешивший бюджетный вопрос «британский чек», который на 20 лет вперед определил отношения Великобритании с ее европейскими партнерами в этой сфере, по праву считается одним из важнейших ее достижений. Тэтчер использовала вес Евросоюза для усиления положения Британии в системе международных отношений, сделав ее способной «ударить сильнее своих возможностей». А еще ей удалось осуществить давние амбиции – говорить от имени Европы во взаимоотношениях Восток-Запад и отношениях с США. Ко второй половине 1980-х годов она приобрела такой вес в мировой политике, что складывалось впечатление, будто Великобритания стоит на одном уровне со сверхдержавами.

И всего этого добилась женщина! Перечисленные достижения обеспечили ей поддержку избирателей и позволили консервативной партии три раза подряд одерживать победу на парламентских выборах.

Безусловно, Тэтчер сопутствовала удача. Ей сыграл на руку раскол оппозиции и отсутствие энтузиазма у избирателей в отношении лейбористской программы, равно как усталость народа от высоких налогов и всевластия профсоюзов. Ей повезло, что, реформируя экономику, она смогла использовать «нефтяной фактор» (доходы от продажи североморской нефти). Ей повезло, что в момент серьезного обострения экономических неурядиц так удачно подвернулся внешний фактор – захват Аргентиной Фолклендских островов. Ей также повезло, что хунта Галтиери отвергала мирное урегулирование конфликта с Великобританией, позволив ей довести войну до победного конца. Повезло, что ни Рейган, ни Горбачев не обладали сопоставимыми с Тэтчер качествами характера, позволив ей проводить свою линию, направленную на обеспечение британских интересов²⁰⁴.

Конечно, она выиграла не все свои сражения, были просчеты и ошибки. Некоторые из них уже были названы. Порою Тэтчер поддавалась эмоциям, ее заносило, она начинала поучать другие страны и народы, как им жить, ей отказывал характерный для британской традиции прагматизм, и она прибегала к высокопарным декларациям. Предубеждение (а может, прозорливость?) против Евросоюза, в котором она видела угрозу независимости Великобритании и ее институтам, вылившееся в противодействие процессам углубления интеграции, завело отношения с европейскими партнерами в тупик. К тому же она испортила отношения с Германией, предприняв отчаянную, закончившуюся полным провалом попытку затормозить процесс ее объединения. (А может, это было благороднее – честно обозначить свою позицию и попытаться отстоять британские интересы, нежели сдать сразу, без боя, как другие?) Своей политикой противодействия санкциям в отношении ЮАР она поставила на грань раскола Содружество. В своих заблуждениях Тэтчер была удивительно последовательна.

Можно любить или не любить баронессу, не разделять ее взгляды, ругать за ошибки и просчеты (а у кого их не было?), но нельзя не восхищаться этой необыкновенной женщиной, дочерью бакалейщика, ставшей одним из самых влиятельных

²⁰⁴ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 153–154.

деятелей своего времени. К тому же если бы этих просчетов не было, мы говорили бы о ней как о самом выдающемся премьер-министре Великобритании XX столетия. Она же, согласно мнению ведущих британских политиков и историков, заняла тоже высокое, но лишь третье-четвертое место в этом списке – после Черчилля и Ллойд Джорджа, рядом с Эттли²⁰⁵.

Симпатизирующая консерваторам газета Times озаглавила некролог Тэтчер просто: «Первая леди». Однако сторонники экс-премьера любят и уважают ее не за то, что она стала первой (и пока остается единственной) женщиной-премьером в истории Британии, а за то, что она стала самым успешным британским политиком мирного времени.

Конец 1970-х оказался в Британии периодом экономических сложностей – с высокими инфляцией и безработицей, снижением уровня жизни, резким падением производства. По душевому ВВП (по ППС) Британия едва опережала лишь недавно освободившуюся от диктатуры Франко Испанию и отставала не только от ФРГ или Нидерландов, но и от Франции с Италией. Профсоюзы постоянно проводили забастовки, которые парализовали экономику и повседневную жизнь. Зима 1978/79 года вошла в британскую историю как «Зима недовольства» – во многих городах месяцами не вывозился мусор, перестал работать общественный транспорт. Консерваторы атаковали правивших в тот момент лейбористов за высокую безработицу, используя в своей рекламе двусмысленный слоган Labour Isn't Working (который можно перевести на русский и как «Лейборист не работает», и как «Труд не работает»). На выборах в мае 1979 года с огромным успехом победили тори, и Тэтчер стала премьер-министром.

За 11 лет на премьерском посту **Тэтчер** бескомпромиссно проводила политику, которая соответствовала ее политической философии, отказываясь от любых полумер. Въехав на Даунинг-стрит, она резко сменила политику лейбористов, которая, с ее точки зрения, привела к упадку страны. Став премьером, Маргарет Тэтчер сделала ставку на дерегулирование экономики, особенно финансового сектора, гибкие законы и правила рынка труда, продажу и закрытие государственных предприятий через масштабную программу приватизации. По мнению одних, она смогла вдохнуть жизнь в британскую экономику, сделав Лондон одним из ведущих финансовых центров в мире. По мнению других, Тэтчер стала синонимом деиндустриализации Британии – упадка или полного исчезновения целых отраслей промышленности, что поставило экономику страны в чрезмерную зависимость от Сити и сделало ее уязвимой, как показал последний финансовый кризис. В упрек Тэтчер ставится и то, что она чрезмерно ослабила профсоюзы и урезала права работников, открыв британский рынок труда для «дикого капитализма» в американском стиле.

В 1980-е британцы пережили периоды спада и бума, то растущей, то снижающейся безработицы, Фолклендскую войну, продолжение конфликта в Ольстере, который перекинулся терактами на Лондон и другие английские города (в 1984 году во время теракта в Брайтоне едва не погибла сама Маргарет Тэтчер и ее коллеги по правительству). Нарастание сложностей в жизни страны привело к падению популярности консерваторов, и консервативная элита решила сменить лидера. В ноябре 1990 года Тэтчер была вынуждена покинуть пост премьера, передав бразды правления своему коллеге Джону Мейджору (при котором тори по-

²⁰⁵ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 154–155.

бедили – в четвертый раз подряд – на выборах в 1992 году). Интересно, что последним ее решением на посту премьера был отказ от вступления в Европейский валютный механизм (ERM), предвестник внешней зоны евро. Кабинет Мейджора присоединился к ERM, однако был вынужден выйти из него из-за падения фунта стерлингов в 1992 году после атаки на него хедж-фонда Джорджа Сороса: Британия осталась за бортом еврозоны²⁰⁶.

Много споров идет вокруг экономического наследия Маргарет Тэтчер. Ее правление началось рецессией, рецессией оно и закончилось – но между ними был период экономического бума. На первый взгляд экономическое развитие Британии с 1979-го по 1990 год в целом продолжало послевоенный тренд. Однако рассмотрение лишь ключевых экономических показателей, таких как рост ВВП и инфляция, не дает представления о том, что происходило тогда в британской экономике.

Патрик Минфорд, профессор экономики в Бизнес-школе Кардифа, считает: «Тем, кто не жил в 1970-х, сложно представить произошедшие перемены, которые не ограничивались победой над инфляцией. Тэтчер радикально изменила формирование предложения в британской экономике». Стиль экономического управления Тэтчер выглядел как тушение пожара – долгосрочного экономического упадка Британии, начавшегося еще в 1960-х. Экономическая политика предыдущих правительств была основана на сдерживании цен и доходов, ограничениях на внешнеэкономические транзакции (чтобы предотвратить бегство капитала), а фискальная политика – направлена на повышение совокупного спроса. Тэтчер от всего этого отказалась.

Высокие процентные ставки и жесткая фискальная политика – они стали известны как «тэтчеристский монетаризм» – привели к глубокой депрессии. Безработица превысила 3 млн человек, привела к закрытию многих промышленных предприятий, особенно в тяжелой индустрии – угледобыче, металлургии, кораблестроении и т. д. (находившиеся в собственности государства, они были национализированы предыдущими лейбористскими правительствами), но инфляцию удалось быстро снизить: с более чем 20% в 1980 году до 5% в конце 1982-го.

После чего начался период устойчивого экономического роста, однако он был географически сконцентрирован на Лондоне и юго-востоке Англии. Этот рост сопровождался резким увеличением потребления домохозяйств, чувствовавших себя более богатыми на фоне дорожавшей недвижимости и улучшавшейся, благодаря доходам от североморской нефти, ситуации в госфинансах.

На самом деле с 1979-го по 1990 год средний рост ВВП Британии составлял всего 2,3% – не лучше, чем в предыдущие послевоенные десятилетия. Однако один рост ни о чем не говорит, считает Джон ван Ринен, профессор Лондонской школы экономики. «Изменения во время правления Тэтчер позволили сменить долгосрочный тренд. Если до нее британская экономика переживала столетие относительного угасания и упадка, то в последние три десятилетия мы смогли нагнать США, Германию и Францию по уровню дохода на душу населения», – считает ван Ринен. Действительно, если относительный уровень доходов в Британии (по сравнению с США, Германией, Францией и Италией) падал с 1950-го по 1979 год, то с тех пор доходы росли быстрее, чем в других крупных экономиках Европы. Улучшение относительно США сохранялось до 2007 года – до начала последнего финансового кризиса²⁰⁷.

²⁰⁶ См.: Кокшаров А. Женщина, изменившая Британию // Эксперт. 2013. № 15. С. 71.

²⁰⁷ Там же. С. 72.

Впрочем, это улучшение сопровождалось побочными эффектами. Самым явным из них стал рост неравенства в распределении доходов, так как компании смогли платить более квалифицированным сотрудникам высокие зарплаты. дерегулирование финансового сектора (так называемый Большой взрыв 1986 года, ликвидировавший многие прежние правила финансовых транзакций) лишь усугубило эту ситуацию. С одной стороны, лондонский Сити стал одним из достижений тэтчеризма, так как смог превратиться в ведущий финансовый центр не только Европы, но и мира; но с другой – доля финансового сектора быстро увеличивалась и выросла с 3% ВВП в 1987-м до 11% в 2008 году. Это создало очевидные перекосы в экономике – страна до сих пор не может справиться с последствиями кризиса, в отличие от Германии или Франции с их более развитым промышленным сектором.

«Значительная часть Британии, особенно бывший промышленный Север, так и не смогла восстановиться после деиндустриализации 1980-х», – утверждает Джонатан Порте, директор Национального института экономических и социальных исследований. Промышленный подъем, на который в Лондоне надеялись после финансового кризиса, так и не случился. Север страны остается депрессивным и требует субсидий от Лондона и юго-востока. Реформы Тэтчер на рынке недвижимости привели к росту числа собственников жилья, что сегодня препятствует повышению мобильности на рынке труда. Поэтому ребалансировки экономики так и не происходит, несмотря на веру Тэтчер в то, что невидимая рука рынка исправит все дисбалансы.

Покидая Даунинг-стрит в последний раз в качестве премьер-министра, **Тэтчер**, борясь со слезами, сказала, что оставляет Британию «в значительно лучшем состоянии», чем когда она въехала в премьерскую резиденцию. И, как ни оценивать наследие Маргарет Тэтчер, положительно или отрицательно, бесспорно одно: она действительно очень сильно изменила Британию. Так, без реформ Тэтчер было бы невозможно появление «новых лейбористов» Тони Блэра, пришедших в 1997 году к власти с лозунгами объединения рыночной экономики и социального государства. А нынешний кабинет Кэмерона во многом пытается следовать ее неолиберальным экономическим рецептам, борясь с дефицитом бюджета и сокращая налоги – правда, с куда менее впечатляющими результатами. Сегодня, отмечал в 2013 г. в журнале «Эксперт» **А. Кокшаров**, когда прошло более двух десятилетий после отставки Железной леди, Британия остается в идеологическом поле тэтчеризма – как его сторонников, так и противников. Политиков такого же масштаба, как Маргарет Тэтчер, которые предложат новые идеи и перекроют политическую повестку дня, в Лондоне остается только ждать²⁰⁸.

²⁰⁸ См.: Кокшаров А. Женщина, изменившая Британию // Эксперт. 2013. № 15. С. 73.

ГЛАВА III

ЖЕНЩИНА, ИЗМЕНИВШАЯ БРИТАНИЮ И КОЕ-ЧТО В ЕВРОПЕ И МИРЕ

3.1. Жизнь после отставки (1990–2013 гг.)

После ухода в отставку **М. Тэтчер** была награждена орденом «За заслуги» (среди 20 кавалеров ордена политиков только двое – она и Нельсон Мандела), ее мужу Денису даровали титул барона. Был создан фонд ее имени (с минимальным штатом сотрудников), финансирующий международные проекты, связанные с поддержкой демократических институтов и рыночной экономики в бывших социалистических странах. Баронесса часто выступала с хорошо оплачиваемыми лекциями (в прессе сообщалось, что за каждую она получала 50 тысяч ф. ст.) в странах Европы, Азии и Америки, особенно любила бывать в США, где ее выступления всегда проходили «на ура». (В 1992 г. автору довелось побывать на одном из таких выступлений в Питтсбурге и лично наблюдать восторженное отношение зала к докладчице, с гордостью сообщившей, что она «разделалась с коммунизмом» в Советском Союзе и Восточной Европе.)

Время от времени баронессу приглашали и на Даунинг-стрит, 10, заверяли, что она не забыта, продолжали какое-то время предоставлять важную информацию. И все же она страдала от своей не востребованности. Когда шла война в Персидском заливе, она регулярно звонила министру обороны Т. Кингу, советуя, что делать дальше. Она была недовольна внезапным окончанием войны и, уверенная, что войскам коалиции следовало дойти до Багдада, обвинила Мэйджора в том, что у него просто не хватило духа завершить начатое. На самом же деле решение о прекращении военных действий принимали в Вашингтоне и, как обычно, без консультаций со своим ближайшим партнером: англичанам просто сказали, что сражение считается оконченным. В апреле 1991 г. она впервые после долгого перерыва выступила публично с предложениями в поддержку курдов в Ираке (в связи с созданием безопасных зон для них на севере Ирака по плану Мэйджора)¹.

Наблюдая, как постепенно рассыпается та конструкция, которую она создавала в течение 11 лет, Тэтчер все более ощущала себя обманутой. После того, как «тигрицу заточили в палату лордов, хомяки показали свои зубы»: сыгравший главную роль в ее уходе в отставку Хезлтайн был назначен министром, а затем заместителем премьера; было принято решение о пересмотре «подушного» налога. По ее словам, уже в первые недели правления Мэйджора его правительство «проявило желание отменить многое из того, чего мы достигли». Она оказалась совершенно «не готовой» к тому, что проводимая ею ранее политика будет так быстро изменена на противоположную (с легкой руки министра финансов правительства Мэйджора К. Кларка этот курс назвали «тэтчеризмом с человеческим лицом»). Но главным, что задело ее за живое, была корректировка курса Великобритании в отношении Евросоюза, стремление Лондона, как выразился новый британский премьер, «быть в сердце Европы». Это резко контрастировало с позицией его предшественницы: как удачно заметил К. Бейкер, разница между двумя премьерами состояла в том, что

¹ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 195.

Мэйджор «хотел быть в сердце Европы, в то время как Тэтчер предпочитала быть у ее горла». Первой ее реакцией на подписание Мэйджором Маастрихтского договора (в нем стороны среди прочего согласились создать валютный и политический союз и ввести единую валюту, против чего баронесса решительно возражала), было заявление о том, что он «блестяще» справился с переговорами. Однако очень скоро она разобралась, что к чему, ее отношение к Маастрихту изменилось, и это навсегда отравило взаимоотношения баронессы со своим преемником. Она призвала Мэйджора пересмотреть Маастрихтский договор и вернуться к политике, проводившейся ею в 1979–1990-х годах Объединив вокруг себя противников премьер-министра, она выступила категорически против «федералистской утопии», против ратификации договора и за проведение референдума по этому вопросу. Собrania в ее доме, как свидетельствует один из участников, напоминали «правительство в изгнании». Она объявила Мэйджору настоящую войну в партии. Это еще более способствовало расколу тори на «евроэнтузиастов» и «евроскептиков» и стало одной из важнейших причин их провала на парламентских выборах 1997 г. Отдавая себе отчет в том, какой серьезный ущерб партии наносят ее действия, Тэтчер не щадила премьер-министра, называя его «безыдейным» и «серым» человеком, продолжая в своих многочисленных выступлениях и интервью обвинять его не только в уступках ЕС, но и в «бесхребетности» британской политики на Балканах и в Боснии. В августе 1991 г. она выступила с призывом к демократам в Москве выйти на демонстрации в поддержку Горбачёва и собиралась возглавить международную комиссию, которая должна была подтвердить (или же опровергнуть) сообщения о его недееспособности. Это вызвало обеспокоенность и раздражение на Даунинг-стрит, озабоченной тем, чтобы сохранить хорошие отношения и с Горбачёвым, и с Ельциным. «Двор» Тэтчер разделял ее мнение о том, что преемник оказался «ничтожной» личностью, «не способной осознать величие и миссию тэтчеризма». Ее удавалось ненадолго «умиротворить» лишь в периоды ежегодных конференций консервативной партии, парламентских выборов (когда она вынуждена была усиленно агитировать за лидера партии), а также опасных для правительства ситуаций, связанных с голосованием в парламенте по вотуму доверия. После конференций и выборов война между Тэтчер и Мэйджором возобновлялась².

Совершенно другие отношения сложились у Тэтчер с Блэром. Называвший баронессу «радикалом, а не тори», лидер лейбористов с похвалой отзывался о стиле ее руководства, признавал заслуги в экономических достижениях страны правительства консерваторов, сделавшего ставку на эффективность и обеспечившего свободу выбора. «Новый лейборизм» вообрал в себя отдельные элементы тэтчеризма, ставшие составной частью предложенной Блэром концепции «третьего пути». Отец Блэра Лео был убежденным консерватором, поклонником Тэтчер (хотя и голосовавшим на парламентских выборах 1997 г. за возглавляемую сыном лейбористскую партию), и, если бы не болезнь, вполне мог стать депутатом парламента от партии тори.

В свою очередь, Тэтчер нравилось стремление Блэра к лидерству, а также то, что он отказался от традиционного требования лейбористской партии о национализации. В ходе предвыборной кампании 1997 г. она сыграла на руку лейбористам, заявив в интервью «Таймс», что прихода к власти Блэра не стоит опасаться и что, по ее глубокому убеждению, он «не подведет Британию». После этого медиа-империя Мэрдока («Таймс», массовые таблоиды «Сан», «Ньюс оф зе уорлд»), ранее поддерживавшая консерваторов, немедленно переориентировалась на лейбористов³.

² См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 195–196.

³ Там же. С. 196.

Уже через месяц после их победы на выборах баронессу пригласили на Даунинг-стрит, 10 на встречу с премьер-министром, в ходе которой она позволила себе высказать ряд советов Блэру. Одним из них был следующий: «Никогда не позволяйте загонять себя в угол». Обладая несомненным личным обаянием, новый премьер-министр установил хорошие отношения со многими видными деятелями консервативной партии и в ряде случаев привлекал их к совместной работе. На первых порах он всячески обхаживал и баронессу, выглядя при этом как «молодой принц, ублажающий престарелую королеву». В свою очередь, Тэтчер была польщена подобным вниманием и не скупилась на комплименты Блэру.

Этот затянувшийся «медовый месяц» в их отношениях закончился осенью 2000 г., когда на последней перед парламентскими выборами партийной конференции Блэр обрушился на «силы консерватизма», заклеив тори как партию «сторонников охоты на лис, Пиночета и наследных пэров». Ни для кого не было секретом, кто является мишенью премьера – именно Тэтчер зарекомендовала себя стойким, неистовым защитником Пиночета. Блэр пошел еще дальше во время предвыборной кампании 2001 г., санкционировав атаку на баронессу: лидера консерваторов У. Хейга изобразили на плакатах в образе Тэтчер (с жемчугом в ушах и с ее прической), сопроводив это следующей надписью: «Идите на выборы. Иначе они вернуться»⁴.

Выигравшая не все свои сражения, Тэтчер с большим трудом признавала ошибки. Как правило, она всегда винила в них других. Это хорошо видно в опубликованных «по горячим следам» – уже в 1993 г. – мемуарах баронессы **«Годы на Даунинг-стрит»**. Тэтчер гордилась тем, что сама написала каждую строчку первого варианта рукописи. Она сводит счеты с «предавшими» ее коллегами и, награждая их язвительными характеристиками (раздавая «всем сестрам по серьгам»), по обыкновению обвиняет в своих просчетах других. Тэтчер не признала ошибкой введение поднявшего на дыбы всю страну «подушного» налога, посчитав единственной своей неудачей политику в вопросе объединения Германии. Все успехи своего правления она приписала себе. Это не осталось незамеченным бывшими соратниками, например Дж. Хау, который обратил внимание на то, что поездка в Советский Союз в марте – апреле 1987 г. подается ею как «визит королевской особы без сопровождающих лиц – на 12 страницах, посвященных описанию визита, Маргарет ни разу не упоминает ни одного британского члена своего окружения». По мнению другого бывшего министра, Д. Хэрда, было бы лучше, если бы она повременила с мемуарами хотя бы пять лет – время достаточное для того, чтобы прошел гнев⁵.

В 1995 г. вышел второй том мемуаров – **«Путь к власти»**, посвященный ее детству и юности в Грэнтеме, а также восхождению к политическим вершинам. В эпилоге она резко критикует своего преемника Мэйджора и политику его правительства, особенно в ЕС, утверждая, что никогда бы не подписала договор, подобный Маастрихтскому. Наконец в 2003 г. ею была опубликована книга «Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира», ставшая ее своеобразным политическим завещанием. В условиях, когда предпринимаются попытки пересмотреть прошлое, принижается роль одних государственных деятелей и возмечивается роль других, Тэтчер в свойственной ей манере расставляет все точки над i. Она подводит итоги эпохи «холодной войны» и представляет свое видение современной картины мира. Размышляя о «холодной войне», она дает высокую

⁴ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 197.

⁵ Там же. С. 198.

оценку роли Великобритании (и своей собственной), без твердой поддержки которой США и Западу вряд ли удалось бы одержать столь убедительную победу, притом «без единого выстрела». Она откровенно высмеивает горбачёвское «новое мышление», по существу, подтверждая его использование Западом в качестве орудия развала Социалистического содружества и Советского Союза. Отметая также его излюбленное утверждение, что «в холодной войне не было победителей», Тэтчер уверенно заявляет, что победил Запад, а «главным архитектором» этой победы называет президента Рейгана.

Каждая глава книги завершается четкими рекомендациями для Великобритании в решении проблем нового тысячелетия. Главной установкой для страны Тэтчер (подобно Черчиллю) считает укрепление союза с США. В этом вопросе, как и в остальных, она проявляет завидное постоянство. (Б. Ингем отмечал в свое время, что с нею было легко работать, так как она не меняла взглядов «от часа к часу, от дня ко дню, от недели к неделе, от месяца к месяцу, от года к году, десятилетия к десятилетию».) Баронесса приветствует образование однополярного мира, отрицает многосторонность (использование силы не иначе как под эгидой ООН), которая, по ее мнению, уже стала «почти навязчивой идеей». Она ставит под сомнение выдвинутую Т. Блэром доктрину «гуманитарного вмешательства», считая ее «установкой на неразбериху», «распыление сил» и «отказ Америки от глобальной ответственности». «Нам следует всячески остерегаться использования доктрины гуманитарного вмешательства в качестве главного, а тем более единственного оправдания применения силы», – подчеркивает Тэтчер.

В то же время она горячо поддерживает вмешательства в принципе, указывая, что они должны быть нечастыми и «ошеломляющими по своим результатам». Она убеждена в том, что в истории человечества культурные достижения и материальные успехи отдельных стран не имеют значения. Главную роль играла и будет играть военная мощь государства, поэтому баронесса призывает «резко повысить количество и качество военных расходов»⁶.

Глава, посвященная России, называется **«Российская загадка»**. Рассматривая нашу страну как тоталитарное государство с традицией тиранического правления, нечто «совершенно чужеродное и неевропейское», Тэтчер признает, что «Россия всегда отличалась уникальной способностью удивлять», поэтому «любой прогноз в отношении нее должен быть ограничен массой оговорок». Считая, что Т. Блэр заблуждается в отношении Путина, видя в нем «современно мыслящего деятеля», Тэтчер предлагает строить отношения с Россией (которую пока нельзя считать «нормальной страной») на основе ясного понимания ею особых интересов Запада на постсоветском пространстве (в странах Балтии, на Украине, Кавказе и Центральной Азии). Опытный политик, она делает ряд откровенных признаний. «Тот факт, что русские неохотно, но всё же согласились на операцию в Косово и в конце концов помогли посадить президента Слободана Милошевича за стол переговоров, отражает скорее их слабость, а не добрую волю». «В конечном итоге ядерное оружие, вероятно, будет использовано». «Как пронизательный прагматик, г-н Путин должен ясно понимать, что НАТО практически вплотную подошло к тому, чтобы стать всемирным полицейским». Какой бы привлекательной на первый взгляд ни казалась идея вступления России в НАТО, Тэтчер высказывается категорически против такой перспективы, рассматривая, ее как чрезвычайно опасную для альянса.

⁶ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 198–100.

Она дает оценку путей развития Китая, Индии, стран Ближнего и Дальнего Востока, ситуации на Балканах. Но по-настоящему страстно ее голос звучит в вопросах углубления европейской интеграции. Она считает, что все последние события глобального масштаба – объединение Германии, война на Балканах, потрясения на финансовых рынках и пр. – «подталкивали к созданию политически единой Европы», представляющей собой «правительство бюрократов для бюрократов». Тэтчер характеризует подписание Мэйджором Маастрихтского договора как «предательство». По ее мнению, попытка правительства Блэра «улучшить свой проевропейский образ с помощью участия в европейских силах обороны» (совместная англо-французская инициатива 1998 г. о создании «европейской оборонной идентичности». – *Н.К.*) только дала французам «козырь в их антиамериканской игре». Баронесса убеждена в том, что Великобритания не может эффективно воздействовать на германо-французскую ось, «даже если бы ее нынешнее правительство и захотело это сделать». Не оправдал надежд Тэтчер и Единый Европейский Акт, положения которого «были неправомерно использованы для проталкивания корпоративистского и коллективистского законодательства в Великобританию с черного хода». Она призывает денонсировать Европейскую конвенцию о защите прав человека, ни в коем случае не присоединяться к единой валюте, которая, по ее глубокому убеждению, обречена на провал. «Мы подошли к роковой черте», – заявляет баронесса. Опыт показывает, что «попытки установить модус вивенди с Европой в любой значимой сфере политики всегда заканчивались неудачей». Поэтому она предлагает не тратить больше времени на разговоры о «меняющейся геометрии», «многовариантности», «гибких условиях» и пр., а «коренным образом переосмыслить наши отношения с ЕС и пересмотреть условия участия в нем с тем, чтобы обеспечить защиту наших национальных интересов и суверенитета». Другими словами – «готовиться к выходу из ЕС в том виде, который он приобретет к моменту Переговоров о пересмотре условий, и установлению новых связей с европейскими и неевропейскими странами на совершенно другой основе». В качестве альтернативы Европейскому Союзу Тэтчер предлагает НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле США, Канады и Мексики), главным преимуществом которого перед ЕС является то, что это «не таможенный союз и не политико-административная структура с грандиозными устремлениями»⁷.

Не случайно, пишет **Жан Луи Тьерно**, падение Маргарет произошло в ноябре. Это был знак. Всё, что последовало за ним, было бесконечной осенью, прорезанной несколькими молниями. Это было постепенное погружение в темноту, не забвения, нет, в темную ночь возраста и связанных с ним мук.

Вся жизнь Маргарет была лишь полем битвы, площадкой для дуэлянта-забияки, где она старалась нанести лучший удар. Она не знала ничего, кроме работы, усилий, сражений, бессонных ночей и дней без отдыха. Теперь ей не осталось ничего, кроме воспоминаний об одержанных победах и горечи от поражения, нанесенного ей членами ее же партии. Она была в отчаянии и, кстати, признаётся в этом без обиняков в мемуарах: «Я впала в уныние, у меня был упадок духа. Я бы без труда смогла противостоять оппозиции моих потенциальных противников и соперников, я бы их даже уважала за это. Но я была ужасно огорчена отступничеством, предательством тех, кого я всегда считала друзьями и союзниками, я также была удручена тем притворством, которое они проявили, выдавая свое предатель-

⁷ См.: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 199–200.

ство за дружеский совет и за заботу о моей дальнейшей судьбе». Политика – жестоким видом спорта. Отведав лавры этого спорта, теперь она должна была испытать на себе его неумолимый приговор⁸.

Сначала Маргарет питала надежды на то, что сможет еще дергать за какие-то ниточки. Она думала, что Джон Мейджор станет ее верным учеником, будет дергать ее в курсе событий и следовать ее советам. Но очень скоро она разочаровалась. Мейджор хотел проводить свою собственную политику, не обращаясь за советами к статуе командора, которая бродит по коридорам Вестминстера. В отношениях с Европой он стал проводить политику Джеффри Хау и Дугласа Херда. Ему оставалось лишь помнить о предупреждениях, которые порой делает преходящая слава, уносимая ветром времени⁹.

Маргарет обосновалась вместе с Деннисом в доме, который они купили в 1986 году в Далвише «на потом», хотя она надеялась, что это «потом» никогда не наступит. Она тотчас же принялась за работу. Мечтая создать благотворительный фонд, столь же влиятельный, как Фонд Конрада Аденауэра в Германии или «Хэридж фаундейшн» в США, она создала Фонд Тэтчер и объявила о подписке заявок на приобретение акций фонда, что позволило ей очень быстро собрать около пяти миллионов фунтов капиталовложений. С 1991 года фонд расположился на Чизхэм-плейс, в самом сердце Лондона. Маргарет осыпали почестями. Ей было даровано звание «Почетный гражданин Вестминстера», коего до нее удостоился только Черчилль. В 1992 году она стала членом палаты лордов.

Маргарет выступала с речами перед публикой, но эти речи со временем находили все меньше слушателей, так как она уже начала надоедать своими филиппиками, направленными против Евросоюза и его бюрократов. Публикация ее мемуаров в 1993 и 1995 годах стала значительным успехом, только в Соединенном Королевстве было продано более 1,5 миллиона экземпляров, причем многие покупатели вносили солидный задаток, заказывая книгу заранее., что в результате принесло более 3,5 миллиона фунтов¹⁰.

Но это был всего лишь успех в сфере книжной торговли, это уже не было политическим событием. Бандерильи, которые она втыкала в политику Джона Мейджора, подвергались яростной критике. Ее сравнивали с Тэдом Хитом, предпочитавшим мусолить, жевать и пережевывать свои обиды, а не служить делу партии. Ее противопоставляли Алеку Дуглас-Хьюму, который согласился верно служить своему преемнику в министерстве иностранных дел. После большой речи, произнесенной в Гааге в 1992 году, она приложила много усилий, чтобы собрать вокруг себя сторонников идеи суверенитета Старого континента, но без особого успеха. Ее речи звучали теперь, как ни странно, фальшиво. Они были из другого времени. Когда она заявила: «Половина Европы испытала на себе гнет советской тирании, вторая половина сейчас склоняется под гнетом тирании Брюсселя», – никто не воспринял ее слова всерьез. Настало время Маастрихтского договора и флага, усеянного дюжиной звезд. Маргарет явно уже не понимала смысла происходящих событий. Она критиковала всё: политику по отношению к Ираку, пассивность, проявляемую в Югославии, отказ от военного вмешательства после бойни в Сребренице. Она была не как уж неправа. Но она впадала в ярость, как лев в клетке, оттого что не могла больше действовать и не имела ни на что влияния. Она продолжала совершать поездки по всему миру, проводила многочисленные конференции, участие

⁸ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 499.

⁹ Там же. С. 499–500.

¹⁰ Там же. С. 500.

в которых часто неплохо оплачивалось. Повсюду ее встречали с почестями. Университеты присваивали ей звания почетного доктора. Она несла по всему миру идеи либерализма. В 1995 году, в честь ее семидесятилетнего юбилея, королева согласилась председательствовать на торжественном приеме, данном Маргарет в Клэридже. Но всё это было лишь подобием прежней деятельности¹¹.

В 1996 году Маргарет отправилась в Фултон, в штат Миссури, в тот самый городок, где Черчилль произнес свою историческую речь о «железном занавесе». Она надеялась, что ее предупреждения вызовут такое же громкое эхо, как и слова ее прославленного предшественника. Но ее едва слушали, когда она говорила о том, что «миру грозит много опасностей, гораздо больше, чем десять лет назад». Ее слушали и слышали еще меньше, когда она заговорила о «странах-изгоях» (которые потом доставят столько беспокойства администрации Буша). Она назвала их: Иран, Ирак, Сирия, Афганистан. И надо было дождаться 11 сентября 2001 года, чтобы все поняли, что она, увы, была тысячу раз права. В 1996 году еще очень и очень многие ценили идеи Фукуямы, предсказывавшего «конец истории» в мире, умиротворенном триумфом капитализма и растущим благосостоянием.

Похоже, в глубине души Маргарет радовалась неудачам своего преемника. С какой-то злой радостью она буквально наслаждалась фактом выхода фунта стерлингов из Европейской валютной системы. Она возглавила крестовый поход против единой европейской валюты, против современного евро. «Таймс» тогда вышла под шапкой «Призрак Маргарет бродит по кулуарам Вестминстера». Увы, всего лишь призрак прежней Маргарет нес на своих плечах мантию пэра Соединенного Королевства. Похоже на то, что поражение Джона Мейджора в 1997 году не рассердило и не расстроило ее сверх меры. Она вроде бы шепнула кому-то из своих друзей: «Не надо беспокоиться по поводу Тони Блэра. Это настоящий патриот...»¹².

Единственной сферой, где Маргарет оставалась еще полезна своей стране, была передача Гонконга под юрисдикцию Китая в 1997. году. Она многократно отправлялась в Гонконг, чтобы помочь Крису Пэттену, последнему губернатору. Она пользовалась своими связями с руководством Китая, чтобы облегчить процесс передачи. Пэттен официально воздал ей почести: «В этих затруднительных обстоятельствах она проявила себя как самый верный и самый лучший друг из всех, что у меня были». Она сумела разрешить очень острый и скользкий вопрос об авуарах в золоте Банка Гонконга, заверив китайское руководство в том, что они не будут вывезены в Соединенное Королевство. 1 июля, во время проведения официальной церемонии передачи власти, она находилась в первом ряду рядом с Тони Блэром и Робинотом Куком. По иронии судьбы свою последнюю значимую роль она сыграла на сцене, где ее партнером был премьер-министр-лейборист, а в конце этого спектакля должен был быть спущен «Юнион Джек», навсегда¹³.

В остальном же Маргарет иногда даже ставила свою страну в затруднительное положение. В 1999 году, когда генерал Пиночет прибыл в Соединенное Королевство для прохождения курса лечения, она принимала его у себя, как бы возвращая ему долг чести, считая, что обязана ему многим за поддержку во время войны за Фолкленды; она объясняла, что сделала это еще и потому, что «он – единственный диктатор, естественным путем приведший свою страну к демократии». Когда он был подвергнут домашнему аресту на основании ордера на арест, выданного испанским судьей Бальтазаром Гарсоном, Маргарет портала Тони Блэра за то, что

¹¹ См.: Тьеро Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 500–501.

¹² Там же. С. 501.

¹³ Там же. С. 502.

«были нарушены традиции английского гостеприимства». Она открыто и даже подчеркнуто многократно наносила визиты свергнутому диктатору...

Кроме того, начали накапливаться проблемы со здоровьем. В 1999 году ей стало дурно во время какого-то совещания. В 2002 году у нее случился не очень тяжелый припадок, вызванный гипертоническим кризом, но пострадала ее память; она больше не могла говорить без записей. Она решила написать последнюю книгу – «Стратегия управления государством». Это был обширный «обзор горизонтов планеты и людских целей». Это увлекательное чтение, ибо оно помогает понять образ мыслей Маргарет; однако кое в чем книга приводит к разочарованию и вызывает ощущение, что автор начинает утрачивать представление о реальности. Сначала Маргарет очень долго рассматривает какой-то вопрос, затем завершает каждую главу пятью-шестью короткими параграфами, набранными жирным шрифтом, напоминающими пункты повестки дня. Создается впечатление, что это подготовка к брифингу главы государства XIX века. В особенности интересна эта книга тем, что доказывает, насколько полно Маргарет разделяет теперь взгляды американцев. И вовсе не случайно первая глава называется «Американский успех». Всё остальное проистекает из него. Она проповедует идею равнения на США; превозносит односторонние действия американцев и ратует за свержение Саддама Хусейна с применением военной силы. Можно подумать, что это говорит Джордж Буш-младший. Она даже позволяет себе помечтать. Еврофобия Маргарет приводит ее к бредовой идее создания Евро-Атлантического содружества с зоной свободной торговли, которое придет на смену Евросоюзу. Она так презирала и ненавидела Европу, что, в конце концов, пришла к мысли о существовании Старого континента под властью или господством США! Какая катастрофа! Пришло время ей погрузиться в мир тишины и молчания. Кстати, именно это она и сделает несколько недель спустя, по требованию врачей, как она объяснит чуть позже¹⁴.

Маргарет не получала утешения и от членов своей семьи. Сын Марк жил сначала в США, затем переехал в Южную Африку. Она почти не видела своих внуков. Кроме того, она была вынуждена сносить насмешки прессы, писавшей о делах ее сына, всегда впутывавшегося в сомнительные аферы. В штате Техас его преследовали за уклонение от уплаты налогов, за представление ложных данных в декларациях, из-за обвинений в коррупции, а в Южной Африке – из-за обвинения в попытке организации государственного переворота. Он даже провел несколько дней в тюрьме. В 2004 году его брак распался. Что касается Кэрол, то, по понятиям тэтчеровской этики, ее дела обстоят ничуть не лучше. Она живет в Швейцарии, сожительствуя с инструктором по лыжному спорту. Дочь баронессы Тэтчер позорит ее имя, участвуя в реалити-шоу, как это произошло, например, в 2005 году. Такова жизнь...

Двадцать седьмого июня 2003 года ушел из жизни Деннис; его смерть вызвала по всей стране поразительно горячее сочувствие. На похоронах все увидели маленькую, скорбленную, худенькую женщину, шедшую за гробом, опираясь на руку Марка. Пресса единодушно воздавала почести этому предельно внимательному супругу, верному спутнику Маргарет, сопровождавшему ее как в самые трудные, так и в самые счастливые минуты ее жизни. «Дейли телеграф» писала о «старом добром парне», любителе гольфа, джина и братства по оружию. Кстати, на похоронах присутствовали военные из Королевской артиллерии, чтобы воздать Деннису воинские почести. Присутствовали на них и те, кто когда-то входил в группу личиных советников Маргарет: лорд Пауэлл, лорд Ингем, лорд Паркинсон, лорд Батлер – последняя четверка верных друзей.

¹⁴ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 502–503.

От бакалейной лавки до палаты лордов – какой прекрасный путь, но какой ценой. Теперь для Маргарет настало время одиночества в ожидании великого заката, как она пишет в мемуарах, «в ожидании того момента, когда настанет пора предстать перед судом Господа». Сейчас уже можно сказать, что на суде Истории ей будет вынесен довольно милосердный приговор¹⁵.

Конечно, отмечают **С. Перегудов и А. Тереньев**, в отставку Тэтчер проводили достойно: в декабре 1990 года королева Елизавета II пожаловала ей орден за заслуги, а ее супруга Дэниса возвела в сан баронета. Вестминстер-сити объявил Маргарет почетным гражданином: последним такой чести удостоился ее кумир Уинстон Черчилль.

В 1992 году она приняла из рук королевы пожизненное пэрство, превратившись в баронессу Кественскую. Однако смириться со своим поражением и признать, что и «после власти существует жизнь», Тэтчер было очень сложно. «Вся моя жизнь раскололась вдребезги, – призналась она в мае 1991 года, – это то же самое, что бросить хрустальный фужер на пол. Все увлечения, мысли, планы и люди, тебя сопровождающие, – нее оказалось разбито на мелкие кусочки. Ты покупаешь себе наряды для различных визитов и конференций. Ты делаешь себе прическу, готовясь к выступлению в Палате общин. Вся твоя жизнь расписана на целый год вперед, и это расписание составляет ее основу. А что теперь? Теперь я спрашиваю себя: какой сегодня день? А ведь этого никогда не случалось со мной раньше на Даунинг-стрит». После ухода с поста премьера Тэтчер лишилась главного – деятельности. Давая в свое время определение преисподней, она заметила: «Ад – это место, где у тебя масса времени и ни одной мысли, что с ним делать»¹⁶.

В годы премьерства один из коллег Тэтчер подметил, что находиться рядом с ней – это все равно что жить на вулкане. Рабочую атмосферу того периода хорошо передает случай, описанный депутатом Д. Дэвисом, который однажды встретил в здании парламента, бегущего с полным бумаг подносом парламентского секретаря Тэтчер М. Форсайта. «Помедленнее! – крикнул Дэвис. – Рим строился не за один день». На что услышал от проносящегося мимо Форсайта: «Да, но прорабом на той стройке была не Маргарет». Советник Тэтчер по внешней политике П. Крэдок утверждал, что она была «невротически пунктуальной и никогда никуда не опаздывала». Люди, хорошо знавшие Маргарет, сравнивали ее с английским поездом, который всегда приходит по расписанию.

В июне 1991 года Тэтчер завершила парламентскую карьеру, объявив, что снимает свою кандидатуру на следующих выборах в Финчли, округе, который она представляла в Палате общин уже без малого 32 года. Чтобы хоть чем-то занять себя, «железная леди» начала устраивать лекционные туры. Это позволяло ей вновь оказаться на публике, почувствовать любовь масс и продолжить распространение идей тэтчеризма. К тому же это было весьма прибыльным занятием. Во время лекционного тура по США, например, который состоялся в 1991 году, за каждую полчаса лекцию она получала 50 тысяч долларов. Однако этим общественная деятельность баронессы не ограничивалась. С 1993 по 2000 год она была почетным ректором Колледжа Вильгельма и Марии в американском штате Виргиния, а с 1992 по 1999 год – почетным ректором Букингемского университета (первого частного университета Великобритании, учрежденного ею в 1975 году).

¹⁵ См.: Тьерно Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М., 2010. С. 503–504.

¹⁶ См.: Перегудов С.П., Тереньев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 306–307.

В 1991 году был основан фонд Тэтчер, целью которого стало развитие демократии и свободы и практическая помощь жителям Восточной Европы. Представительства были открыты в Вашингтоне, Лондоне и Варшаве. В 93-м Тэтчер опубликовала два тома своих мемуаров: «Путь к власти» и «Годы на Даунинг-стрит». Долгое время она размышляла о том, куда передать свой архив, и в итоге в 97-м году остановила выбор на Черчилль-колледже в Кембридже. Сэр Уинстон всегда был ее политическим кумиром, ей льстило сравнение с ним и грела мысль о том, что ее бумаги будут храниться рядом с архивом великого предшественника¹⁷.

Депрессия, связанная со стремительным окончанием карьеры, подорвала здоровье «железной леди». В 1994 году во время выступления в Чили у нее случился первый микроинсульт, а в 2000 году появились признаки старческого слабоумия: во время беседы с дочерью Тэтчер перепутала гражданскую войну в Боснии с фолклендским конфликтом. «Я всегда считала, что над ней не властны ни время, ни старость, – говорила впоследствии Кэрол Тэтчер. – Контраст был поразителен. Ведь у матери всегда была память, как у компьютера. В ходе парламентских слушаний она могла без запинки назвать уровень инфляции в любом году вплоть до времен Уильяма Гладстона»¹⁸.

В течение последующих лет Тэтчер стала все чаще терять нить разговора, забывать к концу предложения о том, что она говорила вначале. Без бумажки ее выступления превращались и тяжелое испытание как для слушателей, так и для самого оратора. К 2002 году она пережила еще два микроинсульта и объявила о том, что прекращает публичную деятельность.

В июне 2003 года от рака поджелудочной железы скончался ее муж Дэнис. В день его смерти над центральным офисом Консервативной партии был приспущен «Юнион Джек». Дэнис всегда вел себя как принц-консорт при королеве, не давал интервью и вообще избегал публичности. Пресса любила изображать его богатым бездельником, занятым исключительно выпивкой и игрой в гольф. Однако в действительности муж Тэтчер обладал недюжинной деловой хваткой и был главным вдохновителем проводимого ею курса. Знающие их люди говорили, что Маргарет доверяла его суждениям и даже позволяла собою командовать.

После смерти мужа Тэтчер окончательно замкнулась в себе и практически не появлялась на публике. Одним из таких редких моментов стала церемония открытия памятника баронессе в британском парламенте (Тэтчер стала первым премьером, которому установили памятник при жизни). Бронзовая статуя с вытянутой правой рукой расположена напротив статуи политического кумира Маргарет – Уинстона Черчилля. «Я бы предпочла статую из железа, – заявила Тэтчер, выступая в Палате общин, – но бронза мне тоже подходит. Она не заржавеет»¹⁹.

Рассказывают, что в 2006 году, встретившись с Горбачевым на благотворительном аукционе в Лондоне, Тэтчер спросила: «Михаил, а тебе бы еще хотелось порулить?» И когда бывший советский генсек ответил отрицательно, «железная леди» пожалала плечами и произнесла задумчиво: «А я бы еще порулила»²⁰.

Как полагает Н.К. Капитонова, упоение собственным величием не позволило Тэтчер вовремя разглядеть угрозу, созревавшую в собственной партии. В 1989 г. ее лидерству был брошен первый вызов со стороны баронета сэра Энтони Мейера –

¹⁷ См.: Перегудов С.П., Терентьев А.А. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. М., 2014. С. 307–308.

¹⁸ Там же. С. 308–309.

¹⁹ Там же. С. 309.

²⁰ Там же. С. 306.

бывшего военного и европейца. Это был пробный шар, но мелковатый против такого «тяжеловеса», как Тэтчер, поэтому он и проиграл со счетом 33 против 314. Один из исследователей того периода Э. Уоткинс сравнил это с тем, как если бы герцогиня Кентская потребовала отречения королевы Елизаветы в свою пользу. Но сам факт его выдвижения стал своего рода сигналом для других недовольных политикой премьера, и уже следующему претенденту – бывшему министру обороны М. Хезлтайну – практически удалось совершить невозможное – отправить Тэтчер в отставку.

Серьезное недовольство коллег вызывала бескомпромиссность премьера в европейских делах: она шла вразрез с настроениями в стране, ведь опросы общественного мнения показывали рост доброжелательности британцев к ЕЭС: разработку европейской конституции поддерживали 52% опрошенных, углубление интеграции – 50%, а среди представителей бизнеса этот показатель поднялся до 94%. Незаметно для себя самой Тэтчер превратилась из «женщины завтрашнего дня» в «женщину дня вчерашнего», став препятствием на пути к победе тори на следующих выборах и, подобно Черчиллю, обузой для партии. Известный британский журналист М. Доббс назвал ее «политическим Чернобылем, от которого столь многие вынуждены дистанцироваться». Учитывая все это, сплотившиеся против Тэтчер коллеги – бывшие соратники убедили ее не участвовать во втором туре выборов лидера партии в ноябре 1990 г., по существу, заставив уйти в отставку. Она сделала это после одержанной в первом туре победы (204 голоса против 152), не набрав лишь четыре голоса для того, чтобы эта победа стала окончательной²¹.

Британские (и не только) премьер-министры, как правило, не хотят добровольно уходить в отставку, если только не проиграли выборы и у них нет серьезных проблем со здоровьем. Вспомним, как долго и болезненно уходил Черчилль, как не хотел уходить Хит, как долго не мог решиться на отставку Блэр. На их фоне лишь добровольная отставка лейбориста Г. Вильсона в 1976 г. выглядит как исключение. Сам по себе уход в отставку – это всегда большая психологическая травма, а учитывая обстоятельства ухода Тэтчер (которая отказалась от дальнейшей борьбы за пост лидера, чтобы сохранить перспективы на победу у партии, не допустить ее раскола, а также избежать унижения) – это травма вдвойне. Позже баронесса охарактеризовала это как «предательство с улыбкой на лице», «конституционный переворот» и «удар в спину», который она никогда не забудет и никогда не простит. **«Кровавым дворцовым переворотом»** назвали ее свержение лейбористы. Тэтчер, по словам ее преемника **Дж. Мэйджора**, должна была чувствовать себя «изгнанной, обманутой и преданной». По иронии судьбы ее заставили уйти в отставку тогда, когда, разделавшись со всеми врагами (профсоюзами, лейбористской партией, аргентинской хунтой и социалистической системой), она достигла зенита своего могущества. Объявление об отставке вызвало прилив небывалой теплоты к Тэтчер со стороны как соратников по партии, так и рядовых британцев, а также уважение оппозиции. Она подчинилась обстоятельствам и ушла красиво, а это удел выдающихся премьер-министров. После произнесенной ею последней речи в Палате общин, по мнению многих, – одной из лучших в ее жизни – даже некоторые оппозиционные депутаты обзывали своих коллег на правительственной скамье иудами. Некоторым утешением для Тэтчер стало то, что таким же образом тори поступили в свое время с Черчиллем²².

²¹ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 132–233.

²² Там же. С. 134.

Впоследствии, после сокрушительного поражения на всеобщих выборах 1997 г., консервативная партия взяла курс на расширение прав рядовых членов, создание условий, при которых фракция тори в парламенте не могла бы больше с подобной легкостью убирать с поста лидера, по какой-либо причине утратившего ее доверие, как это случилось с Тэтчер. Многие были согласны с лордом Арчером, заявившим на конференции 1997 г., что будущее тори, выборы лидера и обсуждение партийного курса «не должны принадлежать небольшой группе парламентариев, которые воображают, что они обладают высшим разумом, недоступным всем нам».

Тэтчер возлагала большие надежды на своего преемника и «воспитанника» **Дж. Мэйджора**, победе которого на выборах лидера она всячески содействовала, полагая, что при нем останется востребованной, заняв место «на скамье запасных». Она знала, что передача власти от одного премьера другому в Великобритании происходит очень быстро, но обстоятельства этой передачи оказались для нее оскорбительными: ей не позволили появиться с новым лидером перед журналистами; покидая квартиру на Даунинг-стрит, 10, она хотела заглянуть в свой кабинет, чтобы убедиться, что забрала оттуда все свои вещи, но обнаружила, что кто-то поспешил вытащить ключ от него из ее связки. Это были, конечно, мелочи, но они добавили горечи ее состоянию. Она покидала свою резиденцию со слезами на глазах. Очень скоро Тэтчер возненавидела не оправдавшего ее надежд преемника, который выглядел на фоне сильной и доминирующей личности своей предшественницы слабым и второразрядным руководителем²³.

После ухода в отставку она была награждена высшим королевским орденом «**За заслуги**», заполнив вакансию, освободившуюся после смерти выдающегося британского актера сэра Лоуренса Оливье (кавалерами ордена одновременно могут быть лишь 24 человека). Титул барона, дарованный Дэнису в 1990 г. (и впоследствии перешедший к Марку), сделал Маргарет баронессой – леди Тэтчер, а в 1992 г. она стала пожизненным пэром – баронессой Тэтчер Кистивенской. Ей пришлось расстаться со многими бесценными подарками, преподнесенными в ходе 77 официальных визитов за рубеж, в том числе серебряным сервизом от султана Омана, жемчужным ожерельем от принца Халида из Саудовской Аравии, золотым браслетом с бриллиантами и рубинами от султана Брунея и другими уникальными драгоценностями. Особенно дорого для нее было платиновое ожерелье от султана Кабуса, украшенное бриллиантами и сапфирами. Этим украшениям могла позавидовать сама Елизавета. Увидев как-то кольцо, которое она привыкла считать своим, на супруге преемника Норме (та появилась в нем по торжественному случаю), баронесса устроила премьер-министру Мэйджору настоящий скандал, успокоившись лишь после того, как он пообещал, что этого впредь не повторится.

Для сохранения наследия Тэтчер был создан фонд ее имени, финансирующий международные проекты, связанные с поддержкой демократических институтов и рыночной экономики. Ее кабинет в фонде обустроили по образцу кабинета на Даунинг-стрит, 10, добавив бюсты Черчилля, Рейгана и Дэниса. Частые выступления баронессы в странах Европы, Азии и Америки хорошо оплачивались (50 тысяч долларов за лекцию), особенно любила она посещать Соединенные Штаты, где ее лекции всегда проходили на «ура». (В 1992 г. автору довелось побывать на одном из таких выступлений в Питтсбурге и лично наблюдать восторженное отношение зала к докладчице, с гордостью сообщившей, что она «разделалась с коммунизмом» в Советском Союзе

²³ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 134–135.

и Восточной Европе.) Тэтчер также стала консультантом гигантской табачной корпорации «Филип Моррис», получив за свои услуги за три года 1 млн долл.²⁴

Жизнь детей баронессы сложилась по-разному. Любимчик Марк, ставший «международным бизнесменом», женился на американке, что сделало внука Тэтчер американцем по рождению, позволив ей хотя бы таким образом стать ближе к любимым Соединенным Штатам. Марк частенько использовал имя матери и положение сына премьер-министра для проталкивания выгодных сделок, сколотив на этом 40-миллионное состояние. Обычно он сопровождал мать в ее поездках в страны Персидского залива, с которыми заключались крупные сделки по продаже вооружений: частью этих сделок был и сын Тэтчер, выступавший в качестве посредника в отношении британских фирм и получавший за это щедрые комиссионные. Порою Тэтчер проводила переговоры с глазу на глаз, без сопровождавших ее лиц (например, с султаном Омана), что вызывало подозрения у ее личного секретаря. Впоследствии, не отрицая, что знала о получении сыном немалой выгоды, она оправдывалась тем, что «сражалась за Британию». Марку платили за то, что он обеспечивал прямой доступ к премьер-министру, которая полностью доверяла его мнению и, случалось, после его жалоб даже меняла послов. В странах, отличающихся «семейным правлением», Марка считали своего рода «наследным принцем», поэтому в его участии в переговорах не видели ничего необычного. Его подозревали также в продаже вооружений Южной Африке в обход эмбарго, в поставках Ираку технологии производства химического оружия. Летом 2016 г. был рассекречен большой массив документов периода правления Тэтчер, за исключением папки, касающейся сделок с участием ее сына: их представят публике лишь в 2053 г., когда сэру Марку исполнится 99 лет²⁵.

Тэтчер была убеждена в финансовой гениальности сына, утверждая не раз, что «Марк мог бы продать лед эскимосам и песок арабам». В середине 80-х он перебрался в США, и американской стороне пришлось взять на себя обеспечение его безопасности, а затем, окончательно потеряв репутацию из-за махинаций с налогами и торговли оружием, став там персоной нон грата, – в ЮАР. Тэтчер приходилось не раз спасать сына: так, в частности, в середине 90-х она оплатила его долг в США на сумму 700 тысяч долларов. В 2005 г. по обвинению в содействии государственному перевороту в Экваториальной Гвинее, который пытались осуществить США и Великобритания, Марк получил условный срок за «непреднамеренное» финансирование путчистов и вынужден был выплатить штраф в 265 тысяч ф. ст. Ему еще крупно повезло по сравнению с товарищем по несчастью, который получил за подготовку переворота 34 года заключения. После развода с женой (миллионершей из Техаса) он обосновался в Испании.

Проблемы с Марком добавляли беспокойства Тэтчер, подрывая ее здоровье. Неудивительно, что она благоволила к Т. Блэру, в котором видела «хорошего сына», которого была лишена в жизни²⁶.

Поначалу Тэтчер приглашали на Даунинг-стрит, 10, продолжали предоставлять кое-какую важную информацию, чтобы показать, что она не забыта. И все же она страдала от невостребованности. Как заметил однажды Ч. Пауэлл, «в составе рыболовного флота дредноут выглядел лишним». Она воспряла во время войны в Персидском заливе и даже регулярно звонила министру обороны Т. Кингу, давая советы по поводу необходимых, с ее точки зрения, дальнейших шагов правительства. Недо-

²⁴ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 136.

²⁵ Там же. С. 137.

²⁶ Там же. С. 137–138.

вольная внезапным прекращением военных действий и уверенная в том, что следовало идти до Багдада и свергать Саддама Хусейна, Тэтчер обвинила премьера в том, что у него просто не хватило духа завершить начатое. Это было несправедливо, так как решение о прекращении войны, принятое американцами без каких-либо консультаций с Лондоном, стало неожиданным для британского руководства: его просто поставили перед фактом, объявив, что война считается законченной.

Наблюдая за тем, как постепенно рассыпается та конструкция, которую она создавала в течение 11 лет, как новое правительство демонстрирует «желание отменить многое из того, чего мы достигли», Тэтчер все более ощущала себя обманутой. После того как «тигрицу заточили в Палату лордов, хомяки показали зубы»: сыгравший главную роль в ее отставке Хезлтайн был назначен министром, а затем и заместителем премьера; было принято решение о пересмотре «подушного» налога. Она оказалась совершенно не готовой к тому, что проводившаяся ранее политика будет так быстро изменена на противоположную (с легкой руки нового министра финансов К. Кларка этот курс называли «тэтчеризмом с человеческим лицом»).

Но главным, что задело ее за живое, была корректировка курса в отношении Евросоюза, провозглашенное ее преемником желание «быть в сердце Европы». Это резко контрастировало с той политикой, что проводила она. Как удачно заметил К. Бейкер, разница между двумя премьерами состояла в том, что Мэйджор хотел «быть в сердце Европы, в то время как Тэтчер предпочитала быть у ее горла»²⁷.

Ее первой реакцией на подписание Мэйджором Маастрихтского договора (в нем, среди прочего, стороны согласились создать валютный и политический союз, против чего баронесса решительно возражала) было заявление о том, что он «блестяще» справился с переговорами. Однако очень скоро, после того как она разобралась, что к чему, отношение Тэтчер к договору кардинально изменилось, и это навсегда отравило их взаимоотношения. Она призвала преемника пересмотреть договор и вернуться к проводимому ранее курсу. Объединив вокруг себя единомышленников, противников премьер-министра, Тэтчер развязала настоящую войну в партии, выступив решительно против «федералистской утопии», ратификации договора и за проведение референдума по этому вопросу. Она не щадила Мэйджора, называя его «безыдейным» и «серым» человеком, продолжая в своих многочисленных выступлениях и интервью обвинять его не только в уступках ЕС, но и в «бесхребетности» британской политики на Балканах. Это мнение разделялось ее «двором», считавшим лидера и премьера личностью «ничтожной», неспособной «осознать величие тэтчеризма». Собрания в ее доме, как свидетельствует один из участников, напоминали «правительство в изгнании». Это еще более способствовало расколу тори на «евроскептиков» и «евроэнтузиастов», став одной из главных причин провала партии на парламентских выборах 1997 г. Тэтчер поддавалась «умиротворению» лишь в периоды ежегодных партийных конференций, а также парламентских выборов, когда ей приходилось поддерживать лидера собственной партии, по окончании этих событий война возобновлялась²⁸.

Баронесса не привыкла бросать своих друзей в беде: в августе 1991 г. она обратилась к советскому народу с призывом не поддерживать ГКЧП и готова была возглавить международную комиссию, которая должна была встретиться с Горбачевым в Форосе и дать заключение о состоянии его здоровья. Это вызвало беспокойство и раздражение на Даунинг-стрит, 10, где были озабочены тем, чтобы сохранить хорошие отношения как с новой, так и со старой властью в России.

²⁷ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 138–139.

²⁸ Там же. С. 139–140.

С большим трудом ее удалось отговорить от этой авантюрной затеи. Точно так же она не могла не отреагировать на арест в октябре 1998 г. в Лондоне бывшего диктатора Чили А. Пиночета, который оказал поддержку Великобритании в ее конфликте с Аргентиной: баронесса дважды обращалась к премьер-министру Блэру с требованием его освобождения²⁹.

Благожелательные отношения сложились у нее с лидером лейбористов Тони Блэром, который отзывался с похвалой о стиле руководства баронессы, признавал достижения проводимого ранее экономического курса, сделавшего ставку на эффективность и обеспечившего свободу выбора. Вобравший в себя элементы тэтчеризма, «новый лейборизм» стал составной частью провозглашенного Блэром «третьего пути». Убежденным поклонником Тэтчер являлся и отец Блэра Лео, который чуть было не стал членом парламента от консервативной партии, но этому помешала болезнь. Баронессе нравилось стремление Блэра к лидерству, а также его отказ от национализации как одной из целей лейбористской партии. Она назвала лидера лейбористов «величайшим достижением» тори, подвигнувших своих оппонентов к изменению. После того как ее борьба против Маастрихта не увенчалась успехом, Тэтчер «добила» собственное ослабленное внутрипартийной борьбой правительство, сыграв накануне парламентских выборов 1997 г. на руку лейбористам: в интервью газете «Таймс» она, по существу, поддержала Блэра, заявив, что он не подведет Британию. После этого массовые британские газеты, выступавшие ранее за консерваторов, немедленно переориентировались на лейбористов, что и обеспечило им победу³⁰.

Уже через месяц после прихода к власти Блэр и Браун принимали многоопытного государственного деятеля на Даунинг-стрит, 10 и выслушивали ее советы. Одним из них был следующий: «Никогда не позволяйте загонять себя в угол». На первых порах Блэр всячески обхаживал баронессу, советовался относительно целесообразности наземного вторжения в Югославию в связи с Косово, а также перед встречей в 2000 г. с Путиным, напоминая «молодого принца, ублажающего престарелую королеву». Этот затянувшийся «медовый месяц» в их отношениях закончился осенью 2000 г., после того как на последней перед выборами партийной конференции Блэр обрушился на «силы консерватизма», заклеив тори как «партию охоты на лис (другими словами – аристократии, для которой такая охота является традиционным развлечением. – Н.К.), Пиночета и наследных пэров». Его мишенью была Тэтчер, ведь именно она проявила себя в качестве неистового защитника арестованного в Лондоне диктатора. Блэр пошел еще дальше, санкционировав атаку на баронессу во время предвыборной кампании 2001 г.: именно так расценили изображение на постерах лидера консерваторов У. Хейга с ее прической и жемчугом в ушах, дополненное следующей надписью – «Идите на выборы, иначе они вернуться!»³¹.

Нельзя не сказать несколько слов об отношениях Тэтчер с «четвертой властью» – британскими СМИ. С момента своего появления в парламенте она пользовалась повышенным вниманием прессы как самая молодая, фотогеничная и многообещающая дебютантка. Вместе с тем работа на ниве образования, а позже – выдвижение на пост лидера партии вызвали масштабную антитэтчеровскую кампанию, в ходе которой были извлечены на свет все ее прошлые грехи, поставлена под вопрос целесообразность избрания на пост лидера женщины, не имеющей к тому же политического опыта. Несмотря на то, что после Фолклендской победы тональность сменилась на противоположную, отдельные нападки, часто несправедливые,

²⁹ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 140–141.

³⁰ Там же. С. 141.

³¹ Там же. С. 141–142.

никогда не прекращались. Складывалось впечатление, что СМИ намеренно не показывали «человеческие» стороны ее натуры. Как-то раз Тэтчер приняла участие в торжественном открытии новой больницы. Она провела значительно больше времени, чем предполагалось программой, у постелей больных и в беседах с персоналом, где ее сопровождали камеры. Но в репортаже, показанном по телевидению, дали только эпизод, зафиксировавший бросок яйца в отъезжавшую машину одним из участников демонстрации.

Не удивляет, что Тэтчер не любила общаться с журналистами, делая это только по необходимости. В отличие от других политиков она не заигрывала с прессой, не старалась понравиться. Брать у нее интервью было сущим наказанием – она всегда оказывалась подготовленной лучше интервьюера. Многие наши соотечественники еще помнят, с какой легкостью она расправилась с тремя корифеями отечественной журналистики, бравшими у нее интервью на телевидении в Москве в апреле 1987 г. Обычно Тэтчер бывала многословна, ей хотелось до конца разъяснить свою мысль, поэтому интервью были больше похожи на монолог. (По выражению одного из политиков, «она считала, что может обращаться с интервьюерами, как с членами кабинета».) Однажды телеведущий осмелился напомнить ей, что она находится не на партийной политической передаче и он должен хотя бы иногда задавать вопросы. Приняв это к сведению, Тэтчер продолжала в том же духе, а ведущий «был раздавлен с легкостью, с какой паровой каток с тщательно уложенной прической давит бланманже»³².

Выигравшая не все свои сражения, **Тэтчер** с большим трудом признавала ошибки, в которых она, как правило, винила других. Это хорошо видно в опубликованных уже в 1993 г. мемуарах баронессы «Годы на Даунинг-стрит»: на этом названии настояло издательство, сама же Тэтчер предпочитала другое – «Непобежденная». Она очень гордилась тем, что сама написала каждую строчку их первого варианта. Тэтчер сводит счеты с «предавшими» ее коллегами и, награждая их язвительными характеристиками (раздавая «всем сестрам по серьгам»), по обыкновению, обвиняет в своих просчетах других. Она не признала ошибкой введение поднявшего страну на дыбы «подушного» налога, посчитав своей единственной неудачей политику в вопросе объединения Германии. Более того, все успехи одиннадцатилетнего правления она приписала своему мудрому руководству. Это не осталось незамеченным соратниками, например Дж. Хау, который обратил внимание на то, что поездка в Советский Союз в 1987 г. подается в мемуарах как «визит королевской особы без сопровождающих лиц: на 12 страницах, посвященных описанию визита, Маргарет ни разу не упоминает ни одного члена своего окружения»³³. Другой бывший министр – Д. Хэрд – посчитал, что было бы лучше, если бы она повременила с мемуарами хотя бы пять лет: достаточное время для того, чтобы прошел гнев. Из-за неумелых действий Марка, ставшего литературным агентом матери и заломившего непомерно завышенную цену, она в итоге получила за свои мемуары лишь 3,5 млн ф. ст.

Второй ее опус – «Путь к власти», – посвященный детству и юности в Грэнтеме, а также восхождению к политическим вершинам, вышел в 1995 г. В нем она резко критикует своего преемника Мэйджора и политику его правительства, особенно в Евросоюзе, утверждая, что никогда бы не подписала договор, подобный Маастрихтскому. Наконец, в 2003 г. была опубликована главная книга Тэтчер «Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира», ставшая ее своеобразным политическим завещанием. В ней она подвела итоги эпохи холодной войны

³² См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 142–143.

³³ Там же. С. 144–145.

и представила свое видение современной картины мира. Размышляя о холодной войне, она дала высокую оценку роли Великобритании (и своей собственной), без твердой поддержки которой США и Западу вряд ли удалось бы одержать столь убедительную победу, притом «без единого выстрела». Она откровенно высмеяла горбачевское «новое мышление», по существу, подтвердив его использование Западом в качестве орудия развала социалистического содружества и Советского Союза. Отметая его излюбленное утверждение, что «в холодной войне не было победителей», Тэтчер уверенно заявила, что победил Запад, а лавры главного архитектора этой победы возложила на Рейгана³⁴.

Каждая глава книги завершается четкими рекомендациями для Великобритании, как надо решать проблемы нового тысячелетия. Подобно Черчиллю, главной установкой она считает укрепление союза с США, проявляя в этом вопросе завидное постоянство. (Б. Ингем отмечал в свое время, что с Тэтчер было легко работать, так как она не меняла взглядов «от часа к часу, ото дня ко дню, от недели к неделе, от месяца к месяцу, от года к году, от десятилетия к десятилетию».) Баронесса приветствовала образование однополярного мира, отвергла многосторонность (использование силы не иначе как под эгидой ООН), которая, по ее словам, уже стала «почти навязчивой идеей». Она поставила под сомнение выдвинутую Блэром доктрину «гуманитарного вмешательства», охарактеризовав ее как «установку на неразбериху», «распыление сил» и «отказ Америки от глобальной ответственности». «Нам следует всячески остерегаться использования доктрины гуманитарного вмешательства в качестве главного, а тем более единственного оправдания применения силы», – подчеркивала Тэтчер. В то же время она горячо поддержала вмешательство в принципе, указав, что они должны быть нечастыми и «ошеломляющими по своим результатам». По мнению баронессы, в истории человечества культурные достижения и материальные успехи отдельных стран не имеют значения – главную роль играла и будет играть военная мощь, поэтому она призвала «резко повысить количество и качество военных расходов»³⁵.

Глава, посвященная России, называется «Российская загадка». Рассматривая нашу страну как тоталитарное государство с традицией тиранического правления, нечто «совершенно чужеродное и неевропейское», Тэтчер признала, что «Россия всегда отличалась уникальной способностью удивлять», поэтому «любой прогноз в отношении нее должен быть ограничен массой оговорок». Она предложила строить отношения с Россией (которую нельзя пока считать «нормальной страной») на основе ясного понимания ею особых интересов Запада на постсоветском пространстве (в странах Балтии, на Украине, Кавказе и в Центральной Азии). Опытный политик, она сделала ряд откровенных признаний. «Тот факт, что русские неохотно, но все же согласились на операцию в Косово и в конце концов помогли посадить президента Слободана Милошевича за стол переговоров, отражает скорее их слабость, а не добрую волю». «В конечном счете ядерное оружие, вероятно, будет использовано». «Как пронизательный прагматик, г-н Путин должен ясно понимать, что НАТО практически вплотную подошло к тому, чтобы стать всемирным полицейским». Какой бы привлекательной на первый взгляд ни казалась идея вступления России в НАТО, Тэтчер высказалась категорически против, рассматривая ее как чрезвычайно опасную для альянса³⁶.

³⁴ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 145–146.

³⁵ Там же. С. 146–147.

³⁶ Там же. С. 147.

Она дала оценку путей развития Китая, Индии, стран Ближнего и Дальнего Востока, ситуации на Балканах. Но по-настоящему страстно ее голос звучит в вопросах углубления европейской интеграции. Баронесса считает, что все последние события глобального масштаба – объединение Германии, война на Балканах, потрясения на финансовых рынках и пр. – «подталкивали к созданию политически единой Европы», представляющей собой «правительство бюрократов для бюрократов». Охарактеризовав подписание Мэйджором Маастрихтского договора как «предательство», она отвергла и идею создания «европейской оборонной идентичности» – подписание Блэром в 1998 г. Декларации Сен-Мало, которая, по ее мнению, дала французам «козырь в их антиамериканской игре». Тэтчер убеждена в том, что Великобритания не может эффективно воздействовать на германо-французскую ось, «даже если бы ее нынешнее правительство и захотело это сделать». Не оправдал ее надежд и Единый европейский акт, положения которого «были неправомерно использованы для проталкивания корпоративистского и коллективистского законодательства в Великобританию с черного хода». Она призвала денонсировать Европейскую конвенцию по правам человека, ни в коем случае не присоединяться к единой валюте, которая, по ее глубокому убеждению, обречена на провал. «Мы подошли к роковой черте, – заявила баронесса. – Опыт показывает, что попытки установить модус вивенди с Европой в любой значимой сфере политики всегда заканчивались неудачей». Поэтому она предложила не тратить больше времени на разговоры о «меняющейся геометрии», «многовариантности», «гибких условиях» и пр., а коренным образом переосмыслить отношения с ЕС и пересмотреть условия участия в нем, с тем чтобы «обеспечить защиту наших национальных интересов и суверенитета». Другими словами, «готовиться к выходу из ЕС в том виде, который он приобретет к моменту переговоров о пересмотре условий, и установлению новых связей с европейскими и неевропейскими странами на совершенно другой основе». В качестве альтернативы Евросоюзу Тэтчер предложила НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле США, Канады и Мексики), главным преимуществом которого перед ЕС является то, что это «не таможенный союз и не политико-административная структура с грандиозными устремлениями»³⁷.

Несмотря на распространенный в партии «евроскептицизм» и ее сдвиг вправо, взгляды Тэтчер не были в то время поддержаны руководством тори, которое занимало более гибкую позицию в отношении ЕС, не призывая к выходу из союза. Но через 10 лет антиевропейские идеи Тэтчер овладели массами, и 23 июня 2016 г. британцы решились положить конец этой «мыльной опере» – нескончаемой борьбе Британии с брюссельской бюрократией и европейскими партнерами за особые условия своего членства в ЕС – и проголосовали на референдуме за выход из Союза. Любопытно, что не уверенный в исходе голосования Кэмерон решил привлечь авторитет покойной баронессы для подкрепления своего призыва к британцам не голосовать за выход: очевидно, по просьбе Даунинг-стрит, 10 бывший советник Тэтчер, а ныне лорд Пауэлл заявил, что она была бы удовлетворена теми уступками Брюсселя, которые были выторгованы премьером на февральском саммите ЕС 2016 г., и наверняка голосовала бы против «брекзита». Как отметили евроскептики, обращение к авторитету покойной свидетельствовало о том, что дела премьера совсем плохи (что и подтвердилось на референдуме). Заявление Пауэлла было моментально опровергнуто лордом Форсайтом, тесно общавшимся с баронессой в парламенте, который отметил ее интерес на склоне лет лишь к одному сюжету – необходимости выхода Британии из ЕС, хотя ее убедили не высказываться об этом публично³⁸.

³⁷ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 147–148.

³⁸ Там же. С. 149.

3.2. Уход из жизни

Бурное политическое прошлое, а также смерть мужа не могли не сказаться на здоровье **Тэтчер**: к своему 80-летию, которое отмечалось с размахом (650 гостей, включая Елизавету и принца Филиппа, президента Италии, Тони Блэра, знаменитых актеров и большинство членов ее кабинета), она пережила ряд микроинсультов и вынуждена была отойти от политической деятельности. И тем не менее в преддверии своего юбилея по-прежнему сильная духом баронесса удивила Горбачева признанием, что не отказалась бы еще раз «поручить».

В последние годы она совсем сдала, страдая от прогрессирующего склероза, и доживала свой век дома, практически покинутая детьми (Марк проживал в Испании, Кэрол – в Швейцарии) и внуками. Ее навещал узкий круг друзей, состоявший из бывших советников и многолетнего личного секретаря. О проблемах у Тэтчер с памятью никто бы так и не узнал, если бы не «заботливая» дочь, решившая свести таким образом счеты за свое «тяжелое детство» с «холодной» матерью. В опубликованной ею книге с игривым названием «Заплыв в аквариуме с золотыми рыбками» Кэрол подробно описала «историю болезни» Тэтчер, предав гласности то, что тщательно скрывали друзья баронессы: ее заболевание старческим слабоумием. Этот низкий поступок ничего не представляющей из себя дочери, пиарящейся на болезни своей выдающейся матери, не мог не вызвать теплоты и сочувствия к баронессе³⁹.

Тэтчер умерла от инсульта в возрасте 87 лет 8 апреля 2013 г., сидя в кресле в своем номере в отеле, куда переехала из-за того, что нуждалась в постоянном уходе. Она пережила мужа на 10 лет. Чтобы отдать дань ее памяти, депутаты прервали пасхальные каникулы и собрались на чрезвычайную сессию. В большинстве выступлений баронессе воздали почести как выдающемуся лидеру и женщине, «спасшей страну от послевоенного упадка» и вновь «сделавшей ее великой» (премьер-министр Кэмерон), «уникальной и возвышающейся фигуре» (лидер оппозиции Милибэнд). Однако уход Тэтчер вызвал и другую реакцию у многих британцев, ненавидевших ее со времен премьерства: они устроили глумливую пляску на костях покойной, разгуливая с плакатами «Ведьма мертва!» и распивая по этому случаю шампанское⁴⁰.

Смерть Тэтчер прервала обычный ход политической жизни Британии, чей парламент в начале апреля был на пасхальных каникулах. Через два дня после кончины экс-премьера депутаты собрались на специальное заседание, посвященное обсуждению наследия Маргарет Тэтчер. Нынешний премьер-министр, консерватор Дэвид Кэмерон заявил, что «она создавала политическую погоду, она делала историю, и она, пусть это будет ее эпитафией, вновь сделала нашу страну великой». Лидер оппозиции, глава лейбористов Эд Милибэнд тактично назвал Тэтчер «гигантской фигурой, определившей свою эру». Действительно, Маргарет Тэтчер беспрерывно правила Британией с 1979-го по 1990 год – 11 лет, дольше, чем любой другой премьер-министр страны в XX веке. И ее экономическая, внешняя и социальная политика определили Британию 1980-х⁴¹.

Однако уважительный тон партийных лидеров быстро сменился обменом мнениями на повышенных тонах. «Ее политика оказалась вредительской и причинила огромную боль и страдания обычным людям», – отметил депутат-лейборист Дэвид

³⁹ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 149–150.

⁴⁰ Там же. С. 150.

⁴¹ См.: Кокшаров А. Женщина, изменившая Британию // Эксперт. 2013. № 15. С. 70–71.

Уинник. Еще жестче высказалась его коллега по партии Гленда Джексон. «Алчность, эгоизм, отсутствие заботы о более слабых. Острые локти и острые колени. Вот таким было видение прогресса у Тэтчер». Вице-премьер нынешнего коалиционного правительства либерал-демократ Ник Клегг раскритиковал Железную -леди за то, что она во времена премьерства в одном из интервью заявила: «Такой вещи, как общество, не существует». Впрочем, депутаты-тори немедленно обвинили Клегга в манипулировании цитатами.

Если в парламенте все и сохранялось в рамках приличия (хотя в адрес той же Джексон тори подали официальную жалобу), то на улицах и в интернете реакция оказалась менее сдержанной. В лондонском районе Брикстон (где в 1981 году прошли выступления против экономической политики Тэтчер) и в центре шотландского Глазго на улицы вышли десятки и сотни британцев, чтобы отпраздновать смерть экс-премьера. Там пили шампанское и запускали в воздух воздушные шары. Бурное празднование сопровождалось битьем витрин магазинов и нанесением на стены граффити с политическими лозунгами, поэтому полиция провела аресты⁴².

Похороны М. Тэтчер сопровождалась воинскими почестями – гроб с телом экс-премьера пронесли через весь Лондон, от Вестминстера до собора Святого Павла, где прошли панихида и церемония прощания. Расходы на похороны «железной леди» составили 10 млн долларов из государственного бюджета.

Свое состояние баронесса разделила на три части – сыну, дочери и внукам. Церемония похорон Тэтчер под кодовым названием «Настоящий синий» (этот цвет является цветом консервативной партии) была утверждена с ее согласия еще в 2010 году. Это были не «государственные» (так хоронили только Черчилля), но «церемониальные» похороны (включавшие военный компонент), достойные королевской особы, которые обошлись правительству в 3,6 млн ф. ст. (из-за опасений массовых протестов более 3 млн из них было потрачено на обеспечение безопасности)¹. Гроб с телом Тэтчер, установленный на лафете пушки, проследовал 17 апреля под звуки пушечных выстрелов и звон колоколов от здания парламента к собору Святого Павла – усыпальнице британских национальных героев. Состоявшаяся в нем церемония отпевания дочери бакалейщика почтили своим присутствием королева Елизавета, а также главы двух государств, 11 действующих премьер-министров и 17 министров иностранных дел.

Про Тэтчер пишут книги и пьесы, снимают кинофильмы. Ее образ возникает на экранах гораздо чаще других британских премьеров, за исключением Черчилля. Задавшей тон британской политике на несколько десятилетий «железной леди» поставили прижизненный памятник: ее бронзовая фигура установлена в вестибюле Палаты общин напротив скульптуры другого выдающегося британца – Черчилля, который удостоился столь высокой чести лишь после смерти⁴³.

⁴² См.: Кокшаров А. Женщина, изменившая Британию // Эксперт. 2013. № 15. С. 71.

⁴³ См.: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 151.

3.3. Психологический портрет «железной леди». Чувство юмора и внешность⁴⁴

Характер Тэтчер во многом определил проводимую ею политику. Воспитанная отцом в духе викторианских добродетелей, Тэтчер сделала их ориентиром в политической жизни. Она идеализировала эпоху правления королевы Виктории, когда Великобритания находилась в зените своего могущества. Неоднократно подчеркивая, что в тот период люди много и упорно трудились, жили по средствам, рассчитывая только на себя, платили по счетам в срок, откладывали на черный день, она наивно полагала, будто викторианские ценности середины XIX в. помогут возродить былое величие страны. Приверженность Тэтчер этим ценностям подвергалась справедливой критике не только со стороны лейбористов, напоминавших ей, что в тот период страдала от угнетения значительная часть народа, но и со стороны многих видных консерваторов: Ф. Пима, Я. Гилмура, бывшего премьер-министра Г. Макмиллана, а также других сторонников концепции «одной нации» (создания в стране одной нации в противовес разделению на нацию бедных и богатых), ставшей составной частью «нового торизма» первых послевоенных десятилетий. В своей книге «Политика согласия» бывший министр обороны, а затем и иностранных дел ее правительства Ф. Пим полемизирует с Тэтчер, обращая внимание на то, что превозносимые ею викторианские добродетели неотделимы от социального равнодушия, подавления, жестокости.

Тэтчер сравнивали с лидером либералов конца XIX в. **Гладстоном**, который также считал себя миссионером, борющимся со злом, и вызывал самые разные чувства у британцев. Обоих заставили уйти в отставку коллеги. По своим взглядам она была ближе к традиционным либералам, чем к консерваторам (в том числе к Черчиллю). Такою ее видели и Т. Блэр, и Г. Макмиллан, и экономист М. Фридман, как-то назвавший ее «либералом девятнадцатого века». Более того, Тэтчер представляла собой довольно редкое сочетание – либерала в экономике, националиста в политике, твердо отстаивающего интересы страны. Достоинство уважения, что интересы отечества она всегда ставила выше собственных интересов. В течение долгого времени слово «патриот» было в Великобритании почти ругательным, особенно в среде интеллигенции. Она же никогда не скрывала своих патриотических убеждений. «Меня гораздо больше интересует, что говорят о нашей стране, а не обо мне», – заявила Тэтчер, поставившая перед собой цель вновь вывести Великобританию на передовые рубежи в мире.

В отличие от Блэра, который сразу же после прихода к власти начал вводить новые правила и редко бывал на заседаниях, Тэтчер с большим уважением относилась к парламенту и его традициям. Она всегда очень тщательно готовилась к выступлениям и ответам на вопросы в палате общин. Уже в своем первом выступлении в палате в 1959 г. она продемонстрировала полное отсутствие какой-либо нервозности и вескость аргументов, что стало впоследствии ее визитной карточкой. Тэтчер нельзя назвать выдающимся парламентарием, способным набрать политические очки при помощи ораторского искусства, разящего сарказма или остроумия. Но обладая феноменальной памятью (такая же была у премьер-министра Г. Виль-

⁴⁴ Данный параграф основан на работах: Капитонова Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 2–3; Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017.

сона), она восполняла отсутствие этих важных для члена парламента качеств поразительным знанием цифр и деталей, которые воспроизводила, почти не заглядывая в бумажки. Особенно легко, как в родной стихии, она чувствовала себя в сфере экономики и финансов, ей не было равных в умении тщательно изучить вопрос и подготовиться к его обсуждению. Со словами «Полагаю, достопочтенный джентльмен плохо знаком с цифрами» Тэтчер набрасывалась на оппонента и практически всегда выходила победителем из очередной схватки. По словам ее биографа Х. Янга, «она была оратором- бойцом, любящим выигрывать, предпочитая не брать в плен, а оставлять позади себя трупы».

Как-то она поразила парламентариев заявлением, что изучила все бюджеты правительства с 1946 г. Старожилам палаты общин памятно первое выступление Тэтчер в качестве министра по делам пенсий и государственного страхования: в своей 44-минутной речи она по памяти привела подробные статистические данные за разные годы, сравнила размеры британских, скандинавских и западногерманских пенсий, прожиточный минимум курящей и некурящей семьи, заставив противостоявшего ей от оппозиции Р. Кроссмена выглядеть совсем бледно. Один из видных членов партии Ян Маклеод назвал это ее выступление «первым триумфом женщины в палате общин», а поддерживавшая консерваторов пресса задавала в этой связи такой вопрос – почему никто из членов фракции тори в парламенте, кроме Тэтчер, не готовится так же тщательно к выступлениям? Потрясающая память нередко выручала ее. Однажды, выступая на каком-то важном мероприятии, она по памяти точно воспроизвела утерянную страницу своей речи.

Тэтчер умела из множества проблем выделить главное. В качестве лидера оппозиции она сосредоточила свое внимание на основных болевых точках лейбористского правительства (безработица, высокая инфляция) и методично их критиковала. Поначалу противостоявшим ей премьерам – лейбористам Г. Вильсону, а затем и Дж. Каллагану, державшимся высокомерно перед лицом провинциальной выскочки, удавалось уклоняться от ее ударов. Но по мере того, как Тэтчер набиралась опыта, ее нападки становились все более резкими и частыми, а манера все более агрессивной.

Одной из отличительных черт **Тэтчер** была дотошность, проявившаяся уже во время ее работы в министерстве по делам пенсий и государственного страхования. Она никогда не читала документы, что называется, «по диагонали», всегда изучала их досконально, вникая во все детали, выявляя слабые места, делая пометки на полях – «чепуха», «сократить», «переделать». Это раздражало подчиненных, с легкой руки ее личного секретаря К. Боссомы называвших ее «этой чертовой бабой». Став министром образования, она в первый же день работы вручила своему постоянному заместителю листок из тетради с перечислением 18 дел, которые надо было сделать немедленно. Тэтчер никогда не доверяла аппарату министерств, подозревая его в саботаже своих распоряжений, и жестко требовала сокращения штатов и расходов. Подобно Елизавете I, объезжавшей свое королевство, она ввела не имевшую прецедента практику регулярных посещений министерств и департаментов, чтобы на месте самой разобраться, что из ее приказаний исполняется, а что не исполняется. Во время этих инспекций проявилась еще одна характерная для Тэтчер черта: она позволяла себе распекать руководство в присутствии подчиненных, при этом демонстрировала необыкновенную теплоту в отношении рядовых сотрудников и технического персонала. Она гордилась своей интуицией, способностью распознавать человека с первого взгляда. Держа в руках список сотрудников, она делала в нем пометки против каждой фамилии, давая оценку, которая, по ее словам, впоследствии уже не менялась.

Тэтчер была убеждена, что без нее все будет сделано не так, как надо. Как никакой другой премьер-министр, она вникала во все, без нее нельзя было решить ни одну проблему. Но ведь можно сказать и по-другому: ей до всего было дело. Случилось даже, что в конце 1980 г. ее с трудом удалось отговорить от поездки в Лидс, где она всерьез намеревалась возглавить поиски действовавшего в его окрестностях Йоркширского Потрошителя (на счету которого было 13 жертв), ибо полиция, с ее точки зрения, проявила себя в этом случае некомпетентной.

Вокруг нее все кипело, «наэлектризовывалось», возникало стремление безотлагательно исполнять отдаваемые ею распоряжения. Когда она где-то появлялась, это сразу же ощущалось всеми. Как удачно подметил один из ее коллег: «Казалось, мы жили рядом с ураганом». Эту рабочую атмосферу хорошо передает случай, описанный депутатом Д. Дэвисом, который однажды встретил в здании парламента бегущего с полным бумажным подносом парламентского секретаря Тэтчер М. Форсайта. «Помедленнее! – крикнул Дэвис. – Рим строился не за один день». На что услышал от пронесшегося мимо Форсайта: «Да, но прорабом на той стройке была не Маргарет».

Тэтчер проявила себя перфекционисткой: если она за что-то бралась, она предпочитала делать это хорошо и досконально. По свидетельству политического секретаря премьера Дж. Уайтингдейла, на подготовку ее выступления на конференции консервативной партии – обычно сорокаминутного – уходило никак не меньше 80 часов. Она всегда сама работала над окончательными текстами своих выступлений, выбирая куски из представленных вариантов и доводя их до нужного состояния. Те же, кто фактически писал эти речи, тратили на это еще больше времени. При этом к началу конференции у Тэтчер никогда не было окончательно готовой речи: она считала, что вначале необходимо проникнуться «духом» конференции, поэтому работа над выступлением продолжалась ночами после дневных заседаний на форуме.

Она обладала одним редким для женщин качеством – храбростью, гордилась этим, противопоставляя себя большинству коллег-мужчин. Решение выдвинуть свою кандидатуру на пост лидера партии, бросив вызов Э. Хиту, безусловно, было смелым поступком. На это не решился ни один мужчина среди членов кабинета. Можно сказать, что в этих условиях Тэтчер просто вынуждена была выставить свою кандидатуру. Она отдавала себе отчет в тяжелых последствиях для своей карьеры в случае провала, но была убеждена в своих силах, равно как и в назревшей необходимости пересмотра политики консервативной партии. Она пошла на риск и выиграла, одержав убедительную победу уже в первом туре: за нее проголосовали 130 членов парламентской партии, а за Хита – лишь 119. Проигравший женщине лидер не смог простить подобного унижения и превратился в последовательного, язвительного критика проводимого ею курса. Удалить его из Лондона, отправив послом куда-нибудь подальше, Тэтчер не смогла: разгадав ее замысел, Хит отказался от должностей и остался в палате общин на правах рядового заднескамеечника. Его пикировки с премьер-министром вошли в легенду. Когда в 2005 г. бывший лидер партии умер, Тэтчер продемонстрировала свое благородство, сделав то, чего от нее никто не ожидал: в специальном заявлении она охарактеризовала его как «политического гиганта», лидера, открывшего новую эру в истории консервативной партии (его избрание в 1965 г. олицетворяло приход к власти новых тори, к которым принадлежала и она сама).

Англичане очень ценят такое качество, как хладнокровие, особенно способность сохранять спокойствие в трудную минуту. В стране весьма популярна легенда о Френсисе Дрейке, который остался доигрывать игру в крикет, после того как ему сообщили о приближении испанской Непобедимой армады к британским берегам.

Как бы критически для Тэтчер не оборачивались события (а за 11,5 лет правления ей приходилось переживать весьма серьезные, как казалось, безвыходные ситуации), она никогда не теряла хладнокровия. Она мужественно вела себя в октябре 1984 г. на конференции консервативной партии после взрыва террористами Ирландской республиканской армии бомбы в «Гранд отеле», во время которого погибло несколько человек, а сама Тэтчер осталась жива лишь по счастливой случайности. (Что касается Дэниса, то, пропустив несколько рюмок перед отходом ко сну, он проспал взрыв.) Покушение на премьер-министра в Брайтоне было одной из самых значительных и хорошо подготовленных операций ИРА. Ответив категорическим отказом на предложение немедленно вернуться в Лондон («Они [террористы] хотели бы именно этого. Мы не допустим, чтобы терроризм нанес поражение демократии»), она не позволила изменить график работы последнего дня конференции, появившись как всегда вовремя и безукоризненно выглядевшей. Ужас, который она пережила во время покушения, проявился позже, после ее возвращения в загородную резиденцию Чекере, где она дала волю слезам. Проведя какое-то время в кромешной темноте под обломками здания, Тэтчер впоследствии всегда носила в своей сумке карманный фонарик.

Многих раздражала ее самоуверенность, убежденность в том, что именно ей выпала великая роль спасителя страны от экономического упадка и международного забвения. (Один из членов ее кабинета Дж. Прайор назвал это «комплексом-Жанны д'Арк».) Но ведь именно так и произошло – ей удалось остановить упадок страны, создав базу для ее экономического процветания в будущем, она же добилась того, что голос Великобритании стал слышен повсюду в мире. Во многих случаях она оказывалась права: многие сомневались в том, что ее экономическая политика будет работать, что Великобритания сможет вернуть Фолклендские острова, что она сможет одержать победу над самым боевым британским профсоюзом – горняков – и обуздать Британский конгресс тред-юнионов. Но Тэтчер добилась поставленных целей. Как считает ее биограф, она ощущала себя «миссионером, вера которого лишь удваивается из-за обрушившегося на него бедствия». Она как-то призналась, что «стала своего рода институтом», без которого мир уже никогда не будет прежним. К концу пребывания у власти Тэтчер не делала секрета из своей глубокой убежденности в том, что никто лучше нее не справится с управлением страной. Она безгранично верила в собственную правоту и непогрешимость, руководствуясь при этом не интеллектом и разумом, а скорее убежденностью и инстинктом. Ее любимой и часто произносимой фразой было: «Потому что это правильно!».

Тэтчер была строга и требовательна к коллегам и никогда не позволяла никаких поблажек себе. При этом бросалось в глаза ее теплое и сердечное отношение к простым людям из ее окружения. Она знала, кто чем живет, у кого какая семья, помнила дни рождения, имена людей, в том числе и в своем избирательном округе. Тэтчер часто посылала написанные от руки записки с выражением соболезнования или поздравлениями по тому или иному поводу, никогда не забывала поблагодарить обслуживающий персонал после приемов в своей резиденции. Когда умер ее шофер, она не отправила на похороны своего представителя, а пошла сама. Однажды, узнав, что одного из младших секретарей бросила жена, Тэтчер пригласила его на празднование Рождества в свою семью. В другой раз она пригласила на обед на Даунинг-стрит, 10 своего личного парламентского секретаря, а поскольку до этого он обещал провести день с семьей, Тэтчер пригласила также его жену, троих дочерей и их школьную подругу, которая в этот день находилась у них в гостях. Когда на одном из приемов неопытная официантка опрокинула блюдо с заварным

кремом на министра иностранных дел Дж. Хау, премьер-министр обняла ее и стала успокаивать, бросив через плечо тшетно пытавшемуся привести в порядок свой костюм министру: «Джеффри! Прекратите создавать такой ажиотаж». Такие истории не единичны. Именно этим объясняется та любовь, с которой относился к Тэтчер персонал ее лондонской и загородной резиденций, а также все ее рядовые сотрудники. По словам одного из охранников, она «обладала замечательной способностью сочетать в себе черты простого человека с умением быть «боссом», когда в том возникала необходимость». Она вообще была более доступна для простых людей, чем многие ее предшественники. В 80-е годы Даунинг-стрит еще была открыта для туристов, и Тэтчер всегда находила время, чтобы по дороге в парламент остановиться и поболтать со школьниками.

Ее сильной чертой была собранность и пунктуальность (советник по внешней политике П. Крэдок назвал это «невротической пунктуальностью»). Никогда никуда не опаздывавшую Тэтчер сравнивали с английским поездом, который всегда приходит по расписанию. Стремление не опаздывать имело и оборотную сторону: поскольку она выезжала на мероприятия заблаговременно, шоферу приходилось возить ее кружными путями, чтобы она не прибывала ранее назначенного времени.

Многие отмечали, что у нее были манеры домохозяйки. Подобно королеве Елизавете II, которая лично обходит дворец и гасит свет в тех комнатах, где освещение работает впустую, Тэтчер также любила сама выключать свет в своей резиденции. А еще она могла угостить засидевшихся с нею на работе людей кофе собственного приготовления, тортом, а бывало, что и ужином. Удостоившийся такой чести редактор газеты «Санди Таймс» (а впоследствии ее биограф) Х. Янг подчеркивает, что «если бы это произошло на Даунинг-стрит, 10 сегодня, вы можете не сомневаться в том, что был бы заранее проведен консилиум «препараторов» (имиджмейкеров), призванный дать точную оценку тому, какое впечатление необходимо произвести на того или иного журналиста, с которым планирует встретиться премьер-министр. Сейчас там ничего не происходит случайно».

Нельзя не упомянуть об одной положительной черте Тэтчер, которая выделяла ее из ряда руководителей высокого ранга – неприхотливость и привычка обходиться малым. Она намеренно культивировала образ умеющей считать деньги бережливой домохозяйки, хотя особого лукавства здесь не было – такова она на самом деле. Этому ее научили в детстве. Из тех незначительных сумм, которые выдавали ей на школьные завтраки родители, она ухитрялась кое-что откладывать в банк, не позволяя себе купить лишнюю игрушку или одежду. Тэтчер хорошо запомнила завет отца: «Никогда не бери в долг». Став лидером партии, а затем и премьером, стремящаяся завоевать доверие людей дочь бакалейщика неоднократно заявляла, что относится к финансам других, а тем более государственным, экономно, как к собственным. Как в свое время Черчилль, она сократила свою зарплату до уровня рядового члена кабинета, отказавшись от положенной ей в качестве премьер-министра существенной надбавки. Тэтчер невозможно представить совершающей официальные визиты в сопровождении большой свиты, да еще на нескольких самолетах: в поездки она всегда брала с собой не более 10 человек. Она руководствовалась в жизни принципом «разумной достаточности». Этим же отличался и ее преемник Дж. Мэйджор.

Образ домохозяйки, делающей покупки у «Маркса и Спенсера» (магазин для среднего класса), выглядел довольно привлекательно для многих британцев, с подозрением относящихся к политикам. В интервью она не уставала сообщать, что любит сама делать домашнюю работу (прибирать в кухне, гладить, раскладывать белье, даже клеить обои), готовить завтрак для Дэниса. Эти истории – сродни байкам о котлетах,

которые супруга бывшего российского президента Наина Иосифовна якобы для него жарила – по замыслу, должны были приблизить ее к жизни простых людей. На Даунинг-стрит, 10 действительно не было повара (для официальных обедов и ужинов его приглашали со стороны), но для Тэтчер периодически готовили ее секретарши. Вместе с тем в бытность работы министром она позволяла себе прервать совещание, чтобы сбежать в магазин за ветчиной для мужа, объясняя изумленным коллегам, что никто другой не может это сделать, ибо не знает, какую ветчину любит Дэнис.

Тэтчер необыкновенно повезло с **мужем**, которому она в значительной степени обязана своими достижениями в политике. Происходивший из зажиточной буржуазной семьи, на десять лет старше Маргарет, удачливый бизнесмен, сколотивший впоследствии немалое состояние, Дэнис обеспечил ей такие домашние условия, при которых она могла целиком посвятить себя политике. Он гордился успехами жены, был хорошим семьянином, ее опорой в трудные минуты, его совет был решающим. Согласие на сделанное им осенью 1951 г. предложение Тэтчер назвала самым правильным решением в своей жизни. На публике он вел себя как принц-консорт при королеве: всегда на три шага позади нее, не давал интервью и вообще всячески избегал публичности. Пресса любила изображать его богатым бездельником, занятым исключительно выпивкой и игрой в гольф. Эта картинка отчасти соответствовала действительности. Не вынося нетрезвых мужчин, Тэтчер с годами свыклась с этой вредной привычкой своего мужа. Будучи излюбленным карикатурным персонажем, он даже стал героем популярной пьесы, а также постоянной колонки в журнале «Private Eye», высмеивавшей его вместе с друзьями и министрами. В то же время, муж Тэтчер обладал недюжинной деловой хваткой, был «вдохновителем» ее политических взглядов и проводимого ею курса. Она доверяла его суждениям и оценке людей и позволяла собою командовать. Они хорошо ладили, потому что не пытались переделать друг друга и занимались каждый своим делом. Эта пара прожила вместе 52 года. В 2003 г. Тэтчер стала вдовой.

Из двух близнецов любимчиком матери был **Марк**. Типичный избалованный ребенок, окончивший привилегированную школу Хэрроу (где в свое время учились Гладстон и Черчилль), но не пожелавший продолжить учебу в университете и занявшийся бизнесом, он вечно впутывался в неприятные истории. Марк частенько использовал имя матери и положение сына премьер-министра для проталкивания выгодных сделок. Когда перед выборами он являлся в ее штаб с предложением своей помощи, руководившие предвыборной кампанией сотрудники настоятельно советовали ему уехать подальше из страны. В середине 80-х Марк перебрался в США, а затем в ЮАР. Он женился на американке, и внук Тэтчер стал американцем по рождению. Что касается Кэрол, то она, в отличие от брата, никогда не доставляла особых хлопот: окончила университет, получив специальность юриста, прожила какое-то время в Австралии, а затем вернулась в Великобританию, чтобы работать журналистом. Она написала проникновенную книгу об отце, что еще раз подчеркнуло отсутствие теплых отношений с матерью.

Жизнь детей многих высокопоставленных деятелей – и дети Тэтчер здесь не исключение – не всегда складывается счастливо. Если же сравнивать Марка и Кэрол, то можно согласиться с одним из друзей семьи, заметившим, что «Кэрол страдала от того, что она дочь своей матери, Марк существовал именно потому, что был сыном своей матери». Окружение Тэтчер считало, что ее благоволение Т. Блэру отчасти объяснялось тем, что она видела в нем «хорошего сына», которого была лишена в жизни.

Таким образом, **Маргарет Тэтчер** можно охарактеризовать, как перфекционистку со способностью сохранять хладнокровие в любой ситуации. Где бы она ни была, постоянно ощущает необходимость наводить порядок, используя энергию других людей для достижения этой цели. В роли руководителя любит (и умеет) составлять четкую картину цели деятельности предприятия и объяснять эту цель подчиненным. Организует свои предприятия как хорошо отлаженный механизм, с запланированным развитием, учитывая как ближайшие, так и перспективные цели. Добивается эффективности в работе персонала, предпочитает решения, принятые на основе объективной информации, любит хорошо продуманные планы и разработанные операции. Ей доставляет удовольствие видеть, что люди следуют ее примеру. Поддерживает благонадежность организации и надеется, что так же делают ее сотрудники. Маргарет неутомима в своей преданности работе и может жертвовать ради любимого дела другими радостями жизни.

Но существует еще другая Тэтчер, малоизвестная, ибо эта сторона ее личности была сокрыта от посторонних глаз. Тэтчер женщина, преданная жена, мать, умелая домохозяйка. Об этом написано и сказано гораздо меньше, во многом и потому, что она сама пресекала подобные вещи. Однако воспоминания коллег, друзей позволяют увидеть в Железной леди одновременно мягкую, добрую и внимательную женщину, готовую прийти на помощь, оказать поддержку. Проявить то, что неизменно относится к собственно «женским» качествам и связано со служением и самопожертвованием.

Бесспорно, Маргарет Тэтчер самоотверженно служила своему государству. Для нее это было не подвигом, а обычным, будничным, каждодневным делом. Британия, ее интересы, внутренняя и внешняя политика слились для Железной леди в единое целое с ее собственными идеями, устремлениями, ценностями. Очень сложно понять и отделить одно от другого.

Большим минусом для политика, отмечает **Н.К. Капитонова**, является отсутствие чувства юмора. Для политика британского, особенно консерватора, это почти катастрофа. В партии тори, славной такими выдающимися остроловами, как Черчилль, человек, умеющий шутить, в том числе и над собой, быстрее делает карьеру. Однако Тэтчер, относившаяся к себе и тому, что делала, слишком серьезно, была лишена этого дара. Если бы это было не так, она бы никогда не позволила сказать о себе в третьем лице – «Мы стали бабушкой», что насмешило всю страну, – такой была ее реакция на известие о рождении внука. В противоположность ей Дэнис обладал хорошим чувством юмора, которое помогало ему мириться с придирками со стороны супруги. Послушно исполняя роль консорта, он ответил на вопрос «Кто носит брюки в вашей семье?» (кто главный?) следующим образом: «Конечно, я. Я их также стираю и глажу».

Как отмечает В. И. Попов, который проработал послом СССР в Лондоне с 1980 по 1986 г., за все это время он «никогда не слышал от Тэтчер ни одной шутки, не замечал следов юмора в ее речах». Справедливости ради ее коллеги отмечали, что несколько раз за одиннадцать с половиной лет она все же пошутила вполне удачно. Так, однажды она открыла заседание кабинета словами: «Времени у нас мало, поэтому я сразу выхожу из себя, настаиваю на своем и на этом мы расходимся». Бывало, ей удавались шутки на политические темы. Так, когда один из министров посетовал, что британцы проиграли немцам в «наш национальный вид спорта» (имея в виду футбол), Тэтчер парировала: «Ничего, мы дважды в этом веке выигрывали у них в их национальном виде спорта» (имея в виду Первую и Вторую мировые войны).

Что касается юмора неполитического, то его она воспринимала с трудом. Тэтчер не умела рассказывать анекдоты и не находила смешными большинство из них. Если на заседании кабинета кто-нибудь из коллег хотел пошутить, то ее предупреждали об этом заранее, объясняя, в чем смысл шутки. «Обычной реакцией в этом случае был озадаченный взгляд и удивленное “О”». Спичрайтер Рон Миллар специально вставлял шутки в ее речи на партийных конференциях и других мероприятиях, чтобы сделать их удобоваримыми. Тэтчер озвучивала чужие шутки, но никогда не воспроизводила чужой текст, нешадно перерабатывая подготовленные для нее болванки речей, пропуская его через себя, делая своим.

Ее приходилось убеждать произносить дословно те шутки, которыми разбавляли ее выступление на каком-либо мероприятии. Не чувствовавшая нюансов, Тэтчер не понимала, что от замены хотя бы одного слова мог уйти и юмор, а шутка переставала быть смешной. Однажды в ее речь на партийной конференции решили вставить отрывок из популярного скетч-шоу «Монти Пайтон» о мертвом попугае. Это был удачный ответ на принятие либерал-демократами нового символа в виде поднимающейся на одно крыло птицы. Проблемой было то, что Тэтчер никогда не видела и не слышала этого шоу, поэтому ее трудно было убедить в том, что это будет очень смешно и к месту. Слова «Этот попугай скончался. Он преставился. Он весь вышел» и т.д. не вызывали у нее даже тени улыбки. Не помог и устроенный специально видеопросмотр фильма о попугае. Она сомневалась до последнего и уже перед самым выходом на сцену для выступления вдруг спросила у своего секретаря: «Джон, а вы уверены, что Монти Пайтон один из наших?» Времени объяснять ей, что такого персонажа на самом деле не существует, не было, поэтому в ответ раздалось: «Абсолютно, премьер-министр, он наш горячий сторонник». После чего Тэтчер вышла к народу, мастерски воспроизвела подготовленный текст, «а когда произносила слова о мертвом попугае с отлично расставленными комическими акцентами, то вызвала такой шквал смеха, как никогда ранее».

Немаловажное значение в эпоху телекоммуникаций имеет внешность политика. Тщательно следившая за собой Тэтчер всегда была причесана, жертвуя для этого временем сна. С момента прихода в политику существенно изменился стиль ее одежды: быстро пройдя путь от провинциальных нарядов до изысканных туалетов, она не позволяла себе одеваться в кричащие цвета (предпочитая синий и черный), появляться в больших шляпах или же косынках на голове, с высокими разрезами на юбках и прочих неуместных для ее статуса нарядах. Было ли это свидетельством природного вкуса или же точного исполнения рекомендаций консультантов – об этом история умалчивает.

Внешность Тэтчер, после того как она стала лидером партии, заметно изменилась в лучшую сторону. Она и раньше была привлекательной, но теперь, высушив волосы, исправив зубы, полюбив ставший ее визитной карточкой жемчуг и существенно помолодев, она стала выглядеть просто по-королевски. Временами она больше походила на королеву, чем сама Елизавета, «становилась величественней день ото дня», вызывая у советников справедливые опасения, что это не понравится монарху. Ее и принимали за королеву в некоторых африканских странах, женщины даже приседали в реверансах. Появился такой анекдот: «Как зовут британскую королеву?» – «Элизабет Тэтчер». Под давлением Букингемского дворца Форин офис даже вынужден был дать указания, чтобы встречи премьер-министра за рубежом не сопровождались исполнением национального гимна, поскольку она не является главой Великобритании. Острая на язык баронесса Филлипс заметила как-то, что премьер-министр «пытается быть царственнее королевы, но у Елизаветы это

получается лучше». И все же не только принцесса Диана, но и Тэтчер со своими туалетами и украшениями (подарки от иностранных лидеров) порою затмевали Елизавету, которая на их фоне выглядела «не такой уж гламурной».

Кстати, сама Маргарет при встречах с королевой приседала в реверансе так низко, что свидетели опасались за ее способность подняться. Незримое соперничество с королевой не осталось незамеченным Букингемским дворцом, который при случае не упустил возможности поставить Тэтчер на место – когда она осмелилась обратиться к Елизавете с предложением согласовывать наряды перед совместным появлением на публике (однажды они появились на мероприятии в похожих туалетах), из дворца пришел ехидный ответ: в этом нет необходимости, так как Ее Величество никогда не обращает внимания на то, во что одеты другие.

Тэтчер долго противилась введению телевизионных трансляций заседаний Палаты общин (в Палате лордов они начались на четыре года раньше – в 1985 г.). Она не любила смотреть на себя на экране, досконально исследовав лишь первую телевизионную запись. Со временем Тэтчер примирилась со своей внешностью и даже стала гордиться ею, заметив как-то, что «можно иметь красивые голубые глаза и не будучи аристократом».

Согласившись с рекомендациями своего спичрайтера сделать образ помягче, она поработала с педагогом из оперного театра, чтобы скорректировать голос, который был немного крикливым и вульгарным, создавая впечатление, что она «кричала через забор» (в стиле Элизы Дулитл в «Пигмалионе»). Эффект от занятий превзошел все ожидания: резкий голос Тэтчер удалось опустить на пол октавы ниже, сделав глубоким и приятным. Это даже несколько напугало не ожидавших подобного эффекта консультантов, но никак не повлияло на отношение к ней интеллектуалов, посчитавших, что она стала еще менее естественной и искренней.

Речь Тэтчер также нуждалась в исправлении: она была агрессивной, с менторскими нотками, лишенной юмора, а в сочетании с манерой говорить безостановочно, парализуя собеседника, производила далеко не приятное впечатление. В этой связи вспоминается любопытный эпизод, рассказанный бывшим секретарем кабинета лордом Ильминстерским Армстронгом. Однажды в ходе Фолклендской войны по «горячей линии» позвонил президент Рейган. Прежде чем перейти к вопросу, который он хотел прояснить, он опрометчиво поинтересовался у Тэтчер ходом дел в Южной Атлантике, на что она «коротенько», в течение почти часа, обрисовала ему обстановку. Потом, затронув еще несколько важных моментов, поблагодарила Рейгана за помощь и поддержку, попрощалась и повесила трубку. Вскоре после этого состоялась встреча секретаря кабинета с советником президента США по национальной безопасности, в ходе которой он поинтересовался причиной звонка Рейгана, не понятой британской стороной. Тот рассмеялся в ответ, заметив, что президент не смог сообщить, по какому поводу звонил, так как ему не удалось вставить ни слова. В другой раз во время долгого монолога Тэтчер по телефону Рейган отвел трубку от уха, чтобы стал слышан ее голос, и с удовольствием заметил: «Она изумительна!».

Образ Тэтчер будет неполным без упоминания о ее сумочке. Подобно другим британским премьерам, каждый из которых имел свой отличительный знак (Дизраэли – монокль, Чемберлен – зонт, Черчилль – сигару и шляпу, Вильсон – макинтош и т.д.), она никогда не расставалась со своей сумочкой, которой всегда была готова «ударить по любому традиционному институту». В политическом лексиконе даже появилось выражение «дипломатия сумочки» (*handbag diplomacy*). В своей сумке, которую Миллар назвал «бездонным мешком, где современные женщины носят все, кроме разве микроволновки», Тэтчер таскала самые неожиданные

вещи: нужные книги, документы, благотворительные чеки, записки и много чего другого. Когда она ставила на стол сумку, извлекала из нее кошелек, а из него какую-нибудь потертую бумажку, присутствующие замирали, ожидая подтверждения прозвучавшего заявления чьей-либо цитатой или же документом. Как выяснилось, одним из информаторов премьера по вопросам образования был ее парикмахер, имевший ребенка-школьника. Однажды, слушая подготовленную для нее Милларом речь, в которую он вставил подходящее по смыслу известное изречение президента Линкольна, произнесенное им после битвы при Геттисберге («Нельзя сделать слабого сильнее, ослабляя сильного; нельзя помочь бедным, уничтожив богатых; нельзя постоянно помогать людям, делая за них то, что они могут и должны делать сами»), Тэтчер порылась в сумке, достала оттуда замусоленную бумажку и протянула ему со словами: «Я всегда ношу это с собой». На клочке были записаны те самые слова Линкольна, что прозвучали в комнате. В этот момент, по словам Миллара, он понял, что его судьба странным образом связана с судьбой этой удивительной женщины.

Точно так же случалось на переговорах в Вашингтоне: когда Тэтчер доставала из своей сумочки какую-нибудь бумажку, присутствовавших охватывал трепет. Однажды, уже после победы в войне за Фолкленды, понимая, что Рейган поднимет вопрос об отмене эмбарго на поставки американских вооружений Аргентине, она проделала обычную операцию «сумка – кошелек – бумажка», подобно домохозяйке в супермаркете сверилась с составленным списком и, посмотрев президенту в глаза, сказала: «Да, вот еще – оружие Аргентине... Вы ведь этого не сделаете?» – «Нет, не сделаем», – отреагировал не посмеявшийся отказать Тэтчер президент, отправив в корзину для мусора важный вопрос, над которым его команда трудилась несколько недель.

На прощальном обеде по случаю ухода Рейгана в отставку госсекретарь **Джордж Шульц**, напомнив присутствовавшим о повторявшейся много раз ситуации, когда премьер-министр извлекала из сумки не кролика, а очередное заявление, подарил Тэтчер специальную папку для документов, чтобы она больше не носила их в сумке. Много лет спустя одна из издававших виды знаменитых сумочек баронессы, выставленная на благотворительный аукцион, была продана за 150 тысяч долларов (для сравнения: сумочка супруги премьер-министра Блэра Шери ушла всего за 700 долларов).

Тэтчер нравилась мужчинам, которых «интриговало и возбуждало сочетание в ней женственности и власти». Она умела при желании очаровывать и довольно часто пользовалась этим испытанным женским средством. Так, например, одним из ее приемов было ошарашить собеседника, неожиданно сбросив туфли и устроившись с ногами в кресле, продолжая беседу как ни в чем не бывало – ситуация совершенно невероятная для женщины-политика во время деловой встречи. Она проделала это, принимая М. Горбачева в своей резиденции Чекере в декабре 1984 г. Тэтчер нравилось, когда ее воспринимали не только как политика, но и как женщину, хотя она и говорила, что считает себя прежде всего премьер-министром, забывая порой о том, что является еще и женщиной. Обычное кокетство! Коллеги, не забывавшие делать ей комплименты, дарить цветы и оказывать другие знаки внимания, быстрее продвигались по служебной лестнице. Она признавалась, что любит, когда «вокруг суетится много мужчин», поэтому в кабинете Тэтчер практически не было женщин. Среди ее почитателей можно назвать Рейгана, Горбачева, короля Саудовской Аравии Фахда, президента Мозамбика Машела, Бжезинского, генерального секретаря НАТО Лунса, многих других политиков и военных. Ей нравились лестные сравнения и характеристики, которыми ее награждали поклонники: «сердечная, женственная, обходительная и умная» (Рейган), «настоящая женщина»

(Луне), «пьянящая смесь духов и виски» (Оуэн). Говоря о сочетании властных мужских и мягких женских черт у Тэтчер, президент Франции Миттеран отмечал, что «у нее глаза Калигулы, а рот Мэрилин Монро». В то же время многие полагали, что характер у нее был скорее мужской. «Железным мужчиной» британской политики называл ее Я. Арафат. А французская газета «Котидьен де Пари» однажды признала, что Тэтчер больше подходит определение «урановая», а не «железная», поскольку от нее исходит лучезарность.

Как у всякой женщины-руководителя, у Тэтчер были свои любимчики. Ей нравились высокие, стройные и привлекательные мужчины типа Рейгана, как будто сошедшие со страниц дамских глянцевого журналов (например, возглавлявший ее предвыборную кампанию 1979 г. С. Паркинсон, которого она одно время видела своим преемником), особенно военные.

Тэтчер обладала способностью прекрасно выглядеть, несмотря на то что поразительно мало спала – всего четыре-пять часов в сутки. Обычно она ложилась далеко за полночь, вставала с рассветом, при этом к семи утра у нее уже были письменные замечания ко всем документам из «красных коробок», полученных накануне вечером, как бы много их ни было. Наиболее энергичной и работоспособной она была именно по утрам. Особенно тяжелым нагрузкам Маргарет подвергалась в ходе предвыборной кампании 1979 г., когда еще только шла к власти. В тот период она так уставала и перевозбуждалась, что иногда вовсе не могла уснуть. Но с каждым днем четырехнедельной кампании выглядела все лучше. Она словно подтверждала тезис, что «успех в политике действует на женщин так же, как влюбленность. Это и есть влюбленность – в успех и власть». В 60 лет она выглядела лучше, чем в 40. Однажды Кэрол поинтересовалась у матери, почему она с каждым днем выглядит все моложе и красивее, и услышала в ответ: «Это работа, которую я желаю больше всего на свете».

Необыкновенная выносливость и неутомимость не раз выручали Тэтчер, которая проделывала свои зарубежные поездки «галопом», сменяя часовые пояса и практически вообще без сна. По словам советника **Ч. Пауэла**, ее личным рекордом было посещение восьми стран Азии за восемь дней, и только однажды за все время пребывания у власти она допустила оговорку, из которой стало ясно, что она не помнит, в какой стране находится.

3.4. Говорит Маргарет Тэтчер. Знаменитые фразы, высказывания и оценки

Знаменитые высказывания М. Тэтчер

«Управлять государством ничуть не труднее, чем домашним хозяйством. Надо только вовремя выбрасывать мусор».

«В политике, если вы хотите, чтобы что-то было сказано, – попросите мужчину, но если вы хотите, чтобы что-то было сделано, – обратитесь к женщине».

«Сворачивайте, если хотите. Леди не свернет!»

«Я исключительно терпелива – при условии, что в конце концов выйдет по-моему».

«Не следует беззастенчиво лгать. Но иногда необходима уклончивость».

«Я училась в Оксфордском университете, но никогда не позволяла этому меня сдерживать».

«Если женщина проявляет характер, про нее говорят: вредная баба. Если характер проявляет мужчина, про него говорят: хороший парень».

«Петух, может быть, хорошо кукарекает, но яйца все-таки несет курица».

«Нет такого понятия, как общество. Есть отдельные мужчины и женщины, а также семьи».

«Вовсе не обязательно соглашаться с собеседником, чтобы найти с ним общий язык».

«Любая женщина, разбирающаяся в вопросах ведения домашнего хозяйства, сможет разобраться с проблемой управления страной».

«Если такая не имевшая идеалов женщина, как Ева Лерон, смогла добиться многого, то подумайте, как много смогу добиться я с теми идеалами, которые имею».

«Думаю, в исторической перспективе термин “тэтчеризм” будет рассматриваться как комплимент».

«90% наших забот касаются того, что никогда не случится».

«Если бы мои критики увидели меня идущей по Темзе, они бы сказали – это потому, что я не умею плавать».

«Мы в политике не для того, чтобы игнорировать проблемы людей, а для того, чтобы их решать».

«Чтобы выиграть сражение, его приходится иногда давать дважды».

«Все мужчины слабы, а слабее всех джентльмены».

«Эта страна принадлежит храбрым, а не пугливым».

«Мне понравился Горбачев. Мы сможем работать вместе».

«Быть руководителем – все равно что быть леди: если вам приходится напоминать окружающим, кто вы, вы им не являетесь».

«Если вы не хотите ехать в этом поезде, то неважно, быстро он идет или медленно».

«Консенсус – это то, во что никто не верит и против чего никто не возражает».

«Я останусь до тех пор, пока не устану. А пока Британия во мне нуждается, я никогда не устану».

«Если вы решили сражаться – сражайтесь до победы!»

Афоризм Софокла, который любила часто цитировать Тэтчер: «Стоит только один раз поставить женщину наравне с мужчиной, как она начинает его превосходить».

Тэтчер о Дэнисе: «Он не является моей второй скрипкой. Он первая скрипка в своем оркестре, а точнее – его дирижер».

О семье

«Что хорошо для семьи, то хорошо и для Великобритании». – *«Санди экспресс», 29 июня 1975 г.*

«Нация – не что иное, как большая семья». – *Из выступления перед еврейским Обществом Св. Лаврентия, 2 февраля 1981 г.*

«Какая сила на самом деле движет обществом? Им движет желание каждого человека добиться лучшей жизни для себя и своей семьи. Как можно улучшить общество? Это можно сделать, если миллионы людей твердо решат, что создадут для своих детей лучшую жизнь, чем они имели сами». – *Из выступления в Кардиффе 16 апреля 1979 г.*

«Консервативная партия безусловно поддерживает семью, но это не тождественно поддержке увеличения любой статьи ассигнований на социальные нужды». – *Из выступления в палате общин 17 января 1980 г.*

«Наших отцов и дедов воспитывали без всяких путеводных теорий, и неплохо воспитали». – *«Дейли миррор», 25 мая 1978 г.*

«Надо объяснять детям, что такое хорошо и что такое плохо. Конечно, нужны какие-то правила, но не ради самих правил: надо объяснять детям, почему следует поступать так, а не иначе. Дети задают бесконечные вопросы и с ними необходимо бесконечное терпение, но объяснять необходимо. Надо пытаться отвечать на их вопросы. Одна из больших проблем сегодня – то, что родители недостаточно общаются со своими детьми. Мне повезло. Мне помогали, когда появились близнецы, и мне объяснили, как важно разговаривать с ними. Когда с ними возишься или когда их купаешь, надо непрерывно что-то говорить. Конечно, матерям всегда некогда и они устают, но надо находить время и объяснять все детям». – *Из книги: Патрисия Мюррей. «Портрет Маргарет Тэтчер». 1980 г.*

О своем доме

«В моей жизни было мало радостей и счастья. Я стараюсь дать своим детям больше». – *Из выступления в женской средней школе Грантема, 6 июня 1980 г.*

«Меня воспитывали очень, очень серьезно. Я была очень серьезным ребенком, и нас не баловали особыми развлечениями. Поход в кино был огромным событием». – *Из того же выступления.*

«Жили не для того, чтобы доставлять себе удовольствие, а чтобы работать и чего-то добиваться. Дом был очень маленький. Помню, как я мечтала о том, что когда-нибудь буду жить в красивом доме, где всего будет больше, чем было у нас. У нас не было горячей воды, а туалет был на улице. Поэтому, когда мне сейчас говорят о такой жизни, я понимаю, что это такое». – *Из программы Йоркширского телевидения «Женщины – женщинам», 19 ноября 1985 г.*

«Думаю, отец был мне ближе. Но моя мать была добрая женщина, весьма практичная, и от нее я научилась многому полезному в жизни. Она научила меня готовить, печь хлеб, шить одежду, украшать дом. Мы всегда сами украшали свой дом, потому что не могли позволить себе пригласить профессиональных декораторов. Мне всегда нравилось делать что-то собственными руками». – *Из книги: Патрисия Мюррей. «Портрет Маргарет Тэтчер». 1980 г.*

«По воскресеньям я ходила в церковь по четыре раза, и всему, во что я верю, я во многом обязана церкви. Я очень довольна, что получила строгое воспитание». – *Из выступления в женской средней школе Грантема, 6 июня 1980 г.*

«Бывают моменты, когда я чувствую себя совершенно несчастной и во всем разочарованной... Как говорят, вышибленной из своей тарелки». – *«Обсервер», 16 марта 1969 г.*

«Бывают времена, когда я прихожу вечером домой, и на меня так сразу все наваливается, что я пускаю слезу – молча и одна. Я часто снимаю напряжение тем, что начинаю гладить или переставляю посуду из сушилки в шкаф. Такие занятия помогают мне расслабиться». – *«Вименз уорлд», 21 сентября 1978 г.*

«Мне не приходится думать о деньгах. Заниматься политикой – дорогое удовольствие. Надо иметь хорошее воспитание и надо уметь привлекать к себе людей». – *«Гардиан», 23 марта 1962 г.*

«Я достаточно романтична, чтобы помнить все детали того, как я выходила замуж. Конечно, была и практическая сторона. Помню, я переделала свое свадебное платье в вечернее и носила его потом долгое время». – *«Дейли мейл», 10 сентября 1979 г.*

«Я поняла вдруг, что раньше замужество было самым большим событием в жизни человека. Сейчас это не совсем так, и потому люди думают о других вещах». – *«Таймс», 11 ноября 1985 г.*

«Мне повезло с Дэнисом. Просто повезло. Он всегда поощрял меня, чтобы я не тратила попусту свои таланты. И у нас прекрасная семья. Все хорошо сложилось один к одному». – *Из интервью радиопрограмме Би-би-си, февраль 1981 г.*

«У него есть друзья, с которыми они вместе ходят на рэгби, а у меня есть круг политических друзей. У нас есть общая жизнь, но у каждого из нас есть и своя жизнь. Я думаю, такое сочетание крайне важно». – *«Дейли мейл», 3 мая 1980 г.*

«У Дэниса есть своя жизнь и своя работа, и это очень важно для нас обоих. Он – не моя вторая скрипка. Он – первая скрипка в своем собственном оркестре, и даже дирижер этого оркестра». – *«Дейли экспресс», 20 февраля 1986 г.*

«Наш дом – это и наша опора, и наше убежище. По вечерам мы просто шлепаемся в кресла и разговариваем друг с другом». – *«Ньюс оф зе уорлд», 4 мая 1980 г.*

«По выходным я все еще прибираюсь в доме, навожу порядок, но не занимаюсь подметанием. Готовлю я сейчас только что-нибудь очень простое – а вообще-то я готовлю неплохо. Несложный пирог, простой омлет, что-нибудь запеченное – ничего сложного». – *«Дейли экспресс», 13 августа 1980 г.*

«По выходным я люблю подняться в маленькую квартирку на верхнем этаже дома по Даунинг-стрит, 10 и приготовить себе крутое яйцо с тостом». – *Из выступления в женской средней школе Грантема, 6 июня 1980 г.*

О роли женщин

«Помните эту фразу из поэмы Киплинга: «У всех живых существ самка опаснее самца»? Ни один мужчина не будет защищать своих детей с такой самоотверженностью, как женщина. Думаю, женщины больше интересуются отдаленным будущим, чем мужчины, потому что они думают о мире, в котором предстоит жить их детям». – *«Дейли мейл», 18 ноября 1976 г.*

«По-моему, женщина вполне может и заниматься домом, и продолжать свою карьеру, если соблюдаются два условия. Во-первых, муж должен поддерживать ее стремление работать. Во-вторых, если речь идет о молодой семье, их общего заработка должно быть достаточно для того, чтобы нанять первоклассную экономку или няньку, которая поддерживала бы порядок в доме в отсутствие жены. Второе условие – ключ к успеху». – *«Ивнинг ньюс», 26 февраля 1960 г.*

«Я до сих пор готовлю сама... Вбегаю в дом, режу овощи, ставлю сковородку – все это прежде, чем успею снять шляпку. Дома постоянно возникают какие-то срочные дела, которые за день накладываются друг на друга и вырастают в гору забот. Но если есть работа, какие-то интересы вне дома, то подобные срочные дела остаются в приемлемых рамках». – *«Дейли телеграф», 18 марта 1966 г.*

«Если бы нам оказалась не по карману домработница, я бы завтра же отказалась от карьеры». – *«Дейли телеграф», 12 марта 1968 г.*

«Мне страшно повезло. Мы жили в Лондоне, и я всегда знала, что, если дома что-то случится, я смогу прийти. Это давало мне огромное психологическое облегчение. Не знаю, как бы я справилась, если бы мой избирательный округ был не в Лондоне». – *«Тудей», 27 июня 1986 г.*

«Хотелось бы, чтобы в парламенте было больше женщин, потому что тогда можно было бы не так пристально следить за каждым своим шагом или словом. Я бы хотела работать, не попадая постоянно в центр всеобщего внимания». – *«Санди экспресс», 16 января 1972 г.*

«Многие женщины не используют те возможности, которые у них есть... или слишком легко примиряются с выполняемой работой и не стремятся забраться на дерево повыше... Иногда считают, будто делать карьеру – не женское занятие. Да ничего подобного!» – *Из интервью радиопрограмме Би-би-си, 2 марта 1984 г.*

«Хотела бы надеяться, что все большее число женщин станут сочетать семейную жизнь и карьеру. Предрассудки, мешающие этому, есть не только у мужчин. К сожалению, очень часто они исходят и от нас самих. ...Вполне возможно работать, брать непродолжительный отпуск, когда появляются дети, и потом вновь возвращаться к работе. Представления, будто семья при этом пострадает, мне кажутся ошибочными. Карьера на работе стимулирует мозг, она дает освежающий контакт с внешним миром – а в итоге жена оказывается гораздо лучшим партнером и у себя дома». – *«Космополитен», май 1983 г.*

«Я не замечаю, что я женщина. Я считаю себя премьер-министром». – *«Дейли миррор», 1 марта 1980 г.*

О главах государств – мужчинах

«Они не относятся ко мне снисходительно из-за того, что я женщина. Никто не смотрит на меня сверху вниз». – *«Дейли экспресс», 13 августа 1980 г.*

«Я совершенно уверена, что изменением законодательства мало что можно сделать для преодоления дискриминации. В конце концов, не думаю, чтобы женщины в последние годы так уж сильно подвергались дискриминации». – *Из интервью «Теймз телевижн», 6 января 1981 г.*

«Борьба за права женщин в целом выиграна. Время, когда эти права обсуждали или их требовали в экзальтированных тонах, должно навсегда уйти в прошлое. Я надеюсь, что так и будет. Я ненавижу тот экзальтированный тон, который приходится слышать от некоторых сторонников “эмансипации женщин”». – *Из выступления в Электротехническом институте, 26 июля 1982 г.*

«Феминисты стали чрезмерно экзальтированы и наносят ущерб интересам женщин, пытаясь представить нас чем-то таким, чем мы на самом деле не являемся. Человек продвигается в жизни, если у него есть для этого соответствующие данные». – *«Таймс», 10 мая 1978 г.*

О внешнем виде

«Вот я стою здесь, в красном шифоновом платье, слегка подкрашенная, с мягко завитыми волосами, – и это «железная леди» западного мира?» – *«Санди телеграф», 1 февраля 1976 г.*

«Если бы вы увидели меня, когда я пишу речь в четыре часа утра, ненакрашенная, и при этом ерошу волосы рукой, – у вас было бы несколько иное впечатление». – *«Дейли экспресс», 13 августа 1980 г.*

«Дэнис любит яркие тона. Но они непрактичны. Если люди видели вас, например, в чем-то розовом, они это запоминают и считают, что у вас только одно платье». – *«Таймс», 17 ноября 1986 г.*

«Дэнис любит, когда все сверкает». – *Там же.*

«Люблю, когда обо мне все и все время говорят». – *«Дейли миррор», 14 февраля 1975 г.*

«Меня беспокоит мой образ. Я намерена изменить его. Я хорошо понимаю значение своего образа. Мне не очень нравится, как я смотрюсь по телевидению. Я собираюсь кое-что сделать, и прежде всего в отношении прически. Сейчас у меня какой-то неухоженный вид». – *«Дейли мейл», 4 мая 1976 г.*

«Мне ужасно нравится красный цвет, но его я могу носить только дома или во время отпуска. Знаете, люди комментируют его по-разному». – *«Дейли телеграф», 5 октября 1964 г.*

«Я себя чувствую просто виноватой оттого, что не ношу синего. Но вот я прихожу в телестудию, а там задники ярко-бирюзовые. Поневоле приходится надевать что-то коричневое. Нам, женщинам, приходится думать о таких вещах». – *«Таймс», 2 апреля 1979 г.*

О правительстве и управлении

«Моя политика основывается не на какой-то экономической теории, а на том, в чем были воспитаны я сама и миллионы таких людей, как я: на честном труде за честную оплату, на правиле жить по средствам, на привычке откладывать на черный день, вовремя платить по счетам и уважать полицию». – *«Ньюс оф зе уорлд», 20 сентября 1981 г.*

«Экономика – это метод. А цель – изменить душу». – *«Санди тайме», 5 мая 1981 г.*

«Я пришла к власти с одним четким намерением: изменить Британию. Превратить ее из общества иждивенческого в самостоятельное. Из страны, привыкшей выпрашивать что-то для себя, в страну людей, привыкших добиваться самостоятельно. Из страны, сидящей и ожидающей неизвестно чего, в страну энергично действующих людей». – *Из выступления перед Управлением по делам малых предприятий, 8 февраля 1984 г.*

«Цель данного правительства – гораздо большее, нежели содействие экономическому прогрессу. Наша цель – обновить моральный дух и солидарность нации». – *Из выступления в Кембридже, 6 июля 1979 г.*

«Я отчаянно пытаюсь создать такое государство, в котором каждый человек был бы владельцем собственности или имел бы возможность стать владельцем собственности». – *«Санди тайме», 27 февраля 1983 г.*

«Не думаю, что страна хотела бы иметь слабое правительство. Не верю, что люди хотели бы от правительства гибкости, граничащей с бесхребетностью. Полагаю, люди предпочитают правительство с характером. Никому не нужно правительство, которое состояло бы из мягких игрушек». – *«Сан», 9 июля 1985 г.*

«Мы боремся не просто за дееспособность нации. Мы ведем борьбу за самые основы социального порядка. Это крестовый поход, ставящий своей целью не временное ограничение социализма, но прекращение его продвижения вперед раз и навсегда». – *«Таймс», 9 октября 1976 г.*

«Мы не свернем с избранного курса. Тем, кто, затаив дыхание, ждет разворота назад – пресса так любит эти слова, – могу сказать одно: если хотите, поворачивайте сами. Эта леди не повернет!» – *Из выступления на конференции консервативной партии, 10 октября 1980 г.*

«Мы не подделываемся под того, с кем разговариваем в данный момент». – *«Дейли экспресс», 24 апреля 1987 г.*

«Если не будет сильных, то кто же обеспечит слабых? Искусственно сдерживая добивающихся успеха, вы тем самым наказываете нуждающихся в помощи». – *Из выступления на конференции консервативной партии, 13 октября 1978 г.*

«Я – вожак стаи. Для чего нужен вожак, как не вести стаю за собой? Естественно, другие следуют за мной. Если бы они шли передо мной, то они были бы вожаками». – *Из интервью Лондонскому телевидению, 4 марта 1980 г.*

«Запомните: если вы руководитель, то нельзя произносить ничего не значащие приятности или же слушать и ничего не предпринимать. Руководство заключается не в этом». – *«Дейли мейл», 3 мая 1980 г.*

«Меня изображают каким-то страшным минидиктатором. Но это чепуха. Руководитель всегда с кем-то советуется». – *«Таймс», 8 июня 1983 г.*

О своих личных качествах

«Я не жесткий человек. Я страшно мягкая. Но я не позволю загонять себя куда-то и не сделаю ничего против своей воли». – *«Дейли мейл», 2 февраля 1972 г.*

«Я жесткий руководитель, и я управляю людьми. Я не диктатор, но я знаю, чего хочу. Я знаю направление, в котором хочу идти, и пытаюсь противопоставить аргументам – аргументы». – *«Дейли экспресс», 20 февраля 1986 г.*

«Во мне есть две стороны: неформальная, дружелюбная; и твердая, то, что называют «железной леди». Время от времени необходимо демонстрировать твердость, но это не значит, что ее надо показывать непрерывно». – *«Дейли мейл»*, 3 мая 1980 г.

«Иногда я плачу. А какой обладающий чувствами человек этого не делает? Мужчины тоже плачут. Это нормально, когда есть причина». – *«Дейли мейл»*, 10 сентября 1979 г.

«Власть рождает одиночество. Легкие решения принимают другие, а на твою долю достаются самые трудные». – *«Дейли телеграф»*, 24 марта 1986 г.

«Меня поражает, когда некоторые говорят, что я жесткая или равнодушная к людям, потому что это совершенно неверно. Я не могу говорить об этом, потому что это звучало бы как «я очень скромный человек». В таких случаях никто не верит. Но когда незнакомые люди встречаются со мной, они говорят: «Вы совершенно не такая, какой я вас себе представлял». К сожалению, лично встретиться со всеми невозможно». – *«Дейли экспресс»*, 20 февраля 1986 г.

«Я никогда не сплю больше четырех-пяти часов. Моя жизнь – это моя работа. Некоторые люди работают, чтобы жить. Я живу, чтобы работать». – *«Санди дейли мейл»*, 3 февраля 1985 г.

«Я не люблю сахар. Мне нравятся густой соус с рыбой; фрукты, политые сверху меренгой; мороженое с шоколадной поливкой. Люблю печеную картошку и к ней много-много масла. Надо просто научиться не есть слишком много, а снять корочку с пирога и покопаться, где там начинка». – *Там же*.

«Мне доставляют удовольствие книги типа тех, что пишет Джон ле-Карр, такое чтение я люблю. Конечно, я читаю и биографическую литературу, и философскую, и кое-что по домоводству. Люблю перелистывать журналы по домоводству и садоводству и разглядывать, что придумывают люди, у которых есть время и деньги на такие занятия». – *«Таймс»*, 5 мая 1980 г.

«Жизнь для меня сейчас неизмеримо дороже (после взрыва бомбы в Брайтоне). Подобные происшествия меняют весь взгляд человека на свою жизнь. Вам перестают досаждать и заботить вас всяческие мелочи». – *«Дейли телеграф»*, 13 ноября 1984 г.

«Думаю, астрологические предсказания – это занятно, но я им не верю». – *«Сан»*, 9 июля 1985 г.

О богатстве и предприимчивости

«У нас слишком мало богатых и слишком низкие прибыли». – *Из выступления перед исполнительным комитетом Национального консервативного союза*, 13 июня 1975 г.

«Путь к возрождению лежит через прибыли». – *Из выступления на конференции консервативной партии*, 10 октября 1975 г.

«Никто бы не запомнил Доброго Самаритянина, если бы у него были только добрые намерения. Но у него были еще и деньги». – *«Уикэнд уорлд»*, 6 января 1980 г.

«К сожалению, при нашей системе образования молодежь все еще не получает достаточных стимулов идти в промышленность или торговлю, и ее не учат, что честно заработанная прибыль – это хорошо. Молодежи надо говорить, что, если у вас нет прибыли, вы в бизнесе долго не продержитесь, ибо вам нечего будет вложить в дело завтра. А прибыль получают, делая для других что-то полезное: это и есть честная прибыль». – *«Директор»*, сентябрь 1983 г.

«Капитализм – это система, которая дает благосостояние большинству, а не только немногим». – *Из выступления на совместном заседании палат конгресса США*, 20 февраля 1985 г.

«Общество не может заботиться о своих нуждающихся членах, если для этого не накоплено достаточного богатства. Добрых намерений мало. Нужны еще реальные средства». – *Из интервью телевидению Би-би-си, 11 июля 1977 г.*

«Большинство людей считают справедливым, чтобы те, кто работает, жили бы лучше, чем те, кто, к несчастью, не смог найти работу». – *«Хэнсард», 18 декабря 1982 г.*

«Нельзя признать ни моральным, ни ответственным, если правительство расходует больше, чем может позволить себе страна, – даже если это расходы на желательные общественные цели». – *Из выступления на конференции членов профсоюзов-консерваторов, 1 ноября 1980 г.*

О приватизации

«Когда приносящая прибыль отрасль промышленности передается в общественную собственность, ее прибыльность вскоре исчезает. Курица, которая несла золотые яйца, вдруг впадает в задумчивость. Государственные куры – не очень хорошие несушки». – *Из выступления перед избирателями в Финчли, 31 января 1976 г.*

О лейбористской партии

«Многим из нас представляется, что между политикой коммунистической и лейбористской партий – разница ничтожная». – *«Таймс», 12 декабря 1980 г.*

«Вот чего хочет нынешняя лейбористская партия: передать все жилищное строительство в ведение муниципалитетов; ренационализировать промышленность; политизировать полицейские службы; радикализировать систему правосудия; оживить профсоюзное движение; и самое главное – нейтрализовать нашу оборону. Никогда! Никогда этому не бывать в Великобритании!» – *Из выступления на конференции консервативной партии, 10 октября 1986 г.*

«Лейбористская Британия была бы нейтральной Британией. Это стало бы самой большой победой, одержанной Советским Союзом за 40 последних лет. И они получили бы эту победу без единого выстрела». – *Из выступления на конференции консервативной партии, 10 октября 1986 г.*

Об обороне

«У громилы не бывает уважения к слабакам. Единственный способ остановить громилу – не быть слабым. Перевоспитать громилу можно, сказав ему: «Я такой же сильный, как и ты. Все, что ты можешь сделать со мной, я могу сделать и с тобой». Мы – за ядерное и обычное разоружение, но мы за то, чтобы идти к нему правильным путем». – *«Уорлд зис уикэнд», 10 января 1982 г.*

«Ядерное оружие предотвратило начало новой войны. Поэтому я считаю, что мы должны сохранить ядерное оружие». – *Из выступления в палате общин, 15 июня 1982 г.*

О том, пойдет ли она на использование ядерного оружия

«Если будет необходимо – да». – *Из выступления в палате общин, 15 января 1981 г.*

Об отношениях с Соединенными Штатами

«Наша партия – проамериканская». – *«Таймс», 13 октября 1984 г.*

«Я от всей души поддерживаю подход президента. Как вы знаете, я его самая горячая сторонница». – *«Таймс», 18 февраля 1985 г.*

«Мы на очень многое смотрим одинаково. Это настоящий резонанс умов. Я без колебаний называю наши отношения особыми, очень особыми». – *«Файнэншл тайме», 23 февраля 1985 г.*

«Трудно пожелать Западу лучшего или более мужественного лидера» (чем Рональд Рейган). – *Из выступления на конференции консервативной партии, 1 октября 1985 г.*

«Нам очень повезло, что иностранное оружие находится на нашей территории и нацелено на тех, кто сам прицеливается в нас». – *«Таймс», 16 февраля 1981 г.*

«Американцы могут абсолютно полагаться на меня в вопросах обороны и во всем том, во что я верю». – *«Дейли мейл», 7 ноября 1983 г.*

«В Соединенных Штатах нет социалистической партии. Социалистическая партия никогда не стояла там у власти. Вот почему эта страна всегда была последним прибежищем всех валют». – *«Таймс», 1 июня 1984 г.*

«В Соединенных Штатах существуют две партии, опирающиеся на свободное предпринимательство, политические свободы и правосудие. У нас же две ведущие партии разделяют принципиально разные философские убеждения». – *«Директор», сентябрь 1983 г.*

Об отношениях с Советским Союзом

«Русские стремятся к мировому господству». – *«Таймс», 20 января 1976 г.*

«Угроза миру исходит от коммунизма, который обладает мощными силами, готовыми напасть на кого угодно. Коммунизм выжидает проявлений слабости. Сильных он не трогает. Поэтому Великобритания должна быть сильной: сильной физически, сильной в своей вере, сильной своим образом жизни». – *Из предвыборной листовки Маргарет Робертс во время кампании за место от Дартфорда, 1950 г.*

«Они ставят на первое место пушки, а уже потом – масло. У нас же пушки идут после всего остального». – *Из выступления в муниципалитете Кенсингтона, 20 января 1976 г.*

«Каждый ребенок знает историю о Красной Шапочке и о том, что случилось с ней в доме ее бабушки в лесу. И каким бы ни был новый облик коммунистических партий, как бы мягко они ни говорили, мы должны постоянно помнить о зубах и об аппетите волка». – *«Монинг стар», 26 мая 1976 г.*

«Коммунизм никогда не дремлет, он никогда не меняет своих целей. И мы тоже не должны этого делать». – *«Файнэншл тайме», 23 мая 1979 г.*

«Я – рыцарь холодной войны? Ну, если они так хотят истолковывать то, что я защищаю основополагающие ценности и свободы нашего образа жизни, – тогда да». – *Из выступления перед избирателями в Финчли, 31 января 1976 г.*

«Есть ли у Кремля совесть? Задаются ли они когда-нибудь вопросом, каков смысл жизни? Для чего она? – Нет. Их кредо лишено совести, оно бесчувственно к доводам добра и зла». – *«Таймс», 30 сентября 1983 г.*

«Мне нравится Горбачев. Мы сможем с ним работать». – *Из высказываний в Чекеров, декабрь 1984 г.*

«Если бы он пообещал мне что-то сделать, я бы поверила его слову». – *Из высказываний в Москве, 1987 г.*

О социализме

«Государственный социализм совершенно несовместим с британским национальным характером». – *«Таймс», 8 июня 1983 г.*

«Мне всегда представлялось, что социалисты убеждены, будто другие люди создают все в мире только для того, чтобы они, социалисты, могли бы все это перераспределить». – *«Директор», сентябрь 1983 г.*

«Марксисты встают рано, чтобы отстаивать свое дело. Мы должны вставать еще раньше, чтобы защищать свои свободы». – *«Дейли мейл», 13 июля 1978 г.*

«Моя работа заключается в том, чтобы остановить процесс покраснения Британии». – *3 ноября 1977 г.*

«Пусть предлагаемый лейбористской партией слева орвеллианский кошмар подтолкнет нас к тому, чтобы мы с новой энергией бросили бы все свои моральные

силы на возрождение добрых качеств нашей свободной страны. Если мы потерпим неудачу, эти свободы могут оказаться под угрозой. Так не поддадимся же уговорам слабодушных. Не будем обращать внимания на вопли и угрозы экстремистов. Давайте встанем вместе, исполним свой долг, и тогда нас ждет успех». – *Из выступления на конференции консервативной партии, 10 октября 1980 г.*

«Боевой клич социалистов всегда один и тот же. Они говорят: «Консерваторы хотят безработицы». Они утверждают: «Сокращения расходов, на которых настаивают консерваторы, удвоят или утроят число людей, потерявших работу». Это чепуха, и надо прямо сказать, что это чепуха». – *«Таймс», 9 октября 1976 г.*

«Шаг за шагом мы оттесняем назад социализм и возвращаем власть народу». – *Из выступления на конференции консервативной партии, 11 октября 1985 г.*

«Некоторые люди относятся глубоко враждебно ко всему тому, во что я верю, потому что они не хотят системы свободного предпринимательства. Они хотят создать анархию и хаос, потому что не желают возрождения этой системы». – *«Санди тайме», 3 августа 1980 г.*

«Довольно с нас марксизма». – *«Вашингтон пост», ноябрь 1988 г.*

О национальной гордости британцев

«Куда бы я ни приезжала, мне повсюду предлагают минеральную воду «Перрье». Меня это раздражает, потому что у нас в Великобритании есть ничем не худшая вода в Малверне». – *«Сан», 9 июля 1985 г.*

О законности и правопорядке

«Лично я всегда выступала за сохранение высшей меры наказания. Думаю, что значительное большинство людей в нашей стране высказалось бы за восстановление смертной казни. Но я вовсе не за ее максимально широкое применение». – *«Таймс», 26 апреля 1979 г.*

«Тот, кто готов отнять жизнь у другого человека, тем самым перечеркивает собственное право на жизнь». – *«Таймс», 16 октября 1984 г.*

«Думаю, розге должно быть место в воспитании детей». – *«Санди пикториэл», 30 июля 1961 г.*

«Нам нужно больше полиции, а не меньше. Они прекрасно выполняют свои обязанности». – *«Хэнсард», 26 июля 1981 г.*

О Северной Ирландии

«Я понимаю трагедию Северной Ирландии. Это трагедия того типа, когда небольшая группка, не умея убедить и повести за собой большинство через выборы, пытается принудить его к капитуляции, используя оружие, взрывчатку, насилие и убийства». – *«Таймс», 15 мая 1981 г.*

О профсоюзах

«В этой стране есть люди-разрушители. Они хотели бы разрушить то свободное общество, которое у нас есть. Многие из таких людей работают в профсоюзах». – *Из интервью телекомпании «Теймз теле-вижн», 24 апреля 1979 г.*

«Я не верю, что те, кто бастует в этой стране, отстаивают правое дело». – *«Хэнсард», 17 июня 1982 г.*

«Не будет никаких трудностей в том, чтобы я сотрудничала с профсоюзами или профсоюзы сотрудничали бы со мной, при условии, что у нас будет общая цель – достижение процветания Британии». – *Из интервью телевидению Би-би-си, 23 февраля 1976 г.*

Об иммиграции

«Не думаю, что иммиграция может продолжаться нынешними темпами. Должно быть немедленное и значительное сокращение числа приезжающих в эту страну». – *Из интервью телевидению Би-би-си, 27 апреля 1977 г.*

«Я постоянно пытаюсь ограничить приток иммигрантов... Немалая их часть – это молодые люди, у которых, скорее всего, будут семьи». – *Из выступления в палате общин, 5 мая 1981 г.*

О тех, кто ее критикует

«Не понимаю, почему на меня нападают. Думаю, я этого не заслужила». – *«Санди экспресс», 1 января 1972 г.*

«Меня всегда ожесточенно критиковали. Но в конце концов создаешь вокруг себя какую-то броню, потому что знаешь: то, что о тебе говорят, неверно. Думаю, Дэнису труднее, когда ему приходится просто сидеть и выслушивать все это. Когда он видит, что я устала, он спрашивает: «Почему ты не бросишь эту работу?» Думаю, моя самая сильная сторона – что бы ни происходило, я как-то справляюсь». – *«Дейли мейл», 2 февраля 1972 г.*

«Люди могут быть столь ожесточенны, и если обращать на это внимание, то заработаешь какой-нибудь комплекс. Меня все время пытаются опрокинуть, но из этого ничего не выйдет. Я мало, очень мало читаю о себе. Я знаю, что, если натолкнусь на какое-нибудь ехидное замечание, это может выбить меня из колеи на два-три часа, я не смогу сосредоточиться на необходимом. Поэтому я просто не читаю». – *«Дейли экспресс», 13 августа 1980 г.*

«Тех – особенно в палате общин, – кто каждый день шипит и кричит на меня, вовсе не волнует, если моя политика потерпит неудачу. Они добиваются изменения моего курса вовсе не по этой причине. Они пытаются сбить меня с моего курса именно потому, что знают, что он принесет успех». – *«Дейли мейл», 3 мая 1980 г.*

«Должна сказать, у меня прибавляется энергии, когда на меня по-настоящему нападают, а я отбиваюсь и знаю: «Ну, Мэгги, ты сейчас в одиночестве, постоим за себя! Помощи ждать неоткуда». Люблю такие моменты». – *«Таймс», 1 декабря 1980 г.*

О том, кто придет ей на смену

«Я надеюсь работать, работать и работать». – *Из интервью с Джоном Коулом, Би-би-си, май 1987 г.*

«Наступит момент, когда свой шанс должен будет получить более молодой человек. Но если бы я сказала об этом с самого начала, все рассуждали бы так: «Мэгги уйдет перед четвертыми выборами, а кто придет, неизвестно». Так вот, я хочу, чтобы это было известно: приду я!» – *«Дейли телеграф», 21 мая 1987 г.*

«Моя стратегия всегда заключалась в том, что мы должны оставаться у власти достаточно долго, чтобы лейбористская партия наконец поняла, что с ее политикой она никогда не сумеет вернуться к власти снова... Я хочу быть уверена, что достигнутое нами твердо закреплено. Я хочу быть уверена, что оно стало частью привычек и обычаев британцев, настолько прочной, что его не удастся выкорчевать на протяжении многих поколений. Дело не в том, будто я считаю, что никто другой не подойдет на мое место. Просто люди знают, какой я руководитель, и пока я буду находиться в доме № 10, у них не будет возникать сомнений». – *«Ивнинг стандарт», 17 марта 1987 г.*

«У меня еще долго не появится желания уходить в отставку. Я еще полна энергией». – *«Дейли экспресс», 24 апреля 1987 г.*

«Конечно, рано или поздно придется уступить место человеку новому, свежему, молодому, динамичному. Нельзя держаться за место до тех пор, пока начнут говорить: "Кто бы подсказал этой старухе, что ей пора уходить?"» – *«Стар», 25 июня 1986 г.*

«Думаю, премьер-министры – мужчины когда-нибудь снова войдут в моду». – *Из интервью 1987 г.*⁴⁵

⁴⁵ Взято из: Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М., 2017. С. 155–157; Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992. С. 507–525.

3.5. М. Тэтчер: жизнь в фотографиях

От дочери бакалейщика – к лидеру нации (вехи личной и политической биографии)

1925 г. – Грэнтем, Центральная Англия. Маргарет Хильда Робертс родилась в семье Беатрис и Алфреда Робертс в квартире над бакалейной лавкой ее отца в Грэнтеме. Она всю жизнь помнила ценности: ежедневный труд и экономность, которым научил ее отец, член городского совета и методистский проповедник.

1947 г. – Оксфорд. Маргарет Робертс окончила Оксфордский университет с дипломом бакалавра по специальности «химия». Параллельно с учебой возглавляла Консервативную ассоциацию Оксфордского университета, л 1949 г. – Дартфорд, юго-восток Англии. Стала кандидатом от консерваторов в лейбористском округе и проиграла выборы в парламент. Однако именно здесь Маргарет встретила Дэниса Тэтчера, успешного бизнесмена, за которого вышла замуж в 1951 году.

1959 г. – Финчли, северный Лондон. Тэтчер стала кандидатом от консерваторов на выборах в округе, несмотря на противодействие тех, кто не желал видеть на этом посту женщину. С заметным перевесом выигрывает выборы и впервые попадает в парламент.

1970 г. – Вестминстер, Лондон. Назначена министром образования, однако быстро становится объектом критики: Тэтчер повысила цены на школьные обеды и отменила выдачу бесплатного молока школьникам старше 7 лет. Получила прозвище «Маргарет Тэтчер – вор молока».

1979 г. – Даунинг-стрит, Лондон. Становится первой (и до сих пор остается единственной) женщиной на посту премьер-министра Британии после победы ее партии на парламентских выборах. На ступеньках к резиденции премьера цитировала Святого Франциска Ассизского: «Там, где несогласие, да будет гармония. Там, где ошибка, да будет правда. Там, где сомнения, да будет вера. И там, где отчаяние, да будет надежда».

1980 г. – Брайтон, южное побережье Англии. В разгар серьезного экономического кризиса и высокой безработицы соратники призывают Тэтчер сменить курс. Она игнорирует эти советы и заявляет на партийной конференции: «Можно свернуть, если хочется. Но эта женщина не сворачивает», переименовав название популярной послевоенной пьесы «Женщина не горит».

1981 г. – Вашингтон, Официальный визит в США и встречи с Рональдом Рейганом задают тон долгосрочному политическому партнерству между Соединенными Штатами и Британией, которое пережило кризисы Фолклендской войны и американской интервенции на Гренаде, как позже заявила сама Тэтчер, «президент Рейган был вторым самым важным мужчиной в моей жизни».

1982 г. – Фолклендские острова. Аргентина быстро оккупировала архипелаг на юге Атлантики, показав военную уязвимость Британии. Однако Тэтчер решает отправить к островам флот, что привело к восстановлению британского суверенитета над архипелагом. А также помогло Тэтчер выиграть еще на двух выборах.

1984 г. – Огрив, Северная Англия. Более пяти тысяч бастующих шахтеров участвовали в столкновениях с полицией. Тэтчер охарактеризовала события как «попытку заменить верховенство закона верховенством толпы» и отказалась вести переговоры. В результате влияние профсоюзов было серьезно ограничено.

1984 г. – Брайтон, Южная Англия. Пережила попытку покушения, организованного Ирландской республиканской армией в отеле, где останавливались делегаты партийной конференции. На следующий день выступила с запланированной речью на конференции, несмотря на то что в теракте погибли пять человек.

1988 г. – Брюгге, Бельгия. Тэтчер выступила в Европейском колледже с речью, которая ознаменовала распространение евроскептицизма в британском истеблишменте. Она заявила: «Мы не для того успешно сокращали влияние государства, чтобы увидеть, как это влияние вновь распространяется на европейском уровне. Где европейское «сверхгосударство» начинает доминировать из Брюсселя».

1990 г. – Лондон. Тысячи противников нового налога собрались на Трафальгарской площади, произошли самые серьезные за 100 лет стычки с полицией. Это стало показателем степени недовольства кабинетом Тэтчер.

1990 г. – Вестминстер, Лондон. Вице-премьер в кабинете Тэтчер, Джеффри Хау, объявил об отставке, обвинив Тэтчер в потере доверия к партии. В последующей борьбе за лидерство Тэтчер не смогла получить поддержку однопартийцев и ушла в отставку 29 ноября.

1992 г. – Белгравия, Лондон. Получив назначение в Палату лордов (в качестве баронессы Тэтчер), более десяти лет продолжает выступать по вопросам европейской интеграции и успеха либеральных экономических моделей. Однако в 2003 году вынуждена отказаться от публичных выступлений из-за ухудшения состояния здоровья.

ФОТОГРАФИИ

Маргарет в детстве с отцом
Альфредом Робертсом. 1927 г.

Сестры Маргарет и Мюриэл Робертс. 1928 г.

Парадная фотография семьи Робертс.
Слева направо: Мюриэл, Альфред, Беатрис и Маргарет Робертс. 1945 г.

Маргарет Робертс (крайняя слева в верхнем ряду) среди учениц школы для девочек «Кестевен и Грэнтэм». 1941 г.

Маргарет Робертс в годы учебы в Оксфорде. 1947 г.

Робертс планирует свою предвыборную кампанию, став самым молодым в истории Великобритании кандидатом в члены парламента. 1950 г.

Встреча с избирателями в Дартфорде. 1951 г.

М. Тэтчер принимает участие в выборах в парламента от округа Дартфорд. 1951 г.

Свадьба Маргарет Робертс и Дэниса Тэтчера. 1951 г.

Маргарет Тэтчер с новорожденными близнецами Марком и Кэрол. 1953 г.

Член Палаты Общин М. Тэтчер на открытии нового аттракциона в Лондоне. 1960 г.

Министр просвещения и науки М. Тэтчер на встрече с детьми Американской школы в Лондоне. 1971 г.

Маргарет Тэтчер позирует на кухне в октябре 1974 года, во время самого большого кризиса в своей политической карьере

М. Тэтчер – председатель консервативной партии Великобритании, как и ее кумир Черчилль. 1975 г.

«Любая женщина, понимающая проблемы, которые возникают при управлении домом, может понять проблемы, которые возникают при управлении страной».

«...Но, говоря по чести, нам больше идут шляпки, чем власть». **М. Тэтчер**

Семья М. Тэтчер – самое главное в ее жизни.
На фото 13 декабря 1976 г.: сын Марк, Маргарет, Дэнис, дочь Кэрол

Новый Британский премьер-министр Маргарет Тэтчер празднует победу 4 мая 1979 г.

вместе с сыном Марком и мужем Дэнисом

Тэтчер с королевой Великобритании Елизаветой II в Лусаке (Замбия) на конференции Содружества наций (бывших колоний и доминионов Британской империи) в 1979 году

Маргарет Тэтчер среди глав государств мира. 1980-е годы

В войне Англии и Аргентины за Фолкленды
Тэтчер оправдала прозвище «железная леди». 1982 г.

При Тэтчер Великобритания ориентировалась на США. Этому способствовали и личные отношения Тэтчер и Рейгана, которого она называла «вторым по важности» человеком в своей жизни

С М. Горбачевым М. Тэтчер впервые встретилась еще в 1984 г. Она заметила: «С ним можно вести дела». Несмотря на разницу взглядов и политические противоречия, Тэтчер по-настоящему хорошо относилась и к самому Горбачеву, и к его жене Раисе и всегда это демонстрировала

М. Тэтчер после ухода в отставку и в последние годы жизни. **«Я останусь до тех пор, пока не устану. А пока Британия во мне нуждается, я никогда не устану».**

Прощание с Маргарет Тэтчер. 8 апреля 2013 г.

После смерти Маргарет Тэтчер многие вспоминали ее слова, которые она сказала подводя итоги своего премьерства: **«Не скажу, что мне повезло. Просто я заслужила это»**

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА

Литература

1. Белоусов, Л.С. История новейшего времени стран Европы и Америки 1945–2000 гг. / Л.С. Белоусов [и др.]; под ред. Е.Ф. Языкова. – М.: Простор, 2003. – 480 с.
2. Брюс-Гардин, Дж. Маргарет Тэтчер: первые годы правления. Смятение пророков / Дж. Брюс-Гардин. – М.: Изд-во «Прогресс», 1985. – 208 с.
3. Великобритания. – М., 1981. – 430 с.
4. Викторов, А. Дочь бакалейщика / А. Викторов. // Биография. – 2013. – № 6. – С. 122–135.
5. Воронец, А.А. Реформа образования 1988 г. в Великобритании / А.А. Воронец // Общество, государство и религии в современном мире: материалы круглого стола кафедры истории нового и новейшего времени БГУ: С. Кошелев (пред.) [др.]; под науч. ред. В.С. Кошелева, – Минск: РИВШ, 2014. – С. 42–44.
6. Воспоминания о Мэгги. Портрет Маргарет Тэтчер / сост.: Иэйн Дейл; пер. М. Зарицкая. – Киев: Изд-во Знання-Прес, 2003.
7. Гренвилл, Дж. История XX века. Люди. События. Факты / Дж. Гренвилл. – М.: «Аквариум», 1999. – 896 с.
8. Громыко, А.А. Политический реформизм в Великобритании 1970–1990-е гг. / А.А. Громыко. – Москва, 2001. – 184 с.
9. Замятин, Л.М. Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках. – Михаиле Горбачёве и Маргарет Тэтчер / Л.М. Замятин. – М., 1995.
10. Капитонова, Н.К. Внешняя политика Великобритании (1979–1990 гг.) / Н.К. Капитонова. – М., 1996.
11. Капитонова, Н.К. Маргарет Тэтчер: человек и политик / Н.К. Капитонова // Новая и новейшая история. 2007. № 2–3.
12. Капитонова, Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты / Н.К. Капитонова. – М., 2017. – 448 с.
13. Ковяко, И.И. Маргарет Тэтчер и германский вопрос (1979–1990 гг.): монография / И.И. Ковяко. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 142 с.
14. Кокшаров А. Женщина, изменившая Британию // Эксперт. 2013. № 15.
15. Медведев, Д.М. Тэтчер: неизвестная Мэгги / Д.М. Медведев. – RIPOI classic, 2009. – 430 с.
16. Мерников, А.Г. Всемирная история / А.Г. Мерников. – Минск: Харвест, 2010. – 640 с.
17. О них говорят: 20 политических портретов. – М.: Политиздат, 1989 – 447 с.
18. Огден, К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти / К. Огден. – М.: Изд-во «Новости», 1992. – 544 с.
19. Остапенко, Г.С. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учебное пособие / Г.С. Остапенко, А.Ю. Прокопов. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. – 472 с.
20. Перегудов, С.П. Тэтчер и тэтчеризм / С.П. Перегудов. – М.: Наука, 1996. – 301 с.
21. Перегудов, С.П. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер / С.П. Перегудов, А.А. Терентьев. – М.: Эксмо, 2014. – 384 с.
22. Политический портрет М. Тэтчер. Научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – 78 с.
23. Попов, В.И. Маргарет Тэтчер: человек и политик (взгляд российского дипломата) / В.И. Попов. – 2-е, доп. изд. – М.: Межд. отношения, 2000. – 464 с.
24. Приватизация государственных предприятий на Западе: концепция и практика. – М., 1992.
25. Тьеро, Ж.Л. Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов / Ж.Л. Тьеро. М.: Молодая гвардия, 2010. – 521 с.

26. Тэтчер, М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / М. Тэтчер. – М., 2003.
27. Тэтчер, М. Автобиография / М. Тэтчер. – М.: АСТ, 2014. – 800 с.
28. Butler, D. British Political Facts 1900–1994 / D. Butler, G. Butler. – 7-е изд. – Macmillan, 1994.
29. Cradock, P. In Pursuit of British Interests. Reflections on Foreign Policy Under Margaret Thatcher and John Major / P. Cradock. – London, 1997.
30. Childs, D. Britain since 1945: a political history / D. Childs. – Taylor & Francis, 2006.
31. Eccleshall, R. Graham S. Walker. Biographical dictionary of British prime ministers. – Routledge, 1998. – 428 p.
32. Evans, E. Thatcher and Thatcherism (The Making of the Contemporary World) / E. Evans. – 2-d ed. – Routledge, 2004.
33. Evans, St. Thatcher and the Victorians: A Suitable Case for Comparison? / St. Evans // History. – 1997. – V. 82, № 268.
34. Floud, R. The Cambridge Economic History of Modern Britain, Volume 3 / R. Floud, P. Johnson, – Cambridge University Press, 2004.
35. Harrison, B. Mrs. Thatcher and the Intellectuals / B. Harrison // Twentieth Century British History. – 1994. – V. 5, № 2.
36. Heath, A. How Britain Votes / A. Heath, R. Jowell, J. Curtice. – Oxford, 1985. – P. 2–3.
37. Crag, F.W.S. British parliamentary statistics. 1918–1970 / F.W.S. Crag. – L., 1971.
38. Butler, U. The British General Election of 1983 / U. Butler, D.L. Kavanagh. – L., 1984. – P. 299–300.
39. Ingham, B. Kill the Messenger / B. Ingham. – London, 1991.
40. Khabaz, D.V. Manufactured Schema: Thatcher, the Miners and the Culture Industry / D.V. Khabaz. – Matador, 2007.
41. Lee, A. King Coal. – 2008. – 9 December.
42. Marr, A. A History of Modern Britain / A. Marr. – Pan, 2007.
43. McAleese, D. Economics For Business: Competition, Macrostability & Globalisation / D. McAleese. – 3-е изд. – Financial Times Management, 2004.
44. Paxman, J. The Political Animal / J. Paxman. – London, 2003.
45. Porter, B. «Though Not an Historian Myself...» Margaret Thatcher and the Historians / B. Porter // Twentieth Century British History. – 1994. – V. 5, № 2.
46. Reitan, E.A. The Thatcher Revolution: Margaret Thatcher, John Major, Tony Blair, and the Transformation of Modern Britain, 1979–2001 / E.A. Reitan. – Rowman & Littlefield, 2003.
47. Riddell, P. The Thatcher Era and its Legacy / P. Riddell. – Oxford, 1991.
48. Russel, L. Margaret Thatcher. A Personal and Political Biography / L. Russel. – London, 1983.
49. Sampson, A. Who Runs This Place? The Anatomy of Britain in the 21st Century / A. Sampson. – London, 2004.
50. Seldon, A. (with Baston L). Major. A Political Life / A. Seldon. – London, 1997.
51. Thatcher, M. The Downing Street Years / M. Thatcher. – London, 1993.
52. Thornton, R.C. The Reagan Revolution II: Rebuilding the Western Alliance / R.C. Thornton. – Trafford Publishing, 2006.
53. Twentieth Century British History. – 1994. – V. 5, № 2.
54. Viner, J. Leading a Faith School: Understanding and developing your role as senior leader / J. Viner. – Optimus Education eBooks, 2009.
55. Young, H. One of Us: A Biography of Margaret Thatcher / H. Young. – London, 1989.

Интернет-ресурсы

56. Горбачев: понимания с Тэтчер удалось достичь, несмотря на сложности [Электронная публикация] // РИА НОВОСТИ [Официальный сайт]. – URL: <http://ria.ru/thatcher/20130408/931557527.html> (дата обращения: 14.06.2016).

57. «Это тот человек, с которым я могу вести дела» [Электронная публикация] // ГАЗЕТА.РУ [Официальный сайт]. – URL: http://www.gazeta.ru/politics/2015/04/25/gorbachev_i_thatcher.shtml (дата обращения: 14.06.2016).
58. СЕВЕРНАЯ ИРЛАНДИЯ [Электронная публикация] // Энциклопедия Кругосвет URL: <http://www.webcitation.org/67nVtHWiV> (дата обращения: 14.06.2016).
59. 1980: Thatcher 'not for turning' [Электронная публикация] // BBC ON THIS DAY [Официальный сайт]. – URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/october/10/newsid_2541000/2541071.stm (дата обращения: 14.05.2016).
60. 1982: UK unemployment tops three million [Электронная публикация] // BBC ON THIS DAY [Официальный сайт]. – URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/january/26/newsid_2506000/2506335.stm (дата обращения: 14.05.2016).
61. 1983 General election results summary [Электронная публикация] // UK Political Info URL: <http://www.ukpolitical.info/1983.htm> (дата обращения: 14.05.2016).
62. 1984: Tory Cabinet in Brighton bomb blast [Электронная публикация] // BBC ON THIS DAY [Официальный сайт]. – URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/october/12/newsid_2531000/2531583.stm (дата обращения: 13.06.2016).
63. 1990: Violence flares in poll tax demonstration [Электронная публикация] // BBC ON THIS DAY [Официальный сайт]. – URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/march/31/newsid_2530000/2530763.stm (дата обращения: 28.05.2016).
64. Anglo-Irish Agreement – Chronology of Events [Электронная публикация] // CAIN Web Service URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/aia/chron.htm> (дата обращения: 14.06.2016).
65. Education in England: a brief history [Электронная публикация] // Education in England. The history of our schools [Официальный сайт]. – URL: <http://www.educationengland.org.uk/history/chapter08.html> (дата обращения: 06.06.2016).
66. Furor Over British Poll Tax Imperils Thatcher Ideology [Электронная публикация] // The New York Times [Официальный сайт]. – URL: <http://www.nytimes.com/1990/04/23/business/furor-over-british-poll-tax-imperils-thatcher-ideology.html> (дата обращения: 23.05.2016).
67. General Election Results 1885-1979 [Электронная публикация] // URL: <http://www.election.demon.co.uk/geresults.html> (дата обращения: 13.05.2016).
68. Gorbachev Policy Has Ended The Cold War, Thatcher Says [Электронная публикация] // The New York Times [Официальный сайт]. – URL: <http://www.nytimes.com/1988/11/18/world/gorbachev-policy-has-ended-the-cold-war-thatcher-says.html> (дата обращения: 14.06.2016).
69. Iron Lady versus union baron [Электронная публикация] // BBC News [Официальный сайт]. – URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/wales/3537463.stm (дата обращения: 05.06.2016).
70. Margaret Thatcher. A cut above the rest [Электронная публикация] // The Economist [Официальный сайт]. – URL: <http://www.economist.com/blogs/blighty/2013/04/margaret-thatcher-0> (дата обращения: 14.05.2016).
71. Margaret Thatcher. British Prime Minister [Электронная публикация] // CNN Interactive [Официальный сайт]. – URL: <http://web.archive.org/web/20080703072749/http://www.cnn.com/SPECIALS/cold-war/kbank/profiles/thatcher/> (дата обращения: 03.06.2016).
72. Margaret Thatcher was the nemesis of the trade union movement [Электронная публикация] // BBC News [Официальный сайт]. – URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/3067563.stm (дата обращения: 03.06.2016).

73. Speech to the College of Europe («The Bruges Speech») [Электронная публикация] // Margaret Thatcher. Foundation [Официальный сайт]. – URL: <http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=T07332> (дата обращения: 14.06.2016).
74. The Hunger Strike of 1981 – A Chronology of Main Events [Электронная публикация] // CAIN Web Service URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/hstrike/chronology.htm> (дата обращения: 14.06.2016).
75. Thatcher stands firm against full EMS role [Электронная публикация] // Margaret Thatcher. Foundation [Официальный сайт]. – URL: <http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=106969> (дата обращения: 14.06.2016).
76. Trident: the British question [Электронная публикация] // The Guardian [Официальный сайт]. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2016/feb/11/trident-the-british-question> (дата обращения: 14.06.2016).
77. Unemployment among young workers hits 15 per cent [Электронная публикация] // Independent [Официальный сайт]. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/unemployment-among-young-workers-hits-15-per-cent-1645728.html> (дата обращения: 14.05.2016).
78. UK Coal sees loss crumble to 11m [Электронная публикация] // BBC News [Официальный сайт]. – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/3531819.stm> (дата обращения: 06.06.2016).
79. Vanguard Class Ballistic Missile Submarine [Электронная публикация] // WMD Around the World URL: <http://fas.org/nuke/guide/uk/slbm/vanguard.htm> (дата обращения: 14.06.2016).
80. WAS GERRY ADAMS COMPLICIT OVER HUNGER STRIKERS? [Электронная публикация]. // Margaret Thatcher. Foundation [Официальный сайт]. – URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/111769> (дата обращения: 13.06.2016).
81. Watching the pits disappear [Электронная публикация] // BBC News [Официальный сайт]. – URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/3514549.stm (дата обращения: 05.06.2016).

Научное издание

КОСМАЧ Вениамин Аркадьевич

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР (1979–1990 гг.)

Монография

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *Л.В. Рудницкая*

Подписано в печать 12.09.2023. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 17,79. Уч.-изд. л. 26,82. Тираж 25 экз. Заказ 93.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.